

Гитлер
в Вене

Портрет
диктатора
в юности

Brigitte Hamann

Hitlers Wien

Piper

Бригитта
Хаманн

Гитлер
в Вене

Портрет
диктатора
в юности

Перевод с немецкого
под редакцией
Ольги Козонковой

Ад Маргинем
Пресс

УДК ??????????
ББК ??????????
Х??

Published by permission of DA CAPO,
an imprint of PERSEUS BOOKS, INC. (USA)
via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

AdMarginem

Перевод с немецкого — Ольга Козонкова
Оформление — ABCdesign

Х??

Хаманн, Бригитта
Гитлер в Вене. Портрет диктатора в юности —
М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. — ??? с.

ISBN 978-5-91103-5-273-9

Аннотация

© ?????
© ????, перевод, 2016
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2016

Оглавление

7	Предисловие
13	1 Из провинции в столицу
85	Экскурс: Предки Гитлера в Вальдфиртеле
102	Экскурс: Кубичек и Етцингер как источники
115	2 Вена эпохи модерна
159	Экскурс: Понятие «вырождение»
169	3 Столица империи
217	Экскурс: Мартовские дни и Площадь героев
229	4 Парламент
265	5 Социальный вопрос
309	6 В мужском общежитии
350	Экскурс: Источники о жизни Гитлера в мужском общежитии
356	7 Расовые теоретики и толкователи мироздания
385	Самоучка
396	Гвидо фон Лист
414	Ланц фон Либенфельс
428	Ганс Гольдцир
432	Ганс Хёрбигер и теория вечного льда
436	Отто Вейнингер
442	Артур Требич
447	Венский вклад в мировоззрение Гитлера
458	8 Политические кумиры
453	Вождь Георг Шёнерер
488	Франц Штайн и пангерманское рабочее движение
504	Немецкий радикал Карл Герман Вольф
526	Народный трибун д-р Карл Люэгер
581	9 Чехи в Вене
619	10 Евреи в Вене
667	Экскурс: Два примера
679	11 Юный Гитлер и женщины
715	12 Накануне Великой войны
759	Приложения
766	Примечания
809	Список сокращений
810	Список архивов
811	Список часто используемых источников и научной литературы
813	Указатель имен
???	Список иллюстраций

Предисловие

В этой книге я хочу показать общество и культуру Вены накануне Первой мировой войны такими, какими они представлялись одинокому провинциалу, перебивающемуся случайными заработками, — Адольфу Гитлеру. В то же время я хочу рассказать историю жизни этого молодого человека вплоть до его переезда в Мюнхен в возрасте двадцати четырех лет.

Соединяя две темы, я надеюсь продемонстрировать, как сильно Вена повлияла на Гитлера. Ведь его так называемое «мировоззрение» — основа его позднейшей политики — сложилось как раз в те годы, которые он провел в ненавистной ему столице Габсбургской империи.

Вена Гитлера разительно отличается от привычного, уже давно превратившегося в клише образа «Вены fin de siècle», города художников и интеллектуалов, который ассоциируется с именами Зигмунда Фрейда, Густава Малера, Артура Шницлера и Людвиг Витгенштейна (последний, кстати, учился с Гитлером в Линце в одной школе). Вена Гитлера — полная противоположность этой великолепной столице искусств. Это город «маленьких людей», которые взирали на культуру венского модерна с абсолютным непониманием, считая ее «вырожденческой», далекой от народа, слишком интернациональной, слишком «еврейской», слишком вольнодумной. Это Вена приехавших в столицу провинциалов, оказавшихся на обочине жизни, ютящихся в мужских общежитиях, зачастую мучимых различными страхами, восприимчивых ко всякого рода сомнительным теориям, и, прежде всего, к тем,

которые позволяли им чувствовать себя «элитой», «избранными», несмотря на всю их ничтожность. «Избранничество» этих людей заключалось в том, что в столице многонационального государства, этого «расового Вавилона», они были не славянами или евреями, а имели честь принадлежать к «благородному немецкому народу».

Создавая картину этого специфического города, я опиралась в первую очередь на рассуждения Гитлера о Вене в «Моей борьбе», на его записанные речи и рассказы. Например, тот факт, что в первый год жизни в Вене Гитлер часто бывал на галерее для зрителей в Рейхсрате, побудил меня подробно описать этот единственный в своем роде многонациональный парламент. Я постаралась по возможности идентифицировать и охарактеризовать всех упомянутых Гитлером лиц, уделив особое внимание его многочисленным контактам с евреями. Будущий диктатор был прямо-таки зависим от прессы, поэтому, иллюстрируя события в Вене, я цитирую периодические издания — но не знаменитые венские газеты для интеллектуалов, а печатную продукцию шёнерианцев, радикальных немецких националистов и христианских социалистов, повлиявшую на Гитлера, в особенности — листки, которые издавались в тех районах, где он проживал. Исследователи биографии Гитлера до сих пор почти не достаивали вниманием эти издания, поэтому я привожу весьма обширные цитаты, в том числе чтобы продемонстрировать характерный для этой прессы стиль и манеру выражаться.

Основная проблема биографа Гитлера, описывающего его ранние годы, — это катастрофическое отсутствие источников: рейхсканцлер уничтожил

по возможности все, что касалось линцкого и венского периодов его жизни. Он приказал конфисковать все письменные свидетельства того времени, запретил публиковать любую информацию о своей юности и своей семье. Единственным источником сведений должна была остаться «Моя борьба», то есть биография, сконструированная им самим. Многие широко известные истории о Гитлере оказались на поверку не соответствующими действительности. Немногочисленные сохранившиеся свидетельства очевидцев крайне сомнительны. Историк, который отважился написать исследование о юности Гитлера, должен быть крайне разборчивым в выборе материала. Поэтому я сочла необходимым включить в мою книгу обстоятельный разбор существующих источников.

Я решила использовать в этой работе дескриптивный метод, чтобы таким образом заложить солидную фактическую базу для дальнейших исследований. При помощи многочисленных цитат из различных источников я стремилась воссоздать атмосферу австрийской столицы накануне Первой мировой войны.

Справиться с поставленной задачей — изобразить Гитлера в юности и показать его внутри исторического контекста — оказалось не так уж и просто. Потому что в начале жизненного пути сложно увидеть в Гитлере черты того политика, диктатора и преступника, каким он станет позже. В молодые годы он ничем — ни особыми талантами, ни преступными наклонностями — не выделялся на фоне обитателей мужского общежития в Вене. Скорее наоборот: даже в этой среде он был одним из самых ленивых. Он плыл по течению и не выказывал ни особой энергии, ни усердия, чтобы

с помощью живописи хоть как-то держаться на плаву, не говоря уже о том, чтобы настойчиво добиваться своей цели — стать архитектором.

Тем не менее, именно эти шесть венских лет были для Гитлера-политика годами учения, хотя очевидным это станет лишь позже. После 1919 года он начнет выступать в Германии перед публикой, и тогда обнаружится, что он использует лозунги, усвоенные в австрийской столице, и методы, позаимствованные у венских политических кумиров.

Я хочу сердечно поблагодарить всех, кто помогал мне в работе над этой книгой, и прежде всего, сотрудников архивов и хранилищ. Особую признательность я хочу выразить Герману Вайсу из мюнхенского Института современной истории, который дал мне много полезных советов и помог пробраться сквозь дебри фальшивок Конрада Куяу. Герберт Кох из Венского городского и земельного архива приложил немало усилий, разыскивая столь необходимые для этого проекта данные о регистрации по месту жительства Гитлера в Вене.

Также я благодарю двух очевидцев: проф. д-ра Марию Яхода из Суссекса за рассказы о доме её дяди Рудольфа Яходы, в который был вхож молодой Гитлер, и Марианну Копплер, дочь друга Гитлера Рудольфа Хойслера, воспоминания которой позволили мне ввести в научный оборот это до сих пор почти не известное имя.

Не в последнюю очередь я благодарна друзьям, который взяли на себя труд читать рукопись по мере ее возникновения. За высказанную на разных этапах работы конструктивную критику я особенно благодарна проф. д-ру Гансу Момзену, проф. д-ру Гюнтеру Кале, д-ру Гертруде Лютгемайер и моей дочери

Сибилле. Уве Штефен, набравший рукопись, в которую я неоднократно вносила изменения, потратил на эту работу много сил, демонстрируя неизменное терпение и аккуратность.

Чтобы предупредить неверное политическое толкование моей книги в Австрии, я хочу еще раз подчеркнуть, что речь здесь идет не о сегодняшней — преимущественно немецкоязычной — стране, а о многонациональном государстве, где немцы составляли меньшинство. Согласно законодательству Австро-Венгрии, принадлежность к определенному народу определялась по используемому в быту языку. Т.е., когда речь идет о чехах, словенцах, итальянцах, немцах и других народах, то имеются в виду говорящие на соответствующих языках подданные императора. Поэтому слово «немецкий» не означает здесь приверженность определенной политической позиции, к примеру, идее единства Германской империи. Немцы в государстве Габсбургов в подавляющем большинстве были лояльными гражданами многонациональной монархии, за исключением крошечной партии шёнерианцев (пангерманцев), которой симпатизировал Гитлер.

Вена
Бригитта Хаманн

1. Из провинции в столицу

Греза о Линце

На одной из последних прижизненных фотографий мы видим Гитлера незадолго до самоубийства в бункере имперской канцелярии: Красная Армия продвигается вглубь разрушенного Берлина, а он сидит в задумчивости перед помпезным макетом провинциального верхнеавстрийского городка Линца. Гигантские модели зданий по приказу Гитлера умело подсвечиваются прожекторами: Линц в свете утренней зари, под лучами полуденного солнца, на закате, ночью. Архитектор Герман Гислер вспоминает: «В те недели, когда выдавалось немного свободного времени — неважно, днем или ночью, он сидел и смотрел на макет». Смотрел пристально, как на «землю обетованную, в которую нам предстоит войти»¹.

Посетители, которым демонстрировали макет, причем зачастую в непривычное ночное время, были сбиты с толку, впадали в ужас: человек, по воле которого Европа лежит в руинах, утратил чувство реальности и не осознает, сколько людей продолжают гибнуть в эти последние недели войны во имя его и по его приказу. Оттого, что он отказывается подписать договор о капитуляции и положить конец этому кошмару.

Гитлер грезил о своем родном городе Линце, которому присвоил почетное звание «колыбели фюрера»; он хотел сделать Линц культурной столицей Великогерманской империи, «самым красивым городом на Дунае», одной из «мировых столиц»,

воплощенным в камне памятником его политике и ему лично: *Всем, что у него есть и что еще будет, Линц обязан империи. И поэтому он должен стать носителем имперской идеи. На каждом здании в Линце должна быть надпись «Дар Германской империи»*^{2*}.

На левом берегу Дуная, в районе Урфар, как раз напротив старого города, предполагалось возвести партийный и административный центр с парадным плацем на 100 000 человек и трибуны на 30 000 человек, выставочный центр, памятник Бисмарку, технический университет. «Комплекс административных зданий гау» должен был включать в себя новую ратушу, дома рейхсштатгальтера и других партийных и окружных руководителей, дом линцкого бюргства; все эти здания планировалось сгруппировать вокруг национальной святыни: могилы родителей Гитлера, где предполагалось возвести колокольню, видную издалека, колокола которой, хоть и *не каждый день*, должны были исполнять мотив из четвертой, «Романтической» симфонии Антона Брукнера³. Башню планировали сделать выше колокольни собора Святого Стефана в Вене. Гитлер говорил, что таким образом хочет исправить давнюю несправедливость: когда-то, при постройке неоготического Нового собора в Линце по приказу из Вены и к неудовольствию жителей Линца высоту колокольни уменьшили, *чтобы колокольня собора Святого Стефана оставалась самой высокой в стране*⁴. В Линце планировали также установить памятник «в честь основания Великогерманской империи» и построить большой стадион. Гитлер говорил

* Здесь и далее цитаты из «Моей борьбы» («Mein Kampf»), писем, речей и проч. работ Гитлера приводятся курсивом без кавычек. — Прим. переводчика

гауляйтеру «Верхнего Дуная» Августу Айгруберу: *Камни для строительства поставит концлагерь Маутхаузен*⁵.

На другом берегу Дуная, в старом городе, должна была появиться парадная улица с аркадами: Гитлер говорил, что *эту улицу в Линце следует непременно сделать шире, чем Рингштрассе в Вене*⁶. Предполагалось возвести отель на 2 000 мест, соединенный прямой веткой метро с вокзалом, а также самые современные больницы и школы, среди прочих — «Школу им. Адольфа Гитлера», окружную музыкальную школу и Имперскую летнюю школу национал-социалистического авиационного корпуса. Планировалось построить и образцовые жилые кварталы для рабочих и художников, а также два дома для инвалидов СА и СС. Ну, и конечно, новые дороги и магистраль, ведущую к автобану. Чтобы улучшить экономическое положение своего родного Линца, Гитлер позаботился об индустриализации города и перевел туда химические и сталелитейные заводы. Это превращение бывшего провинциального городка в промышленный центр — практически единственное, что удалось осуществить. Бывшие «Заводы Германа Геринга» существуют и по сей день — сегодня это предприятия концерна «VÖEST»⁷.

Линц должен был стать не просто новым культурным центром, но столицей мирового масштаба — «в противовес Вене, которую постепенно следовало оттеснить на задний план», как записал в дневнике Йозеф Геббельс⁸. Любимый проект Гитлера — это Художественный музей Линца, его он в последний раз упоминает за день до смерти в завещании: *В течение многих лет я коллекционировал картины не для себя*

лично, а для галереи в моем родном городе Линце на Дунае. Создать такую галерею — мое самое заветное желание. (9)

Для этого проекта средства находились всегда, даже во время войны, когда ощущалась нехватка валюты. Только с апреля 1943 г. по март 1944 г. было закуплено 881 произведение искусства, среди них — 395 полотен голландских мастеров XVII–XVIII веков. До конца июня 1944 года на музей потратили 92,6 миллионов рейхсмарок. (10) Геббельс записал в дневнике: «Линц обходится нам дорого. Но для фюрера это так важно. И это, наверное, правильно: Линц должен составить конкуренцию Вене в области культуры». (11) А Гитлер утверждал с энтузиазмом: *Вене я не дам ни пфеннига, и империя тоже ничего не даст. (12)*

Ценнейшие экспонаты для линцкого музея конфискуются в частных галереях, музеях и церквях оккупированной гитлеровскими войсками Европы, например, алтарь Фейта Штоса из Кракова или алтарь ван Эйка из гентского собора Св. Бавона. С особым удовольствием Гитлер забирает сокровища из Вены, из крупных «ненемецких» собраний, например, из коллекций барона Натаниэля Ротшильда и польского графа Карла Ланкоронского: последний владел двумя полотнами Рембрандта, в том числе «Еврейской невестой», а также — будучи меценатом Ганса Макарта — самой значительной коллекцией картин этого почитаемого Гитлером художника. Бывший императорский Музей истории искусств в Вене также вынужден жертвовать для Линца картины, что *дражайшим венцам было совершенно не по нутру*, как говорил Гитлер в 1942 году, *дражайшие венцы, которых он*

знает весьма неплохо, были сильно раздосадованы и при осмотре некоторых конфискованных полотен Рембрандта попытались в своей задушевной манере толковать ему, что все подлинники должны остаться в Вене, а вот те картины, где авторство не установлено, вполне можно отдать галереям Линца или Инсбрука. Венцы сделали большие глаза, когда он решил иначе. (13)

На возвышающейся над старым городом горе Фрайнберг Гитлер планирует поселиться под старость лет в квадратном доме типичной для Верхней Австрии архитектуры. *По этим скалам я взбирался в юности. На этой вершине я предавался размышлениям, глядя на Дунай. Здесь я хочу встретить старость. (14)* И далее: *Кроме фройляйн Браун я никого не возьму с собой; только фройляйн Браун и мою собаку. (15)*

Ввиду такой перспективы бургомистр Линца в ноябре 1943 года заявил на заседании городского совета, что «фюрер» любит свою родину больше «всех остальных немцев» и намеревается сделать Линц «самым прекрасным городом на Дунае. Он заботится о каждой детали, даже в войну он думает о каждой мелочи, о каждом противоосколочном окопе, о водоеме с противопожарным запасом воды и о культурных мероприятиях. Ночью от него приходят сообщения, где запрещается проводить мероприятия в парке «Фольксгартен», потому что там плохая акустика, наиболее знаменитые артисты должны выступать в «Ферейнсхаус», доме купеческого общества». Потом бургомистр добавил: «У городского самоуправления руки в значительной мере связаны». (16)

Насколько сильна любовь Гитлера к родному Линцу, настолько же заметна его неприязнь к Вене,

бывшей имперской столице и резиденции Габсбургов, власть которой он намерен уничтожить. Этот город излучает *невероятный, прямо-таки колоссальный флюид*. Поэтому будет *невероятно сложно лишить Вену ее господствующего положения в области культуры в Альпийских и Дунайских гау*. (17)

Альберт Шпеер, иронизируя (правда, уже после 1945 года) над преувеличенной любовью Гитлера к Линцу, объясняет ее «провинциальной ментальностью». Он уверен, что Гитлер «так и остался провинциалом, который чувствовал себя в больших городах одиноким и потерянным. В области политики ему была присуща навязчивая гигантомания, а социальным его прибежищем оставались небольшие города вроде Линца, где прошли его школьные годы». Такая любовь «сродни эскапизму». (18)

Однако дело здесь не только в противостоянии столицы и провинции: национально однородный «немецкий» Линц противопоставлялся многонациональной Вене. Кроме того, добропорядочно-патриархальный провинциальный городок воспринимался как полная противоположность рафинированной, интеллектуальной и самоуверенной метрополии. Геббельс, рупор идей своего хозяина, записывает после визита в Линц: «Настоящие немецкие мужчины. А не эти венские прохиндеи». (19)

С точки зрения биографии, Линц для Гитлера — это город упорядоченной, чистой, мелкобуржуазной юности, рядом с любимой матерью, а Вена, напротив, — свидетель его одиноких, неудачных, грязных лет. Однако политическое значение имела прежде всего цель Гитлера низвергнуть старую столицу Габсбургской империи и подчинить ее новой столице — Берлину.

Запутанные родственные связи

Линц, столица Верхней Австрии, резиденция епископа, центр культуры и образования, расположенный в живописной местности на правом берегу Дуная, во времена юности Гитлера насчитывал 68 000 жителей и был — после Вены, Праги, Триеста, Лемберга, Граца, Брюнна, Кракова, Пльзеня и Черновцов — десятым по величине городом Цислейтании (так тогда называлась западная часть двуединой монархии). (20)

Не имея городской стены, город привольно раскинулся между холмами. Но он легко обозрим: главная улица — Ландштрассе — проходит через весь город и заканчивается на барочной площади Франца Иосифа, где стоит старый собор и барочная колонна Святой Троицы; в 1938–1945 годах эта площадь носила имя Адольфа Гитлера.

Уже во времена римлян Линц был пунктом пересечения торговых путей, а в XIX веке его статус повысился благодаря проложенной железнодорожной ветке: «Западная железная дорога императрицы Елизаветы» соединила Вену с Мюнхеном, родиной императрицы. К старой судостроительной верфи добавился локомотивостроительный завод. При коммерческом училище открыли железнодорожное училище. Железная дорога принесла в Линц дыхание большого мира: трижды в неделю здесь проезжал «восточный экспресс» Париж — Константинополь. Вместе с притоком рабочих-железнодорожников в городок пришел социализм.

Гитлер жил в своем родном городе недолго, с 16 до 18 лет, с 1905 года по февраль 1908-го. До того семья часто переезжала с места на место из-за работы отца, императорско-королевского таможенного чиновника Алоиса Гитлера. Пограничный населенный пункт

Браунау-на-Инне, где 20 апреля 1889 года Гитлер появился на свет, семья покинула, когда мальчику было три года. И прославился позже, когда Гитлер в «Моей борьбе» написал о рождении в этом местечке как о *счастливом предопределении, ведь городок лежит на границе двух немецких государств, чье объединение казалось — по крайней мере, нам, молодым, — главной целью всей жизни, которой следовало добиваться любыми средствами!* (21)

Ситуация в семье непростая. Адольф — сын Алоиса от третьего брака с Кларой, урожденной Пёльцль, моложе мужа на 23 года. Адольф — ее четвертый ребенок, но первый, который не умер в младенческом возрасте. В доме живут сводные брат и сестра Адольфа — дети Алоиса от второго брака: Алоис-младший (1882 года рождения) и Ангела (1883 года рождения), а кроме того еще и «тетушка Хани» — Иоганна Пёльцль, горбатая и, вероятно, слабоумная сестра матери, помогавшая по хозяйству. (22)

Мира в семье не было: вспыльчивый отец поколачивал старшего сына. Последний в свою очередь ревновал к Адольфу, которого баловала молодая мать. Сводный брат рассказывал об Адольфе: «Его баловали с раннего утра до позднего вечера, а мы, пасынок и падчерица, должны были слушать бесконечные истории о том, какой Адольф чудесный ребенок». Но отец колотил и Адольфа. Однажды ему даже показалось, что он убил мальчика. (23)

В 1892–1895 годах Алоис Гитлер работал в городе Пассау, на немецкой стороне границы. Адольф — в начале пребывания в Пассау ему три года, а в конце шесть лет — приобретает тогда специфический баварский выговор: *В юности я усвоил диалект, на*

котором говорили в Нижней Баварии; я так и не смог ни забыть его, ни научиться венскому жаргону. (24)

В 1895-м, достигнув 58 лет, Алоис Гитлер уходит в отставку после сорока лет службы. В крошечной деревушке Хафельд, в коммуне Фишльхам, недалеко от Ламбаха в Верхней Австрии он покупает дом с подворьем, расположенные в отдалении от других построек, чтобы заниматься сельским хозяйством и пчеловодством. Сын вспоминал в 1942 году: *Пчелиные укусы были у нас делом привычным. Зачастую мать вытаскивала у отца по 45–50 жал, когда он возвращался после отбора сот.* От пчел отец защищался только с помощью дыма курительной трубки. (25) В Хафельде Алоис-младший, которому к тому времени уже четырнадцать, после ссоры с отцом покидает родительский дом, и его лишают права на наследство. В доме остаются 13-летняя Ангела, Адольф и родившийся в 1894 году Эдмунд. В 1896 году на свет появляется Паула, последний ребенок в семье.

В мае 1895 года шестилетний Адольф поступил в деревенскую начальную школу в Фишльхаме, где ученики разных возрастов занимались в одном классе. Школа состояла из одного большого помещения размером примерно 60 квадратных метров и маленькой прихожей: *Уже в первом классе я слушал, что рассказывали ученикам второго класса, а затем и третьего, и четвертого. Слава Богу, я потом ушел оттуда. Иначе мне бы пришлось прослушать программу последнего класса два или три раза.* (26)

Полуразрушенный дом и хозяйство невозможно восстановить на пенсию чиновника, к тому же Алоис Гитлер оказался не слишком удачливым фермером, поэтому в 1897 году дом продают. Семья устраивается

*Браки Алоиса Гитлера, урожд. Шикльгрубера
(1837–1903)*

на временной квартире в Ламбахе. Восемилетний мальчик посещает теперь начальную школу в Ламбахе, а также, в течение некоторого времени, певческую школу для мальчиков при монастыре бенедиктинцев. Там ему часто предоставляется возможность *упиваться торжественным великолепием блистательных церковных праздников.* (27) Позднее он, при всей своей нелюбви к церкви, с одобрением отмечал, что церковь *умело использовала естественную тягу людей к сверхъестественному [...].* Она с большим успехом *воздействовала на людей благодаря своему мистическому культу, огромным и величественным соборам, торжественной музыке, праздничным обрядам и ладану.* (28)

Семья Гитлера набожной не была. Только мать регулярно ходила к воскресной мессе. Антиклерикально настроенный отец воздерживался от посещения церкви, сопровождал семью в церковь только по праздникам и 18 августа, в день рождения императора, используя единственную возможность выгулять чиновничью форму, которая целый год без пользы висела в шкафу. (29)

В конце 1898 года семья переехала в деревню Леондинг к югу от Линца, где Алоис Гитлер за 7700 крон купил маленький дом возле кладбища. (30) Геббельс вспоминал, как в 1938 году впервые посетил этот домик, превратившийся в «место паломничества всего немецкого народа»: «Очень маленький и примитивный. Меня проводят в комнату — его владения. Маленькая, низкий потолок. Здесь он ковал планы и мечтал о будущем. Дальше кухня, где готовила пищу его добрая матушка. За домом сад, где маленький Адольф рвал по ночам груши и яблоки ... Здесь, значит, рос гений. Душу мою охватывает величественное и торжественное чувство». (31)

Девятилетний мальчик поступает в сельскую школу в Леондинге. Позже он будет вспоминать *о беззаботном озорном времени* (32) в кругу деревенских мальчишек и о себе как о *сорвиголове: Даже*

Гитлер — ученик начальной школы в Леондинге

в детстве я не был «пацифистом», и все попытки воспитать меня таковым заканчивались неудачей.

(33) Балдуин фон Вильхеринг, один из соучеников Гитлера в Леондинге, позже настоятель монастыря, вполне дружелюбно вспоминал: «Ему хотелось играть только в войнушку, и нам это быстро надоедало, но он всегда находил кого-нибудь, в особенности из ребят помладше, кто соглашался». (34) В остальное время Гитлер занимается своим «любимым спортом»: на кладбище рядом с родительским домом стреляет по крысам из винтовки системы Флобера. (35)

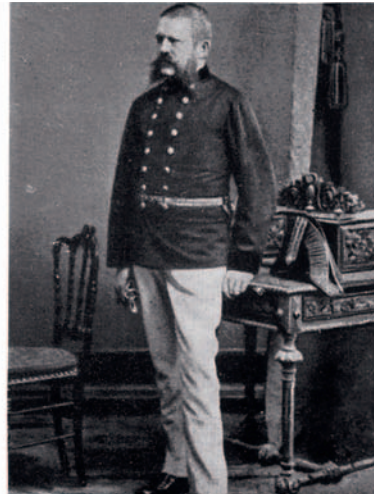
На рубеже веков умы европейцев занимала англо-бурская война: бурские республики Южной Африки вели войну против экспансии англичан. «Борьба Давида против Голиафа», «освободительная борьба бедных крестьян» против британских империалистов вызывала у немецких националистов одобрение, даже восхищение. В поддержку буров собирали подписи и деньги. Сочиняли бурские марши и песни. В моду вошли бурские шляпы, бурские сеledки и бурские сосиски, которые, кстати, до сих пор пользуются в Вене популярностью. (36)

Для молодого Гитлера англо-бурская война оказалась настоящей *зарницей*: *Каждый день я с нетерпением ждал выхода газет, я проглатывал депеши и сообщения, я был счастлив уже одной только возможностью стать свидетелем этой героической борьбы, пусть и издалека.* (37) Мальчики теперь играли в «буров и англичан», причем никто не хотел быть англичанином, все хотели быть бурами. Даже спустя годы, в 1923-м, Гитлер скажет: *Со стороны буров — справедливое желание свободы, со стороны Англии — жажда денег и бриллиантов.* (38)

В 1900 году в Леондинге в возрасте шести лет от кори умирает брат Эдмунд, и 11-летний Адольф остается единственным мальчиком в семье. Отношения с отцом ухудшаются. Однокашники Гитлера вспоминают, что Алоис Гитлер был «малосимпатичным человеком, и по своему внешнему виду, и по своей сути». (39) «Старый господин Алоис требовал беспрекословного подчинения. Часто он засовывал два пальца в рот, издавал резкий свист и Адольф, где бы он в тот момент ни находился, должен был мчаться к отцу... Отец часто ругал сына, Адольф очень страдал от строгости отца. Адольф любил читать, но прижимистый старик не давал денег на книги». У Алоиса Гитлера была, как утверждают, одна-единственная книга — о Франко-прусской войне 1870–1871 годов: «Адольф любил рассматривать картинки в этой книге и восхищался Бисмарком». (40) Правда, сам Гитлер упоминает в «Моей борьбе» *отцовскую библиотеку.* (41)

Очевидцы описывают Клару Гитлер как спокойную, любящую мать и хорошую хозяйку. Одна ученица из Леондинга, которая каждый день проходила мимо дома Гитлеров, вспоминала, причем уже после 1945 года, что отправляя маленькую Паулу в школу, мать ее каждый раз провожала «до калитки и целовала; мне это запомнилось, потому что у нас, в деревенских семьях, такое было непринято, но мне это нравилось, я даже почти завидовала Пауле». (42)

Отец прочит сыну карьеру чиновника и отправляет его после пяти лет начальной школы в реальное училище в Линце, куда из Леондинга целый час пешей ходьбы. 11-летний мальчик, каждый день сменяя простоту деревенской жизни на строгость провинциальной школы, не сумел адаптироваться и забросил

*Клара Гитлер, урожд. Пёльцль
Алоис Гитлер, урожд. Шикльгрюбер*

учебу. Пройдя всего один класс, он остался на второй год, получив две оценки «неудовлетворительно» — по математике и по естественной истории. Кроме того, как следует из протоколов педсовета, он каждый год получает выговоры то за поведение, то за прилежание. Несмотря на это, в 1902/03 учебном году из всего класса лишь его освободили от платы за обучение, что указывает на стесненные финансовые обстоятельства семьи. (43)

Д-р Хюмер, доброжелательно настроенный учитель французского, в 1924 году вспоминал о бывшем ученике так: «У него определенно были способности, хотя и несколько односторонние, но он не умел контролировать себя, и его считали строптивым, упрямым, не терпящим возражений, вспыльчивым, ему было трудно привыкнуть к школьным порядкам». Он

требовал «от своих однокашников безоговорочного подчинения», нравился себе «в роли вождя» и явно «увлекался романами Карла Мая и рассказами про индейцев». (44)

О своем любимом писателе Карле Мае Гитлер позже рассказывал часто и охотно. *Я читал его книги при свете свечей и при помощи большой лупы при свете Луны! [...] «Через пустыню» — первый роман Карла Мая, который я прочитал. Полный восторг! Потом я проглотил и другие его книги. Что тут же сказало на моих оценках!* Карлу Маю он обязан своими первыми познаниями в географии. (45) В 1943 году Гитлер с гордостью показывал своей свите линцский отель «Красный рак», где почитаемый им писатель надолго останавливался в 1901 году. (46)

Юный Гитлер не особо старался добиться успехов в учебе. Как сообщает один из соучеников, матери часто приходилось бывать в школе, чтобы «узнать о сыне». (47) В «Моей борьбе» Гитлер поясняет, что намеренно не прилагал усилий, потому что не хотел становиться чиновником. В дальнейшем он будет критиковать тех родителей, которые слишком рано выбирают профессию для своих детей и *потом, если что-то пойдет не так, тут же начинают говорить о блудном или неудавшемся сыне*. В тринадцать лет его притащили (читай: отец притащил) в *Главное таможенное управление Линца — вот настоящая государственная клетка, где старичье сидит чуть ли не друг у друга на головах, скученно, как обезьяны*. Так ему внушили *отвращение к карьере чиновника*. (48)

Отношения с отцом ухудшаются. Сестра Паула вспоминает: «Каждый вечер Адольф ... получал порцию побоев, потому что не возвращался домой вовремя». (49)

А Гитлер пишет об этом времени следующее: *В первый раз в жизни меня... вынудили уйти в оппозицию. И хотя отец, что касалось выполнения однажды намеченных им планов, был решительным и жестким человеком, сын ему в упрямстве и строптивости не уступал.* (50)

Вспоминая позже об отце в узком кругу, Гитлер рисует негативный образ. Геббельс записывает в дневнике: «Гитлер прожил почти такую же юность, как и я. Отец — домашний тиран, мать — источник добра и любви». (51) Гансу Франку, своему будущему адвокату, Гитлер якобы сказал, что в возрасте десяти-двенадцати лет ему приходилось таскать пьяного отца из трактира домой: *Такого ужасного стыда мне с тех пор больше не довелось испытать. О, Франк, я знаю, что за дьявол алкоголь! Он был — по вине отца — главным врагом моей юности.* (52)

Алоису Гитлеру нечем заняться на пенсии, и он убивает время, ежедневно наведываясь в пивные. Он часто встречается с крестьянином Йозефом Майрхофером, и они вместе трудятся на дело немецких националистов. (53) Скорее всего, речь идет о так называемом «застольном обществе», о самой маленькой партийной ячейке в семейном и дружеском кругу, какие тогда часто формировались внутри партий немецких националистов. Майрхофер вспоминал о старшем Гитлере: «Это был угрюмый, неразговорчивый старик, бескомпромиссный либерал, и как все либералы в то время, человек бескомпромиссного националистического мировоззрения, пангерманец, странным образом еще и преданный императору». (54)

Либеральной, националистической и преданной императору была в те годы и правящая партия Верхней Австрии — Немецкая народная партия. Она возникла

в кругу крайних немецких националистов, группировавшихся вокруг Георга Шёнерера, но затем избрала более умеренное немецко-национальное направление и принимала в свои ряды даже евреев. Нет никакого основания предполагать, что Гитлер в «Моей борьбе» лжет, сообщая о своем отце, что тот видел в антисемитизме *культурную отсталость и при своих строго националистических убеждениях имел более или менее космополитические воззрения.* (55)

Политические баталии в школе

Политическая атмосфера в реальном училище Линца была, вне всякого сомнения, весьма беспокойной. «Клерикалы» и преданные Габсбургам школьники выступали единым фронтом против либералов и националистов, «германцы» и «славяне» конфликтовали друг с другом. Все усердно что-то коллекционировали, демонстрируя таким способом приверженность определенной политической позиции. «Преданные императору» ученики реального училища собирали черно-желтые ленточки и значки, фотографии императорской семьи и кофейные чашки с изображением императрицы Елизаветы и императора Франца Иосифа, а «немецкие националисты» коллекционировали иные «святыни»: гипсовые бюсты Бисмарка, пивные кружки с героическими изречениями из немецкой старины и, конечно, ленточки, карандаши и булавки в «великогерманской» цветовой гамме 1848 года — черно-красно-золотой. В «Моей борьбе» Гитлер пишет, что в юности он тоже принимал участие *в борьбе национальностей старой Австрии: Мы собирали пожертвования для Школьного союза и общества «Зюдмарк», выражали свою позицию*

с помощью васильков и черно-красно-золотых цветов, приветствовали друг друга выкриком «Хайль» и пели «Германия превыше всего» на мелодию австрийского гимна, несмотря на все предупреждения и штрафы. (56)

Националистические объединения «Немецкий школьный союз» и «Зюдмарк» продавали коллекционные марки, чтобы финансировать «борьбу против чехизации» за «сохранение и распространения германства». На внушительные доходы от продажи этих коллекций финансировались немецкие детские сады и школы в областях со смешанным населением. «Зюдмарк» поддерживал в первую очередь немецких крестьян в языковых островках, а также покупал землю для создания новых поселений. Эти акции по сбору средств были очень популярны, в них принимали участие все, вероятно, именно они позже послужили образцом для деятельности общественного фонда «Зимняя помощь».

Васильки, приветствие «хайль» и черно-красно-золотая гамма однозначно указывают на пангерманцев, радикальных немецких националистов под предводительством Шённерера. Они выступали за присоединение Немецкой Австрии к Германской империи и, в отличие от сторонников Немецкой народной партии, являлись врагами государства Габсбургов. Таким образом, прогерманский настрой учеников реального училища был гораздо более радикальным, чем у их учителей, которые принадлежали к касте чиновников и потому были обязаны хранить верность императору.

Большинство учителей реального училища поддерживали немецкий национализм. Они вдохновляли молодежь «на борьбу против Богемии за родную немецкую землю в пограничном регионе» и делали

это, как вспоминает один из учеников, «с педагогическими целями. “Вы должны хорошо учиться, — говорили они, — чтобы немцы не утратили своей ведущей роли в Австрии и выстояли в национальной борьбе”». Примерно то же самое рассказывал Гитлер о своем любимом учителе д-ре Леопольде Пётше: *Наш национальный фанатизм он использовал в воспитательных целях: он нередко взывал к нашей национальной чести и этим скорее, чем иными средствами, мог образумить нас, озорников. (59)*

Пётш преподавал у Гитлера с первого по третий класс (1901–1904 гг.) географию, а во втором и третьем классе — историю. Также он возглавлял школьную библиотеку, где Гитлер брал книги. В качестве особого отличия Гитлеру позволялось носить за учителем географические карты, тем самым поддерживая с ним более тесный контакт. (59)

Пётш был не только учителем, но и желанным оратором на различных торжествах. Он выступал в «Обществе народного образования Верхней Австрии», «Обществе чиновников», гимнастическом обществе Яна, в региональном отделении общества «Зюдмарк» в Линце, где являлся заместителем председателя, а заодно и на юбилее правления императора в 1908 году. (60) У него, как и у Гитлера-отца, прогерманский националистический настрой сочетался с преданностью Габсбургам, что вполне соответствовало основной линии Немецкой народной партии, от которой его в 1905 году избрали в городской совет Линца. Эрнст Кореф, позже бургомистр Линца, вспоминал о Пётше: «Он был настоен националистически, но при этом оставался настоящим добропорядочным австрийцем и очень достойным человеком». (61)

Большой популярностью пользовались доклады Пётша, где он демонстрировал диапозитивы — «Картины немецкой истории». Особое внимание лектор уделял древним германцам и ранней империи, то есть эпохам, предшествовавшим восхождению Габсбургов на престол, а потом делал акцент на «национальном пробуждении» немцев вплоть до войны 1870–1871-х годов: «После грандиозной немецкой победы в 1870–1871 годах мы стали лучше осознавать свое германство и с большей любовью перелистываем книги немецких мифов и преданий, книги по немецкой истории». (62)

Заметим, что в Габсбургской монархии «Седанские торжества» в память о победе Пруссии над Францией были запрещены. И ученики отмечали эту дату тайком, закачивая праздник исполнением гимна немецких националистов «Вахта на Рейне», прусско-немецкой боевой песни, направленной против «заклятого врага» — Франции.

12. Scharlied: „Die Wacht am Rhein“.

Es braust ein Ruf wie Donnerhal,
Die Schwertgeflirr und Wogenrall:
Zum Rhein, zum Rhein, zum deutschen Rhein!
Wer will des Stromes Hüter sein?
Lieb' Vaterland, magst ruhig sein,
Fest steht und treu die Wacht am Rhein!

Durch Hunderttausend zucht es schnell
Und aller Augen blißen hell:
Der Deutsche bieder, fromm und tatk,
Beschützt die heil'ge Landesmark.
Lieb' Vaterland, magst ruhig sein,
Fest steht und treu die Wacht am Rhein!

Der Schurz erschallt, die Woge rinnt,
Die Fahnen flattern hoch im Wind:
Zum Rhein, zum Rhein, zum deutschen Rhein!
Wir alle wollen Hüter sein!
Lieb' Vaterland u. s. w.

Max Schneckenburger (1840).

Er blickt hinauf in Himmelsau'n
Wo Heldenväter niederschau'n,
Und schwört mit stolzer Kampfeslust:
„Du Rhein bleibst deutsch wie meine Brust“.
Lieb' Vaterland u. s. w.

So lang ein Tropfen Blut noch glüht,
Noch eine Faust den Degen zieht,
Und noch ein Arm die Büchse spannt,
Betriff kein Feind den deutschen Strand.
Lieb' Vaterland u. s. w.

Текст «Вахты на Рейне»

Еще одну националистически окрашенную песню времен своей юности Гитлер упоминает в речи после «аншлюса» в марте 1938 года: *Когда солдаты вошли в страну, я вновь услышал песню моей юности. Я так часто с трепетом в сердце пел ее раньше, эту гордую боевую песню: «Народ поднимается, буря начинается». Это и в самом деле было восстание народа и начало бури.* (63) Далее в песне, сочиненной Теодором Кёрнером в 1813 году, в период освободительной борьбы против Наполеона, следуют строки: «И если судьба нам в бою умереть, / Мы с радостью примем геройскую смерть». А в припеве — обращение к «трусам», оставшимся дома: «А трусу что ж, судьба одна: / Не пить немецкого вина / Немецких песен не певать / И девушек не целовать».

Однозначно пангермански были окрашены и школьные акции против «черно-желтого» профессора религии Шварца. Позже Гитлер с нескрываемой гордостью рассказывал, как он раздавал на уроке религии «великогерманские» — черно-красно-золотые — карандаши. Учитель тут же отреагировал: «*Немедленно отдайте эти отвратительные карандаши!*» *Класс неодобрительно загудел. “Это национальные идеалы!” “В вашем сердце не должно быть никаких национальных идеалов, кроме одного единственного — нашего отечества и нашей династии Габсбургов. Кто против династии Габсбургов, тот против церкви, а кто против церкви, тот против Бога. Садись, Гитлер!”*» В школе господствовали, по словам Гитлера, *революционные настроения* (64), что подтверждают и его бывшие соученики.

Черный, красный и золотой были в 1848 году цветами «великогерманцев», которые мечтали тогда

об объединении всех немцев под началом Габсбургов. После основания Германской империи в 1871 году австрийские пангерманцы присвоили себе эти цвета, которые теперь символизировали их основную политическую цель — «присоединение» немецких частей Австрии к империи Гогенцоллернов и, следовательно, развал многонационального государства, что в ту пору было равно государственной измене.

Еще один пример. Школьники Линца каждое лето должны были приветствовать императора Франца Иосифа, когда тот направлялся в свою летнюю резиденцию в Бад-Ишль. Учитель считает необходимым напомнить им: «Все должны кричать: «Хох!», смотрите у меня, чтобы никто не крикнул: «Хайль!»» (65) «Хайль» — приветствие немецких националистов, «Хох!» — приветствие, обращенное к дому Габсбургов.

Позже Гитлер любил повторять, что австрийским немцам, благодаря их опыту существования в многонациональном государстве, был присущ гораздо более осязаемый и деятельный национализм, чем «имперским немцам». Причем уже в школе: *Ребенок получал политическое образование в том возрасте, когда граждане так называемого национального государства знают о своей принадлежности к определенному народу разве что благодаря языку... За короткое время я стал фанатичным «немецким националистом».* Согласно его утверждениям, уже в пятнадцать лет ему была ясна разница между династическим «патриотизмом» и народным «национализмом». (66) Во всяком случае, уже в школе Гитлер однозначно становится на сторону радикального «народного национализма» и не принимает, как и шёнерианцы, многонациональное государство. Его взгляды коренным образом

расходятся по этому важному пункту с позицией отца и любимого учителя Пётша.

Так становится понятным недовольствие Пётша, когда Гитлер в «Моей борьбе» назвал его, австрийского патриота, замечательным учителем, но при этом и противником Австрии: *Разве можно было изучать немецкую историю у такого учителя и не стать врагом государства, в котором правящая династия так неблагоприятно влияла на судьбы нации? Разве можно было сохранить преданность правящему дому, который собственную постыдную выгоду ставил выше интересов немецкого народа?* (67)

Говорят, что рассерженный Пётш отослал два экземпляра «Моей борьбы», подаренных ему Гитлером, в аббатство Вильхеринг. (68) А в 1936 году, когда кто-то из линцких учителей решил напомнить о себе знаменитому ученику, отправив тому фотографии, Пётш отказался и заявил, «что он присягал Австрии и не может согласиться с Гитлером, когда тот Австрию унижает». (69) Воспротивиться похоронам по государственному разряду «любимый учитель фюрера», впрочем, уже не смог.

Евреи и чехи в Линце

Реальное училище Линца, видимо, имело хорошую репутацию: треть учеников были иногородними. 50 учеников родом из Нижней Австрии, включая Вену, 21 — из Зальцбурга, Тироля, Штирии, Каринтии, еще 21 — из Богемии, Моравии, Силезии, по двое — из Галиции и Венгрии, семь — из Германской империи, по одному — из Италии, Франции и Боснии.

Среди приехавших в Линц учиться из Вены числился с 1903-го и вплоть до выпуска в 1906 году

Людвиг Витгенштейн, сын промышленника Карла Витгенштейна. Людвиг всего на несколько дней младше Адольфа Гитлера, но учится двумя классами старше: будущий философ, до тех пор получавший домашнее образование, посещает в 1903/04 учебном году пятый класс, а будущий политик — только третий. Гитлер, скорее всего, знает Витгенштейна, хотя бы в лицо, ведь тот очень выделяется на общем фоне: говорит на непривычно чистом литературном языке, правда, с небольшим заиканием, очень элегантно одет, при этом крайне чувствителен и исключительно замкнут. Он обращается к соученикам «на вы» и требует от них (за исключением единственного друга), чтобы и они обращались к нему «на вы»: господин Людвиг. Школу Витгенштейн не любит, в записной книжке сохранилась запись о первом впечатлении: «Дерьмо». Он часто прогуливает занятия и учится посредственно. Когда он в 1906-м, покинув Линц, уезжает учиться в Берлин, его правописание ничуть не лучше, чем у Гитлера. (70)

Как рассказывали позже однокашники Гитлера, школьники-евреи в реальном училище Линца не сталкивались ни с какими особыми проблемами, (71) тем более, если они, как Витгенштейн, были католиками и посещали уроки религии. Согласно статистике, в тот период в школе насчитывалось только 17 учеников иудейского вероисповедания, 323 католика, 19 протестантов и один ученик из Боснии греко-православной веры. (72)

Видимо, антисемитизм не играл в училище большой роли, и высказывания Гитлера в «Моей борьбе» соответствуют действительности: *В реальном училище я познакомился с еврейским мальчиком, с которым*

мы все обращались с осторожностью... ничего особого я себе при этом не думал, как и все остальные. Только в возрасте 14–15 лет, пишет Гитлер, он стал обращать внимание на слово «еврей», зачастую в связи с разговорами о политике. (73)

Около 1900 года на территории Верхней Австрии проживало в общей сложности лишь 1102 еврея, из них в Линце — 587, что составляло меньше одного процента от общего количества жителей, в Урфаре — 184 человека. В 1910 году: 1215 еврея — в Верхней Австрии, 608 — в Линце, 172 — в Урфаре. (74) Линцские евреи были, в основном, ассимилированными, родом из баварского Фюрта или из Богемии. Главы еврейских семей в Линце (общим числом 224) имели следующие профессии: 63 — торговцы, 23 — коммивояжеры, 15 — владельцы ликерных заводов, 11 — инженеры, по десять — владельцы магазинов готового платья, чиновники и торговые служащие, по шесть — служащие фабрик, старьевщики и бухгалтеры, пять фабрикантов, по четыре — врачи, адвокаты, сотрудники агентств, владельцы магазинов кожаных товаров и владельцы агентств, три налоговых чиновника по продуктам питания, по два — владельцы спиртовых заводов и сотрудники банка, по одному — судья, директор банка, редактор, фотограф, владелец водохранилища, обойщик, конторский служащий, пекарь, управляющий делами, владелец табачного киоска, страховщик, владелец фабрики по производству сладостей, портной, модистка. (75)

Многие из них были меценатами, пользовались уважением и принимали участие в деятельности общественных организаций. Так, например, 7 апреля 1907 года штатгальтер Верхней Австрии вручил в синагоге

равнину Морицу Фридману орден Франца Иосифа, отметив таким образом четверть века его деятельности в качестве члена Императорско-королевского совета по делам школ Верхней Австрии. (76)

Численность евреев в Линце оставалась примерно на одном и том же уровне, восточноевропейские евреи не приезжали в этот маленький провинциальный городок, а вот чехов сюда переселялось все больше и больше. Большинство из них были сезонными рабочими, которых статистика не учитывала. Но в любом случае, «борьба против славянизации» и, таким образом, против чехов в практически гомогенно немецкоязычном городке играла значительно большую роль, чем антисемитизм, направленный против немецкоязычных евреев. «Чешский вопрос» в последние два десятилетия перед мировой войной был главной темой и в городском совете Линца, и в линцских газетах и школах. Город делал щедрые пожертвования в пользу различных немецких национальных союзов и обществ. (77)

Линцские газеты запугивали местное население засильем приезжих, потерей рабочих мест из-за притока дешевой рабочей силы, «распродажей» родной земли, растущей преступностью. Пангерманская газета «Линцер Флигенде Блеттер» писала, что Главная площадь Линца якобы уже давно стала «местом сбора молодых чехов»: «Каждый вечер на площади можно видеть чехов — они довольно громко говорят по-чешски и ходят туда-сюда сплоченными группами. Этим они хотят доказать, что уже завоевали центр Линца». (78)

Бывший соученик Гитлера вспоминает, что «оборонительная борьба против наступающего славянства» была «главной темой» обсуждения среди школьников:

«Мы не рассматривали славян как неполноценный народ, но мы не хотели, чтобы они ущемляли нас в наших правах». (79) Зачастую между молодыми «славянами» и «германцами» случались драки. Другой соученик вспоминает: «Языковые баталии, конфликты в парламенте производили на нас большое впечатление. Мы были настроены против чехов и против столпотворения народов». (80) Политики, которые тогда задавали тон в парламенте как защитники немцев, прежде всего Георг Шёнерер и Карл Герман Вольф, почитались как национальные герои.

Замечания Гитлера по этому вопросу не отличаются от воспоминаний его соучеников. Шпееру он однажды сказал, что впервые обратил внимание на национальные противоречия, когда учился в школе, и почти все его линцские однокашники были против «переселения чехов в Немецкую Австрию». А вот «еврейскую опасность» он осознал только в Вене. (81) И вот еще одно высказывание, сделанное в 1929 году в Мюнхене: *Я провел мою юность на границе, сражаясь за немецкий язык, культуру и убеждения, в борьбе, о которой большая часть немецкого народа в мирное время не имела ни малейшего понятия. Борьба велась в непосредственной близости от нас, когда мне было всего тринадцать, бои шли в каждом классе средней школы.* (82)

При всем том настоящих межнациональных конфликтов в реальном училище Линца быть не могло: из 359 учеников в 1902–1903 учебном году 357 указали в качестве родного языка немецкий, и лишь двое — чешский. (83) В других линцских школах верхней ступени ситуация была аналогичной. Проживавшие в Линце чехи были исключительно железнодорожными

рабочими, которые не могли себе позволить отправить детей в школы верхней ступени, или сезонными рабочими, чьи дети оставались в Богемии.

Гитлеру было четырнадцать в 1903 году, когда в Линце разгорелся языковой скандал. Епископ решил отслужить в одной из линцских церквей проповедь на чешском языке, и городской совет представил неотложное ходатайство, в котором единогласно потребовал от него «запретить церковную службу на чешском языке, которую превращают в прочешскую демонстрацию», и одновременно порекомендовал линцским коммерсантам впредь принимать на работу «только немецких подмастерьев и учеников». (84) Защищаясь, епископ сослался на традицию: эрцгерцог Максимилиан д'Эсте Австрийский, генерал, великий магистр Тевтонского ордена, уже семьдесят лет назад разрешал служить проповеди на чешском языке для своих строительных рабочих. И в этом случае Габсбурги и церковь вновь оказались защитниками чехов и врагами немецких националистов.

В марте 1904 года прогермански настроенные школьники и студенты сорвали концерт чешского скрипача Яна Кубелика. Вслед за тем последовали гонения на чешские общественные организации. Так, например, командование размещенного в Линце Второго инженерного батальона подало в окружную администрацию жалобу на маленькое чешское объединение в Урфаре, обвинив его в антимилиитаристской пропаганде. Во время обыска доказательства были не найдены, и министерство внутренних дел в Вене встало на защиту чешского союза. (85) Однако цель этой и подобных акций была достигнута: чехов запугали полицией, а население настроили против якобы

«прочешской» политики венского правительства. Так разжигалась межнациональная рознь.

Вопрос о том, является ли человек «германцем» или «славянином», был очень важен для учеников линцкого реального училища. Согласно утверждению Йозефа Кеплингера, молодого Гитлера очень занимали воображаемые расовые различия. Однажды он сказал Кеплингеру: «Ты не германец, у тебя темные глаза и темные волосы!», в другой раз он якобы встал у входа в класс и стал направлять учеников по чисто внешним признакам направо и налево, деля их на «арийцев и неарийцев». (86). К какой группе темноволосый Гитлер отнес себя, неизвестно.

Смерть отца

3 января 1903 года в десять часов утра Алоис Гитлер, отец Адольфа Гитлера, шестидесяти пяти лет, умер в трактире от внезапно открывшегося легочного кровотечения. (87)

В некрологе, опубликованном линцской газетой «Тагеспост», его чествовали как «очень прогрессивного человека» и «доброе друга свободной школы». За этими словами скрывались антиклерикальные настроения покойного, его участие в работе общества «Свободная школа» и ссора с местным священником. В обществе (читай: в трактире) он «всегда был веселым, радостным, как юноша», а еще — «большим другом пения». И далее: «Даже если порой с его уст слетало резкое слово, под грубой оболочкой таилось доброе сердце». (88) За этими аккуратными формулировками подразумевается гульба в трактире и грубость по отношению к домашним, что подтверждает и Йозеф Майрхофер, который впоследствии станет опекуном

Гитлера: «За выпивкой он не терпел возражений, мог легко вспылить... Дома он держал всех в строгости, не церемонился, его жене было не до смеха». (89)

13-летнему сыну смерть отца-тирана, наверное, принесла облегчение. Своей секретарше Гитлер позже часто рассказывал «о любви матери», к которой он и сам был очень привязан. «Отца я не любил, — говорил он, — но очень боялся. Он был вспыльчивым, бил без разговоров. Моя бедная мама всегда за меня переживала». (90)

Однако оценки в школе и теперь не улучшились. В 1904 году из-за неизменно плохой успеваемости Гитлер вынужден уйти из реального училища. Однако мать не сдаётся и отправляет сына в училище в Штайре, промышленном городе с населением 17 600 человек, где мальчик живет на съёмной квартире. Для вдовы чиновника это большая финансовая жертва. Она продает дом в Леондинге и переезжает в Линц, на второй этаж дома по адресу Гумбольдтштрассе 31.

Разлука с матерью дается 15-летнему юноше тяжело. Геббельс пишет об этом: «Фюрер рассказывает о своем детстве... Как он тосковал и переживал, когда мать послала его в Штайр. Он чуть на заболел тогда... И как он до сих пор ненавидит Штайр». (91)

Гитлер учился в Штайре, когда началась русско-японская война. Позже он рассказывал, что класс тогда разделился на два лагеря, «славяне» встали на сторону русских, остальные — на сторону японцев: *Когда во время русско-японской войны приходили сообщения о поражении русских, чехи из моего класса плакали, а остальные ликовали.* (92) Гитлер, как и немецкие националисты в Линце, подозревает даже школьников в панславистских убеждениях.

На Троицу 1904 года Гитлер — он переживает переходный возраст и по-прежнему не желает учиться — проходит конфирмацию в Линцском соборе. Его крестный отец вспоминал: «Среди всех моих конфирмантов другого такого хмурого и упрямого не было, каждого слова приходилось добиваться от него с трудом». Молитвеннику — подарку на конфирмацию — мальчик не обрадовался. Дорогая поездка на пароконном экипаже из Линца в Леондинг тоже не произвела на него впечатления: «Мне даже показалось, что конфирмация была ему противна». В Леондинге его уже ожидала «стая мальчишек», и он «быстро испарился». Жена крестного добавила: «Они вели себя, как индейцы». (93)

Правда, в таком поведении 15-летнего мальчика нет ничего необычного. Гитлер писал в 1942 году: *В тринадцать, четырнадцать, пятнадцать лет я уже ни во что не верил, и никто из моих товарищей тоже больше не верил в так называемое причастие, разве только парочка каких-нибудь придурков-отличников! Я тогда считал, что все нужно взорвать!* (94)

С тремя «неудовлетворительно» — по немецкому, математике и стенографии — Гитлер опять не смог перейти в следующий класс: *Этот идиот-профессор внушил мне отвращение к немецкому языку, этот дилетант, этот коротышка. Я больше никогда не смогу правильно написать ни одного письма! Только представьте! Этот дурак поставил мне двойку, и мне никогда не стать техником.* (95)

В этот момент ему на помощь внезапно пришла болезнь, серьезное заболевание легких, благодаря которому разрешился давний семейный спор (96): ему позволили закончить обучение и вернуться к матери.

По воспоминаниям родных, летом в Вальдфиртеле больной сын позволяет матери его баловать и приносить ему каждое утро кружку теплого молока. Он ведет замкнутую жизнь и почти не общается со своими двоюродными братьями и сестрами. (97)

Эта якобы тяжелая болезнь, видимо, была просто легким недомоганием, иначе о ней знал бы новый семейный врач, д-р Эдуард Блох. Позже он подтвердит, основываясь на своих записях, что ребенок обращался к нему за помощью только по мелочам, по поводу простуды или воспаления миндалин. Гитлер не был ни особо крепким, ни особо болезненным. О какой-либо тяжелой болезни, тем более — о заболевании легких, не могло быть и речи. (98)

Д-р Блох был еврей. Он родился в 1872 году в Южной Богемии, в городе Фрауенбург. Получив образование в Праге, он служил военным врачом, в 1899 году был направлен в Линц и по окончании срока службы остался там жить. В 1901 году Блох открыл частную практику в красивом барочном здании по адресу Ландштрассе 12. Там же проживала вся семья: жена Эмилия, урожденная Кафка, и дочь Гертруда 1903 года рождения. Д-р Блох, как вспоминал Эрнст Кореф, бургомистр Линца, пользовался «большим уважением, особенно в малообеспеченных и бедных кругах. Все знали, что он готов отправиться с визитом к больному даже ночью. Обычно он ездил по вызову в однокошном экипаже, на голове — бросающаяся в глаза широкополая шляпа». (99)

В старости д-р Блох, живя в эмиграции в США, опубликовал воспоминания, где создал удивительно положительный образ молодого Гитлера. Врач пишет, что тот не был ни драчуном, ни грязнулей, ни наглецом. «Такого

не было. Спокойный, хорошо воспитанный и аккуратно одетый мальчик». Он терпеливо ожидал в приемной своей очереди, потом, как любой вежливый подросток четырнадцати-пятнадцати лет, кланялся и благодарил врача. Он носил, как и другие мальчики в Линце, короткие кожаные брюки и грубошерстную зеленую шляпу с пером. Высокий, бледный, на вид старше своих лет: «У него были материнские глаза, большие, печальные и задумчивые. Этот мальчик жил в своем внутреннем мире. Какие мечты его занимали, я не знаю».

Примечательна в этом мальчике лишь его любовь к матери: «Он не был маменьким сынком в обычном смысле слова, но я никогда не наблюдал более глубокой привязанности». Любовь была обоюдной: «Клара Гитлер молилась на сына... Она позволяла ему идти собственным путем, насколько это было возможно». Она восхищалась его рисунками и акварелями, поддерживала его художнические амбиции наперекор отцу: «Какой ценой ей это давалось, можно только догадываться». Данное высказывание можно расценить как намек на не слишком счастливый брак. Однако врач вовсе не придерживается того мнения, что материнская любовь носила болезненный характер.

Материальное положение семьи, по словам доктора Блоха, было стесненным. Клара Гитлер не позволяла себе «никаких излишеств», жила крайне скромно и экономно. (100) О семейном бюджете Гитлеров сохранились некоторые данные: ежемесячная вдовья пенсия Клары Гитлер составляла сто крон плюс по сорок крон на воспитание Адольфа и Паулы. Продажа дома в Леондинге принесла десять тысяч крон, из которых вычли ипотеку, налоги, накладные расходы и — заблокированные до достижения двадцати четырех

лет — доли наследства двоих детей, Адольфа и Паулы (на каждого — по 652 кроны). (101)

Оставшиеся пять с половиной тысяч при четырех процентах годовых приносили 220 крон в год. Кроме того, мать могла располагать процентами от доли наследства Адольфа и Паулы до достижения ими восемнадцати лет, что давало в год дополнительно 52 кроны. Однако проценты (не более 23 крон в месяц) не покрывали арендную плату. Семья из четырех человек, у которой теперь нет даже собственного огорода и сада, как было в Леондинге, вынуждена жить очень скромно, к тому же в 1905 году рост цен становится заметным, а мать болеет. Даже если «тетушка Хани» участвовала в расходах, Кларе Гитлер, видимо, все же приходилось тратить основной капитал. Квартира у них совсем маленькая, но мать берет в дом нахлебника, 12-летнего Вильгельма Хагмюллера, сына пекаря из Леондинга, и по будням тот обедает вместе с семьей.

16-летний Адольф, теперь «единственный мужчина» в семье, ведет себя как сын состоятельных родителей. У него есть собственная комната, а это значит, что женщины делят на троих оставшуюся комнату и кухню. Он увлекается прогулками, вечерними увеселениями, чтением и рисованием. В «Моей борьбе» он называет два следующих линцских года *счастливейшим временем, которое казалось мне порой прекрасным сном*. Он живет как *маменькин сынок, ведет безмятежное существование, на мягкой перине*. (102) После безрадостной жизни в Штайре он особенно наслаждается развлечениями, доступными в провинциальной столице. Пятнадцати-шестнадцати лет он ходил, как сам пишет в 1942 году, *во все паноптикумы и вообще везде, где написано: «Только для взрослых!»* (103)

Партийная борьба в Линце

В этот период юноша с увлечением читает газеты. В Линце их выходило множество, среди прочих — региональные выпуски крупных партийных газет из Вены, вместе с которыми в маленький город приходили и «венские» темы, в частности, антисемитизм. Христианско-социальная газета «Линцер Пост», например, призывала: «Ничего не покупайте у евреев!» и поясняла: «Если еврейству перекрыть приток денег, оно будет вынуждено отступить, и Австрия станет свободной от этих отвратительных вшей». «Жидов» изображают соблазнительями девушек, опасностью для государства и социалистами, так как «соплеменники этих кровопийц, обдирающих рабочих, всегда и всюду являются истинными вождями социал-демократов». (104)

Издание «Линцер Флигенде Блеттер» (подзаголовок: «Народный юмористический листок») распространяло расовый антисемитизм в стиле пангерманцев. «Листок» придерживался антиклерикальной позиции, не принимал многонациональное государство, нападал на венгров («гуннов»), чехов и евреев. Здесь усиленно рекламировали венскую газету «Альдойчес Тагблатт» и цитировали ее авторов, среди таковых — Гвидо фон Лист и Йорг Ланц фон Либенфельс. Рядом размещали объявления «бесплатной немецкой национальной службы содействия в поиске работы», которая была создана обществом «Айзен» («Железо») Имперского союза немецких рабочих «Германия», детища пангерманского рабочего вождя Франца Штайна.

Газета распространяла пангерманские брошюры, в том числе с речами Шёнерера, и так называемые «еврейские марки» — листы по цене десять геллеров, состоящие из сорока похожих на марки наклеек. На

каждой марке приводилось антисемитское высказывание какого-либо известного человека, нередко — сфабрикованное. Вот, например, слова графа Гельмута фон Мольтке: «Евреи образуют государство в государстве; подчиняясь собственным законам, они умеют обходить законы страны». Или Тацит: «Евреи — позор рода человеческого. Они презирают все, что для нас свято; они позволяют себе совершать то, что мы считаем кощунственным. Это низший из всех народов (deterrima gens)». (105) Когда эти высказывания появились на дверях и окнах еврейских магазинов, «Австрийский иудейский союз» в Линце подал заявление в полицию (16 октября 1907 года). (106)

Можно предположить, что одним из читателей «Линцер Флигенде Блеттер» стал молодой Гитлер (107). Уже тогда он подпал под влияние пангерманцев, и те оказали на его мировоззрение гораздо большее воздействие, нежели школьные учителя, обычно придерживавшиеся немецко-либеральной линии.

Весной 1905 года в Линце состоялись муниципальные выборы. Три крупных политических лагеря вступили в ожесточенную предвыборную борьбу: «националисты», «клерикалы» и «красные». Линцкий архивариус Фердинанд Краковицер записывает в дневнике подробности: «Плакаты, обрамленные немецким триколором, призывы на каждом углу. Оживление на улицах города: повсюду наемные люди с плакатами, фиакры и одноконные экипажи, украшенные трехцветными лентами. В петлицах у националистов — триколор, у христианских социалистов — черно-желтые ленточки, у социал-демократов — красные гвоздики. Автобус, задрапированный красной материей и украшенный красно-белым флажком, привозит

«железнодорожников» к избирательному пункту. Ночью «соци» нанесли масляной краской на тротуар по трафарету предвыборные лозунги. Напрасно их пытаются смести метлами! Владельцы трактиров и кофеен только усмеваются. Когда народу предстоят выборы, у фиакров, одноконных экипажей и наемных людей есть работа! Типографская краска течет рекой». (108)

Избирателей разделили на четыре курии, в зависимости от суммы уплаченных налогов. Такая система практически не позволяла бедным слоям населения принимать участие в выборах. Социал-демократы, находившиеся из-за этого в невыгодном положении и борющиеся за всеобщее избирательное право, сдавали пустые бюллетени. (109) На выборах победила Немецкая народная партия, то есть умеренные националисты. В качестве представителя от этой партии в городской совет вошел и д-р Пётш.

Общественная жизнь провинциального городка определялась борьбой трех политических контрагентов. Те всячески демонстрировали свое политическое влияние, в частности, устраивая масштабные мероприятия. Четыре дня длился церковный праздник в честь пятидесятилетия догмата о Непорочном зачатии. 30 апреля 1905 года хронист Краковицер записывает: «Башня собора около девяти-десяти часов вечера освещена, как в сказке, и башня ландтага тоже. Толпы крестьян, толкотня, сутолока в трактирах». Запись от 1 мая: «Большая процессия: 14 епископов (1 кардинал), 22 прелата... Много приезжих в Линце».

Ответом «националистов» на праздник «клерикалов» стало 10 июня 1905 года торжество в честь двадцатипятилетия Немецкого школьного союза. Краковицер пишет: «Линц украшен флагами. В пять часов вечера

в город торжественно вступают члены Венского академического певческого общества, в семь — останавливаются перед ратушей и запевают. Благородные девицы в национальных одеждах, сияющие, довольные, гуляют по улицам города». Каждый год 24 июня немецкие националисты отмечают праздник летнего солнцестояния. 1 октября 1905 года в линцском парке Фольксгартен торжественно открывают памятник «отцу современной гимнастики» Фридриху Людвигу Яну. (110)

Социал-демократы демонстрируют растущее самосознание, организовав забастовку против повышения цен. Краковицер записывает 5 ноября: «Маневровый персонал на государственном вокзале в Линце оказывает пассивное сопротивление: рабочие выполняют все устаревшие, ныне совершенно бесполезные предписания столь буквально, что движение поездов парализовано. Это особый вид забастовки, пришедший к нам из Италии». 6 ноября социал-демократы устраивают перед зданием линцкого ландтага демонстрацию за всеобщее равное избирательное право, в ней принимают участие десять тысяч человек.

Политические споры — обычное дело в Линце. Краковицер записывает 28 декабря 1905 года: «Утром члены клерикального венского объединения «Кюрнбергер» разгуливают по улицам, но скоро приходит конец непродолжительному блаженству: завязывается потасовка между клерикалами и националистами, которых они спровоцировали. Полиции вскоре удается восстановить порядок. Сотни зевак».

Враждующие между собой «националисты» и «клерикалы» выступали единым фронтом против социал-демократов. Противостояние начиналось

еще в школе. Выступая с речью в 1929 году, Гитлер похвалялся, что вступил в борьбу против «красных» в самой ранней юности: *Уже в школе я носил черно-красно-золотую кокарду, за это мне, как и многим моим товарищам, крепко доставалось от марксистов. Они разрывали на кусочки черно-красно-золотое знамя и втапывали его в грязь.* (111)

Увлечение Шиллером и Вагнером

Уже в линцкий период Гитлер полюбил театр. В Ландестеатре давали оперы, оперетты и драмы. Репертуар — традиционный для той эпохи: от «Волшебной флейты» Моцарта до оперетт Штрауса и развлекательных комедий. Как пишет Краковицер, к постановке «Фрекен Юлия» по Августу Стриндбергу, привезенной из Вены 10 мая 1905, интерес оказался «вялым». Билет на стоячее место в третьем ярусе стоил всего 50 геллеров, как на концерт военного оркестра или в популярный кинотеатр.

В 1905 году, в год столетия со дня смерти Шиллера, немецкие националисты чествовали своего певца свободы. В линцском театре ядро репертуара составляли постановки Шиллеровых драм, а прежде всего, конечно, «Вильгельм Телль». 4 мая 1905 года Краковицер записывает: «Повсюду, где бьются немецкие сердца, проводятся торжественные юбилейные мероприятия». Самым популярным оратором на этих празднествах был Леопольд Пётш.

Значительное внимание уделялось и творчеству Рихарда Вагнера, поскольку музыкальный директор Август Гёллерих успел лично познакомиться с маэстро. В театре давали «Лоэнгрин», а с 3 января 1905 года еще и раннюю оперу «Риенци». Последняя

пользовалась особенном успехом: в знаменитом «танце с мечами» принимали участие члены Линцкого гимнастического общества. (113)

Хагмюллер, столовавший у Клары Гитлер, рассказывал позже, что молодой Гитлер часто посещал спектакли и делал наброски для нового театрального здания. Гитлер отдавал особое предпочтение опере Вагнера и драме Шиллера. Разгуливая по комнате, он вдохновенно напевал из «Лоэнгрин»: «Прощай! Прощай, о лебедь мой!» (114) Уполномоченный сотрудник архива НСДАП в 1938 году собирал в Линце материалы о «фюрере» и к большому своему удивлению узнал, что любимые исполнители Гитлера, его кумиры, выступавшие в постановках Шиллера и Вагнера, «странным образом... почти сплошь евреи». (115)

В театре, на стоячем месте, Гитлер в 1905 году познакомился и сразу подружился со своим ровесником Августом (Густлем) Кубичеком. Тот работал учеником обойщика у собственного отца, тому понравился новый друг сына, хорошо воспитанный и вежливый. (116) Гитлер сумел извлечь выгоду из этого знакомства: Густль превосходно разбирался в музыке. Оба они восхищались Вагнером.

Кубичек подробно описывает в мемуарах то огромное впечатление, какое произвела на молодого Гитлера опера «Риенци, последний трибун». Вагнер впоследствии стыдился этого произведения за его излишнюю помпезность, за крики. Но там задействован большой оркестр со всеми духовыми и ударными, там немало захватывающих массовых сцен, эффектные финалы каждого акта и часто звучит восклицание: «Хайль!»

Историю жизни Колы ди Риенци, сына римского трактирщика и народного трибуна, в романтическом

ключе представил в своем популярном романе Эдвард Джордж Бульвер-Литтон. Риенци в XIV веке объединил раздробленную Италию и создал мощную республику по античному образцу, но потом был свергнут и погиб во время народного восстания. Многие молодые люди увлеклись этим сюжетом, в том числе и 20-летний Фридрих Энгельс, который в 1840 году попытался написать о Риенци оперное либретто. (118)

В преддверии революции 1848 года к этому материалу в виду его очевидной национальной проблематике обратился молодой Рихард Вагнер. Риенци виделся ему героем, спасителем и освободителем народа, «восторженным мечтателем, ослепительным лучом света, который проник в самую глубь падшего и вырождающегося народа, считая своим призванием его просветление и возрождение». (119)

Кубичек рассказал, как после спектакля 16-летний Гитлер «в состоянии полной отрешенности» отправился вместе с ним к линцской горе Фрайнберг. До самой утренней зари бродили они по городу, Гитлер «в ярчайших красках» описывал другу «будущее немецкого народа». Кубичек цитирует строки, которые особенно тронули «их сердца», например, из арии Риенци: «Меня ж защитником своим / И прав всех, чем богат народ, / Возьмите. Чту пример отцов, / Трибуном вашим быть готов». И народные массы ему отвечают: «Риенци честь! / Слава, наш трибун / Герой свободы». (120)

Гитлер очень хотел, чтобы его принимали за реинкарнацию Риенци. В семье Кубичека из поколения в поколение передается фраза, которую тот будто бы произнес: «Хочу стать народным трубуном». (121) Бравурная увертюра к «Риенци» в последующие годы

приобрела всеобщую известность: эта музыка стала неофициальным гимном Третьего рейха, ее исполнением открывались съезды НСДАП в Нюрнберге. Но в итоге трибуны — и тот, и другой — оказались разочарованы своим народом. Перед лицом смерти Риенци отрекается от Рима, ведь тот его недостоен: «Стыд и позор! Так вот он — Рим! / Вы жалки, Рима поношенье! / Последний римлянин клянет / И вас, и ваш постыдный род!»

Кубичек подробно пишет о Гитлере в его шестнадцать лет. Это худощавый, бледный, серьезный молодой человек, одетый всегда просто, но аккуратно и чисто: «Адольф очень ценил хорошие манеры и аккуратный внешний вид». (122) Единственный его костюм — серый в крапинку («перец с солью»), складка на брюках всегда безупречна. К костюму — наглаженная матерью белая рубашка и черные лайковые перчатки. (123) Образ завершала эбенового дерева трость с рукояткой в форме изящной туфли из слоновой кости; иногда Гилер надевал и цилиндр. В таком виде он напоминал студента. Кубичек пишет: «В Линце не было университета, именно оттого молодые люди всех слоев и сословий с большим усердием подражали студенческим нравам». (124)

Речь Гитлера была «изысканной». В отличие от своего окружения, он не использовал диалект, но говорил на литературном немецком языке. А еще он обладал «ярко выраженным умением подать себя». Итак, этот молодой человек любит поговорить, причем всегда в форме длинных монологов. Возражений он не терпит. «Порой он заходил в своих фантазиях слишком далеко, и мне казалось, что он лишь упражняется в риторике». (125)

Кубичек удивлялся, что его друг не поддерживает отношений с бывшими школьными товарищами. Прогуливаясь в Линце по променаду, они однажды встретили бывшего соученика Гитлера. На вопрос, как дела, Гитлер резко ответил, что того «это совершенно не касается, да и ему самому абсолютно безразлично, чем тот занимается». (126)

Весной 1906 года, в возрасте семнадцати лет, Гитлер, видимо, влюбился. Правда, белокурая линцская красавица из хорошего общества не подозревает о существовании робкого воздыхателя: тот младше на два года и наблюдает за ней издали, когда она прогуливается с матерью по Ландштрассе. Штефани уже окончила гимназию, отучилась в Мюнхене и Женеве и вернулась на родину в Линц. (127) У нее много поклонников, что вызывает у Гитлера ревность, особенно если речь об офицерах. Он называет их «бездельниками», возмущается особым положением, которое те занимают в обществе, а «еще более — успехом, которым эти болваны пользуются у дам». Кубичек пишет, что мысли Гитлера заняты «только этой женщиной...», сама не подозревая, она пробудила в нем страстную привязанность». Гитлеру «грезится, что Штефани его жена, он строит дом, где они живут вместе, он разбивает вокруг дома прекрасный парк» и т.д. (128) А еще Кубичек пишет, что Гитлер так ни разу и не заговорил с «предметом своих грез».

Впервые в Вене

Йозеф Майрхофер, опекун Гитлера, требует, чтобы тот нашел работу или поступил в ученики, тем самым облегчив тяжелое материальное положение семьи. Но молодой человек возражает: он собирается стать

художником. И мать его поддерживает, она даже оплачивает ему поездку в Вену ради посещения императорской картинной галереи, — затея для сына вдовы необычная и затратная.

Перед отъездом Гитлеру необходимо получить справку о регистрации, так называемое «свидетельство уроженца», которое подтверждает его линцское происхождение и гарантирует социальную помощь в случае необходимости. Свидетельство было выдано 21 февраля 1906 года.

А в мае 1906 года после долгой, шестичасовой поездки на региональном поезде 17-летний Гитлер в качестве туриста впервые попадает в Вену, столицу империи и резиденцию Габсбургов.

Внушительные размеры довоенной метрополии, необычное количество транспорта и яркий свет производили огромное впечатление, приводили в замешательство всех провинциалов. Ни в одном другом городе двуединой монархии не было такого оживленного движения, как в Вене. В 1907 году по столице передвигались 1458 автомобилей, более половины от всех в стране. При разрешенной скорости 25 км/час в столице за год произошло 354 дорожно-транспортных происшествия с их участием. Однако тон по-прежнему задавали конные повозки: в Вене это 997 двуконных фиакров, 1754 одноконных и 1101 наемных экипажей; с их участием зафиксированы 982 происшествия (129).

Все десять внутренних районов города уже электрифицированы. На улицах больше нет газовых фонарей. Электричеством освещался и Западный вокзал, куда прибывали поезда из Линца. Электрификация зданий также продвигалась быстро: в 1908 году в жилых

домах насчитывалось 176 дуговых ламп и 657 625 ламп накаливания. (130) Значит, на каждого третьего венца приходилось по одной лампе накаливания. Для сравнения: в Линце после 1905 года лишь шесть электрических дуговых ламп освещали центральную площадь, а одна — мост между Линцем и Урфаром; все остальные лампы — газовые и керосиновые. (131)

Неизвестно, где именно Гитлер остановился в Вене. Часто повторяют, что он жил у своего крестного Иоганна Принца, но это маловероятно. Муж и жена Принцы значатся в одном из документов 1885 года как «супружеская чета, смотрители крытого бассейна Софиенбад в Вене», проживающие в 3-м районе, на Лёвенгассе 28 (132). Однако нет никаких документов, свидетельствующих о том, что в 1906 году они все еще жили там. Никакой иной информации о них тоже нет. Как сообщает Кубичек, Гитлер никогда не навещал близких, «и позже речь о них тоже не заходила». (133)

В «Моей борьбе» Гитлер напишет, что во время этой первой поездки он восхищался архитектурой Рингштрассе, венского бульварного кольца: *Я отправился в Вену, чтобы познакомиться с картинной галереей в Придворном музее, но само здание музея заинтересовало меня гораздо больше. Целыми днями, с раннего утра до позднего вечера, я бегал от одной достопримечательности к другой, меня занимали только архитектурные сооружения. Я мог часами стоять перед оперой, часами любоваться парламентом: вся Рингштрассе казалась мне чудом из «Тысячи и одной ночи».* (134)

Единственным источником информации о первой поездке в Вену являются четыре открытки,

адресованные Кубичеку. Это самые ранние из известных на сегодняшний день автографов Гитлера. (135)

Продолжительность поездки не поддается точному определению по почтовым штемпелям. На одной из открыток (штемпель от 7 мая 1906 года) — трехчастное изображение площади Карлсплац, здесь Гитлер отметил крестиком на заднем плане «Музикферайн», дом Общества любителей музыки. В этом здании располагалась консерватория. Кубичек мечтал там учиться, позже его мечта осуществилась. Текст открытки гласит: *Посылая тебе эту открытку, я должен сразу же извиниться, что так долго не давал о себе знать. Я благополучно добрался, и теперь усердно все осматриваю. Завтра иду в оперу на «Тристана» послезавтра на «Летучего голландца» и т. д. Хотя мне здесь все очень нравится я скучаю по Линцу. Сегодня в Городской театр. Привет тебе от твоего друга Адольфа Гитлера.*

Мать воспитала Адольфа вежливым мальчиком, он не забыл передать привет родителям Кубичека.

Приведенные сведения соответствуют театральной афише. Во вторник, 8 мая 1906 года, давали «Тристана», с семи до половины двенадцатого; Эрик Шмедес — партия Тристана, Анна фон Мильденбург — Изольда, Рихард Майр — король Марк. В среду, 9 мая, в афише значится «Летучий голландец». 7 мая 1906 года в Городском театре идет спектакль «Угрызения совести», комедия Людвиг Анценгрубера из деревенской жизни. (136)

На второй открытке изображена сцена Придворной оперы, текст гласит: *Внутренность дворца не кажется возвышенной. Снаружи могущество и величественность, серьезность произведения искусства, но внутри чувствуешь скорее восхищение, чем достоинство.*

Только когда по залу разливаются мощные волны звука и шепот ветра уступает место их страшному рокоту, начинаешь ощущать душевный подъем забываешь о золоте и бархате которыми здание перегружено изнутри. Адольф Г.

На третьей открытке, изображающей здание оперы снаружи, написано: *Сегодня с 7 до половины 12-го «Тристан»* (что позволяет датировать открытку 8 мая). *Меня все-таки тянет назад в мой любимый Линц и Урфар. Хочу, должен вновь увидеть Бенкизера. Что-то он подельывает? Я приезжаю в Линц в четверг в 3.55. Если у тебя есть время и тебе разрешат, встречу меня на вокзале. Твой друг Адольф Гитлер.* Под именем «Бенкизер» скрывается, очевидно, реальное лицо. Кубичек полагает, что имеется в виду Штефани, которая жила в Урфаре. (137)

Так или иначе, молодой человек провел как минимум два вечера в Придворной опере, посмотрев самые знаменитые в ту пору постановки вагнеровских опер: директор Густав Малер и сценограф Альфред Роллер создали современное, «освобожденное от хлама» традиций, универсальное произведение искусства. Еще важнее: 8 мая Гитлер единственный раз в своей жизни мог видеть Малера, дирижирующего оперой Вагнера — «Тристаном». (138)

Еще одна открытка с видом парламента не датирована: *Шлю тебе и твоим дорогим родителям сердечные поздравления с праздниками и многочисленные приветы с совершенным почтением Адольф Гитлер.* Какие праздники имеются в виду — неизвестно. Когда была написана эта открытка? В начале или в конце поездки, на Пасху или на Троицу? В «Моей борьбе» Гитлер упомянул, что поездка длилась две недели. (139)

*Главная лестница
Венской придворной
оперы*

С тех пор столица притягивает молодого человека, как магнит. Кубичек пишет: «В мыслях он проживал уже не в Линце, а в Вене». (140)

Впрочем, провинциальный городок, оказавшийся для молодого человека слишком тесным, тоже мог похвастаться разнообразными увеселениями. 26 мая 1906 года американский цирк «Буффало Билл» дает представление «Дикий Запад»: 800 костюмированных участников, в их числе — 100 индейцев, а еще — 500 лошадей. 7 июня линцская молодежь может

Гитлер в Вене

60

подивиться как на 150 роскошных автомобилей, так и на их благородных «владельцев-автолюбителей»: те принимают участие в гонке с остановкой в Линце. 5 августа на горе Пёстлингберг над Урфаром открывают новый аттракцион, существующий и поныне, — это электрическая железная дорога в пещере. 28 августа на Рыночной площади Урфара выступает с гастролями цирк лилипутов. 28 сентября начинаются представления американской кинотруппы «Ройяль Вайо» в доме для народных гуляний «Фольксфестхалле», и зал, как отмечает Краковицер, «ежедневно берут штурмом, сборы потрясающие» (141).

13 октября в Ландестеатре впервые показывают оперетту Франца Легара «Веселая вдова», самое популярное музыкальное произведение той эпохи. Во всех ресторанах и кафе постоянно звучат знаменитые мелодии: «Пойду к “Максиму” я», дуэт Ганны и Данило, финальные куплеты «Но без женщин и свет нам не мил». Гитлер любил эту оперетту до последних лет жизни. В 1943–1944 годах, в ставке «Волчье логово» (Восточная Пруссия) он слушал не Вагнера, а «исключительно только „Веселую вдову“», как со вздохом сообщает очевидец. (142)

18 октября Лео Слезак, знаменитый исполнитель арий Вагнера, дает концерт в переполненном зале. А вот концерт 20 января 1907 года, когда дирижировал Малер, директор Венской придворной оперы, приносит убытков на 1700 крон, как записал Краковицер.

С октября 1906 года Гитлер берет у учителя Кубичека уроки фортепьяно за весьма солидную плату — пять крон в месяц. Но больших успехов не достигает. Видно, нелегко пришлось учителю в 1938 году, когда надо было представить свои

Из провинции в столицу

61

воспоминания о «фюрере» в Главный архив НСДАП: «Что касается уроков, то он всегда был очень внимателен, не поддерживал посторонних разговоров ни до, ни после занятия... Короче говоря: тогда я вообще не знал, что за великий государственный муж берет у меня уроки». (143) Гитлер прекратил занятия уже в январе 1907 года. Именно тогда в его жизни произошли серьезные изменения: 14 января Клара Гитлер обратилась к семейному врачу д-ру Блоху с жалобой на сильные боли, тот обнаружил опухоль и рекомендовал операцию. Четыре дня спустя операцию сделали в Больнице милосердных сестер в Линце.

Пребывание в больнице при отсутствии медицинской страховки — удовольствие не из дешевых, особенно если учесть, что Кларе Гитлер выставили пять крон в день вместо обычных двух. Да еще разные другие счета, например, от хирурга. Больница потребовала за двадцать дней пребывания (17 января — 5 февраля) 100 крон, которые по счету оплатил «сын», 17-летний Адольф. (144) Ему пришлось оплачивать еще и послеоперационное лечение у семейного врача д-ра Блоха. Расходы все увеличивались.

Все решения 17-летний Гитлер принимает в одиночку. Его сестра Паула еще слишком мала, ей одиннадцать лет. Замужняя Ангела Раубаль не имеет отношения к семейному бюджету, к тому же Кларе Гитлер она падчерица. «Тетушке Хани» такие сложности не по плечу, она не вмешивается. Ни д-р Блох, ни Кубичек в этой связи ее не упоминают.

Той весной впервые после введения всеобщего, прямого и равного избирательного права для мужчин проводятся выборы в Рейхсрат. Краковицер записывает 2 мая 1907 года: «Выборы в Рейхсрат

ужасно волнуют всех заинтересованных лиц: множество листовок, собраний и т.п.» Введение всеобщего избирательного права окрыляет социал-демократов, которые теперь составляют сильную конкуренцию националистической партии и клерикалам. И они выигрывают все три линцских мандата в Рейхсрат. Вполне возможно, что причиной ненависти Гитлера к «красным» стал проигрыш ранее ведущих партий (прежде всего — Немецкой народной партии) в той ожесточенной борьбе.

Когда Клара Гитлер (46 лет) немного оправилась, стало понятно, что ей трудно подниматься по лестнице на четвертый этаж. В начале мая 1907 года семья переселяется в местечко Урфар на противоположном берегу Дуная, адрес — Хауптштрассе 46. Вероятно, финансовые проблемы сыграли здесь не последнюю роль. Урфар только в 1917 году был включен в городскую черту Линца, а то того считается недорогим. Во-первых, здесь есть рынки, где торгуют фермеры. Во-вторых, продукты питания и прочие товары здесь не облагаются налогом, в отличие от Линца. Кубичек пишет, что Гитлер и до переезда делал все крупные покупки в Урфаре.

Две недели спустя семья вновь переезжает, на этот раз недалеко — на Блютенштрассе 9 в Урфаре. По линцским меркам арендная плата за жилье на втором этаже, пусть и в приветливом, элегантном доме, очень высока (145). 50 крон — это почти половина вдовой пенсии Клары Гитлер, такое ей точно не по карману. И снова приходится тратить тот небольшой капитал, что удалось выручить от продажи дома. На Блютенштрассе тяжелобольная Клара Гитлер проведет несколько спокойных месяцев.

Д-р Блох вспоминает, что квартира состояла из трех маленьких комнат. Из окон открывался великолепный вид на гору Пёстлингберг. «Первое, что бросалось в глаза в этой скромно обставленной квартирке, — необыкновенная чистота. Здесь все блестело: ни пылинки на стульях и столах, ни единого пятна на натертом полу, никаких потеков на окнах. Госпожа Гитлер была превосходной хозяйкой».

Дом принадлежал Магдалене Ханиш, вдове судебного советника. Она занимала квартиру на первом этаже и принимала большое участие в судьбе Клары Гитлер. Еще в доме проживали пенсионер-почтмейстер с женой, пенсионер-профессор и два поденщика (видимо, в подвальных помещениях). (146)

Как следует из счетной книги д-р Блоха (147), Клара Гитлер приходила к нему на прием 3 июля, а затем лишь 2 сентября. То ли врач не принимал летом (но тогда было бы отмечено, что прием ведет его заместитель д-р Крен, а такой записи нет), то ли пациентка все-таки отправилась вместе с семьей в Вальдфиртель, на отдых. Путешествие для того времени вполне комфортабельно: поезд из Линца шел через Будвайс в Гмюнд, откуда семья могла добраться до родительского дома Клары (деревня Шпиталь близ городка Вайтр) на запряженной волами повозке.

Первый экзамен в Академию

Осенью 1907 года Гитлер, невзирая на возражения опекуна, добился от матери разрешения поступать в венскую Академию изобразительных искусств. В начале сентября он покидает Линц, *постоянно думая об отце, который — будучи бедным деревенским мальчишкой, подмастерьем сапожника — выбился в люди и стал чиновником.* (148)

Перед отъездом он прощается со Штефани. Позже та смутно вспоминает: «Однажды я получила письмо, кто-то мне писал, что отправляется учиться в художественную академию, а я должна его ждать, он вернется и женится на мне. Что еще там было написано, я уж и не помню, не помню и подпись, да и была ли она вообще. Я совершенно не представляла, кто мог ко мне писать». (149) В 1908 году Штефани Рабатш обручилась с капитаном расквартированного в Линце полка Великого герцога Гессенского. (150) Лишь несколько десятилетий спустя она узнает, кем был тот безвестный воздыхатель.

В Вене Гитлер ищет себе комнату. Дело это несложное: в бедных районах города почти все квартиросъемщики сдают комнаты или койки, чтобы собрать необходимую сумму для погашения собственной арендной платы. На воротах домов расклеены объявления, расхваливающие комнаты, сдающиеся внаем.

В заднем флигеле дома номер 31 по улице Штумпергассе, район Мариахильф, второй подъезд, подвальный этаж, квартира 17 (151), он снимает за десять крон в месяц комнатенку площадью ровно 10 кв.м. (152). Его хозяйка — незамужняя портниха Мария Закрейс, типичная представительница венского «столпотворения народов». Она чешка, приехала в Вену из Богемии и плохо говорит по-немецки. 17 августа 1908 года Гитлер писал Кубичеку: *У Закрейс скорее всего проблемы с правописанием (она так плохо говорит по-немецки).*

Утверждение, что Мария Закрейс была полькой, ошибочно, хотя и основано на предположении Кубичека. Услышав ее выговор, тот решил, что Мария «родом из Станислава или Нойтитшайна». Правда,

вдобавок он утверждал, что она «богемирует», то есть говорит по-немецки с чешским акцентом, и упоминал ее моравскую родню. Нойтитшайн находился в Моравии, Станислав — в Галиции. Но Закрейс была родом не из этих мест; кроме того, ее имя явно чешского происхождения: Закрейс — повелительная форма чешского глагола «zakrýtse» — «накрыться», «укрыться» (153). Хозяйка, которой тогда было 49 лет, показалась Кубичеку «иссохшей старушкой». (154) За свою квартирку, состоявшую из кухни и двух комнат — большой и маленькой, она платила, как говорит статистика, от 320 до 491 крон в год. (155) Значит, квартирную плату, запрошенную с Гитлера, можно считать крайне низкой.

Венский район Мариахильф — это высокие доходные дома, выстроенные большей частью на рубеже веков, то есть в период интенсивной индустриализации и притока населения. Дом 31 по Штумпергассе включал в себя, как и большинство других, парадное здание фасадом к улице и очень узкий, темный задний флигель с маленькими квартирками. Все как одна они состояли из двух комнат и кухни, общей площадью не более 30 кв.м., и располагались в ряд вдоль длинного коридора, где находились раковины общего пользования, так называемые «бассены», и туалеты.

В переднем корпусе находилась библиотека Общества чтения Святого Викентия. Ее фонд составлял 11 000 томов, примерно столько же, сколько и в Центральной библиотеке 6-го района (Мариахильф). Однако здесь выдавали на руки ежегодно 18 000 томов, гораздо меньше, чем в Центральной библиотеке (107 000 томов). Плата за пользование составляла две кроны в год или два геллера за книгу (156).

Через несколько домов, по адресу Штумпергассе 17, находилась редакция газеты «Альдойчес Тагблатт». Газета пропагандировала программу Шёненера: ратовала за «присоединение» Немецкой Австрии к Германской империи, за то, чтобы немецкий язык в Цислейтании стал государственным, поддерживала движение «Прочь от Рима!» и выступала защитницей всех немцев в «ненемецком» окружении, прежде всего, в Богемии. Новости и сообщения трактовались исключительно в пангерманском духе, их информационная ценность невелика. Эта газета — прежде всего дискуссионная площадка для тех, кто симпатизировал идеям пангерманизма. Типография «Кальмус и Ко», где печаталась газета, находилась по адресу Штумпергассе 7. В витринах там всегда вывешивали свежие выпуски. Можно предположить, что «Альдойчес Тагблатт» стала первой газетой, которую Гитлер читал ежедневно.

Сейчас уже невозможно выяснить, случайно ли Гитлер поселился поблизости от редакции и типографии пропагандистского органа шёнерианцев. Возможно, на его выбор отчасти повлияло знакомство с пангерманским изданием «Линцер Флигенде Блеттер», ведь пангерманцы оказывали помощь своим сторонникам в поиске жилья, работы и т.п.

В деловом районе Мариахильф можно быстро и недорого совершить покупки любого рода. В непосредственной близости расположены рестораны и кофейни, а также социальные учреждения. Например, совсем рядом, по адресу Линиенгассе 9, находится бесплатная столовая для неимущих, обед из трех блюд стоит там 30 геллеров. Недалеко и дневные отапливаемые приемники для бездомных, и очень современная по

тем временам больница Милосердных сестер по адресу Штумпергассе 13, где нуждающиеся могли каждый день получить бесплатную тарелку супа. За углом, по адресу Гумпендорферштрассе 59 — общественная баня, куда чистоплотные люди, обладающие достаточным доходом, наведывались раз в неделю. Принять ванну стоило — в зависимости от уровня удобств — от 60 геллеров до 1,20 кроны; бедные могли себе позволить такую роскошь лишь по особым случаям.

По улице Мариахильферштрассе, которая также расположена недалеко, линия электрического трамвая ведет в центр города. Дневной билет стоит целых 12 геллеров, а с 1909 года — 14 геллеров, поэтому молодой человек ходит пешком. За десять минут он успевает добраться до Академии изобразительных искусств на площади Шиллерплац: со Штумпергассе, примерно возле дома № 100, он сворачивает на Гумпендорферштрассе, идет по направлению к центру мимо еще пятидесяти домов, мимо кофеен, где встречаются студенты и профессора Академии.

Помпезное здание Академии изобразительных искусств в стиле историзма, главное творение Теофила Ханзена, возвели в 1877 году. Сразу от входа попадаешь в великолепный зал, напоминающий — из-за копии фриза Парфенона на стенах, античных статуй и колоннады — античный храм. Фреска на потолке выполнена Ансельмом Фейербахом, которым Гитлер восхищался и позже, даже будучи рейхсканцлером.

Профессорский состав, как и само здание, соответствовал вкусам той эпохи, когда застраивали Рингштрассе (если не считать Отто Вагнера, руководившего школой архитектуры). В школе живописи предпочтение по-прежнему отдавалось историзму.

Представительниц слабого пола к занятиям не допускали: своим дилетантством они якобы могли опозорить Академию.

Академия была оплотом консерваторов, туда поступали, по выражению Оскара Кокошки, чтобы «побыть художником в бархатной куртке и берете». (157) Кокошка, «главный дикарь», был старше Гитлера на три года и учился в Школе художественных искусств и ремесел, которая являла собой полную противоположность Академии. Здесь представители современного искусства с гордостью называли свое творчество ремеслом и работали в тесном сотрудничестве с «Венскими мастерскими». Гитлер выбирает Академию, а не Школу художественных искусств и ремесел, вставая на сторону консерваторов.

Национальный состав студентов был для Австро-Венгрии на удивление однороден: в зимнем семестре 1907/08 учебного года 245 студентов из 274 — немецкоязычные. Всего девять учащихся указали в качестве родного языка чешский или словацкий, два — польский, один — русинский, три — южнославянский, 11 — итальянский и три — венгерский. (158)

Отбор проходил так же, как и сегодня: на основании представленных работ принималось решение о допуске абитуриента к экзаменам. В начале сентября 1907 года Гитлер вместе с другими 111 кандидатами представляет свои работы, вооруженный *толстой кипой рисунков и убежденный, что сможет сдать экзамен играючи*. (159) В отличие от 33 менее удачливых абитуриентов, Гитлер успешно прошел первую ступень и получил допуск к экзамену по рисунку.

В течение нескольких недель, оставшихся до решающего экзамена, Гитлер, как и другие кандидаты,

берет уроки в дорогой частной Школе рисования и живописи Рудольфа Панхольцера в венском районе Хитцинг. Школа открылась в 1906 году, здесь всего два учителя и двадцать постоянных учеников, среди них есть и девочки. Для подготовки к экзаменам можно брать разовые уроки. (160)

Экзамен по рисунку проходил в двух группах 1 и 2 октября, три часа до обеда и три часа после обеда. Следовало выполнить восемь «заданий по композиции» на одну из предложенных тем, например: «1. Изгнание из Рая 2. Охота, 3. Весна, 4. Строители, 5. Смерть, 6. Дождь». (161)

На сей раз работы Гитлера не удовлетворяют требований приемной комиссии. В «Квалификационном списке Всеобщей школы живописи 1905–1911 гг.» есть запись: «Адольф Гитлер, род. в Брану-на-Инне, Верхняя Австрия, 20 апреля 1889 г., немец, католич., имп.-кор. чиновник (отец), семья небольшая» и отметка о результате: «Экзамен по рисунку — неудовлетворительно». (162) Из 113 абитуриентов в школу живописи принимают только 28. Это процентное соотношение сохранилось и поныне.

Решение принимают профессора Рудольф Бахер, Франц Румплер, Генрих Лефлер и Казимир Похвальский, но решающее право голоса имеют Кристиан Грипенкерл и Алоис Делуг, директора двух школ живописи, а также Зигмунд л'Альман, ректор и представитель всего преподавательского состава. Большинство членов комиссии добились известности, создавая интерьеры зданий на Рингштрассе. Только директор второй школы, Алоис Делуг из Южного Тироля, представляет современную живопись и является, вместе с Густавом Климтом и Альфредом

Роллером, одним из основателей объединения художников «Сецессион». Делуг ведет последовательную борьбу со своими коллегами и не особо усердствует на работе в Академии. И в 1907-м, и в 1908 году во время вступительных экзаменов в городе его нет: сообщив, что не сможет никого принять в свой класс, он уехал отдыхать на родину, в Южный Тироль. (163)

Тем большую роль играет второй директор, уже немолодой Кристиан Грипенкерл родом из Ольденбурга. Именно он, а не презираемый Гитлером «модернист» принимает окончательное решение. Рассуждения о том, что Гитлер стал антисемитом, когда профессора-евреи не приняли его в Академию (164), не имеют оснований: среди профессоров, решивших судьбу абитуриента, евреев не было. Л'Альман, чье имя могло бы подтолкнуть к такому выводу, происходил из протестантской, скорее всего, гугенотской семьи, из Хануа в Гессене. (165)

Потерпев поражение, я покинул великолепное здание Ханзена на Шиллерплац, впервые в моей недолгой жизни я был не в ладу с собой. (166). Отметим, что некоторые из провалившихся абитуриентов стали известными художниками и без учебы в Академии. Робин Кристиан Андерсен, как и Гитлер, провалился в 1907 году на экзамене по рисунку, а в 1946–1948 годах занимал должность ректора Академии. (167) Позже Гитлер не раз вспоминал почитаемого им Фейербаха, которого *та же самая венская Академия не приняла за отсутствием таланта, а десять лет спустя чествовала и награждала.* (168)

Всю свою последующую жизнь Гитлер ругал профессоров («профаксов»), университеты и особенно Академию художеств, *потому что преподающие там*

профессора — это не настоящие художники, они не смогли бы добиться успеха в общей борьбе; если же это все-таки значительные художники, то на преподавание они могут потратить не больше двух часов в день или рассматривают свою работу в Академии как занятие на старости лет. (169)

Смерть матери

Вскоре после провала на экзамене Гитлер возвращается в Линц. Паула Гитлер вспоминает: состояние здоровья матери резко ухудшилось и ей хотелось, чтобы «сын был дома». (170) Кубичек пишет о больной: «Ее серьезное, озабоченное лицо светилось радостью, потому что сын вернулся и преданно заботится о ней». 22 октября 1907 года в кабинете доктора Блоха состоялся важный разговор. Семья узнала, что состояние Клары Гитлер безнадежно. После 28 октября она уже не вставала с постели. (171)

Кубичек отмечает, что 18-летний Гитлер «нежнейшим образом» заботился о матери. «Я и не подозревал, что он способен на такую любовь и нежность». «В отношениях матери и сына» царил «невероятная душевная гармония». (172) Кровать Клары Гитлер стоит в кухне, единственном отапливаемом помещении квартиры; сын переставляет мебель таким образом, чтобы примостить там диван для себя. Теперь он может ухаживать за матерью круглосуточно. Кубичек пишет: «Обреченную на смерть Клару Гитлер окружала атмосфера спокойствия, даже почти радости».

Это подтверждает и д-р Блох, который с 6 ноября ежедневно посещает больную на дому. В этот день Клара впервые получает дозу морфия и обработку йодоформом. (173) Весьма распространенная тогда

процедура состояла в том, что смоченную йодоформом ткань накладывали на открытые раны — их «выжигали». Это было крайне болезненно, кроме того, больной испытывал мучительную жажду, но при этом не мог глотать. Мать терпеливо переносила боль, а вот сын «мучался», как сообщает д-р Блох. Гитлер благодарил врача за морфий для успокоения болей. (174)

На душе у Клары Гитлер беспокойно: Пауле всего одиннадцать лет, падчерица Ангела вскоре должна родить второго ребенка. Но прежде всего «ее мысли занимает сын», как пишет д-р Блох. Кубичек подтверждает: «Будущее Адольфа было совершенно неясным. Эта мысль непрестанно мучила мать». (175)

Клара Гитлер умерла в два часа ночи 21 декабря 1907 года, в возрасте сорока семи лет. (176) Доктор Блох, который на следующий день составил медицинское свидетельство о смерти, сообщает: «Адольф сидел рядом с матерью, на усталом лице — отпечаток бессонной ночи. Желая запечатлеть образ матери, он нарисовал ее портрет на смертном одре».

Гроб с телом установили в квартире для прощания, а два дня спустя, 23 декабря, в исключительно сырой и туманный день (177), семья и несколько знакомых сопроводили его в церковь. За катафалком, на котором гроб доставили в Леондинг, следовали всего два экипажа. В первом сидели Паула и Адольф, одетый в траурный костюм, черные перчатки и цилиндр, во втором экипаже — беременная Ангела Раубаль и ее муж. (178) Клару Гитлер похоронили около полудня рядом с ее мужем на кладбище Леондинга, возле того дома, где раньше проживала семья. (179) Нижеследующие слова из «Моей борьбы» показывают, какое значение имело для Гитлера погребение.

По силе эмоционального потрясения он сравнивает его с тем моментом, когда узнал о капитуляции Германии в 1918 году: *Я не плакал с того дня, как стоял у гроба матери.* (180)

Сохранились данные о расходах на погребение: похоронное бюро выставило счет за услуги в 369,90 крон, включая перевозку и захоронение. (181) Один только тяжелый полированный гроб с металлическими вставками стоил 110 крон — громадная сумма, учитывая скромные доходы Клары Гитлер. Сын и теперь оплатил самый дорогой вариант, как когда-то в больнице выбрал самый дорогой класс ухода.

Д-р Эдуард Блох незадолго до закрытия своей врачебной практики в 1938 году

24 декабря семья отправляется с благодарственным визитом к д-ру Блоху. Тот вспоминает: «За мою почти сорокалетнюю практику мне не случилось встречать молодого человека, столь убитого горем

и подавленного, сколь юный Адольф Гитлер, когда он... пришел, чтобы, задыхаясь от слез, выразить мне благодарность за работу».

Сын оплачивает счет в 300 крон, выставленный д-ром Блохом. Речь здесь идет, очевидно, об общей сумме, из кассовой книги д-ра Блоха нельзя однозначно понять, какая часть этой суммы приходилась на гонорар, а какая — на лекарства и перевязочные материалы. С последней оплаты в ноябре 1907 года имеется запись о 46 визитах на дому, когда почти каждый раз проводилась дорогостоящая процедура с применением йодоформа. Итак, каждый визит врача на дому, включая лекарства и перевязочный материал, обходился примерно в семь крон — сумма невелика. Для сравнения: районный врач, который контролировал запаивание гроба в Урфаре, выставил за эту несложную и не отнявшую у него много времени услугу счет на 20 крон, а его коллега из Леондинга — даже на 28 крон. (182) Рассуждения о том, что причиной анти-семитизма Гитлера стало неправильное, дорогостоящее и мучительное лечение у врача-еврея, не имеют под собой никаких оснований. (183)

Молодой Гитлер выказывает врачу благодарность и почтение, дарит ему подарки, сделанные своими руками. Например, большую картину, которая, по словам дочери Блоха Гертруды Крен, «затем потерялась; она не нравилась моей матери». (184) В канун нового 1908 года врач получает открытку с акварельным рисунком, изображавшим капуцина — вероятно, в стиле Эдуарда фон Грюцнера, любимого художника Гитлера. Текст на открытке: *Самые сердечные новогодние пожелания! С неизменной благодарностью Ваш Адольф Гитлер.* (185) Эту открытку, как и первую,

полученную в сентябре 1907 года, с текстом: *Сердечные приветы из Вены. Ваш неизменно благодарный пациент Адольф Гитлер*, (186) врач против своего обыкновения сохранил «на память о примерном, образцовом сыне, который окружил дражайшую мать большой любовью и заботой». (187) Очевидно, д-р Блох был особо расположен к семье Гитлеров.

Вступление немецких войск в Австрию в 1938 году радикально изменило жизнь врача. К тому времени Блоху исполнилось 66 лет, 1 октября 1938 года его практику закрыли. Дочь и зять, молодой коллега Франц Крен, спасаются бегством за океан. Доктор Блох рассчитывает на былую привязанность Гитлера. «Фюрер» действительно справлялся о нем в 1937 году у линцских товарищей по партии, назвав его «благородным евреем». Врач пытался через разных посредников передать бывшему пациенту письма с просьбой о помощи. Например, 16 ноября 1938 года он писал, что убежден: Гитлер «не забыл врача своей матери, который в работе всегда руководствовался этическими принципами, а не материальными интересами; я также знаю, что тысячи моих единоверцев, верных тем же принципам, сегодня подвергнуты страшным испытаниям!» (188)

Гитлер немедленно ответил на этот вопль о помощи. Д-р Блох стал единственным евреем в Линце, которого охраняло гестапо. Супруги Блох могли беспрепятственно оставаться в своем доме, пока не уладили всех формальностей для эмиграции. Они сохранили имущество и сами нашли покупателя для своего великолепного дома.

Несмотря на эти привилегии, «аншлюс» стал самым большим несчастьем в жизни д-ра Блоха. После долгих лет жизни в Линце в покое и уважении, он

потерял работу, друзей, дом, родину. В 1940 году он вместе с женой эмигрировал в США. Его медицинский диплом там не признали, он больше не имел возможности работать. В 1945 году Эдуард Блох, сломленный человек, умер в Бронксе, Нью-Йорк.

Последние недели в Линце

Есть некоторые данные о тех неделях, что прошли с похорон матери до отъезда Гитлера из Линца в феврале. 4 января 1908 года появилась на свет дочь Ангелы Раубаль, ее назвали Ангеликой. 7 января 1908 года Гитлер вступил в Линцское музейное общество, где ему придется платить немалый годовой взнос — 8,40 крон. Отныне он принадлежит к образованным слоям Линца, может бесплатно посещать Музей земли Верхняя Австрия и его библиотеку. Тогда в музее наблюдался самый большой наплыв посетителей за все время существования: сотни зевак приходили подивиться на «находку из Шваненштадта» — дом зажиточного бюргера XVII столетия с полной обстановкой, предметами быта и одеждой.

18 января 1908 года в суде Урфара состоялось слушание дела о наследстве. Данные об имуществе не приводятся (189), что указывает на внесудебную договоренность о распределении имеющихся денег. Так можно было избежать блокирования наследственных долей несовершеннолетних Адольфа и Паулы по судебному решению. И так ведь наследство, оставшееся после отца (652 кроны на каждого), хранится на особом заблокированном счете до достижения ими возраста 24 лет. А детям необходимы средства к существованию, официальной сиротской пенсии (25 крон в месяц) на жизнь не хватит.

Размер наследства можно оценить лишь приблизительно. Сумма в 5500 крон, вырученная за продажу дома в Леондинге в 1905 году, за прошедшие годы несомненно уменьшилась: Ангеле выделили ее долю, на учебу Адольфа в Штайре потратили немалую сумму, как и на две его поездки в Вену да на три переезда, но основные траты — лечение и похороны матери.

В последний год жизни Клары Гитлер реальная стоимость ее пенсии в 100 крон уменьшилась из-за роста цен. Положение мелких чиновников и вдов чиновников стало тогда особенно тяжелым, потому что выплаты им, и без того низкие, не увеличивались. Краковицер записывает 1 декабря 1907 года: «В последние недели сильный рост цен. Во всех населенных пунктах демонстрации, дебаты во всех корпорациях и в Рейхсрате. Неутешительная ситуация для „маленьких“ людей». 10 декабря он пишет о «повсеместных протестах против всеобщего повышения цен», 14 декабря — о «пассивной забастовке почтовых служащих по всей Австрии», 19 января 1908 года — о «забастовке косарей в Австрии», и так далее. (190)

По очень приблизительным расчетам, Адольфу и Пауле могли достаться в наследство не более 2000 крон, то есть примерно по 1000 крон на каждого.

Материнское наследство и сиротская пенсия обеспечили бы примерно год существования безработного в таком дорогом городе, как Вена. Жалобы Гитлера в 1921 году на то, что *когда я отправился в Вену, всей наличности у меня было 80 крон*, никак не соответствовали истинному положению дел. (191) Но и то, что Гитлер в 1907 году, получив с разных сторон наследство, стал «весьма обеспеченным человеком», абсолютно неверно. (192). (См. Экскурс в конце этой главы).

В эти недели многие сочувствовали «студенту, изучающему искусство», ставшему полным сиротой. Служащий почты Преземайер, живущий по соседству, предлагает ему похлопотать о месте. Но 18-летний юноша отказывается: он намерен стать «великим художником». «А когда ему в ответ сказали, что для этого нужны соответствующие денежные средства и личные связи, он отрезал: „Макарт и Рубенс тоже выбились в люди из низов!“» (193)

Магдалена Ханиш, хозяйка дома на Блютенгассе, отнеслась к амбициям молодого человека с большим пониманием. 4 февраля 1908 года она написала длинное письмо своей подруге Иоганне Мотлох, по прозвищу «Муки», проживавшей в Вене. Попросила дать рекомендательное письмо к Альфреду Роллеру, знаменитому сценографу Венской придворной оперы, ближайшему соратнику Густава Малера и профессору Школы художественных искусств и ремесел: «Сын моих жильцов хочет стать художником, с осени он учится в Вене. Он хотел поступить в Академию изобразительных искусств, но прием уже закончился, и он пошел в частное учебное заведение (кажется, к Панхольцеру). Это серьезный, целеустремленный молодой человек, ему 19 лет, но он зрелый не по годам, милый и ответственный, из очень приличной семьи. Его мать умерла перед Рождеством от рака легких, ей было всего 46, вдова обер-официала здешней главной таможни; я ее очень любила; она жила рядом со мной на втором этаже; квартира пока что останется за ее сестрой и доченькой, которая учится в лицее. Речь идет о семье Гитлеров, а молодого человека, за которого я прошу, зовут Адольф Гитлер».

Молодой Гитлер восхищался Роллером, которому тогда было 44 года, с тех пор как увидел в Вене две

его постановки Вагнера — «Тристана» и «Летучего Голландца». Магдалена Ханиш пишет далее: «Недавно мы случайно разговорились об искусстве и художниках, и он упомянул между прочим, что профессор Роллер — знаменитость, причем не только в Вене, но и во всем мире, и он восторгается его произведениями. Гитлер не подозревал, что мне знакомо имя Роллера, а когда я ему сказала, что была знакома с братом знаменитого Роллера, и спросила, не поможет ли его карьере рекомендательное письмо к директору сценографической части придворной оперы, у молодого человека загорелись глаза; он густо покраснел и сказал, что почтет величайшим счастьем своей жизни, если сможет познакомиться с этим человеком и будет иметь рекомендательное письмо к нему! Мне очень хочется помочь молодому человеку. У него нет никого, кто замолвил бы за него словечко или помог бы ему словом или делом; он приехал в Вену совсем один, никого там не знает, ему пришлось самому, без всякого руководства добиваться везде, чтобы его приняли. Он твердо намерен выучиться стоящему делу! Насколько я его знаю, он не собьется с пути, потому что у него перед глазами серьезная цель. Я надеюсь, он будет достоин твоих хлопот! Возможно, ты сделаешь доброе дело. Молодой человек пока еще в Линце, но через несколько дней снова отправляется в Вену. Он ждет только решения опекунского совета по поводу пенсии для себя и сестры». (194)

Иоганна Мотлох, «дражайшая Муки», немедленно написала Роллеру. Знаменитый человек, тогда занятый подготовкой венской премьеры музыкальной драмы Эжена д'Альбера «Долина», ответил сразу, 6 февраля 1908 года, письмом на три страницы: «Дорогая

многоуважаемая сударыня, я с удовольствием исполню ваше желание. Пусть молодой Гитлер приходит и приносит свои работы, чтобы я посмотрел, как и что. Я все скажу ему по совести, насколько я в этом разбираюсь. Он найдет меня каждый день в моем рабочем кабинете в опере, вход со стороны Кертнерштрассе, лестница дирекции, в половине первого и в половине седьмого. Если меня не окажется в кабинете, слуга пригласит меня по телефону. В эти часы я обычно в опере. Если вдруг так неудачно получится и Гитлер придет, когда меня нет, пусть не стесняется и явится снова на следующий день».

«Муки» немедленно пересылает это исключительно дружелюбное письмо Роллера госпоже Ханиш, которая уже 8 февраля 1908 года благодарит «за исполнение просьбы» и рассказывает о впечатлении, произведенном в Линце: «Если бы ты могла видеть счастливое лицо молодого человека, когда я пригласила его к себе и сказала, что ты была так любезна и порекомендовала его директору Роллеру, и он может к нему явиться! Это было бы лучшим вознаграждением за твои труды! Я дала ему твою карточку и письмо директора Роллера! Если бы ты только видела этого мальчика! Он читал письмо про себя, медленно, слово за словом, будто хотел выучить его наизусть, с благоговением и счастливой улыбкой. С выражением глубокой благодарности на лице он вернул мне письмо. Спросил, можно ли написать тебе, чтобы выразить свою благодарность. Я ответила: «Да!»... Хотя из опекунского совета до сих пор нет никаких новостей, Гитлер не хочет ждать и через неделю уезжает в Вену. Его опекун — простой человек, очень хороший, но, насколько я понимаю, недалекий.

Он живет не здесь, а в Леондинге. Мальчику приходится самому все улаживать, хотя обычно этим занимается опекун. Вместе с этим письмом возвращаю тебе письмо директора Роллера. Если ты встретишься с ним, поблагодари его от меня за доброту, за то, что он при всей своей занятости на такой должности согласен принять молодого Гитлера и дать ему консультацию. Такое счастье выпадает не каждому молодому человеку, думаю, Гитлер сумеет это оценить».

10 февраля 1908 года юноша пишет благодарственное письмо Иоганне Мотлох в Вену, на бумаге с черной каймой, старательным почерком и почти без ошибок:

Глубокоуважаемая сударыня!

Настоящим выражаю Вам, глубокоуважаемая сударыня, глубочайшую благодарность за ваши хлопоты о том, чтобы предоставить мне доступ к великому мастеру сценической декорации профессору Роллеру. С моей стороны было нескромно воспользоваться Вашей добротой, милостивая госпожа, так как вам пришлось просить за совершенно чужого человека. Тем более я прошу Вас принять мою самую сердечную благодарность за предпринятые Вами шаги, увенчавшиеся таким успехом, а также за Вашу карточку, которую вы, милостивая госпожа, любезно предоставили в мое распоряжение. Я безотлагательно воспользуюсь этой счастливой возможностью.

Еще раз примите мою глубочайшую благодарность, почтительно целую вашу руку.

Адольф Гитлер.

Урфар, 10. II. 09 (195)

В тот же день Адольф и Паула Гилер подают ходатайство о сиротской пенсии в земельное финансовое управление Линца. Согласно законодательству, нуждающиеся сироты имеют совместное право на половину материнской вдовьей пенсии до достижения 24-летнего возраста, в данном случае — оба имеют право на 50 крон, каждому — по 25 крон в месяц, при условии, что они учатся в школе или высшем учебном заведении. Ходатайство удовлетворено, вскоре в Вене Гитлеру выплатят его первую пенсию. (196)

Опекун опять настаивает, чтобы Гитлер, которому теперь уже почти девятнадцать лет, наконец-то нашел работу или поступил куда-нибудь в ученики, а пенсия в 50 крон полностью досталась сестре. Из-за этого разгорается конфликт, и недовольный Гитлер покидает Линц в феврале 1908 года. Матери Кубичека он говорит, что эти «терзания ему надоели и он убегает от них в Вену; у него имеется некоторая сумма наличными, он сможет какое-то время продержаться на плаву; он хочет стать художником и доказать своим мещанским родственникам, что прав он, а не они». (197)

Гитлер настаивает, чтобы друг поскорее последовал за ним в Вену и поступил в консерваторию. Как вспоминает Кубичек, Гитлеру пришлось использовать «весь свой дар убеждения», чтобы уговорить его родителей «отпустить в Вену единственного сына», потому что это означало — помимо материальных жертв — что Август «уже никогда не войдет в дело отца, а тому уже шел шестьдесят второй год». (198)

Дату отъезда Гитлера из Линца можно определить по записям в книге домашних расходов: впоследствии записи ведутся строго, с первого по последнее число месяца, но в феврале 1908 года записи начинаются

с 12-го. Предыдущие страницы, видимо, вырваны: указание на то, что прежний «глава дома» в это день или вскоре затем уехал, забрав с собой все расчеты, а также предыдущие, заполненные матерью страницы. Прочие семейные бумаги — например, письма родителей или письма самого Гитлера — тоже исчезнут. Кубичек отвозит друга с его четырьмя тяжелыми чемоданами на вокзал.

18 февраля Гитлер посылает Кубичеку открытку из Вены: *Уже очень жду известия о твоём приезде. Напиши поскорее и поточнее, чтобы я успел подготовиться к торжественной встрече. Вена ждет тебя. Приезжай скорей. Я, конечно, встречу тебя на вокзале. И далее: Значит, как договорились, сначала ты остановишься у меня. А потом посмотри. Рояль здесь можно взять в так называемом «Доротеуме» [государственном ломбарде — прим. автора] всего за 50–60 гульденов. И приписка: Еще раз прошу, приезжай скорей!* (199)

«Тетушка Хани» пока осталась жить с Паулой на Блютенгассе. Но вести хозяйство она неспособна, как и 12-летняя Паула. Эту обязанность взяла на себя сводная сестра Ангела Раубаль, она аккуратно записывает все покупки в книгу домашних расходов. (200)

От брата они долго не получают никаких известий. На допросе у американцев в 1945 году Паула рассказывала: «Когда мать умерла, Адольф больше не возвращался домой». Она думала, что его нет на свете. А когда в 1921 году он внезапно явился к ней домой в Вене, она его даже не узнала. (201)

Экскурс: предки Гитлера в Вальдфиртеле

Все предки Гитлера, о которых имеются достоверные сведения, были родом из Нижней Австрии, из Вальдфиртеля, расположенного к северу от Линца. Как с отцовской, так и с материнской стороны. Клара Гитлер поддерживала отношения с родственниками и проводила каждое лето вместе с детьми в родительском доме, в деревне Шпиталь под Вайтрой.

Вальдфиртель — это регион на границе с Богемией, известный своим суровым климатом, плохой почвой, дикой природой — вся территория покрыта пихтовым лесом на вершинах гор. Этот ландшафт прославил в своем творчестве Адальберт Штифтер. Вплоть до сегодняшнего дня Вальдфиртель считается самым бедным регионом Австрии. На фоне дикого и романтического пейзажа высятся замки средневековой знати — Розенбург, Растенберг, Рапотенштайн, Хайденрайхштайн, богатые аббатства — Цветль, Альтенбург, Герас.

Граница с Богемией оставалась открытой на протяжении веков, и население региона было национально неоднородным. Многие фамилии и названия деревень в Вальдфиртеле — славянского происхождения. Вполне возможно, что фамилия Гитлер, известная в разном написании — Гидлер, Гиттлер, Гюттлер — имеет чешские корни, хотя адепты Гитлера всегда яростно это оспаривали. (1) Наиболее вероятной представляется версия, согласно которой эта фамилия происходит от слова «хижина» («Hütte») и означает «крестьянин» или «рабочий в руднике». (2) Среди предков Гитлера никого нельзя по имени отнести к чехам.

Крестьяне, батраки, лесорубы, ремесленники, поденщики в бедных деревнях зависели от духовенства и аристократии и влачили жалкое существование. Многие поколения семьи Гитлеров, из которой происходила и бабушка по материнской линии, проживали на земле ландграфов Фюрстенбергов, которым принадлежал средневековый замок в Вайтре и обширные лесные владения.

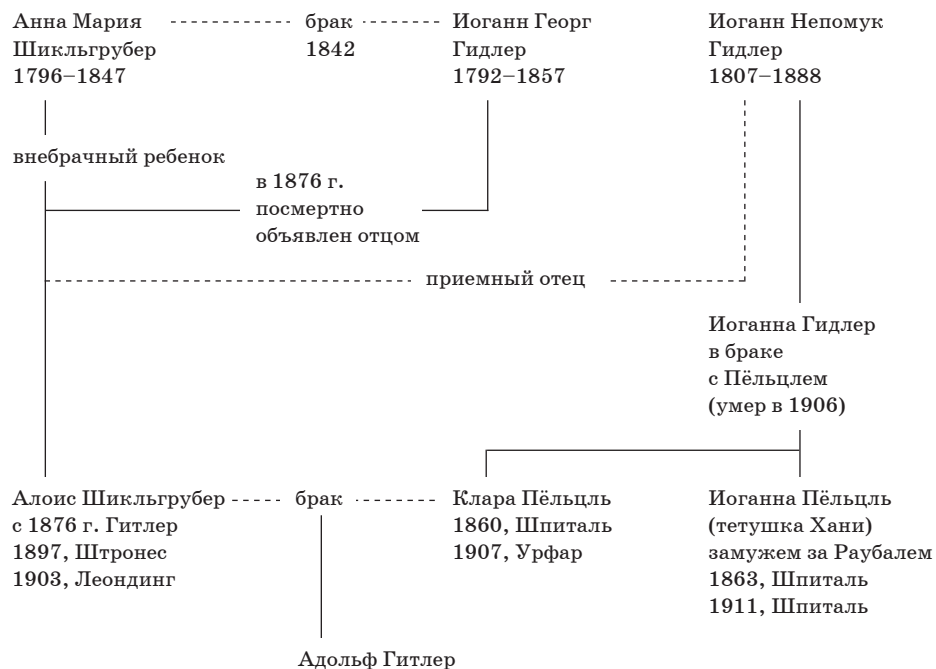

Схема родственных связей

И отец, и мать Гитлера выросли в деревне Шпиталь под Вайтрой и даже проживали по соседству. Алоис Гитлер родился в 1837 году в Штронесе под Дёллерсхаймом. Мать, незамужняя Мария Анна Шикльгрубер, родила

его в возрасте сорока одного года. Когда мальчику исполнилось пять лет, его взял в дом на воспитание крестьянин Иоганн Непомук Гидлер. Его старший брат Иоганн Георг Гидлер женился на матери ребенка, он был «вольнонаемным» (т.е. — без постоянного места) подмастерьем мельника. Добрачного ребенка своей жены он официально так и не усыновил.

Мария Анна Шикльгрубер, дожив до пятидесяти лет, в 1847 году умерла от «истощения вследствие грудной водянки» (3) в крошечном местечке Кляйн-Моттен под Дёллерсхаймом; ее сыну было тогда десять лет. Муж Марии Анны, о котором мало что известно, умер от инсульта спустя еще десять лет, в 65-летнем возрасте, в родной деревне Шпиталь, но не в доме у брата.

Алоис Шикльгрубер рос вместе с тремя дочерьми Иоганна Непомука Гидлера, те примерно того же возраста. В тринадцать лет он покинул Вальдфиртель, чтобы попытаться счастья в столице, как и многие другие бедняки. Алоис учится ремеслу сапожника, но стремится к большему и добивается, несмотря на недостаточное школьное образование, значительных успехов. В 1855 году он поступает на службу в императорско-королевскую таможню в качестве простого служащего на границе. Затем, получив по роду своей деятельности освобождение от военной службы, он неуклонно поднимается по карьерной лестнице. В 1864 году становится чиновником, в 1875-м, пройдя еще несколько промежуточных ступеней, — официальном на таможне в Браунау-на-Инне, в 1892-м — временным обер-официалом таможни в Пассау, в 1894-м — обер-официалом таможни в Линце. В 1895 году, отслужив положенные сорок лет, выходит на пенсию. (4)

Алоис Шикльгрубер взял фамилию Гитлер лишь в 1876 году, в возрасте 39 лет. Запись об изменении фамилии внесли в метрическую книгу церковного прихода в Дёллерсхайме, в дополнение к записи о крещении от 1837 года. Отцом записывают умершего за девятнадцать лет до того Георга Гидлера. Таким образом внебрачный ребенок Алоис Шикльгрубер превратился в рожденного в браке Алоиса Гитлера — через 29 лет после смерти матери. Это превращение тщательно подготовил и организовал приемный отец, 69-летний вдовец Иоганн Непомук Гидлер.

С юридической точки зрения дёллерсхаймский священник Цанширм имел все основания, чтобы внести поправки в церковные книги. Ему предоставили протокол показаний трех свидетелей, заверенный нотариусом города Вайтра 6 июня 1876 года. (5) Все три свидетеля родом из Шпиталь подтверждали под присягой, «что Георг Гидлер, ... умерший... 5–6 января 1857 года, при жизни неоднократно заявлял в их присутствии, что его последней и неизменной волей является признание и легитимация по всей форме его сына Алоиса, произведенного им на свет с незамужней крестьянской дочерью М. А. Шикльгрубер, впоследствии ставшей его женой, ... в качестве законнорожденного сына и полномочного кровного наследника его имени, а также всего его имущества». (6) Эти три свидетеля явились вместе с Иоганном Непомуком Гидлером в Дёллерсхайм и лично подтвердили свои показания перед священником. На основании этого священник изменил запись в метрической книге, написав при этом фамилию как «Гитлер».

Администрация Нижней Австрии провела проверку по факту изменения фамилии и нашла его

корректным, то есть соответствующим законодательству. Согласно позднему юридическому заключению, легитимацию можно было бы оспорить только в том случае, если кто-нибудь доказал, «что Алоис Гитлер был зачат не Георгом Гитлером», а это вряд ли было возможно, да еще и нецелесообразно с финансовой точки зрения: указанный отец ребенка все равно ничего уже не мог оставить в наследство. (7)

Кубичек пишет, что родившийся спустя тринадцать лет Адольф был очень рад изменению фамилии: «Из всех затей своего „старика“ он был доволен лишь этой; фамилия «Шикльгрубер» казалась ему слишком грубой, слишком крестьянской и слишком длинной, неудобной. Вариант «Гидлер» был слишком скучным, слишком мягким. А вот фамилия «Гитлер» звучала как надо и легко запоминалась». (8)

Остается неясным, что послужило причиной для столь сложного предприятия. Алоис Гитлер, как он теперь назывался, в марте 1889 года, через шесть месяцев после смерти своего приемного отца, купил примерно за четыре-пять тысяч гульденов (8–10 тысяч крон), дом №9 и участок в коммуне Вёрнхартс в Вальдфиртеле, недалеко от своей родной деревни Шпиталь. (9) Если, как предполагают, деньги на покупку, действительно достались ему в наследство от Иоганна Непомука, то он получил их не один: к тому времени Алоис был женат третьим браком на внучке Иоганна Непомука, Кларе Пёльцль, которой тогда было 28 лет. На момент покупки дома она была беременна сыном Адольфом.

Неизвестно, был ли Гитлер информирован обо всех этих семейных историях. Все бабушки и дедушки умерли до его рождения. Алоис Гитлер умер, когда

Адольфу было тринадцать. Скорее всего, слова Паулы, сестры Гитлера, соответствуют действительности: «О семье моего отца я ничего не знала. Семейные истории нам не рассказывали». И далее: «Родней мы считали родственников со стороны матери... С отцовской стороны я не знала никого. Мы с сестрой Ангелой даже часто говорили об этом: “Как же так, мы никого не знаем, у отца ведь тоже должны быть родственники”». (10)

Вероятно, Гитлер заинтересовался запутанными семейными связями в Вальдфиртеле только в 1932 году, когда стал политиком и когда эту информацию пытались использовать против него во время предвыборной борьбы. Противники приводили убийственный аргумент: политик, придающий происхождению человека основополагающее значение, должен согласиться с тем, что и его собственное происхождение будет тщательно проверено.

8 февраля 1932 года, сразу после того, как в прессе появились первые, пока еще весьма неопределенные намеки на неблагоприятные детали в родословной Гитлера, политику предложил свои услуги Карл Фридрих фон Франк, весьма уважаемый венский специалист по генеалогии. Он заявил, что уже составил родословную семьи Гитлеров без пробелов до четвертого колена и может составить еще более детальное генеалогическое древо за 300 марок. В постскрипуме он добавил: «Возможно, Вам будет небезынтересно узнать: в процессе поисков я обнаружил, что со стороны австрийских политических учреждений также проводится расследование касательно Вашего происхождения». (11)

29 февраля Гитлер заказывает Франку свою родословную. Уже 8 апреля 1932 года специалист-генеалог

отсылает клиенту готовую работу. В тот же день в Вене выходят экстренные выпуски газет с огромными заголовками: «Гитлера зовут Шюкльгрубер». Молодой репортер Янош Бекеши (позже он возьмет псевдоним Ганс Хабе) пересказывает неизвестную до той поры историю об изменении фамилии отцом Гитлера и со своими разоблачениями имеет сенсационный успех. (12) Газеты тысячами ввозили контрабандой в Германию, чтобы использовать их в предвыборной борьбе.

В родословной, составленной Франком, история со сменой фамилии Шикльгрубер на фамилию Гитлер приводится так, как положено. Ученый не понимал всеобщего ажиотажа по этому поводу, ведь незаконно рожденные дети в сельской местности были явлением обычным и дискриминации не подвергались. С его точки зрения, сам брак Марии Анны Шикльгрубер и Георга Гидлера сделал отца Гитлера законнорожденным ребенком. В мае того же года Франк опубликовал свое исследование. (13) Гитлер письменно поблагодарил его 25 июня 1932 года. (14)

Летом 1932 года в прессе разразился еще более громкий скандал. 16 июня «Нойе Цюрхер Цайтунг» опубликовала письмо читателя на тему «Предки Гитлера». Автор письма ставил под сомнение доказательства Франка о том, что в генеалогическом древе «встречаются только немецкие имена, за исключением имени Валли». Он утверждал, что «постоянно появляющаяся в родословной фамилия Саломон» нельзя «однозначно признать немецкой... По крайней мере, не в обычае Адольфа Гитлера и его приверженцев считать это имя исключительно немецким». (15) В опубликованном Франком генеалогическом древе за № 45 значилась прапрапрабабушка Катарина Саломон

из Нидер-Плёттбаха в приходе Дёллерсхайм католического вероисповедания, дочь католического крестьянина Иоганна Саломона в Нидер-Плёттбахе. Вот тогда и начались спекуляции на тему якобы еврейского происхождения Гитлера.

Уважаемый специалист по генеалогии, очевидно, допустил здесь ошибку: на самом деле под № 45 в генеалогическом древе должна значиться не Катарина Саломон, а Мария Хамбергер из Нидер-Плёттбаха (1709 — 1761), отцом которой был Пауль Хамбергер из Нидер-Плёттбаха. Франк исправил данные 30 августа 1932 года. Но издание с ошибкой уже поступило в продажу. (16)

Толпы журналистов отправились искать мнимую еврейскую родню Гитлера. Имя Гитлер обнаружили в еврейских семьях в моравском городке Польна, в Польше и у еврейского торговца в венском районе Леопольдштадт; тот утверждал, что состоит в родстве с Гитлером через польскую линию. В Варшаве некоторые еврейские семьи, носившие фамилию Гитлер, подали ходатайство об изменении фамилии, обосновав свои действия антисемитизмом немецкого политика.

Летом 1933 года появляются новые заголовки. В выпуске пражской газеты «Лидове Новине» от 6 июля в качестве предка Гитлера предлагается Абрахам Гитлер, живший в Польне в XVIII веке. Заголовок в саарбрюкенской газете «Дойче Фрайхайт» от 6 июля гласит: «Еврейская семья Гитлеров — документальные свидетельства». Газета «Остеррайхишес Моргенблатт» выходит 13 июля с заголовком: «Коричневый Гитлер с желтым пятном». Газета «Форарльбергер Вахт» не отстает: «Значит, еврейская бабушка все же была, господин Гитлер?» (17)

Бекеши к тому времени стал редактором газеты «Остеррайхишес Абендблатт». Начиная с 12 июля он публикует здесь новые «разоблачения». 14 июля 1933 года печатается, например, статья под заголовком: «Сенсация! Следы евреев Гитлеров в Вене», а также фотографии могил неких Гитлеров в еврейской части Центрального кладбища Вены и кулинарной книги Розали Гитлер, написанной на иврите. 19 июля газета Бекеши выходит с заголовком: «Еврейство Гитлера подтверждено нотариусом!» На этот раз приводится генеалогическое древо семьи Гидлер в Польне, где среди прочих есть Клара Гитлер, 1821 года рождения, в замужестве Пёльцль, проживавшая в австрийском Браунау. А комментарий к этому якобы «официальному» свидетельству следующий: «Не всякий еврей может похвастаться такой прекрасной еврейской родословной, как Адольф Гитлер».

Правда, той еврейской Кларе в год рождения Гитлера было 78 лет, а на роль бабушки она не годилась по другим параметрам. Мелким шрифтом в газете сообщалось, что эта Клара — не мать и не бабушка Гитлера, но близкая родственница его бабушки. Однако и это не соответствовало действительности.

Конкурирующая антисемитская газета «Нойе Абендцайтунг», почувствовав легкую добычу, выходит 20 июля с гневной публикацией: «Вот что мы раскопали в Польне». Газета обещает рассказать всю «правду о происхождении Гитлера» и опровергнуть «фантазии шамеса из Польны»: «Иудеи всего мира будут ликовать и петь осанну, если им удастся уничтожить человека, чье учение представляет величайшую опасность для их мирового господства». Публикация конкурентов разоблачается как «самая страшная талмудистски-казуистическая фальсификация века».

В 1933 году наконец-то вышла исправленная и дополненная Франком родословная, в которой отсутствует фамилия Саломон (18), но подозрения, что здесь кое-что нечисто, лишь усилились. Историю о якобы еврейской бабушке из Польны вскоре использует писатель Конрад Хайден в своей биографии Гитлера, вышедшей в 1936 году в Цюрихе. (19) Так эта легенда начала свое шествие по научной литературе. Журналисты и специалисты по генеалогии весьма усердствовали, однако их поиски не увенчались желаемыми результатами: ничего, кроме совпадения с именами евреев они не обнаружили.

Гитлер сменил генеалога. Несмотря на протесты возмущенного Франка, в 1937 году в Лейпциге вышла в свет большая иллюстрированная родословная, составленная Рудольфом Копенштайнером. Этот исследователь родом из Вальдфиртеля был дальним родственником Гитлеров, и ему ничего не стоило получить доступ к документам, возбуждающим всеобщий интерес. В составленной им родословной имя Саломон тоже не встречается. И он тоже уверен, что отцом внебрачного Алоиса Шикльгрубера был подмастерье мельника Георг Гидлер, впоследствии женившейся на его матери. Таким образом складывалось безупречно «арийское» генеалогическое древо. (20) Единственный сомнительный персонаж в ряду предков Гитлера, а именно — неизвестный отец внебрачного Алоиса Шикльгрубера, странным образом не заинтересовал ни журналистов, ни генеалогов.

После «аншлюса» Вальдфиртель рекламирует себя как «гау предков фюрера» и чествует знаменитого отпрыска семьи Шикльгруберов: в честь Гитлера высаживают дубы, его избирают почетным гражданином

коммун. Предков тоже почитают: площадь перед церковью в Дёллерсхайме переименовывают в «Площадь Алоиса Гитлера». Дома в Штронесе, где предположительно (точная идентификация уже невозможна) родились бабушка и отец Гитлера, становятся местами паломничества. На кладбище в Дёллерсхайме могил предков Гитлера обнаружить не удалось, поэтому «бабушка фюрера» Мария Анна Шикльгрубер задним числом обрела почетное захоронение. (21)

Журналисты принимаются выискивать какие-нибудь трогательные подробности из жизни предков фюрера. Жители Вальдфиртеля соревнуются, доказывая свое родство с «фюрером и рейхсканцлером», и вывешивают повсюду, прежде всего, в трактирах, более или менее фантазийные родословные. В ноябре 1938 года Гитлеру пришлось вмешаться, и руководство гау Нижний Дунай дало распоряжение окружному голове: «Фюрер не желает, чтобы вывешивались какие-либо родословные, относящиеся к его персоне. Уже вывешенные родословные следует немедленно удалить. Кроме того, довожу до вашего сведения, что по решению фюрера на зданиях запрещается размещать памятные доски, призванные напоминать о предках фюрера или о местах его пребывания». (22)

Вальдфиртелю — в отличие от любимого Линца — Гитлер не предоставил никаких привилегий. В сентябре 1938 года он даже запретил Дёллерсхайму выпустить почтовый штемпель, на котором значилось бы «родной город фюрера». (23)

Уже в августе 1938 года в районе Дёллерсхайма, Цветля, Алленштайга построили самый большой в Западной Европе учебный полигон площадью 162,5 кв. м. (24) Жителей выселили, деревни пришли

в упадок, в том числе Штронес (29 дворов), где родились отец и бабушка Гитлера, и Кляйн-Моттен (10 дворов), где умерла Мария Анна Гидлер, урожденная Шикльгрубер, а в 1942 году и Дёллерсхайм (120 дворов). Все это отнюдь не свидетельствовало о том, что Гитлер почитает «гау предков», а наоборот, служило пищей для слухов, будто он стыдится своего происхождения и хочет уничтожить все следы родни.

Метрические книги из Дёллерсхайма — единственный источник информации о семейной истории Шикльгруберов — были доставлены на хранение в близлежащий приход Растенфельд, они в целости и до сих пор. (25)

Гитлер больше ничего не хотел знать о своей родне: *У меня нет ни малейшего представления об истории моей семьи. В этой области у меня самые скудные сведения. Я и раньше не знал, что у меня есть родственники. Я узнал об этом, лишь когда стал рейхсканцлером. Я совершенно несемейное существо, я не расположен к родственным отношениям. Это все не для меня. Я принадлежу только моему народу.* (26)

После 1945 года личный адвокат Гитлера и бывший генерал-губернатор Польши д-р Ганс Франк вновь подкинул дров в костер публичных дискуссий. Незадолго до казни он написал воспоминания «Перед лицом виселицы», где изложил следующую историю, дотоле неизвестную: в конце 1930-го года Гитлер показал ему некое письмо со словами, что «его шантажирует один из самых жутких родственников в связи с его, Гитлера, происхождением». Родственник намекнул, что «учитывая определенные высказывания в прессе не в наших интересах разглашать определенные

обстоятельства в истории нашей семьи». Дело в том, что «в жилах Гитлера течет еврейская кровь, и поэтому ему вряд ли пристало быть антисемитом». (27)

Франк пишет, что Гитлер поручил ему расследовать это дело в режиме строгой секретности. Чем он и занялся, добыв «из всех возможных источников» (каких именно — в книге не раскрывается) следующую информацию: Мария Анна Шикльгрубер, бабушка Гитлера, до рождения ребенка работала в Граце кухаркой у еврея по фамилии Франкенбергер, забеременела от сына хозяина дома и поэтому в течение четырнадцати лет получала алименты на маленького Алоиса. «В течение многих лет» якобы «велась переписка между этими Франкенбергерами и бабушкой Гитлера», из которой явствует «общее молчаливое согласие всех участников, что внебрачный ребенок девицы Шикльгрубер был зачат при обстоятельствах, обязывающих Франкенбергов платить алименты». Значит, Гитлер по расовым законам должен был считаться «евреем на четверть» и не смог бы получить «свидетельство об арийском происхождении» — необходимый пропуск в «Третий рейх».

Франк рассказывает эту историю таким образом, что она не кажется абсурдной. Опровержение Гитлера, приведенное в книге, звучит крайне неубедительно (понятно, что автор делает это намеренно): Гитлер якобы знал, «что его отец не является плодом связи Шикльгрубер и еврея из Граца. Ему рассказывали об этом отец и бабушка». Но ведь бабушка умерла за 42 года до рождения Гитлера.

Далее Франк приводит не совсем удовлетворительное объяснение сложившейся ситуации, якобы данное ему Гитлером: «Они же были бедны. Алименты

еврея — желанная прибавка к скудному бюджету. Его называли отцом, потому что он мог платить, и еврей платил, без всяких разбирательств — вероятно, он боялся суда и связанной с ним огласки». Выходит, Мария Анна Шикльгрубер обманула таинственного работодателя и заставила его платить. В период нацизма это была весьма популярная отговорка, когда нужно было получить «свидетельство об арийском происхождении», но мешал отец-еврей, брак с которым не был официально зарегистрирован. Исходя из этой истории, Франк объяснял ненависть Гитлера к евреям «психозом кровной ненависти к родственникам».

Однако около 1830 года в Граце вообще не было оседлых евреев. Со времен изгнания евреев при Максимилиане I на рубеже XV–XVI веков, население Штирии успешно сопротивлялось переселению евреев в этот регион. Правда, при Иосифе II, то есть в конце XVIII века, евреям разрешили приезжать в Грац, но только на время рыночной торговли и максимум на сутки. Селиться в Штирии евреям разрешили лишь в 1849 году после принятия закона об основных правах. В 1856 году еврейская община Граца начала вести метрические книги.

Кроме того, в 1836–1837 гг. семья по фамилии Франкенбергер (неважно — еврейская или нет), в Граце вообще не проживала. Имелись семьи по фамилии Шикльгрубер, но женщины по имени Мария Анна или Анна Мария — не было. (28) Компрометирующая переписка так никогда и не всплыла, и никто больше о ней не упоминал. Нет и никаких доказательств о выплате алиментов матери ребенка, которая после вступления в брак отдала его на воспитание деверю, жила и умерла в бедности, когда Алоису было десять лет. И, главное,

нет никаких доказательств того, что Мария Анна Шикльгрубер когда-либо покидала Вальдфиртель. Работа в далеком Граце в те времена была делом необычным, родня в Вальдфиртеле обязательно знала бы об этом. На заработки из Вальдфиртеля обычно отправлялись в Вену, которая была в ста километрах, или в соседний Линц, но никак не в Грац, расположенный по другую сторону Земмерингского перевала и в два раза дальше, чем столица. Во всяком случае, туда не отправлялись служанки, в 1830 году совершавшие этот путь пешком.

В некоторых богатых домах нанимали на службу бедных, молодых и, чтобы не заразиться, по возможности невинных служанок из деревни: те не могли противиться воле работодателей и должны были научить хозяйского сына «любви». Но нищая Мария Анна Шикльгрубер родила сына в 41 год, в весьма зрелом возрасте по меркам XIX века, и вряд ли она годилась на такую роль. Кроме того, Франк и в других местах книги обнаруживает крайнюю неосведомленность в том, что касается семьи его шефа. Весьма сомнительно, что он получал информацию непосредственно от Гитлера.

Вернемся, однако, к родственнику-шантажисту, письмо которого якобы стало поводом начать расследование. Несомненно, здесь идет речь о Вильяме Патрике Гитлере, родившемся в 1911 году в Англии. Матерью его была ирландка, а отцом — Алоис-младший, сводный брат Гитлера. Вскоре после рождения сына Алоис сбежал (долгие годы мать и сын считали его умершим) и в Германии еще раз женился. В 1924 году его осудили за двоеженство.

Когда Гитлер приобрел известность, незнакомые ему ирландцы решили поправить свое финансовое

положение и стали давать английским газетам интервью как «родственники Гитлера». В связи с этим в 1930 году Гитлер вызвал к себе в Мюнхен 19-летнего Патрика, до той поры также ему не знакомого, и устроил разнос заодно и сводному брату Алоису. Говорят, он категорически запретил подобные действия. Пусть родственники не думают, что могут сесть ему на шею и таким образом прославиться. И еще: «Идиоты! Вы меня доконаете!.. Я так старался скрыть от прессы все сведения о себе и своих делах! Людям нельзя знать, кто я. Им нельзя знать, откуда я и из какой семьи. Даже в моей книге я не позволил себе написать об этом ни слова, ни слова! И тут внезапно обнаруживается племянник! Племянник! Начнутся расследования. По следам нашего прошлого пошлют ищек». В одном из интервью 1939 года Патрик сказал, что Гитлер при этом даже всхлипывал и лил гневные слезы. (29)

Еще Гитлер пытался отрицать свое родство с неоднократно судимым Алоисом. Тот был якобы не сыном его отца, а сиротой, взятым семьей на воспитание. Но Алоис в качестве доказательства предъявил свидетельство о крещении, согласно которому он является добрачным ребенком второй жены Алоиса Гитлера-старшего, признавшего мальчика официально. (30)

Отвязаться от Патрика оказалось невозможно. После 1933 года он приехал в Берлин и попросил дядю о финансовой поддержке. И позже сам рассказывал, что стоило только упомянуть про свидетельство о крещении отца, как Гитлер уже готов был платить, явно воспринимая это как шантаж. Гитлер пристроил Патрика на работу и время от времени снабжал деньгами, но не давал повода усомниться, что в родственниках не заинтересован.

Спустя почти шесть лет, в январе 1939 года, Патрик Гитлер вернулся из Берлина в Англию и перестал осторожничать. Рассказать было почти нечего, но все равно его интервью имели сенсационный успех: «Мой дядя Адольф», «Почему я ненавижу своего дядю» (31) и т.п. В том же году он эмигрировал с матерью в США и зарабатывал на жизнь, колеся по стране с докладами о своем «дяде Адольфе». Бриджет Гитлер, мать Патрика, также вела в газетах свою «частную битву против семейства Гитлеров», в особенности, когда началась война. (32)

Во всех этих интервью речь никогда не заходила о предполагаемом еврейском дедушке Гитлера. А ведь Патрик и Бриджет могли разбогатеть на этом сюжете! В 1943 году в Нью-Йорке, отвечая на вопросы Секретной службы, племянник энергично отрицал, что крестные родители Гитлера Иоганн и Иоганна Принц были евреи (как утверждалось в одной книге, вышедшей незадолго до того). (33) В посмертно опубликованных воспоминаниях Бриджет Гитлер также не содержится ни малейшего намека на какую-либо еврейскую родню. (34)

На примере писателя Франца Етцингера видно, насколько просто можно манипулировать общественным сознанием. Он поддерживает тезис Франка о Франкенбергерах, ссылаясь на интервью Патрика Гитлера в трудно доступной газете «Пари Суар». И уточняет: племянник упоминает там фамилию «Франкенрайтер», а не «Франкенбергер». (35) Это выдумка чистой воды: в интервью речь не идет ни о Франкенбергере, ни о Франкенрайтере, ни о каких-либо иных предполагаемых еврейских дедушках Гитлера. (36) В Граце удалось разыскать

одного обедневшего мясника-католика по фамилии Франкенрайтер. Но его сыну Францу, подозреваемому в отцовстве, было в означенное время 10 лет. (37)

Важно понять следующее: история про Франкенбергера известна из одного-единственного источника, а именно — из книги Ганса Франка. Каков же был мотив для его сомнительных намеков? Можно только предположить, что страстный антисемит Франк хотел возложить на ненавистных ему евреев еще и ответственность за Гитлера, якобы тоже еврея, или хотя бы посеять сомнения. (38)

Экскурс: Кубичек и Етцингер как источники

Август Кубичек, линцкий друг Гитлера, деливший с ним в течение нескольких месяцев комнату в Вене, издал в 1953 году книгу воспоминаний «Адольф Гитлер. Друг моей юности». Воспоминания Кубичека являются для биографа основным источником информации о юношеских годах Гитлера. Иных свидетельств очень немного, поэтому стоит остановиться на этой книге подробнее.

Несколько слов о биографии Кубичека. Прекратив общаться с Гитлером в июле 1908 года, он продолжил обучение в Венской консерватории и окончил ее в 1912 году. Затем поступил вторым дирижером в Городской театр Марбурга на Драу; в это самое время друг его юности влачил жалкую жизнь в мужском общежитии без всякой надежды на будущее. Начало войны помешало Кубичеку получить следующий ангажемент — в Городском театре Клагенфурта. 1 августа 1914 года он вступил в брак со скрипачкой из Вены (бракосочетание состоялось в столице) и ушел на

фронт. В 1915 году, в «карпатскую зиму» в Галиции, он чуть не умер от инфекционного заболевания; болезнь удалось победить, но «здоровье оказалось подорвано навсегда». После войны Кубичек перебивался частными уроками, в 1920 году стал секретарем в администрации коммуны Эфердинг под Линцем и занимался организацией музыкальной жизни этого маленького городка. (1)

В 1920-е годы он увидел в иллюстрированном журнале портрет друга своей юности, выступавшего с политической трибуны, и посочувствовал: «Как жаль, что у него, как и у меня, карьера в области искусства не сложилась... И вот теперь он должен зарабатывать себе на жизнь речами на собраниях. Нелегкий труд». (2)

В 1933 году, когда Гитлер стал рейхсканцлером, Кубичек отправил ему письменные поздравления. Гитлер ответил 4 августа 1933 года: *Мой дорогой Кубичек! Как бы мне хотелось однажды — когда останутся позади годы тяжелейшей борьбы — при личной встрече оживить воспоминания о прекраснейших годах моей жизни. Может быть, ты приедешь меня навестить?* (3) Но у Кубичека не было ни времени, ни денег, или же он просто не решился на такую поездку.

Друзья встретились лишь в 1938 году, спустя тридцать лет после расставания, в линцком отеле «Вайнцингер», а именно — 9 апреля, за день до плебисцита об уже свершившемся «аншлюсе». При виде друга Гитлер воскликнул: «Густль!», но обращался к нему «на вы». Стоя у окна, они смотрели на Дунай, и Гитлер, как в старые времена, возмущался: *Отвратительный мост! Все еще здесь. Но теперь уже ненадолго, я это вам обещаю, Кубичек!*

Гитлер захотел узнать, почему Кубичек не стал великим дирижером, расспросил о семье, о троих сыновьях. Тут же пообещал взять на себя расходы по их образованию, и обещание свое потом выполнил. (4) В 1939 году Гитлер подарил скромному муниципальному чиновнику из Эфердинга «счастливейшие часы моей земной жизни»: пригласил его в Байройт. (5) Кубичек побывал на четырех представлениях. 3 августа 1939 года в Байройт прибыл сам Гитлер, они с Кубичеком долго общались наедине. Разговор, как и в прежние годы, вращался вокруг Рихарда Вагнера, и они вместе посетили его могилу. В сопровождении молодого Виланда Вагнера осмотрели дом Ванфрид, в особенности то крыло, где жил Вагнер. В завершение Гитлер представил друга юности Винифред Вагнер, хозяйке Байройта, и рассказал ей, какое потрясение он испытал в юности на постановке «Риенци», многозначительно добавив: *В тот час все началось*. (6)

В 1940 году Кубичек и Гитлер снова встретились в Байройте, в антракте «Гибели богов». После победы над Польшей и Францией Гитлер находился на вершине власти. Увидев 52-летнего друга, обеспокоенного судьбой своих сыновей-солдат, Гитлер глубоко задумался. У Кубичека даже возникло ощущение, будто он хотел «оправдаться». Потом поговорили о старых временах. Гитлер: *Бедные студенты, вот кто мы были. И как мы голодали, Боже мой*. И так далее. Кубичек слушал внимательно, как и в старые времена.

Сразу после спектакля Гитлер уезжал из Байройта. Ликующие почитатели выстроились рядами. Заметив среди них Кубичека, Гитлер остановил колонну автомобилей, пожал другу руку, а отъезжая еще раз помахал,

что привлекло к Кубичеку всеобщее внимание. Это была их последняя встреча. (7)

Кубичек приобрел известность как «друг юности фюрера». Он продолжал работать муниципальным чиновником, руководил загсом и занимался в городке всеми вопросами культуры. В НСДАП он вступил лишь в 1942 году и стал «главой отдела пропаганды, отдела культуры и руководителем городского филиала» организации «Сила через радость», занятой устройством досуга. Он занимал должность незначительную и не связанную с политикой. (8) В эти годы Мартин Борман, личный секретарь Гитлера, поручил Кубичеку записать для партийного архива НСДАП воспоминания о годах юности, проведенных рядом с Гитлером. За это Кубичек получил единственное поощрение по службе: в 1943 году его внепланово перевели на более высокий разряд тарифной сетки. Обоснование: «Господин Кубичек — друг юности фюрера» и в настоящий момент «занят работой над воспоминаниями о времени, проведенном вместе с фюрером». (9) Надежды Кубичека получить через Гитлера место профессионального музыканта не оправдались.

Писал Кубичек тяжело: «Вся эта литература для меня тяжелый крест, это не мое», «в течение рабочего дня я не могу сконцентрироваться, в конторе меня постоянно отвлекают посетители». (10) Чтобы облегчить себе задачу, он переписывал из путеводителя по Вене описания достопримечательностей и указывал, какие здания молодому Гитлеру нравились, а какие — нет. Он превозносил социальную ориентированность взглядов Гитлера, упоминал его антипатию к Габсбургам и социал-демократам.

В воспоминаниях встречаются и антисемитские пассажи. Вот, например, их совместное посещение студенческой столовой: «Столовая кишела евреями. Такое чувство, будто ты в Палестине, всюду слышалась картавая речь, и все лица — что мужские, что женские — были украшены кривыми носами». (11)

В остальном Кубичек подробно описывал то, что хорошо знал: венские постановки Вагнера и планы Гитлера, связанные с музыкой (например, оперу о кузнеце Виланде). «Я был для моего друга соратником и музыкальным консультантом». (12) Кубичек очевидно восхищается Гитлером: «Этот человек обладает огромной, разносторонней и непобедимой творческой силой. Я затрудняюсь назвать область знаний, в которой мой друг не был бы всесторонне подкован уже в те годы». (13)

Объем первого варианта воспоминаний — 150 машинописных страниц (14). Приведенные здесь сведения кажутся вполне правдоподобными, когда речь идет о личных впечатлениях, а прежде всего — о музыке и театре.

После окончания войны Кубичека арестовали из-за его отношений с Гитлером. Он провел 16 месяцев в лагере для интернированных лиц Глазенбах, где его постоянно, хоть и безуспешно, допрашивали. Воспоминания Кубичека и письма Гитлера хранились в стене его дома в Эфердинге.

Выйдя на свободу в апреле 1947 года, Кубичек оказался без работы, ему лишь с большим трудом удавалось прокормить семью. В это нелегкое время он познакомился с д-ром Францем Етцингером, библиотекарем правительства земли Верхняя Австрия, который работал над книгой о Гитлере и хотел получить информацию от Кубичека.

Етцингер, 1882 года рождения, был католическим священником, но в 1921 году его отлучили от церкви. В 1919–1934 годах он депутат верхнеавстрийского ландтага от социал-демократической партии, с 1932 года — ландрат, член правительства земли Верхняя Австрия в Линце. На этой должности ему удалось завладеть военными бумагами Гитлера, которые он спрятал у себя на чердаке. В феврале 1934 года Етцингера арестовало правительство Дольфуса, и он провел пять недель в тюрьме. В 1935 году он вернулся в церковь и стал ведомственным библиотекарем в Линце. В 1944 году его арестовало гестапо. (15) Военный билет Гитлера, который активно искали начиная с 1938 года, ему удалось утаить.

После 1945 года Етцингер решил использовать этот документ в своей книге о Гитлере и начал опрашивать очевидцев событий. Так он вышел на Кубичека. Тот надеялся, что Етцингер, будучи должностным лицом, поможет ему получить старое место. Кубичек проделал для Етцингера огромную работу, подробно, в письменной форме отвечал на его вопросы, скопировал для него в те годы никому еще неизвестные письма и открытки Гитлера, отдал ему первый вариант своих воспоминаний.

Етцингер, в свою очередь, целенаправленными вопросами помог Кубичеку многое вспомнить и проинформировал его о своих архивных изысканиях. Теперь Кубичек замыслил написать «собственную книжечку» под названием «Гитлер и женщина» (16), со Штефани из Линца в центре сюжета. Кубичек дополнил свою старую рукопись, взяв как руководство «Мою борьбу». Книга имелась у него и при работе над первым вариантом воспоминаний, но Кубичек уверяет, что тогда ее не читал. (17)

Вопреки ожиданиям Етцингера, мемуары Кубичека — «Адольф Гитлер. Друг моей юности» — вышли уже в 1953 году. 150 страниц первого варианта превратились в 352 страницы. Текст по сравнению с ранними набросками стал намного более гладким и удобочитаемым. Видимо, с ним основательно поработал грамотный редактор. Здесь нет восхищения «фюрером», но автор не оставляет сомнений в своей дружеской привязанности к Гитлеру, о которой говорится и в письме к Етцингеру: «У меня был только один друг в жизни — Адольф». (18) Что касается описаний совместной юности, Кубичек практически ничего не меняет.

Несколько историй Кубичек «раздувает» — например, историю любви к Штефани. Что же до точности, то безоговорочно верить ему нельзя, память его порой подводит. Некоторые из его ошибок стали «фактами» биографии Гитлера. Например, то, что госпожа Закрейс, квартирная хозяйка в Вене, была полька, а не чешка. Еще Кубичек неверно указал номер дома по Штумпергассе (29 вместо 31), поэтому вплоть до сегодняшнего дня фотографируют не тот дом. Но в целом книга Кубичека вполне достоверна. Это содержательный и единственный в своем роде источник сведений о юности Гитлера, не говоря уже об опубликованных здесь письмах и открытках молодого Гитлера.

Впрочем, длинные пассажи, основанные на «Моей борьбе», скорее сбивают с толку, чем информируют. А свидетельства Кубичека об антисемитизме и вовсе сомнительны. Особенно если учесть, что антисемитские высказывания самого Кубичека больше нигде не встречаются, а вот антисемитские высказывания молодого Гитлера представлены очень широко и как

раз в тех эпизодах, которые отсутствовали в первом варианте рукописи. Так, Кубичек рассказывает, что молодой Гитлер якобы подал в полицию жалобу на уличного торговца-еврея из Восточной Европы, потому что тот просил милостыню, и подтверждает это цитатой из «Моей борьбы». (19) Ему явно хочется показать, что его друг был антисемитом уже в молодые годы и негативно повлиял в этом вопросе и на него самого, Кубичека: «По поводу еврейского вопроса мы с ним спорили еще в Вене, я не разделял его радикальных воззрений». (20)

Здесь Кубичек явно старается выгородить себя. Об антисемитизме его обстоятельно допрашивали американцы в лагере для интернированных, и теперь ему следовало придерживаться своей тогдашней линии защиты. Например, он пишет, что Гитлер в 1908 году вступил в Вене в антисемитский союз и записал туда же и его, Кубичека, даже не предупредив: «Это была крайняя степень политического изнасилования, к которому мне пришлось привыкнуть в общении с ним. Я очень удивился, ведь Адольф обычно боялся вступать в какие-либо союзы или организации». (21)

Однако в Австро-Венгрии до 1918 года никакого антисемитского союза не было. Австрийские антисемиты были разобщены как с политической, так и с национальной точки зрения, и здесь не существовало организации, аналогичной основанному в 1884 году «Немецкому антисемитскому союзу». Кубичек имел возможность вступить только в Австрийский антисемитский союз, основанный в 1919 году, но добровольно и без помощи Гитлера. Это очень важный момент, так как Кубичек — единственный человек из всех, знавших Гитлера в ранние годы, который утверждает, что

Гитлер уже тогда был антисемитом. (См. раздел: «Были ли Гитлер в юности антисемитом?» в главе 10 «Евреи в Вене»).

Книга Кубичека имела большой успех, но у нее сразу же нашелся один исполненный ненависти критик — Франц Етцингер. Его гнев вполне понятен, особенно если учесть, что Кубичек и опубликовал отданные ему Етцингером фотографии и документы (например, фотографию линцской Штефани), и использовал полученную от него информацию.

Книга Етцингера «Юность Гитлера» появилась лишь три года спустя, в 1956-м. Етцингер не знал Гитлера лично, все его информация — из вторых рук, и книга, строго говоря, источником не является. Но автор нашел некоторые документы о ранних годах Гитлера, до тех пор не известные, и некоторых очевидцев — например, нахлебника Хагмюллера, соучеников и соседей Гитлера. Заслугой Етцингера перед наукой можно считать и то, что он передал копии своих рабочих бумаг в архивы, в частности, в архив земли Верхняя Австрия (Линц) и в Институт современной истории (Мюнхен). Так, первый вариант воспоминаний Кубичека нам известен только благодаря копии Етцингера.

Крупный недостаток книги Етцингера в том, что он злобно полемизирует с более успешным Кубичеком и при этом цитирует его книгу целыми страницами. Он несправедливо упрекает Кубичека в его будто бы чешском происхождении, пренебрежительно пишет о «народном ученике склада Кубичека», называет его «человеком без запросов» (22) и тому подобное. И утверждает, что почти все написанное Кубичеком

неверно: его книга состоит «минимум на 90% из неправды и выдуманных сказок, прославляющих Гитлера». (23)

Это абсолютно не соответствует действительности. Етцингер называет ошибочными даже те высказывания своего соперника Кубичека, которые по результатам позднейших проверок считаются абсолютно корректными. Так, он считает, что Гитлер никак не мог быть членом Линцкого музейного общества (24), что Гитлер в период дружбы с Кубичеком не ходил на демонстрацию, и так далее. По отдельности каждый такой упрек не очень-то важен, но вместе они несправедливо подрывают доверие к книге Кубичека. Етцингер усложнил и без того запутанную ситуацию с источниками.

Большинство историков доверяют Етцингеру, а не Кубичеку. Етцингер несомненно был противником Гитлера, то есть с политической точки зрения он находился на «правильной» стороне фронта. Ему удалось представить Кубичека именно «другом Гитлера», недоверчивым и политически сомнительным свидетелем. Последний не имел возможности защищаться: в 1956 году, когда вышла книга Етцингера, он умер. (25)

Негативные последствия этих нападок заметны в историографии и поныне. Сегодня в научной литературе все еще имеют хождение два фальшивых утверждения Етцингера. Первое из них: Гитлер оставил мать умирать в одиночестве. Такая версия гораздо больше соответствовала политическим настроениям эпохи, чем утверждения Кубичека о том, что Гитлер был заботливым сыном, поэтому биографы Гитлера ее с удовольствием подхватили. Версия Етцингера основывается на высказывании жилицы дома по Блютенштрассе, вдове

почтмейстера. Эта женщина выступала в старости со многими недостоверными заявлениями, и даже сам Етцингер называет ее «сенильной». (26) Свидетельства Паулы Гитлер и д-ра Блоха, напротив, совершенно очевидно доказывают, что Гитлер находился в Линце рядом с больной матерью. Таким образом, утверждения Кубичека соответствуют действительности. История о бессердечном, жестоком сыне просочилась при посредничестве Брэдли Ф. Смита (27) в американскую литературу о Гитлере и позволила психиатру Эриху Фромму выдвинуть гипотезу, что Гитлер страдал «некрофилией». (28) В немецкой литературе о Гитлере эта ошибка встречается повсеместно, вплоть до биографии Гитлера, которую написал Иоахим Фест. (29)

Широко распространилось и другое неверное утверждение Етцингера: будто бы Гитлер был вполне состоятельным, а вовсе не бедным человеком, о чем говорится в «Моей борьбе» и в книге Кубичека. Пытаясь доказать эту версию, Етцингер слишком высоко оценивает доход семьи и настаивает: долю отцовского наследства в 652 кроны Гитлеру выплатили уже по достижении 18 лет, а не 24 лет, как это предусматривал закон.

В обнаруженном Етцингером судебном решении по опеке от 4 апреля 1903 сказано лишь, что Кларе Гитлер «разрешено использовать, не касаясь основной суммы вклада, проценты с долей отцовского наследства ее несовершеннолетних детей Адольфа и Паулы до достижения ими 18 лет». (30) Это означает, что самим детям проценты с наследства причитались только после 18 и до 24 лет. Сама же доля наследства оставалась по закону заблокированной для обоих до достижения 24 лет. В действительности Гитлер получил долю отцовского

наследства с процентами лишь в мае 1913 года, именно в 24 года. К тому дню сумма составила 820 крон (см. главу 12 «Накануне Великой войны»). В 18 лет он не мог располагать этими деньгами и не скрывал их наличия, хотя Етцингер пишет именно об этом. (31)

Кроме того, Етцингер безосновательно утверждает, что Иоганна Пёльцль хранила на сберегательной книжке 3800 крон. Счет якобы был закрыт 1 декабря 1810 года, а деньги получил Гитлер. Етцингер даже придумывает, что Гитлер положил деньги «в сберкассу», хотя и признается: «Документально подтвердить наследование этих денег Адольфом мне, к сожалению, не удалось». (32)

Это сомнительное сообщение Етцингера — он ставил целью обвинить Кубичека, близкого друга Гитлера, во лжи — стало основой для соображений, высказанных Вернером Мазером. Он указывает на обнаруженное им и не датированное завещание Вальбурги Роммедер, двоюродной бабушки Гитлера, умершей еще в 1900 году. Та назначила Иоганну Гидлер, родную бабушку Гитлера, своей единственной наследницей. Даже если бы удалось доказать существование этого документа, открытыми остаются следующие вопросы: вступило ли это завещание в силу, какого рода было это наследство, что случилось с ним после 1900 года и осталось ли от него что-нибудь к 1906 году, когда бабушка Гитлера умерла. Невзирая на это, Мозер бездоказательно утверждает, что Гитлер из этого наследства «получил большую сумму» и стал «исключительно состоятельным человеком». (33)

Так легенда о весьма обеспеченном молодом Гитлере отправилась в мир под видом исторического факта. (34)

2. Вена эпохи модерна

Императорско-королевская придворная опера после Малера

Вероятно, сразу по приезде в Вену (во всяком случае — в феврале 1908 года), 18-летний Гитлер направляется в оперу, чтобы предстать перед профессором Альфредом Роллером. Как это было, Гитлер на удивление откровенно рассказал Альфреду Эдуарду Фрауенфельду, гауляйтеру Вены: с рекомендательным письмом к Роллеру «он дошел до здания оперы, но потом мужество его покинуло, и он повернул назад. Чуть погодя, преодолев робость, он во второй раз направился к опере, вошел в здание, но опять остановился. Третья попытка также оказалась неудачной». Потому что робкого юношу на входе спросили, зачем он тут. «Пробормотав что-то, он поспешил спастись бегством, и чтобы покончить с этой напряженной ситуацией, уничтожил письмо». (1)

Шанс, таким образом, оказался неиспользованным: Роллер не имел возможности распознать у молодого человека талант художника. Гитлер побоялся услышать негативный отзыв и всю последующую жизнь мог тешить себя иллюзией, что Роллер совершенно точно оказал бы ему поддержку, если бы он в феврале 1908 года осмелился к нему зайти. *Без рекомендации в Австрии ничего не достичь. Когда я приехал в Вену, у меня было рекомендательное письмо к Роллеру. Я просто им не воспользовался. Если б я тогда с этим письмом к нему пришел, он бы*

сразу меня взял. Не знаю, было бы так для меня лучше? Во всяком случае, все было бы гораздо легче! (2)

Гитлер вспоминал, не называя имени Роллера, каким стеснительным был он в то время в Вене, хотя во многих вещах уже хорошо разбирался. Но него представлялось одинаково невозможным приблизиться к великому человеку и выступить с речью перед пятью людьми. (3)

Встреча Гитлера и профессора Роллера, к тому дню 70-летнего и больного, состоялась лишь много лет спустя, 26 февраля 1934 года, в имперской канцелярии, по инициативе рейхсканцлера. Роллер писал, что во время встречи Гитлер говорил о том впечатлении, какое произвела на него в 1907 году в Вене постановка «Тристана»: *«Во втором акте башня в бледном свете». «А потом Вы же еще ставили «Валькирию». Во втором акте крутые откосы... и «Кавалера роз» и другие вещи Штрауса, кажется, «Елену Египетскую» и чего только Вы не ставили...»*. Потом Гитлер рассказал, смеясь, «как он хотел показать мне свои рисунки и наброски декораций, добыл для этого через родственницу... рекомендательное письмо, но в последний момент так и не решился прийти». (4)

В 1934 году в Байройте Роллер по рекомендации Гитлера поставил «Парсифаля». Дирижировал Рихард Штраус. На премьере Роллер сидел рядом с Гитлером. И снова речь зашла «о молодом студенте из Линца, который хотел стать художником, но так и не нашел в себе мужества постучать в дверь профессора Роллера». (5)

Тогда же, в июле 1934 года, австрийские национал-социалисты убили в Вене федерального канцлера Австрии Энгельберта Дольфуса. Гитлер тогда

находился неподалеку, в Байройте. Он не привлекал к себе внимания, но готов был в любую минуту вмешаться и захватить власть в Австрии. За провалом путча последовали аресты национал-социалистов, бывших на нелегальном положении. Арестовали и Ульриха, 23-летнего сына Роллера, который учился в Академии изобразительных искусств на декоратора. Альфред Роллер умер в 1935 году, так больше и не увидев сына.

Через несколько дней после несостоявшегося визита Гитлера к Роллеру в Вену приехал линцкий друг Август Кубичек. Вот как он позже описывал первое впечатление от квартиры на Штумпергассе: *«Мне ударил в нос неприятный запах керосина... Все казалось унылым и бедным»*. И далее: *«Из нашего окна было видно только голую, покрытую сажей заднюю стену парадного корпуса. И только если подойти к окну совсем близко и задрать голову, увидишь узкую полосу неба, но и этот кусочек был обычно скрыт дымом, пылью или туманом»*. (6)

Прямо в день приезда Гитлер ведет своего друга, усталого и сбитого с толку оживленным уличным движением на Рингштрассе, к зданию Придворной оперы. Кубичек: *«По сравнению с нашим скромным жилищем на Штумпергассе — словно другая планета, впечатление просто ошеломляющее»*. (7)

Несмотря на долгие поиски, друзья так и не смогли найти для Кубичека подходящей комнаты: препонной стал рояль, взятый им напрокат. Они уговорили госпожу Закрейс уступить им за 20 крон в месяц «большую» комнату, а себе оставить кухню и маленькую комнату. Молодые люди сосуществуют мирно: Адольф встает поздно и остается до обеда дома, а Кубичек,

который с легкостью сдал вступительные экзамены, уходит на занятия в консерваторию. После обеда из дому уходит Гитлер, так как «Густль» в это время занимается на рояле и альте. Ночью Гитлер не дает другу спать, выступая с многочасовыми речами.

В Вене главным предметом его интереса остается опера. В репертуаре придворного театра много произведений Рихарда Вагнера: «Кольцо нибелунгов» целиком исполняется два-три раза за сезон, еще дают «Тристана и Изольду», «Таннгейзера» с Лео Слезаксом в заглавной роли (8), «Мейстерзингеров», «Риенци», «Лоэнгрин», «Летучего голландца». Из июньского репертуара 1908 года: 2 июня — «Голландец», 4-го — «Таннгейзер», 5-го — «Лоэнгрин», 7-го — «Мейстерзингеры», 9-го — «Тристан», 16-го — «Золото Рейна», 17-го — «Валькирия», 19-го — «Зигфрид», 22-го — «Гибель богов». (9)

Кубичек вспоминает, что во время совместного проживания в Вене, с февраля по июль 1908 года, они присутствовали на каждом представлении Вагнера в Придворной опере, «Лоэнгрин» и «Мейстерзингеров» «видели раз десять точно» и, «конечно», знали наизусть. (10) В 1935 году Йозеф Геббельс записывает в дневнике: «Фюрер рассказывает о великих венских певцах, особенно о Лео Слезаксе, которого очень ценил. Там ему впервые довелось насладиться музыкой. Все та же старая песня». (11)

Чтобы послушать любимого Вагнера, Гитлер готов ходить даже в «Фольксопера» — «Народную оперу», хотя ему не нравится здание, *весьма прозаическое, в стиле «новой деловитости»*, а также *скудный, без изюминки, интерьер, и постановки здесь такие же — пустые и прозаические*. Кубичек вспоминает: «Адольф

называл этот театр “народной столовой”». (12) Но здесь они могли себе позволить даже сидячие места. Самое дешевое место на втором ярусе стоило всего полторы кроны (меньше, чем самое дешевое стоячее место в Придворной опере).

Кубичек пишет: «Для Гитлера посещение оперы имело иной смысл, чем для всех остальных; слушая Вагнера, он пребывал в особом состоянии, он забывал себя и мир вокруг и переносился в мистическую страну грез, это было ему необходимо, чтобы обуздать свою взрывную натуру». (13)

Гитлер изучал творчество и биографию Вагнера «с невероятным упорством и последовательностью», «с бьющимся сердцем». Он прочитал все написанное о мастере и все, что вышло из-под его пера, «как будто Вагнер мог стать частью его существа». «Порой Адольф... декламировал мне наизусть письма или записи Рихарда Вагнера или его сочинения, например, “Произведение искусства будущего” или “Искусство и революция”». (14), Мировоззренчески и политически Вагнер тоже становится идеалом для молодого Гитлера.

В Вене я был так беден, что мог позволить себе ходить только на самые лучшие постановки, «Тристана» я прослушал тогда раз тридцать или сорок раз в самом лучшем исполнении, еще я ходил на Верди и на другие избранные спектакли, ерунда меня не интересовала. (15)

При всей его экономности столь частые визиты в оперу в первые венские месяцы были Гитлеру не по карману. Билет на стоячее место в партере стоил две кроны, на особые представления (например, на выступление Энрико Карузо или на премьеру) — целых

четыре кроны. Со стоячего места в партере, под императорской ложей, все было великолепно видно и слышно, эти места пользовались большим спросом, за билетами по много часов стояли в очереди. Как пишет Кубичек, ради оперы Вагнера, которая длилась пять часов, им приходилось отстоять три часа под аркадами (то есть снаружи), а потом еще два часа в коридоре оперы, чтобы добыть в кассе билет на хорошее место.

В ту эпоху стоячий партер делился на две части бронзовыми перилами: одна половина мест предназначалась для гражданских лиц, вторая для военных. Женщинам и девушкам вход был запрещен, и это, по словам Кубичека, «Адольф весьма приветствовал». Военные, которые «приходили в Придворную оперу не столько ради музыки, сколько ради того, чтобы показаться в обществе», платили за место всего десять геллеров. «Это приводило Адольфа в неистовство», особенно потому, что сторона для военных — в отличие от стороны для гражданских — обычно оставалась полупустой. (16)

Более дешевые стоячие места на третьем и на четвертом ярусах (1 крона 60 геллеров и 1 крона 20 геллеров соответственно) молодой Гитлер, как пишет Кубичек, не признавал: там и акустика, и обзор были намного хуже, чем в партере. А главное и самое ужасное — туда пускали дам, что Гитлера не устраивало.

Чтобы не тратиться на гардероб, молодые люди оставляют пальто и шляпы дома и мерзнут, стоя в очереди. Им приходится уходить из театра ровно в 21.45, чтобы добраться до Штумпергассе до 22.00, когда двери дома запирались на ночь; в те времена в Вене у жильцов не было ключей от входной двери дома, и приходи они позже, пришлось бы заплатить привратнику по

20 геллеров. (17) Финал оперы, который им не удалось дослушать, Кубичек потом исполнял дома на рояле. (18)

В конце 1907 года Густав Малер после десяти лет работы ушел с поста директора императорско-королевской Придворной оперы. Устав от интриг и антисемитизма, Малер решил покинуть Вену и принял предложение Метрополитен-опера в Нью-Йорке. В связи с этим крайне ухудшилось и положение сподвижника Малера — «модерниста» Альфреда Роллера. Роллер в письме к Иоганне Мотлох пишет, что «вследствие ухода Малера работать стало весьма неприятно, условия работы сильно изменились. Директор фон Вейнгартнер, правда, обращается со мной прямо-таки превосходно, но косный чиновничий народец часто усложняет жизнь. Сейчас, конечно, самая напряженная ситуация». (19)

25 февраля 1908 года состоялся первый спектакль в постановке Роллера при директоре Вейнгартнере: «Долина», опера Эжена д'Альбера, пианиста-виртуоза и ученика Ференца Листа, по либретто Рудольфа Лотара, сотрудника газеты «Нойе Фрайе Прессе». Годом ранее премьера прошла в Берлине, а теперь оперу впервые представили в Вене.

Рецензии венских газет в отношении либретто и музыки были сдержанными. Противопоставление горных вершин и долины показалось наивным: «Выше снеговой линии живут добродетельные, наивные и набожные люди, внизу, в долине — исключительно грязь, право первой ночи и насмешливые хоры». Кантилена у д'Альбера «немного скудная, и вообще фантазия у него от природы не слишком богатая, к тому же он экономен в средствах. Музыка достаточно простая, частью традиционная, порой обычная.

В веселых сценах заметно влияние оперетты, трагическим сценам недостает истинного пафоса».

Однако дирижер Франц Шальк и исполнители, особенно Эрик Шмедес в роли Педро, как и декорации Роллера, заслужили похвалы. Один из критиков писал: «Инсценировка и исполнение несравненны, опера поднялась благодаря им на необычайную высоту, у нее буквально выросли крылья, воздействие на публику оказалось невероятным. И я с удовольствием присоединился к овациям в финале». (20)

Уже будучи «фюрером Великой Германии» Гитлер отличал оперу «Долина». Во всяком случае, он пожелал, чтобы 27 октября 1938 года, во время официального визита в Венскую государственную оперу исполнили именно ее. Дирижер Ганс Кнаппертсбуш и филармонический оркестр удивились: они рассчитывали на Вагнера, никто не ожидал, что Гитлер захочет увидеть старую постановку Роллера 1908 года. Профессор Отто Штрассер, который в тот вечер играл в оркестре, рассказал автору книги, что Кнаппертсбуш без всякого удовольствия и должной концентрации дирижировал немилый ему оперой для немилосердного почетного гостя.

Очевидно, воспоминания Гитлера о премьеры в 1908 году, когда дирижировал Шальк, были гораздо лучше, чем впечатление от возобновленной постановки. Следующее критическое высказывание о дирижере, вероятно, связано именно с этим спектаклем: «Чистое наказание — слушать, как дирижирует Кнаппертсбуш». (21)

При Феликсе фон Вейнгартнере, новом директоре, в репертуаре Венской придворной оперы сохранилось не менее 21 одной постановки Малера / Роллера.

Прежде всего это оперы Вагнера. Однако Вейнгартнер старался вытравить память о своем нелюбимом предшественнике. Он уволил многих исполнителей, которым Малер отдавал предпочтение, и под аплодисменты антисемитов следил за тем, чтобы евреи не получали ангажемента. Газета «Альдойчес Тагблатт» писала: «Раньше, при Малере, которого можно сравнить со злым волшебником Клингзором из «Парсифаля», на работу принимали только дочерей раввинов, откормщиков гусей и уличных торговцев», то есть — «плоскостопых товарищей по расе». (22)

Direktor Weingartner

«Директор Вейнгартнер». Карикатура в сатирическом журнале «Кикерики», 20 февраля 1908 года

В июне 1908 года во время представления «Валькирии» на галерее Придворной оперы произошел скандал с дракой. Приверженцы Малера и вагнерианцы протестовали против сокращений партитуры и искажения концепции Малера / Роллера, требовали исполнять оперу целиком, как при Малере. На стороне Вейнгартнера, то есть за сокращение партитуры, выступали антисемиты и многочисленные противники Малера.

Вот как описывала скандал газета «Альдойчес Тагблатт» в заметке под названием «Наглость евреев в Придворной опере»: «Кривоносые малерианцы, славные дурачки (тупицы), премиленько украшенные черной негритянской шерстью (homo negroides), решили, что могут устроить шумную демонстрацию. Но музыканты оркестра, которые почитают господина Вейнгартнера как первоклассного дирижера и радуются, что им наконец-то удалось избавиться от еврейского фигляра Малера, приветствовали своего директора, как один поднявшись со своих мест, сердечными аплодисментами. После второго акта на галерее появилась полиция и с беспримерной смелостью арестовала шесть еврейских мальчишек, не испросив предварительно разрешения на это насилие, нарушающее нормы международного права, у господина главного раввина д-ра Гюдемана».

Столкновения случались и раньше, а именно — на представлении «Мейстерзингеров», «потому что эти негроиды никогда не любили германца Вагнера. Но эти чертовы отродья просчитались: едва они раскрыли пасть и начали рычать, как тут же схлопотали пару смачных оплеух от питомцев муз, телесные силы которых весьма развиты благодаря занятиям фехтованием. За несколько минут бравые студенты разукрасили все еврейские лица и выкинули за дверь прилегающие к ним кости; все прошло так гладко, что даже дирижер Хербек ничего не заподозрил и принял удары распаленных гневом студентов по почтенным семитским лицам за аплодисменты толпы, восхищенной гением Рихарда Вагнера». (23)

«Чистая публика» не собиралась предпринимать никаких шагов, чтобы защитить нелюбимого Малера.

Слишком жестко он действовал на посту директора, слишком бескомпромиссным был в своих требованиях и не терпел ни малейшего вмешательства в свою работу. Он превратил оперу из места встречи «чистой публики» в храм музыки, к большому неудовольствию тех, кто приходил в оперу не ради музыки, а ради выхода в свет.

Искусство требует по-настоящему серьезной концентрации, — говорит молодой Гитлер своему другу и возмущается теми, *кто приходит в оперу показать себя, продемонстрировать красивые туалеты и дорогие украшения, пофлиртовать, а, возможно, и заключить сделку, чтобы потом, и конечно, еще до окончания представления, отправиться куда-нибудь потанцевать и приятно завершить вечер... Такого сорта люди не должны появляться в первом по значению культурном центре империи, пусть идут развлекаться в ночные заведения.* (24)

В споре о малеровской концепции Вагнера оба юных вагнерианца, Гитлер и Кубичек, явно не на стороне антисемитов. Кубичек заверяет, что Гитлер относился к Малеру с «величайшим восхищением». (25) Даже в неопубликованной, написанной по поручению НСДАП версии воспоминаний Кубичек пишет, что «Адольф Гитлер уважал Малера, несмотря на то, что последний, видимо, был еврей, потому что Густав Малер серьезно относился к музыкальным драмам Рихарда Вагнера, его постановки Вагнера отличались в ту эпоху прямо-таки ослепительным совершенством». (26) Гитлер и Кубичек, почитая Малера и Роллера, оказались на стороне «кривоносых малерианцев» и «иудеев».

Несмотря на все протесты, сокращения партитуры стали обычным делом даже в Венской опере; в других театрах такое практиковалось и раньше. В 1936 году,

во время одного из представлений «Лоэнгрин» в Байройте, Винифред Вагнер, сидя рядом с Гитлером, заметила, как он был взволнован, когда тенор в арии, посвященной Граалу, неожиданно спел пассаж, который обычно опускали (27). То, что бросилось в глаза лишь знатокам, было хорошо знакомо Гитлеру благодаря полным, без сокращений, венским постановкам вагнеровских опер.

Любовь к Вагнеру означала в тот период и приверженность определенной политической позиции. По крайней мере с тех пор, как в 1883 году «вождь пангерманцев» Георг Шёнерер превратил поминальные торжества немецких студентов по только что умершему Вагнеру в митинг немецких националистов. На праздниках немецких националистов всегда звучала музыка Вагнера. Например, большой праздник Школьного союза 8 декабря 1909 года в Вене начали увертюрой к «Риенци» и закончили музыкой из «Мейстерзингеров». (28)

С другой стороны, вагнерианцы-евреи и почитатели Малера были не готовы отказаться от своей любви к Вагнеру из политических соображений. Д-р Вильгельм Элленбоген, вожак рабочего класса в венском районе Бригиттенау (с ним Гитлеру вскоре предстояло познакомиться), клеймил на собраниях рабочих «новомодную порчу Вагнера». Искусство Вагнера является «для широких слоев» «величайшим достоянием, святыней. И мы не можем допустить, чтобы грубые руки касались этой святыни, терзали, расчленили и увечили благородное тело произведения искусства». Следует «охранять культуру и защищать право народа на получение своего искусства в первозданном виде. Руки прочь от святыни!» (29)

Под воздействием Роллера, которому он поклоняется на расстоянии (или возможно, все еще надеясь с ним познакомиться), Гитлер изучает в подробностях механику сцены. Кубичек пишет, что его друг сочинял пьесы на сюжеты немецкого героического эпоса, рисовал декорации и костюмы. Кульминацией его усердных занятий стала попытка «закончить» музыкальную драму «Виланд-кузнец», которую Вагнер упоминает в сочинении «Произведение искусства будущего». Согласно легенде, томящийся в плену кузнец Виланд выковывал себе крылья, чтобы улететь на свободу. Вагнер заканчивает эссе следующим призывом: «О ты, единственный прекрасный народ! Ты сам сотворил эту легенду и ты сам — этот кузнец! Создай же себе крылья и взлети!» (30)

19-летний Гитлер решил проработать не только текст и сценографию «Виланда», но и сочинить музыку. Хотел доказать Кубичеку, «что он, даже не обучаясь в консерватории, способен обойти меня на музыкальном поприще, потому что в этом деле главное — не профессорская премудрость, а гениальные идеи творца». (31) Но Гитлер не имел ни малейшего понятия о гармонии и не знал нотной грамоты, а Кубичек обучался музыке. Ему пришлось записывать «идеи» друга и — после неумелой игры последнего на рояле — оркестровать их.

Явно приукрашивая, верный Кубичек позже писал о «разветвленной полифонии» этой композиции и жаловался на самоуправство Гитлера: в конечном итоге партитура прямо-таки кишела диезами и бемолями. Кроме того, «постоянно менялся размер». (32) Гитлер работал так «лихорадочно», «будто нетерпеливый директор оперного театра определил ему слишком

короткий срок и уже рвет у него рукопись по частям из рук». (33) Странная затея доказывает, каким упорным был этот молодой человек, а в то же время — как он себя переоценивал. Ведь все его музыкальное образование ограничивалось не слишком успешными уроками игры на фортепьяно в течение четырех месяцев.

Но именно эти попытки позволили Гитлеру приобрести все те знания, которые потом вызывали удивление у специалистов. Директора театров поражались порой его «интересу к диаметру вращающихся сцен, подъемным механизмам и в особенности к различным техникам освещения. Он знал все системы управления и мог подробно, до мельчайших деталей, расписать правильное освещение для конкретных сцен». Альберт Шпеер пишет, что Гитлер даже на посту рейхсканцлера рисовал эскизы декораций к операм Вагнера и передавал их в качестве рекомендаций своему любимому театральному художнику Бенно фон Аренту. Это были «чисто выполненные, раскрашенные цветными карандашами» эскизы ко всем актам «Тристана и Изольды», а также эскизы для всего «Кольца нибелунга». За столом он «с большим удовольствием» рассказывал, что «сидел над этими эскизами три недели подряд, каждую ночь», хотя график у него в тот период был особенно напряженный. (34)

Знания, полученные в Вене, Гитлер позже использовал для инсценировок партийных съездов в Нюрнберге, ведь они были сродни театральным представлениям, а также для самых разных празднеств и торжественных мероприятий. «Световые соборы» Шпеера продолжали традицию «световой режиссуры» Роллера. Море красных флагов, парадные марши под барабанную дробь и музыку Вагнера, по преимуществу в темное время

суток, когда зрителей легко настроить на торжественный и сентиментальный лад, — все это напоминает образцовую инсценировку оперы Вагнера, где кульминация — появление и выступление рейхсканцлера.

Музыка вне оперы интересовала Гитлера мало. Кубичек периодически получал от консерватории приглашающие билеты на концерты в «золотой зал» дома Общества любителей музыки «Музикферайн». Здесь Гитлер впервые услышал музыку Антона Брукнера, своего земляка из Верхней Австрии (тогда его исполняли еще довольно редко), а именно: Четвертую симфонию — «Романтическую». Он был, по словам Кубичека, «совершенно потрясен». (35) Позже Гитлер упоминал имя Брукнера с неизменной гордостью, например, в 1942 году после исполнения Седьмой симфонии: *Сплошь народные мелодии из Верхней Австрии, конечно, не буквальные копии, но все же шаг за шагом лендлер и многие другие, знакомые мне с юности. Как ему удалось создать шедевр из такого примитивного материала!.. Представляю себе, как тяжело было этому бедному провинциалу, когда он попал в Вену, в испорченную среду большого города!* (36)

«Немецкие» композиторы Гитлера не интересовали. Кубичек сообщает: «Ни Гуно, чью «Маргариту» он назвал китчем, ни Чайковский или Сметана не произвели на него ни малейшего впечатления... Он признавал только немецких композиторов. Нередко он говорил мне, что гордится принадлежностью к народу, породившему таких мастеров. Какое ему дело до других. Он не хотел их признавать и потому внушил себе, что их музыка ему не нравится». (37)

Исключение Гитлер сделал только для Ференца Листа — «защитника Рихарда Вагнера» и для Эдварда

Грига — «северного Бетховена». (38) При этом, пишет Кубичек, ему осталось непонятным творчество Бетховена, Моцарта, Глюка, а также вся современная музыка. Впрочем, в этом он мало отличался от большинства современников.

Архитектура Рингштрассе

Когда читаешь воспоминания музыканта Кубичека, создается впечатление, что в Вене мысли Гитлера были заняты в основном оперой, куда они ходили по вечерам. Друга не особо интересовало, чем Гитлер занимался днем, ведь он не разделял главной привязанности приятеля — любви к архитектуре, и прежде всего, к архитектуре Рингштрассе. Когда Гитлер впервые попал в Вену, Рингштрассе показалась ему чудом из «Тысячи и одной ночи». На протяжении всей жизни он утверждал, что это — *самая красивая улица из всех, которые когда-либо возвели на месте старых крепостных стен; здания, правда, все в разном стиле, но их создали прекрасные архитекторы, и потому они не производили впечатления эпигонской продукции.* (39)

Улица Рингштрассе — великолепное бульварное кольцо длиной четыре километра, открытое в 1865 году и опоясывающее центральный район города — стала самым значительным градостроительным проектом Вены со времен Средневековья. Император Франц Иосиф приказал снести городские стены лишь в 1857 году, а до того Вена была городом тесным, темным, переполненным, заключенным в тиски средневековых стен. Предместья отделял от города еще и гласис — незастроенная и засаженная лишь травой полоса шириной в 450 метров, которую использовали как учебный плац и плац для парадов, а также как место отдыха.

Строительные работы длились несколько десятилетий и полностью завершились только к 1900 году, но уже в 1890 году внутренний город объединился с предместьями. Вена превратилась в роскошную современную столицу, Рингштрассе стала символом имперской власти — впрочем, в эпоху, когда эта власть давно уже шла на убыль. В одном из выступлений 1929 года Гитлер сказал, что в основе Рингштрассе лежит политическая идея: *Создав огромный, выдающийся, великолепный центр города, вернуть монархии, разрываемой деструктивными силами, центральную власть, силу притяжения... Маленький человек, приехав в метрополию, в город-резиденцию, должен сразу ощутить, что там живет государь.* (40)

Лучшее на этой улице — общественные здания, построенные в разных исторических стилях: неоклассицизм (Парламент), неоготика (ратуша и церковь Вотивкирхе), неоренессанс (Бургтеатр, Придворная опера, биржа, университет). Кроме того, здесь выстроили самые роскошные отели города, а также дворцы новой денежной и промышленной аристократии, так называемых «баронов Рингштрассе», и помпезные доходные дома.

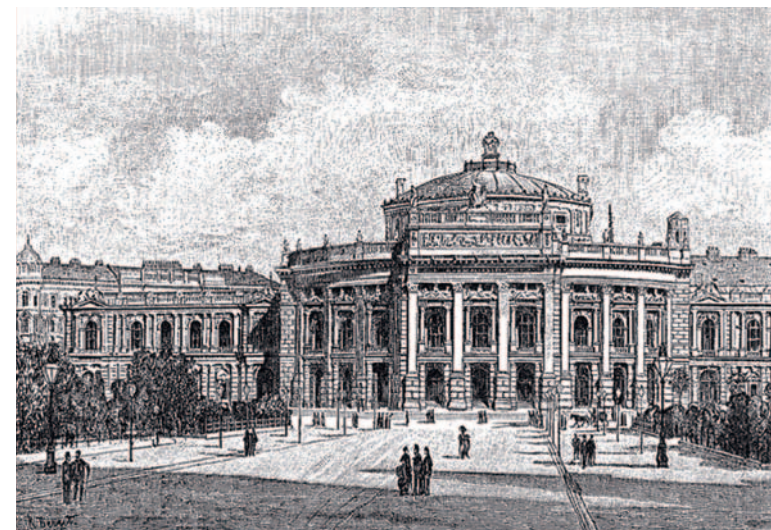
Всю жизнь Гитлер называл Венскую придворную оперу *роскошнейшим оперным театром с великолепной акустикой.* Он любил рассказывать историю несчастных создателей здания — архитекторов Эдуарда ван дер Нюлля и Августа Сиккарда фон Сиккардсбурга. Первый, не выдержав резкой критики, покончил жизнь самоубийством, второй тоже вскоре умер. Обоим не суждено было дожить до признания их заслуг. (41) Кроме того, Гитлер внимательно изучал неоготическую ратушу и восторгался *великолепным зданием*

новогреческого парламента, основного произведения датского архитектора Теофиля Ханзена: *Эллинское чудо на немецкой земле*. (42)

Однако главным кумиром Гитлера был Готфрид Земпер, создатель Бургтеатра (43): молодой человек копирует эскизы именно этого здания, создавая собственный план Земельного театра в Линце. (44) В набросках Гитлера прочитываются и знаменитые, роскошные лестницы земперовского Бургтеатра, и излюбленный стиль Земпера — неоренессанс. В 1940 году Гитлер собирается воплотить в жизнь план Земпера по постройке «имперской оперы» в Берлине: *Самое прекрасное и лучшее, что только может быть*. (45) Молодой Гитлер также основательно изучил планы Земпера по расширению Площади героев в Вене, которым так и не суждено было осуществиться. (См. экскурс: «Мартовские дни и Площадь героев» в Главе 3 «Столица империи»).

Кубичек пишет, что Гитлер «прямо-таки упивался» этими сооружениями и изучал их в мельчайших подробностях: «Он часами рассматривал здания и запоминал все, даже незначительные мелочи». (46) «Потом, дома, он зарисовывал для меня эти здания в горизонтальном или вертикальном разрезе или занимался особо какой-нибудь интересной деталью. Брал в библиотеке книги и углублялся в историю создания отдельных построек... Меня поражало, как хорошо он знал все боковые порталы и лестницы, и даже мало кому известные входы или задние ворота... Он не уставал созерцать Рингштрассе, на примере этой улицы он проверял свои знания в области архитектуры и высказывал свои взгляды». (47)

Кубичек пишет, что 19-летний Гитлер «читал все больше специальной литературы», прежде всего, книгу

*Бургтеатр на Рингштрассе.
Архитектор — Готфрид Земпер*

по истории зодчества. Он «открывал книгу на любой странице с иллюстрацией, закрывал рукой данное ниже описание и рассказывал мне наизусть, что изображено на этой картинке, будь то Шартрский собор или Палаццо Питти во Флоренции. Он обладал поразительной памятью» (48), равно как и усердием: «Адольф то сидел часами над книгами, то что-то писал до глубокой ночи, и тогда рояль, стол, его кровать и моя, даже пол были покрыты рисунками». (49) Кубичек вспоминает, что его друг не создавал проектов «обычных или производственных сооружений... Его фантазия всегда парила в высоких сферах, и в его планах никогда не учитывались предполагаемые расходы». (50)

Позже Гитлер будет сожалеть об утрате этих ранних эскизов: *Они были драгоценным имуществом,*

интеллектуальной собственностью, я бы их никогда так просто не отдал, как раздавал картины... Если я сегодня в состоянии, не прилагая никаких усилий, набросать на бумаге здание театра в горизонтальном разрезе, то делаю это не по наитию. Это исключительно результат моих тогдашних занятий. (51)

Свидетели, познакомившиеся с Гитлером впоследствии, подтверждают основательность его знаний в архитектуре. Шпеер вспоминает, что Гитлер мог по памяти зарисовать в правильной пропорции Рингштрассе и прилегающие районы, включая большие здания. (52) Гитлер рассказывал архитектору Герману Гислеру, что в юности он изучал также планы застройки Парижа при Жорже Эжене Османе и Мюнхена при короле Людвиге I. (53) И действительно, в 1940 году очевидцы с удивлением обнаружили, как хорошо он знает крупные парижские сооружения — прежде всего, здание Парижской оперы. (54)

Сильное влияние Вены можно заметить и в высказывании 1942 года, когда Гитлер критиковал памятники Германии как не слишком удачные в художественном отношении: *В большинстве своем это сильные мира сего верхом на коне, в шлеме с ниспадающим султаном.* Четыре из шести памятников, удостоившихся его похвалы, находятся в Вене. Это готическое надгробие на могиле императора Фридриха III в соборе Святого Стефана, конная статуя Иосифа II в стиле классицизма на площади Йозефсплац и два памятника, входящие в архитектурный комплекс Площади героев: установленная в 1888 году между двумя придворными музеями скульптурная группа вокруг памятника Марии Терезии и конная статуя принца Евгения Савойского работы Антона Фернкорна. (55)

Кубичек не понимал, почему его друг не пытался «применить свои знания на практике или хотя бы принять участие в семинарах по архитектурной графике. Он вовсе не стремился сойтись с людьми, разделяющими его профессиональные увлечения, и поговорить с ними об интересующих его проблемах». (56) Как-то друг озабоченно спросил, неужели тот и в самом деле хочет ограничить свое образование только книжными знаниями, но Гитлер ответил довольно резко: *Тебе не обойтись без учителей, это ясно. А вот мне они не нужны.* Он назвал друга *интеллектуальным нахлебником и дармоедом за чужим столом.* (57) Кубичек не пытался защищаться.

К архитектуре, как и к музыке, Гитлер подходил крайне избирательно. Он не любил новый функциональный стиль и, по словам Кубичека, из всех современных построек признавал «соответствующей назначению» (58) только городскую железную дорогу Отто Вагнера. Официальная Вена довольно долго оставалась верна стилю Рингштрассе: в 1909–1913 годах, например, построили военное министерство на Штубенринг. Однако новые архитекторы уже давно создавали проекты подчеркнута простых зданий. Адольф Лоос уже выступил со своим знаменитым девизом «Орнамент — это преступление» и назвал архитектуру Рингштрассе «аморальной»: «Над венской архитектурой этой эпохи парил дух Потемкина». Сознывая провокативный характер своих действий, Лоос в 1910 году построил напротив помпезного купола нового императорского дворца Хофбург на площади Михаэлерплатц, возведенного всего 17 годами раньше, в 1893-м, здание салона мужской моды. Возмущенные венцы говорили: «страшилище а не дом» и «дом без бровей».

Действительно, фасад был абсолютно гладкий, а над окнами отсутствовали привычные украшения. Лоос очень обрадовался такой реакции, 11 декабря 1911 года он выступил перед многочисленными слушателями с докладом «Страшилище а не дом».

Гитлер отреагировал на постройку скандально известного дома весьма своеобразно. Проживая в мужском общежитии, он сделал рисунок площади Михаэлерплатц, но так, будто дома Лооса не существует: скопировал историческое изображение XVIII века. (См. рисунок в Главе 6 «В мужском общежитии»).

Изобразительное искусство

Гитлер снова готовится к вступительным экзаменам в Школу живописи Академии изобразительных искусств, он почитает Альфреда Роллера, и тем не менее вовсе не интересуется современной живописью. В этой области искусства он опять-таки ориентируется на устаревшие художественные направления и общепринятый вкус той эпохи, когда застраивалась Рингштрассе. Он любит Ансельма Фейербаха, подражающего античности, Рудольфа фон Альта с его знаменитыми видами Вены, Эдуарда Грюцнера, певца предающихся радостным возлияниям монахов: *Однажды в Вене, в молодости, я увидел в витрине художественного салона картину Грюцнера... Я был в полном восторге, не мог на нее посмотреться. Робея, я вошел в магазин и осведомился о цене. При моих тогдашних жизненных обстоятельствах цена была для меня невероятно высокой, непосильной! И я подумал: наступит ли когда-нибудь такое время, когда я смогу себе позволить Грюцнера?* По свидетельству фотографа Генриха Хофмана, позже Гитлер владел тридцатью «грюцнерами». (59)

Большинство венцев — начиная с императора и заканчивая добропорядочными бюргерами — также по-прежнему предпочитали «стиль Макарта»: мебель «старонемецкую», живопись напыщенно-героическую либо идиллически-народную, и уж точно предметную. Как говорил Оскар Кокошка, третье сословие смотрело на искусство как на средство украшения стен, а аристократам искусство требовалось «для поддержания культа предков, так же, как при дворе, например, нанимали для этой цели придворного фотографа». (60)

Творчество Ганса Макарта, ушедшего из жизни в 1884 году, оценивали по-разному. Модернисты не принимали его, считая чересчур помпезным. Мнение Гитлера однозначно и неизменно на протяжении всей жизни: он восхищается Макартом. Отголоски венских споров о Макарте слышны даже в высказываниях рейхсканцлера: *Грязные евреи называли любое здоровое искусство китчем. Утверждали, что последние картины Макарта никуда не годятся, что он был душевнобольным. Его они не принимали, а других ценили как раз за то, что те были душевнобольными!* (61) Так или иначе, в 1908 году почитатели Макарта могли быть довольны: тогда состоялась большая выставка его работ, с которой начался настоящий ренессанс этого художника.

В том же году венские модернисты попытались сделать современное искусство и художественные ремесла более понятными широкой публике и под председательством Густава Климта организовали большую выставку «Кунстшау». На открытие пришли 300 человек, выставка проходила на площади, где сегодня находится концертный зал «Концертхаус». Концепцию выставочного пространства разработал Йозеф Хофман.

На территории выставки располагались 54 павильона, а также художественно оформленные парки, дворики, фонтаны, деревенский дом, маленькое кладбище и кофейня с двумя террасами; здесь представили свои произведения скульпторы, художники, ювелиры, вышивальщицы и стеклодувы. «Венские мастерские» выставили искусно выполненную массовую продукцию, предметы домашнего обихода, игрушки, кукольные домики (один даже с электрическим освещением), книжки с картинками, одежду по новой «реформированной» моде, плакаты, образцы тканей и т.д. Кюло Мозер представил витражи, Адольф Лоос — сочинение «Орнамент и преступление».

Центральными живописными полотнами стали на выставке новые произведения «золотого периода» Климта: «Даная», «Поцелуй», «Три возраста» и эротические рисунки. Возмущение добропорядочных граждан вызвал Оскар Кокошка, 22-летний студент Школы художественных искусств и ремесел, представивший книгу «Грезящие мальчики», эскизы для гобеленов, но главное — автопортрет, бюст из раскрашенной глины с разверзнутым в крике ртом, под названием «Воин». Кокошка писал в воспоминаниях: «Павильон с моими работами стал для венской публики «комнатой ужасов», мои произведения — предметом насмешек. В разверзнутом рту моего бюста каждый день оказывались кусочки шоколада или еще что-нибудь, видимо, так девушки шутили над “главным дикарем”». (62)

Роллер также принимал активное участие в этой выставке. Он оставался верен своему основному принципу «универсального произведения искусства», которому призывал следовать не только на сцене, но и в обычной жизни: «Сюда относятся не только

драма, опера, танец, концерт, пантомима, балет, но в той же мере и театр марионеток, детский театр, театр теней, равно как и цирк, фестиваль и праздничная процессия на природе, летний театр, театр на природе, церемониальные действия любого рода, для которых нужны декорации, а еще народные праздники, показательные выступления гимнастов, танцевальные вечера, спортивные праздники, ночные праздники, фейерверк, игра фонтанов, выставки, витрины магазинов и так далее». (63) Роллер преподавал также в Школе художественных искусств и ремесел, а в 1909–1934 гг. ее возглавлял. В тесном сотрудничестве с «Венскими мастерскими» он выступал за синтез искусства и ремесла, отправлял своих студентов работать в мастерские, пропагандировал «искусство для народа» в «галерее на улице» и организовывал бесплатные публичные доклады и курсы.

Газеты весьма высоко оценили оформленный Роллером театральный павильон этой выставки, где были представлены эскизы декораций и костюмов. Вполне возможно, что это побудило и молодого Гитлера присоединиться к сотням тысяч посетителей. Если так, то это была его первая встреча с творчеством художников венского модерна.

Через год на выставке «Кунстшау» появились работы многообещающего студента, 19-летнего Эгона Шиле. И опять Оскар Кокошка вызвал возмущение общественности. Сначала внимание публики привлек экспрессионистский плакат, приглашавший на представление его пьесы «Убийца, надежда женщин» в летнем театре. Газета «Винер Альгемайне Цайтунг» писала: «Вряд ли хоть один человек укоризненно не покачает головой, глядя на экзотический плакат,

который в последние дни смотрит на нас со всех заборов». (64) Во время спектакля разразился скандал, ведь Кокоска сознательно использовал представление как провокацию, «как средство против летаргии, которую ощущаешь в современном театре». Молодые актеры, чьи густо раскрашенные тела покрывали лишь лохмотья, импровизируя при свете факелов под глухую барабанную дробь и резкий свист, разыгрывали кровавую пьесу об убийце. Зрители были вне себя. На стене, окружавшей территорию выставки, сидели боснийские солдаты из расположенной неподалеку казармы, готовые «предотвратить мнимое убийство». В конце представления начались «топот и драка с использованием стульев, ситуация делалась все более опасной», «в конце концов публика и солдаты пошли в рукопашную». (65)

Как же это не соответствовало традиционным буржуазным представлениям о «высоком искусстве»? Следом за этой провокацией пресса развязала кампанию против «дегенеративного художника», «кошмара буржуа», «совратителя молодежи», «воспитанника исправительного дома». По приказу министерства Кокоска вынужден был покинуть Школу.

Венские модернисты любили все экзотическое и чужеродное, а в таковом ценили превыше всего наивность и аутентичность. Восхищались картинами Поля Гогена, также представленными на «Кунстшау» 1909 года. В парке Пратер тогда разбили абиссинскую деревню, и семья ашанти представила публике свою жизнь «в оригинале». Не только обычные посетители парка, но и художники услаждали себя созерцанием семейной жизни и телами полуголых чернокожих

«достопримечательностей». Венский поэт Петер Альтенберг, который в 1897 году уже посвятил такой выставке восторженную книгу, на сей раз в стихах воспевал юную Катидью из Абиссинии. (66)

Модернисты рассматривали подобные жесты как протест против окружающей их националистической и «клерикальной» узколюбости, и их разгневанные противники тоже это понимали. Они называли произведения экспрессионистов «дегенеративными», «вырожденческими», охотно ссылаясь на Рихарда Вагнера и его сочинение «Произведение искусства будущего». Вагнер сокрушался по поводу «частой беспокойной смены» (67) мод и использования внеевропейских мотивов и стиливых элементов, утверждая, что истинное искусство сможет вновь расцвести лишь после того, как преодолет искусство современное. Лишь «истинное» национальное искусство вечно, а искусство «современности» — временное заблуждение.

Знакомство с венским экспрессионизмом, возможно, стало причиной отвращения Гитлера к современному искусству вообще. В 1942 году он назовет его «сплошной увечной пачкотней». (68) А на партийном съезде в 1935 году он высказался так: «Рыться в нечистотах ради нечистот, живописать людей лишь в состоянии разложения, рисовать кретинок и выдавать их за символы материнства, изображать скрюченных идиотов и делать из них представителей мужской силы, — все это никак не является задачей искусства». (69)

Литература

Литература была для молодого Гитлера неведомой сферой. Кубичек с восхищением пишет, что тот читал Гете, Шиллера, Данте, Лессинга и Штифтера, но это

утверждение представляется весьма сомнительным. Как и то, что в Вене «у него под рукой» всегда были Шопенгауэр и Ницше. (70) Гитлер, вполне вероятно, держал в голове множество цитат из трудов этих великих авторов, вот Кубичек и сделал вывод, что он много читал. Немецкие националистические газеты в ту эпоху охотно печатали высказывания именитых «немецких мужей». Пангерманцы особенно любили подкреплять свои тезисы на наклейках, почтовых открытках и в календарях короткими цитатами, достоверность которых проверить сложно. Гитлеру не было нужды читать книги, он мог создать себе имидж знатока литературы при помощи цитат.

Уже в линцской школе каждый немец почитал делом чести хорошо знать биографию и творчество Шиллера, уметь отстаивать права немцев, цитируя классику: «И стыд той нации, которой жаль / Все положить за честь свою святую». Или: «Наш этот край, мы им века владели». (71)

В 1909 году, в честь 150-летия со дня рождения Шиллера, союз «Зюдмарк» организовал

**Die meisten, größten Feinde hat das deutsche Volk allein!
Deswegen noch kein Deutscher trauert oder weint!
Doch schrecklich muß uns der Gedanke sein,
Daß stets das deutsche Volk sich selbst sein ärgster Feind!**
F. S.

**„Wo einer Platz nimmt, muß der and're rücken,
Wer nicht vertrieben sein will, muß vertreiben,
Da herrscht der Streit und nur die Stärke siegt.“**
Schiller.

Цитаты из произведений Шиллера

«национальный праздник» и собирал пожертвования на памятники Шиллеру: «немецкие бастионы», «вечные мемориалы немецкой обороны на языковой границе». (72)

Более правдоподобными кажутся утверждения Кубичека о том, что Петер Розегер был для Гитлера «слишком популярен», Людвиг Гангхофер его не интересовал, «зато он активно защищал Отто Эрнста, чьи произведения знал очень хорошо». (73) Отто Эрнст (настоящее имя: Отто Эрнст Шмидт), уроженец Гамбурга, пользовался в ту эпоху большой популярностью, он сочинял юмористические рассказы и автобиографические романы из мелкобуржуазной жизни, без всяких претензий на художественность.

Молодому Гитлеру гораздо более по душе политически окрашенные тексты, брошюры, издававшиеся в том числе и партиями, и газеты, которые интересующимся гражданам часто раздавали бесплатно. Как, например, издательство газеты «Альдойчес Тагблатт», чья печатная продукция была доступна читателям еще и в витринах на Штумпергассе. Кто интересовался политикой, как Гитлер, тот имел возможность пополнить образование и вне университета: в многочисленных политических кружках читателей, в образовательных учреждениях партий, в публичных библиотеках, в библиотеках общественных объединений.

Сведения о литературе Гитлер черпает из газет, где печатаются романы с продолжением, а также во время редких посещений драматического театра. Кубичек пишет, что они ходили на знаменитое представление «Фауст. Вторая часть». Вероятно, речь идет о спектакле в Бургтеатре 25 апреля 1908 года: Йозеф Кайнц в роли Мефистофеля и юная Роза Альбах-Ретти

в роли Ариэля. (74) Желаящих так много, что очередь за билетами на стоячие места приходилось занимать уже в восемь утра. В пять вечера открывалась касса, и начиналась гонка за билетами, а потом борьба за лучшие места. Представление длилось до половины второго ночи. Кубичек пишет, что Гитлера этот спектакль «очень взволновал», он вспоминал его еще долго.

В марте 1908 года Бургтеатр ставит ряд пьес Генрика Ибсена к 80-летию со дня его рождения. А Гитлер, как сообщает Кубичек, нисколько не ценит Ибсена, равно как и прочих современных авторов.

Но одну современную пьесу друзья, скорее всего, видели, пусть и лишь для того, чтобы выразить свое возмущение. И это — драма Франка Ведекинда «Пробуждение весны», вызвавшая скандал ввиду своего якобы порнографического характера. Пьесу, опубликованную в 1891 году, впервые поставил Макс Рейнхард в Берлине в 1906-м, выдержав долгую схватку с цензурой и все-таки вычеркнув, например, слово «совокупление». А теперь постановка гостила в Вене, в Немецком народном театре. Сам Ведекинд играл «человека в маске». Кубичек и Гитлер могли посетить представления 13, 18, 20, 22 или 28 мая 1908 года. (75)

Пьеса Ведекинда расколола венское общество. Приверженцев строгой морали она возмутила, молодые художники, напротив, были в восторге. Среди таких — 23-летний композитор Альбан Берг, который позже напишет оперу по мотивам драм Ведекинда о Лулу: «Ведекинд — совершенно новое направление — акцент на чувственных моментах в современных произведениях!! — ...Наконец-то мы поняли, что

чувственность — это не слабость, не уступка собственной воле, а огромная сила, заключенная в нас, — стержень всего нашего бытия и мышления (да, именно так: мышления!) — Я заявляю твердо и определенно — чувственность очень важна для всего духовного. Лишь поняв чувственность, лишь проникнув в «глубины человечества» (или лучше будет сказать — в высоты человечества?) можно составить истинное представление о человеческой психике». (76)

19-летнему Гитлеру запомнились у Ведекинда лишь «пороки» и «опасность заражения». Поход в театр побудил его сводить друга Кубичека в район Шпиттельберг, продемонстрировать ему отвратительность проституции и предостеречь от опасностей. (См. Главу 11 «Гитлер и женщины»)

Венский, как и вообще европейский модерн означал протест против чопорности «буржуазного» XIX века. Художники-экспрессионисты выступали против слащавой идиллии, за освобождение от моральных пут, за правду, просвещение и обнажение как телесных, так и общественных язв и проблем. «Примерных бюргеров» особенно раздражал тот факт, что модернисты не просто пропагандировали в своих произведениях либертинаж и промискуитет, но и практиковали их в частной жизни. И совершенно сознательно становились возмутителями спокойствия в консервативной католической среде.

В 1900 году пьесу Артура Шницлера «Хоровод» обвинили в порнографии и запретили. В 1905 году Зигмунд Фрейд издал «Три очерка по теории сексуальности». В 1906 году появился роман 26-летнего Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника

Терлеса», где показан фатальный симбиоз насилия и сексуальности в подростковой среде. Леопольд фон Захер-Мазох опубликовал свои эротические романы («Венера в мехах»), в которых мужчины-рабы позволяют себя пороть властным дамам в мехах. От его имени было образовано понятие «мазохизм», благодаря чему писатель вошел в историю сексологии. Климт и Шиле шокировали публику в высшей степени откровенными эротическими картинами.

В 1905 году Рихард Штраус завершил оперу «Саломея» по скандально известной пьесе Оскара Уальда. В течение нескольких лет Густав Малер безуспешно пытался организовать мировую премьеру оперы в Вене, но придворное цензурное ведомство не давало на то разрешения «по религиозным и нравственным мотивам». (77) Лишь в 1910 году скандальное произведение поставили в «Фольксопер» («Народной опере»), не подчинявшейся придворным ведомствам. А мировая премьера к тому моменту уже состоялась — в Дрездене, в оформлении Альфреда Роллера. Саломея — чувственная женщина, уничтожающая мужчин — в эпоху модерна стала культовой фигурой.

Общественность особенно возмущалась культом шлюх, на рубеже веков распространившимся в среде литераторов: шлюху они почитали как воплощение никогда не иссякающей сексуальности. Карл Крайс, неутомимый борец против ханжеской морали, воспевал солидарность художников и уличных девок. (78) С него брали пример Петер Альтенберг и многие другие. Климт проиллюстрировал переводное издание «Диалогов гетер» Лукиана.

Зальтен написал не только «Бемби», знаменитый роман о животных, который благодаря Уолту

Диснею прославился на весь мир, но и порнографический бестселлер «Жозефина Мутценбахер. История жизни венской проститутки, рассказанная ею самой» (Вена, 1906). Эта книга — достоверный источник для изучения социального вопроса, что вовсе не входило в намерения автора. Итак, Жозефина выросла в густонаселенном доходном доме в венском районе Оттакринг. Еще в детстве она вступила в сексуальный контакт с жильцом, снимающим койку у ее семьи. Затем — инцест (и с братом, и с отцом) и бесконечные связи с разными мужчинами, от продавца пива до учителя катехизиса. Жозефина ненасытна в сексе, в конце концов ее богатый опыт начинает приносить доход. Судьба женщины показана в романе с мужской точки зрения: это история успеха, достигнутого через секс. Жозефина делает только то, что ей больше всего по душе, для чего она создана как «настоящая» женщина. Автор — и это типично для всей литературы австрийского модернизма — не рассматривает здесь тему проституции всерьез, не касается связанных с этой деятельностью проблем: болезней, насилия, нежелательных детей и алкоголизма.

Противники модернизма гневно выступали против «проститутской культуры» и «ошлющивания искусства» и требовали ужесточения цензуры. Так, журнал Шёнерера «Унверфельште Дойче Ворте» писал, что цензура должна защитить народ, бегущий «за любым растленным бараном как стадо овец», «даже если путь ведет по самой ужасной грязи». «Ловкие соблазнитель» привели народ «шаг за шагом — тихо и незаметно — на эту порочную дорогу». Обществу грозит «порча молодого поколения и предательство национального будущего». (79)

На сходных позициях стояли представители христианско-социального лагеря. Самый знаменитый проповедник рубежа веков, отец Генрих Абель, клеймил книги и театр как источник безнравственности: «Девушка, прошу тебя, не читай романов, лучше возьми, прошу тебя, спицы в руки и свяжи что-нибудь для бедняков!» А для мужчин он считал опасным даже Гете: «Я лично был знаком с четырьмя мужчинами, которые, прочитав «Страдания Вертера», утратили нравственность и позже застрелились. Я лично знаю четверых! О, отцы, о, матери, следите за тем, что читают ваши дети!» (80)

Писатель христианско-социального толка Рудольф Врба возмущался: «Место произведений Рафаэля, Ван Дюка и других гениев занимают сейчас сецессионистские гримасы, отвратительные измышления. Над «Божественной комедией» потешаются, а «Хоровод» Артура Шницлера — которому раньше нашлось бы место разве что в гамбургском борделе — совершенно серьезно обсуждают как поэтическое произведение. Газеты источают зловоние клоаки». (81)

Наука, и прежде всего медицина, также старалась проникнуть в бездны человеческой сексуальности и дать их описание. Пионером в этой области стал психиатр, профессор Рихард Крафт-Эбинг. Его исследование «Половая психопатия» вышло в свет 1886 году и неоднократно переиздавалось с дополнениями в последующие десятилетия. В окончательной редакции в 238 историях болезни описывались сексуальные «перверсии», которые объявлялись дегенерацией. (82) Благодаря Фрейду рухнули последние табу: его тезисы о сексуальности в раннем детстве разрушили традиционное представление о ребенке как

о невинном, чистом существе. В ту эпоху наука больше чем когда-либо считалась врагом веры, а университет — бастионом аморальности и бесстыдства.

На фоне всех этих противоречий в Дунайской монархии не прекращались межнациональные конфликты. Немецкие националистические газеты Вены в 1910 году были полны гневных сообщений о действительных или мнимых враждебных действиях других национальностей против «немецкой» культуры. И, конечно, требований к каждому немцу бороться за «чистоту немецкого искусства» в своей сфере деятельности. Речь не только о «немецких произведениях искусства», но и о «немецких деятелях искусства», начиная с дирижеров и заканчивая певицами. Газета «Альдойчес Тагблатт», например, критиковала «Фольксопер» за то, что «Летучим голландцем» там дирижировал «чистокровный чех» и «чешский агитатор». Да еще директор доказал свое пристрастие к «славянам и евреям», поставив «Русалку» Дворжака. Опере якобы грозит «чешская колонизация». (83) Такие выпады побуждали чехов и венгров действовать против немцев соответствующим образом.

Точка зрения Гитлера по этому вопросу ясна. Как пишет Кубичек, он был «безусловно предан» немецкому народу: «Он жил только этим народом. Для него не существовало ничего, кроме этого народа». (84) В съемной комнате на Штумпергассе он ночи напролет произносил пламенные речи: «Он снова и снова создавал империю немцев, где «народы-визитеры», так он именовал прочие народы монархии, следует поставить на место. Порой эти рассуждения затягивались, и я проваливался в сон. Заметив это, он начинал

меня трясти, будил и кричал: неужели его слова меня больше не интересуют? Если так, то пусть я сплю себе спокойно, подобно всем тем, у кого отсутствует национальное сознание. Но я с готовностью поднимался и старался усилием воли не закрывать глаза». (85)

«Еврейский модернизм»

В сочинении «Произведение искусства будущего» Рихард Вагнер использовал выражение «еврейский модернизм», охарактеризовав это явление как «нечто весьма убогое и для нас, немцев, весьма опасное», губительно воздействующее на «все оригинальные начинания немецких сограждан вплоть до их полного уничтожения». (86) А в сочинении «Современность» Вагнер разоблачает доминирование евреев в прессе и издательском деле: они пропагандируют аморальность и безнравственность в современном искусстве.

Аргументы противников модернизма в Вене рубежа веков сходны с вагнеровскими. Модернизм, говорили они, отвечает исключительно еврейскому вкусу, «gout juif», но никак не вкусу добропорядочных католиков и «арийцев». (87) Газета «Альдойчес Тагблатт» критиковала «всю насквозь еврейскую драматургию обнажения, ... которая без красивых грудей и ног была бы невозможна». (88)

Если христианских социалистов модернизм возмущал с точки зрения католической этики, то пангерманцев не устраивал один из главных признаков прогрессивного искусства — его интернациональность. Они вступили в борьбу под лозунгом: «Искусство — не интернационально, оно — народно» («фёлькиш»). (89) «Интернациональное», «безнравственное и безбожное» — главные ругательства антисемитов,

используемые против евреев и их друзей — «прислужников евреев». Венский модернизм считался еврейским, «отпор еврейству» в Вене, управляемой антисемитом, был центральной задачей в области культуры.

Строго говоря, венский модерн был не таким уж и «еврейским», стоит только вспомнить Густава Климта, Альфреда Роллера, Оскара Кокошку, Эгона Шиле, Рихарда Штрауса, Альбана Берга, Отто Вагнера, Йозефа Хофмана, Адольфа Лооса — кто из них еврей? Но антисемиты копали до тех пор, пока не находили у художников-модернистов еврейских предков. Указывая на них, они сразу отвергали произведение искусства как «еврейское». Постановка оперы Рихарда Штрауса «Электра» в Придворной опере имела большой успех. Но «Альдойчес Тагблатт» тут же напомнила читателям, что автор либретто — Гуго фон Гофмансталь, а его прадеда звали Исаак Лев Хофман и тот возглавлял еврейскую общину в Вене. Как тут не понять, «что за успехом «Электры» в значительной мере стоит еврейская солидарность». (90)

Действительно, количество евреев в культуре и науке Вены на рубеже веков было непропорционально велико как среди деятелей искусства, так и среди ценителей модерна — застройщиков, меценатов, покупателей, посетителей модернистских выставок, зрителей на спектаклях и концертах. Однако понятие «еврейский» означало в Вене не просто приверженность иудейской религии. Это слово подразумевало особую ментальность — свободомыслие, интернационализм, неприятие национальной узости и «клерикальности», способность вырваться из тисков традиций, нарушить табу и отважиться на что-то новое. К этим

кругам принадлежали как иудеи, так и евреи, давно перешедшие в другую веру, а еще — так называемые «прислужники евреев», то есть их друзья, соратники и единомышленники.

Примером может служить промышленник Карл Витгенштейн, отец Людвиг Витгенштейна, учившегося в реальном училище Линца одновременно с Гитлером. Карл Витгенштейн был меценатом во всех областях искусства, от музыки до живописи. Иоганн Брамс, Клара Шуман, Густав Малер, Вальтер и Пабло Казальс давали концерты в его особняке и постоянно получали материальную поддержку. Еще он финансировал строительство выставочного зала объединения художников «Сецессион». Йозеф Хофман выстроил летнюю резиденцию Витгенштейнов «Хохрейт» в Нижней Австрии, а ее полное оформление — мебель, посуду, картины, все в едином стиле — взяли на себя «Венские мастерские». Портрет Маргариты Стонборо, дочери Витгенштейна, написал Густав Климт, а Коло Мозер выполнил дизайн ее квартиры. Витгенштейны полностью ассимилировались, смешанные браки у них настолько часты, что позднее, когда появилась необходимость получить «свидетельство об арийском происхождении» и начались серьезные разбирательства, семья Витгенштейнов распалась на две половины: одна оказалась немного более «арийской», а другая — немного более «еврейской».

Депутат д-р Карл Люэгер, выступая в Рейхсрате, высказался о «прислужниках евреев» так: «Они губят свой народ, а евреи в борьбе против нас защищают свой народ, свою веру, свое племя. А вот христиане, которые ведут дела с евреями, ... губят свой народ, свою веру и заслуживают, по-моему мнению, величайшего презрения». (91)

Молодой Гитлер после похода в оперу с неодобрением отзывается о своих немецких товарищах по крови: *еврейскую молодежь можно постоянно видеть в образовательных учреждениях, мужчин ли, женщин, а вот арийская молодежь там почти не появляется. Венцы знают учреждения культуры своего родного города лишь снаружи, концертный зал только по названию, зато они развлекаются в Пратере, в трактирах и в хойригерах, — жалуется он Кубичеку. — Люди этого сорта составляют большое стадо обывателей, героев пивных, которые судят о самочувствии нации с наблюдательной вышки трактирной политики... Пройдет совсем немного времени, и даже студенты из провинции не будут иметь ни малейшего понятия о кровных явлениях своей культуры, начнут искать и находить величайшее удовлетворение в студенческих кабаках.* (92)

Кубичек пишет: если не считать опер Пуччини, особенно привлекательных для «женской части публики», на стоячих местах в партере почти не видно «арийцев»: «Стоячие места в партере и на четвертом ярусе были заняты в основном евреями и еврейками, и они, оказавшись в большинстве, вели себя с соответствующей наглостью». (93)

19-летний Гитлер, по словам Кубичека, размышлял о том, как повысить уровень образования «арийцев» в сравнении с «евреями», как пробудить их интерес к культуре. В частности, его занимала идея поддержания музыкальной культуры в провинции и среди школьников, а именно — создание мобильного «имперского симфонического оркестра». Гитлер все продумал: оркестр, независимый от железной дороги, будет перемещаться на собственных грузовиках,

музыкантов следует одеть в одинаковые костюмы — *но только не в эти ужасные фраки или смокинги, как делают сегодня.* Если не найдется достаточного большого зала, концерт можно провести в местной церкви: *Симфонический концерт — это тоже праздник освящения, так что в этом никакого урона святости церкви.* Техническую подготовку пусть обеспечит бургомистр. *Специально обученные докладчики должны прибыть раньше оркестра и подготовить народ к восприятию бессмертных произведений немецкого искусства,* учеников должны просветить учителя. Распорядок дня тоже четко продуман. Утром, сразу по прибытии — концерт камерной музыки. После обеда — концерт оркестра для школьников, вечером — праздничный концерт, *после которого сразу — отъезд.*

Кубичека увлекает энергия друга, он осведомляется о гонорарах музыкантов, рассчитывает затраты на концертную форму, инструменты и даже продумывает организацию архива оркестра. Предполагаемые расходы выражаются в астрономических величинах, «но ничуть не пугают моего друга». Гитлер был «настолько убедителен в своих речах и фантазиях», «что места сомнениям не оставалось». (94) Главное — достичь цели: познакомить «немецкий народ», не слишком озабоченный культурой (правда, речь шла только о венцах), с немецкой классической музыкой и догнать евреев.

Крупные либеральные газеты Вены в целом поддерживали и пропагандировали венский модерн, способствуя таким образом росту антисемитских настроений: «еврейская пресса» для антисемитов всех разновидностей была ничуть не меньшим врагом.

Как последний бастион австрийского либерализма — некогда весьма плодотворного, но уже давно утратившего политическую силу, — она все еще задавала тон в общественных и интеллектуальных дискуссиях. Газета «Нойе Фрайе Прессе» — это в глазах всей европейской общественности образец космополитической, либеральной немецкой газеты для правящих кругов. «Ноейс Винер Тагблатт», «Винер Зонн-унд-Монтагсдайтунг», еженедельные газеты «Ди Цайт», «Ди Ваге», «Факел» Карла Крауса (в свое время он, правда, был в оппозиции к либеральной «еврейской прессе»), — все эти издания стали трибуной для интеллектуалов и деятелей искусства, откуда те могли обращаться к своей публике. Не случайно столь широко распространилось мнение, что «еврейский модернизм» — это вовсе не искусство, а продукт предприимчивой «еврейской прессы».

Die Judenpresse und ihre christlichen Leser.

«Немецкая пресса и ее христианские читатели». Подпись: «В дерьме твой рот, в чернилах зад — гой рад хлебать печатный яд» (карикатура в сатирическом журнале «Кикерики», 12 мая 1912 года)

Атмосфера венского политического противостояния накалилась до предела, порой доходило до настоящих боев между обоими большими лагерями: между «еврейской» и «антисемитской» прессой. Последняя использовала «здоровое мнение народа» против «еврейского модернизма». К стилю венской антисемитской прессы Гитлер прибегает даже в 1942 году: *С помощью рецензий, которые один еврей накропал про другого, народу, слепо верящему печатному слову, внушали извращенное понимание искусства — полный китч представляли абсолютным совершенством... Писали, что эту мазню понять непросто, что проникнуть в содержание можно только, если полностью погрузиться в картину и т.д. Уже тогда, когда он, Гитлер, учился в Академии, подобную пачкотню выдавали, так же бессмысленно бряцая словами, за работы «ищущих».* (95)

В 1929 году Гитлер приведет как доказательство могущества «еврейской прессы» кампанию в газетах «Нойе Фрайе Прессе» и «Нойес Винер Тагблатт», поддерживавших дирижера Бруно Вальтера. В 1912 году 36-летний Бруно Вальтер, ранее Бруно Вальтер Шлезингер, дирижер Венской придворной оперы и страстный поклонник творчества Густава Малера, был приглашен работать в Мюнхен. Однако либеральные венские газеты выступили за то, чтобы он остался в Придворной опере. Гитлер высказался следующим образом: *До тех пор ни один человек не видел в господине Бруно Вальтере ничего особенного, но за какие-то три недели вокруг его головы появился нимб. И далее: Так венские и мюнхенские евреи совместными усилиями вознесли на недостижимую высоту второсортного дирижера, господина Шлезингера из Вены.* (96)

В 1929 году Гитлер выступает против Макса Рейнхардта, и это продолжает старые венские баталии. Гитлер гневно нападает на *интернационального театрального еврея, на Рейнхардта alias Гольдмана* (тот, еще будучи молодым актером, сменил фамилию Гольдман на фамилию Рейнхардт) и на планируемый им фестиваль в Мюнхене, называя его *свинством и надругательством над религией. Народу преподносят грязь, актерам выплачивают жалкие гонорары, организаторы-евреи гребут задарма огромные деньги, а налогоплательщикам выставят потом счет!* (97) И в другой речи: *Когда настанет возрождение, мы будем черпать из резервуара достойного, честного немецкого искусства и немецких художников, нам не нужен будет этот интернациональный директор театра, мотающийся по миру, как цыган. Художники наподобие Рейнхардта распространяют заразу, разрушают наследие, которое мы так хотим сохранить.* (98) Как и венские антисемиты рубежа веков, Гитлер объясняет успехи Рейнхардта происками международной еврейской прессы.

Ненависть Гитлера к «еврейской» художественной критике слышна во многих его высказываниях на посту рейхсканцлера. Например: *Эта раса склонна унижать все прекрасное, прибегая для этого чаще всего к умелой сатире. Но надо учесть, что за этим скрывается гораздо большее преступление: склонность к унижению и уничтожению вышестоящих.* (99) Он демонстрировал и неприятие критиков как таковых: *Я не выношу людей, чье единственное занятие состоит в том, чтобы критиковать других.* (100) Став рейхсканцлером, он запретил любую

художественную критику в прессе и разрешил только «размышления об искусстве» и репортажи. (101)

На Альфреда Роллера, столь страстно почитаемого Гитлером, антисемитские газеты также постоянно нападали как на «прислужника евреев»: он был ближайшим соратником не только Малера, но и Рейнхардта. В Вене вышла в его постановке скандальная «Саломея», а в 1909 году еще и «Электра». Кульминацией его сотрудничества с Рейнхардтом и Штраусом в 1911 году стала мировая премьера «Кавалера роз» в Дрездене, эта постановка вплоть до сегодняшнего дня считается образцовой. В том же году Роллер оформил в Вене театральные спектакли Рейнхардта в цирке Буша: это «Царь Эдип» Софокла в обработке Гофмансталя, а в 1912 году — «Имярек» Гофмансталя. Массовые инсценировки, так называемый «театр пяти тысяч» с использованием множества световых и звуковых эффектов, порывали с традицией старого театра (сцена-коробка, узкие ложи и ярусы), ориентировались на широкую публику. Цена на билет была низкой, пускали всех и в любой одежде.

Рецензии на эти сенсационные постановки оказались неожиданными: в антисемитских газетах их проклинали, в либеральных одобряли и даже восхваляли. И снова Карл Краус оказался тем, кто со своим «Факелом» плыл против течения и критиковал Рейнхардта, этого «антрепренера, витающего в облаках». (102) «Драматургическая империя» Рейнхардта якобы обязана своим существованием «лишь мощности его локтей...», которую он с тем же успехом мог бы проявить в банковском деле или

в газете». (103) Насмешки Крауса над «господами-создателями галиматши» (104) были нацелены на концепцию универсального произведения искусства, которую страстно отстаивал Роллер.

Наследник престола Франц Фердинанд, стоящий на позициях христианских социалистов, сражался с Роллером более серьезным оружием: он всеми средствами пытался противостоять назначению Роллера на пост директора венской Школы художественных искусств и ремесел в 1909 году. Когда Роллер все же получил место, Франц Фердинанд «весьма настоятельно» приказал уважаемому венскому Музею прикладного искусства «никогда больше не выставлять современное прикладное искусство» — по его мнению, ничто иное, как «поделки масонов, евреев и республиканцев». Разрешалось выставлять только работы, выполненные в традиционном стиле. (105) Однако директор музея остался верен своей линии.

Впоследствии многие слова Гитлера оказываются как две капли воды похожи на те высказывания рубежа веков, что были направлены против модернизма. Так, в «Моей борьбе» он требует избавиться от нечистот городской «культуры», *отравляющих нашу нравственность, причем без компромиссов и без колебаний, не обращая внимания на все эти вопли и крики... Следует подвергнуть чистке все сферы нашей культуры. Театр, изобразительное искусство, литературу, кино, прессу, плакат и витрины — все следует очистить от явлений гнивающего мира и поставить на службу идее государственной и культурной нравственности. Общественную жизнь нужно освободить от душающего запаха современной эротики.* (106)

Экскурс: Понятие «вырождение»

Словечко «выродившийся» вошло в моду в Вене на рубеже веков. Его употребляли применительно ко всем сферам жизни в таком значении: «резко отличающийся от своего вида», «неподобающий для данного вида», «отбившийся от рода». Женщины осмеливались требовать для себя лучшего образования или, того пуще, избирательного права, и тогда это называли «эмансипационным бешенством выродившихся баб» (ведь подобные стремления несовместимы с предназначением женщины, якобы предусмотренным для нее самой природой). Свободная мораль венских модернистов заслужила название «нравственного вырождения», искусство экспрессионизма тоже считали «выродившимся».

Определение «выродившийся» — не ново, его использовали и раньше, еще в эпоху классики, хотя и нечасто. Значительно чаще употреблял его Рихард Вагнер, как в теоретических трудах, так и в текстах опер. Например, в «Риенци» говорится, что народ, отрекшийся от своего вождя и народного трибуна, — это «выродившийся народ». (1)

Частое употребление данного слова на рубеже веков свидетельствует о популярности знаменитейшего из вероучений той эпохи — эволюционной теории Дарвина. В понимании Чарльза Дарвина, скончавшегося в 1882 году, это слово характеризовало болезненную дегенерацию растений и животных. (2) Значит, «выродившимся» оказывалось все то, что противоречило дарвиновскому закону прогресса и поступательного развития.

«Выродившимся», например, называли интерес венских модернистов к примитивным культурам, его

считали противоестественным шагом назад. А ведь искусство обязано развиваться, становиться все более «красивым» и «благородным», стремиться к вечности, совершенству и неизменности. Почтительное отношение Поля Гогена к экзотическим дикарям-островитянам противоречило этому якобы природному закону и тем самым становилось не развитием или самостоятельной формой искусства, а дегенерацией, «вырождением», модным заблуждением, симптомом разложения, короче, тем, что следует преодолеть и оставить в прошлом.

Примерно к этому дарвинистскому словоупотреблению прибегает и Макс Нордау, проживающий в Париже врач и корреспондент «Нойе Фрайе Прессе». Его двухтомный труд «Вырождение» впервые вышел в 1892–1893 гг. и с тех пор неоднократно переиздавался. Благодаря этому двухтомнику понятие «вырождение» стало расхожим. Нордау требовал — в первую очередь от французских модернистов — стать как в художественном, так и в моральном плане на службу прогресса в понимании Дарвина. По Нордау, искусство обязано делать человека лучше и «здоровее». Художник не должен, обожествлять уродливое и больное, как «помешанный». У Нордау «вырожденцы не говорят, а лепечут. Они испускают односложные звуки вместо того, чтобы строить правильные предложения. Их картины и рисунки напоминают пачкотню детей на столах и стенах. Их музыка похожа на музыку желтолицых обитателей Восточной Азии. Они смешивают все роды искусства...». (3)

Нордау полагает, что «общество страдает от тяжелой умственной отсталости, своего рода черной чумы вырождения и истерии». «Модные эстетические

направления» суть «результат умственной болезни вырожденцев и истериков», «они возвеличивают свое прогнившее “я” — и объявляют это свободой, они восхваляют преступления, отрицают нравственность, преклоняются перед инстинктами, глумятся над наукой и занимаются исключительно эстетическим воровством — и называют это прогрессом. Однако их призыв к свободе и прогрессу — наглое кощунство. О какой свободе может идти речь, если властвуют инстинкты?» (4)

Гнев Нордау адресован, прежде всего, культу проституток у последователей Шарля Бодлера и порнографии: «Порнограф отравляет источники, из которых будут черпать жизнь грядущие поколения». Следует «сплотиться в борьбе против грязной банды, превратившей порнографию в профессию. Они не имеют права на наше сострадание». (5) Молодежи нужно прививать «здоровые» идеалы. «Вырождение» — это дегенерация, человек, затронутый ею, опускается «в физическом плане до рыб, членистоногих и даже до корненожек, еще не дифференцировавшихся в половом отношении». (6)

Выродившиеся художники и писатели — «помешанные». «Их модные произведения ничто иное, как бред, запечатленный пером или кистью». (7) Этому нужно противодействовать, «надо метить главных вырожденцев и истериков как больных, разоблачать и клеймить их подражателей как врагов общества, предостерегать публику от лжи этих паразитов». (8)

Нордау, немецкоязычный еврей из Венгрии, к той поре прославившийся многочисленными бестселлерами («Париж при Третьей республике», «Болезнь века», «Обычная ложь культурного человечества»),

критиковал в своем труде прежде всего «вырождение» вследствие современного «мистицизма», господства чувства над разумом и небрежения ценностями Просвещения. И наиболее известными представителями этого мировоззрения были для него Рихард Вагнер и Фридрих Ницше.

По мнению Нордау, «в одном Рихарде Вагнере больше дегенеративных элементов, чем во всех остальных, вместе взятых, выродившихся субъектах». У Вагнера налицо «мания преследования, мания величия и мистицизм». В его произведениях царит «бесстыдная чувственность»: «Это любовь вырожденцев, которые в своем половом возбуждении становятся диким зверьем». (9) Мистицизм Вагнера — это «проявление неспособности внимательно наблюдать, ясно думать и контролировать свои эмоции», он проистекает из «ослабления мозговых центров». Такой «мистик», как Вагнер — это «враждебный обществу паразит» (10), который нарушает закон прогресса и дальнейшего развития человечества.

Из-за книги Нордау слово «выродившийся» стало модным, однако в Вене оно несколько изменило свое значение. О «вырождении» Вагнера и Ницше речь не заходила. Теория Нордау о «выродившихся» паразитах применялась теперь к евреям, «вырождение» стало антисемитским аргументом, который толковали с позиций дарвинизма. Будто бы, согласно Дарвину, дегенерация, «вырождение» проявляется и в том, что животные и растения прекращают самостоятельно искать пропитание и существуют как паразиты, за счет других живых существ.

Теорию паразитизма разрабатывал хорошо знакомый Гитлеру писатель Ганс Гольдцир (см. раздел «Ганс Гольдцир» в главе 8 «Расовые теоретики и толкователи мироздания»), а также Гвидо фон Лист. Последний писал: «Кто вопреки божьей воле... хочет лишь наслаждаться тем, что добыли и создали другие, те суть вредители, выродившиеся, злые и порочные люди». (11) Отто Вейнингер также считал, что евреи ничего не производят, а только используют достижения христиан, то есть, живут за чужой счет.

Понятие «еврейское вырождение» оказалось, конечно, наиболее востребованным у расовых теоретиков, готовых поделиться рецептами спасения от этого зла. Чтобы противостоять вырождению и дегенерации «немецкого народа» и таким образом предотвратить его гибель, необходим строгий «контроль за размножением», «недопущение смешения рас», отбор «лучших», а еще гигиена, спорт и так далее, вплоть до вегетарианской пищи, укрепляющей тело: «Основу государства составляет сила народа и здоровье расы. Для любого государственного образования особо важен вопрос, сохранится ли это здоровье, улучшится ли оно, или, напротив, ухудшится до вырождения. Раса, полная сил, наполняет государственный аппарат бьющей ключом жизнью, а выродившийся народ тянет государство в пропасть без надежды на спасение». Поэтому государству следует неукоснительно «заботиться о расе»: «Если мы хотим сохранить силу народа, к размножению можно допускать только сильных и здоровых». (12)

Пангерманцы в журнале «Унферфельште Дойче Ворте» разъясняли понятие «выродившийся» так:

«С точки зрения культуры, вырождение налицо в том случае, если человек не осознает, что укоренен в крови и жизни народа. Симптомом вырождения является также недостаточный инстинкт самосохранения народа, недостаточная способность перерабатывать чужое и превращать его в собственное, и тогда совершенно справедливо говорить о вырождении, то есть о недостаточном чувстве собственного рода». (13)

Основываясь на эволюционном учении Дарвина, венские газеты пангерманцев выстраивали в 1909 году иерархию «расовой эстетики», причем современный художник — «дегенерировавший» и «выродившийся» — оказывался на самой низшей ступени: «Низшему человеческому типу, например, бушмену, австралийскому аборигену или же прирожденному преступнику» чуждо чувство прекрасного. «В этом смысле низший человек находится даже ниже многих видов животных», ведь некоторые птицы, как утверждают, умеют различать цвета. Если человек использует яркие цвета, это говорит о его измененных инстинктах и т. д. Модернисты «очевидно возвращаются к упадочному вкусу давнего римского хаоса народов». «Отсутствие стиля, многократно упоминавшееся и вызывающее сожаление, а точнее — смешение стилей во всех областях культуры и искусства в нашу эпоху, является ничем иным, как правдивым отражением царящего сегодня расового состояния». Положительных изменений можно достичь, лишь «осуществляя длительный инцухт», только так можно добиться улучшения расы, а тем самым и искусства. (14)

Крошечная профсоюзная газета «Дер Дойче Айзенбанер», поддерживающая Немецкую радикальную

партию, требовала подвергнуть «выродившуюся псевдокультуру» модернистов изгнанию, равно как и «объевреившуюся» науку — «иначе они разорвут нас в клочья. Все наши святыни, обычаи нашего народа, нравы праотцов» подвергаются опасности «объевреться». И далее: «Что для него [еврея — прим. автора] наша земля, что для него лоно нашей дорогой родины, наши луга в тумане, наши шумящие на ветру леса? Лишь блестящее золото, которое в свою очередь снова принесет золото в виде процентов». (15)

Вот еще один пример из журнала «Унферфельште Дойче Ворте» Шёнерера, теперь об эмансипированных женщинах: «Эти выродившиеся элементы спасти уже невозможно; не поможет ни воспитание, ни медицина, ничто. Предоставим их их падению. Но надо постараться защитить здоровых от заражения этими гнилыми элементами». (16)

Сходные высказывания можно встретить и у Гитлера-политика. Он использовал слово «выродившийся» часто и по самым разным поводам. Например в 1941 году за столом, о неправильном питании: *Жаба — это выродившаяся лягушка. Охотников он однажды назвал выродившимися крестьянами.* (17)

По отношению к искусству Гитлер использовал слово «выродившийся» в значении «примитивный», «отсталый» и «слишком мало связанный с народом» Например, в 1937 году: *Жалкие, запутавшиеся модернисты создают произведения, которые мог бы смастерить и человек каменного века десять или двадцать тысяч лет назад. Они рассуждают о примитивности искусства и при этом напрочь забывают, что в задачу искусства не входит идти вразрез*

с развитием народа... С сегодняшнего дня мы начинаем непримиримую борьбу по очистке нашего искусства от разлагающих элементов, вплоть до последнего. (18) Или в другом месте: Спросите людей, которые сходили на выставку «Выродившееся искусство» и на выставку немецкого искусства..., что произвело на них большее впечатление. Спросите этих здоровых людей, и вы получите однозначный ответ. (19)

3. Столица империи

Многонациональная метрополия

Гитлер, как известно, не любил Вену, а в особенности — ее жителей, однако на протяжении всей жизни отдавал должное обаянию столицы огромной империи: *Существует, конечно, нечто, что невозможно создать искусственно, а именно — необычайно сильная одурманивающая атмосфера, которая царила в Вене в прошлые века и сохранилась там до сих пор, это ощущение вечного бидермейера. Воздействие этой единственной в своем роде одурманивающей атмосферы испытываешь каждый раз, когда прогуливаешься по парку Шёнбрунна и т.п.* (1) Вена не уступит даже Парижу, утверждал он после французской кампании. (2)

Вена, столица империи и резиденция Габсбургов — символ той значительной роли, какую играла двуединая Австро-Венгерская монархия на международной арене. В 1910 году это государство с населением в 50 миллионов человек было вторым по величине в Западной Европе, уступая лишь Германской империи (65 миллионов) и опережая Великобританию с Ирландией (45 миллионов), Францию (40 миллионов), Италию (34,7 миллиона) и Испанию (20 миллионов).

Однако для Гитлера значение Вены не в том, что она — столица Дунайской монархии. Гораздо важнее историческое значение этого города, который на протяжении многих веков оставался резиденцией императоров Священной римской империи: *При встрече с предводителями других германских народностей*

я всякий раз оказываюсь в более выгодном положении благодаря моей родине: ведь в течение пяти столетий она была огромной могущественной империей, а ее столица — резиденцией императоров. (3)

Зная о венском чувстве собственного достоинства, основанном на великой истории, Гитлер после 1938 года всеми силами старался предотвратить соперничество двух метрополий и превратить Берлин в столицу «Великогерманской империи». Задача не из легких, и Гитлер понимал это даже в 1942 году: *Венца, приезжающего в Берлин, нельзя упрекнуть в том, что он испытывает чувство разочарования, сравнивая сегодняшний Берлин с грандиозными декорациями своего родного города. Жители Вены даже ему лично однажды заявили, что Берлин — это ведь не столица; Вена же превосходит его во всем, что касается культурой жизни, а если говорить о внешнем облике города, то и тут ему с Веной не сравниться. И венцы во многом правы, потому что ни один немецкий город не владеет столь многочисленными сокровищами культуры, как Вена. Однако гордая Вена должна уступить лидерство Берлину: Одной из самых важных задач Третьего рейха является превращение Берлина в действительно представительный город. Всё, начиная с вокзала и подъездных дорог имперских автобанов, должно вызывать восторженные чувства, чтобы даже венец воскликнул: вот она — наша столица! (4)*

После 1933 года в Берлине велось крупное строительство с привлечением значительных финансовых средств, а в Вену после 1938 года по политическим соображениям средств не инвестировали: *Вене и так свойственна слишком большая сила культурного*

притяжения. Вложения могут только усилить политическую привлекательность города, а этого никак нельзя допустить. Этому меня научила история. Нового строительства в Вене не велось; якобы потому, что не следовало стремиться превзойти великолепные постройки имперского города. (5)

Бывшую имперскую резиденцию систематически грабили. Как писал Йозеф Геббельс: «У фюрера нет особых планов касательно развития Вены... Наоборот, Вена и так уже владеет слишком многим, и ей не нужно ничего давать, наоборот, можно кое-что и забрать». (6) И далее: «Вену нужно превратить, пусть даже там и миллионное население, в провинциальный городок... Вена, кстати, раньше так плохо обращалась с австрийской провинцией, что уже только поэтому ей никак нельзя доверить играть ведущую роль в империи, или хотя бы в Австрии». (7) И даже 9 апреля 1945 года он пишет: «Фюрер венцев разгадал. Это отвратительный сброд, мешанина из поляков, чехов, евреев и немцев». Их следует «держат в узде». (8)

В Вене разрешалось проводить только очистные работы: *Вена будет вести войну против клопов и против грязи. Город нужно очистить. Это задача в области культуры, которая стоит перед Веной в двадцатом столетии; больше делать ничего не нужно. Если Вена справится с этой задачей, она превратится в один из самых красивых городов мира. (9)* Под этой задачей в области культуры Гитлер понимал, в том числе, и «чистку» этнически смешанного населения города в соответствии с «народными» критериям, то есть борьбу против «ненемецкого» характера Вены, которая в течение веков была столицей многонациональной империи Габсбургов.

Император

Титул императора Франца Иосифа знали наизусть все школьники Дунайской монархии, в том числе, несомненно, и юный Гитлер в Линце. В этом титуле отражалась многовековая история и сложность устройства этой многонациональной империи, все ее многочисленные завоевания, наследства и выгодные браки: «Франц Иосиф I, Божьей милостью император австрийский, король венгерский и богемский, далматский, хорватский, славонский, галицийский, лодомерский и иллирийский; король иерусалимский и проч.; эрцгерцог австрийский; великий герцог тосканский и краковский; герцог лотарингский, зальцбургский, штирский, каринтийский, карниольский и буковинский; великий князь трансильванский; маркграф моравский; герцог Верхней и Нижней Силезии, моденский, пармский, пьаченцкий и гуастальский, Освенцима и Затора, тешинский, фриульский, рагузский и зарский; владетельный граф габсбургский и тирольский, кибургский, горицкий и градишский; князь трентский и бриксенский; маркграф Верхних и Нижних Лужиц и Истрии; граф Гогенемс, Фельдкирх, Брегенц, Зоннеберг и проч.; государь Триеста, Котора и Вендской марки; Великий Воевода Сербии, и прочая, и прочая, и прочая».

Некоторые титулы сохраняли лишь историческое значение, например, титул «короля иерусалимского». Титулы «герцога тосканского», «герцога лотарингского» и «герцога Силезии», как и титулы, данные по давно утраченным родовым замкам Габсбург и Кибург в Швейцарии, лишь напоминали о былых владениях Габсбургов. Единство Габсбургской империи было столь же обманчивым, сколь и титул императора:

с 1867 года — после поражения в войне с Пруссией и «соглашения» с Венгрией — империя делилась на две части и называлась «Австро-Венгрия». Начиная с 1867-го император Франц Иосиф каждый год довольно много времени проводил в Будапеште, резиденции венгерского короля, и осуществлял там правление на венгерском языке, одетый в венгерскую униформу, с венгерскими министрами и венгерским парламентом.

Габсбургская монархия представляла собой в 1867–1918 годах «императорское и королевское» государство. Это обозначение нуждается в расшифровке. «Императорскими и королевскими» назывались учреждения или общественные институты, которые принадлежали государству Австро-Венгрии в целом — например, общая императорская и королевская армия. Слово «императорский» относилось к западной части империи, то есть к Цислейтании, включавшей Богемию, а слово «королевский» — к Венгрии. Если речь шла только о западной части империи, то использовалось обозначение «императорско-королевский» — по титулам императора австрийского и короля богемского. Если подразумевалась только Венгрия, то использовалось обозначение «королевский» — по титулу короля венгерского. Несмотря на кажущуюся сложность, в особенностях данного словоупотребления прекрасно разбирались даже школьники империи.

У Цислейтании и Транслейтании был общий глава в лице Франца Иосифа, общими были также министерство иностранных дел, военное министерство и министерство финансов. Но все остальное у двух частей империи было разным: разные правительства и разные премьер-министры, разные министры земель и разные парламенты, и внутренняя политика тоже

очень сильно различалась. Начиная с 1867 года две части империи все больше отдалялись друг от друга. С одной стороны — Венгрия, управляемая стабильным большинством, с венгерским языком в качестве государственного, с сильным доминированием мадьярского элемента. С другой стороны — раздробленная, гетерогенная, многоязычная Цислейтания с ее зачастую неработоспособным парламентом и недолговечными правительствами. Задача по поиску политических решений, устраивающих равноправные стороны, становилась все более сложной, даже почти невыполнимой, особенно после того, как в 1906 году в Цислейтании ввели, а в Транслейтании не ввели всеобщее равное избирательное право.

Население западной части империи со столицей в Вене составляло в 1910 году 28,5 миллионов человек: почти 10 миллионов немцев, почти 6,5 миллионов чехов, моравов и словаков, почти 5 миллионов поляков, свыше 3,5 миллионов русин (украинцев), 1,25 миллионов словенцев, почти 800 тыс. сербо-хорватов, 770 тыс. итальянцев, 275 тыс. румын, 11 тыс. мадьяр, и, кроме того, около полумиллиона иностранцев, к которым причисляли, и граждан Венгрии. «Еврейской» нации не существовало, так как принадлежность к нации определялась разговорным языком, а евреи единого языка не имели. Но как религиозное сообщество и как граждане государства они обладали всеми гражданскими правами начиная с 1867 года.

Сформировать сознание государственной общности в многонациональной империи было непросто, в особенности в Цислейтании, жители которой даже не имели единого наименования. Определение «цислейтанец» употреблялось редко. Определение «австриец»

употреблялось в немецких частях Цислейтании, не будучи при этом легитимным. Потому что чехи, поляки, итальянцы и другие народы Цислейтании отказывались называть себя австрийцами, считали это дискриминацией и выражением претензий немцев на господство. По этой же причине они не соглашались на утверждение немецкого языка в качестве государственного. Строго говоря, «австрийцев» как таковых не существовало. Выходом из этой сложной ситуации стало еще одно временное обозначение: западная часть империи получила официальное название по многонациональному парламенту: «Королевства и земли, представленные в Рейхсрате».

Д-р Виктор Адлер, лидер цислейтанских социал-демократов, попытавшись объяснить сложившуюся ситуацию товарищу из Германской империи, не мог скрыть горечи: «У нас, у австрийцев... есть страна, но нет отечества. Такое государство как Австрия не существует». (10)

Оба парламента, в Вене и в Будапеште, работали совершенно независимо друг от друга. Для принятия общих для обеих частей страны законов ежегодно встречались «делегации» — по 60 депутатов от Цислейтании и Транслейтании — и начинался утомительный поиск компромиссов. Местом заседаний по очереди становились Вена и Будапешт, языком заседаний был немецкий.

Переговоры о новом соглашении между двумя частями империи, на которых устанавливался финансовый код общих расходов, проходили раз в десять лет и каждый раз приводили к государственному кризису. Согласно последнему соглашению от 1907 года, Венгрия оплачивала 36,4 процента общих

расходов, Цислейтания — оставшуюся, значительно большую часть, что ее жители воспринимали как несправедливость.

Благодаря внутреннему единству и старой системе выборов по избирательным куриям (большинство населения до выборов не допускалось), политическая жизнь в Венгрии функционировала гораздо более гладко, чем в Цислейтании, где правительство зависело от враждующих между собой партий. Итак, венгерская половина империи приобретала все больше влияния и власти внутри общего государства, а это вызывало возмущение в Цислейтании и лило воду на мельницу сторонников отсоединения от Венгрии.

Старый вдовый император имел имидж государя жертвенного, неустанно трудящегося и исполняющего свой долг, управляющего наследными землями в стиле аристократического феодального властителя при строгом соблюдении конституции. Ему сочувствовали из-за постигших его тяжелых ударов судьбы и одиночества. В 1898 в Женеве итальянский монархист убил любимую жену Франца Иосифа императрицу Елизавету, «ангела Сиси». Кронпринц Рудольф, единственный сын императорской четы, одаренный молодой человек, в 1889 году покончил с собой в возрасте 30 лет в Майерлинге. Вместе с ним совершила самоубийство влюбленная в него 17-летняя Мария Вечера. Это двойное самоубийство стало самой строго охраняемой тайной монархии, позор Майерлинга — тяжким бременем для католического дома Габсбургов и согбенного отца.

Уже будучи рейхсканцлером, Гитлер любил пересказывать расхожие истории об одиноком старом господине в Хофбурге. Например, в дневнике Геббельса читаем: «Фюрер опять говорит о ветхости бывшей

Габсбургской империи... О простоте и меланхоличности императора Франца Иосифа. О трагедии в Майерлинге. О прекрасной императрице Елизавете».(11)

Одиночество государя только усугубляли его боязливые попытки сохранить нимб своего величия, несмотря на изменившуюся политическую ситуацию. Правила придворного протокола соблюдались при дворе строже, чем когда-либо, господствующее положение в стране по-прежнему занимала старая знать — близкий круг государя.

Согласно многовековым придворным правилам для заключения брака необходимо безупречное аристократическое происхождение, а национальность второстепенна. Поэтому цислейтанская аристократия, высокопоставленные чиновники и военные представляли собой единый наднациональный слой и были кем угодно, но только не «немцами». Владения, принадлежащие аристократам по праву наследования, располагались по большей части в «ненемецких» коронных землях. На политическом поприще аристократы выступали в интересах своих наследственных земель. Так, князь Андрей Любомирский, граф Адальберт Дзедушицкий, Владимир фон Козловский-Болеста и Казимир фон Обертинский представляли в Рейхсрате польскую консервативную партию, граф Франц фон Беллегард — румын, Аврелий фон Ончуль — румынскую либеральную партию, Николай фон Василько — русинскую национал-демократическую партию, граф Ярослав Тун-Гогенштейн — чешских клерикалов, а граф Адальберт Штернберг не принадлежал ни к одной партии, оставаясь «вольным» чехом.

Франц Иосиф, первый аристократ своей империи, стоял над партиями, в частной жизни не общался ни

с кем, кроме аристократов, и мира вне двора не знал. Жалобы по этому поводу не прекращались. Например, депутат Рейхсрата от немецкой либеральной партии Йозеф Бернрайтер писал следующее: «Вал предрасудков отделяет императора от всех свободомыслящих политиков. Монарха ограждают от любого влияния, не только атмосферного, но и политического, обер-гофмейстер и приближенные к нему военные и медики. Бьющая ключом жизнь эпохи доносится до ушей нашего императора как далекий шелест. Любое подлинное участие в этой жизни ему недоступно, он не понимает наше время, и время проходит мимо него». (12)

С другой стороны, Франца Иосифа считали символом и почти единственным гарантом существования распадающейся империи. Верный габсбургскому идеалу, он старался быть «справедливым отцом своих народов» и одинаково обращаться со всеми подданными, вне зависимости от их национальности. Он давал уверенность, что даже самый бедный русин или еврей из Галиции смогут явиться в случае необходимости в Вену и потребовать у императора защиты своих прав. Пока был жив этот государь, крах Австро-Венгрии казался невыносимым. «Мы не можем так поступить со старым господином», — эта фраза была одной из самых частых присказок в Дунайской монархии.

Подданные идеализировали своего правителя. Вот так, например, поучал экономиста Феликса Сомари его отец: «Эта империя отличается от всего остального мира. Только представь себе, что император и его правительство будут отсутствовать хотя бы год — нации же передерутся между собой. Правительство — это заслон, отделяющий зверинец с дикими животными от

внешнего мира, потому что нигде на свете нет такого количества опасных политических бестий, как у нас». И далее: «Габсбургская монархия — это не исторический пережиток, а единственно возможная форма сосуществования восьми наций на самой опасной границе Европы. Те, кто придерживались этого мнения, популярностью не пользовались, считались «карьеристами», «реакционерами» — уничтожающий ярлык в эпоху помешательства на прогрессе... А ведь молодежь ставила государю в вину именно то, что являлось самой большой заслугой правящего дома: отсутствие агрессивности и надпартийность... О монархии можно говорить что угодно, но здесь, на вулкане, она была необходимым, и даже единственно возможным решением». Императорско-королевскому правительству удавалось «вопреки фанатизму добиться упорядоченного сосуществования и гарантировать представителям всех национальных меньшинств политическую и личную свободу». (13)

Эта прогабсбургская точка зрения, приукрашивающая истинное положение вещей, формально соответствовала законам, принятым после 1867 года. Однако реальность, особенно в сельской местности, этому идеалу не соответствовала. Здесь все еще действовал старый порядок, по которому подданные делились на «господ» и «рабов».

Государственные учреждения, насколько возможно, пытались проводить в жизнь принцип равенства граждан как перед законом, так и в других вопросах, даже вопреки недовольству отдельных народов. Представители тех национальностей, которые в течение многих веков считали себя «главными», не признавали введенного равноправия: поляки по отношению

к русинам, немцы по отношению к славянам, итальянцы по отношению к словенцам и т.д.

Законодательной базой существования народов западной части империи до 1918 года была статья 19 Конституции 1867 года: «Все народности государства имеют равные права, каждый народ имеет неотъемлемое право на сохранение своей национальности и своего языка и на заботу о них». Строгое соблюдение этого пункта гарантировал лично император Франц Иосиф.

Именно император считался покровителем национального и религиозного равноправия, и патриотизм касался в основном лично его персоны. Притесняемые на протяжении столетий национальные меньшинства — такие как русины, словаки, словенцы — ценили законодательное равноправие и потому были лояльны по отношению к государству. Евреи воспринимали правовое государство как надежное убежище. Вспоминая о прошлом, Стефан Цвейг писал о довоенной Вене, не скрывая восхищения: «Кто жил и творил там, чувствовал себя свободным от косности и предубеждений. Нигде не ощущал я себя европейцем с такой легкостью — и знаю: главным образом этому городу... я обязан тем, что с детства полюбил идею содружества как главную идею моей жизни». (14)

О феномене старого монарха, внушавшего благоговение, Гитлер рассуждает в «Моей борьбе»: *В последние годы государство существовало исключительно благодаря фигуре Франца Иосифа, и грядущая смерть этого древнего воплощения монархии заранее воспринималась широкими массами как смерть всей империи. Ловкие политики, в особенности славяне, умели создать впечатление, что австрийское государство обязано своим существованием только чудесному,*

единственному в своем роде искусству управления этого монарха; и эта лесть производила в Хофбурге тем более благоприятное впечатление, чем меньше она соответствовала реальным заслугам императора. (15)

И еще раз в другом месте: *Нет ничего хуже составившихся королей. Попробуй задень такого, тут же протесты. Франц Иосиф, несомненно, был гораздо менее умен, чем его преемник, но устроить революцию против него было просто невыносимо. Его окружал определенный ореол, хотя ему досталось от судьбы гораздо больше ударов, чем любому из когда-либо существовавших монархов. Он позволял событиям происходить, а сам ни во что не вмешивался. (16)*

Как и все жители Вены той эпохи, юный Гитлер в некотором смысле принимал участие в жизни двора, особенно на первом году своего пребывания в столице, когда жил неподалеку от Мариахильферштрассе. По этой улице дважды в день проезжал старый император, утром — из Шёнбрунна в город по государственным делам, а вечером — обратно. Вдоль дороги всегда толпились зеваки, они приветствовали государя или дивились на него, как на достопримечательность. Кубичек вспоминал: «При виде императора Адольф не выказывал большого интереса и не говорил о нем, его интересовал не император сам по себе, а государство, которое он представлял: императорская и королевская Австро-Венгерская монархия». (17)

Однако развлечения, предлагавшиеся гостям столицы империи, Гитлеру и Кубичеку были хорошо известны. По воспоминаниям Кубичека, они несколько раз были в капелле императорского дворца Хофбург: вместе с туристами присутствовали на выступлениях

Хора мальчиков, а заодно любовались и знаменитой сменой дворцового караула. (18)

Гитлеру довелось увидеть и самое зрелищное появление императора на публике — как участника процессии в праздник Тела и Крови Христовых. Флигель-адъютант Альберт фон Маргутти так описывает этот день: рано утром император в запряженной шестеркой парадной карете отправился в собор Святого Стефана, «а впереди — эрцгерцоги в парадных каретах, запряженных четверками... Сверкающие золотом застекленные кареты, драгоценная сбруя упряжных коней — великолепных белых испанских жеребцов, кучера, лакеи и коноводы в расшитых золотом черных сюртуках в стиле рококо, в белых чулках, туфлях с пряжками, париках и больших украшенных золотой отделкой и страусовыми перьями треуголках и двууголках». По прибытии на площадь перед собором императору отдали честь лейб-гвардейцы, одетые в яркие униформы.

После торжественной мессы состоялась знаменитая процессия. Первыми шествовали члены рыцарских орденов в парадном облачении, духовенство, кардинал князь-архиепископ с дароносицей под балдахин. Сразу же вслед за «небесами» шел, как смиренный христианин, старый император — с непокрытой головой и свечой в руке, вслед за ним — эрцгерцоги, знать, сановники, бургомистр Вены д-р Карл Люэгер, члены городского совета и многие другие. Все вместе они составляли, по словам Маргутти, «одну из самых впечатляющих достопримечательностей в целом мире». (19)

На молодого человека из Линца произвели самое большое впечатление лейб-гвардейцы и их парадная

форма: серебряный шлем с белым султаном из конского волоса, красный мундир, украшенный золотыми галунами, белые брюки и высокие черные лакированные сапоги с отворотами. (20) В 1942 году Гитлер вспоминает: *Если, конечно, построить лейб-гвардию; как тогда, когда они маршировали перед процессией в праздник Тела, земля сотрясалась, вот это было зрелище! Они были такими безобидными, что им даже революция не причинила вреда. И приходит к выводу: Человечеству необходим предмет обожания... Монархия поступила очень умно: она создала идола. Весь этот театр, вся эта суета имели смысл.* (21)

Гитлер не раз описывал съезд карет к придворной опере: *Какое это было великолепное зрелище, когда перед началом гала-представления из карет появлялись члены императорского дома, эрцгерцоги в сверкающих золотом униформах и дамы в драгоценностях!* (22) И в другом месте: *Опера до мировой войны была просто чудом! Какая культура, неслыханная! Женщины в диадемах, сплошное великолепие! ... Я ни разу не видел, чтобы в императорской ложе кто-то сидел. Император, видимо, музыку не любил.* (23) (Это правда — прим. автора). Однажды Гитлер по иному поводу заявил о бессмысленности наследственной монархии, которая нуждается в помпезном церемониале, чтобы придать коронованным ничтожествам хоть какой-то вес. (24)

Юбилейное посольство германских монархов

В 1908 году, в первый год жизни Гитлера в Вене, мифический ореол вокруг императора создавался с максимально возможной помпезностью: в этот год империя

праздновала единственный в истории Габсбургов 60-летний юбилей правления: Франц Иосиф взошел на трон во время революции 1848 года в возрасте 18 лет.

Усталый, склонный к депрессии император долго противился проведению больших торжеств. Однако любители юбилейных мероприятий приводили веские аргументы: празднества будут способствовать развитию торговли и туризма, снижению безработицы. Но главное — чествование старого императора, чья фигура вызывает почтение, послужит укреплению патриотизма и снизит накал межнациональных конфликтов.

Уже много лет в Вене не проводилось патриотических праздников. Последним стало торжественное шествие по случаю серебряной свадьбы императорской четы в 1879 году; подготовку доверили знаменитому художнику Гансу Макарту. Торжества в связи с 50-летием правления Франца Иосифа в 1898 году не состоялись из-за гибели императрицы. На 70-летний юбилей правления, учитывая возраст императора, вряд ли можно было рассчитывать. Планирование празднеств 1918 года стало уделом персонажей романа Роберта Музиля «Человек без свойств».

Очень поздно, лишь 11 марта 1908 года, император нехотя согласился с аргументами советников и одобрил проведение празднеств. Торжественное шествие посвящалось истории дома Габсбургов; делегации от всех народов монархии будут восхвалять императора. Своим великолепием праздник должен был затмить торжества по случаю 60-летия правления королевы Виктории в 1897 году.

Франц Иосиф высказал пожелание: за блеском торжеств не забывать о благотворительности. Повсюду спешно составлялись планы мероприятий. Даже самые

Император Франц Иосиф встречает на вокзале императора Вильгельма II. 1908 год

маленькие школы монархии, все больницы и сиротские приюты, казармы и учреждения, магазины и стрелковые союзы проводили благотворительные мероприятия, собирали пожертвования для социальных учреждений. Это не только приюты для бездомных и сирот или воспитательные дома, но — в знак особого почтения к Францу Иосифу, страстно любившему охоту, — приют для больных охотников из всех коронных земель.

Долгая череда поздравительных визитов иностранных гостей началась в мае 1908 года с политической сенсации. Чествовать Франца Иосифа как старейшего германского правителя в Вену отправилась делегация германских монархов. В делегацию вошли: император Германии Вильгельм II, принц-регент Баварии Луитпольд, короли Саксонии и Вюртемберга,

великие герцоги Баденский, Саксен-Веймарский, Ольденбургский и Мекленбург-Шверинский, герцог Ангальтский, князя Липпе и Шаумбург-Липпе, а также единственный представитель буржуазии — бургомистр ганзейского города Гамбурга, которому ввиду его статуса по протоколу полагалось меньше почестей. Великий герцог Гессенский отсутствовал по уважительной причине: он как раз гостил у царской семьи, с которой был связан узами близкого родства, и работал над улучшением российско-германских отношений.(25)

Идея визита принадлежала императору Вильгельму II, и для ее осуществления ему пришлось приложить немалые дипломатические усилия. Не все монархи были в восторге от совместной акции и опасались политических конфликтов. (26) Австрийский император, строго говоря, не был «германским» монархом, то есть монархом Германской империи. И даже тот факт, что Дунайская монархия с 1879 года являлась военной союзницей Германии, участницей Двойственного союза, не давал Францу Иосифу права на этот титул. Императорская и королевская монархия была многонациональным государством, ее вряд ли можно было назвать «германской».

В течение монаршего визита можно было ожидать любых политических выступлений, прежде всего, со стороны австрийских немцев: рана, нанесенная под Кёниггрецем, еще не затянулась. Несмотря на лояльность Габсбургам, многие немцы с тоской смотрели в сторону более успешной Германской империи, тем более что влияние славян в Цислейтании увеличивалось, а немцы все больше теряли власть. Были все основания опасаться, что австрийские немцы расценят

этот визит как пангерманскую, «великогерманскую» демонстрацию, а помпезность немецкого гимна и немецких знамен подвигнут их сделать неправильные выводы. Пангерманцы готовились заявить о своем стремлении присоединиться к Германской империи, вывесив черно-красно-золотые, то есть «великогерманские» флаги 1848 года и чувствуя «своего» императора — Гогенцоллерна, а не Габсбурга.

Император Франц Иосиф негативно относился к любым проявлениям немецкого национализма в своей империи. Как пишет флигель-адъютант Маргутти, император полагал, что в «немцах Австрии воплощается “австрийскость”», и крайне раздражительно реагировал на любую попытку сближения «его» немцев с Берлином. «Даже самые незначительные, безобидные проявления подобного толка чрезвычайно его расстраивали». Он сразу замечал «своим соколиным взором» черно-красно-золотые знамена, «и его хорошее настроение тут же улетучивалось». «Любое выпячивание немецкости задевало ахиллесову пяту императора, он чувствовал скрывающиеся за этим пангерманские настроения». (27)

Политические выступления «ненемецких» австрийцев также были вполне предсказуемы, и они не заставили себя ждать. Чешские газеты рьяно протестовали против этого визита, который они тоже расценили как проявление пангерманства.

Беспокойство накануне этого единственного в своем роде визита было огромным, а его организация — сложной. Изъявлению немецких националистических настроений должны были воспрепятствовать войска, выстроенные шпалерами. Число черно-бело-красных флагов Германской империи сократили

до минимума, а постоянно появляющиеся в толпе черно-красно-золотые «великогерманские» знамена немедленно удаляли. Многотысячная толпа зрителей приветствовала Вильгельма II на всем пути следования, когда он вместе с императрицей, двумя сыновьями и 54 сопровождающими въехал в Вену и направился в Шёнбрунн. Полиции и придворным пришлось потрудиться: в тот же день прибыли и все остальные германские монархи, чья неизбывная взаимная ревность ни для кого не являлась секретом.

В приветственной речи 49-летний Вильгельм II чествовал австрийского императора как образец для подражания «для трех поколений германских монархов», включив таким образом Габсбурга в ряд германских государей, как будто и не было Кёниггреца. Он обосновал свою позицию общими династическими интересами, родственными связями и Двойственным союзом.

В создавшейся щекотливой ситуации Франц Иосиф повел себя тонко и умно. Оставив без внимания национальный аспект высокого визита, он в благодарственной речи подчеркнул аспект династический. Он увидел в нем «праздничную демонстрацию монархического принципа..., которому Германия обязана своей мощью и величием». Затем он принялся превозносить ценность Двойственного союза, заключенного 30 лет назад, «в радостном ожидании, что тот преследует только мирные цели». Волнующий день завершился праздником в дворцовом парке Шёнбрунн, где играли военные оркестры и выступали 8000 певцов. Большой, обычно открытый для публики парк из соображений безопасности был оцеплен полицией. 10000 персонально приглашенных гостей находились под постоянным наблюдением.

За границей, прежде всего, в западных державах, в балканских государствах и в России, за визитом монархов наблюдали с опаской. Российские газеты единогласно назвали визит «пангерманской демонстрацией», которая «особенно ярко доказала зависимость Австро-Венгрии от немецкой политики». (28) Знаменитый английский журналист Люсьен Вольф также подчеркнул, что «идея воссоединения Габсбургской монархии с Германской империей еще не забыта», причем именно в Вене. Берлин же, напротив, не столь заинтересован в присоединении католической Немецкой Австрии, он нуждается в Австро-Венгрии прежде всего как в союзнице против России. (29)

Все жители Вены увлеклись бурной полемикой тех дней, и молодой Гитлер, скорее всего, тоже принимал в ней участие.

Вслед за германскими монархами с поздравительными визитами Вену посетили и другие европейские государи (первым приехал король Швеции), все в сопровождении большой свиты, придворный церемониал каждый раз строго соблюдался. На торжественных приемах и праздничных обедах прославлялось блестящее будущее монархических государств в целом и будущее Дунайской монархии в частности. Монархи Европы, теснимые демократическими движениями, сплачивали ряды и собирались вокруг своего исполненного достоинства венского дуайена.

Однако в «публике» назревали недовольство, национальные и политические конфликты. 21 мая 1908 года 82000 венских школьников в парке Шёнбрунн чествовали своего императора, размахивая гирляндами из цветов и исполняя песни перед сотнями тысяч

зрителей. В тот же день студенты Венского университета, придерживавшиеся либеральных и пангерманских взглядов, вышли на демонстрацию за «свободу науки», против церкви, клерикализма, а косвенно — и против дома Габсбургов. Вся полиция обеспечивала порядок в Шёнбрунне, и сложилась опасная ситуация. Но в конце концов, все разрешилось типичным для Вены компромиссом. А страх перед революцией остался. (30)

Юбилейная процессия как зеркало эпохи

Торжественное шествие задумали как демонстрацию гармоничного сосуществования народов империи, но уже на стадии подготовки обнажились все ее подлинные проблемы. На этом примере понятно, в каком состоянии находилась тогда Габсбургская империя, какой ее увидел Гитлер в начале своего пребывания в Вене.

Сначала спорили о деньгах. Предполагалось, что расходы на гигантский проект окупятся за счет продажи дорогих билетов на трибуны, но эти надежды не оправдались. Социал-демократы в Венском городском совете протестовали, хотя и безуспешно, против выделения государственных субсидий. Они утверждали, что печальные события, которых немало случилось за время правления Франца Иосифа, — «плохой повод» для столь затратного праздника. (31)

Чтобы упростить организацию — ведь на подготовку оставалось лишь 89 дней — к участию привлекли (в основном для продажи билетов на трибуны), несколько крупных фирм, в том числе и самый большой венский универмаг «Гернграсс», принадлежавший

еврейской семье. Против этого выступили, в свою очередь, христианские социалисты: мол, «евреям» нет дела до чествования императора, их интересует только «нажива» (32). Слухи о том, что крупные заказы получили также и берлинские фирмы, не подтвердились.

Художники тоже ссорились в предвкушении значительных заказов. Кому доверят подготовку шествия — традиционалистам или модернистам? В итоге отказались и те, и другие. Как и Альфред Роллер, который подготовил для первой, открывающей шествие группы эскизы в ярких тонах. (33) А возжеленные заказы получили «умеренные».

Далее стали возражать против слишком большого числа аристократов, собиравшихся участвовать в процессии. Организационный комитет приводил в защиту следующий довод: участие аристократов ничего не стоит. Напротив, многие из них готовились выйти на Рингштрассе в костюмах, принадлежавших их знаменитых предкам, за свой счет снаряжали костюмированные группы, предоставляли драгоценные доспехи и оружие из своих коллекций, оригинальные парадные формы и кареты, лошадей и многое другое. Тем не менее, присутствие аристократии, не соответствующее духу эпохи, воспринималось как провокация: казалось, что двор и знать снова устраивают праздник «для своих» и исключают «народ». Карл Краус язвительно заметил, что в день торжественной процессии социальные проблемы были решены: «Разве могла аристократия отказаться участвовать, буржуазия — платить, а народ — присутствовать?» (34)

Но особенно сложны, как и следовало ожидать, оказались национальные противоречия. Сначала венгры заявили, что не будут принимать участие в торжествах

«юбилейного года». Для них, мол, правление Франца Иосифа началось не в 1848-м, а 1867 году, когда он, признав венгерскую конституцию и короновавшись в Венгрии, «примирился» с венгерской нацией. Венгры ссылались на то, что в 1907 году на 40-летний юбилей коронации в Венгрию не приехал ни один официальный представитель Цислейтании. Тогда Франц Иосиф, опасаясь конфликта, даже запретил присылать официальные поздравления из-за границы: «Во-первых, никакого настоящего юбилея и нет, во-вторых, император Франц Иосиф не празднует никаких праздников, кроме мессы в коронационной церкви, а в-третьих, ситуация в Венгрии не особо располагает к торжествам». (35)

В день процессии будапештская газета «Будапешты Хирлап» пожелала Его Величеству «счастья, благополучия и благословения», при этом заявив: «И все же никто не хочет принимать участие в праздничной процессии австрийцев», потому что они ведут себя «по отношению к нам грубо и враждебно». (36)

Затем начался скандал с чехами. Поводом стали запланированные в Вене юбилейные гастроли Чешского национального театра, который собирался представить одну моравскую народную комедию, одну русскую и «Гамлета» на чешском языке. Бургомистр Люэгер заявил, что мероприятие не соответствует «немецкому характеру Вены» и предсказал «большие демонстрации и протесты». Вице-бургомистр, под аплодисменты христианско-социальной и немецкой националистической прессы, добавил: «Вена — немецкий город, и таковым останется, а в немецком городе чешская театральная труппа выступать не может». (37)

В знак протеста чехи отменили не только свои гастроли, но и участие в торжественной процессии.

Чешские депутаты парламента заявили: «Если чехов вынуждают рассматривать Вену как враждебный им город, то будьте любезны принять к сведению, что отныне слюнтяем будет любой чех, который согласится принять участие в каком бы то ни было юбилейном торжестве, устроенном этими господами, не побоявшись плюнуть в лицо искусству только потому, что это искусство — чешское». (38) Газета христианских социалистов «Дойчес Фольксблатт» с большим злорадством писала, что и впредь «венцы, которые захотят насладиться „Гамлетом“ на чешском, должны будут совершить путешествие в Прагу». (39)

Сценарий шествия давал чехам веский повод для недовольства и без этого скандала: богемская история здесь изображалась как история побежденных. В начале процессии появится верхом Рудольф I Габсбург, который в XIII веке отвоевал Австрию у ее тогдашнего правителя Пржемысла II Отакара. Обидчик крайне популярного среди чехов богемского короля будет окружен тридцатью представителями старейших дворянских фамилий, следующих в алфавитном порядке — от Ауэрсперга до Цедвица, все — в рыцарских доспехах, с копьями в руках, на боевых скакунах, взнузданных по-средневековому, с демонстративной воинственностью. (40) Изображение Тридцатилетней войны, когда католики Габсбурги одержали победу над протестантской Богемией, также растревожило давние глубокие раны.

Потом отказались и итальянцы. Они обиделись, что заключительная группа исторической процессии, составленная из знаменитых участников, чувствует не что иное, как героические деяния фельдмаршала Радецкого — разумеется под сопровождение «Марша

Радецкого» в исполнении военного оркестра; этот марш стал символом поражения итальянских революционеров в 1848 году. Вероятно, Гитлер имел в виду эти разногласия, когда писал в «Моей борьбе», заигрывая с Италией, будущей союзницей: *Боевая слава австрийского войска отчасти базировалась на успехах, которые будут вызывать непреходящую ненависть итальянцев во все времена. И далее: В Вене мне неоднократно приходилось наблюдать, с каким страстным презрением и безграничной ненавистью были «преданы» итальянцы австрийскому государству. Династия Габсбургов, по его словам, столетиями подавляла итальянскую свободу и независимость.* (41)

В свою очередь и хорваты не приняли иные пассажи в напечатанной программе шествия, будто бы порочащие их народ. Там говорилось, что хорваты превосходно воюют, но при этом «проявляют особые таланты в приобретении чужой собственности. Например, когда в особых случаях разрешалось мародерство, их солдатский ранец наполнялся всевозможными вещами: металлоломом, женской одеждой, париками и даже напольными часами, которые станут предметом гордости у них в деревне».

Праздничный комитет вынужден был официально извиниться в прессе, признавая данную картину «клеветой» на хорватов и искажением исторической правды. Хорваты позволили себя уговорить. (42) Однако отсутствие венгров, чехов и итальянцев значительно уменьшило масштаб шествия.

Все эти ссоры лили воду на мельницу пангерманцев, они ведь и без того были противниками многонационального государства. И смеялись над «Австрией, которая страдает юбилейным тупоумием и устраивает

праздники, вместо того чтобы подумать, кому собственно она обязана своими несчастьями». (43)

Тем временем возводили трибуны. Вену наполнили мастерские, подъезжали подводы с древесиной, раздавался стук молотков. Жители возмущались, что город изуродован, не пройти и не проехать. Выяснилось, что за высокими деревянными трибунами почти не видно домов. Одну трибуну возвели даже на крыше парламента. Венцы все меньше радовались предстоящей процессии. Особенно когда поняли, что трибуны им не по карману, а между огромными деревянными сооружениями не осталось свободных мест для зрителей, желающих полюбоваться процессией бесплатно.

Предстояла огромная организационная работа. В Вене нужно было разместить, обеспечить питанием и одеждой 52 000 иногородних участников и рабочих, на это уходило 78 000 крон ежедневно. Номера в отелях забронировали для туристов, поэтому цены на проживание на частных квартирах выросли невероятно — до 20 крон на человека за ночь (44), что в свою очередь отпугнуло многих приезжих. В город доставили дополнительно десятки тысяч лошадей, лошаков и других животных, а также многочисленные повозки, запряженные волами, на которых везли пушки и другие орудия.

За несколько дней до торжественной процессии произошло событие, которое организационный комитет позже с горечью назовет «кампанией в прессе»: почти все газеты опубликовали сообщение, что рабочие будто бы планируют опрокинуть трибуны. Председатель организационного комитета граф Ганс Вильчек вспоминал: «Это означало провал... Новость донеслась до Мюнхена, Берлина, Парижа. И для всех

это звучало как предупреждение: „Не ездите в Вену! Вас там убьют!“ С этого момента не купили ни одного билета!» (45)

Тысячи билетов на трибуны остались нераспроданными, хотя их предлагали за одну пятую или даже одну десятую от первоначальной цены. Газеты писали: «В первый ряд можно попасть, просто дав чаевые билетеру», чуть позже билеты начали раздавать, «как поцелуи на благотворительном базаре». В конце концов на Рингштрассе к прилично одетым людям стали обращаться с просьбой бесплатно занять места на трибунах, чтобы те не выглядели такими пустыми. (46)

День 12 июня 1908 года — к радости организаторов — был прекрасным и солнечным. С ночи из предместий потянулись зрители. В три часа утра к своим обязанностям приступили распорядители на трибунах, в пять утра — военные, которые должны были обеспечивать безопасность шествия на протяжении 13 км с обеих сторон дороги. Открылись устроенные специально для этого дня пункты с питьевой водой и полицейские участки. Добровольное общество спасения было готово оказать медицинскую помощь. Союз защиты животных обеспечил корм для животных, участвующих в процессии. Через каждые 50 метров были установлены туалеты и, конечно, стойки с вином. Продавщицы воды и торговцы хлебом, продавцы открыток и программки без дела не остались. Журналисты тоже: жизнь позади трибун подготовила им даже более интересные истории, чем сама процессия.

В течение трех часов шествовали «народы» перед своим «юбилейным императором»: 12 000 человек, среди которых 4 000 — в исторических

и 8 000 — в народных костюмах, а еще лошади, волы, транспорт всех родов, пушки. Процессия в исторических костюмах двигалась по Рингштрассе, чьи исторические постройки могли бы стать прекрасными декорациями, если бы их не закрывали почти полностью высокие трибуны.

Франц Иосиф, 78-летний император, стоял на жаре перед возведенной специально для него и украшенной многочисленными флагами императорской палаткой у ворот Бургтор. Неизменно прямая его осанка вызывала восхищение. Форма фельдмаршала, шляпа с пером — он принимал чествования. Рядом находились почетные трибуны. Слева — море зеленых шляп с перьями и серые военные формы. Справа царил черный: там сидели — по протоколу, во фраках и цилиндрах — высокопоставленные гражданские лица. Их спутницы — в элегантных летних платьях всех цветов.

Девятнадцать костюмированных групп в первой части процессии представили в хронологическом порядке историю династии Габсбургов — историю побед в блеске военной формы и старого оружия: рыцари эпохи Максимилиана I, солдаты войн с Османской империей, тирольцы в 1809 году, сплотившиеся вокруг Андреаса Гофера, с их старинными пушками. Торговки с венского рынка Нашмаркт очень достоверно изображали маркитанток.

Во второй части шествия 8 000 участников представляли современность многонациональной империи; они шли группами в национальных костюмах, в том порядке, в каком коронные земли перечислялись в титуле императора: Нижняя и Верхняя Австрия, Зальцбург, Штирия, Тироль, Форарльберг, Моравия,

Богемия, немецкие языковые острова в Иглау, Силезия, Крайна, Галиция, Буковина, Краков, Истрия, Далмация. Каждая группа восхваляла императора на своем языке. (47)

Крупные немецкоязычные газеты, исполняя патриотический долг, превозносили шествие: это воплощенное многообразие и величие империи, это знак любви «народов» к своему повелителю.

«Нойе Фрайе Прессе»: «Это были не национальности, это была Австрия, пестрая смесь народов во всем ее национальном и культурном разнообразии, скрепленная, тем не менее, единими узами». (48) «Нойгкайтс-Вельтблатт»: «Куда ни бросишь взгляд — иные цвета, иные одежды, иные образы. Звучат все языки страны. Приветствия трепещут на ветру: “Heil!”, “Grüaß Gott!”, “Zivio!”, “Evviva!”, “Niech!”, “Treasca!”, “Zyje!”* и т.д. Сразу видно, что Цислейтания — многоязычная империя, мозаика национальностей, которую нельзя сравнить ни с каким другим государством». (49)

Гармония народов, воспеваемая газетами, была иллюзорной: в процессии не принимали участия самые крупные «ненемецкие» этнические группы империи. Немецкие националисты высказались совершенно определенно: для них эта демонстрация наднационального характера империи не имеет никакой ценности. «Остдойче Рундшау», газета немецкого радикала Карла Германа Вольфа, описывала шествие следующим образом: «Когда немцы в рядах зрителей ... слышали ненемецкое приветствие, они отвечали мощным криком «Хайль». Раздавались даже

* «Да здравствует!» на немецком, словенском, итальянском, польском, чешском языках с небольшими неточностями в правописании.

выкрики: «Хайль немецкому народу! Хайль единой Германии!» Представители Каринтии исполнили песню: «О, Германия, будь благословенна!», а когда кто-то из чешских зрителей поприветствовал представителей Южной Богемии на чешском «Ma uzta» («Мое почтение»), те ответили: «Нечего здесь мауцтовать, мы немцы из Будвайса!», и тогда публика закричала: «Хайль Будвайс!» Словенцы шли с панславянскими триколорами — и представители Каринтии и Штирии тут же потребовали выдать им черно-красно-золотые значки для немцев. (50)

Карл Краус писал в «Факеле»: «Австрийские национальности объединились, чтобы вознести хвалу императору, и ссорятся за первенство в оказании почестей». (51)

Количество участников процессии пропорционально не соответствовало реальному национальному и социальному составу империи: число представителей от богатых провинций было невелико, а вот из бедных восточных и юго-восточных коронных земель приехало вдвое больше участников, чем планировалось. Из одной только Галиции прибыли две тысячи человек вместо одной тысячи, а Нижнюю Австрию представляли всего лишь около 70–80 человек. (52)

Возможность побывать в столице хотя бы раз в жизни особенно привлекала беднейших обитателей удаленных областей империи. Ведь организационный комитет оплачивал дорожные расходы, питание, ночлег — по большей части в палатках и на мешках с соломой — а также выдавал каждому участнику процессии по три кроны. Обеспеченным этого было мало. Но бедняки, особенно из Галиции и Буковины, приезжали толпами.

Венцы столкнулись лицом к лицу с чужими им соотечественниками, которые — в немыслимом прежде количестве — робко, неловко и беспомощно передвигались по столице. Зачастую неграмотные, не умели даже толком объясниться. Разница в образовании и благосостоянии в огромной империи была гигантской: 513 тысяч из 730 тысяч жителей Буковины не умели ни читать, ни писать. Доля неграмотных среди русинов, сербо-хорватов и румын того времени — более 60 процентов, среди немцев — всего 3,12 процента, а среди чехов — даже еще меньше, 2,38 процента. (53)

Незнакомые соотечественники вызвали у венцев не восторг, а ужас. Даже внешне казались они непривлекательными, примитивными, культурно отсталыми; Карл Краус писал о них так: «Если австрийские национальности выглядят именно так, как те их представляют, что и сегодня еще мешают движению на улицах Вены, то думаю, их общим признаком можно считать уродство». (54)

Пауль Штефан, журналист и биограф Густава Малера писал, что процессия из-за ее искусственности и фальшивого блеска вызвала «ужас перед распоясавшимся обывателем»: «Эти вышивки, эти блузы, эти золотые украшения — обычно такое видишь только в магазине «Вертхайм» в Берлине», самое дешевое из дешевого. «Да, в Австрии живут смиренные люди, терпеливые, послушные народы. Они любят своего императора... осталось их только воспитать по-европейски». (55)

Архитектор Адольф Лоос писал: «Несчастно то государство, где культурные различия подданных столь велики... В юбилейной процессии принимали участия народности, которые показались бы отсталыми даже

в эпоху переселения народов. Счастлива та страна, где нет отстающих и мародеров. Счастлива Америка!» (56)

Карикатуристы, уверенные в поддержке большинства венцев, тоже не обошли вниманием «дикие», «примитивные» народы. «Симплициссимус» опубликовал на целую страницу цветную карикатуру, исключительно унижительную, изображающую участников процессии преступниками и варварами в лохмотьях. (57)

Встреча с этими многочисленными представителями «малоразвитых», «варварских» народов произошла в то время, когда элегантная столица и резиденция монархов испытывала влияние учения Дарвина, согласно которому человечество идет поступательным путем развития от примитивного состояния доисторических времен до «благородного человека» будущего. Разница в развитии, о которой судили по внешнему виду, поведению, языку и опрятности, давала основания поверить в неравенство людей: «цивилизованные» чувствовали себя в сравнении с «примитивными» людьми лучшего сорта. В Вене «благородным народом» по отношению ко «второстепенным» народностям монархии чувствовали себя немцы.

Даже потом шествие осталось предметом ожесточенных споров, прежде всего в парламенте. Депутат-сионист д-р Бенно Штраухер выступил против дискриминирующего изображения восточноевропейского еврея: позади группы турок, осаждающих Вену, куврякаясь и дурачась, вызывая всеобщий хохот, бежал мужчина с пейсами, в кафтане и цилиндре — явная пародия. Штраухер: «Мы, евреи, зачастую беззащитны перед лицом преследований, которые принимают порой прямо-таки средневековые и почти всегда отвратительные формы». На реплику из зала, что речь здесь

идет об исторической сцене, он возмущенно возразил: «Позвольте, но к истории это не имеет ни малейшего отношения: во времена осады Вены турками не было евреев в кафтанах и цилиндрах», и евреев в процессии можно было бы показать и в более положительном ключе. Однако его речь потонула в потоке давно известных обвинений: еврей, мол, во все времена — шпионы и предатели родины. (58)

Шествие критиковали и пацифисты. Берта фон Зутнер, лауреат Нобелевской премии мира 1905 года, писала Альфреду Герману Фриду, который станет лауреатом Нобелевской премии мира в 1911 году: «Шествие меня очень рассердило. Это бряцание оружием. Никакого понимания современных настроений. Прославление всяческой дикости». За десять лет до того она еще надеялась, «что император воспользуется праздником, чтобы создать всеевропейский союз, и таким образом добьется сокращения вооружений»: «Тогда я еще верила, что император восприимчив к подобного рода идеям. Сегодня я в это больше не верю». (59) Даже венские гимнасты выступали в процессии воинственно, «прославляя готовое к обороне юношество империи». Шествие замыкали воспитанники дневных групп для школьников, которых подготовили соответствующим образом: одетые в белые костюмы они печатали шаг — и сорвали особые аплодисменты трибун.

Вскоре стали ясны масштабы финансовой катастрофы: на процессии, вопреки ожиданиям, заработать не удалось ничего, а вот убыток составил около миллиона крон. Торговцы и ремесленники напрасно ждали своих гонораров. В итоге государству пришлось возместить дефицит, хотя эти деньги были гораздо нужнее в других областях экономики. Бесславленным

концом шествия стал в 1909 году судебный процесс о коррупции.

В наследии Гитлера есть только одно замечание о процессии, а именно: венгерские цыгане, мол, подвизались там в массовом порядке как карманники (См. Главу 4 «В парламенте») Но гигантский спектакль произвел и на него большое впечатление, о чем можно судить по тем шествиям, которые он на посту рейхсканцлера в 1937, 1938 и 1939 годах устраивал в Мюнхене. В эпоху, когда исторические процессии уже устарели, они казались уменьшенными копиями венской юбилейной процессии 1908 года. Зато стали инструментом политической пропаганды, направленной на укрепление патриотизма. Здесь по улицам тоже маршировали герои и воины в исторических костюмах — только вместо солдат войн против Османской империи, великих и немецких магистров и военизированных отрядов школьников шаг печатали костюмированные группы эпохи Фридриха II Прусского наряду с войсками вермахта, СА и СС.

Газета «Фёлькишер Беобахтер» в 1938 году особо отметила группу «Новое время», костюмы которой были выдержаны «в красных и серебряных тонах в честь присоединения Восточной марки». В центре группы двигалась большая повозка, изображающая Дунай, «на ней возвышалась серебряная дунайская русалка. Повозку тянули шесть лошадей, на них верхом — дунайские рыбаки; дунайскую группу обрамляли пейзажи Восточной марки». (60)

Полные пафоса патриотические комментарии в венских газетах 1908 года весьма напоминают отклики газет на мюнхенские шествия: «Нам так часто приходилось защищать самое дорогое! Именно в борьбе

стала эта империя тем, чем является сегодня, — великим содружеством народов, каждый из которых идет собственным путем, но с мыслью о единой судьбе». (61)

Аннексия Боснии и Герцеговины

5 октября 1908 года Дунайская монархия продемонстрировала свою военную мощь, аннексировав — к удивлению европейских держав — турецкие провинции Босния и Герцеговина. По решению Берлинского конгресса 1878 года последние тридцать лет в этом регионе (площадь 51200 км², население менее двух миллионов человек), крайне бедном и исключительно отсталом как в культурном, так и в экономическом отношении, стояли императорские и королевские войска, они-то и осуществляли административные функции. Но формально эта территория все еще входила в состав Османской империи. Австро-Венгрия ликвидировала турецкое господство, присоединив Боснию и Герцеговину уже и официально.

Дипломатические наблюдатели сочли это внезапное проявление великодержавных амбиций попыткой «за счет решительных шагов во внешней политике оздоровить ситуацию внутри страны, которая становилась все более критической». (62) Однако истинная причина имела патриотическую подоплеку: завоевание Боснии и Герцеговины задумали как подарок старому императору на юбилей. Ведь за время правления Франца Иосифа империя постоянно уменьшалась в размерах вследствие военных неудач: в 1859 году была утрачена Ломбардия, в 1866 году — Венецианская область и гегемония в Немецком союзе. Так вот, теперь территория империи должна была увеличиться, столь нехитрым, как казалось, способом. Однако о последствиях этого

шага для европейской политики никто не подумал, остальные игроки на международной арене не были достаточно подготовлены. Даже союзную Германию проинформировали слишком поздно, а Российскую империю — недостаточно подробно.

Реакция изумленных европейских держав оказалась весьма бурной. Речь как-никак шла о давнем очаге международной напряженности, о «пороховой бочке Европы», которая теперь, из-за действий Габсбургов, могла взорвать европейский мир. Англия и Россия готовились оказать Турции военную помощь. А это — непосредственная угроза войны.

Все балканские и граничащие с ними государства находились в состоянии крайней тревоги, а прежде всего — королевство Сербия. Сербия считала себя защитницей южных славян на Балканах и стремилась к созданию «Великосербской империи», в состав которой должны были войти Босния, Герцеговина и другие габсбургские и турецкие провинции на Балканах. В регионе и без того уже ощущалась предвоенная напряженность, особенно после 1906 года, когда Вена во время «свиной войны» запретила ввоз сербского мяса, что стало причиной краха сербской экономики. Австро-Венгрию в Сербии ненавидели, особенно в сельской местности, где и проживала большая часть населения страны. Первым следствием аннексии стал торговый бойкот Дунайской монархии со стороны Турции. Другие балканские государства последовали этому примеру, и австрийская торговля на востоке понесла большие потери.

Эксперт пишет о настроениях в Сербии: «В некоторых деревнях даже создаются женские вооруженные отряды. Семидесятилетние старики и подростки

двенадцати-пятнадцати лет записываются на военную службу. Сербско-австрийско-венгерская война обещает быть столь дикой и кровавой, что мир содрогнется. Сербы — фанатики, готовые на все. И у них найдутся союзники, толпы добровольцев из России предлагают Сербии свои услуги. Италия не устает заверять Сербию в дружбе. Офицеры и гарибальдийцы предлагают сербскому правительству свои услуги». (63) Это указывало на своего рода партизанскую войну Сербии против габсбургского господства на боснийской земле.

Внутри страны ситуация также обострилась из-за аннексионного кризиса. «Народы» империи были вовсе не рады приращению могущества, как ошибочно полагал министр иностранных дел граф Эренталь. Напротив, угроза войны способствовала подъему национализма, как со стороны венгров, так и со стороны чехов, итальянцев. И, конечно же, со стороны южных славян и немцев: те снова прибегли к лозунгу об угрозе «славянизации Австрии». Газета «Альдойес Тагблатт» писала: «Это завоевание — для славян, а не для немцев, и у немцев нет никаких оснований для радости... Любое усиление славянства означает ослабление германства». (64) Населению Австро-Венгрии эти бедные провинции не нужны, аннексия угрожает миру в Европе и выгодна только правящему дому. (65)

Д-р Карл Реннер выступил в Рейхсрате от лица социал-демократов против неверной великодержавной политики: тридцать лет Австро-Венгрия управляла двумя балканскими провинциями на основании европейского мандата за подписью семи великих держав. И вот теперь она подвергает всю Европу опасности войны ни за что, «просто из-за титула», за суверенное право короны. «Причем мы даже не знаем, наша ли это

корона, или корона Венгрии, или корона еще какого-нибудь вице-короля, которого еще нужно туда отправить... Новый правовой титул с точки зрения международного права просто не существует, мы управляем Боснией по праву штыка, а теперь и на основании нарушения международного права». Реннера поддержал представитель Богемии, пражский профессор философии Томаш Г. Масарик. Аннексия означает дополнительные тяжелые обязательства для Австро-Венгрии, а прежде всего — обязанность защищать эти провинции «от любого внешнего вторжения и наводить порядок внутри».

Реннер: «И ради этого произведения юридического искусства, ради одного лишь правового титула, который мы получили вместо законного права на основании мандата великих держав, следствием чего стало уменьшение нашего собственного права, из-за юридического кретинизма Эренталья мы пошли на конфликт со всей Европой!» Уже в 1878 году, во время оккупации, говорили, что «мы завоюем Боснию одним оркестром; однако этот оркестр стоил нам пяти тысяч человек». Расходы на мобилизацию и экономический бойкот стали причиной безработицы и принесли «горе тысячам и тысячам семей». (66) Все партии Рейхсрата вне себя: мнения депутатов не только не спросили, их даже не проинформировали об аннексии.

В эти беспокойные месяцы в Вене и без того достаточно конфликтов на национальной почве. Например, в университете — между немецкими и сионистскими объединениями и между итальянскими и немецкими студентами. Дело дошло даже до стрельбы (см. раздел о Карле Люэгере в Главе 8). В результате столкновения между словенцами и итальянцами в Лайбахе два человека погибли, многие были ранены.

Вследствие национальных трений в этот юбилейный год конфликт между немцами и чехами в Праге развивался самым опасным образом. Состоявшийся в Праге летом 1908 года «Панславянский конгресс» вызвал большое неудовольствие в Вене, так как чехи продемонстрировали здесь свою политическую силу.

Организатором конгресса был депутат Рейхсрата, лидер младочехов Карел Крамарж. Он поддерживал личные контакты с русскими политиками, часто выступал против чрезмерно тесной связи Австро-Венгрии с Германской империей и презрительно называл Двойственный союз (венские газеты с удовольствием подхватили это определение) «расстроенным пианино». (67) Немецкие националисты считали Крамаржа душой панславизма и постоянно подозревали, что он в сговоре с русскими и сербами; однако это всего лишь античешская пропаганда того времени.

В период кризиса, вызванного аннексией, беспорядки из Праги перекинулись на другие города — Брюнн, Теплиц, Ольмюц, грозили перерасти в настоящее восстание. На улицах строили баррикады, немецкие магазины громили, полицию забрасывали камнями. Под крики «Долой Австрию!» и «Да здравствует Сербия!» черно-желтые флаги разрывали на клочки и бросали во Влтаву. Ходили слухи, будто австрийские славяне вступили в сговор с русскими и сербами.

Призывы к умеренности и спокойствию уже не действовали. Ни полиция, ни кавалерия не могли справиться с ситуацией. В Праге пришлось применить крайнее средство, то есть ввести военное положение. Это произошло, как нарочно, 2 декабря, именно в день юбилея. Чрезвычайное положение отменяло все основные гражданские свободы и позволяло судить преступников

и даже выносить смертный приговор в ускоренном режиме. В Вене военное положение последний раз вводили во время революции 1848 года, в Праге — еще и в 1897 году, во время кризиса, вызванного законопроектом о языках при правительстве Бадени, когда беспорядки на национальной почве грозили перерасти в революцию (см. раздел о Карле Вольфе в Главе 8).

Военное положение и применение силы позволили покончить с беспорядками, однако межнациональная рознь и оппозиционные настроения чехов против Вены и императорского дома только усилились. (Военное положение, которое чехи восприняли как позор, оказалось на редкость хорошо задокументировано: все газеты от 2 декабря 1908 года, которые ввиду их роскошного оформления потом хранились и передавались по наследству, писали не только о юбилейных торжествах, но и о беспорядках в Праге, таким образом став документальными свидетельствами — хотя и непреднамеренно — сомнительности патриотического праздника).

10 декабря в кафедральном соборе Белграда отслужили заупокойную обедню по «соплеменникам, погибшим за славянское дело в Праге и Лайбахе», как сообщал в Берлин немецкий посланник в Белграде. Какой-то студент произнес речь, полную «сочувствия к угнетаемым славянам Австрии, о борьбе против германского врага, о солидарности всех славян и тому подобное». (68) В некоторых газетах Германской империи в свою очередь описывалась «полная страданий мученическая история немецкого меньшинства, оставшегося в этом городе ненависти [Праге — прим. автора]». В статье под названием «Гуситы берут верх!» говорилось, что дело идет «не просто о победе или поражении, в Праге сражаются не на жизнь, а на смерть». (69)

В этой напряженной атмосфере, почти по-весеннему теплым вечером 1 декабря 1908 года, накануне 60-летнего юбилея восшествия на престол императора Франца Иосифа великолепные здания Рингштрассе засияли в свете электрических огней. Так завершился юбилейный год — гигантским фейерверком и роскошной иллюминацией, под звон колоколов всех венских церквей. В конкурсе на самую эффектную подсветку победила ослепительная ратуша.

Огромные потоки людей потекли из предместий во внутренний город. У Внешних крепостных ворот (Бургтор) началась давка и паника. Результат: 4 погибших, 22 тяжелораненых и 84 легкораненых. (70) Юбилейный год закончился днем траура.

Юбилейные тяготы измотали и императора, и его подданных. К высказыванию Масарика в парламенте могли бы присоединиться многие: «Мы должны рассчитывать на династию как на одну из опор Австрии. Что я и делаю. Однако, господа, династия, монархизм — это не то же самое, что византизм. Мне кажется, я убежден, что вся эта испанская мишура, которую так любят демонстрировать, особенно здесь, в Вене, скорее вредит монархизму». (71)

29 марта 1909 года немецкий рейхсканцлер Бюлов положит конец Боснийскому кризису, заявив на заседании Рейхстага: Германская империя решила «защитить жизненные интересы Австро-Венгрии». Здесь в первый раз речь зашла о «верности Нибелунгов». (72) Чтобы подтвердить свою преданность Двойственному союзу, кайзер Вильгельм II в мае 1909 года прибыл в Вену и его встретили таким ликованием, «каким

не встречали еще ни одного монарха», как сообщал американский посланник в Вашингтон. (73)

Несмотря на благополучный исход, Боснийский кризис существенно повлиял на европейскую политику: начиная с 1908 года на континенте царило предвоенное настроение. Все страны лихорадочно наращивали вооружения в ожидании грядущей большой войны за Балканы. Зависимость Австро-Венгрии от Германской империи стала очевидной. В связи с этим росло и возмущение «ненемецких» народов Австрии.

Торжества юбилейного года были призваны продемонстрировать могущество многонационального государства и «любовь народов» к правящей династии, однако выявили прямо противоположные тенденции. Национализм не только не ослаб, но и усилился, все слышнее становились голоса, называвшие Австро-Венгрию анахронизмом. Многонациональная Турция, над которой все потешались как над реликтом ушедшей эпохи и «больным на Босфоре», представлялась не такой дряхлой, как этот «больной на Дунае». Все больше и больше националистов рассматривали войну как выход из сложившегося положения и не только были готовы к возможному распаду Австро-Венгрии, но и сознательно стремились к нему. Это стремление проявлялось у всех народов — и у чехов, и у итальянцев, постепенно — и у южных славян, и даже у немцев, пусть и в меньшем масштабе — в немногочисленном кругу пангерманцев.

Гитлер о Габсбургах

Гитлер не любил династию Габсбургов, в этом сомнений нет. Еще обучаясь в реальном училище Линца, он считал, как и пангерманцы, что у австрийских немцев

нет будущего в составе многонациональной монархии. Он надеялся на скорое присоединение немецких земель к Германской империи, что означало бы ликвидацию многонационального государства и низложение династии Габсбургов. Поэтому он, опять-таки вместе с шёнерианцами, стоял за скорое начало войны и против того, чтобы Берлин оказывал Австро-Венгрии политическую и военную поддержку в соответствии с концепцией «верности Нибелунгов».

В одном из сочинений 1921 года Гитлер писал (эта мысль будет встречаться у него неоднократно): *Безоговорочная, и в горе и в радости, привязанность Германии к этому лоскутному государству Габсбургов была преступлением, за которое тогдашних лидеров немецкой политики следовало бы повесить, даже сегодня... Верность Нибелунгов необходимо соблюдать только по отношению к собственной расе. Перед Германской империей стояла одна-единственная задача: немедленно принять 10 миллионов австрийских немцев в состав империи и низложить Габсбургов, эту самую жалкую из всех династий, которые когда-либо правили на немецких землях.* (74) Двойственный союз — это *нелепое изобретение*, (75) которое на пользу только Габсбургам, но никак не австрийским немцам. Немцы Германской империи, *словно ослепнув*, оказывали поддержку *этому трупу* и даже усматривали в проявлениях гниения признаки «новой» жизни. (76) Берлин не видел, что *внутриполитическая ситуация в этой империи с каждым часом все больше приближала ее к краху*. Чтобы понять, что «ненемецкое» большинство в империи Габсбургов практически не поддерживало Двойственный союз, — так писал Гитлер позже, — достаточно было почитать пражские газеты:

Этот «политический шедевр» подвергался там самым мерзким и злобным насмешкам. (77)

Однако Гитлер в роли рейхсканцлера представлял себя наследником Габсбургов (если это обещало политические дивиденды). Особенно охотно он приписывал былые завоевания Габсбургов — Священной римской империи германской нации, будучи уверенным, что мало кто из его слушателей различает эти понятия.

В 1941 году, когда немецкие войска завоевали Белград, он шутил, *что его венские земляки все время спрашивают, неужели им и на этот раз придется отказаться от Белграда. «Ведь мы его завоевываем уже в третий раз», пора бы уже оставить его себе!* (78) Впервые Белград был завоеван принцем Евгением Савойским в 1717 году, второй раз — во время Первой мировой войны в 1915 году. Планируя создать «имперскую крепость Белград» и «гау принца Евгения», Гитлер также видел себя наследником Габсбургов.

В 1942 году он с похвалой отозвался об *умении венцев думать исторически*, имея при этом в виду Артура Зейс-Инкварта, рейхскомиссара оккупированных Нидерландов, родом из Австрии. Последний сказал *о будущем Бельгии, долго не раздумывая: «Всего 150 лет назад это была наша провинция»*. Кроме того, *все венцы считали, что он, Гитлер, должен поставить на место венгров, столь обласканных австрийцами.* (79)

Примеров подобных высказываний множество, все они демонстрируют, что Гитлер по-прежнему мыслил в категориях австрийской истории. Иногда у него даже находилось доброе слово для соотечественников. В 1943 году Геббельс записывает: «Фюрер назвал жителей Восточной марки способными колонизаторами». (80)

Гитлер говорил Гансу Франку: *А знаете, то, что вы пишете о принципах австрийского управления в областях, населенных чужеродцами, очень верно. Австрийское управление было лучшим в мире. Австрийский окружной начальник был в своем округе монархом. Это настоящий, отеческий принцип управления. После войны я заведу такой порядок в Германии.* (81)

И в 1942 году в застольной беседе: *Когда-нибудь венцы все-таки добьются своего. В тысячах венских кофеен о Венгрии рассуждают следующим образом: “Берлинцы венгров не знают. Это — наша провинция. Мы освободили их от турок. Там все успокоятся, только когда их снова освободят. Так почему же нам их не взять? И словаков тоже, ну и что, что они независимые, но ведь в конечном счете они же наши!” Венцы рассуждают в великогерманском духе больше, чем все остальные. Их воодушевляет чувство, что у них есть миссия.* (82)

Ему кажется, что даже венгры, которых он так ненавидел в венский период, с ностальгией вспоминают общую германскую империю: *Когда речь заходит о монархии, венгры вдруг становятся очень сентиментальными. Они до сих пор считают, что являются последним отзвуком бывшего величия германской империи!* (83) Венгрия никогда не входила в состав «первой» Германской империи, а принадлежала с 1526 по 1918 гг. к наследным землям Габсбургов, но вспоминать об этом Гитлеру было невыгодно.

Рейхсканцлер Гитлер неустанно предпринимал попытки легитимировать Третий рейх, представляя его преемником Священной Римской империи германской нации. В 1935 году в Нюрнберге ему подарили копию

имперского меча Священной Римской империи, и он поблагодарил за *символический знак германской имперской силы.* (84) В 1938 году — уже в качестве «фюрера Великогерманской империи» — он приказал перевезти из Венской сокровищницы в Нюрнберг древние имперские инсигнии: корону Карла Великого, имперский крест, имперскую державу, имперский меч, плувиаль Фридриха II Штауфена, Святое копьё и все остальные реликвии, вплоть до коронационных чулок.

Он оправдывал этот приказ ссылкой на традицию. Инсигнии с давних времен хранились в вольном имперском городе Нюрнберге, для коронации их каждый раз доставляли в Ахен или во Франкфурт. В Вену, тогда резиденцию императора Священной Римской империи, их привезли лишь в наполеоновскую эпоху, чтобы укрыть от французских войск. Когда «первая» империя в 1806 году прекратила свое существование, инсигнии остались в Вене в качестве музейных экспонатов.

Идею перевезти имперские инсигнии из Вены в Нюрнберг Гитлер позаимствовал у пангерманцев. Те уже в 1906 году выступили в Рейхсрате с провокационным предложением к имперско-королевскому правительству вернуть имперские инсигнии Нюрнбергу в связи со столетием со дня прекращения существования Священной Римской империи германской нации. (85) Это предложение было высказано вслед за публикацией брошюры «Имперские инсигнии — назад в империю» пангерманца Харальда Арьяна Гревеля фон Йостенооде в 1906 году в брошюре «Остара».

Здесь с большим пафосом воспевалось былое величие империи: «Инсигнии в известной мере представляют “величие всего немецкого народа”». Столетняя

годовщина Священной Римской империи — прекрасный повод, чтобы их вернуть: «Пусть герольды Германской империи под звуки труб торжественно въедут в Вену и заберут свидетелей нашей славы. Им место не на периферии, а в самом центре. Их место — в древнем вольном имперском городе Нюрнберге. Здесь они хранились всегда, сюда и должны вернуться». Следствием станет «эпоха сближения и примирения всех племен»: «Север и Юг сольются в единый великогерманский род, как во времена Фридриха Барбароссы».

«Ни Пруссии, ни Австрии! / Германия — да здравствует!

И тогда возвратится героический дух Штауфенов, как вернется в свой час и Барбаросса, забравший с собой величие империи. И наш народ вновь будет владеть Европой».

Гревель пишет, что «благодаря возрождению подлинно германского героического духа» немецкий народ снова станет молод. А Нюрнберг, благодаря силе этих символов, превратится в «святое место паломничества», «средоточие древнегерманского государственного искусства». «Под защитой вновь обретенной императорской короны и благословения древних властителей» в Нюрнберге каждый год будут собираться «все немецкие племена», чтобы «держат совет об общих делах». (86)

Гитлер в «Моей борьбе» прославлял инсигнии так: *Хранящиеся в Вене имперские инсигнии бывшего имперского величия волшебным образом продолжают быть залогом вечного единства.* (87) Он полагал, что их перенос в Нюрнберг, где проходили съезды НСДАП, и в церковь Св. Екатерины, которую еще называли

церковью «мейстерзингеров» (88), будет символом передачи могущества от старой империи к «новой империи», призванной стать «Германской империей германской нации». (89) Инсигнии как бы легитимировали «Третий рейх», а значение Вены, бывшей резиденции германских императоров, уменьшалось.

Экскурс: Мартовские дни и Площадь героев

Немецкие войска заняли Австрию 12 и 13 марта 1938 года. Это произошло не в результате целенаправленного планирования. Однако хорошо зная австрийскую историю и ментальность, Гитлер умело использовал эту дату, он обернул себе на пользу ее символику и историческое значение.

13 марта 1848 года, за 90 лет до «аншлюса», в Вене вспыхнула революция — национальный, либеральный и социальный протест против косного режима Меттерниха. Повсюду водружали черно-красно-золотые знамена — символ общенемецкого «великогерманского» движения единой Германской империи под предводительством Габсбургов.

В начале XX века, особенно в то время, когда Гитлер жил в Вене, многие австрийские группировки (как демократы, так и националисты), чттили традиции 1848 года. В марте 1908 года в статье, посвященной 60-летию юбилею революции, газета «Альдойчес Тагблатт» писала, что революция — это «справедливый бунт угнетенного народа, бряцание цепей рабов, которые ощущали, как в их затылок упирается кулак полицейского». (1)

Социал-демократы тоже отмечали 13 марта: это день, «когда рабочий класс Австрии впервые вступил

на арену истории». (2) Рабочие каждый год по инициативе социал-демократов совершали «шествие к могилам погибших в марте» на Центральном кладбище Вены, и это ежегодное многотысячное «шествие» становилось демонстрацией в поддержку ценностей 1848 года.

Около 1910 года молодой Гитлер, проживая в мужском общежитии, много читал о революции 1848 года, в частности, из особого интереса к своим кумирам — Рихарду Вагнеру и Готфриду Земперу, которые принимали участие в революции в Дрездене. (3) В 1938 году он совершенно точно знал: опора на историческую дату 13 марта привлечет на его сторону не только немецких националистов, но и оппозиционные силы австрийского корпоративного государства, прежде всего, социал-демократов. В австрийском корпоративном государстве многое не устроило бы революционеров 1848 года: правление было авторитарным; парламент, равно как и социал-демократическая оппозиция, уже давно нейтрализованы; католицизм использовался как политический инструмент; власть имущие стремились возродить монархию. В маленькой австрийской республике в 1930-е годы царил бедность, и был очень высок уровень безработицы.

В марте 1938 года Гитлер прославлял дух революции во Франкфурте, где прежде короновали германских императоров, где в 1848 году депутаты от всех немецких земель собрались в церкви Святого Павла и во главе с имперским викарием эрцгерцогом Иоганном Австрийским безуспешно выступили за «единое немецкое отечество», включая Австрию и Пруссию. В императорском зале ратуши «Ремер» бургомистр Франкфурта торжественно вручил «фюреру

Великогерманской империи» два символических подарка: оригинал немецкого списка Золотой буллы императора Карла IV — Основного закона Священной Римской империи германской нации — и послание венцев к Франкфуртскому парламенту в 1848 году, проникнутое немецким национальным духом.

Во франкфуртской речи Гитлер обратился к двухтысячелетнему прошлому, ко временам вождя херусков Арминия, чтобы проиллюстрировать, сколь давней была мечта немцев о великогерманской империи (кстати, то же самое не раз говорил линцкий учитель истории Леопольд Пётш). По словам Гитлера, начиная с эпохи освободительных войн, *миллионы соотечественников молились богу... о единой империи. За эту идею погибали мученики.* Далее он упомянул, что движение за объединение Германии в 1848 году потерпело неудачу, и объявил, что *ему удалось осуществить эту заветнейшую мечту.* Он назвал первое объединение страны, предпринятое Бисмарком по «малонемецкому» пути, подготовкой к «осуществлению мечты», которое выпало на долю ему, Гитлеру. *Судьба была к нему благосклонна: дело, за которое девяносто лет назад сражались и проливали кровь наши предки, можно считать исполненным.* В основе его действий лежит *непреходящая мечта немецкого народа о единой империи.* Для него очень важно, что он, присоединив Австрию к Германской империи, *не нарушил права, а наоборот — восстановил его.* Тут Гитлер вспомнил не только 1848 год, но и на запрет на присоединение согласно Версальскому договору 1918 года.

Газета «Фелькишер Беобахтер» писала: «Город коронаций Франкфурт встретил фюрера с большим восторгом, чем встречал императоров». (4)

На 13 марта приходится и еще одна важная для австрийской истории дата, а именно: день рождения «народного императора» Иосифа II, сына и наследника Марии Терезии, который тоже имел отношение к 1848 году. Мартовская революция началась в Вене с митинга на площади Йозефсплац, где революционеры объявили Иосифа II своим покровителем, украсили памятник своего кумира цветочными венками и черно-красно-золотыми знаменами, исполнили немецкие песни патриотического характера.

Приверженцы этого императора принадлежали к разным политическим лагерям, в остальном не имевшим между собой ничего общего; императора почитали немецкие националисты, либералы, евреи и крестьяне. Немецкие националисты видели в нем «Иосифа Немецкого», «Германизатора». Он — единственный из всех монархов — правил разнородными наследными землями Габсбургов строго по-централистски и сделал немецкий язык государственным. После его смерти в 1790 году немецким националистам так больше и не удалось добиться этого вплоть до 1918 года. (5) Придворный театр, где ранее ставили французские пьесы для аристократии, Иосиф II превратил в национальный немецкий театр. Он поддерживал не итальянскую оперу, а немецкую, и заказал Вольфгангу Амадею Моцарту зингшпиль «Похищение из сераля». Все эти действия в XVIII веке были обусловлены идеями Просвещения и не имели никакого отношения к национализму. Но немецким националистам рубежа XIX–XX веков, славившим Иосифа II, это безразлично.

Богемские немцы называли монарха «Иосифом Немецким», чтобы позлить чехов. Собирая пожертвования, они возводили памятники Иосифу II в областях

Марка сбора пожертвований на Немецкий союз народного образования с портретом Иосифа II

со смешанным населением и вблизи от границ «ненемецких» коронных земель, особенно в Судетской области. В Вальдфиртеле и во всем регионе вокруг Линца такие памятники тоже стояли, по торжественным дням их украшали черно-красно-золотыми флагами вместо черно-желтых габсбургских. Потребность в таких памятниках на рубеже веков была столь велика, что их отливали из чугуна промышленным способом. «День немецкого народа» всякий раз заканчивался митингом у памятника Иосифу II и исполнением «Вахты на Рейне» (например, в 1909 году в Троппау, Нижняя Силезия). (6) Слова Иосифа II «Я горжусь, что я немец» писали на транспарантах во время демонстраций. Немецкие националистические календари заполняли целые страницы высказываниями императора Иосифа II рядом с изречениями Бисмарка и Шёнера. (7)

Этого правителя почитали и либералы, для них он прежде всего — реформатор, который отменил старые привилегии церкви и аристократии, а еще ослабил цензуру. Протестанты и евреи были обязаны ему указами 1781 года о веротерпимости для «некатоликов». Бедняки почитали Иосифа как «народного

императора», который упразднил крепостное право, боролся с коррупцией и прислушивался к мнению даже самых бедных слоев. Иосиф II, следуя примеру страстно почитаемого им Фридриха II, короля Пруссии, принес в Австрию идеи Просвещения и своими реформами предотвратил (таково было общее мнение) революцию, жертвой которой стала во Франции его младшая сестра Мария-Антуанетта.

Большой популярностью пользовалась легенда, как Иосиф II собственной персоной пошел за плугом в моравской деревне Славиковиц, выказав уважение крестьянству. На рубеже веков изображение пащего императора немецкие националисты активно использовали в пропагандистских целях. Георг Шёнерер прибегал к этому клише, чтобы перетянуть крестьян из клерикального лагеря в пангерманский. Он щедро финансировал возведение в Вальдфиртеле памятников «Иосифу, другу крестьянства».

Социальные проблемы также способствовали росту всеобщей любви к Иосифу II. На рубеже веков в Пратере большой популярностью пользовались пьесы из народной жизни, в которых Иосиф выступал спасителем бедных: «Кто я, вы никогда не узнаете, я – император Иосиф». (8)

В день рождения и в день смерти Иосифа II чествовали в газетах. В 1908 году, например, либеральная газета «Нойес Винер Тагблатт» превозносила Иосифа II как социального реформатора: «Куда ни бросишь взгляд в Вене, повсюду видны следы его деятельности... Дворцы, которые он возвел, назывались: Всеобщая больница, Дом для умалишенных, Дом для найденных, Институт глухонемых, Институт военной хирургии, Дом инвалидов, Всеобщий сиротский

приют, Всеобщий институт бедняков, Всеобщий дом призрения и т.д. Достаточно перечислить все это, и больше ничего не нужно говорить об императоре Иосифе — его слава понятна, народная любовь к нему обоснована». (9)

Каждый раз, когда приходили трудные времена, в империи Габсбургов вновь расцветал культ Иосифа II. И каждый раз это было признаком того, что население недовольно очередным монархом. Чествование Иосифа II в эпоху Франца Иосифа также означало критику правящего монарха, его чрезмерной привязанности к церкви, политического доминирования аристократии, армии и церкви, а также предпочтения чехов и венгров — немцам. В семье Габсбургов Иосифа II по понятным причинам не любили и считали паршивой овцой. А молодому кронпринцу Рудольфу его даже преподносили как устрашающий пример, которому нельзя следовать ни в коем случае. (10)

На посту рейхсканцлера Гитлер часто хвалил Иосифа II как единственного достойного монарха среди ненавистных ему Габсбургов, используя при этом аргументы, которые были в ходу в Вене около 1910 года. Так, в 1942 году он упоминает с преувеличенным восхищением, что *в прежней Австрии ... распустили около тысячи монастырей* (11). А в монологах читаем следующее весьма распространенное в Вене утверждение: *Германии удалось избежать революции только потому, что там были Фридрих Великий и Иосиф*. (12)

Гитлер превозносил заслуги Иосифа II перед «германством» в «Моей борьбе»: *Иосиф II, римский император германской нации, с ужасом понимал, что его династия, отодвинутая к краю империи, исчезнет*

Площадь героев 15 марта 1938 года, вид с балкона Нового Хофбурга; слева — классицистические Ворота героев (Бургтор), справа на заднем фоне — здание парламента

в водовороте народов, если не устранить промахи отцов. Этот «друг людей» прилагал нечеловеческие усилия, чтобы исправить ошибки, допущенные нерадивыми предками, и пытался за свой век нагнать то, что до него упустили долгими столетиями. Если бы только для его преобразований ему были отпущены сорок лет. (13)

Это значит, что фраза, адресованная Гитлером Геббельсу в 1940 году, соответствовала действительности только в первой своей части: «Демократы 1848 года были великогерманскими идеалистами. Никакого сравнения с ноябрьскими демократами. Все ненавидели династию и Австрию, потому что она разрушала империю». (14)

15 марта 1938 года Площадь героев стала прекрасной сценой для первого большого выступления Гитлера в Вене. Выбор места обусловила, с одной стороны, величина площади. С другой стороны, эта площадь связана с могучей исторической традицией, очень важной для немецких националистов. «Герои», которые упоминаются в названии, — это участники освободительных войн против Наполеона, это участники войн с Османской империей, это «неизвестный солдат», памятник которому сохранен и поныне в Воротах героев.

Ворота в стиле классицизма, возведенные в 1824 году в память о Битве народов под Лейпцигом, архитектор Петер фон Нобиле встроил в крепостные стены. Это внешние крепостные ворота с пятью арками. Отстраивая новую Рингштрассе, городские стены снесли, но эти ворота сохранили как символ победы и освобождения от наполеоновской оккупации, как памятник эпохе раннего «общегерманского» национализма.

Облик Площади героев определяют две большие конные статуи. С одной стороны — принц Евгений Савойский, победоносный полководец, одолевший турок. С другой стороны — эрцгерцог Карл, победитель битвы при Асперне (против Наполеона), он возглавляет австрийских гренадеров под развевающимся знаменем. На постаменте памятника посвящение: «Упорному борцу за честь Германии».

Оба памятника поставили еще до сражения при Кёниггреце. Тогда император Австрии еще был первым государем в Германском союзе и надеялся на «великогерманское» решение немецкого вопроса под началом Габсбургов. В памятниках выражен дух эпохи,

завершившейся Франкфуртской встречей немецких государей в 1863 году. Эти исторические коннотации все еще ощущались в период пребывания Гитлера в Вене.

Как пишет Кубичек, молодой Гитлер уже в 1908 году готовит чертежи для расширения Площади героев. Он планирует объединить ее с территорией обоих придворных музеев, находящихся по другую сторону Рингштрассе, включая расположенные за ними придворные конюшни эпохи барокко. Так Ворота героев оказались бы в центре площади. На противоположной стороне площади он хотел выстроить здание, которое «соответствующим образом дополняло бы Новый Хофбург с его чудесным полукружьем колоннады», а на Рингштрассе возвести «две огромные триумфальные арки». (15)

Кубичек также пишет, что молодой Гитлер считал эту огромную площадь «прямо-таки идеальным местом для массовых шествий», и «не только потому, что комплекс зданий, выстроенных полукругом, придавал бы собравшимся на площади массам особую форму, но и потому, что каждый отдельный человек видел бы, куда ни посмотри, монументальные сооружения». (16)

Здесь нет нужды подробно излагать описанные Кубичеком планы Гитлера по перестройке Площади героев, потому что их авторство принадлежит не Гитлеру. Молодой человек явно следует концепции Императорского форума, созданной Готфридом Земпером, которую так и не воплотили в жизнь. Видимо, в венский период Гитлер усердно изучал планы Земпера.

Ворота героев оказали на формирование вкуса Гитлера столь большое влияние, что многие постройки

1930-х годов будут возводиться по их образцу, в стиле неоклассицизма. Правда, оригинал будет намного меньше по размерам и благороднее, не говоря уже о выбитом на лицевой стороне девизе императора Франца: «*Justitia regnorum fundamentum*» («Справедливость — основа власти»).

Бывший австриец несомненно чувствовал себя на Площади героев вполне по-свойски, когда 15 марта 1938 года с балкона Нового Хофбурга, созданного Земпером, сделал «заявление об освобождении» и провозглашал: *Это немецкая страна, и далее: В этот час я сообщаю немецкому народу об исполнении моего самого заветного желания. Как вождь и рейхсканцлер немецкой нации и империи я заявляю перед лицом истории о вступлении моей родины в Германскую империю.* (17)

Гитлер виртуозно разыграл карту исторической символики, используя прошлое для легитимации своего господства, и привлек таким образом на свою сторону многих австрийцев, настроенных «пронемецки». Он искусно выставил императора Иосифа II, героев освободительных войн, революционеров 1848 года и Бисмарка своими предшественниками, а себя — «исполнителем» немецкой национальной мечты.

4. Парламент

Императорско-королевский рейхсрат после 1907 года

Ему не исполнилось еще двадцати, — пишет Гитлер в «Моей борьбе», — когда он впервые попал в величественное здание на Франценсринг — в парламент. Точнее, в палату депутатов Императорско-королевского рейхсрата. Однако на этот раз его интересовало не творение обожаемого им архитектора Теофиля Ханзена, а парламент как политический институт.

Цислейтанский парламент, самый большой в Европе (на 516 мест), с 1907 года привлекал к себе всеобщее внимание. Впервые в истории страны депутатов избрали на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права. Правда, женщин к участию в выборах не допускали, зато допускали всех мужчин старше двадцати четырех лет, если они не менее одного года прожили на территории своего избирательного участка. Значит, Гитлер не мог участвовать в выборах, он ведь уехал из Австрии в 1913-м — вскоре после того, как ему исполнилось двадцать четыре.

Введение нового избирательного права привело к серьезным политическим потрясениям. При прежнем куриальном избирательном праве (оно основывалось главным образом на размере налоговых отчислений), бедные слои населения оказывались в крайне невыгодном положении, преимущество было на стороне зажиточных граждан и немцев из буржуазии. При новом праве выбирать мог каждый, голоса стали равноценны, и от этого выиграли партии, представлявшие беднейшие слои. Представительство христианских

социалистов, партии мелкой буржуазии и ремесленников, выросло с 25 до 96 мандатов, представительство социал-демократов — с 10 до 86 мандатов. А вот участие пангерманцев под предводительством Георга Шёненера, самой радикальной из немецких партий, сторонники которой были большей частью из буржуазных слоев, сократилось с 22 до 3 мандатов.

По коронным землям места распределились следующим образом: Богемия — 130, Галиция и Лодомерия с Великим княжеством Краковским — 106, Нижняя Австрия — 64, Моравия — 49, Штирия — 30, Тироль — 25, Верхняя Австрия — 22, Верхняя и Нижняя Силезия — 15, Буковина — 14, Крайна — 12, Далмация — 11. Каринтия — 10, Зальцбург — 7, Истрия — 6, Горица и Градишка — 6, Триест — 5 и Форальберг — 4.

Ни одна из 30 с лишним партий и групп не получила парламентского большинства. Еще один примечательный факт: несмотря на столь значительное количество партий, ни у одной из них в названии не было слова «австрийская».

Партии и количество мест в Рейхсрате в 1907 году:

96 — христианские социалисты

86 — социал-демократы

31 — Немецкая народная партия, 21 — Немецкая аграрная партия, 17 — Немецкая прогрессивная партия, 12 — Немецкая радикальная партия («вольфианцы»), 3 — пангерманцы («шёнерианцы»)

28 — чешские аграрии, 18 — младочехи, 17 — чешские консерваторы, 7 — старочехи, 2 — Чешская прогрессивная партия («реалисты»), 1 — «вольный» чех, 9 — Чешская национально-социальная партия, самая радикальная группа

25 — польская Национально-демократическая партия, 17 — Польская народная партия, 16 — польские консерваторы, 12 — польские центристы

4 — сионисты и 1 — еврейский демократ

10 — итальянские консерваторы, 4 — итальянские либералы

18 — словенские консерваторы, 5 — словенские либералы

5 — русинские национальные демократы, 4 — старорусины

12 — хорваты, 5 — румыны, 2 — сербы, 1 — русский радикал

1 — свободный социалист, 1 — «самостоятельный социалист», 1 — «социальный политик»

2 — беспартийные.

В 1907 году два места остались вакантными.

Ни у одной из партий не было парламентского большинства, поэтому правительство постоянно находилось в поиске новых партнеров по коалиции. Поддержку оно чаще всего находило у польского клуба, у румын, итальянцев и многих немецких партий. В оппозиции оставались социал-демократы, чехи, словенцы, пангерманцы и остальные. Ввиду политической нестабильности, большинство премьер-министров, назначенных императором и зависимых от парламента, ограничивались тем, что рутинно исполняли свои обязанности. Они все равно не имели шансов претворить в жизнь собственную политическую программу.

За время пребывания Гитлера в Вене сменилось пять правительств, не считая частой смены министров: с июня 1906 года по ноябрь 1908 года — правительство барона д-ра Макса Владимира фон Бека, с ноября 1908

года по январь 1911 года — правительство барона д-ра Рихарда фон Бинерта, с января по июнь 1911 года — правительство Бинерта (второй раз), с июня по октябрь 1911 года — правительство барона д-ра Пауля Гауча фон Франкентурна (третий раз), с ноября 1911 года — правительство графа д-ра Карла Штюргка.

Точные данные о национальном составе этого парламента представить невозможно, учитывая национально гетерогенное население и разные критерии для определения национальной принадлежности. Согласно критерию, принятому в императорской и королевской монархии (национальность определялась по разговорному языку), состав Рейхсрата выглядел следующим образом: 233 немца, 107 чехов, 82 поляка, 33 русина, 24 словенца, 19 итальянцев, 13 хорватов и 4 румын. Таким образом, 233 немцам противостояло «ненемецкое» большинство — 283 депутата. (2)

Результаты подсчетов — какое количество мест в парламенте занимали представители каждой национальности — получались различными, в зависимости от того, какая партия их проводила и с какой целью, и служили интересам национальной политики. Социал-демократы, например, позиционировали себя в 1907 году как однозначно наднациональную партию, отвергали свою принадлежность к любой нации.

Члены Немецкой радикальной партии не считали «немцами» ни христианских социалистов, ни социал-демократов. Большинство других немецких партий они также не признавали немецкими: «Среди 86 немецких депутатов есть определенное количество евреев, еще несколько типичных либералов, которые следуют

указаниям еврейской прессы, а также ряд умеренных немецких националистов, которые любят печататься в еврейских газетах». При таком подсчете истинными немцами оказывались только 13 членов Немецкой радикальной партии. Шёнерианцы тут же произвели собственные подсчеты и выяснили, что в парламенте всего три истинных немца, а именно пангерманцы. (3) Аналогичными подсчетами занимались и прочие националисты.

Пожалуй, ни в одном парламенте в истории не было таких жарких споров, какие происходили в Императорско-королевском рейхсрате в короткий временной промежуток с лета 1907 года по март 1914 года, когда парламент закрыли из-за его неадекватности. Воевали друг с другом не только депутаты различных национальностей. Между парламентариями, представлявшими один «народ», согласия тоже не было. Немецкие партии не ладили друг с другом издавна. «Ненемецкие» партии выступали, правда, единым фронтом против немцев, но внутреннего единства у них тоже не было. У русинов (украинцев) доходило даже до драк. Потому что одна группа была русофильской, другая — украинско-националистической.

Все национальные проблемы империи — будь то конфликты в Словении или Галиции, в Триесте или Лемберге — отражались на работе Рейхсрата. Работу Богемского ландтага парализовали обструкционисты из Немецкой радикальной партии, поэтому бурное обсуждение всех богемских проблем тоже происходило в Вене.

Исключение составляли поляки. Они, как правило, проводили согласованную национальную политику и действовали в интересах сохранения

государства. Польские политики были едины во мнении, что им — пока их страна поделена на части и на восстановление независимого государства надежды нет — больше всего подходит австрийское господство. Ведь их соотечественниками в России и в Германской империи приходилось гораздо хуже. От «польского клуба», в котором состояли почти все представленные в Рейхсрате польские партии, в правительство всегда входили несколько министров.

Парламентский регламент не только не смягчал национальные противоречия, но, напротив, обострял их ввиду своего значительного несовершенства. Так и не решили здесь проблему рабочего языка заседаний. В Цислейтании, в отличие от Венгрии, не было государственного языка, потому единого рабочего языка не было и в парламенте. Допускались десять языков: немецкий, чешский, польский, русинский, сербский, хорватский, словенский, итальянский, румынский и русский. Каждый депутат имел право выступать на родном языке. Переводчики, однако, предусмотрены не были.

Впрочем, существовали и ограничения. В 1907 году польский депутат из Галиции попробовал выступить на русском — это расценили как поддержку панславизма и тут же запретили. В то же время д-ру Дмитрию Маркову, «русскому радикалу» из Галиции, разрешалось выступать на русском, потому что это его родной язык. Правда, в большинстве случаев ему не давали говорить украинские националисты.

При таких запутанных обстоятельствах дискуссия о процедурных вопросах длилась порой целыми днями, одно это полностью блокировало работу парламента. Неоднократные предложения немецких

партий о назначении немецкого рабочим языком заседаний отклонялись «ненемецким» большинством парламента, которое, в свою очередь, требовало вести протокол на всех разрешенных языках и назначить переводчиков. (5) Эту норму ввели лишь в 1917 году, но практического значения она тогда уже не имела.

В действительности же явное предпочтение отдавалось немецкому. Председатель парламента говорил по-немецки. Стенограммы велись тоже только на немецком. Внеочередные вопросы в повестку дня разрешалось вносить и на родном языке, но с обязательным переводом на немецкий. Выступления на других языках вносили в протокол лишь в том случае, если оратор представлял письменный перевод на немецкий.

Другая проблема состояла в том, что время выступления не ограничивалось. Положение, согласно которому внеочередные вопросы полагалось рассматривать в первую очередь, давало даже самым маленьким фракциям возможность блокировать работу парламента, затягивая на целые дни и даже недели рассмотрение любой мелочи.

Некоторые «ненемецкие» депутаты злоупотребляли отсутствием переводчиков и регламента выступления. Большая часть депутатов их не понимала, их выступления ввиду отсутствия «ненемецких» стенографов в протокол не вносили, и трудно было проверить, о чем они говорили. Действительно ли речь шла о внеочередном вопросе, или они просто декламировали стихи или повторяли одно и то же? Это развязывало руки обструкционистам и замедляло работу. Ежедневные перепалки на десяти языках превратили Императорско-королевский рейхсрат

в достопримечательность, известную далеко за пределами страны.

Приезжий из Берлина с удивлением сообщает, что венцы очень любят ходить на заседания парламента. По его мнению, серьезная работа в цислейтанском парламенте попросту невозможна ввиду большого количества представленных в нем партий, а «местные» туда ходят, чтобы посмотреть на «грызню»: «Там можно развлечься, не платя за вход. Наблюдение за депутатами, нападающими друг на друга, возмещает венцам посещение театра, где надо платить, чтобы попасть на представление. В парламенте они получают удовольствие в течение целого дня «милостью депутатов», а вечером развлекают друзей рассказами за бокалом вина». (6)

Венцы шутили, что четыре квадриги на крыше парламента, устремленные в разные стороны света, — символ распадающегося государства. Гитлер пишет об этом в «Моей борьбе», однако это не его бонмо, а избитая венская шутка.

Гитлер на галерее для зрителей

В Рейхсрате имелись две галереи для зрителей. Первый ярус предназначался для чистой публики, на второй пускали всех желающих. Рано утром выдавали бесплатные пропуска. Август Кубичек удивлялся энтузиазму друга: «Просто поразительно, каким бодрым и активным был Адольф уже в половине девятого утра». (8) В «Моей борьбе» Гитлер пишет, что в ту пору он, *будучи свобододобивым человеком*, ни в коем случае не являлся врагом парламентаризма, напротив, *восхищался английским парламентом* и даже не мог *помыслить иной формы правления*. (9)

Но увиденное в Рейхсрате разрушило идеальный образ. Проходит совсем немного времени, и это *жалкое зрелище* вызывает у него лишь возмущение. Он критикует как содержание, так и форму дебатов, ведущихся на разных языках и оттого непонятных. *Жестикулирующая, кричащая на все лады, перебивающая друг друга, неистовствующая толпа, и над ней — безобидный старый дядюшка, который в поте лица пытается восстановить порядок, яростно потрясая колокольчиком и выкрикивая что-то, успокаивая и порицая. Мне стало смешно. А в другой день парламента почти пуст, и его не узнать, все там будто уснули.*

И все же Гитлера необычайно занимает все происходящее в Рейхсрате: *Я бежал туда, как только представлялась малейшая возможность, наблюдал за всем молча и внимательно, вслушивался в речи, если их можно было понять, изучал более или менее умные лица народных избранников этого жалкого государства*. (10)

Иногда Гитлер тянет за собой друга Кубичека. «Густль» политикой не интересуется и не видит смысла в этих походах: «Когда я спрашивал Адольфа, какое отношение к его образованию имеют мало касающиеся нас проблемы, о которых говорили в парламенте, он отвечал: “Строить можно лишь тогда, когда для этого созданы политические предпосылки”». (11)

Далее Кубичек пишет: «Однажды — Адольф снова вынудил меня туда пойти — какой-то чешский депутат устроил обструкцию, выступал несколько часов. Адольф объяснил мне, что смысл его речи состоит лишь в том, чтобы занять время и не допустить выступления других депутатов. При этом совершенно не важно,

о чем этот чех говорит, он может даже просто повторять одно и то же, главное — нельзя останавливаться... Никогда еще Адольф не удивлял меня так, как в этот раз... Я не мог понять, почему он с таким напряженным вниманием вслушивается в эту речь, не понимая ни слова». (12)

Кубичека поражают крики депутатов, стук по столам, свист: «И поверх этого ужасного шума звучат ругательства на немецком, чешском, итальянском, польском и бог весть на каких еще языках. Я взглянул на Адольфа. Разве сейчас не самое время уйти? Но что это вдруг случилось с моим другом? Он вскочил, сжал кулаки, лицо горит от возбуждения». (13)

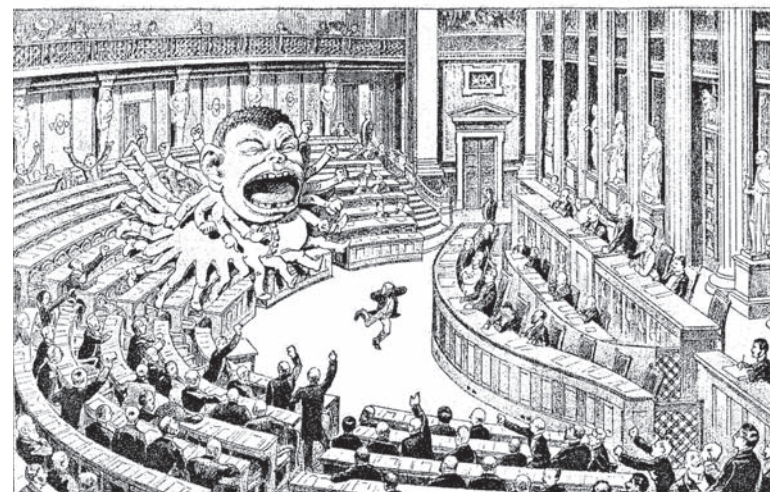
В 1908 и 1909 годах, когда Гитлер ходил на заседания парламента, градус напряженности в Рейхсрате был особенно высок — из-за обсуждения юбилейных торжеств и в связи с Боснийским кризисом. Все межнациональные противоречия, а в империи их было немало, проявлялись и даже еще сильнее разгорались на заседаниях Рейхсрата. Особенно конфликты в Богемии, а также в Лайбахе, где словенцы протестовали против учреждения итальянского университета в Триесте.

Опаснее всего оказалась обструкция, устроенная чешскими национальными социалистами в отместку за то, что Немецкая радикальная партия и пангерманцы парализовали работу богемского ландтага. Агитация этой радикальной партии была антинемецкой, антисемитской и антипарламентской. Большинство в парламенте не имело возможности противостоять террору этого меньшинства.

После введения военного положения в Праге (2 декабря 1908 года) протесты чешских партий окончательно превратили парламент в национально

окрашенный шабаш. Когда председатель попытался начать заседание, чешские национальные социалисты Винценц Лиси, Вацлав Фресль и Франтишек Буривал быстрым шагом направились к председательской трибуне, свистя в металлические свистки и дудя в игрушечные горны, в сопровождении других свистящих и кричащих «фу!!!» депутатов. Вооружившись игрушечным горном, депутат д-р Антон Хайн играл военный марш. Пражский депутат от младочехов Вацлав Хоц кричал председателю: «Палач!» Следом Лиси: «Может, вы желаете распространить военное положение и на богемских депутатов в Вене?» И еще: «Вы не председатель. Вы надзиратель из ратуши!» Хоц: «Обер-кельнер Люэгер!»

Die tschechische Opposition in unserm Parlament

«Чешская оппозиция в нашем парламенте». Карикатура в сатирическом журнале «Кикерики», 22 декабря 1910 года

Председатель бессилен. Как писала газета «Кроненцайтунг», «он наблюдал за происходящим в оперный бинокль и приказал записать имена участников оркестра из свистков и горнов. Как говорят в палате депутатов, вместо списка выступающих составили “список свистунов”». (14)

К тому моменту в правительство уже входили три «национальных» министра — по одному от немцев, чехов и поляков. Но правительство не справлялось с ситуацией. И персона старого императора уже не могла даже на время объединить противоборствующие партии: на «торжественном заседании в честь» 60-летнего юбилея правления отсутствовали по самым разным причинам социал-демократы, немецкие националисты, пангерманцы (последние «в связи с враждебной по отношению к немцам политикой австрийского правительства» (15)) и радикальные чехи.

Надежды Франца Иосифа на то, что введение всеобщего избирательного права смягчит национальные противоречия и принесет политическую стабильность, к этому моменту уже давно растаяли. С разочарованием и гневом сказал он председателю венгерского правительства: «Если депутатам больше нечем заняться, кроме бесконечных споров на национальной почве, пусть хотя бы меня в это не впутывают». (16) Правда, чуть раньше, произнося речь по случаю открытия нового парламента, император с волнением говорил о величии минуты и выразил надежду, что депутаты будут руководствоваться «умиротворяющим духом любви к единому отечеству». (17)

Весной 1909 года возмущение вызвал проект закона об официальных языках для богемских земель.

Правительство предложило принять компромиссный вариант, основываясь на данных переписи населения, согласно которым 228 из 238 судебных округов в Богемии и Моравии (исключая Прагу) были либо гомогенно чешскими, либо гомогенно немецкими, а лишь десять — смешанными: в пяти из них языковое меньшинство составляло более 20%, в пяти оставшихся — более 10%. (18) Официальный язык планировали утвердить в соответствии с национальным составом населения. Такой компромисс был на руку богемским немцам: таким образом они получали столь желанное национальное отграничение немецкоязычных областей, а главное — Судетской области. С другой стороны, закон гарантировал чехам на территории всей Богемии равноправие обоих языков.

Однако чехов такой компромисс не устраивал. Они отказывались признавать перепись населения основой для закона о языках и продолжали настаивать на своем требовании применять богемское право на всей территории Богемии, подобно тому, как это делалось в Венгрии. Но это означало бы введение официального двуязычия также и в регионах Северной Богемии с чисто немецким населением.

Большинство чешских партий были готовы к диалогу. Но чешские национальные социалисты ответили террором на внесение законопроекта 3 февраля 1909 года. Голос премьер-министра Бинерта, зачитывавшего законопроект, заглушали оскорбительные выкрики и ужасный шум: депутаты стучали крышками столов, дудели в горны и свистели в свистки, звонили в колокольчики и трещали трещотками.

Открывал дискуссию д-р Томаш Г. Масарик, профессор философии из Праги, депутат от фракции

чешских либералов, состоявшей из двух человек. Он вышел на трибуну и простоял там полдня, так и не получив возможности заговорить. Радикалы использовали новые шумовые инструменты, «трещотки, которые прикреплялись к крышке стола и производили ужасный шум, когда их приводили в движение при помощи поворотной ручки. Кроме того, в парламент доставили инструмент, воспроизводящий звук дождя, какой обычно используют в театре. От всего этого, включая свистки горнов и звук дождя, в зале стоял такой ужасный шум, что депутаты и зрители на галерее вынуждены были затыкать уши». (19) После обеда раздались громкие звуки «похожего на туманный горн» инструмента.

Масарик, всегда ратовавший за разумные решения и за диалог, призывавший своих соотечественников к умеренности в национальном вопросе и к конструктивной работе, так и не смог выступить. Попытка социал-демократов и христианских социалистов успокоить дебоширов закончилась дракой.

4 февраля дискуссия стала возможной, хотя и ненадолго. Масарик говорил спокойным и деловитым тоном. Выступил против представленного законопроекта, упомянул положение чехов в Вене и потребовал комплексного решения проблемы: «Если этой палате недостает мужества представить законопроект с общими нормами для всех народов империи, то ожидать мира не приходится. Даже те, кто придерживается государственно-правовой, автономистской точки зрения, не могут не признать того факта, что в Вене проживают сотни тысяч наших соотечественников. И мы должны пожертвовать ими ради мира с немцами?» По мнению Масарика, «идеальным решением

языкового вопроса» (20) может стать повсеместное двуязычие. Это означало, что и Вена, и вся Нижняя Австрия должны стать двуязычными, а именно этого немцы всеми средствами старались не допустить.

Затем выступили еще несколько ораторов, и атмосфера снова накалилась. Стоял сплошной гул, заседание пришлось прервать. 5 февраля буря поднялась сразу после начала заседания, шум был слышен даже на улице и привлек внимание зевак. Продолжить дискуссию не сумели.

Правительство вынуждено было прибегнуть к радикальному средству: парламентскую сессию объявили закрытой, что означало и прекращение деятельности палаты депутатов. «Кроненцайтунг» писала: «Сначала послышались аплодисменты. Казалось, все депутаты радостно приветствуют это опрометчивое разрушение народного парламента. Но вскоре к аплодисментам добавились упреки в сторону чехов, особенно из лагеря христианских социалистов и социал-демократов. Ни один депутат не покинул зала, а зрители на галереях, затаив дыхание, ожидали дальнейшего развития событий». (21)

Дело закончилось потасовками. Газета «Прагер Тагблатт»: «Вдруг посреди этого невероятного шума и драки какой-то христианский социалист затягивает: “Боже, храни, императора”. Тут же откликаются чехи: “Где дом мой?”, социал-демократы отвечают “Гимном труду”. Депутат Иро, в одиночестве стоя на своем месте, тоже начинает петь — “Стражу на Рейне”; его высокий голос перекрывает пение остальных депутатов». (22)

Закрытие парламентской сессии означало, что все представленные запросы и законопроекты

недействительны, равно как и многомесячные результаты работы комитетов. Депутаты утрачивали неприкосновенность и жалование, что стало для них, как писала «Кроненцайтунг», «тяжелым ударом: ведь половина депутатов живет только на те 20 крон, что получает за свою политическую деятельность».

Растерянность и негодование охватили всех, кто сражался за всеобщее избирательное право в надежде, что демократизация законодательства приведет к улучшению политической ситуации. Пацифистка Берта фон Зутнер возмущалась: «Свистки, барабаны, туманные горны, одновременное исполнение чешского, германского и австрийского гимнов, воздетые кулаки, оторванные воротники, покусанные пальцы — в самом деле, можно сгореть со стыда.... Такое чувство, что парламентаризм решил совершить самоубийство! Почему мы везде — в театре, в отеле, на улице — можем чувствовать себя защищенными от драк и кошачьих концертов, но только не в этом «высоком собрании», где сочиняют законы, законы, действительные для всех, но, видимо, не для них самих?» (23)

За изменение регламента выступали прежде всего социал-демократы, ведь они десятилетиями боролись как могли за этот «народный парламент». Д-р Вильгельм Элленбоген: «Демократия — не только более прогрессивное, но и более сложное политическое устройство по сравнению с абсолютизмом, потому она нуждается в более тщательно продуманных правилах». Он не понимает, «почему именно австрийский парламент должен быть самым вульгарным в мире. Мы, социал-демократы, сами не прибегаем к хамскому тону, и не позволим другим так с нами так разговаривать, и мы не собираемся терпеть этот отвратительный

ребяческий ор». Поэтому он выступает за право председателя на более жесткую цензуру. (24) Однако изменения регламента добиться не удалось.

Депутат-младочех Франтишек Удржал также призвал прислушаться к здравому смыслу и превозносил идеал многонационального государства: «Все ненемецкие народы — и чтобы утверждать это сегодня, нужно немалое мужество — заинтересованы в сохранении государства, в котором они могут жить как свободные люди и иметь возможность для индивидуального развития. Австрия может стать таким государством. Миссия этой монархии состоит в том, чтобы объединять народы, само собой разумеется, на основе совершенной, идеальной справедливости и равенства. (Аплодисменты и рукоплескания)». Каждый, рассуждающий с точки зрения права, знает, «что в ближайшем будущем необходимо что-то предпринять, чтобы создать здесь такие условия, при которых мы хотя бы могли сосуществовать рядом друг с другом». (25)

Немецкие радикалы сопровождали это выступление грубыми античешскими выкриками, в результате чего Удржал тоже разозлился и сказал, что мировая история знает много примеров, когда «угнетенные народы развивали свои положительные качества в гораздо большей мере, чем их поработители», и что немцы просто отстают от интенсивно развивающихся славян. После этого разумная дискуссия снова стала невозможной.

Хотя — если оценить уровень образования и занятия депутатов — именно в этом созыве было много благородных господ. Наряду с 129 землевладельцами, в парламенте заседали 60 адвокатов, 22 университетских профессора и доцента, 38 священников,

Zur parlamentarischen Situation.

«О ситуации в парламенте». Надписи (о премьер-министре): «Сидит на крыше старичок, / Ты: «Помоги!», а он — молчок» (карикатура в сатирическом журнале «Кикерики», 24 марта 1912 года)

54 писателя и редактора и много чиновников. (26) В частной жизни это были, как пишет прелат и христианский социалист Йозеф Шайхер, «обходительные, любезные люди... предупредительные, деликатные», за исключением «периодов парламентского бешенства, депутатской паранойи». (27) Они подчинялись террористам-радикалам, например, чехи — девяти чешским национальным социалистам. Шайхер пишет: «Это злой дух, подчинивший себе чехов, кучер, кнутом понукающий усталых лошадей снова переходить на галоп». (28) Немцы, в свою очередь, находились во власти пангерманцев и немецких радикалов. Как пишет Шайхер, в парламенте в течение десяти, или

даже двенадцати лет, происходило «что-то вроде битвы гуннов с римлянами». (29)

Чтобы заставить Рейхсрат снова приступить к работе, правительство пригрозило применить §14 Конституции — о чрезвычайном положении. В этом случае правительство превращалось в диктатора, могло принимать законы без участия парламента. Например, одобрить столь необходимое увеличение числа рекрутов.

На открытии новой сессии в марте 1909 года председатель парламента прямо-таки умолял депутатов заняться делом. С большим трудом удалось провести законопроект о рекрутах. Чешские партии проголосовали против — они, мол, не намерены «поставлять пушечное мясо для немецкого мирового господства», о чем озабоченно сообщал в Берлин немецкий посол (30).

Угроза применения § 14 подействовала ненадолго: в июле 1909 года, после долгих баталий и безуспешных переговоров, сессию опять закрыли. И на этот раз несколько месяцев не удавалось созвать новый парламента. Немецкий посол сообщал, что положение «практически безвыходно»: «Чехи требуют за свою работу в Рейхсрате наладить деятельность богемского ландтага». Но этому препятствует обструкция, которую устроили богемские немцы. При этом, как сообщает посол, все партии желали возобновления заседаний, хотя бы из-за парламентского жалования. В то лето положение осложнялось еще и национальными конфликтами между немцами и чехами в Нижней Австрии и Вене. (См. Главу 9 «Чехи в Вене») (31)

Из-за бездействия парламента была приостановлена работа над важными социальными законами — например, о пенсиях по старости и инвалидности.

Произошло это в период невероятного роста цен, когда дело дошло даже до демонстраций голодающих. Принятие закона об улучшении положения помощников продавцов тоже затянули, и венские торговые служащие устроили митинг протеста. Служащие почты, также ожидавшие новых законов, заявили, что «население ждет от парламента плодотворной работы» и «все сыты по горло конфликтом между немцами и чехами». На этом собрании протестное заявление поддержал и вице-председатель Рейхсрата от христианско-социальной партии.

«Чрезвычайный рост цен на продукты питания» — это «всего лишь следствие перебоев в работе парламента. И причина всего этого — национальные противоречия, препятствующие какой бы то ни было работе. Какой прекрасной страной могла бы стать Австрия, каким мощным и деятельным мог бы быть парламент, если бы партии наконец-то забыли о национальных конфликтах и принялись за работу. Весь народ должен подняться в едином порыве и потребовать, чтобы парламент выполнял свою работу». Это выступление заслужило «долгие, бурные аплодисменты».

В тот же день лидер социал-демократов д-р Виктор Адлер выступил на партийном собрании со следующим заявлением: «Все партии должны беречь парламент как зеницу ока, но вместо этого его превратили в игрушку в руках безответственных и бессовестных людей, и теперь там плетутся интриги, демонстрируется дикое, непристойное хамство». (32) В октябре 1909 года во всех районах Вены (общим числом 21) прошли массовые собрания, где от палаты депутатов требовали нормальной работы.

Спустя несколько месяцев Рейхсрат возобновил свою работу, и чешские националисты представили на рассмотрение за один день (15 декабря) 37 внеочередных вопросов. Снова возникла угроза парализации работы парламента. Тогда представители остальных партий решили противостоять обструкции за счет продления заседаний. Они установили в парламенте походные кровати, запаслись провиантом, наладили круглосуточное дежурство, чтобы при первой же возможности нарушить обструкцию, и даже готовы были остаться на посту в рождественские каникулы.

Первый оратор закончил выступать незадолго до двух часов ночи. Тем самым его 13-часовая речь побила рекорд обструкции, установленный в 1897 году во время кризиса, вызванного законопроектом об официальных языках при правительстве Казимира Бадени. Правда, тогда обструкцию устроил немецкий оратор, он таким образом протестовал против закона, который якобы ставил чехов в привилегированное положение. (33) Рекорд 1909 года был побит в свою очередь летом 1911 года, когда депутат-русин выступал еще на 12 минут дольше против проекта закона об увеличении расходов на оборону, чтобы добиться создания в Лемберге русинского университета.

Обсуждение второго из 37 внеочередных вопросов (о разведении государственных лошадей) длилось с семи утра до половины девятого вечера. Перед зданием парламента люди собрались на демонстрацию против повышения цен. Газета «Райхспост» писала: «В сторону парламента грозили палками и кулаками». Из толпы раздавались крики о «массовой забастовке» и «революции».

Дипломаты сообщали о происходящем во все концы света. Так, американский посланник писал в Вашингтон, что напряжение в парламенте привело к многочисленным кулачным боям между зрителями и охраной. Он считал основной причиной повсеместного недовольства населения рост цен и налогов. (34)

Тем временем в парламенте продолжал свое выступление Лиси, представитель чешских радикалов. «Кроненцайтунг» писала: «Время от времени он откусывает от бутерброда с ветчиной или делает глоток коньяка, но делает это незаметно, не прерывая выступления. Время от времени оратор стучит по кафедре кулаком, чтобы подчеркнуть, что он продолжает говорить». Затем, не останавливаясь, он просматривает новый номер газеты. Так проходит час за часом. «Кроме Лиси, который по-прежнему попеременно ест, пьет и говорит, в зале — только председатель, стенографы и один служитель. Галереи для зрителей переполнены, но уже много часов смотреть не на что. Вдруг со второго яруса доносится возглас возмущения. Затем еще один, и еще, несколько минут зал наполняют крики негодующих зрителей, протестующих против обструкции. “Тунеядцы”, “воры”, “ростовщики” — самые мягкие из обвинений, которые льются сейчас на головы Лиси и его приверженцев, тут же собравшихся вокруг него». Председатель отдает приказ очистить галерею. «Но даже из коридора доносятся оскорбительные злобные выкрики против чешских аграриев».

Вечером — Лиси выступает уже седьмой час — беспорядки начались и на первом ярусе: «Долой партию обструкции!», «Выгнать их из собрания, за которое мы проливали нашу кровь!», «Воровская шайка!»,

«В отставку ростовщиков!» «Кроненцайтунг» сообщает: «Зрители топают ногами, пронзительно свистят, на галерее царит такой страшный шум, какого никогда еще не было». Когда и эту галерею начинают разгонять с применением силы, посетители затягивают «Гимн труду»; «мелодия и текст первой строфы заполняют зал. Когда она отзвучала, стало видно, что служителям приходится применять силу, чтобы удалить зрителей. Некоторых приходится прямо-таки выносить». Репортаж заканчивается в полночь — корреспондент должен сдать материал, но заседание продолжается.

В выпуске газеты «Райхспост» от 18 декабря читаем: «Дышать в зале становится все труднее, воздух пропитан тяжелыми испарениями, табачный дым смешивается с пылью и заполняет проходы... В помещении накопилось немыслимое количество обрывков бумаги, грязь и пыль». Невнятные речи продолжаются. На галерее вновь разгорается протест, зрителей опять удаляют. Чешские радикалы кричат хором: «Прочь от Вены!»

В этот день ситуацию спас младочех Карел Крамарж, хотя он и считался радикалом. Договорившись с социал-демократами и христианскими социалистами, Крамарж хитростью заполучил право выступить по следующему внеочередному вопросу, касающемуся изменения регламента. Неожиданно для чешских национальных социалистов он потребовал предоставить председателю парламента право запретить на один год злоупотребление регламентом и на три заседания лишать слова тех депутатов, которые этому решению воспротивятся. Предложение приняли подавляющим большинством голосов — 331 против 72.

Немецкий посол с удивлением сообщал в Берлин: «Господин Крамарж, до сей поры страстный приверженец обструкции, одним махом превратился в спасителя парламента и хозяина ситуации». (35) Так был гарантирован один год нормальной работы.

Поддерживающая христианских социалистов газета «Райхспост» торжествовала: «Палата депутатов, измученная вконец, бесконечно униженная, оскорбляемая враждебной прессой, подвергающаяся насмешкам общественности, вследствие несовершенства регламента отданная на откуп злобной группировке неисправимых радикалов, находящаяся под угрозой наказания со стороны правительства, недолго думая передала своему председателю на срок в один год полномочия абсолютной дисциплинарной власти и таким образом устранила одним мановением руки весь хлам устаревших правил». Вот уж воистину победа «демократии над демагогией!» (36)

Немецкий посол, правда, был недоволен тем, что это решение «стало еще одним шагом на пути славянизации Австрии и ослабления авторитета правительства и короны в пользу парламента». Собственноручная пометка императора Вильгельма II на полях гласит: «Неслыханно!» (37)

Парламентские эксцессы продолжались к неудовольствию общественности вплоть до марта 1914 года, когда премьер-министр Штюргк все-таки применил §14 и распустил парламент ввиду его неработоспособности. А регламент снова не изменили. Так многонациональная монархия и вступила в Первую мировую войну — без парламентского решения и солидарной ответственности в западной части государства.

Шёнерианцы и народный парламент

Решительнее всего против нового избирательного права выступали пангерманцы, требуя сделать немецкий язык государственным и изменить административное деление империи таким образом, чтобы обеспечить немцам большинство в парламенте. Теперь они полагали, что неразбериха, возникшая в Рейхсрате в результате введения нового права, подтверждает их правоту и является логическим следствием равноправия и демократии.

*Демонстрация
перед зданием
парламента
2 октября 1910 года*

Они обвиняли правительство в том, что именно оно «затяло всю эту избирательную реформу, чтобы превратить созданное немцами и веками управлявшееся немцами государство в славянское государственное образование и придать ему славянский характер». (38)

По мере того, как многонациональная империя становилась все менее управляемой, а народный парламент — все более неработоспособным, пангерманцы все громче превозносили былую гегемонию немцев и их превосходство над другими якобы отсталыми народами, «народами рабов». Они утверждали, что в те времена, когда немцы, благодаря выгодному для них куриальному голосованию, имели большинство в Рейхсрате, парламент еще функционировал. Впрочем, это большое преувеличение.

Народный парламент они насмешливо называли «аппаратом по поглощению депутатского жалования». (39) Франц Штайн, соратник Шёнераера по партии, поносил «безвольных, трясущихся от страха народных представителей» и считал, что «все их геройство — лишь нелепый фарс, достойный театра марионеток». (40)

А депутат-пангерманец Винценц Малик высказался следующим образом: «Уважаемое собрание! Мы находимся на пороге великого хаоса, какого Австрия еще не знала, и все это, уважаемые господа, из-за того, что этому многоязычному государству наклеили универсальный пластырь под названием «избирательная реформа»; пластырь этот навязали добропорядочным и благоразумным обитателям нашей империи Хофбург и правительство в союзе с социал-демократами. Господа думали, что избирательная реформа истребит на корню межнациональные конфликты,

но господа вляпались в дерьмо. Вот пусть и думают теперь, как выбираться!» (41)

Сходные аргументы встречаем и у Гитлера в «Моей борьбе»: *Образование парламентского представительного органа без предшествующего утверждения и закрепления общего государственного языка стало началом конца главенства немцев в монархии. Однако и государство как таковое было с этого момента обречено. Все последующее стало лишь исторической ликвидацией империи. Наблюдать за этим распадом было столь же устрашающе, сколь и поучительно.* (42) *В парламенте полного краха удавалось избежать только потому, что немцы в ущерб себе шли на недостойные уступки и исполняли практически любое требование шантажистов.* (43) После введения нового избирательного права *страна опустилась до уровня возглавляемого парламентом, ненемецкого хаоса.*

На посту рейхсканцлера Гитлер не уставал излагать «имперским немцам» австрийскую историю. Например, в 1942 году: *Австрийское государство...! Чего там только не было — и тем не менее! Центральная власть не в состоянии удержаться, если вводишь всеобщее равное прямое голосование... А до той поры немецкое меньшинство прекрасно управлялось с остальными, так что нельзя сказать, что это умеют делать только англичане! У немцев это тоже хорошо получалось.* (45)

Однако фиаско многонационального парламента было связано не с недостатками демократии и равенства, как победоносно утверждали пангерманцы, а исключительно с несовершенством парламентского регламента. Именно по этой причине нацеленное на работу большинство оказывалось бессильно против

радикального меньшинства, терроризирующего парламент. Против чешских национальных социалистов — с одной стороны, и пангерманцев — с другой. Ни в каком другом учреждении молодому Гитлеру не удалось бы настолько хорошо изучить власть террористического меньшинства и бессилие огромного аппарата, как в Императорско-королевском рейхсрате в Вене.

Парламентские речи депутатов-пангерманцев перепечатывались в партийных газетах. Например, газета «Альдойчес Тагблатт» напечатала выступление Карла Иро под придуманным им самим заголовком: «Боже, избавь нас от этого австрийского зла! Аминь». (46) Иро повторяет обычные претензии пангерманцев к правительству, критикует его за бездействие в области социальных реформ, утверждая, что доходы государства «бросают в пасть военного молоха». Но главный объект критики для автора статьи — якобы существующая в государстве «система привилегий для славян и дискриминация немцев». Это выражается, в частности, в вопросе о языке: «Никогда раньше права немцев в том, что касается допуска на государственную службу и продвижения по служебной лестнице, не ущемлялись настолько сильно в пользу славян, и никогда еще требование немецкого народа вести в немецких областях делопроизводство только на немецком и допускать к рассмотрению дел в суде только немецких судей не отодвигали в сторону так презрительно и непристойно».

«Новый народный парламент с его слепой преданностью и услужливостью правительству во многих отношениях хуже, чем старый, избранный по куриям». Этот парламент — «мнимо-конституционное

чучело». И главное: «Героям 1848 года и в страшном сне не могло присниться, что оплот свободы, в борьбе за который они проводили годы в застенках, проливали кровь, рисковали жизнью и свободой, окажется спустя шестьдесят лет таким слабым и чахлым, каким он стал сегодня». «Австрии» угрожает «абсолютное главенство славян, а немцы будут играть роль илотов, платящих налоги, и разделят судьбу саксов Зибенбюргена». Эти устремления «тайно поддерживает и одобряет высшая власть страны» (здесь имеется в виду император).

Пангерманцы настроены «бороться самым решительным образом ... против враждебной немцам австрийской системы и готовы посреди этого австрийского беспорядка, в котором нет нашей вины, который возник вследствие корыстолюбивых браков, высоко нести знамя пангерманской идеи до тех пор, пока не придет время и ее можно будет претворить в жизнь». Под «пангерманской идеей» подразумевалось присоединение Немецкой Австрии к Германской империи.

Пангерманские газеты выходили небольшим тиражом и распространялись только в узком кругу партийцев и сочувствующих. Общественность не обращала на них внимания, крупные венские газеты упоминали их разве только для смеха. Любые внеочередные вопросы, поставленные пангерманцами в парламенте, не приносили результата, что только усиливало агрессивность этого сектантского меньшинства.

В «Моей борьбе» Гитлер возмущался *замалчиванием* пангерманских депутатов Рейхсрата в венской еврейской прессе: *Выступить перед таким «форумом» — значит метать бисер известно перед кем. Вот уж правда смысла не было!... Депутаты-пангерманцы*

могли голос себе сорвать — результата никакого. Пресса или замалчивала их выступления, или преподносила их вырванными из контекста, так что смысл искажался или вовсе утрачивался, и общественность, таким образом, могла составить себе лишь негативное мнение о намерениях нового движения. Было совершенно неважно, что говорили отдельные выступающие, главное — то, что из этих речей потом печатали. (47)

Гитлер полагал, что для пангерманцев лучше было бы создать внепарламентскую оппозицию, а не направлять в Рейхсрат троих депутатов от партии (этот вопрос после 1907 года активно обсуждался и шёнерианцами): *Следует ли идти в парламент, чтобы его уничтожить, чтобы его, как принято говорить, «подорвать изнутри», или следует вести борьбу против этого учреждения, нападая снаружи? Они отправились внутрь и проиграли. (48)*

Единственный положительный момент во введении всеобщего избирательного права Гитлера видел в том, что оно привело к краху государства Габсбургов: *Чем больше языковой хаос разъедал и разрушал парламент, тем ближе был час распада этой вавилонской империи и тем ближе, таким образом, час свободы моего народа — австрийских немцев. Лишь благодаря этому свершится однажды присоединение к родине-матери. (49)* Все эти фразы, вплоть до последнего слова, можно было бы переписать из газеты «Альдойчес Тагблатт».

Пример: цыгане

Влияние пангерманцев на позднейшую политику рейхсканцлера Гитлера, можно продемонстрировать — приводя цитаты со всей осторожностью и без

комментария — на следующем примере. Мы рассмотрим здесь тот особенный способ, при помощи которого шёнерианцы намеревались решить проблему «ненемецких» народов империи (в данном случае — цыган), и преподносили соответствующие идеи в парламенте. Учтем, что в парламенте они вели себя гораздо более сдержанно, чем на «народных собраниях» в пивных. Аргументация шёнерианцев была настолько груба (напомним, речь лишь об одном примере), что остальные парламентские партии сотрудничать с ними не желали.

В июне 1908 года тема «цыганской напасти» обсуждалась во всех пангерманских газетах Толчком послужил запрос депутата-пангерманца Иро от 5 июня 1908 года, за неделю до юбилейной процессии. Иро потребовал решительных действий по «устранению цыганской напасти». Тему подхватили, как обычно, пангерманские газеты. Это произошло в тот период, когда молодой Гитлер еще посещал заседания парламента и жил на Штумпергассе, неподалеку от редакции газеты «Альдойчес Тагблатт».

Иро назвал цыган «одной из самых страшных напастей для крестьянского населения». В Венгрии обвиняемые им «цыганки» открыто заявляли, «что живут исключительно воровством». «Их изощренность в этом деле» поражает. Кроме того, на счету цыган «много отвратительных убийств с целью грабежа».

В 1941 году Гитлер вспомнил о цыганах и назвал их *величайшей напастью для крестьянского населения. В цыганских поселениях в Венгрии и Румынии воровство буквально преподают в школах; в 1908 году, на 60-летний юбилей правления Франца Иосифа, тысячи таких карманников заполнили Вену, число только тех, кого удалось схватить полиции, составило*

три-четыре тысячи. (50) Молодой Гитлер интересовался этой темой уже в 1908 году.

Для борьбы с «этой напастью» Иро предложил Рейхсрату хитроумный план. Самое сложное, считал он, идентифицировать цыган как таковых. «Знание имени имеет необычайное значение для правосудия, ведь любой цыган, если его арестовали, утверждает, что такое случилось с них до сих пор лишь однажды. И ничего нельзя доказать, потому что его настоящее имя неизвестно». Любые способы исправить ситуацию оказались, согласно Иро, недостаточны.

Пангерманцы предлагали «каждого задержанного цыгана маркировать таким способом, чтобы опознать его в любой момент. Например, сделать ему на правом предплечье татуировку с номером, и указать этот номер рядом с именем, которое назовет цыган». «Каждому окружному суду можно выделить набор номеров, как окружным администрациям выделяются номера для автомобилей (Предписание министерства внутренних дел от 27 сентября 1905 года, Вестник имперских законов № 156, § 26 и 28), которые потом можно использовать для татуировки».

С «бродяжничеством цыган» можно справиться только путем «принудительных поселений»: «И, разумеется, первое время эти цыганские поселения должна сторожить охрана, а каждую ночь их должен контролировать полицейский патруль. Ведь в тюрьмах и исправительных учреждениях существует специальная служба охраны. Нечто подобное следует ввести и для принудительных поселений цыган».

С цыганами следует «обращаться как с лицами, находящимися под полицейским надзором». У тех, «кто не подчинится», можно, например, «забирать

детей в возрасте 5–6 лет и отдавать их в школы, воспитывать и обучать различным ремеслам и отпускать из школы лишь в статусе подмастерья. Это будут своего рода исправительные заведения. У всех цыган нужно отобрать лицензии и промысловые свидетельства, если промысел связан с необходимостью перемещения». И еще: «Молодых, сильных цыган-бродяг следует помещать, если их место жительства неизвестно, в исправительно-трудовые колонии».

Для покрытия потенциального ущерба со стороны цыган, а также для обеспечения довольствия для детей, следует конфисковать имущество цыган. Иро: «Это, конечно, драконовские меры, особенно с детьми», но «более мягкие меры представляются неэффективными».

Предложение трех пангерманцев поддержали еще 15 депутатов. В том числе несколько чехов, один русин и один поляк, которые в остальных случаях были непримиримыми врагами пангерманцев. Среди сторонников этого проекта оказался и член монашеского ордена д-р Исидор Захрадник, представитель чешских аграриев. Предложение пангерманцев отклонили, как обычно, большинство парламентариев.

Можно примерно подсчитать, на протяжении какого времени Гитлер посещал заседания парламента. Весь первый венский год — 1908-й — он совершенно точно ходил туда довольно часто, что подтверждает и Кубичек. Путь от его тогдашней квартиры на Штумпергассе до парламента можно преодолеть пешком за несколько минут. Гитлер все еще хорошо одет, он все еще часто ходит в оперу, и его, очевидно, без всяких проблем пускают на галерею для зрителей.

От следующей квартиры в 15-м районе Вены (улица Фельберштрассе расположена неподалеку от Штумпергассе) парламент тоже недалеко. Но осенью 1909 года Гитлер опускается до уровня бездомного и, скорее всего, уже не рискует ходить в туда в своей поношенной одежде. Нет никаких свидетельств, что Гитлер бывал в парламенте, когда проживал в мужском общежитии, да это и маловероятно.

Значит, он посещал Рейхсрат лишь с февраля 1908 года до лета 1909 года, что согласуется с его замечанием в «Моей борьбе»: *Одного года спокойных наблюдений оказалось достаточно, чтобы полностью изменить мое прежние мнение о сущности этого института... теперь я не признавал парламент как таковой.* Через несколько страниц упоминается *посещение парламента в течение двух лет и: Больше я туда не ходил.* (52) Но Гитлер, прилежно читая газеты, по-прежнему оставался в курсе парламентских баталий.

Его мнение о парламентаризме не изменится до конца жизни. В «Моей борьбе» он пишет, что парламентскую теорию, *которая на первый взгляд многих увлекает, следует, тем не менее, причислить к проявлениям упадка человечества.* (53) *Не существует ни одного другого принципа с объективной точки зрения столь ложного, как парламентский.* (54) *Осуществляя волю большинства, правительство становится просителем, зависимым от этого большинства.* (55) Талант государственного мужа в условиях современной демократии сводится к искусству *разъяснять стаду баранов гениальность своих проектов, чтобы вымолить у них милостивое одобрение.* (56)

Он называет депутатов *толпой духовно зависимых нулей и дилетантами, столь же ограниченными, сколь*

и высокомерными и самодовольными, это духовный полусвет самого низкого пошиба.... Они принимают наиважнейшие решения о будущем целого государства, целой нации, как будто играют в дурака или в тарок и уверены в своей победе. (57)

НСДАП пришла к власти через парламент, однако это не означает, что ее лидер поменял свое мнение об этом институте, даже наоборот. В 1928 году Гитлер сказал, что он *отправил туда двенадцать депутатов не для того, чтобы там работать, а чтобы ускорить гибель парламентаризма.* (58)

5. Социальный вопрос

Расставание с Кубичеком

В начале июня 1908 года, после окончания семестра, Август Кубичек уехал на летние каникулы в Линц. Друзья договорились, что и дальше будут жить у госпожи Закрейс, и Кубичек внес свою часть арендной платы. Гитлер остался в Вене и за два первых летних месяца написал другу два довольно длинных письма и три открытки. Он с юмором описывает свою жизнь в Вене у госпожи Закрейс, погоду, клопов, передает приветы родителям Кубичека и наказывает привезти путеводитель по Линцу авторства Краковицера. (1) Гитлер сообщает: *Теперь много пишу, обычно во второй половине дня и по вечерам* и возмущается тем, что в Линце все-таки решили не строить новый театр, над проектом которого он так давно работает. (2) В открытке от 19 августа (по почтовому штемпелю) пишет: *Сегодня иду на «Лоэнгрин»*. (3) Никаких признаков того, что друзья в ссоре, нет.

Гитлер сообщает Кубичеку о предстоящей поездке в Вальдфиртель и упоминает о разногласиях со сводной сестрой Анжелой Раубаль: *Не хочу, чтобы сестра приезжала*. (4) Брат с сестрой не ладят из-за сиротской пенсии. Ангела требовала, чтобы 19-летний брат наконец нашел работу и отказался от своей доли пенсии в пользу 12-летней сестры Паулы.

Если заглянуть в книгу записей домашних расходов семьи Гитлер, то беспокойство сестры становится понятным. Записи в книге начинаются с февраля 1908

года: тогда, после смерти матери и отъезда Адольфа, домохозяйство состоит из двух человек — 12-летней Паулы и Иоганны Пёльцль, «тетушки Хани». Им требовалось, помимо 50 крон на арендную плату, еще около 60 крон в месяц на расходы. Покупали муку, сахар, яйца, молоко (это позволяет предположить, что часто готовились мучные блюда) и дешевое мясо про запас. (5)

19-летнему Гитлеру тоже приходится думать о деньгах. Он как мог экономил на еде, но частые походы в оперу, наверное, сократили или даже полностью исчерпали его капитал. Поездку в Вальдфиртель он предпринимает, видимо, в поисках денег, которые можно добыть у «тетушки Хани». Та как обычно проводила лето у своей сестры Терезии Шмидт, в больнице под Вайтрой. Доказательством, что поездка состоялась, является поздравительная открытка к именинам Кубичека (28 августа) с видом на замок Вайтра, резиденцию графов Фюрстенбергов. (6)

«Тетушка Хани» в помощи не отказала. В линцской книге записей домашних расходов за 1908 год есть запись рукой Иоганны, не очень любившей писать, и – увы! не датированная. Та дважды отмечает выдачу денег: «Адольфу Гитлеру 924 кроны одолжила Иоганна Пёльцль» и «Адольфу 924 кроны». (7) Скорее всего, Гитлер получил эти деньги в августе 1908 года в Вальдфиртеле, но только не в подарок.

Обеспечив себя деньгами, Гитлер в сентябре 1908 года во второй раз пытается сдать экзамены в Академию. Однако на этот раз его не допускают даже к экзамену по рисунку. Среди его работ, несомненно, много зарисовок зданий, ведь в тот год, как пишет Кубичек, Гитлер занимался прежде всего

архитектурой. Во всяком случае, ректор Академии (видимо, Зигмунд Л'Аллеман) будто бы спросил, *в какой архитектурной школе я учился?.. У вас явные способности к архитектуре!* Однако в такую школу без аттестата зрелости не принимали. В результате разочарованный Гитлер *твердо решил продолжать обучение самостоятельно.* (8)

18 ноября 1908 года Гитлер съезжает от госпожи Закрейс, не сообщив об этом Кубичеку и не оставив своего нового адреса. Почему он сменил место жительства, остается загадкой. Однако Гитлер не затерялся в большом городе, в тот же день он зарегистрировался в полиции по адресу Фельберштрассе, 22, квартира 16, у квартирной хозяйки Хелены Ридль, на этот раз как «студент». По этому адресу он проживает до 20 августа 1909 года, хотя госпожа Ридль, согласно данным отдела регистрации, умерла еще 3 марта 1909 года в возрасте шестидесяти лет. Неизвестно, снимал Гитлер комнату или только койку.

Вернувшись, как и планировалось, в ноябре 1908 году в Вену и не найдя друга у Закрейс, Кубичек не знает что и думать, пытается что-то разузнать в Линце у Ангелы Раубаль. Однако там его ждет холодный прием и упреки: его «творческие устремления якобы виной тому, что у Адольфа в двадцать лет нет ни профессии, ни заработка». (9) Напряженная обстановка в семье, видимо, объяснялась все еще нерешенным вопросом о сиротской пенсии. Вероятно, здесь и причина того, что Гитлер скрывался от Кубичека: тот был единственным связующим звеном между ним и линцской родней. А так сестра не могла узнать о провале на экзаменах и потребовать возврата пенсии. Так или иначе, Ангела не знает, где он. Ведь он ей не пишет.

Кубичек сообщает: «Все родственники считали его бездельником, который и не собирается искать нормальную работу». (10)

Рост цен

Не сохранилось никаких документов или свидетельств о жизни Гитлера в 1909 году. Точно известно лишь одно: 4 марта он выходит из Линцкого музейного общества, где состоял всего год, экономя таким образом 8,40 крон на ежегодных членских взносах (11). Почему исчезли все данные? Неизвестно. То ли их систематически уничтожали в 1933–1945 годы, то ему и раньше было что скрывать. Но тот период точно был для молодого Гитлера непростым. Скорее всего, именно тогда закончились одолженные у тетки деньги, и он терпит нужду, которую с таким удовольствием расписывает впоследствии. Подчеркивая, однако, что благодарен тому времени, когда *маменькин сынок вынужден был покинуть свою мягкую постельку, и его новой матерью стала госпожа нужда, и как бы он ни сопротивлялся, он оказался в мире нищеты и нужды и познакомился с теми, за кого он потом будет бороться.* (12) В конечном счете, его венские страдания *оказались величайшим благословением для немецкой нации,* — заявлял Гитлер в 1941 году. (13)

Бедственное его положение пришлось как раз на период роста цен и безработицы. Денег тетушки при всей экономии могло хватить месяцев на девять. Правда, и государственная студенческая стипендия составляла всего 800 крон в год (14), без дополнительного заработка, каких-нибудь частных уроков, на жизнь и этого бы не хватило. Прожиточный минимум, не облагаемый налогом, составлял 1200 крон в год.

Государственные служащие получали, согласно официальным данным, такое жалование: последний, одиннадцатый класс (канцелярист, районный ветеринар, строитель мостов) — 1600–2200 крон (с 1600 крон — налог 13,60 крон); десятый класс (районный врач, учитель-репетитор) — 2200–2800 крон (с 2800 крон — налог 36 крон); девятый класс (архивариус, профессор художественного училища, налоговый инспектор) — 2800–3600 крон. Больше всех зарабатывал премьер-министр — 24 000 крон, с которых удерживали 790 крон налогов (15).

Подходный налог был крайне низким, государство собирало деньги в первую очередь за счет косвенных налогов. Затрагивая большую часть населения, они в тот период неуклонно поднимались в связи с активным наращиванием вооружений и вызывали резкий рост цен. Парламентский комитет по инфляции заседал без особого успеха. Была учреждена «комиссия по экономии», вводились все новые налоги: на спички, минеральную воду, игристое вино. Обсуждали даже введение специального налога на холостяков. Не только рабочие, но и мелкие чиновники, которым до той поры удавалось держаться на плаву, теперь голодали или оказывались на улице, особенно если в семье было много детей. Инфляцию усугубляла бездарная таможенная политика, так как Венгрия в интересах своих крестьян удерживала высокие пошлины на ввоз продуктов питания и диктовала цены на мясо, сахар, кожу и жир.

Социал-демократы выступали с гневными речами в газетах, в парламенте, в ландтаге Нижней Австрии, в венском городском совете, протестуя против «политики принуждения к голоду». Но в Вене они не обладали достаточной политической силой, чтобы провести

свои требования в жизнь. В столице все еще действовало куриальное избирательное право, и социал-демократы не получили достаточного количества мест в городском совете. Они безуспешно боролись с тем, что социальные выплаты от щедрот любимого венцами бургомистра Люэгера распространялись не на всех жителей столицы, а лишь на сторонников Христианско-социальной партии, прежде всего, на мелкую буржуазию и ремесленников.

По одному только подозрению в симпатии к социал-демократам, этим ненавистным противникам бургомистра, в помощи могли отказать. В ноябре 1909 года в городской совет подали петицию: «Дорожные рабочие просят принять меры, чтобы на улицах их не принимали за бродяг. На 2,5 кроны в день жить невозможно. Дворники хотят есть мясо, пусть даже раз в неделю, как это положено заключенным». Они требовали 3,5 крон в день, один выходной в неделю и отмену предписания, по которому начальник бригады обязан полностью оплачивать стоимость поврежденного оборудования. Один дорожный рабочий обратился с «криком о помощи» в газету «Кроненцайтунг», возмущаясь ночными сменами по десять часов, а в плохую погоду и того дольше. (16). Подмастерья, жаловались рабочие, не имеют даже медицинской страховки. (17)

Бургомистр Люэгер усматривал в этих и аналогичных требованиях подстрекательство социал-демократов. Он быстро разделался с петицией в городском совете, заявив, «что не позволит на себя давить, что будет безжалостно разгонять демонстрации, что дворники и так не отработывают того, что им платят». (18).

Гитлер и Кубичек в самом начале жизни в Вене стали свидетелями демонстрации безработных, Кубичек

подробно описал ее в воспоминаниях (19). Речь, видимо, идет, о «стихийной» демонстрации 26 февраля 1908 года (без участия социал-демократов). Безработные собрались перед зданием парламента, требуя принять необходимые социальные законы, повысить минимальную оплату труда и вести таможенную политику, направленную на снижение инфляции. Сначала они под надзором полиции «прогуливались» по Рингштрассе перед парламентом, потому что останавливаться запрещалось. Так они вызвали внимание и неожиданную поддержку сочувствующих. Около полудня раздались первые громкие выкрики. Какой-то мужчина с криком «Голодающие!» улегся на трамвайных путях перед парламентом, где его и схватила полиция. Газета «Нойес Винер Абендблатт» писала: «Многочисленная публика наблюдала за происходящим с большим волнением». (20)

В воспоминаниях Кубичека это событие занимает заметное место: «Картина стремительно менялась. Дорогие магазины закрылись. Трамвайное движение остановилось. Полицейские, пешие и конные, спешили навстречу демонстрантам. Мы оказались зажаты среди зевак недалеко от здания парламента и все отлично видели... Несколько человек шли впереди толпы и несли огромный, во всю ширину улицы, транспарант с единственным словом: “Голод!”»

О реакции Гитлера Кубичек пишет следующее: «Он следил за происходящим спокойно, пристально и деловито, словно (как в парламенте), изучал организацию, так сказать, техническую сторону демонстрации. Ощущая солидарность с этими “маленькими людьми”, он и не подумал присоединиться к ним».

Кубичек продолжает: «Народ все прибывал. Казалось, вся Рингштрассе заполнена взволнован-

ными людьми... Появились красные флаги. Но о серьезности ситуации красноречивей всех флагов и лозунгов говорил изнуренный вид этих бедно одетых людей, измученных голодом и нищетой. Ожесточенные выкрики становились все громче, гневно вздымались сжатые кулаки. Первые ряды демонстрантов уже подошли к парламенту и пошли на штурм. И тут вдруг конные полицейские, сопровождавшие колонну, выхватили сабли и начали рубить тех, кто с ними рядом. В ответ полетели камни. Ситуация балансировала на лезвии ножа. Но прибывшему подкреплению удалось разогнать демонстрантов, колонна рассыпалась». (21)

Только вечером 19-летний Гитлер заговорил с Кубичеком о случившемся. Демонстрантам он симпатизировал, но был «категорически» против тех, «кто устраивает такие демонстрации», против социал-демократов: *«Кто руководит этими несчастными? Все не те, кто сам испытал беды маленького человека, а честолюбивые, рвущиеся к власти, далекие от народа политики, которые обогащаются за счет несчастий масс. «Гневная инвектива моего друга завершилась вспышкой ярости, адресованной политическим стервятникам».* (22)

Эта аргументация созвучна не только выпадам Гитлера против социал-демократов в «Моей борьбе» (возможно, ориентир для мемуаров Кубичек), но и публикациям в христианско-социальной и пангерманской прессе. Особенно в газете «Дер Хаммер», издававшейся лидером пангерманского рабочего движения Францем Штайном и вступившей в бой с социал-демократией. Эта газета постоянно называла демонстрации голодающих инструментом политического террора со стороны социал-демократов. В связи

с демонстрациями против повышения цен на мясо газета «Альдойчес Тагблатт» призывала «рабочие слои» все-таки переключиться на мучное и бобовые, ведь мясо вредно для здоровья. (23) Христианские социалисты, чей министр торговли и был главным виновником неэффективной таможенной политики, не предпринимали ничего для удовлетворения требований социал-демократов.

Из лучших побуждений к хору успокаивающих голосов присоединились и известные медики, рекомендуя венцам сократить потребление мяса и изменить свои привычки. В публикации под названием «Гигиена и повышение цен на мясо» профессор медицины д-р Вильгельм Штекель разъяснял, что излишнее потребление жира вредит здоровью, и ратовал за разнообразный рацион как «лучший способ сохранить здоровье». (24) Следовало не забывать о вегетарианских днях и время от времени заменять мясо рыбой.

Эти советы годились для обеспеченных кругов, а не для социально незащищенных. Рыба стоила еще дороже мяса, кроме того, была небезопасна, учитывая плохие санитарные условия. Рассуждения о пользе здоровью никак не помогали беднякам, чьи дети чахли, не получая жиров ни в каком виде. Столь же циничными и бесконечно далекими от жизни представлялись строителям и прачкам модные рассуждения о физической подготовке, занятиях спортом и езде на велосипеде. Наглядная демонстрация пропасти между разными социальными слоями!

Сатирический журнал «Кикерики» писал о бедняках: «Столовым они теперь предпочитают общественные парки. В обеденное время там на скамейках можно увидеть сотни людей, подставляющих солнцу

животы. Солнечный свет, видимо, вскоре превратится в излюбленное блюдо австрийского народа». (25)

Протесты против повышения цен не прекращались вплоть до начала войны, а в 1911 году даже случились массовые беспорядки, жестоко подавленные войсками.

Жилищная проблема

Спекуляции с земельными участками и строительство добавили к дороговизне продуктов питания еще и рост арендной платы, и ухудшение ситуации на рынке жилья. Старые доходные дома шли на слом, уступая место дорогостоящим новостройкам. Цены на землю стремительно росли, особенно в пригородах. На Штефансплатц, самой дорогой площади Вены, цена за квадратный метр выросла с 1000 до 2200 крон, а в пригородах, по подсчетам газеты «Арбайтерцайтунг», цены поднялись на 2650%. (26) Спрос на участки под застройку в этих районах объяснялся тем, что здесь на минимальном пространстве и из самых дешевых материалов возводили многоэтажные доходные дома с крохотными квартирками, приносявшие огромную прибыль. Только за три года, с 1910 по 1913, индекс арендных ставок в Вене возрос с 87,5 до 101,8 пунктов. (27)

Капиталист-домовладелец превратился для бедняков во врага номер один. Законов, защищавших права арендаторов, не существовало. Владелец дома мог в любой момент без всякой причины приказать жильцу съехать с квартиры в двухнедельный срок. Случались и скандалы, их широко освещали газеты. Бывало, жильцов выселяли насильно, и они со всеми своими пожитками, с детьми и больными оказывались на улице, не зная, куда идти. Кубичек возмущенно пишет, что «домовладельцы... наживаются на массах,

Trost im Unglück.

«Утешение в несчастье». Подпись: «Венцы между жадными домовладельцами и сборщиками налогов: «Как все-таки радостно осознавать, что у нас есть сильная армия!» (кариатура в сатирическом журнале «Кикерики», 19 февраля 1911 года)

нуждающихся в жилье! Бедные жильцы с хозяевами обычно и вовсе не знакомы, те живут не в этих съемных коробках, упаси боже, а где-нибудь в предместье, в Хитцинге или Гринцинге, поближе к вину, в роскошных виллах. И у них вдоволь всего, в чем отказывают остальным». (28)

Жильцы не имели возможности бороться с домовладельцами. Собственники недвижимости, поддержав Люэгера в начале его карьеры, обладали теперь большим политическим влиянием и пользовались особым покровительством бургомистра. Венская куриальная избирательная система давала богатым преимущества перед «пролетариями», они-то и обеспечивали ему голоса на выборах. Венский домовладелец обладал почти абсолютной властью. Город предоставлял жилье исключительно членам христианско-социальной партии и тем, кто ее поддерживал. Социальное жилье для семей рабочих не строили, зато возводили дорогостоящие образцовые приюты (как «Веркштеттенхоф» в районе Мариахильф), где ремесленникам предоставляли

оборудованные по последнему слову техники мастерские и квартиры.

На первом году пребывания в Вене Гитлер мог изучать проблему бездомных как сторонний наблюдатель и обдумывать «решение жилищного вопроса» в Вене как начинающий архитектор. Однажды он повел Кубичека в рабочий район Майдлинг, чтобы «собственными глазами» увидеть, «в каких условиях живут семьи рабочих». Как пишет Кубичек, Гитлера не интересовали «судьбы конкретных людей», он «стремился получить общее представление». (29)

По ночам, «вышагивая по комнате от двери к роялю и обратно», Гитлер произносил длинные монологи «против земельных спекуляций и грабительского режима домовладельцев» (30) и показывал на карте города, как должна выглядеть Вена будущего: «На плане, набросанном 19-летним юношей, жившим в мрачном заднем флигеле в районе Мариахильф, старая имперская столица превращалась в широко раскинувшийся, продуваемый ветрами, полный жизни город, застроенный домами на четыре, восемь и шестнадцать семей». (31)

Нехватка жилья и рост арендной платы усиливались с каждым годом из-за непрекращающегося притока приезжих, что ощутили в итоге и люди с более высоким уровнем доходов — например, государственные служащие, чьи оклады перестали повышать. Многодетные семьи даже в однокомнатных квартирах часто сдавали угол, чтобы собрать деньги на арендную плату. В рабочем районе Фаворитен в одной квартире из кухни и комнаты, без водопровода, проживали до десяти человек. Почти все подвалы использовались как жилые помещения. Пустующие днем кровати

тоже сдавались. Человек, снявший в аренду кровать, имел право спать на ней восемь часов в оговоренное время дня или ночи, но сверх этого времени оставаться в квартире не мог. В 1910 году в Вене снимали койко-место более 80 000 человек, среди них — в четыре раза больше чехов, чем немцев. (32)

Десятки тысяч людей имели право оставаться в переполненных квартирах только на ночь и искали прибежище на остальные часы, особенно холодными венскими зимами. Кто мог, шел в трактир или в кино (кинотеатры работали с десяти утра до восьми вечера, и билеты стоили очень дешево).

Политические партии пытались привлечь на свою сторону заинтересованных молодых мужчин. Они предоставляли отапливаемые комнаты отдыха, открывали читальни (газеты, книги), устраивали по вечерам дискуссии и доклады, предлагали разные курсы. Цель — завербовать в партию новых членов и продолжать воспитывать старых, будь то в национальном, католическом или социал-демократическом духе. Активисты предлагали правовую и практическую помощь, пытались улучшить качество жизни отдельных людей, вели просветительскую работу, боролись с алкоголизмом, обучали истории, географии, музыке и искусству. Здесь каждый имел возможность наверстать упущенное в школе и получить политическое образование.

Члены разнообразных союзов и обществ встречались преимущественно в задних комнатах дешевых трактиров, где из мебели были только несколько столов и скамеек. «Народные учителя», энтузиасты из студентов или преподавателей, стремились в первую очередь приучить людей к чтению, рекомендовали

книги, раздавали брошюры. Социал-демократ Юлиус Дойч, на пять лет старше Гитлера, описывает в мемуарах, как он, разнорабочий, благодаря такому кружку получил в итоге настоящее образование. Там стремились не «набить голову знаниями, а сформировать картину мира». «Учащиеся начинали с элементарных брошюр, которые глотали дюжинами», и постепенно переходили «к серьезным книгам». Рабочее движение «ставило целью изменить общество целиком и для начала переделывало отдельных людей. Сообщество социалистов было самодостаточным, напоминая религиозную секту». (33)

Другие партии формировали ячейки по сходному принципу: организационная форма та же, различаются только плакаты и надписи в помещениях. У социал-демократов — лозунг «Образование делает свободным!», у шёнерианцев — «Через чистоту к единству!», а христианские социалисты, которые меньше занимались образованием, вывесили обращение Папы Римского. В Вене молодой Гитлер вполне мог бывать в таких партийных ячейках, но ни в какую организацию не вступил.

Важную общественную функцию выполняли и венские кофейни. Взяв чашку кофе, маленькую — с капелькой молока, или большую — разбавленную молоком наполовину (в обычной кофейне всего за шесть геллеров), а к ним сколько угодно стаканов воды бесплатно, в кафе сидели часами, встречаясь с друзьями, играя в шахматы и читая газеты. В Вене были кофейни на любой вкус. Одни делали ставку на деловых людей, другие — на студенческие корпорации, женские кружки, шахматистов или бильярдистов. Аристократы встречались в отелях «Империал» и «Захер». Литераторы венского модерна — в кафе «Централь».

Каждая кофейня предлагала свой набор газет в зависимости от политических и национальных пристрастий постоянных посетителей. Существовали кофейни для немецких националистов, для социал-демократов, чешские, итальянские, польские, кофейни с зарубежной прессой, кофейни для студентов-искусствоведов, где им предлагали дорогие художественные журналы, и так далее.

Молодой Гитлер ни к одному из этих общественных кругов не принадлежал. Он, видимо, посещал дешевые кофейни в районе Мариахильф, где собирались продавщицы, а позже кафе в районе Леопольдштадт: *По-моему, в 1909–1910 годы в Вены все девушки обедали в кофейнях, обед их состоял из чашечки кофе и пары булочек! Кофе в обычных маленьких кафе был ничуть не хуже, чем в знаменитых!* (34)

Рейхсканцлер Гитлер любил вспоминать о венских кофейнях, расхваливал эти *источники покоя, уюта и знаний*. (35) Герман Геринг, уже после смерти Гитлера, презрительно назвал его бродягой из венской кофейни. (36)

Легенда о работе на стройке

В конце лета 1909 года финансовое положение 20-летнего Гитлера, судя по всему, стало безнадежным. 22 августа он поселился, зарегистрировавшись как «писатель», в отдаленном 15-м районе, по адресу: Зексхаузерштрассе, 58, второй этаж, квартира 21, у хозяйки Антонии Оберлехнер, но уже через три недели съехал. (37) Свидетельство о снятии с регистрации, датированное 16 сентября 1909 года, с пометкой «неизвестно» в графе о следующей квартире заполнено чужой рукой. Весьма правдоподобно предположение,

что молодой человек задолжал за квартиру и сбежал. О трех следующих месяцах нет никакой информации. Вероятнее всего, Гитлер крова не нашел.

Странно и любопытно, что после 1938 года в венских газетах неоднократно писали о квартире, где Гитлер якобы жил в 1909 году: в доме 11 по Симон-Денк-гассе; это 9-й, достаточно благополучный район. Входную дверь дома украсили портретом Гитлера,

Гитлер никогда не проживал в единственной квартире, которую официально признали квартирой фюрера в Вене

подростки из «Гитлерюгенда» несли у входа почетный караул. Фотография попала на первые страницы иллюстрированных изданий. (38) В официальном фотоальбоме «Освобождение Восточной марки» (1940) имеется даже фото интерьера: «Бедная квартира фюрера в Вене». (39) Создавалось впечатление, что Гитлер проживал в Вене только по этому адресу. Другие квартиры не упоминались.

Но как раз эта квартира расположена довольно далеко от всех реальных мест жительства Гитлера, и проживание там не подтверждается никакими документами. (40) В 1938 году партийный архив НСДАП изъясил оригиналы венских свидетельств Гитлера о регистрации. Это наводит на мысль, что изучение данного периода его жизни сознательно старались затруднить. Для историков тут беды нет, оригиналы сохранились в партийном архиве, а в Венской службе регистрации по месту жительства можно легко получить копии. Однако адрес Симон-Денк-гассе 11 не зафиксирован нигде.

Не позднее осени 1909 года 20-летний Гитлер вынужден заняться поисками работы, чтобы обеспечить себе пропитание. *Я искал работу, только чтобы не умереть с голоду, чтобы сохранить возможность заниматься, пусть и медленно, своим образованием.* (41) Вряд ли эти поиски увенчались успехом. *Я вскоре понял, что какая-никакая работа найдется всегда, но я также понял, что и потерять ее легче легкого. Довольно быстро ненадежность ежедневного заработка стала казаться мне одной из самых темных сторон этой новой жизни.* (42)

В «Моей борьбе» нет никаких подробностей, говорится лишь, что Гитлер, *еще не достигнув 18 лет*

(что неправда, ему было уже 20), *работал подсобным рабочим на стройке и за два года испытал на себе все тяготы труда обычного поденщика.* (43) Хождения по мукам в качестве строительного рабочего Гитлер позже упоминал во многих политических речах. В речи 10 мая 1933 года в Берлине на конгрессе Немецкого рабочего фронта он заявил, что *благодаря уникальности своего жизненного пути он, возможно, лучше других способен понять все слои населения, потому что по капризу судьбы или, скорее, по ее предвидящей воле оказался брошен в гуцу широких масс и разделил их долю. Ведь он в течение многих лет трудился на стройке, зарабатывая себе на хлеб.* (44) Поверить этому невозможно.

На стройке требуется незаурядная физическая сила. Макс Винтер, автор социальных репортажей в газете «Арбайтерцайтунг», рассчитал, какую нагрузку приходится выдерживать, например, подавая камни. За день рабочий поднимал и переносил три-четыре тысячи мостовых камней — в зависимости от их типа это 60–100 тысяч килограммов. Рабочий день длился с шести утра до шести вечера с тремя часовыми перерывами. За день рабочий получал шесть крон. За выполнение более простых подсобных работ на стройке платили по четыре кроны в день. (45)

Зачем бригадиру на стройке выбирать из толпы желающих именно Гитлера? Тот никогда не занимался физическим трудом, просиживал целыми днями над книгами и рисунками. Слабый, неумелый, без практических навыков, ремесленной или технической сноровки. Домосед, спортом не увлекается, да еще с трудом идет на контакт. По воспоминаниям родственников из Вальдфиртеля, в юности Гитлер, приезжая на

лето, никогда не работал с ними в поле, только гулял по лесу, да и то недолго. (46) Сам он явно не обладал теми качествами, которыми позже так восхищался в молодых людях: *Быстрый, как борзая, выносливый, как кожа, и твердый, как сталь.* (47)

Если бы Гитлер действительно работал на стройке, сколько он рассказал бы о своих страданиях! Но в «Моей борьбе» нет особых подробностей, сказано лишь: *Я съел свой обед — бутылку молока и кусок хлеба — отойдя в сторонку, осторожно изучал новое окружение или размышлял о своей жалкой судьбе.* Отказавшись вступить в профсоюз, он рассердил рабочих из социал-демократического лагеря: *Представители другой стороны заявили, что я либо ухожу со стройки, либо полечу с лесов.* (48)

Мнимая ссора становится для Гитлера поводом для нападок на ненавистные профсоюзы и социал-демократов: *И тогда я спросил себя: достойны ли эти люди принадлежать к великому народу?* (49)

Ни один работодатель не потерпел бы, чтобы вновь нанятый человек вместо работы произносил политические речи и рассуждал о величии немецкого народа. Бросается в глаза и другая деталь: утверждение, будто на стройках оказывают давление на рабочих, не входящих в профсоюзы, тогда широко использовалось ради того, чтобы внушить страх перед «социал-демократическим террором».

Христианско-социальная газета «Бригиттенауер Бециркс-Нахрихтен» писала: «Рабочие, сбросьте с себя ярмо социал-демократов!» По утверждению газеты, «красные вожди» стремятся «выжить с рабочих мест и обречь на нищету и голод всех рабочих, входящих

в национальные или христианские организации или не входящих ни в какие. При этом у них хватает наглости утверждать, будто они борются за интересы всего рабочего класса!» (50) И еще: социал-демократы «готовы обречь на голод и нищету рабочих, которые не позволяют красным организациям себя запугать, и даже угрожают им расправой». (51)

А еще рассказ Гитлера подозрительно напоминает историю Пауля Куншака, застрелившего в 1913 году социал-демократа Франца Шумайера. Инцидент привлек всеобщее внимание, потому что убийца, безработный токарь по металлу, был братом Леопольда Куншака, христианско-социального лидера рабочих. На процессе в мае 1913 года Пауль Куншак заявил, что застрелил лидера социал-демократов ради наказания. Несколько лет назад его якобы принуждали вступить в профсоюз, а за отказ уволили. «С тех пор он немало пострадал от социал-демократов». Но убил рабочего, а не профсоюзного лидера потому, что именно рабочие вожди «преследуют трудящихся». (52)

Сходство с рассказом Гитлера про его работу на стройке доказывает в очередной раз, что «Моя борьба» — вовсе не автобиография, а пропагандистский текст. Гитлер и тут пишет не о собственной жизни, а повторяет политические рассказы, на которые была щедра венская пропаганда.

Ни один свидетель не подтвердил, что Гитлер работал в Вене на стройке. Не объявился и ни один товарищ по работе, даже тогда, когда люди прилагали все усилия, чтобы их признали знакомыми Гитлера.

Гитлер рассказывал о себе еще одну историю. В 1938 году, осматривая античную коллекцию Музея истории искусств, рейхсканцлер поразил

сопровождавшего его сотрудника вопросом о судьбе геммы Аспазии. Эта гемма находилась в коллекции музея, когда Гитлер жил в Вене, но в 1921 году ее вывезли в Италию как часть репараций. Откуда ему вообще известно об этой гемме? На удивленный вопрос сотрудника музея Гитлер ответил, что обратил на нее внимание, когда в молодости помогал при реставрационных работах в этом зале. (53) В 1940 году эта история попала в газеты; правда, тут же говорилось, что в 1906–1907 годах, в период реставрационных работ, Гитлеру было всего шестнадцать лет. (54) Куда более вероятно, что Гитлер заметил эту гемму просто при осмотре музея, а в 1938 году в который раз использовал свою выдающуюся память, чтобы поразить специалистов и заодно подкрепить легенду о подсобном рабочем.

Попечительство о бедных в Вене

20-летний юноша не мог заработать даже малую сумму, необходимую для выживания. Теперь за стоячее место в опере ему пришлось бы выложить столько же, сколько платили за семь часов тяжелого физического труда. В преддверии зимы, с 17 сентября 1909 года Гитлер становится не только безработным, но и бездомным. Теперь ему приходится на собственной шкуре испытывать те лишения, которые он раньше наблюдал со стороны. Он вливается в толпу бедняков, вынужденных обращаться за помощью к благотворительным организациям.

В 1914 году Гитлер многословно плакался австрийским властям на свое бедственное положение зимой 1909-го: *Это было бесконечно ужасное время. Я был молодым, неопытным человеком, безо всякого*

вспомоществования, кроме того, слишком гордым, чтобы его принять, не говоря уж о том, чтобы его выпрашивать. Предоставленный самому себе, безо всякой поддержки, я едва наскребал несколько крон или даже геллеров на ночлег. Он, конечно, преувеличивает, утверждая, что два года у него не было иных подруг, кроме нужды и заботы, и иного спутника, кроме вечного неутолимого голода. Даже пять лет спустя, то есть, в 1914 году, у него якобы остались на память о той зиме обмороженные места на ладонях и ступнях. (55)

В Вене беднякам помогали исключительно частные лица. Собирали пожертвования, регулярно проводили лотереи в пользу бедных, процент с наследства отчисляли нуждающимся. Как в Средние века, голодающие каждый день осаждали церкви и монастыри в надежде получить тарелку супа. Богатые дома держали собственных «домашних бедняков», которым помогали регулярно. Трактиры и больницы отдавали нуждающимся остатки еды. Когда пекари раздавали голодным хлеб, случались драки.

Необозримое множество частных благотворительных организаций, оказывали помощь рабочим, слепым, госслужащим, вдовам, инвалидам войн, студентам, калекам и другим группам населения. Деньги целенаправленно собирали молодоженам на обустройство хозяйства, на дневные группы для школьников, на питание студентов, на места в больнице и так далее. Массовая газета «Иллюстрирте Кроненцайтунг» регулярно отдавала целую колонку под объявления благотворительных организаций, а также выпускала специальное тематическое приложение с адресами фондов (горячий интерес обусловил его высокую цену — 25 геллеров). (56)

Подача милостыни

По традиции самые щедрые фонды создавались по инициативе филантропов-евреев, например, барона Ротшильда, барона Кёнигсвартера, барона Эпштейна. Знаменитый адвокат д-р Мориц Зингер возглавлял Венское чайное и суповое общество, где в начале века, как писали в газетах, «беднейшая часть населения получает неизвестный ей доселе напиток — какао с молоком» и овощи по себестоимости. Венские евреи финансировали детские и сиротские приюты, тысячи стипендий и обедов для студентов. Но это не спасало их от антисемитских нападков. По мнению христианско-социальной газеты, еврейская благотворительность — это просто способ обделывать дела: «Примечательный факт: те же благотворители, что устраивают приюты для рабочих, еще и владельцы пивоварен, так что благодетельствованные ими товарищи из благодарности

за подаренные или одолженные деньги на десятилетия попадают в алкогольную зависимость». (57)

Помощью благотворительных организаций, скорее всего, пользовался теперь и молодой Гитлер. Почти наверняка он приходил за бесплатным супом в Больницу милосердных сестер недалеко от первой венской квартиры на Штумпергассе. Родственница его бывшей квартирной хозяйки Марии Закрейс однажды видела, «как он... там стоял в очереди за монастырским супом; он очень пообносился, больно было на него смотреть, ведь раньше он так хорошо одевался» (58).

Еду раздавали и в так называемых «теплых комнатах». В одной из венских газет расписывались их достоинства: здесь нуждающиеся «независимо от возраста, пола, происхождения и без необходимости доказывать, что они нуждаются», находят «защиту от холода, получают каждый день бесплатно тарелку подкрепляющего супа и кусок питательного хлеба, здесь им дается прибежище, спасающее от ужасов зимней ночи». (59) «Подкрепляющим» называли здесь суп на воде.

«Теплые комнаты» открывались, как правило, в середине ноября и закрывались следующей весной. Сначала они работали лишь в дневное время; кроме бездомных там находили приют и те, кто снимал койку только на ночь, и не знал, куда деваться днем, или обитатели закрывавшихся на день приютов. В холода сюда являлись целые семьи, у которых было жилье, но не было денег на отопление. Канцелярия венского бургомистра выдавала в год всего 600 талонов на бесплатное получение дров. (60)

С 1909 года, когда жилищные проблемы обострились, «теплые комнаты» перестали закрывать на ночь. Венцы целыми семьями спасались здесь от холода,

сидя, тесно прижавшись друг к другу, на деревянных скамейках. Эмиль Клегер, автор социальных репортажей, писал о рабочем районе Бригиттенау: «Мы прошли в темноте через ворота и оказались в большом, слабо освещенном помещении, вдоль и поперек стояли скамьи, на них жались друг к другу люди. Мы ужаснулись. Представшая нам картина — люди, сидящие длинными рядами до того тесно, что едва могут пошевелиться, — вызывала прямо-таки физические мучения, и мы даже не заметили, как смотритель, работая локтями, освободил нам немного места, чтобы мы могли втиснуться в ряд скученных людей».

Клегер продолжает: «Часы шли за часами, а мы по-прежнему находились в этом ужасном положении... Царила мертвая тишина. Люди, словно под действием заклятия, неподвижно сидели на скамьях, напоминая мертвецов, в злую шутку усаженных рядами». (61)

На праздники, особенно на Рождество, «теплые комнаты» становились сценой, где выступали благодетели — например, дочь императора эрцгерцогиня Мария Валерия, покровительствовавшая Венскому союзу «теплых комнат». Звучали торжественные речи, раздавали хлеб, овощи, одежду. В праздники, кроме супа и хлеба, можно было рассчитывать на пиво с сосисками и «настоящий» обед. (62) Газеты получали материал для трогательных рождественских историй. С таким же удовольствием они описывали балы и ужины, которые аристократы устраивали у себя во дворцах в пользу бедных.

Такая помощь голодающим — под аплодисменты газет и с целью саморекламы — вызывала у деклассированных крайне негативную реакцию. С жадностью принимая подарки, они все равно чувствовали себя

униженными. Защищая интересы бедняков, Клегер писал, что «благотворительные организации нужны обществу для очистки совести, но цели своей они не достигают. Эти необозримые толпы кредиторов, стоящие снаружи, в холоде и мраке, перед освещенными воротами нашей сытой жизни, ослепленные ее внешним блеском, кажутся мне страшным сном. Их нужно увидеть, как видел их я – их алчущие жадные взгляды, их лица, пышущие злобой от бессильной ярости, — это же тысячи и тысячи врагов общества, вскормленные нашим милосердием». (63)

В «Моей борьбе» Гитлер также ругает *высокомерие, а порой и навязчивую бестактность, неприменное милостивое снисхождение этих „сочувствующих народу“ баб в юбках и брюках.* (64) И даже порой в унисон с социал-демократами: *Уже тогда, когда я в Вене боролся за существование, я понял, что работа на благо общества должна заключаться не в смешных и бессмысленных благотворительных акциях, а в устранении основополагающих пороков в организации нашей экономической и культурной жизни.* (65) Он подчеркивает, что, *работая на благо общества, ... не стоит ждать благодарности, ибо это не оказание милости, а установление справедливого мироустройства.* (66)

С другой стороны, акции частных лиц были крайне необходимы в Вене рубежа веков, потому что государственные и городские учреждения не справлялись с социальными проблемами ни на практическом, ни на законодательном уровне.

Подземная Вена

Ради тепла люди вынужденно прибегали к услугам нелегальных частных ночлежек в предместьях. Там

предприимчивые обладатели жилой площади сдавали практически каждый квадратный метр пола и неплохо на этом зарабатывали: ночевка на полу стоила 60 геллеров, в пересчете на месяц это куда больше, чем Гитлер платил госпоже Закрейс.

Одну из таких «пролетарских квартир» в Бригиттенау описал журналист Винтер: «Если вас интересует эта проблема, зайдите в любой из домов, особо не выбирая, и пройдитесь по квартирам, особенно в задних флигелях, картина везде будет ужасающей». Ночлежки «переполнены, везде полно детей, здесь совершенно чужие друг другу люди живут и спят вместе, часто и в одной постели». В единственном крохотном помещении нередко размещались по шесть-восемь человек — «готовили, стирали, жили, спали, учились и работали». «В одном сарае, негодном даже для скота, я обнаружил десять человек, в том числе троих детей, растущих безо всякого присмотра среди совершенно опустившихся люмпенов». (67)

Государственный санитарный контроль под охраной полиции периодически устраивал облавы, и хозяев арестовывали, а тот или иной нелегальный приют закрывали, но тем самым лишь увеличивали число бездомных.

Журналист Эмиль Клегер несколько раз ночевал в такой квартире, в районе Леопольдштадт. Только проведя три-четыре ночи без сна, люди достаточно уставали и могли заснуть, «не замечая невыносимо затхлого воздуха и укусов насекомых». В трех-четырёхкомнатных квартирах этих полуразрушенных домов собирались по восемьдесят и более человек — мужчины и женщины, больные и здоровые, алкоголики и проститутки, и тут же — куча детей: «Все

пространство вокруг меня забито людьми, тряпьем и мусором. Вся комната — один отвратительный комок грязи». Наутро, «выспавшись», все «поспешили покинуть эту ночлежку, как можно скорее выбраться на свежий воздух из этого кошмара». (68)

В таких условиях активно плодились крысы и насекомые, представлявшие серьезную угрозу в ту эпоху, когда из-за миграции и недоедания по всей Европе распозалась холера. К тому же распространялся и туберкулез, его еще называли «венской болезнью» или «болезнью пролетариев». И не только в битком набитых ночлежках, но и в маленьких мастерских, во влажных, темных подвалах, где ремесленники с подмастерьями и работали и спали. Детская смертность в рабочих районах в два-три раза превышала показатели в районах для «чистой публики». В ночлежках пыльным цветом цвели преступность, алкоголизм, проституция — и сифилис.

Кубичек пишет, что Гитлер, чьи детство и юность прошли в отмытом до блеска доме, страдал из-за грязи, царившей и в квартире на Штумпергассе у госпожи Закрейс: «Не столько голод, сколько окружающая его грязь, с которой вынужденным образом приходилось мириться, вызывали у него внутренний протест против таких плохих условий жизни». (69) Вот как описывает Кубичек дом госпожи Закрейс, в сравнении с ночлежками вполне безобидный: «В подъезде один-единственный водопроводный кран, из которого жители восьми квартир таскают воду бадьями и ведрами. Туалет — один на весь этаж, в крайней степени негигиеничный, чтобы воспользоваться им, нужно проявлять просто чудеса ловкости. И повсюду клопы!» (70). Каждую ночь Гитлер выходит «охотиться за клопами» и «по

утрам демонстрирует аккуратно наколотые на иголку экземпляры». (71)

Все источники, где описана сложившаяся в Вене ситуация, подчеркивают не только опасность для здоровья, но и моральный вред, наносимый детям. Некоторые преступники начинали свою карьеру еще в детстве. Попрошайничество приносило мало дохода, да к тому же преследовалось, так что единственным способом заработать оставалась детская проституция. В «Моей борьбе» Гитлер с явным отвращением пишет о таких детях и подростках: *Испорченный морально, истощенный физически, искусанный вшами, юный «гражданин» отправляется в начальную школу... И когда в четырнадцать лет он выходит оттуда, уже непонятно, что его отличает больше — невероятная тупость, когда речь идет о реальных знаниях и умениях, или ужасная наглость, да еще и вкупе с развращенностью, причем в таком юном возрасте, так что волосы встают дыбом.* (72)

Обычно проблему решали следующим образом: санитарная полиция при облавах забирала беспризорников и принудительно отправляла их в сиротские приюты. Однако и эти учреждения были и стары, и переполнены, ведь матери все чаще вынужденно отдавали детей под опеку государства. Социал-демократы не уставали указывать на то, что подобная ситуация — это бомба с часовым механизмом, и требовали столь остро необходимой реформы в области попечительства над бедными.

В январе 1908 года оппозиция в городском совете выступила с предложением построить отапливаемые бараки и открыть доступ под арки городской железной дороги, чтобы защитить от зимних холодов как можно больше народу. Но городские власти, оспаривая

очевидное, возразили: затраты на поддержку бедняков и так невысказанно высоки, а «в холодное время года у всех невинных людей в Вене есть крыша над головой». (73)

Итак, городские власти полагали, что «невинные» бездомными быть не могут и распорядились всех задержанных бродяг отправлять если не в тюрьму по какому-нибудь обвинению, то в городской работный дом. В ужасающих условиях, в тесноте, бездомные клеили пакеты и мешки, нарезали бумажные ленточки, пересчитывали и паковали шпильки, набивали мешки соломой, чинили обувь, стирали белье, мыли и ремонтировали сам приют. Перечисляемая сюда сумма на сутки увеличилась с 13 300 в 1905 году до 67 100 в 1908 году, а сумма, выделяемая на одного человека, сократилась, несмотря на инфляцию, с 59,92 до 43,10 геллеров. На питание из этих денег расходовалось всего 11 геллеров, их едва хватало на хлеб и пустой суп. (74)

На самой низкой ступени социальной лестницы находились бездомные, вынужденные вопреки запретам полиции ночевать под открытым небом, в фабричных цехах, в разветвленной системе канализации или в теплых навозных кучах садовых хозяйств. Полиция отправляла их в городской работный дом, в тюрьму или депортировала.

Гитлер пишет в «Моей борьбе»: *В начале XX века Вена превратилась в один из наиболее социально неблагополучных городов. Ослепительное богатство соседствовало с отвратительной нищетой... Перед дворцами на Рингштрассе слонялись тысячи безработных, а под этой via triumphalis* старой Австрии во мраке и грязи каналов ютились бездомные.* (75) А вот

* Триумфальная улица (лат.)

цитата из его монологов: *В Вене накануне мировой войны более восьми тысяч человек обитали в системе канализации. Это крысы, выходящие наружу при приближении катастрофы.* (76) Макс Винтер так описывал бездомных на кирпичном заводе: «В лохмотьях, босые или в изношенной обуви. Вместо подушки — два кирпича и шляпа, вместо матраса — кирпичная крошка и грязь, не укрыты ничем, в лучшем случае на плечи наброшен мокрый от дождя пиджак. Один, чтобы спастись от вшей, спит, раздевшись до пояса, другой пристроился на ночлег в тачку». (77)

Теплые места «местные» защищали от чужаков как свою собственность даже в системе в канализации. В «подземной Вене» — так назывался цикл репортажей Винтера — царил право сильного. Бездомным женщинам с детьми, старым, больным, робким здесь не пробиться.

Рост ксенофобии

Из-за жилищных проблем, инфляции и растущей безработицы в Вене все больше разгоралась ненависть к чужакам и обострялись национальные конфликты. Ведь поток приезжих не уменьшался, наоборот. А развитие транспорта, в первую очередь — железных дорог, тоже способствовало увеличению миграционных потоков. Быстрый рост промышленности привлекал все новую рабочую силу. Количество фабрик в пригородах Вены выросло с 1880 по 1910 год на 133% (78). Строительство жилья и социальных учреждений не поспевало за этими темпами. Больницы, воспитательные дома, школы, университеты были переполнены. Все громче звучали призывы в госпиталях и сиротских приютах отдавать предпочтение местным уроженцам, а определенным

группам населения (славянам, восточноевропейским евреям), не помогать вовсе.

Немецкие студенты Венского университета сцепились в студенческой столовой (и как раз в день юбилея правления императора, 2 декабря 1908 года) со своими «ненемецкими» однокашниками и вышвырнули их на улицу. Депутат от Немецкой радикальной партии Эдуард фон Штрански оправдывал их поведение перед парламентом, утверждая, что славяне и евреи якобы «готовили и проводили в этом содержащемся на общественных деньгах образовательном учреждении... демонстрации против немецкого характера нашей высшей школы». Студенты-немцы объясняли: «С нас довольно, мы не хотим находиться рядом с этими людьми, столовую нужно разделить, пусть евреи и прочие ненемецкие студенты откроют отдельную, немецкую столовую на собственные деньги. У немцев должна быть своя столовая». (79) Пока они не добились своего, студенческая столовая так и оставалась местом постоянных стычек. Вслед за столовой только для немцев появилась столовая только для евреев, затем — только для итальянцев и так далее.

Сомнительное достижение университета повторяли и другие социальные институты: так, академическое общество по уходу за больными студентами постановило взимать с иностранцев, евреев и чехов взносы в четверном размере. Сионистская «Нойе Националь-Цайтунг» комментировала, не скрывая раздражения: «Общество, имеющее целью социальную помощь, создается не для того, чтобы обслуживать националистические прихоти... и не для того, чтобы исключать из своих рядов бедных евреев, после того как у богатых евреев выпросили пожертвования!» (80)

Пангерманец Йорг Ланц фон Либенфельс опубликовал в 1907 году брошюру под названием «Раса и забота об общественном благе, призыв к борьбе против неразборчивой благотворительности». Он пытался доказать, «что по меньшей мере треть болезней возникает по расовым причинам или по вине самого больного». К таковым болезням он относит и туберкулез, которому «особенно... подвержены метисы, причем разнообразные половые излишества являются его главной причиной». «Все омерзительные кожные заболевания... — родом с Востока, появляются вследствие нечистоплотности и являются по сути расовыми болезнями. Люди высшей расы заражаются, потому что в современном мире, не знающем расовых разграничений, вынуждены общаться с представителями низшей расы».

По мнению Ланца, «дурная раса» ответственна, в частности, и за переполненные сумасшедшие дома: «Если бы государство проводило разумную расовую политику и аккуратным способом истребляло семьи с дурной наследственностью, экономия составила бы кругленькую сумму до девяти миллионов крон в год!» Далее рекомендовалось определять размер благотворительной помощи в зависимости от расовой принадлежности и «оказывать поддержку только людям с золотистыми волосами, голубыми (или серо-голубыми) глазами, розовым цветом лица, удлинненным черепом и удлинненным лицом, с прилегающими к голове удлинненными ушами, маленьким прямым носом, пропорциональным ртом, здоровыми белыми зубами, полным подбородком, высокого, пропорционального телосложения, с узкими ладонями и узкими ступнями». (81) И хотя ни один здравомыслящий человек в Вене

не воспринимал людей вроде Ланца всерьез, подобные измышления, пусть и в карикатурно-преувеличенной форме, демонстрируют дух эпохи.

Десятки тысяч безработных мигрантов жили нелегально, опасаясь высылки из города; эту судьбу разделяли все, кому не удалось устроиться в Вене. Имена тех, кому грозила высылка и кто уже получил первое предупреждение, включались в «кадастр бедняков», доступный во всех госучреждениях. В ежемесячнике «Блеттер фюр дас Арменвезен дер Штадт Вин» («Газета об общественном призрении Вены») существовала постоянная рубрика, где публиковали для включения в этот «кадастр» новые имена «с целью предотвращения ненадлежащего использования вспомоществования для бедных». Речь прежде всего шла о «лицах, которые приехали издалека искать в Вене счастья, не будучи способными пустить здесь корни». О «бродягах», то есть бездомных, по причине болезни или возраста не нашедших работу. И о мигрантах, «не способных, несмотря на постоянную поддержку, выжить в конкурентной борьбе мегаполиса и только увеличивающих количество и без того многочисленной местной бедноты». Значит, необходимо «гуманным способом возвращать этих находящихся под угрозой людей в их привычные условия». Вена не может «взвалить на свои плечи заботу о бедняках со всех концов империи». (82)

Гитлер в приюте для бездомных в Майдлинге

Подробности тех бесславных недель и месяцев Гитлер, обычно словоохотливый, не сообщает. Но есть официальное подтверждение, а именно — запись в полицейском протоколе от 1910 года (см. раздел «Ссора

Медицинское обследование в приюте для бездомных в Майдлинге

с Ханишем» в Главе 6 «В мужском общежитии»), что ему пришлось ночевать в приюте для бездомных в венском районе Майдлинг. Вот как трудно ему приходилось в 1909 году

Огромный приют, с учетом интересов добропорядочных граждан построенный на отшибе, позади Майдлингского кладбища, открыли в 1908 году. Здесь около тысячи человек ежедневно могли бесплатно получить питание, переночевать в отапливаемом помещении и помыться. В отличие от старой городской ночлежки и рабочего дома, пользующегося дурной славой, этот приют был желанным местом ночлега. Зимой бездомные каждый вечер сотнями выстраивались в очередь

у входа, но пускали не всех, потому что мест не хватало. Охрана была в любой момент готова пресечь беспорядки.

Многие голодные и замерзшие оставались ночевать на мостовой перед приютом, чтобы попасть внутрь хотя бы на следующую ночь. Газеты начинали писать об этом, только если перед дверями приюта насмерть замерзал или умирал с голоду очередной ребенок, если кто-нибудь от отчаяния кончал жизнь самоубийством или у входа умирал тяжелобольной, так и не получив медицинской помощи. Можно сказать, что юному Гитлеру повезло, ведь он сюда быстро попал.

Этот приют, как и другой подобный в 3-м районе Вены, находились в ведении частного и весьма

Мужская столовая в приюте для бездомных в Майдлинге

эффективного «Союза приютов для бездомных». Финансирование осуществлялось почти исключительно за счет личных пожертвований и членских взносов. Руководил союзом придворный книготорговец Кюнаст, поддержку оказывали известные люди — например, композитор и автор оперетт Карл Миллёкер. Союз распределял деньги и одежду, при поддержке социал-демократов оказывал помощь в поиске работы — наиболее успешно из всех подобных организаций.

На 1909 год город выделил союзу 30 000 крон вместо обещанных 50 000. Руководство, почти в отчаянии перед лицом крайней нужды, вербовало новых членов и искало пожертвования. (83) Газета «Арбайтерцайтунг» писала: «Месяц за месяцем бедняки просят милостыню, а городские власти, чей долг перед обществом — оказывать помощь, лишь наблюдают и бездействуют. Этим господ не интересуется, что за один только март в приюте нашли пристанище более 3 000 детей, то есть по 100 детей ежедневно. Это же не их дети, а остальные могут катиться к черту!» (84)

«Вена должна стыдиться, что здесь не находят денег для таких вещей. На... княжеские приемы и на охотничьи выставки деньги есть всегда, равно как и на банкеты и на попойки». На юбилейную процессию деньги тоже есть, «а на то, чтобы у каждого жителя этого города был ночлег, чтобы женщинам и детям нашлось место в приюте, — вот тут у Вены денег нет. Этому нужно положить конец». Требования срочно построить новый городской приют для бездомных ни к чему не привели. (85)

Положение осложняло еще и то, что мест в больницах тоже не хватало, больные искали прибежища в приютах. В специальной рубрике под названием

«Позор венских больниц» газета «Арбайтерцайтунг» регулярно с возмущением рассказывала о матерях с детьми в горячке, о пострадавших от несчастных случаев, которых гнали из одной больницы в другую и нигде не принимали.

В майдлингском приюте соблюдались порядок и строгие санитарные нормы. Размещали по строгому ритуалу: «хозяин дома» встречал гостя, пока еще анонимного, и выдавал пропуск в помещения для дезинфекции и мытья. Больным оказывали первую помощь. Пока новые обитатели ночлежки мылись, их одежду стирали и дезинфицировали. Потом бесплатно выдавали тарелку супа и хлеб. После удара колокола открывались двери в спальни, где тесными рядами стояли нары. Приют следовало покинуть на следующий день не позднее девяти часов утра.

Приют не просто обеспечивал людям крышу над головой и первую помощь, но еще и выполнял важную социальную функцию: его обитатели помогали друг другу. Более опытные за деньги или услуги давали новичкам жизненно важные советы: в какой приют или «теплую комнату» сходить, где найти работу, где имеет смысл попрошайничать, да с помощью каких ухищрений. Большие спальные залы каждый вечер превращались в подобие базаров. Портные и сапожники за небольшую плату или за сигарету чинили одежду и обувь. Процветала торговля табаком, водкой и другими вещами. А самым востребованным товаром был пропуск в ночлежку на следующие дни. Ведь бесплатно здесь разрешалось находиться не больше недели. Но у ловкачей были свои методы: они вставляли в очередь за пропусками, ночевали в другом месте, а пропуск перепродавали на черном рынке.

Так и молодому Гитлеру в приюте помогал более опытный товарищ по несчастью — его сосед по нарам Райнхольд Ханиш, сомнительная личность, бродяга под вымышленным именем Фриц Вальтер. Постоянно меняя место жительства, он сообщал о себе разные данные: год рождения — 1884, 1886, 1889 или 1893; место рождения — разные городки в Богемии, чаще всего Грюнвальд под Габленцем; профессия — то торговец, то рабочий сцены, то разнорабочий, то лакей или художник. (86) (О достоверности свидетельств Ханиша см. раздел «Экскурс: Источники о жизни Гитлера в мужском общежитии» в Главе 6 «В мужском общежитии»).

Ханиш вспоминал, каким он увидел 20-летнего Гитлера при первой встрече: «Ночлежка оказалась для него совершенно новым миром, где он не мог сориентироваться». Молодой человек производил грустное впечатление, выглядел смертельно усталым и голодным, ноги сбиты в кровь. Его костюм — синий, ткань с рисунком — из-за дождя и дезинфекции превратился в лиловый. Все привезенные из Линца вещи Гитлер, должно быть, давно продал. В приюте у него уже ничего нет, кроме надетой на нем изношенной одежды.

По утверждению Ханиша, Гитлер рассказал, что последняя квартирная хозяйка его выгнала. Он провел несколько вечеров в дешевой кофейне в 7-м районе на Кайзерштрассе, а потом деньги закончились. Пришлось ночевать на скамейках в парке, но там его будили и прогоняли полицейские. Как-то ночью он дошел до того, что попросил денег у какого-то подвыпившего господина. А тот обругал его и погрозил тростью. Уже несколько дней он ничего не ел.

Гитлера угостили хлебом. Старый нищий поделился сведениями, где можно бесплатно получить

суп и неотложную медицинскую помощь. Ханиш располагал к себе людей, рассказывая всякие истории: «Я тогда говорил на берлинском диалекте, и все принимали меня за пруссака». Но в Берлине он провел в заключении лишь три месяца в 1907 году за кражу и шесть месяцев в 1908-м за подделку документов. (87) Гитлер, по словам Ханиша, постоянно требовал рассказать ему о Германии, «потому что бредил Германией». (88)

В майдлингском приюте они долго оставаться не могли и отправились вместе по другим ночлежкам. Сперва в Эрдберг, в частную «теплую комнату» еврейского барона Кёнигсвартера, она оставалась открытой и на ночь, затем — в район Фаворитен, потом снова в Майдлинг и так далее.

Днем искали работу. Ханиш, став свидетелем неоднократных и неудачных попыток Гитлера найти работу, пришел к выводу, что тот просто беспомощен, да и неспособен к тяжелому физическому труду. Однажды потребовались люди для рытья траншей. Ханиш посоветовал Гитлеру не браться: «Знал, что он продержится на такой работе не дольше часа». Ханиш: «Я ни разу не видел, чтобы он выполнял какую-либо тяжелую работу, и никогда не слышал, чтобы он работал на стройке. Строительные фирмы нанимают только сильных и крепких людей».

Ханиш вспоминает, что Гитлер время от времени устраивался носильщиком на Западный вокзал. С началом зимы безработные нанимались убирать снег, но у Гитлера не было зимнего пальто, он ужасно мерз и кашлял, так что и снег убирал лишь несколько раз. Короче говоря, этот неприспособленный к жизни и физически слабый молодой человек ничего не мог

заработать, вот почему и был так беден — даже по меркам бездомных. Как-то Ханиш спросил, чего он ждет от будущего, а тот якобы ответил: «Я сам не знаю». Ханиш: «Я никогда еще не видел такого беспомощного смирения перед лицом бедствий».

Ханиш подробно расспрашивал младшего товарища о его жизни. Гитлер сказал, что учился в Академии изобразительных искусств. Ханиш, в постоянных поисках источника дохода, предлагает Гитлеру: раз уж он художник, пусть рисует открытки с видами, их можно продавать в гостиницах. Но Гитлер не решился отправиться туда торговцем: он плохо одет и боится полиции, у него нет официального разрешения на такую деятельность. Тогда Ханиш предлагает себя в качестве продавца. Заработок планируется делить пополам.

Но Гитлеру не на что купить бумагу и краски. Неужели у него нет родственников, у которых можно попросить денег? После долгих колебаний молодой человек решил написать письмо, но у него нет почтовой бумаги. В конце концов Ханишу вместе с еще одним товарищем по ночлежке удалось заставить молодого человека пойти в кофейню Артхабера напротив Южного вокзала и написать письмо «его сестре». Речь здесь не может идти ни об Ангеле Раубаль, сводной сестре Гитлера, ни о 13-летней Пауле. Адресатом могла быть только «тетушка Хани», которая тогда «служила» в доме своей сестры Терезии Шмидт в Вальдфиртеле. Она помогла и на этот раз.

Незадолго до Рождества 1909 года, стоя в очереди перед майдлингским приютом, Гитлер достал из кармана купюру в 50 крон. Ханиш вспоминает: «Я сказал ему, что не нужно показывать деньги, а то их украдут

или возьмут займы». И так, куплены материалы для рисования и зимнее пальто. Как рассказывает Ханиш, Гитлер боялся, что старьевщики в еврейском квартале его обманут, и купил пальто за 12 крон в государственном ломбарде «Доротеум».

Гитлер принялся рисовать открытки. В «теплых комнатах» полно народу, и он работает в дешевых кофейнях. Ханишу хочется поскорее разжиться деньгами, он подгоняет Гитлера. Ханиш показал себя хорошим продавцом, предприятие оказалось успешным. Теперь у обоих достаточно денег, им не нужно проводить время в бесконечных унижительных поисках случайного заработка и в многочасовых очередях под дверь очередной грязной ночлежки.

Так закончился для Гитлера самый тяжелый период жизни в Вене. Согласно полицейскому свидетельству регистрации по месту жительства, 9 февраля 1910 года он поселился в мужском общежитии в рабочем районе Бригиттенау, где оставался до отъезда в Мюнхен в мае 1913 года.

Наслаждаясь спокойствием и теплом в мужском общежитии, он, вероятно, знал о мрачном происшествии в майдлингском приюте. 3 апреля 1910 года там начались беспорядки: около двух сотен не попавших внутрь бездомных решили взять переполненный приют штурмом, но полиция силой подавила бунт. «Арбайтерцайтунг» писала с гневом и возмущением: «Вена опозорилась на века, опозорилась богатая Вена, где ночь за ночью сотни людей ютятся в жалких норах, потому что вместо приюта им уготованы сабли полицейских». (89)

Осенью 1910 года состоялась небольшая демонстрация: 46 семьям по истечении недельного срока

отказали в дальнейшем пребывании в приюте. Не зная, куда податься, эти 108 человек, отправились через весь город к ратуше за помощью. Но протесты не принесли им никакой пользы. Городские власти поступили как обычно: бездомных родом из Вены отправили в рабочий дом, приезжих — выслали. (90)

Если бы полиция поймала Гитлера, когда он был бездомным и безработным, его бы тоже принудительно отправили в родной Линц к сестрам и опекуну. Он не имел свидетельства уроженца Вены и по закону не мог рассчитывать на помощь от города.

6. В мужском общежитии

Образцовое заведение

Шестиэтажное мужское общежитие по адресу: Мельдеманштрассе 27 в Бригиттенау, 20-м районе Вены, открытое в 1905 году, было одним из самых современных в Европе. Его финансировал частный «Фонд имени юбилея императора Франца Иосифа I для поддержки народного жилья и благотворительных учреждений», существовавший за счет пожертвований и принимавший крупные взносы от еврейских семейств, прежде всего, от барона Натаниэля Ротшильда и семьи Гутманов. Управление общежитием осуществляли городские власти.

Изумление вызвали уже первые чертежи проекта, представленные на выставке в «Кюнстлерхаус» — Венском доме художника. В этом общежитии не планировались общие спальни, для каждого из 544 потенциальных жильцов предусматривалась отдельная комнатка. Предполагалось создать идеальные санитарные условия и обеспечить постояльцам различные помещения общего пользования «для просвещения и досуга».

В районе Бригиттенау на самой окраине города открывались новые промышленные предприятия, рабочая сила пользовалась большим спросом, а прирост населения был самым высоким в Вене. С 1890 по 1910 год число жителей увеличилось с 37 000 до 101 000 человек. (1) Прирост обеспечивали в основном молодые холостые мужчины, они приезжали работать

на новых фабриках и за отсутствием дешевого жилья снимали койку в какой-нибудь забитой до отказа рабочей квартире.

Считалось, что после постройки нового общежития число таких жильцов сократится, а семьи, нравственности которых угрожало проживание холостого постояльца, окажутся в безопасности. Это подчеркнул и князь Карл Ауэрсперг, главный попечитель фонда, во время визита императора Франца Иосифа в 1905 году: «Это мужское общежитие призвано на практике продемонстрировать, что можно успешно противостоять пагубной субаренде, а взамен душных и переполненных квартир предоставить холостым рабочим дом, который станет для них не просто недорогим пристанищем, но и местом, где они обретут возможность заботиться как о теле, так и о духе». (2)

Плата за одно спальное место примерно соответствовала стоимости аренды одной койки и составляла всего 2,5 кроны в неделю. Проживание здесь могли себе позволить даже холостые подсобные рабочие или подмастерья с доходом в 1000 крон в год.

Венцы превозносили общежитие как «воплощение мечты о райском месте на земле» и «чудо красоты и дешевизны». Упомянутый выше журналист Эмиль Клегер решил это проверить, прикинулся бездомным, провел в общежитии ночь и написал репортаж.

Дорога из центра города в Бригиттенау, на другую сторону Дунайского канала, особой радости ему не доставила. Клегер направился по Валленштайнштрассе. «Было около шести часов вечера, когда главная улица бедняцкого Бригиттенау становится для его обитателей чем-то вроде корсо. Вернувшись с работы, рабочие прогуливаются здесь со всеми чадами и домочадцами

мимо слабо освещенных витрин, где зазывно выставлен всякий дешевый хлам, снабженный ценниками. На оживленных перекрестках, прислонившись к стенам домов, стоят подозрительные молодчики. И не одни, а с девицами...» Далее пришлось идти переулками в «жуткой темноте, мостовая здесь в ужасающем состоянии, и фонарей так мало, что тебя не покидает ощущение опасности».

Электрификация района Бригиттенау в ту пору только-только началась. В 1-м (центральном) районе горели 321 396 электрических лампы, в 6-м, где вначале проживал Гитлер, — 77 076, а в Бригиттенау их было всего лишь 7 523. Еще более показательна разница в количестве ламп в ресторанах и кафе: в 1-м районе — 11 015, в 6-м районе — 3 291, а в огромном 20-м (население более 100 000) во всех ресторанах и кафе зажигались всего 17 электрических ламп. С одной стороны, это указывает на весьма незначительное число подобных заведений в Бригиттенау, с другой стороны — на допотопную систему освещения: здесь еще использовали керосин. (3)

Наконец, Клегер отыскал новое общежитие: «Большая электрическая дуговая лампа над воротами — как путеводная звезда для спотыкающихся о кочки на распаханной земле людей. Общежитие производит величественное впечатление, если сравнить его с соседними домишками и голыми фабричными зданиями на заднем плане. Открываю ворота и, к моему удивлению, попадаю в вестибюль, который сделал бы честь приличному отелю. Меня окутывает приятное тепло». Общежитие располагало электрическим и газовым освещением, а вдобавок — ультрасовременным центральным паровым отоплением.

Журналист без каких-либо затруднений купил в кассе за 30 крейцеров (60 геллеров) талон на одну ночь. Далее Клегер описывает столовую на первом этаже: «И снова я приятно удивлен красотой помещения, освещенного двумя дуговыми лампами, стены здесь до середины облицованы бледно-зеленым кафелем».

Затем он отправился ужинать. «Я увидел, как принесли приличный кусок свиного жаркого с гарниром, который в меню стоил 19 крейцеров. Комплексный обед можно заказать за 23 крейцера, суп — за 4 крейцера». (1 крейцер старого австрийского гульдена соответствовал 2 геллерам новой австро-венгерской кроны). Блюда, которые попробовал Клегер, «все без исключения очень хороши». В среднем жильцы трапезничали на питание в общежитии (завтрак, ужин и легкие закуски в течение дня) всего полкроны в день, то есть 15 крон в месяц, — самая низкая в то время цена за стандартный пансион.

Клегер описывает постояльцев общежития: «Ежеминутно открывается дверь, и входят плохо одетые люди, чаще всего с сумкой под мышкой. Видно, что большинство из них несказанно устали». Днем большая часть жильцов на работе, в обеденное время здесь тихо. А вечером, «обычно до половины одиннадцатого», царит «веселая, оживленная, но ничуть не шумная суэта». (4)

Для желающих предусмотрены кухонные ниши с газовой плитой и посудой. Создавались «кухонные союзы»: безработный жилец оставался в общежитии, делал покупки и готовил для нескольких рабочих, за что получал еду бесплатно. Гитлер сначала тоже попытался готовить, но без особого успеха: молочный суп по верхнеавстрийскому рецепту, который он с гордостью

поставил на стол, свернулся и скорее походил на сыр, как вспоминает Райнхольд Ханиш.

Обойдя все общежитие, Клегер докладывал: «Тут же, рядом со столовой находится просторная и очень мило обставленная читальня с двумя залами, для курящих и для некурящих. К услугам жильцов — ежедневные газеты, а также библиотека, в основном беллетристика и научно-популярная литература. (5) Есть и письменные столы, где лежат все необходимые принадлежности для писем». Воскресенья, вторая половина дня, посвящаются развлечениям и образованию, здесь проводятся концерты и чтения. В подвальном этаже расположены помещения для чистки одежды и обуви, камеры хранения, стойки для велосипедов, сапожная и портняжная мастерские. (6)

Санитарные условия образцовы. Врач-терапевт бесплатно ведет прием и лечит легких больных в местном «лазарете». Как и во всех остальных общежитиях, здесь имеются дезинфекционные камеры для выведения вшей у новоприбывших. Рядом с умывальными обустроена комната для бритья и ванная комната с 16 душами, 4 ваннами и 25 ножными ваннами. Ванна стоит 25 геллеров, примерно в три раза дешевле, чем в общественной бане. В 1910 году, во время эпидемии холеры, это оказало обитателям огромную услугу: страшная болезнь пощадила мужское общежитие, заселенное до отказа.

В спальное отделение, занимавшее четыре верхних этажа, пускали с 8 часов вечера, покинуть его следовало до 9 часов утра. Этажи состояли из длинного ряда крошечных спаленок площадью 1,40 на 2,17 метра. В каждой умещались кровать, столик, вешалка и зеркало. У постоянно проживающих жильцов постельное белье меняли каждую неделю, у постояльцев на одну

ночь — ежедневно, как в гостинице. Особая роскошь — дверной замок и электрическая лампочка в каждой комнате. Скорее всего, Гитлер впервые в жизни поселился в комнате с электрическим освещением.

Жильцы в общежитии сменялись постоянно, но они все были примерно одного возраста и социального происхождения: около 70% — мужчины до 35 лет (самым молодым — 14 лет). Наиболее многочисленную профессиональную группу (70%) составляли рабочие и подсобные рабочие, занятые преимущественно в металлургической отрасли, — слесари, кузнецы, токари по металлу, литейщики. (7) Встречались и другие профессии и категории граждан: возницы, прислуга в магазине, официанты, подмастерья, садовники, много поденщиков и безработных, а еще — разорившиеся дворяне, невостребованные артисты, разведенные и банкроты. 80% жильцов имели годовой доход менее 1200 крон и, соответственно, не платили подоходный налог.

Общежитие представляло собой многонациональное государство в миниатюре: 43,5% постояльцев — выходцы из Нижней Австрии и Вены, 23% — из Богемии и Моравии, 11,6% — из Венгрии, по 2–3% — из Штирии, Верхней Австрии (в том числе и Гитлер), Галиции и Силезии, еще меньший процент — из Хорватии и Славонии, Тироля, Буковины, Австрийского Приморья, Зальцбурга, Далмации и Боснии. Иностранцы граждане: 4,5% из Германской Империи, 1,3% — из Италии и 0,9% — из России. (8)

Здесь, как и во всей двуединой монархии, разделение по национальному и политическому признакам оказывалось делом сложным и неоднозначным. Вот случайно обнаруженный пример. В августе 1909 года,

во время беспорядков, устроенных немецкими националистами, которые выступали против проживавших в Вене чехов, арестовали постояльца мужского общежития: он швырнул камень в караульное помещение. (9) В архиве Венского отдела регистрации по месту жительства сохранилась информация об этом человеке по имени Вильгельм Мандль. Иудей из Венгрии, фотограф, ранее судимый, на три года старше Гитлера, десятилетиями обитал то в мужских общежитиях, то в ночлежках. Иудей Мандль (10) попал в газеты как агрессивный немецкий националист — это дает нам представление о многосложности императорской и королевской монархии, «Вавилона народов». Надо полагать, столь же беспокойной была и жизнь в многонациональном мужском сообществе.

Реклама мужского общежития

Управляющие мужским общежитием (сначала Иоганн Канья, с июля 1910 года — Роберт Шаффер) внушали страх и почтение. Управляющий жил здесь же, в общежитии, и следил за соблюдением дисциплины, чистоты и спокойствия. Появление женщин даже в общих комнатах строжайшим образом запрещалось. Нарушение правил каралось выселением.

Летом 1910 года в рабочем районе Хернальс (Вурлитцергассе 89) открылось второе подобное

общежитие (где Гитлер никогда не жил, вопреки некоторым утверждениям). Однако эти приюты, предлагавшие в общей сложности 1 434 спальных мест, даже отчасти не покрывали существующую потребность в жилье. Более 80 000 человек снимали койку (11), а еще больше — находились в поисках жилья. В 1911 году почти все жильцы общежития на Мельдеманштрассе (514 из тогдашних 560) проживали здесь непрерывно уже более года (12), так что для новых постояльцев места не было. От такого жилья никто без особых причин не отказывался.

Производство картин

Гитлер, которому теперь почти 21 год, сидит в тихой и безупречно чистой читальне мужского общежития, в зале для некурящих, и рисует. Рядом с ним трудятся и другие надомные работники: переписчики нот, рисовальщики адресных указателей и прейскурантов. Кто-то вырезает из картона открытки и украшает их гербами и монограммами, кто-то выписывает из газет имена и адреса тех, у кого недавно состоялась помолвка, чтобы продать сведения мебельным фирмам. Другие погружены в чтение газет и книг. Остальные играют в шахматы или домино, разговаривают, спорят, наблюдают за работой соседей. Кто-то приходит, кто-то уходит.

Производство и продажа картин идут хорошо. Впервые в жизни Гитлер способен прокормить себя сам. Тщеславия художника у него как будто и не наблюдается. Искусство ради заработка (так скажет он позже — правда, не о собственном творчестве) — *это наемный труд по заказу потребителя, то же самое, что искусно сделанный кондитером торт или булочка, которую пекарь присылает к утреннему кофе.* (13)

*Вид на площадь
Михаэлерплатц
в XVIII веке,
копия «А. Гитлера».
Слева во времена
Гитлера уже стоял
дом Лооса*

Ханиш (14) сбывает акварели уже не только гостиницам, но и ремесленникам — например, багетчикам, которым нужны картины, чтобы выставить рамы в витринах в более выгодном свете. В апреле 1910 года обойщик Карл Пихлер из рабочего района Хернальс (Хернальсер Хауптштрассе 30) заказывает копии двух картин, изображающих весенний и осенний пейзажи, точно установленных размеров. (15) Картины предназначались для спинки старинного дивана по обе

стороны от расположенного посередине зеркала. Позже Гитлер получает заказы еще и от стекольщика Самуила Моргенштерна.

Гитлер изображает то, что нравится туристам, прежде всего, виды Вены: собор Святого Стефана, церкви Миноритскирхе, Шоттенкирхе и Карлскирхе, ратушу и парламент. Социальную нотку добавляет «Ратценштадль» («Крысиный город»), обедневший квартал в 6-м районе. Все картины — копии чужих работ, чаще всего, эстампов Шютца XVIII века. «С натуры», по словам Ханиша, Гитлер рисовать не умеет. Однажды они получили заказ: изображение Гумпендорфской церкви. Но похожих картин не нашлось, и рано утром они вдвоем отправились делать наброски. У Гитлера нашлись отговорки: мол, слишком холодно, пальцы окоченели. Картина так и не состоялась.

Дочь багетчика Якоба Альтенберга жаловалась на низкий художественный уровень работ Гитлера: «Самые дешевые из всех наших товаров, ими интересовались только туристы, высматривавшие грошовые венские сувениры». (16)

С 1933 по 1945 годы картины Гитлера, разумеется, считали великими шедеврами. Культ художнического прошлого фюрера и взлет цен на его картины достигли таких масштабов, что он сам вынужден был вмешаться, не желая позориться перед специалистами. В 1944 году, когда цена за «настоящего Гитлера» достигла 10 000 марок, он сказал фотографу Генриху Гофману, своему близкому знакомому: *Больше, чем 150–200 рейхсмарок эти вещи не стоят, даже сегодня. Платить больше — это безумие. Я ведь не собираюсь становиться художником, я рисовал эти картины, только чтобы заработать на жизнь и иметь*

возможность учиться. По-настоящему ценил он лишь свои старые архитектурные наброски, но большинство из них были утрачены. (17) 28 марта 1938 года он полностью запретил публикацию своих работ. (18)

В венский период жизни Гитлера за картину дают лишь 3–5 крон, то есть — по 2–3 кроны на каждого. Часть выручки Гитлер тратит на краски и прочие материалы. Чтобы обеспечить жизнь себе и Ханишу, ему надо рисовать хотя бы по одной картине в день, но он этого не делает. Теперь друзья могут позволить себе жить в общежитии, на еду тоже хватает, но денег на одежду и обувь не остается. Ханиш настаивает: нерасторопный Гитлер должен работать быстрее. Настаивает с такой силой, что дружба идет на убыль. Ханиш с возмущением наблюдает, как Гитлер все больше сближается с другим обитателем общежития — Йозефом Нойманом. По данным Венского отдела регистрации, Нойман родился в 1878 г. в Феслау, Нижняя Австрия. Он на одиннадцать лет старше Гитлера, холост, иудей, по профессии чистильщик меди. С 29 января по 12 июля 1910 года зарегистрирован в мужском общежитии на Мельдемманштрассе. (19) Нойман, по словам Ханиша, торгует самыми разными товарами, вместе с евреем-старьевщиком, уличным торговцем. Ханиша особенно раздражает, что они теперь тоже продают картины Гитлера, лишая его самого источника дохода.

Дискуссии в читальне

Позже Ханиш не скупится на критику, утверждая, что Гитлер был слишком «ленив» и не собирался работать с утра до вечера. У него находились более важные занятия: «По утрам, прежде чем начать работу, он обязательно читал все новые газеты. А если вдруг

кто-то принесет еще одну, так он непременно и ее прочитает». В читальне общежития предлагали целый ряд газет, в основном, не имеющих отношения к политике: «Иллюстрирте Кронен-Цайтунг», «Фремденблатт», официальную «Винер Цайтунг». А поскольку общежитие находилось под контролем городских властей, также и христианско-социальные, и католические: «Ди Райхспост», «Дойчес Фольксблатт», «Остеррайхишер Фольксфройнд», «Бригиттенауер Бециркс-Нахрихтен».

По воспоминаниям Ханиша, Гитлер проводил большую часть рабочего времени, выступая с речами и участвуя в политических дискуссиях: «Гитлера невозможно было заставить работать. Я с самого утра бегал по рамочникам и обойщикам, а он оставался в общежитии, чтобы рисовать. Но тут же начинались разговоры про политику, и ораторствовал обычно он. Когда я вечером приходил домой, мне не раз приходилось отбирать у него зажимную раму, которой он размахивал над головой, выступая с какой-нибудь речью».

В общежитии Гитлер высказывается на те же темы, что и в 1908 году перед Августом Кубичеком. По воспоминаниям Ханиша, он с большим уважением говорит о Готфриде Земпере и Карле Мае, нападает на католическую церковь и иезуитов, рассуждает о революции «1848 года и охотно рассуждает об Артуре Шопенгауэре, любимом философе немецких националистов. Однажды пожилой сосед, по прозвищу «Профессор», спросил, читал ли тот Шопенгауэра. «Гитлер покраснел как рак и сообщил, что немного читал. Старик на это заметил, что следует рассуждать только о тех вещах, в которых разбираешься». После этого Гитлер стал осторожнее.

В общежитии Гитлер открыто говорит о том, каких политиков ценит. Ханиш сообщает: «Он был большим поклонником Шёнерера. Еще ему был близок Карл Герман Вольф». Шёнерер, лидер пангерманцев, и Вольф, лидер немецких радикалов, представляли в Габсбургской монархии экстремистские немецкие националистические партии.

Гитлер явно восхищается самым популярным политиком Вены — это д-р Карл Люэгер, бургомистр и христианский социалист. По словам Ханиша, в день смерти Люэгера (на Пасху 1910 года) Гитлер «как пьяный» воодушевленно пересказывал ему фильм про народного трибуна, который красноречием увлек за собой массы. «Гитлер заявлял: вот так можно создать новую партию! Я не принял эти слова всерьез и посмеялся над ним... Сказал, что нет смысла увлекаться подобными идеями, ведь он несколько не похож на основателя политической партии, ему попросту надо заняться серьезным делом». Впрочем, фильм «Туннель», который, по утверждению Ханиша, послужил поводом для разговора, сняли позже — в 1915 году. (20)

В мужском общежитии, как и повсюду в двуединой монархии, обсуждались национальные проблемы. По словам Ханиша, Гитлер занимал по этому вопросу жесткую централистскую позицию, как и сторонники Шёнерера. Он поддерживал политику Берлина в отношении польского меньшинства Германской империи и будто бы даже одобрял насильственную денационализацию немецкого меньшинства в Венгрии. «Гитлер говорил, что это неизбежно. Государство в пределах своих границ должно стремиться к созданию общества, единого по национальности». Ханиш продолжает: «Меня раздражало, что Гитлер всегда становился на

сторону государства. Будь то дискуссия о безжалостной политике мадьяризации, будь то национальная политика в Познани или Верхней Силезии, — Гитлер всегда одобрял насильственные меры, провозглашая их необходимыми для благополучия государства». Сам Ханиш в таких дискуссиях всегда доказывал обратное, «но возражать было бесполезно: Гитлер очень громко кричал». Позже Гитлер-политик не уставал критиковать федералистский принцип Габсбургов в отношении коронных земель, весьма различных между собой. Так, выступая в Мюнхене в 1923 году, он говорил: *Австрии не хватает духа, необходимого для сохранения государства... Почему Австрия не германизировала Триест? Здесь нужен железный кулак, железная воля, а их не было. Почему? Потому что пресса проповедовала гуманность и демократию. Но с помощью гуманности и демократии еще не колонизовали ни одну страну.* (21)

По словам Ханиша, в 1910 году велись споры об императрице Елизавете, которая установила памятник Генриху Гейне на острове Корфу. Это сообщение поначалу сбивает с толку, ведь Елизавета, супруга императора Франца Иосифа, была убита еще в 1898 году. И все же Ханиш говорит правду. В 1910 году жаркие споры о Елизавете действительно разгорелись с новой силой, потому что кайзер Вильгельм II купил ее дворец «Ахиллеон» на острове Корфу и, яро ненавидя Гейне, первым делом приказал убрать установленную по приказу Елизаветы статую. Австрийская императрица еще при жизни подвергалась жестоким нападкам из-за восторженной любви к Гейне, и ее тоже причисляли к «прислужникам евреев». (22) По антисемитской прессе и на этот раз прокатилась волна

публикаций, поносящих Гейне. Если верить Ханишу, молодой Гитлер встал на защиту поэта. Сожалел, что Германия не удостоила его памятника по заслугам. «С идеями Гейне он, правда, не согласен, но сочинения его заслуживают уважения», — будто бы заявил Гитлер.

На основании этого, как и других сходных высказываний молодого Гитлера, можно сделать вывод: его интересовала проблема антисемитизма; на него оказывали влияние товарищи по общежитию, евреи. По словам Ханиша, Гитлер цитировал притчу о трех перстнях из «Натана Мудрого» Лессинга. Он называл евреев первой цивилизованной нацией, поскольку они первыми отказались от политеизма в пользу единобожия. Он будто бы даже оспаривал, что капиталисты-евреи занимаются ростовщичеством, и подчеркивал, что большая часть капитала находится в руках христиан, а на ростовщичестве наживается дворянство, используя посредников-евреев. Гитлер даже восхищался благородством евреев и приводил великие примеры из прошлого: например, Йозеф Зонненфельс во времена императрицы Марии-Терезии отменил пытки. Если в ход шел традиционный аргумент, что евреи, мол, неспособны создавать произведения искусства, Гитлер возражал, вспоминая Феликса Мендельсона-Бартольди и Жака Оффенбаха.

Более всего Гитлер будто бы восхищался тем, что при всех гонениях евреи сумели выжить. Он превозносил Ротшильда, который отказался сменить вероисповедание ради приглашения ко двору. Ханиш вспоминает, как на вечерних прогулках они спорили о Моисее и о десяти заповедях; Гитлер восхищался ими как основой всей последующей цивилизации.

С Нойманом Гитлер по-дружески спорит о сионизме. Ханиш сообщает: «Нойман говорил: для страны будет большим несчастьем, если евреи покинут Австрию, они ведь заберут с собой весь австрийский капитал. Гитлер возражал: этого не произойдет, потому что деньги конфискуют, ведь они не еврейские, а австрийские. А Нойман, как всегда, пошутил: «И все-таки это несчастье для Австрии, ведь если евреи уедут за Красное море, то опустеют все кафе в Леопольдштадте»». В ту пору в обществе горячо обсуждался вопрос о том, что произойдет с имуществом евреев, если дойдет до их «исхода» из Европы в Палестину.

Согласно Ханишу, в общезитии бурно обсуждали и еще одну злободневную тему — обвинения в ритуальном убийстве. Очевидно, он имеет в виду акцию, инициированную либералами (в их числе Томашем Г. Масариком и пацифисткой Бертой фон Зутнер). Они выступали за пересмотр результатов судебного процесса 1899 года против Леопольда Хильзнера, подмастерья сапожника из Моравии — его обвиняли в ритуальном убийстве. Либералы хотели доказать его невиновность, а заодно и бессмысленность обвинений в ритуальных убийствах как таковых. Акцию поддерживали либеральные печатные издания, а также «Союз противодействия антисемитизму». Но антисемиты всех национальностей, от пангермцев до чешских национальных социалистов, настаивали на законности приговора. В этом споре молодой Гитлер, по утверждению Ханиша, также встает на сторону противников антисемитов, сомневается в справедливости приговора и полагает, что «это полный бред, необоснованная клевета».

Ханиш явно ревнует своего приятеля к другим знакомым и создает впечатление, что Гитлер в тот период полностью подпал под влияние еврея Ноймана. Однако однозначно утверждать, что Гитлер всегда выступал в поддержку евреев, нельзя. Как-то один баварец, бригадир строителей, недоуменно спросил, почему это евреи в любом народе всегда остаются чужими, а Гитлер якобы ответил: «Это потому, что они отдельная раса. Они даже пахнут по-особому». Гитлер якобы считал, что потомки евреев часто склонны к радикализму и терроризму. «А еще он говорил, что талмуд разрешает евреям обсчитывать всех, кто не еврей» — эти слова попадались практически во всех антисемитских газетах того времени. По утверждению Ханиша, Гитлер также любил повторять, что цель оправдывает средства, и широко использовал антисемитские идеи в своей «партийной программе», которую они, судя по всему, тогда много обсуждали.

Приведенные высказывания Гитлера настолько противоречивы, что о твердых убеждениях речь пока идти не может (возможно и потому, что пересказывающий их Ханиш мало интересовался политикой). Но ясно одно: Гитлер в возрасте 21 года, всерьез интересуясь и еврейским вопросом, и антисемитизмом, черпает свои знания не только из антисемитских источников.

В 1930-е годы Ханиш рассказывает (явно с антисемитским намеком и с целью скомпрометировать самого известного антисемита эпохи в глазах его приверженцев), что Гитлер носил тогда длинный пиджак, который Нойман не смог продать в еврейском квартале и подарил ему. Пиджак этот по описанию напоминал кафтан, хотя другие очевидцы описывают его как «старый парадный сюртук» или «черное платье

погорельца». Так или иначе, у пиджака были длинные фалды, и жильцы общежития подшучивали над необычной деталью одежды Гитлера, бодро рассуждающего о политике. Так, один сосед привязал длинные фалды к скамейке, пока другой спорил с Гитлером. «Все, как обычно, ему противоречили, а он такого терпеть не мог. И вот он вскакивает на ноги и с жутким грохотом тащит скамейку за собой... Приходя в возбуждение, Гитлер уже не контролировал себя. Он кричал и дико размахивал руками». Ханиш с насмешкой замечает, что разглагольствующий о политике Гитлер служил для жильцов общежития «своего рода развлечением. Споры велись постоянно. Зачастую общежитие выглядело так, словно там проходила предвыборная кампания». Однако в спокойном состоянии Гитлер, по словам Ханиша, совсем другой: полный самоконтроль, хорошие манеры и разговор скорее чопорный.

Ханиш идет еще дальше, утверждая, что Гитлер носил на затылке невероятно засаленную и негнущуюся шляпу. Волосы у него были длинные, спутанные, и он отпустил себе бородку — «такую редко носят христиане, но такую часто можно увидеть в Леопольдштадте или в еврейском гетто». В другом месте Ханиш, явно ориентируясь на антисемитскую риторику, пишет, что Гитлер в то время выглядел очень по-еврейски: «У него и стопы были широкие, как и должны быть у тех, кто ходил по пустыне».

По словам Ханиша, новые друзья Гитлера по мужскому общежитию были сплошь евреи. Ханиш называет их имена, достоверность этого высказывания легко проверить с помощью данных Венского отдела регистрации по месту жительства. Упомянутый Ханишем одноглазый слесарь «по имени Робинзон»

(он получал пенсию по инвалидности и часто выручал Гитлера) — это Симон Робинзон, родившийся в 1864 году в Леско, в Галиции, иудейского вероисповедания, помощник слесаря. В период с 19 января 1912 года по 27 ноября 1913 года он проживал (с перерывами) в мужском общежитии на Мельдеманштрассе.

В архиве Венского отдела регистрации сохранились и данные друга Ноймана, который помогал Гитлеру с продажей картин, как сообщает Ханиш. Это Зигфрид Лёффнер, родившийся в 1872 году в Йениклау (сегодня — Ветреный Еников) под Иглау в Моравии, иудей, торговый представитель. В богемском Теплице у него остались жена и двое детей, с 1914 года он считался разведенным. 30 сохранившихся свидетельств о регистрации за годы с 1914 по 1936 подтверждают его проживание в различных мужских общежитиях Вены. Сведения о периоде до 1914 года по неизвестным причинам отсутствуют.

Совместные развлечения

От разного рода увеселений Гитлер обычно держится в стороне. Он не принимает участия в популярных вечерних попойках; видимо, он уже в то время был противником алкоголя, что подтверждает и Кубичек. Тогда же из-за нехватки денег он бросает курить: *Я выбросил мои сигареты в Дунай и больше никогда к табаку не прикасался. В 1942 году в «Волчьем логове» он с гордостью заявляет: Я убежден — если бы я курил, я не вынес бы того груза забот, который столь долгое время лежит на моих плечах. Возможно, именно этому немецкий народ и обязан своим спасением!* (23)

Молодой человек не принимает участия в разговорах о женщинах, а потому слышит чудачком, который

к тому же жалко одет, но с удовольствием демонстрирует, что он «лучше» других. Вечером после восьми часов, когда открываются спальни, он уединяется в своей «роскошной» комнате с электрическим освещением, и начинается его вторая жизнь, о которой остальные даже не подозревают, — наступает время его ночных «штудий». Кстати, привычка работать по ночам сохранится у Гитлера на всю жизнь. (24) Наверное, придется поверить тому, что написано об этом времени в «Моей борьбе»: *Я рисовал ради хлеба, а учился ради удовольствия.* (25)

Гитлер редко принимает участие и в совместных «выходах». Ханиш рассказывает, как однажды они вместе гуляли в Пратере и прокатились на модной тогда американской «театральной железной дороге». Она вела внутрь «пещеры», в нишах которой были представлены сцены из опер, с граммофонных пластинок звучала соответствующая музыка, в частности, сцена из «Тангейзера». По дороге домой Гитлер принялся пересказывать товарищам сюжет и пропел несколько пассажей. «Возбужденный, как обычно, он смог только что-то прожужжать, сопровождая все это активной жестикуляцией... Он восторгался Вагнером и порой говорил, что опера — это самое лучшее богослужение».

На «театральной железной дороге» была представлена и сцена из «Волшебной флейты» Моцарта. Но Гитлер сказал, что Моцарт принадлежит старым сентиментальным временам и уже устарел. А вот Вагнер — это борец! К тому же в большом оркестре занято больше людей. Атракцион в Пратере, должно быть, служил теперь Гитлеру утешением, он же не мог позволить себе пойти в оперу.

В Пратере гуляли и развлекались «маленькие люди». Здесь проводили редкие часы досуга и чешские служанки (по правилам, прислуге раз в две недели полагалось семь часов свободного времени), они встречались на танцах с кавалерами: солдатами, рабочими и ремесленниками. Писатель Феликс Зальтен так описывал Пратер: «Молодежь, которая не знает куда приткнуться в огромном городе, одинокая и потерянная в круговороте этой бурлящей жизни, находит здесь, в задымленном прокуренном зале, кусочек родины... Здесь, как нигде, расцветают основные человеческие инстинкты: у мужчин — влечение к женщинам, у женщин — влечение к мужчинам... Все в зале пышет молодостью, вожделием, дурманом и пьяным угаром». (26) По словам Кубичека, Гитлера возмущала царившая в Пратере атмосфера всеобщего «хмельного блаженства» и «пьяных сантиментов».

Надпись на иллюстрации — «Вена. Пратер»

Кубичек рассказывает об их совместном посещении Пратера, где Гитлеру не понравилось: «Он не понимал людей, которые разбазаривают драгоценное время на такую ерунду. Услышав, как публика у балаганчика с аттракционом взрывалась от хохота, он качал головой, возмущаясь эдакой глупостью, и сердито спрашивал меня, понимаю ли я, почему эти люди смеются... К тому же у него вызывала сильное отвращение наводнявшая Пратер толпа — венцы, чехи, венгры, словаки, румыны, хорваты, итальянцы и бог еще знает кто... Он физически не переносил эту пеструю массу, заполнявшую Пратер. Он, конечно, соперничал маленьким людям, но старался держаться от них как можно дальше». (27)

Ссора с Ханишем

Ханиш пишет, что на Пасху 1910 года он получил за один большой заказ 40 крон и разделил их с Гитлером. После этого Гитлер исчез из общежития вместе с Нойманом и появился снова только неделю спустя. Этот факт подтверждается данными свидетельств о регистрации: 21 июня 1910 года Гитлер съезжает из мужского общежития и 26 июня заселяется вновь. Дело, значит, было не на Пасху, а на Троицу 1910 года. Нойман пренебрегает долгой процедурой снятия с учета и повторной регистрации и все это время числится в общежитии.

Как и, главное, где друзья проводят это время, неизвестно. На расспросы недовольного Ханиша, Гитлер по возвращении ответил только, что они с Нойманом осматривали город и ходили по музеям. Ханиш начал торопить с выполнением заказа, Гитлер сказал, что ему нужно отдохнуть: он, в конце концов, не кули. И от 20 крон уже ничего не осталось.

Возможно, Гитлер, который к тому времени явно охладел к Ханишу, говорил неправду. Возможно (хотя недоказуемо и не подтверждено родственниками), в эти июньские дни он сам, или вместе с Нойманом, ездил в Вальдфиртель проведать «тетушку Хани». Ведь несколькими месяцами раньше она помогла ему выбраться из страшной нужды, отправив переводом 50 крон, и он, должно быть, состоял с ней в переписке. Тетя несколько месяцев спустя скончается от диабета, в июне она, скорее всего, уже болела. Доказательством визита в Вальдфиртель может служить акварель с видом Дёллерсхайма, которую Гитлер позже подарит Йозефу Геббельсу в знак особой благосклонности. А вот акварели «Родной дом Гитлера в Вальтершлагге» и «Кладбище в Шпитале, могилы моих родственников», датированные 1910 годом, — подделки. (28)

Нойман, которого Ханиш назвал настоящим и самым близким другом Гитлера, уехал из Вены, согласно свидетельству о регистрации, 12 июля 1910 года. По словам Ханиша, он с большим энтузиазмом говорил о Германии и предлагал Гитлеру ехать вместе. Но Гитлер не решился. Далее о Ноймане ничего не известно. Судя по данным отдела регистрации, Нойман вернулся в Вену в августе 1914 года (очевидно, в связи с началом войны). Затем его след теряется.

После отъезда Ноймана отношения между Ханишем и Гитлером близятся к разрыву. По словам Ханиша, Гитлер пишет картины все реже, и это, возможно, указывает на существование иного источника денег, а именно — денежных переводов от тети. Тогда Ханиш решил сам выполнять заказы, рисовать и делать гравюры, то есть превратился из партнера в конкурента.

Гитлер что-то заподозрил и потребовал от Ханиша список заказчиков, Ханиш отказался его предоставить. Позже он признается, что получил большой заказ от Альтенберга, вообще-то предназначавшийся Гитлеру. Гитлер так и не узнал про этот заказ на силуэты из золотой фольги на стекле; подобная работа, кстати, останется постоянным источником дохода для Ханиша вплоть до 1930-х годов. (29)

В июле 1910 года дело доходит до ссоры. Ханиш пишет: «Я назвал его голодарем, а он меня — лакеем, потому что однажды я рассказал ему, что был в Берлине слугой. Я ответил: по крайней мере, я не уваливаю от работы». После этого Ханиш решил работать самостоятельно и съехал из мужского общежития.

Три недели спустя Ханиш случайно встретил в 4-м районе, Видене, старого знакомого — «продавца открыток по имени Лёффлер [sic], еврея, который тоже жил в мужском общежитии. Он дружил с Гитлером. Я поинтересовался, что нового в общежитии, а он обвинил меня в том, что я якобы присвоил картину Гитлера». Речь шла о выполненном с особой тщательностью виде парламента, за который Гитлер рассчитывал выручить больше обычного. (30) Скорее всего, они встретились в магазине Альтенберга, торговца рамами, на Виденер Хауптштрассе, оба снабжали его продукцией, только теперь уже в качестве конкурентов. Лёффнер — а это был, все всякого сомнения, тот самый друг Ноймана — продавал магазину работы Гитлера.

Ханиш продолжает рассказ о встрече с Лёффнером: «Мы принялись ожесточенно спорить. В эту минуту мимо проходил полицейский, Лёффлер сказал ему, в чем дело, и тот забрал нас в участок. У меня не было документов, и меня задержали». Конечно же,

Лёффнер был на стороне Гитлера, он написал заявление на Ханиша, обвинив его в присвоении имущества. А Ханишу не повезло: выяснилось, что он живет под чужим именем. Согласно данным Венского отдела регистрации, 13 июля 1910 года Ханиш зарегистрировался в мужском общежитии на Вурлицергассе как Фриц Вальтер. Ханиш будто бы назвался чужим именем, зная, что Гитлер вспыльчивый человек, и боясь, что тот его найдет и «сядет ему на шею, если по причине своей лениности потеряет место в мужском общежитии».

Полицейский протокол, составленный 4 августа 1910 года в императорско-королевском комиссариате полиции венского района Виден, позже попадет в партийный архив НСДАП: «Зигфрид Лёффнер, торговый агент иногородней фирмы, проживающий в 20-м районе по адресу Мельдемманштрассе 27, сообщает: “От одного художника в мужском общежитии я узнал, что задержанный продал его картины и присвоил себе деньги. Я не знаю имени художника, знаю его только по мужскому общежитию, где он всегда появлялся в компании задержанного”». (31) Почему Лёффнер сказал, что не знает имени Гитлера, остается загадкой. Возможно, таким образом, он хотел сделать свои показания более правдоподобными или действовал по инструкции Гитлера.

5 августа 1910 года Гитлера допросили в комиссариате района Бригиттенау. Этот протокол тоже сохранился: «Адольф Гитлер, живописец, род. 20.04.1889 в Браунау, свидетельство уроженца Линца, католик, холост, проживающий в 20-м районе по адресу Мельдемманштрассе, 27, сообщает: “Это неправда, что я посоветовал Ханишу зарегистрироваться под именем Вальтер Фриц, я и знал его только как Вальтера Фрица. У него не было средств

к существованию, и я давал ему свои картины, чтобы он их продавал. От выручки он всегда получал пятьдесят процентов. Вот уже около двух недель Ханиш не появляется в общежитии, присвоив себе мою картину «Парламент» стоимостью 50 крон и акварельный рисунок стоимостью 9 крон. Единственный документ, который я у него видел, — это не вызывающая доверия трудовая книжка на имя Фрица Вальтера. Я знаком с Ханишем по приюту в Майдлинге, где я его однажды встретил. Адольф Гитлер»». (32) (Данный протокол еще раз подтверждает, что Гитлер действительно жил в приюте для бездомных).

В свое оправдание Ханиш сообщает полиции, что Гитлер запрашивал за свои картины необоснованно высокие суммы и что он, Ханиш, выручил за изображение парламента лишь 12 крон и половину отдал Гитлеру. Гитлер это отрицает. Ханиш снова отказывается назвать имя покупателя, и у него есть для этого веские причины. Он продал картину рамочнику Венцелю Райнеру с Лихтенштейнштрассе. В 1933 году он признается, что не опроверг тогда показания Гитлера, «потому что получил от покупателя рисунка большой заказ, который достался бы Гитлеру, если бы я назвал покупателя». (33)

11 августа 1910 года Ханиша приговаривают к семи дням заключения. Согласно данным отдела регистрации, после освобождения он селится 25 августа 1910 года в 10-м районе Вены под своим настоящим именем, а уже 10 октября 1910 снова появляется на Мельдеманштрассе, где остается всего на неделю, под именем Фридриха Вальтера, «рабочего сцены». В последующие годы он время от времени сюда возвращается, а в 1913 году проживает в общежитии

три месяца (см. раздел «Последний год в мужском общежитии» в Главе 12 «Накануне Великой войны»). Гитлеру не удалось избавиться от приятеля, который теперь превратился в заклятого врага, а тот, наверное, отравлял ему жизнь, как только мог.

Вскоре с помощью другого приятеля Ханиш отомстил Гитлеру за историю с полицией. Ход событий можно восстановить, сопоставив два независимых источника. Постоялец общежития, аноним из Брюнна, вспоминает, что весной 1912 года в мужском общежитии жил некий профессиональный художник — у него был мольберт, и он писал маслом. И не любил Гитлера. Аноним пишет: «Случайно, а чаще — намеренно проходя мимо Гитлера, он не упускал случая бросить взгляд на его работу, и лицо его принимало злобное выражение. Гитлер интуитивно не доверял ему и говорил мне, что К. желает ему зла, завидуя как конкурент. Дошло до того, что Гитлер закрывал или переворачивал свои работы, когда видел приближающегося К.». (34)

Далее аноним сообщает, что Гитлер получил тогда (1912) повестку в полицейский комиссариат района Бригиттенау: поступило заявление, где он обвинялся в присвоении звания выпускника Академии. Однако он не явился в участок, якобы не имея подходящей обуви. Тогда полицейский пришел в общежитие. Гитлера вызвали к управляющему и предупредили, что ему грозит наказание, если он и дальше будет присваивать звания. Гитлер подозревал, что на него донес тот самый художник.

Двадцать лет спустя, независимо от анонима, Ханиш также упоминает выпускника Академии, проживавшего в мужском общежитии и хорошо знавшего Гитлера. Этот художник по имени Карл Ляйденрот

и в 1930-е годы оставался близким другом Ханиша. С одной стороны, он подтвердил, что выполненные Хашишем подделки являются подлинными картинами Гитлера. С другой стороны, он дал показания, что лично видел, как молодой Гитлер подделывал картины в общежитии. Очевидно, Ханиш и Ляйденрот пытались шантажировать бывшего соседа по общежитию, который стал к тому времени богат и знаменит (см. экскурс: «Источники о жизни Гитлера в мужском общежитии» в этой главе). Согласно архивным документам Венского отдела регистрации по месту жительства, этот Карл Ляйденрот был выпускником Академии и жил в мужского общежития с ноября 1908 по апрель 1911 года; он родился в 1882 году в Оберольбингене, Саксония, и умер в 1944 году в Вене.

И рассказ анонима, и рассказ Ханиша свидетельствуют о том, что Ханиш и Ляйденрот уже в общежитии действовали заодно. Таким образом, «К.», упомянутый анонимом, — это Карл Ляйденрот, именно он своим заявлением в полицию в 1912 году отомстил за заявление Лёффнера на Ханиша в 1910 году.

После отъезда Ноймана и ссоры с Хашишем Гитлер нашел других помощников для продажи картин (например, Лёффнера). Однако теперь ему чаще удавалось преодолеть робость и торговать картинами самостоятельно, чтобы сэкономить на посреднике. При этом он использовал налаженные деловые контакты, в первую очередь, Альтенберга и Пихлера. (35)

Якоб Альтенберг родился в 1875 году в Гримайлове (Скалат, Галиция) в семье Моисея и Сары Альтенберг. В юности он перебрался в Вену и выучился здесь ремеслу позолотчика. Он отказался от иудейской веры

и женился в 1902 году на католичке, дочери хозяина венской гостиницы. В семье было двое детей: Адель, 1896 года рождения, и Якоб мл., 1902 года рождения. В возрасте тридцати лет багетчик и позолотчик открыл свой первый магазин на Виденер Хауптштрассе, а вскоре и второй — на Мариахильферштрассе. За короткое время мелкий торговец стал владельцем процветающей фабрики по производству рам для картин и четырех магазинов по продаже рам и предметов искусства в Вене. Кроме того, он купил себе дом в престижном 4-м районе города. (36)

В 1910 году 14-летняя дочь Адель иногда помогала ему в магазине. Она помнит Гитлера, его «неряшливый внешний вид», а еще «его робость и то, как он при разговоре постоянно смотрел в пол». Однажды он разразился в магазине монологом о политике (тема точно неизвестна). Альтенберг резко оборвал его, заставил замолчать. (37)

В 1911–1912 годах Гитлер самостоятельно установил деловые связи с Моргенштерном, продавцом рам и изделий из стекла, венгерским евреем; они были в хороших личных отношениях (см. раздел «Супруги Моргенштерн» в главе 10 «Евреи в Вене»).

29 марта 1911 года в Шпитале под Вайтрой в возрасте сорока восьми лет умирает тетя Гитлера Иоганна Пёльцль, ее хоронят там же 31 марта. (38) Мало времени, чтобы успеть на похороны. В бумагах «тетушки Хани» несомненно обнаружилось упоминания о денежных подарках племяннику. В линцской книге домашних расходов семьи Гитлер точно имеется запись, что в 1908 году тетя одолжила Адольфу 924 кроны.

Паула осталась ни с чем, и Ангела Раубаль, наконец, получила основание затребовать полную

сиротскую пенсию для 15-летней сводной сестры. 27-летняя Ангела Раубаль, овдовевшая в 1910 году, на мизерную пенсию чиновника растила трех малолетних детей и сводную сестру, которая училась в лицее в Линце. Ангела просит опекуна, чтобы тот больше не отправлял Адольфу в Вену его часть сиротской пенсии. Затем она обращается в императорско-королевский окружной суд Линца. 4 мая 1911 года 22-летнего Гитлера допрашивают в императорско-королевском суде венского района Леопольдштадт. Ему ничего не остается, как сказать под протокол, что «он может содержать себя самостоятельно и согласен на передачу сиротской пенсии сестре в полном объеме».

Окружной суд Линца также установил, «что Адольф с целью изучения искусства живописи получал от своей тети Иоганны Пёльцль крупные суммы, таким образом оказываясь в более выгодном положении, нежели его сестра; таким образом, нижеподписавшийся суд по делам опеки над несовершеннолетними Адольфом и Паулой Гитлер не видит никаких оснований, препятствующих тому, чтобы пенсия по сиротству в размере 600 крон отныне использовалась целиком для покрытия расходов на воспитание несовершеннолетней Паулы Гитлер». Опекуна уполномочили «использовать удержанные до данного момента ежемесячные выплаты по пенсии Адольфа Гитлера в пользу его сестры Паулы Гитлер» (39).

Потеря сиротской пенсии стала тяжелым ударом для Г., ведь эти 25 крон в месяц покрывали расходы на жилье и питание.

Протоколы суда убедительно доказывают, что о добровольном отказе Гитлера от пенсии из любви к сестре не могло быть и речи, хотя эта версия нередко

всплывает до сих пор. Письмо, которое ему после суда написала Паула, он оставляет без ответа. (40) Упомянутый протокол суда является единственным источником сведений о жизни Гитлера в 1911 году.

Предвыборная борьба 1911 года в Бригиттенау

Отсутствие биографических материалов и источников досадно особенно потому, что политическая жизнь в этот период была чрезвычайно интересной. В 1911 году вследствие нескончаемых конфликтов и беспорядков Рейхсрат распустили и назначили новые досрочные выборы. Началась бурная, ожесточенная предвыборная борьба.

В Вене это, прежде всего, противостояние двух самых крупных и ненавидящих друг друга партий: христианских социалистов и социал-демократов. Последние только на выборах в Рейхсрат, благодаря всеобщему равному избирательному праву, имели возможность померяться силами с доминировавшими в Вене христианскими социалистами.

На протяжении нескольких месяцев перед выборами социал-демократы усиливали политическое давление, организуя массовые демонстрации против роста цен и нехватки жилья. Иностранным наблюдателям, в частности, немецкому послу, бросилось в глаза, что «многие представители буржуазии выказывают солидарность с рабочим классом». (41) В демонстрациях принимали участие женщины, непривычно много («Мы хотим дешевого хлеба для наших детей!»), и все больше госслужащих: почтальонов, почтовых служащих и кондукторов трамваев. Нужда уже добралась и до чиновничества, и до мелкой буржуазии, то есть

до избирателей, которые традиционно поддерживали христианских социалистов.

После смерти Люэгера в 1910 году стало известно о крупных коррупционных аферах венских христианских социалистов, и отношение избирателей к лидирующей партии резко изменилось в худшую сторону. Американский поверенный в делах в Вене писал в Вашингтон: озлобленность населения объясняется тем, что партийные вожди бесстыдно обогащались, причем именно тогда, когда их избиратели страдали от нужды. (42) На репутации христианских социалистов сказалось и то, что по-прежнему нерешенной оставалась проблема роста цен на мясо. А ведь именно к этой партии принадлежал министр торговли, который, по договоренности с венгерскими и австрийскими аграриями, запретил ввоз мяса из Аргентины. Эта «лживая игра с жизненно необходимыми вещами», как пишет американский наблюдатель, стоила христианским социалистам многих голосов.

Рабочий район Бригиттенау был оплотом социал-демократов. Здесь христианские социалисты,

Д-р Виктор Адлер, лидер цислейтанских социал-демократов

пусть только во время выборов в Рейхсрат, сражались в обороне. Д-р Вильгельм Элленбоген, лидер рабочих в Бригиттенау, депутат Рейхсрата с 1901 по 1918 годы, оставался и на этих выборах главным фаворитом. Остальные партии не играли ни малейшей роли.

Еврей Элленбоген родился в 1863 году в моравском городке Люнденбург (сегодня Бржецлав) в семье учителя начальной школы, но впоследствии отказался от иудаизма. Врач по профессии, он, как и Виктор Адлер, стремился к общественному благу и потому вступил в ряды рабочего движения. Элленбоген, по общему признанию, прекрасно разбирался в экономике, особенно в области железнодорожного сообщения, и являлся автором многих сочинений по основным политическим вопросам. Элленбоген, один из самых образованных членов партии и знаток немецкой классики, также пользовался популярностью как оратор, независимо от темы — политика или литература. Он стремился познакомить рабочих с жизнью и творчеством Рихарда Вагнера. (43) Вполне возможно, что молодой Гитлер бывал на знаменитых выступлениях Элленбогена в Бригиттенау, обучаясь таким образом и у своего политического противника.

Элленбоген имел еврейские корни, поэтому христианские демократы и немецкие националисты сделали в предвыборной борьбе ставку на антисемитские лозунги. Ненависть, которую вызывал у них низкорослый рыжий Элленбоген, выразил представитель Немецкой радикальной партии Карл Герман Вольф: он обычно называл лидера рабочих «рыжей канализационной крысой» (44).

Предвыборная борьба 1911 года шла с нарушением всех правил: дело дошло до подтасовок, фальшивых

имен в избирательных бюллетенях и обмана избирателей. Два фронта с ненавистью противостояли друг другу: с одной стороны, антисемиты в коалиции с христианскими демократами и немецкими националистами, с другой стороны — т.н. «еврейские партии», социал-демократы и немецкие либералы, которых антисемиты назвали «еврейскими либералами». Представители первого лагеря расписывали ужасы «еврейского» господства в Вене, представители второго — кошмары «клерикализма».

Выборы в Вене, как и ожидалось, закончились сокрушительным поражением христианских социалистов. Элленбоген в Бригиттенау победил уже в первом туре. При общем числе избирателей в 18 577 человек и 16 466 голосах, признанных действительными, он получил в первом туре 9750 голосов против 6114, отданных за кандидата от христианских социалистов. Из представителей мелких партий 413 голосов получил чешский кандидат, а Георг Шёнерер, который баллотировался во всех венских районах, — всего 20 голосов. (45)

Вечером в день выборов победитель Элленбоген проехал по Бригиттенау на машине, украшенной красным флагом, обращаясь с приветственными речами к своим сторонникам. У одного избирательного пункта его приветствовали 8000 человек, они размахивали красными флагами, махали платками и бросали цветы. Полиция нервничала. Накалившаяся политическая атмосфера разрядилась в серьезных стычках между полицией и толпой, что их вызвало — неизвестно. Многие пострадали от ножевых ранений, ударов камнями и палками, от брошенных пивных кружек и сабельных ударов. (46) Можно предположить, что

беспорядки отразились и на политических настроениях в мужском общежитии, обострили и без того уже напряженную ситуацию.

В других городах и коронных землях, где в то время преобладали иные проблемы, иным оказался и результат выборов. Однако противостояние и там имело весьма серьезные последствия. В Галиции национальный конфликт между поляками и русинами закончился кровавой бойней: 26 человек погибли, когда военные открыли огонь по толпе. (47) В Богемии предвыборная борьба прошла под знаком противостояния немцев и чехов.

Во всей стране по результатам выборов свои позиции укрепили радикальные националистические партии, а положение умеренных партий, в том числе и социал-демократов, ухудшилось. Христианские демократы потеряли 20 мест (76 вместо прежних 96), социал-демократы — 5 (81 вместо 86). При этом чешские национальные социалисты увеличили представительство в Рейхсрате с 9 до 16 мест, Немецкая радикальная партия — с 12 до 22, пангерманцы добавили одно место (4 вместо 3), а недавно образованная Немецкая рабочая партия, представители которой баллотировались в Судетской области, впервые получила 3 места.

Итак, ожидать разрядки напряжения в Рейхсрате не приходилось, скорее можно было предвидеть дальнейшее обострение ситуации. И действительно, уже на первом заседании нового парламента 5 октября 1911 произошли потасовки между немецкими и чешскими депутатами, а также покушение на министра юстиции, которого пуля, к счастью, не задела.

Демонстрации против роста цен

В октябре 1911 года, в промежуток между выборами и началом работы нового парламента, цены опять повысились из-за засухи и неурожая. В сентябре социал-демократы организовали ряд масштабных демонстраций против нехватки жилья и повышения цен. Кульминацией стал массовый митинг в воскресенье 17 сентября 1911 года: протестуя против роста цен на мясо, венские рабочие прошли маршем перед ратушей, а затем и по городу. Организатором выступил Антон Давид, 62-летний рабочий лидер из венского района Оттакринг. Этот энергичный и пользующийся популярностью профсоюзный деятель, отец десятерых детей, работал в юности на крупнейшей венской скотобойне в квартале Санкт-Маркс и с тех пор хорошо разбирался в проблемах обеспечения большого города продуктами питания, в частности, мясом. (48) Он возглавлял социал-демократическую газету «Фолькстрибуне», гораздо более радикальную, чем «Арбатерцайтунг», а с 1907 года представлял Оттакринг в Рейхсрате.

На этой демонстрации Давид и Элленбоген, как и 28 других ораторов, в стратегически важных точках города выступали от лица партии с агитацией против министра торговли и пагубной таможенной политики правительства. Речи заглушались яростными выкриками и лозунгами вроде: «Да здравствует революция!» и «Даешь всеобщую забастовку!». Нервозность демонстрантов усиливалась ввиду чрезмерного количества полицейских и военных. Помимо полиции, против демонстрантов выставили три отряда кавалерии и семь батальонов пехоты. Ради безопасности императора военные перекрыли все подходы к императорскому дворцу Хофбургу.

Гитлер в Вене

344

Демонстрация против роста цен на мясо на Рингштрассе

Вероятно, молодой Гитлер наблюдал за этой массовой демонстрацией с обочины улицы. В «Моей борьбе» он пишет, что видел, обуреваемый тяжелым чувством беспокойства, как масса людей, которых уже нельзя было считать сынами своего народа, все прибывает и прибывает, превращаясь в страшное войско... Почти два часа я стоял там и смотрел, затаив дыхание, на этого огромного человеческого червя, проползающего передо мной. (49)

После окончания демонстрации люди большими группами направились в сторону предместий. Попытки привлечь полицейских на свою сторону провалились. Начались драки среди молодежи. Побили окна в ратуше, кофейнях, магазинах, трамвайных вагонах и машинах, а также газовые фонари. Партийные активисты отчаянно пытались предотвратить беспорядки,

В мужском общежитии

345

опасаясь, что эксцессы не позволят сочувствовать демонстрантам. Но на этот раз даже лидеры рабочих не смогли успокоить разбушевавшуюся толпу. Давид был ранен, пытаясь защитить полицейского от удара палкой.

И тогда вмешалась армия, как нарочно — венгерская кавалерия и боснийские пехотинцы, страшные «босняки». «Иллюстрирте Кронен-Цайтунг» писала: «На всех улицах, где двигались демонстранты, произошли серьезные столкновения. Гнев толпы достиг предела, когда появился отряд гусар. Послышались громкие крики: “На венцев натравливают венгров!” А когда в наступление пошли босняки, раздался пронзительный свист, полетели камни и послышались выкрики: “Боснякам здесь нечего делать!”» После этого момента демонстрация могла перерасти в революцию, сравнимую с революцией 1848 года. (50)

Наиболее опасная ситуация сложилась во второй половине дня в рабочем районе Оттакринг. Бунтовщики возвели баррикады из скамеек и другой мебели, которую притащили из ближайшей начальной школы, и закидывали полицейских и солдат камнями. Возмущенные домохозяйки из окрестных домов поддерживали демонстрантов, из окон бросая на полицейских утюги и кастрюли. В ход пошли штыки и сабли. Около часа дня раздался первый боевой выстрел.

Итогом этого «кровавого воскресенья» стали трое убитых рабочих и около сотни раненых, пострадавших от штыков, сабель и палок, получивших огнестрельные ранения. Как писала газета «Дойчес Фольксблатт», «с наступлением ночи» Оттакринг стал похож «на военный лагерь. Улицы патрулировал конный караул, на перекрестках стояли в боевой готовности пехотинцы

и кавалеристы рядом со своими лошадьми. Фонари были разбиты, а газ перекрыт, так что весь район погрузился в абсолютную темноту». (51)

Газета для семейного чтения «Винер Бильдер» «с чувством глубочайшей скорби» сообщала: «Вена, этот терпеливый, кроткий город, охвачен мятежом». Несомненно, среди демонстрантов есть и представители «люмпен-пролетариата», «которым действительно нечего терять. Но есть и другие — они не знают, где со своими семьями проведут следующую ночь, и в это тревожное время не внемлют призывам к спокойствию... События кровавого воскресенья — это сигнал, тревожное предупреждение для всех, кто в этой стране занимает ответственные посты». (52)

Около 40 тысяч скорбящих пришли на похороны первых жертв на кладбище Оттакринга, оцепленное большим количеством военных и полицейских.

Христианские социалисты и немецкие националисты воспользовались волнениями в интересах своих партий и нагнетали ужас перед социал-демократами, выставляя их революционерами и врагами буржуазии и ремесленников.

Клише о венских рабочих вождях

Не позднее 1911 года, после выборов и демонстраций против роста цен, Гитлер обратил более пристальное внимание на социал-демократию. *Пребывая в тягостном настроении после демонстрации, он начал покупать, повинувшись внутреннему голосу, «Арбайтерцайтунг» и внимательно изучать ее. Это ежедневное чтение позволило ему понять сущность социал-демократии лучше, чем знакомство со всей теоретической литературой.* (53)

Бригиттенау, оплот социал-демократии, располагал общественными читальными залами и образовательными центрами для рабочих. Там предлагались книги и социал-демократические газеты, а также перепечатки текстов парламентских речей социал-демократов и серия брошюр «Лихтштрален».

Гитлер, видимо, интересовался и лидерами социал-демократов. Четверых он упоминает в «Моей борьбе» (Адлер, Аустерлиц, Элленбоген и Давид), подкрепляя свой тезис о том, что социал-демократия находится в руках евреев и под лозунгом интернационализма стремится лишить немецких рабочих их «народности»: *Я стал читать все попадавшие мне в руки социал-демократические брошюры и выяснять, кто их авторы. Сплошь евреи! Я запомнил имена почти всех вождей. В подавляющем большинстве — тоже представители «избранного народа», будь то депутаты Рейхсрата, секретари профсоюзов, председатели ячеек или уличные агитаторы. Повсюду все та же удручающая картина. Имена всех этих Аустерлицев, Давидов, Адлеров, Элленбогенов навеки останутся в моей памяти. И далее: Теперь мне стало абсолютно ясно: бразды правления той партии, с рядовыми представителями которой мне уже долгие месяцы приходилось вести тяжелую борьбу, находились почти исключительно в руках чужого народа; ведь то, что еврей — это не немец, я убедился теперь окончательно к моему полному внутреннему удовлетворению.* (54)

Подчеркнем, что эти строки Гитлер написал спустя десять лет, уже будучи политиком. Живя в Вене, он тоже постоянно ругал «красных», но о социал-демократах с упоминанием их имен не сохранилось ни одного его антисемитского высказывания.

Процитированные строки отражают сложившиеся в Вене клише. Антисемиты постоянно перечисляли имена Адлера, Элленбогена и Аустерлица в одной строке, стремясь продемонстрировать «еврейский характер» социал-демократии. Христианско-социальная газета «Бригиттенауер Бециркс-Нахрихтен» писала в 1912 году: «Если бы Адлер, Аустерлиц, Элленбоген и их товарищи вели свою бесславную подрывную деятельность по приказу и на деньги из-за границы, то и тогда их деятельность в интересах врагов Австрии не стала бы более эффективной, чем сейчас». (55) Антон Давид в подобных перечислениях обычно не упоминался. Гитлер вспоминает о нем спустя десять лет, видимо, из-за его руководящей роли во время демонстрации против роста цен в 1911 году.

Четыре названных Гитлером политика не были ортодоксальными верующими евреями, все они крестились и считали себя немцами. Лидер партии д-р Виктор Адлер родился в 1852 году в Праге; как и Элленбоген, он происходил из крупной буржуазии и получил образование в элитной шотландской католической гимназии в Вене. Обучаясь медицине в университете, Адлер стал соучредителем Немецкого студенческого объединения «Арминия» в Вене и Немецкого школьного союза. Он принадлежал к кругу соратников Шённерера и принимал участие в составлении «Линцской программы» 1882 года, имевшей социально-либеральный характер. (См. раздел «Вождь Георг Шённерер» в главе 8 «Политические кумиры»). Когда Шённерер добавил в программу «арийский параграф», Адлер вынужден был отойти от этого пангерманского политика. Работая психиатром и врачом, он воочию убедился в катастрофическом состоянии медицинских и социальных услуг

для бедных, а также в отсутствии законодательства по защите прав рабочих. Желая трудиться на благо общества, он примкнул к социал-демократам. В 1888 году он стал их вождем, упорно пытаясь соединить национальное чувство цислейтанских рабочих с идеями интернациональной солидарности. Он превратил австрийских социал-демократов в сплоченную партию, организованную по принципу многонациональной федерации, но в начале 1910-х годов века оказался бессилён против национализма, который все больше давал о себе знать и в этом политическом объединении. (См. Раздел «Поиски компромисса» в главе 9 «Чехи в Вене»).

Адлер и Элленбоген дружили со многими художниками и учеными, были вхожи в узкий круг венского модерна. Политические противники любили называть их буржуазный стиль жизни эксплуатацией рабочего класса еврейскими функционерами и утверждали, что вожди партии обирают бедных рабочих. «Бригиттенауер Бециркс-Нахрихтен» заявила в 1912 году, что социал-демократическая партия «взимает взносы, тяжким бременем ложащиеся на плечи рабочих и обогащающие их вождей. Рабочие должны оставаться пролетариями, а лидеры строят себе виллы, увеличивают доходы и изображают важных господ. У рабочих бессовестным искусством вырывают из сердца веру в Бога. А их лидеры отправляют своих детей учиться в монастырские школы. Рабочие должны вступать в “красные” организации, хотя они того или нет, а их лидеры кричат о свободе, равенстве и братстве!» (56) И еще: «У колыбели социал-демократии стояли не пролетарии и наемные рабочие, а состоятельные отпрыски капиталистов, всю свою

*Лидер рабочих в районе Оттакринг
Антон Давид, организатор масштабных
демонстраций против роста цен*

жизнь ни в чем не знавшие нужды». Маркс, Энгельс и Лассаль не были пролетариями, равно как и Адлер, и Элленбоген. (57)

Христианско-социальная газета писала, что социал-демократы — «это ничто иное, как колониальное войско крупной еврейской буржуазии, хоть они и бранят капитализм при каждом удобном случае. У социал-демократов сотни секретарей и иных профсоюзных и партийных функционеров, все сплошь политики и агитаторы, пригрелись на тепленьких местечках и живут в покое и достатке, а бедные рабочие оплачивают все это, годами каждую субботу вносят деньги под разными предлогами и вывесками». (58)

Четвертый из упомянутых Гитлером в «Моей борьбе» вождей-евреев — это Фридрих Аустерлиц, энергичный и острый на язык издатель газеты «Арбайтерцайтунг», которую Гитлер ненавидел, но читал. Пангерманские и христианско-социальные газеты изо дня в день поносили почем зря «еврейскую шайку из “Арбайтерцайтунг”»: «Если кто и использует помой и грязь, то это еврейская пресса и социал-демократическая пресса, в которой почти

все редакторы — еврейские пачкуны. Эти чудовища не останавливаются ни перед чем, даже перед разрушением человеческой жизни, и очень жаль, что еще находятся христиане, которые покупают и читают эту отвратительную прессу». (59)

Гитлер-политик с готовностью повторяет лозунги венских антисемитов, настраивая тем самым рабочих против социал-демократических вождей и активистов. В 1920 году в сочинении под названием «Некоторые вопросы к немецким рабочим» он пишет: *Почему вожди наших немецких рабочих почти все, без исключения, принадлежат к нации, которую никто и никогда не видел за работой? Какой процент составляют евреи среди общего числа населения, какой процент евреев среди рабочих, слесарей, кузнецов, горняков, возчиков мусора, дворников, сапожников и т. д. и т. п., и какой процент евреев среди вождей рабочего класса?* (60)

Эти восклицания никак не связаны с личным опытом Гитлера, по крайней мере, венского периода. Ведь друзья Гитлера по мужскому общежитию сплошь были бедняки и работяги: слесарь Робинзон, чистильщик меди Нойман, торговый агент Лёффнер. Владельцы магазинов и мастерских Моргенштерн и Альтенберг также не отвечали стереотипу ленивых по своей природе евреев.

Гитлер о рабочих

За три года в мужском общежитии Гитлер познакомился с неведомым ему прежде социальным слоем: это было исключительно мужское общество, одиночки, рабочие близлежащих фабрик, а также банкроты, субъекты без гражданства, поденщики и безработные. Общение с соседями, среди которых встречались

и сомнительные личности, очень сильно повлияло на представление Гитлера о рабочих. Скорее всего, он никогда не видел, как они трудятся, не считал их собратьями, и уж точно не воспринимал трудящихся как содружество единомышленников, чьи ценности мог бы разделить. О проблемах рабочих и их семей он узнает только из газет, а не на личном опыте.

Ханиш вспоминал: «Он постоянно говорил, что рабочие — апатичная масса, что их интересует только еда, выпивка и женщины. По его мнению, революцию может устроить только студенческий класс, как в 1848 году». Это совпадает с высказыванием Гитлера в 1930-е годы, прозвучавшем в частном разговоре: *Рабочие массы хотят только хлеба и зрелищ, им недоступно понимание высоких идей.* (61) И о строителях: *Я не знаю, что ужасало меня в то время больше: нищета моих тогдашних товарищей или их нравственная и моральная неразвитость и крайне низкий уровень их духовной культуры* (62).

1 мая 1910 года произошла стычка Гитлера с соседом по общежитию; о происшествии сообщает Ханиш. В тот день какой-то заводской рабочий пришел в читальню с красной гвоздикой в петлице и начал рассказывать о первомайской демонстрации в Пратере. Гитлер вскочил, замахал руками и закричал: «Тебя надо вышвырнуть отсюда! Тебя нужно проучить!» Ханиш: «Его выходка всех рассмешила».

Первомайские демонстрации были отвратительны не только Гитлеру, но и пангерманцам, и немецким радикалам, и христианским социалистам. Они не устали цитировать высказывание бургомистра Люэгера о «людях, которые шатаются 1 мая по Пратеру»: «Господа, это же сплошь люмпены».

По словам Ханиша, в ту пору Гитлер был противником любого террора, включая забастовки. Оба эти понятия в лексиконе христианских социалистов и пангерманцев связывались исключительно с социал-демократами и их самым эффективным политическим средством давления — массовыми демонстрациями.

На серьезный конфликт с социал-демократами в Вене Гитлер намекает и в «Моей борьбе»: *В те времена я был еще настолько наивным, что пытаюсь растолковать им все безумие их учения. В маленьком кругу моих знакомых я спорил с ними до хрипоты, до мозолей на языке, совершенно уверенный, что мне удастся их убедить, насколько вредоносны их марксистские нелепости. Но результат получался прямо противоположный.* (63) Споры, однако, велись не на строительных лесах, а в теплой читальне общежития.

Позже Гитлер высказывался о венских рабочих столь же высокомерно и пренебрежительно, с позиции человека, превосходящего их по социальному статусу. Например, в «Моей борьбе»: *Только в самом узком кругу я говорил о том, что меня интересовало и волновало. Эти выступления перед небольшой аудиторией были очень полезны: я не столько учился «говорить», сколько изучал людей, их зачастую бесконечно примитивные взгляды и претензии. Вместе с тем я, не теряя времени и не упуская ни одной возможности, продолжал заниматься самообразованием. Несомненно, нигде в Германии не было для этого таких благоприятных условий, как в Вене.* (64)

Гитлер, очевидно, причисляет себя к «людям с университетским образованием», а не к рабочим. Он называет себя «выпускником Академии» и не испытывает никакого сочувствия к нуждающимся. Уже во

время голодной демонстрации 1908 года это вызывает удивление у его друга Кубичека: «Если бы он оценил условия, в которых жил, свое финансовое положение, социальную среду, где ему приходилось возвращаться, то понял бы, что он все всякого сомнения — один из тех, кто марширует сейчас с плакатами, протестуя против голода. Он ютился в жалком, кишасщем клопами флигеле, на обед у него зачастую лишь корка хлеба, которую он съедал на скамейке в парке Шёнбрунна. Очень даже может быть, что дела его шли еще хуже, чем у многих демонстрантов. Так почему же он тогда не примкнул к протестующим? Что его удержало?»

Кубичек видит объяснение в самосознании Гитлера: «Он полагал, что по своему происхождению — как сын австрийского чиновника — он все-таки принадлежит к другому общественному слою. Вспоминая об отце, он представлял его уважаемым, почитаемым таможенным обер-официалом, которого люди приветствовали, снимая шляпы, чье слово имело вес в городе. Отец нисколько не напоминал тех людей на улице — ни по внешности, ни по манерам. Гитлер очень боялся заразиться повсеместным моральным и политическим разложением правительственных кругов, но еще больший страх он испытывал перед пролетаризацией. Он, конечно же, жил как рабочие, но ни при каких обстоятельствах не хотел становиться пролетарием». (65) Согласно воспоминаниям Кубичека, Гитлер не собирался завязывать дружбу с товарищами по несчастью еще и оттого, что «контакт с людьми ему был противен, даже чисто физически». (66) Кубичек объясняет «неслыханные затраты энергии, с которыми Гитлер занимался самообразованием», «инстинктивным стремлением не допустить падения в нищету,

приобретя как можно более обширные и основательные знания». (67)

Ханиш будто бы спорил с Гитлером, доказывая, что тот не знаком ни с одним настоящим рабочим, знает только подмастерьев, проживающих в общежитии. «Только лодыри, пьяницы и им подобные» остаются жить в таком месте надолго, будто бы говорил Гитлеру Ханиш. Настоящий рабочий быстро подыскивает себе квартиру, чтобы жить с семьей. Настоящие рабочие не станут участвовать в дискуссиях в читальном зале, а если и станут, то вряд ли удостоят вниманием Гитлера, сочтя его рассуждения совершенно нелепыми.

Гитлер-политик благоразумно не упоминал о факте проживания в мужском общежитии. Он упивался собственными словами, когда говорил о трудящихся: *Я работал вместе с ним на стройке, я голодал вместе с ним, когда был безработным, я лежал вместе с ним в окопах, я знаю его, этот прекрасный народ!* (68) А его заявление на собрании НСДАП в 1920 году: *Я рабочий, плоть от плоти рабочего класса* (69) — это чистой воды пропаганда.

Экскурс: Источники о жизни Гитлера в мужском общежитии

О трех с лишним годах, которые Гитлер провел в мужском общежитии (с февраля 1910 года по май 1913 года), существует пять свидетельств очевидцев разных лет. Райнхольд Ханиш описывает период с осени 1909 года по август 1910-го. О времени с осени 1910 года до начала 1912-го свидетельства очевидцев отсутствуют. О периоде с февраля по апрель 1912 года остались свидетельства жильца, которого мы называем здесь «анонимом из Брюнна». О последних месяцах в Вене

до отъезда в Мюнхен в мае 1913 года можно узнать из воспоминаний Карла Хониша. Период с февраля по май 1913 года, а также первые мюнхенские месяцы вплоть до августа 1914 года, оживают в устных рассказах Рудольфа Хойслера, которые в данной книге приводятся впервые. Следует также упомянуть книгу Йозефа Грайнера, но взглянуть на нее критически. Он утверждает, что «дружил» с Гитлером в мужском общежитии в 1907–1908 годах, однако это не соответствует действительности.

Пять свидетельств показывают, с каким ненадежным материалом приходится работать историкам, занимающимся исследованием детства и юности Гитлера. Все эти свидетельства охватывают очень небольшой временной промежуток, но достоверность их весьма сомнительна.

Обратимся сначала к Райнхольду Ханишу, самому важному свидетелю, давшему наиболее подробный материал. В американском журнале «Нью Рипаблик» опубликовали уже после его смерти цикл из трех статей «Райнхольд Ханиш: Я был другом Гитлера». Рукопись, скорее всего, принадлежала Конраду Хайдену, исследователю жизни Гитлера. Вносил ли он изменения в текст, неизвестно, поскольку оригинал рукописи не сохранился. (1) Во всяком случае, содержание этих статей совпадает с содержанием цитат, которые Хайден приводит в своей книге, вышедшей двумя годами ранее, (2), а также с небольшим, на две страницы, рукописным текстом, записанным Ханишем в мае 1933 года и сохранившемся в архиве НСДАП. (3)

Ханиш, дав много фактической информации, в целом создает очень живой и вполне правдоподобный портрет молодого Гитлера. Почти все упомянутые

Ханишем имена встречаются в архивных документах Венского отдела регистрации по месту жительства, причем даты совпадают. Даже те высказывания Ханиша, которые часто ставят под сомнение (например, будто молодой Гитлер предпочитал селиться рядом с евреями), подтверждаются данными регистрации. Кроме того, цитируемые Ханишем слова Гитлера всегда совпадают с высказываниями, приведенными в воспоминаниях Августа Кубичека, которые Ханишу были неизвестны. События 1910 года, упоминаемые Ханишем, также имели место в действительности, хотя порой это кажется сомнительным (как в случае с упоминанием императрицы Елизаветы — см. раздел «Дискуссии в читальне» в настоящей главе). Достоверность фактов, связанных с заявлением, написанным Гитлером на Ханиша, подтверждается полицейским протоколом.

Ханиш прибегает к обману, в основном, когда речь заходит о картинах, написанных Гитлером в мужском общежитии. В этих случаях Ханиш защищает свои финансовые интересы. Ведь в начале 1930-х годов он жил, главным образом, за счет продажи изготовленных им фальшивых «оригиналов Гитлера», разбираясь в этой материи лучше всех и используя выгодную конъюнктуру. Сначала он осторожничал и подписывал картины собственными инициалами, но так, чтобы они были похожи на инициалы Гитлера, и тогда картины можно было «по ошибке» продать как произведения фюрера. Но Гитлер обычно оставлял полную подпись: «А. Гитлер».

Интервью с журналистами и написанный для Хайдена текст Ханиш использовал, чтобы обезопасить свои подделки, как бы невзначай подтвердив их

подлинность. В этой части рассказ Ханиша — большой клубок лжи, который едва ли можно распутать. Он зашел так далеко, что обвинил Гитлера в подделке картин, чтобы затем именно эти картины — правда, подделанные не Гитлером, а самим Ханишем — лучше продавались. Это мошенничество дополнительно прикрывали ложные экспертизы, которые ему обеспечил бывший сосед по общежитию Карл Ляйденрот.

Подделки, приходившие из Вены в начале 1930-х годов, ставили Гитлера в неловкое положение еще и потому, что с художественной точки зрения они были гораздо более примитивны, чем его собственные картины, хотя и те особым мастерством не отличались. Пятьдесят лет спустя изготовлением подделок занялся и Конрад Куяу.

На посту рейхсканцлера Гитлер использовал все свои возможности, чтобы пресечь производство подделок. По его инициативе, скорее всего, в 1933 году, на след Ханиша через посредников навели Франца Файлера, 19-летнего кондуктора трамвая из Инсбрука. (4) Файлер был убежденным национал-социалистом на нелегальном положении и одно время жил в Вене по соседству с Ханишем. Он втерся к тому в доверие, пообещав обеспечить ему заказ на картину от НСДАП.

В мае 1933 года Ханиш составил описание картины, которую партия, по его мнению, должна была приобрести для «фюрера» в качестве подарка со смыслом: «На работу потребовалось бы, по меньшей мере, около 2 недель, стоила бы картина примерно 150–170 шиллингов. По самым скромным подсчетам. Возможно, нашлись бы друзья, которые бы захотели поучаствовать в приобретении этого подарка». В картине следовало учесть пристрастия Гитлера: Земпер, Лист

и Людвиг II Баварский, венский Хофбург и придворные музеи, горящая опера Земпера в Дрездене и сцены из опер Вагнера. «В специальном окошке внизу можно разместить посвящение его друзей или руководства гау... Картина размером 75 см на 50 см будет невероятно прекрасной». (5) Этот проект не осуществился.

Затем Файлер приступил к делу, попросив Ханиша помочь ему приобрести работы Гитлера. Ханиш предложил ему сначала купить за 950 шиллингов подлинную картину, сохранившуюся в запасниках владельца багетной мастерской Якоба Альтенберга. А еще — два неподписанных дамских силуэта из золотой фольги, которые теперешняя владелица купила как работы Рудольфа фон Альта. Музыкальная сцена с изображением Франца Шуберта, также из золотой фольги, была подписана «Визингер-Ф». Имелась в виду художница Ольга Визингер-Флориан, чей стиль Ханиш также копировал и выдавал потом за работу Гитлера. (6)

Ханиш утверждал, что все три работы из золотой фольги — подделки, изготовленные Гитлером, и что трое свидетелей, как и он, лично готовы это подтвердить. Под свидетелями Ханиш подразумевал бывшего соседа по общежитию «проф. Ляйденрота», «который видел, как Гитлер работал». «Эти три вещи можно выкупить за 300 шиллингов, а за мои услуги я хочу получить 500 шиллингов комиссионных сразу же. Но на это предложение нужно ответить немедленно, в самое ближайшее время, потому что я и через других лиц ищущих покупателей, которые окажут мне должное доверие. И, принимая во внимание свидетелей, не станут думать, что я предлагаю подделки».

Ханиш: «Если вдруг Гитлер будет отрицать, что это его работы, свидетели легко это опровергнут. Особенно

проф. Ляйденрот, настоящий выпускник Академии, учившийся у Штука в Мюнхене, высокопоставленный чиновник и майор прусской армии, который знает Гитлера так же хорошо, как и я. На самом деле, эти три эти работы приобретут историческую ценность как подделки Гитлера хотя бы только из-за нас, свидетелей, даже если Гитлер не будет играть такой важной роли, как сейчас». (7)

Обвинение в подделке золотых силуэтов было очевидно несправедливым. В 1910 году Ханиш перехватил у своего компаньона именно этот заказ фирмы Альтенберга и, по свидетельству Адели Альтенберг (8), десятилетиями специализировался на подобных работах. Тот факт, что Ханиш не упомянул имя Альтенберга, а вместо этого назвал заказчиком некоего господина Тауски, доказывает: ему было что скрывать.

Вся эта ситуация, надо полагать, была крайне неприятна рейхсканцлеру Гитлеру. Одно только упоминание имени Ляйденрота, должно быть, воскрешало недобрые воспоминания, ведь когда-то именно он подал заявление в полицию с обвинением, что Гитлер незаконно присвоил себе звание выпускника Академии. Упоминание этого имени свидетельствовало, что Ляйденрот и Ханиш, недоброжелатели из мужского общежития, объединились и готовы прикрывать друг друга и в показаниях, и в обвинениях против Гитлера.

На дальнейшие разоблачения Ханиш намекнул Файлеру угрожающим тоном: «В ближайшее время появится брошюра о Гитлере и его настоящих политических воззрениях в прошлом, а также о его поведении в Вене, там будет написано и об этих подделках, и пусть Гитлер опровергает сколько хочет». Возможно, он говорит здесь о памфлете «Настоящий

Гитлер», — брошюра якобы вышла в свет в 1933 году в издательстве «Новина» в Пресбурге (Братиславе), ни один экземпляр ее так и не всплыл. (9)

Ханиш подпустил остроты этому очевидному шантажу, добавив, что навел справки о мнимой учебе Гитлера в венской Академии изобразительных искусств «и много чего нашел, включая свидетелей». (10)

Неясно, забрал ли Файлер золотые силуэты. Но он купил у Ханиша картинку с изображением дома на площади Михаэлерплатц рядом с церковью Михаэлеркирхе. Картинка с подписью «А. Г. 1910» стоила 200 шиллингов. Файлер отдал 50 шиллингов задатка, забрал покупку и в понедельник после Пасхи 1933 года повез ее Гитлеру в Берхтесгаден. (11) Гитлер, которому таким образом напомнили про старого врага, распознал в акварели подделку и распорядился, чтобы Файлер подал заявление на Ханиша по обвинению в мошенничестве. В июле 1933 года Ханиш в очередной раз предстал перед судом, по свидетельским показаниям Файлера был осужден и на несколько дней сел в тюрьму.

О процессе написали в ряде газет. (12) Благодаря этому Ханиш стал для австрийских противников Гитлера важным источником информации, тем более, что именно летом 1933 года по прессе прокатилась волна сенсационных сообщений о еврейском происхождении Гитлера. 21 августа 1933 года либеральная газета «Винер Зонн-унд-Монтагсцайтунг» напечатала большое интервью с Ханишем под сенсационным заголовком «Гитлер — венский попрошайка».

Статья содержала много ошибок, которые, очевидно, допустили редактировавшие ее журналисты. Но в целом ее содержание совпадает с рассказами Ханиша Хайдену: о том, как он познакомился с молодым

Гитлером в приюте для бездомных (подзаголовок к этой части статьи: «Он просит милостыню на улице»), как всячески помогал Гитлеру (подзаголовок: «Адольф Гитлер не желает работать»), о том, что молодой человек тратил деньги на газеты и любимое лакомство — трубочки с кремом, что Гитлер вовсе не был антисемитом, часто говорил о политике, и многое другое. Затем Ханиш рассказывает, как в 1910 году Гитлер заявил на него по поводу мошенничества, многословно оправдывается и рассуждает о низком уровне мастерства Гитлера-художника (подзаголовок: «Картины Гитлера? И даром не надо!»).

Ханиш и тут обвиняет Гитлера в подделке картин: якобы в общезнании Гитлер рассказывал ему, «что уже в Линце он писал маслом небольшие пейзажи, а затем сушил их в духовке, чтобы потемнели, и несколько раз ему действительно удалось продать эти картины барохольщикам как старинные». Получается, что картины он сушил в маленьком домике Клары Гитлер. Разумеется, в мужском общезнании такое не сделаешь незаметно.

Ханиш превратился в настоящую знаменитость, еще бы! Единственный венский товарищ Гитлера и откровенный враг. У него часто брали интервью, наверное, он этим даже зарабатывал. Именно благодаря его рассказам впервые стало известно, что Гитлер несколько лет прожил в мужском общезнании. Кое-что Ханиш рассказал и писателю Рудольфу Ольдену, тот много цитировал его в своей биографии Гитлера, вышедшей в 1935 году в Амстердаме. (13)

Особые отношения связывали Ханиша с писателем Конрадом Хайденом. Хайден, один из первых убежденных противников нацистов, родился в 1901 году в Мюнхене и вплоть до эмиграции в 1933 году

работал мюнхенским корреспондентом «Франкфуртер Цайтунг». С начала 1920-х годов он занимался изучением гитлеровской политики. В 1932 году в Берлине вышла его книга «История национал-социализма». В следующей книге он планировал рассказать биографию Гитлера. Собирая материал, он тоже обратился к Ханишу. Расспросил его о жизни в мужском общежитии и поручил за вознаграждение разыскать в Вене еще какую-нибудь информацию. Вот так Ханиш и нашел в архиве Академии изобразительных искусств доказательства, что Гитлер никогда не учился там живописи, а совсем наоборот — дважды провалился на вступительных экзаменах. (14)

Хайден не скрывал своего отношения к Гитлеру, а потому находился в опасности; в 1933 году он эмигрировал сначала в Саар, затем в Париж. В 1936 году в Цюрихе вышел первый том его книги «Адольф Гитлер. Биография» с подзаголовком: «Эпоха безответственности». В том же году в Нью-Йорке вышло американское издание.

Ханиш и здесь выступает как источник информации. Сенсационные разоблачения Хайдена, появившиеся в одно время со скандалом вокруг происхождения Гитлера и ложными сообщениями о его еврейской родне, вероятно, не просто напомнили о застарелой вражде, но довели Гитлера до белого каления. Ханиш и без того попался на подделке картин, а теперь опасность угрожала его жизни. Австрия уже была полна нацистов на нелегальном положении, готовых исполнять приказы Гитлера.

Удивительным образом отношения Ханиша и Файлера не испортились даже после судебного процесса. Файлер наконец-то достиг своей цели

и заполучил изображение парламента, которое сыграло столь важную роль во время процесса о мошенничестве в 1910 году и представляло — в сравнении с остальными — неоспоримую ценность. Ханиш продал Файлеру картину за 200 шиллингов, а тот перепродал ее за 2000 рейхсмарок главному архиву НСДАП. (15)

Выйдя из тюрьмы, Ханиш продолжил подделывать картины Гитлера, причем намеренно в плохом качестве. Торговец по имени Жак Вайс продавал эти картины по всей Европе. (16) Так в обращении оказалось столько фальшивок, что в Берлине вскоре заговорили о «венской штаб-квартире фальсификаторов», которую следует уничтожить.

16 ноября 1936 года Ханиша арестовали. При обыске на квартире, где он был субарендатором, нашли рукописи о Гитлере, а также веские улики — подделки. Доказательства вины оказались неоспоримы. 2 декабря 1936 года Ханиша доставили в Венский суд первой инстанции (17), где он умер 4 февраля 1937 года, по всей вероятности, от сердечного приступа. Смерть засвидетельствовал судебный врач. Согласно протоколу об установлении смерти, его похоронили бесплатно, поскольку никакого имущества у него не обнаружилось. (18)

В Берлине о смерти Ханиша узнали не сразу. Только после «аншлюса», 11 мая 1938 года Файлер сообщил своему куратору Эрнсту Шульте-Штратхаусу, руководителю управления в главном архиве НСДАП, о том, что Ханиш умер уже «полтора года назад», а именно — «от воспаления легких в лазарете следственной тюрьмы». (19)

Файлер винил в смерти Ханиша австрийскую полицию в эпоху Шушнига: «Я знаю, как в полиции и в суде обращаются с такими бедолагами, особенно,

если они плохо одеты. А этот человек еще и превосходит по духу всех, в чьей власти находился, так что его неожиданная кончина представляется мне очень подозрительной».

По словам Файлера, Ханиш был человеком «не без изъяна», «но, несмотря на бедность и нужду, благородным, и я глубоко огорчен его смертью. Когда-то он дружил с нашим фюрером, и я не стыжусь дружбы с Райнхольдом Ханишем». Что же до интервью, то журналисты, скорее всего, Ханиша просто использовали. Файлер предложил возобновить поиски картин Гитлера в Вене. Конечно, здесь могут возникнуть некоторые сложности, «ведь мне не дадут провести обыск дома. Но при поддержке властей, возможно, удастся что-нибудь раздобыть. Моя информация может оказаться полезной». (20)

Подчиненным Гитлера пришлось еще очень долго заниматься фальшивками. Например, 21 октября 1942 года Генрих Гиммлер, по приказу Гитлера, распорядился уничтожить три фальшивки Ханиша, а также сделанные в 1935 году заявления Ханиша и Ляйденрота, равносильные сделанным под присягой. (21)

Свидетельства следующего очевидца (с февраля по апрель 1912 года) не так пространны, как рассказы Ханиша, и с ними связан лишь один сложный вопрос. Автор, которого мы здесь называем «анонимом из Брюнна», предпочел из вполне понятной осторожности остаться неизвестным. Его рассказ на чешском языке опубликовал в 1935 году журнал «Моравский иллюстрированный наблюдатель» в Брюнне (22). Здесь Гитлер изображается вполне правдоподобно и критически. Однако этому источнику часто не доверяют,

не зная текст целиком и основываясь на отдельных, часто некорректных цитатах и переводах, переходящих из одного исследования в другое без перепроверки.

Аноним, конечно, тоже допускает ошибки. Однако они касаются, как правило, деталей истории семьи — того, что Гитлер лично рассказывал собеседнику и что последний подзабыл за время, прошедшее с 1912 до 1935 года, или изначально понял неправильно.

Но сообщая о собственных наблюдениях и лично пережитых эпизодах, связанных с Гитлером, аноним всегда говорит правду. Наша проверка подтвердила достоверность приведенных им имен и дат. Воспроизведенные в рассказе анонима высказывания Гитлера по политическим вопросам также совпадают с его высказываниями, приведенными в других источниках (например, в воспоминаниях Кубичека). Любопытно беглое упоминание, что семья Гитлера была родом «из онемеченной части Богемии»; это показывает, что для чехов принадлежность Вальдфиртеля оставалась дискуссионным вопросом.

Карл Хониш — автор следующего, гораздо более короткого и не слишком информативного свидетельства о первых месяцах 1913 года. Это единственный сосед Гитлера по общежитию, которого разыскал партийный архив НСДАП после 1938 года и допросил о прошлом, связанном с Гитлером. (23) Хониш был на два года моложе Гитлера, он родился в 1891 году в Моравии. Холостой, по профессии «конторщик». Хониш приехал в Вену из Брюнна и зарегистрировался здесь на жительство только в 1913 году; из общежития на Мельдеманштрассе он выбыл в неизвестном направлении незадолго до Рождества 1913 года. (24)

Текст, который Хониш написал в 1939 году по распоряжению НСДАП, объективен лишь отчасти. Понятно, что автор остерегается писать о «фюрере» плохо. Молодого Гитлера он показывает с самой лучшей стороны. Например, пишет, что Гитлер «был необыкновенным человеком, в свои 24 года превосходил всех нас в духовном развитии». Даже персонал общежития «хорошо к нему относился, а еще, я хорошо это помню, с ним очень часто разговаривал управляющий. А это честь, которую редко оказывали простому жильцу». Рассказ Хониша — самое настоящее упражнение в эквилибристике: с одной стороны — не соврать бы, с другой стороны — не поставить бы себя под удар.

Хониш пишет также о политических взглядах Гитлера, о его страсти произносить речи, осторожно замечая: «Мы его не всегда понимали». «Лишь сегодня», то есть, в 1939 году, Хонишу «становится более понятной его сущность. Совершенно точно можно сказать, что семена будущих свершений проросли в нем уже тогда, что уже тогда он творил и размышлял. С этим, наверное, и связана частая смена настроений». Порой он был «неудержим в своей ярости». Однако Хониш утверждает, что они тогда «знали эту его особенность и уважали ее».

Хониш ловко избегает называть имена бывших соседей по общежитию, которых могла бы разыскать НСДАП. Он ограничивается указанием, что Гитлер любил общаться с разного рода специалистами: «Я помню, например, одного мужчину по имени Шён тридцати лет. Он, управляющий имением, потерял место, но, по-видимому, имел хорошее специальное образование. Гитлер частенько обсуждал с ним аграрные вопросы, причем считал это столь важным, что

брал бумагу и карандаш, делал записи. Еще там был некий господин Редлих, выпускник университета... Были и другие, имена их я подзабыл, в том числе, рабочие и ремесленники, у них Гитлер часто справлялся об их профессиональной деятельности».

Личность Шёна невозможно установить по документам о регистрации ввиду распространенности фамилии, но Редлиха удалось разыскать. Рудольф Редлих родился в 1882 году в Чейковице в Моравии, иудей, не женат, чиновник. Он был зарегистрирован в мужском общежитии на Мельдеманштрассе с 30 декабря 1911 года по 28 июня 1914 года, одновременно с Гитлером и Хонишем. (25) Упоминая его, Хониш, хотя и ненамеренно, подтверждает наличие еще одного еврея среди близких знакомых Гитлера в общежитии.

В остальном Хониш заполняет множество страниц подробным описанием общежития, которое он просто-напросто взял из официального источника, а именно — из десятого отчета «Фонда имени юбилея императора Франца Иосифа» за 1905 год, опубликованного в 1906 году в Вене.

Хониш — единственный, кто сообщает, что Гитлер уехал в Мюнхен не один, а «в сопровождении приятеля, который также эмигрировал в Германию. Его имени я не помню». Этим попутчиком был Рудольф Хойслер, католического вероисповедания, родившийся в 1893 году в Аспанге, Нижняя Австрия. Хойслер проживал в Вене и имел свидетельство уроженца Вены, был зарегистрирован в общежитии на Мельдеманштрассе с 4 февраля по 25 мая 1913 года, работал в то время учеником аптекаря. (26) Гитлер и Хойслер (младше на четыре года) сблизились настолько, что в Мюнхене

даже снимали у портного Поппа одну на двоих крошечную комнатку с 25 мая 1913 года по 15 февраля 1914 года; с Хойслером Гитлер прожил вместе дольше, чем с Кубичеком. (27) Они тесно общались вплоть до начала войны в августе 1914 года (См. главу 12 «Накануне Великой войны»).

В 1917 году Хойслер женился в Вене, в 1918-м у него родилась единственная дочь Марианна. В 1929 году он овдовел и растил ребенка один. Работал в разных местах, в частности — управляющим отеля в Чехословакии, где ему помогала дочь. Он понял не сразу, что партийный вождь и его друг Адольф — одно и то же лицо. В 1929 году Хойслер вступил в запрещенную тогда национал-социалистическую партию. О своей дружбе с Гитлером он упомянул лишь в 1939 году, в партийных документах для внутреннего пользования.

В 1933 году Хойслер провел шесть недель в Берлине, а дочери потом рассказал, что пытался встретиться с Гитлером. Но к фюреру его не допустили, не поверив, что он просто хочет встретиться со старым другом. Сейчас уже невозможно узнать, рассказал ли Хойслер дочери об этой поездке все без утайки. Некоторые факты указывают на то, что бывшие друзья заключили договор о молчании. До 1945 года Хойслер ничего и никому не рассказывал о своих отношениях с Гитлером. Как ни странно, о втором квартирном съезде молчала и семья Попп, что могло произойти только по настоятельной просьбе Гитлера.

После 1938 года Хойслер сделал весьма неплохую, хотя и не блестящую партийную карьеру. Как следует из партийных документов, хранящихся в Берлинском центре документации (BDC), с 1938 года по 1945 год

он был руководителем главного отдела в «Германском трудовом фронте» (DAF) и заведовал распределением жилья. Кроме того, с 1940 по 1945 год — руководителем венского отделения НСДАП. (28) Правда, в документах Венского гау его карьера выглядит несколько иначе. В 1955 году Министерство внутренних дел Австрии установило, что Хойслер с 1938 по 1944 год был не членом партии, а лишь кандидатом, и потому не является преступником. (29)

Хойслер умер в Вене в 1973 году в возрасте 79 лет, не оставив воспоминаний о своих отношениях с Гитлером. Письма или какие-либо другие документы, касающиеся Гитлера, в его бумагах не обнаружены.

Однако в поэтическом альбоме Милли, младшей сестры Хойслера, нашлась вклеенная цветная открытка с видом, нарисованная Гитлером (см. главу 11 «Гитлер и женщины»). А среди вещей, оставшихся после матери Хойслера Иды, обнаружили два письма Гитлера из Мюнхена 1913 года. До наших дней сохранилась только фотография фрагмента одного из писем, факсимиле которого приводится в главе 12 «Накануне Великой войны». Содержание этого отрывка подтверждает рассказы Марианны Копплер, дочери Хойслера, о том, что Гитлер заботился о своем младшем друге и пользовался абсолютным доверием его матери.

Историки даже не попытались связаться с Хойслером, имя которого вплоть до самой его смерти в 1973 году значилось в венском телефонном справочнике. Сегодня мы располагаем лишь теми скудными сведениями о Гитлере, которые Хойслер сообщил своей дочери Марианне и которые та любезно пересказала автору этой книги.

Остался вопрос о точности показаний этой свидетельницы, хотя с отцом ее связывали очень близкие отношения. Госпожа Копплер — энергичная и умная женщина, она трезво смотрит на отца и ничего не придумывает, ограничиваясь в рассказах тем немногим, что узнала от него и от бабушки и что сохранилось в памяти. Отец даже для близких был крайне закрытым человеком, да еще и авторитарным настолько, что ни дочь, ни внук не приставали к нему с расспросами, а только слушали, если он сам изъявлял желание что-то рассказать. Ее воспоминания — прекрасный источник, ведь свидетельница, по ее словам, никогда не интересовалась Гитлером: тот плохо обошелся с ее отцом при расставании в 1914 году, а также после 1933 года. Она уверяет, что не прочитала ни одной книги о Гитлере, и это представляется вполне правдоподобным; все это делает ее рассказы еще более интересными.

Сведения из вторых рук не так ценны, как те, что можно было бы получить, прицельно расспросив самого Хойслера. Но рассказы Марианны Копплер все же добавляют несколько важных штрихов к портрету молодого Гитлера (см. главу 12 «Накануне Великой войны»).

Книга Йозефа Грайнера «Конец мифа Гитлера», вышедшая в 1947 году, по содержанию разительно отличается от рассказов четырех выше названных свидетелей. После 1945 года на немецком языке впервые опубликовали воспоминания «инсайдера», что гарантировало успех у публики.

Грайнер утверждает, будто знал Гитлера в 1907–1908 годах, причем по общежитию на Мельдемманштрассе. Однако в эти годы — как

сейчас точно установлено — Гитлер проживал сначала в Линце, а потом на квартире у госпожи Закрейс вместе с Кубичеком. Грайнер даже заявил, что якобы получил от смертельно больной Клары Гитлер написанное «дрожащей рукой» письмо с благодарностью за помощь, но оно, увы, затерялось. (30)

Автор книги рассчитывал на сенсацию. Он рисует жуткий, абсолютно пошлый портрет молодого Гитлера — в соответствии с ожиданиями читателей после войны. Например, здесь говорится, что Гитлер работал на одну восточноевропейскую еврейку, старьевщицу, обучая ее чтению и письму, а дополнительные деньги зарабатывал ловлей клопов. Этих клопов он однажды подложил в кровать своей работодательнице, за что его уволили. (31) Гитлер якобы подкупал «арийских» детей шоколадом, чтобы те обзывали своих приятелей-евреев «еврейскими свиньями». (32) В кофейне Фенстергукера рядом с оперой Гитлер будто бы проявил свой антисемитизм следующим образом: подложил на стул одной празднично одетой «еврейке» плавательный пузырь рыбы, наполненный красными чернилами (33). И так далее.

Сексуальные фантазии Грайнера достигают кульминации в истории о том, как молодой Гитлер якобы попытался изнасиловать одну из своих натурщиц (!) (34) Мало того, в венском районе Леопольдштадт Гитлер будто бы заразился сифилисом от проститутки. (35) А ведь отрицательная реакция Вассермана (исследование 1940 года) однозначно доказывает отсутствие этого заболевания у Гитлера. (36) Грайнер также заверяет, что Гитлер не покончил жизнь самоубийством, а улетел 30 апреля 1945 года на самолете: «Обманный маневр, как того требует героический эпос». (37)

Грайнер будто бы между делом создает и выгодную в политическом отношении легенду о себе как об активном борце сопротивления, который даже пытался совершить покушение на Гитлера — увы, неудачно. Утверждает, что указывал бывшему соседу по общежитию на недопустимость его еврейской политики, как и плохого отношения к жителям Южного Тироля. Более того, он отверг предложение Гитлера занять в правительстве Германии пост министра экономики. А в качестве «доказательства» приводит тексты трех длинных писем, которые якобы написал Гитлеру в 1938 году. (38) Ясно, что он их сочинил после 1945 года специально для этой книги и датировал задним числом.

Свой антигитлеровский опус Грайнер разослал политикам; один экземпляр, вместе с сопроводительным письмом от 14 мая 1947 года, был отправлен «его превосходительству господину генералиссимусу Сталину». В письме Грайнер назвался президентом некоего основанного им, но пока еще не учрежденного «Австрийского панъевропейского союза» и членом «Общества по укреплению культурных и экономических связей с Советским Союзом» и предложил СССР купить придуманную им техническую новинку. Сумма, которую следовало уплатить за покупку, полностью покрыла бы репарации, которые Австрия должна России, к тому же эта сделка стала бы залогом спасения Австрии и гарантией мира. (39)

Уже в 1956 году Франц Етцингер представил подробный разбор книги Грайнера, доказывая, что это — «настоящая паутина лжи». (40) Етцингер считал, что ту толику информации, которая соответствует действительности, Грайнер позаимствовал из «Моей борьбы», из книги Хайдена (а через него у Ханиша) и из

разговоров с самим Етцингером. Указывая на огромное количество нелепейших ошибок, Етцингер предполагает, что Грайнер даже не знал Гитлера. К такому же выводу придет каждый, кто познакомится с этой книгой и обстоятельствами ее создания.

Однако в статьях Ханиша, опубликованных в «Нью Рипаблик», говорится, что в 1910 году Гитлер сблизился в общежитии с неким сомнительным рисовальщиком вывесок по имени Грайнер, который раньше работал осветителем в кабаре «Хёлле» (Ад). Грайнер и Гитлер, по воспоминаниям Ханиша, строили абсурдные планы: так, они придумали заполнять старые жестяные банки мазью и продавать их как антифриз для окон, но продавать исключительно летом, чтобы никто не смог проверить действенность средства. Ханиш сомневался в успехе предприятия, а Гитлер сказал, что для продаж нужно лишь умение красиво говорить. Затем у обоих появилась идея предохранять банкноты от износа, помещая их в целлулоидные коробки, правда, для этого купюры следовало уменьшить в размере, и так далее. По воспоминаниям Ханиша, пустомеля Грайнер оказывал на Гитлера дурное влияние.

Етцингер считает, что Ханиш в данном случае лжет и просто выдумывает человека по имени Грайнер. А Грайнер, в свою очередь, просто воспользовался фантазиями Ханиша и сочинил свои небывлицы, ухватившись за случайно упомянутое имя тезки, якобы проживавшего в общежитии.

Но не все так просто. Версия Ханиша и в этом случае подтверждается данными Венского отдела регистрации по месту жительства. Человек по имени Йозеф Грайнер действительно существовал. Он родился в 1886 году в Штирии, с 1907 по 1911 год проживал в различных

венских общежитиях, в том числе и в мужском общежитии на Мельдемманштрассе (15 января — 17 апреля 1910 года), а потом еще четыре раза появлялся там на более короткий срок. Этот самый Грайнер и написал позже книгу о Гитлере. Ханиш, скорее всего, был с ним знаком.

Загадкой остается, почему Грайнер о Гитлере ничего не знает и распространяет исключительно небывлицы. Грайнер проживал в общежитии в одно время с Гитлером и Ханишем (по меньшей мере с 9 февраля, когда Гитлер там поселился, до 17 апреля 1910 года), но они, возможно, были знакомы лишь поверхностно. А Ханиш, видимо, хотел скомпрометировать ненавистного ему Гитлера рассказом о дружбе с этим фантазером и лжецом. Но Грайнер упоминался как сосед Гитлера и в книге Хайдена (1936), и ему представилась отличная возможность сколотить капитал на мнимой дружбе с Гитлером. Книгу Хайдена, документально подтверждавшую соседство, Грайнер упоминает уже в первых словах предисловия. Не исключено и то, что Ханиш и Грайнер заключили сделку. Так или иначе, точные обстоятельства этого проекта до сих пор не ясны.

Книга 1947 года — уже вторая попытка Грайнера нажиться на «дружбе» с диктатором. В марте 1938 года он издал ограниченным тиражом на собственные средства хвалебную брошюру «Его борьба и победа. Воспоминания об Адольфе Гитлере». Однако в этой брошюре, объемом всего в 39 страниц, щедро украшенной портретами фюрера, Грайнер утверждает, что общался с Гитлером в мужском общежитии в течение года, а именно — 1912-го. Здесь ни слова о 1907 годе, о смерти Клары Гитлер и обо всем остальном, что изложено в книге 1947 года. Эта брошюра до настоящего

времени никому не была известна, но она чрезвычайно важна, так как позволяет понять степень ценности Грайнера как свидетеля. Остановимся на ней подробнее. (41)

В первом сочинении Грайнер не рассказывает ни об одном событии, пережитом вместе с Гитлером. Он излагает только неубедительную историю о том, как юный Гитлер отдал ребенку, просящему милостыню, свой «ужин» — «булочку с колбасой, хотя денег на вторую булку у него не было». (42) Грайнер явно ориентируется на «Мою борьбу» и книгу Хайдена, он защищает Гитлера от нападок Ханиша: «Лишь благодаря заступничеству Гитлера Ханиш получил тогда всего одну неделю ареста. А теперь этот Ханиш, так сказать, в благодарность за великодушие, не устает рассказывать развесившим уши врагам фюрера небывлицы о его юности». Грайнер воспеваает Гитлера как «мессию» и приписывает ему «дар пророчества»: «Дело Адольфа Гитлера, которое он осуществил в кратчайшие сроки, затмевает все творения мира».

Автор страницами высокопарно восхваляет гений своего соседа по общежитию, когда тот уже стал хозяином «Восточной марки». Но и здесь нет никакой опоры на факты: «В религиозных спорах он демонстрировал обширнейшие знания не только об Аврааме, Моисее и Иисусе, но и о Конфуции, Раме, Кришне, Будде и т. д. Развитие христианской церкви, ее раскол на восточную и западную, реформаторские устремления Савонаролы, Гуса, Лютера, Цвингли и Кальвина были его любимыми темами». А также: «Гитлер верил в Бога. Где бы он ни был, куда бы ни направлялся, он всегда восхищался бесконечностью и мудростью Творца и развитием его созданий».

Грайнер: «Должно быть, именно по воле всемогущего Господа Адольфу Гитлеру довелось испытать в прямом смысле слова несчастья народа, чтобы он смог стать его настоящим вождем. Уже в молодости Адольф Гитлер обладал горячим сердцем, глубоким умом и железной волей. Огонь, которым он воспламенил души немцев, ярко полыхает во всех немецких гау. Хайль Тебе, Адольф Гитлер!». И об «аншлюсе» Австрии: «Случилось чудо, какого еще не знала мировая история. Весь народ взывал к Гитлеру... Возгласы «Хайль Гитлер!» звучат теперь над святой немецкой землей от Северного моря до Дравы. Немецкий милитаризм, так часто осуждаемый, обернулся инструментом мира... Разве не сам Бог помогал Адольфу Гитлеру?»

Грайнер послал эту брошюру с посвящениями Гитлеру, Муссолини, Геббельсу и Герингу. Думал, что НСДАП будет тиражировать текст с пропагандистскими целями и он как автор разбогатеет. А еще надеялся, что Гитлер назначит его министром экономики Германской империи. (43)

Однако Гитлер приказал отправить это сочинение в макулатуру. В партийных документах появилась «предостерегающая карточка», где Грайнер назван «опасным, завзятым шантажистом», которому «не место в рядах партии». Заявления о вступление в НСДАП, которые Грайнер неоднократно подавал начиная с мая 1938 года, неизменно отклоняли, в качестве причины указывая, что он «отъявленный конъюнктурщик и беспринципный делец. А кроме того, есть подозрения, что имеет судимость». (44) После войны Грайнер использовал эти отказы для создания легенды о своем противостоянии Гитлеру.

Подведем итоги. Дважды Грайнер сочинял тексты, которые сулили успех и политические дивиденды: до 1945 года — легенду о Гитлере как о «мессии», после 1945 — легенду о сифилитике и обманщике. И его книги, конечно же, не могут рассматриваться в качестве серьезных источников.

Это означает, что не соответствуют действительности и те «факты», которые вот уже пятьдесят лет авторы книг о Гитлере пересказывают вслед за Грайнером, в большинстве случаев напрямую его не цитируя. Будущим биографам предстоит, приложив немалые усилия, тщательно «вычистить» Грайнера из существующей литературы, чтобы добиться достоверной картины. Избавиться предстоит и от тех историй, которые основывались на данных из книги Грайнера — например, от самой известной легенды о том, как Гитлер заразился сифилисом от еврейской проститутки.

Легенды о Гитлере

Рейхсканцлер Гитлер приказал неукоснительно следить за всеми публикациями в прессе о его прежней жизни и рассматривать «Мою борьбу» в качестве единственного биографического источника. В 1940 году прессе запретили «иметь дело с якобы личными воспоминаниями, связанными с жизнью фюрера... В книге фюрера так много материала, что... нет никакой необходимости публиковать рассказы мнимых свидетелей его детства, юности и военных лет». (45) И в самом деле, большая часть многочисленных легенд о юности Гитлера основывается на информации из единственного источника, доступного до 1945 года, — на «Моей борьбе» Гитлера. Сам фюрер весьма способствовал распространению этих легенд, с возрастом все более

часто и цветисто повествуя о своих венских страданиях в многочисленных речах и монологах.

Невозможно проверить, соответствует ли действительности следующая история, которую Гитлер рассказал фотографу Генриху Гофману, и правильно ли ее потом пересказали. По словам Гитлера, в Вене его однажды порекомендовали некоей даме из хорошего общества, которая недавно овдовела. «Очаровательная пожилая венка!» Она хотела заказать акварельный рисунок интерьера Капуцинеркирхе — церкви, где когда-то венчалась. Обычно Гитлер получал за картину всего «15–20 крон», но на этот раз хотел запросить 200 крон, однако не осмелился, а на вопрос заказчицы лишь ответил: «На ваше усмотрение, сударыня!» Дама «с доброжелательной улыбкой» скрылась в соседней комнате, а затем передала ему запечатанный конверт. Гитлер поспешно вскрыл конверт в подъезде и «застыл от удивления», обнаружив в нем пять купюр по сто крон. (46) Если эта история произошла на самом деле, то Гитлер мог жить на такие деньги около полугода.

Еще одну историю рассказывала восторженно настроенная Генриетта фон Ширах, жена рейхсштатгальтера Бальдура фон Шираха. В 1941 году, во время последнего визита в Вену, Гитлер будто бы решил вечером прокатиться по городу и взглянуть на свои любимые места: «Мы медленно ехали по центру города, Гитлер рассказывал нам о своей юности, как он был художником. Перед парламентом он приказал остановиться и вышел. Стоя без накидки и шляпы, он показал нам, с какой точки рисовал это здание». Значит, не было и речи о том, что он лишь копировал уже существующие картины. «Затем мы медленно поехали дальше, к опере, к площади Шварценбергплац, к Верхнему

Бельведеру, к Площади героев... Улицы были пусты, стояла светлая лунная ночь. Мы двинулись к собору Св. Стефана, а затем к церкви Карлскирхе. “Я так часто рисовал этот фасад и высокие колонны”, — вымолвил он. Более часа мы ездили по тихому городу — к церкви Миноритенкирхе, к церкви «Мария-ам-Гештаде», которая была одним из его любимых мотивов». (47)

Из множества легенд о венском периоде жизни Гитлера приведем лишь несколько. Например, нет никакого документального подтверждения тому, что Гитлер когда-либо служил чертежником в архитектурном бюро Макса Фабиани (пусть бы и не в 1912 году, как обычно указывают). (48) Эта легенда восходит к интервью с кричащим названием «Человек, уволивший Гитлера», которое Фабиани дал в 1966 году одной из флорентийских газет. Архитектор Фабиани, создавший венскую «Уранию», утверждал, что Гитлер будто бы у него работал: «Очень усердный молодой человек. Сразу было понятно, что он далеко пойдет». Несмотря на это, через три месяца Гитлера уволили из-за его упрямства, расхождений во взглядах, невысокой работоспособности и «потому что он не проявил себя». (49)

Еще более сенсационную историю придумала невестка-англичанка Бриджит Гитлер. Она утверждала, что опустившийся Гитлер («a shabby young man») с ноября 1912 года по апрель 1913 года находился в Ливерпуле, не работал, жил за их счет (имеются в виду она, ее муж Алоис и родившийся в 1911 году Патрик). Это, однако, легко опровергнуть, хотя бы просто просмотрев данные в Венском отделе регистрации по месту жительства, где документация всегда велась очень тщательно. (50)

Актриса придворного театра Роза Альбах-Ретти, бабушка Роми Шнайдер, пишет в мемуарах следующее. Бывший директор «Театер-ан-дер-Вин» рассказывал ей, что однажды к нему пришел наниматься в хор «тощий молодой человек» в «до дыр заношенном, латаном-перелатаном костюме». Он исполнил (надо же, какое совпадение!) «Пойду к “Максиму” я...» — вступительную арию графа Данило из «Веселой вдовы» Франца Легара, которая, как все знали, была любимой опереттой Гитлера. Причем исполнил очень хорошо. Однако в театр его не взяли: он не имел фрака. В те времена актеры и певцы сами приобретали сценический гардероб.

Столь же неправдоподобна история, которую Роза Альбах-Ретти услышала «в начале лета в 1910 или 1911 году» от одной подруги за чаем. В доме у той как раз что-то чинили, и к ней будто бы подошел «рабочий, бледный молодой человек» и вежливо попросил дать ему на время два тома произведений Фридриха Ницше. «Обещаю вам, сударыня, — я буду хранить книги как зеницу ока!» — произнес он «почти торжественно» и обязался вернуть книги не позднее, чем через три дня. Подруга решила: «Удивительный человек. Пьет только молоко и интересуется Заратустрой». Юноша вернул книги срок, в одной из них хозяйка обнаружила написанную от руки визитную карточку. «Каменщик раздает визитные карточки! Нет, ты представляешь?» «И как его зовут?» — поинтересовалась Роза. «Подожди-ка, сейчас вспомню. Адольф... да, Адольф Гитлер!»

Когда две дамы в марте 1938 года («аншлюс») стояли на балконе Бургтеатра, актриса подумала: «Кто это проехал мимо нас в открытой машине, с такой

прямой осанкой, под приветственные крики толпы? Каменщик моей подруги Валли! Только теперь это был наш фюрер Адольф Гитлер». (51)

Истории подобного рода демонстрируют, сколь популярной была трогательная легенда о бедном, но опрятном и стремящемся к образованию венском строителе Гитлере.

7. Расовые теоретики и толкователи мироздания

Самоучка

В «Моей борьбе» Гитлер пишет, что в Вене он учился, как никогда прежде. Я тогда бесконечно много читал, причем вдумчиво. Все свободное от работы время я полностью посвящал учебе. За несколько лет я приобрел основополагающие знания, на которые опираюсь до сих пор. (1)

Гитлер именно в Вене приобрел обширные знания, запомнил факты и детали — впоследствии это поражало его собеседников, когда разговор касался архитектуры, немецкой истории, театральной машинерии, опер Рихарда Вагнера и политики. «Он никогда не читал, чтобы просто развлечься, провести время. Чтение книг было для него серьезнейшей работой, — пишет Август Кубичек. — Изученный материал тщательно упорядочивался и регистрировался в его памяти. Если вдруг понадобится — вот он, как будто Адольф только что об этом прочитал. Казалось даже: чем больше он усваивал, тем лучше становилась его память». (2)

Гитлер учился без системы и руководства, невидя школы и университеты, не вступая в студенческие корпорации или рабочие союзы. Учился по книгам из библиотек и дешевым брошюрам, которые

распространяли политические партии и объединения. Но прежде всего — по газетам, их он мог поглощать в каких угодно количествах и потом называл *своего рода школой для взрослых: Подавляющая часть политического «воспитания», которое в данном случае справедливо будет назвать пропагандой, происходит за счет политической прессы.* (3)

Отто Вагенер, близкий друг Гитлера, рассказывает о рубеже 1920–1930 гг. примерно то же самое, что Кубичек и Райнхольд Ханиш — о венских годах: «Неважно, кто написал статью и из какой она газеты, он просто вбирал в себя то, что его интересовало, и размещал эти знания в голове таким образом, что они подтверждали или даже обосновывали его собственные идеи. Все, что им противоречило, он отбрасывал и просто не запоминал». (4)

Такой способ приобретать знания и то, что он называл *мировоззрением*, — впитывая чужие тезисы практически дословно и воспринимая их теперь как свои собственные, — характерная черта молодого Гитлера уже в венские годы. В «Моей борьбе» он писал, что чтение поставляло ему *инструменты и строительный материал*. Затем этот материал, *словно кусочки мозаики, встраивается в общую картину мира.* (5).

Информацию, почерпнутую из книг, он закреплял в памяти, постоянно и подробно ее пересказывая. В 1908 году на Штумпергассе эти многочасовые ночные монологи вынужден выслушивать Кубичек. Он вспоминает: «Если книга его увлекала, он начинал о ней говорить. Мне приходилось терпеливо слушать, не важно, интересовала меня эта тема или нет». (6) В 1913–1914 годах в сходной ситуации оказался Рудольф Хойслер. Гитлер откровенно использовал

слушателей в своих целях, не терпя ни возражений, ни дискуссий.

Криста Шрёдер, секретарша Гитлера, тоже рассказывала о его «гимнастике для ума»: во время беседы за вечерним чаем у камина он «все время возвращался к прочитанному, чтобы таким образом лучше закрепить это в памяти». Во всем остальном Гитлер был неряшлив, зато «в его памяти всегда царил безупречный порядок, как в настоящей картотеке, которой он умел отлично пользоваться». (7)

Однако, по словам Шрёдер, он никогда не раскрывал источников своих знаний. Нередко возникало впечатление, «будто все, что он говорил, было результатом его собственных размышлений, собственной рефлексии. Он воспроизводил по памяти целые страницы чужих книг, и казалось, будто все это — его идеи». Оттого многие были твердо убеждены, что Гитлер обладал «необычайно острым аналитическим умом». Однажды секретарша с удивлением услышала в монологе Гитлера «на вполне философскую тему... пересказ страницы из Шопенгауэра». (8)

Возможно, здесь она несколько преувеличивает. Но нельзя не увидеть совпадений между высказываниями Гитлера-политика и их источниками венского периода. Особенно заметно влияние венских националистических изданий, в частности, газеты «Альдойчес Тагблатт» Франца Штайна, газеты «Дер Хаммер», изданий христианских социалистов «Бригиттенауер Бециркс-Нахрихтен», «Дойчес Фольксблатт» и многочисленных брошюр, выпускавшихся теми же издательствами. Рейхсканцлер Гитлер определенно впитал в себя венский дух немецкого национализма на рубеже веков.

В начале XIX века романтизм и освободительные войны против Наполеона пробудили национализм и интерес к своим корням у всех европейских народов — чехов, венгров, поляков, сербов. И у немцев, тогда открывших для себя культуру древних германцев. В огромном плавильном котле Дунайской монархии, где разные нации одновременно занялись поисками собственной идентичности, ситуация стала особо взрывоопасной. Чем больше заботы о собственном народе, тем более чуждыми кажутся все остальные.

Поиски национальных корней во второй половине XIX века сопряжены с идеями дарвинизма. Их переносили с мира животных и растений на человеческое общество и на целые народы. Этому способствовало широкое распространение тезисов о происхождении человека и о его эволюции от обезьяны к высшему «благородному человеку будущего». В то время считалось, что есть народы «сильные» и «слабые», народы развивающиеся и угасающие, высокоразвитые и недоразвитые. Расовые теоретики подсказывали, как в ускоренном темпе можно «облагородить» свой народ и обогнать остальных. Каждый хотел быть «сильным» и «высокоразвитым». «Чистота крови», безупречное происхождение воспринимались как ценность, гибридное происхождение — как недостаток. В интересах нации теперь стало важно сохранять «народное» («фёлькиш») своеобразие и по возможности сторониться всего чужеродного.

«Борьба по защите своей национальности» велась на два фронта: во-первых, против других народов Габсбургской монархии, во-вторых — в собственных рядах, за «расовую гигиену», за «поддержание чистоты нации», за «избавления от примесей», от

«чужеродного». В моду вошли «правила отбора», которые должен был соблюдать каждый, кому дорог «свой народ»: следовало тщательно выбирать «расово полноценного» партнера и зачинать с ним детей с чистой кровью, причем обязательно здоровых и сильных. Существовали гигиенические правила для поддержания здоровья расы, создавались спортивные союзы для сохранения хорошей физической формы в преддверии борьбы с «чужими народами». Ведь победят «сильные», а «слабые» погибнут, согласно Чарльзу Дарвину.

Смешение национальностей, обычное для Дунайской монархии на протяжении многих веков, стало вдруг восприниматься как угроза «собственному народу». Люди теперь боялись утратить свою национальную идентичность в общем «котле народов». На рубеже веков новые расовые теории распространялись как новое вероучение. К этой проблеме обращались писатели и философы, опираясь прежде всего на классика расовой теории Жозефа Артюра де Гобино — его «Опыт о неравенстве человеческих рас» как раз появился в немецком переводе. Гобино считал, что «белая раса», превосходящая остальные по красоте, силе духа и мощи, призвана навести в мире порядок. В государстве Габсбургов эти тезисы превратились в опасное оружие, которое использовалось в ежедневно вспыхивающих национальных конфликтах, и звучали гораздо более экстремистски, чем в соседних национальных государствах, включая Германскую империю.

Именно в Вене Хьюстон Стюарт Чемберлен, родившийся в Англии и выросший во Франции, написал книгу «Основания девятнадцатого столетия». Он тоже требует придерживаться дарвинистских правил отбора: «Стоит только осознать, какие чудеса творит

отбор, как путем долгого неукоснительного отсева недостойного материала создаются скаковые лошади, таксы, “буйные” хризантемы, и мы увидим, что таким же образом можно воздействовать на человеческий род». Для усиления расы Чемберлен предлагал «избавляться от слабых детей», считая это средство «одним из благословеннейших законов греков, римлян и германцев». «Аналогичное воздействие оказывают и трудные времена, пережить которые способны лишь крепкие мужчины и выносливые женщины». (9) Чемберлен считал, что иудейский и арийский принципы несовместимы. Ни ассимиляция, ни переход в другую веру не могут превратить еврея в «не-еврея». Этот тезис сделал Чемберлена рупором антисемитизма.

Чемберлен активно участвовал в интеллектуальной жизни Вены 1890-х годов. Был членом distinguished «Философского общества» и в этом качестве оказал влияние на тогдашних студентов Отто Вейнингера и Артура Требича. Как почетный член «Общества Рихарда Вагнера», среди основателей которого и Георг Шёнерер, он поддерживал тесные связи с пангерманцами. В венский период жизни Гитлера Чемберлен, женатый на дочери Вагнера, большую часть времени проводил в Байройте, но его часто цитировали в пангерманской прессе.

Популярное изложение расовых теорий можно было найти в любой венской националистической газете. Например, «Винер Дойчес Тагблатт» требовала проводить «антропологическую политику»: «Глупо утверждать, будто государство не имеет права ввести масштабный племенной отбор на законодательном уровне, мол, тем самым оно ограничивает личную свободу. ... До смешного ничтожны все шаги,

предпринимаемые в этом важнейшем направлении, а ведь они призваны уберечь нас, не дать соскользнуть в пропасть всеобщего распада. Если мы не хотим утонуть в пучине бедствий, пора вступить на путь, ведущий к высотам, к оздоровлению, к созданию нового человека». (10)

В «народно-национальных» («фёлькиш») кругах активно изучали свои родословные и требовали ввести официальное разрешение на брак с «биологически-социальной» точки зрения. В 1908 году журнал Шёнерера «Унферфельште Дойче Ворте» сетовал: «Люди разучились ценить племенной отбор, они не понимают, что благородные виды появляются только в результате планомерной работы, строгого контроля за отбором индивидуумов, предназначенных к спариванию. Тезис о равенстве всех людей вызвал затмение в умах. Хваленая свобода передвижения вызвала беспорядочное смешение разнородных масс». (11).

Пангерманцы, мечтавшие о сильном германском лидере, оперировали такими понятиями, как «представитель высшей расы» и «недочеловек», борьба за мировое господство, борьба против демократии и парламентаризма. Множество «исследователей», желая подкрепить расовые теории с «научной точки зрения», усердно измеряли и сравнивали черепа и размеры конечностей, отыскивали различия между расами в составе крови, электрическом сопротивлении и «оде» (этим словом обозначали изначальную жизненную энергию). Выстраивались иерархии рас: «высшие» и «низшие», «чистые» и «смешанные», «германские» и «славянские» и так далее. Расовой принадлежностью объясняли всё без исключения, в том числе и разницу в уровне развития народов Австро-Венгерской

империи. Австрийские немцы с готовностью сочли свой более высокий уровень образования и более внушительный размер уплачиваемых налогов доказательством «господства» или «благородства» своей расы. А вот плохие социальные условия, отсталая экономика и недостаточное образование однозначно считались признаками «низшей» или «рабской» расы.

Авторы расовых теорий, все как один, не принимали принципов демократии и равенства граждан перед законом. Они выдвинули идею об «аристократизме наций», подразумевающую естественное превосходство «благородных» над «подлыми», «господ» над «рабами». Считалось, что «рабские народы» недостойны иметь равные права с «высшими».

Расовые теории тиражировались во множестве брошюр самых разных авторов. Трудно определить, какие именно сочинители, сегодня благополучно забытые, повлияли на молодого Гитлера: их стиль и тезисы весьма сходны. Вот лишь несколько примеров.

Виктор Лишка, редактор «Альдойчес Тагблатт» напечатал в начале века множество листовок: «Немецкий рабочий и национализм», «Борьба против немцев в Лотарингском государстве» и пр. В 1912 году берлинский ежемесячник «Национал-демократ» выпустил большим тиражом брошюру Лишке «Германская Австрия под славянским владычеством» — пангерманцы хотели проинформировать имперских немцев о тяжелом положении немцев в Австрии. Одним только депутатам Рейхстага было роздано 400 экземпляров. (12) Брошюра эта продавалась и в Вене.

Другой пример — листовка Флориана Альбрехта «Борьба против немцев в Восточной марке», выпущенная в 1908 году. Сообщалось, что династия Габсбургов

дала равные с немцами права «пока еще невоспитанным хулиганским народам» и «разом, не позволив им побыть подмастерьями», превратила «неотесанных парней» в «мастеров». Немцы оказались во власти «едва вставших на ноги мадьяр», «этой нации извечных грабителей и бунтовщиков». Поэтому государственный девиз королевской и императорской монархии звучит сегодня так: «Славянско-католическая Австрия и жидо-мадьярская Венгрия».

Всеобщее избирательное право, по убеждению Альбрехта, может стать для австрийских немцев приговором, однако: «Если кому и суждено погибнуть, пусть это будет государство, а не наша нация! Раз нам не дают жить в этом государстве, значит, мы будем защищаться и разрушим его! Это борьба за спасение нации!» Идет «решающая схватка — быть или не быть нации». Мы поставлены перед выбором: предать государство или свой народ? «Мы решительно выбираем государственную измену как меньшее зло». «Мы не намерены бесследно, как закваска, раствориться в этом бесполезном многонациональном тесте, практически не имеющем культурной ценности!» Австрийские немцы, по мнению Альбрехта, должны бороться под лозунгом: «Немецкая Австрия — или никакой!» (13)

Другой пример, на этот раз из пангерманской листовки: «Борьба народов — это вопрос не права, а силы. Немцы обязаны считаться только с интересами немцев, интересы других народов нас заботить не должны. Никто не может одновременно служить двум господам, враждующим веками. Нам, австрийским немцам, не суждено заключать мир. Мы ведем бой». (14)

А вот пангерманец Аврелий Польцер: «Если немецкий народ хочет, чтобы наша мечта о Пангерманской империи воплотилась в жизнь, ему пора вырваться из нынешнего состояния прозябания и разложения, рабского служения чужакам и заботы о всем мире, и снова стать тем, кем он был и кем призван стать снова, — благородным народом, самым благородным из всех, и тогда он сможет победить своих врагов и завоевать мировое господство, оставить повсюду печать немецкого духа и сделать весь мир сферой своего влияния». (15)

В расовых вопросах австрийские пангерманцы ощущали себя, в сравнении с соратниками из Германской империи, бойцами на передовой, сражающимися «за весь немецкий народ». Пангерманский автор Йорг Ланц фон Либенфельс написал в 1908 году: «Благодаря деятельности Шёнерера, верные национальным убеждениям австрийские немцы в расовых вопросах опережают германских немцев на целых полстолетия! Жестокая борьба, которую нам, исключенным из имперского союза, приходится вести на границе, где сталкиваются три великие мировые расы: монгольская, средиземноморская и германская, закалила нас, следующих за знаменем Шёнерера, и многому научила в расовом отношении. Мы знаем по нашему повседневному опыту, какое влияние оказывают низшие расы на политику и нравственность».

А Германская империя, где, как полагает Ланц, есть всего лишь одна проблема — польские мигранты, узнала о расовом вопросе только из сочинений Гобино. Поэтому «расовое оздоровление всего немецкого народа» должно «исходить от искушенных в расовом вопросе австрийцев», именно они призваны сыграть роль «обновителей германской расы». (16)

Труды германских пангерманцев по «современной расологии» в Вене внимательно изучали и рекомендовали к прочтению. В частности, завершённую в 1907 году «Немецкую политику» Эрнста Хассе в трех томах. Как писали в венской брошюре из серии «Остара», этот труд призывал придерживаться тщательного «отбора», чтобы приобрести «победоносную силу в грядущей борьбе народов за земной шар». «Только перенаселение, всеобщие нужда и голод в суровой Германии» заставляли дружины древних германцев завоевывать новые земли. «Та же необходимость вкупе с тщательным отбором должна вести вперед и наш народ, если он вновь хочет покорить мир». Нам не нужна «индивидуальная удача», нам нужна национальная «этика», «целью которой является выведение сверхнарода в противовес лишенному корней сверхчеловеку Ницше». Рецензент «Остары» цитирует торжественную речь Хассе на немецком национальном празднике в Немецкой Богемии: «Будущее принадлежит немецкому народу, очищенному от космополитических шлаков, достигшему достаточной численности, расовой чистоты, силы и здоровья, с высоким уровнем жизни, свободным самоуправлением, обученному обороняться, хорошо организованному и сплоченному». (17)

В 1906 году в «Остаре» публикуется труд Харальда Арьяна Гревелла ван Йостенооде «Двенадцать германских скрижалей. Направления развития нашего народа в будущем», где содержатся практические рекомендации для достижения великой цели — «воплотить в жизнь мировое господство германства». Здесь предлагается нечто вроде «немецкого закона о воспитании»: «Вместо гимназий, этих оплотов римского духа, нам нужны германские бастионы знаний. Дети чистой расы

должны бесплатно обучаться в больших образцовых школах, расположенных в красивой местности. Эти школы станут питомниками нового духа». Необходимо ввести кастовую систему, как у «арийских индусов», чтобы «противостоять демократическому сознанию. Следует вести учет происхождения каждого, чтобы была понятна национальная принадлежность и степень расовой чистоты». (18)

Гвидо фон Лист

Гвидо Лист, добавивший к фамилии дворянскую частицу «фон» в знак принадлежности к «арийской расе господ», родился в Вене в 1848 году. На рубеже веков фон Лист — почитаемый глава общины «посвященных», создававших тайные кружки и группы. Как писатель и «свободный ученый» он занимался изучением и толкованием германской истории и культуры, мифов, сказок и легенд.

Первый успех этому плодовитому автору принес двухтомный роман «Карнунтум», вышедший в 1888 году. Здесь рассказывается о безмерно мужественных, сильных и высокоморальных германцах IV века, которые отвоевывают у опустившегося, утратившего нравственность римского гарнизона крепость Карнунтум и основывают новое германское государство. В книге «Пейзажи немецкой мифологии» (1891) фон Лист, основываясь на названиях природных ландшафтов и их изображениях, воссоздает историю древнегерманской культуры, которую предстоит возродить. Он писал и эпические поэмы, такие как «Посвящение в валькирии» (1895) и «Пришествие Остары» (1896) — здесь Лист заклинает отца богов Вотана вывести угнетенных германцев после тысячелетнего прозябания к новому

могуществу, чтобы Остара, германская богиня весны, могла вернуться в посвященную ей «страну Остары», то есть, Австрию (Ostarland = Österreich). Среди прочих сочинений — «священная скальдическая драма» под названием «Магия огня в ночь летнего солнцестояния» (1901), «Голубой цветок. Сказочная драма» (1901), «Легенды мандрагоры» (1903).

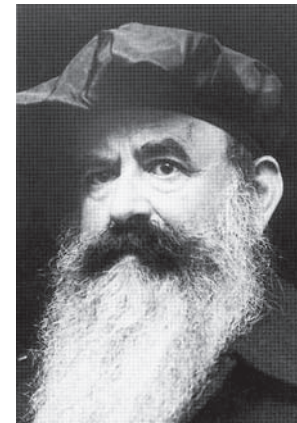
В 1902 году в жизни Листа случился поворот: он на некоторое время ослеп, и его стали посещать «видения». Благодаря этому он якобы познал тайны «Эдды», древних германских рун, образов и обычаев. Короче говоря, он считал, что ему открылась вся древнегерманская эзотерика. Лист без устали записывал свои видения и нашел объяснения для всех феноменов. Впрочем, порой настолько примитивные, что члены «корпорации Восточной марки» подшучивали над ними в пивных. Слово «Эдда» он толковал как «eh'da», что по-немецки значит «и так уже здесь». (1) Божественное происхождение арийцев он хотел доказать, разложив слово «ариец» (Arier) на три части: первая часть «ар» (ar) означает «солнце, бог», вторая «ри» (ri) — «проявляться, порождать» и последняя (er) — «люди». Получается, что «арийцы» — это люди, «рожденные богом» либо «рожденные солнцем». (2)

Первую рукопись, которую гордый собой Лист в 1903 году отправил в Императорскую академию наук, тут же вернули без комментариев. (3) Когда Листу отказали и другие издатели, ученики сильно разобиженного «ученого» основали в Вене в 1907 году «Общество Гвидо фон Листа», чтобы собрать деньги на публикацию его трудов.

Все пангерманские газеты делали рекламу «современному скальду», призывали вступать в общество

его имени и сражаться за «единство германских племен» и против «увлечения чужими странами». В качестве контактного лица указывался «д-р Й. Ланц-Либенфельс, Родаун, Вена». (4) В списке членов — общественные деятели и состоятельные финансисты, а также бургомистр Вены Люэгер, художница Ольга Визингер-Флориан и барон Эрнст фон Вольцоген из Байройта. (5) Штаб-квартира «Общества Гвидо фон Листа» располагалась недалеко от первой венской квартиры Гитлера, в доме 25 по Вебгассе в 6-м районе. Члены общества регулярно собирались небольшими группками на посвященные Листу вечера и доклады — например, каждую вторую среду в 8 часов вечера в ресторане по адресу Верингерштрассе 67.

В годы пребывания Гитлера в Вене одна за другой выходили главные работы Листа. Их так подробно рассматривали и цитировали в пангерманской прессе, что читатели газет могли все о них узнать, не приобретая книг. «Тайна рун» и «Переход от вотанизма к христианству» вышли в 1908 году, «Названия германских племен и их значение» и «Религиозные обряды ариогерманцев» — в 1909-м. Здесь Лист рассматривает родовое и мужское право у древних германцев и требует возродить древнегерманские правовые нормы, в том числе обычай возить неверных жен по улицам на осле или «публичное ношение позорных знаков. Евреи должны были носить особую остроконечную шляпу, так называемый «еврейский колпак», — это красноречиво говорило об их алчности, подобный колпак и сегодня прекрасно справился бы со своей задачей». (6) Когда Гитлер жил в Вене, каждый год выходила по меньшей мере одна книга Листа.

Гвидо фон Лист

Лист делил человечество на две части: арийских «господ», они же избранные или посвященные, и «стадных людей», они же слуги, рабы, «чандалы» (так в Древней Индии называли людей смешанной крови). Арийцы, если верить Листу, были родом с континента, располагавшегося на Северном полюсе, из-за Ледникового периода они вынужденно мигрировали на юг и принесли человечеству культуру. Арийцы смешались с южными расами, загрязнив таким образом собственную кровь, но повысив при этом качество неполноценных южных рас и сделав их способными к созданию культуры. Чистая арийская раса сохранилась лишь на севере.

Лист писал, что теперь перед немцами стоит задача возродить чистокровных арийцев путем удаления примесей и жесткого отмежевания от смешанных народов. Смешанные браки следует запретить. Благородные ариогерманцы, самим Богом предназначенные для мирового господства, должны везде

получать преимущества, а «метисов» следует превратить в рабов: «Только представители ариогерманской расы господ наслаждаются гражданскими свободами и правами немецкого гражданина. Представители неполноценных смешанных рас подчиняются закону о чужеродцах и не имеют никаких гражданских прав, данных господам». (7) И далее: «Низшим расам запрещается занимать руководящие должности, иметь недвижимое имущество, владеть предприятиями, получать высшее образование». (8)

Данная теория исключала возможность демократии и всеобщего избирательного права. Ценность голосов избирателей зависела только от «расовой полноценности», «ведь уже Шиллер говорил: «Что такое большинство? Большинство — это нелепость, разум есть лишь у немногих». (9)

Но сейчас, по мнению Листа, наметился поворот к лучшему: «Видимо, именно то чудовищное давление, которое оказывается теперь на чистокровных, осознающих свое право немцев, привело к неожиданным последствиям. Ариогерманский дух возрождается, пусть даже поначалу только у меньшинства». Это меньшинство должно бороться за распространение древних идеалов, за «расовое сознание, за чистоту крови, одним словом, за главную цель германского брака — рождение благородного арийского человека». И тогда, даже оказавшись на краю бездны, можно подняться «к древним высотам чистокровного немецкого героизма, к святому Граалю, к ариогерманству». Но этой цели можно достичь только путем борьбы и «нового героизма»: «Никто не вправе щадить себя». И тогда возрождение обязательно свершится. (10)

Главными врагами арийской расы Лист считает «интернационалистов», имея в виду католическую церковь, евреев и масонов. По его мнению, они ведут «войну на уничтожение против арийской расы». Ложью и насилием «римские клирики и подчиненная им аристократия стремились подавить и уничтожить немецкие нравы и обычаи, образ мысли и право». «Убийца саксов» Карл «Великий» способствовал приходу в Германию «римских церковников», установлению «феодального господства» и уничтожению высокой арманской культуры.

Лист предрекает «грядущую всемирную ариогерманскую войну». Она необходима, чтобы «вновь заковать чандал в кандалы культуры, которые они нагло сбросили, чтобы создать порядок и вернуть высшим людям права, отнятые у них силой и хитростью, а стадных людей вернуть в установленные рамки, что их тоже осчастливит». (11)

Война будет идти ни много ни мало за мировое господство, а первым шагом на этом пути станет образование «пангерманской Германии», в которую войдут «немцы, англичане, голландцы, нидерландцы, датчане, шведы, норвежцы». (12) Основой обновления должно стать «германское земледелие», колонизация австрийских приграничных областей немецкими крестьянами, организованными в товарищества.

Работа на земле оздоровит арийцев, но им нужно остерегаться враждебных кочевников, под которыми Лист подразумевал евреев: они опасны прежде всего тем, что путем браков и ассимиляции портят арийскую «благородную расу». С ними нужно бороться: «Если позволить паразитам-кочевникам жить рядом

с собой и даже разрешить им становиться судьями, учителями, полководцами, то они превратят твою обихоженную землю в пустыню. Поэтому прочь, бродяги!» И еще: «Они, конечно, не признаются, что они кочевники; чтобы сбить тебя с толку, они наденут платье, как у тебя — но они будут стремиться отнять у тебя созданное тобой достояние. Поэтому гони кочевников прочь». Кочевник — это вредитель и враг, он «превращает обихоженную тобой землю в пустыню, а тебя — в обездоленного скитальца». (13)

Свастика

«Служение народу» и борьба против всех, кто к этому народу не принадлежит, носили у Листа почти религиозный характер. Чтобы подготовить элиту к грядущей расовой борьбе, Лист основывал тайные союзы по образцу ненавистного ему масонства. В 1907 году был образован мистический союз «Арманеншафт» («Содружество арманов»), членов которого Лист отбирал лично. Арманы, согласно теории Листа, — это дохристианская «благородная раса», «подлинная знать». Они появились в результате многолетнего тщательного отбора, это «потомки длинного ряда предков, которые наслаждались созерцанием красоты, разумно питались и были, благодаря освященному традицией воспитанию, счастливы и потому — телесно и духовно прекрасны». (14) В действительности не все члены орденового братства могли похвастаться благородным происхождением. Лист предпочитал обеспеченных людей, щедро поддерживавших его начинания, и легко закрывал глаза на не вполне «чистокровное» происхождение. В 1911 году возникла организация «Высокое откровение арманов». (15)

Тайные союзы поддерживали тесные связи с другими подобными организациями, особенно после смерти Листа в 1919 году. Например, с тайным орденом во главе с Ланцем фон Либенфельсом, учеником Листа, или с артаманами, сосредоточившимися на народно-национальном (фёлькиш) «земледелии», с Байройтским и Зольнским кружками, с «Обществом Туле» и некоторыми другими.

Тайным опознавательным знаком этих арманских братств стала свастика, постепенно получившая распространение и в более широких кругах немецких националистов. Этот символ существует с глубокой древности, но до 1900 года большой известностью не пользовался. В энциклопедическом словаре Мейера за 1888 год свастике посвящено всего одно предложение: «На доисторических сосудах и инструментах встречается знак свастики, у индийский буддистов это религиозный символ».

Лист, следуя своему крайне спорному методу толкования названий, утверждал, что свастика — это «священнейший символ арманов. Считается, что слово “свастика” происходит из санскрита (“свасти” = счастье) либо от имени литовского бога огня Свайстикса, но на самом деле это древнее арийское слово, которое образовано от слов „thu“ и „ask“ и означает „возникни!“, „будь!“, дословно „прорастай!“, а следовательно, по происхождению и значению равнозначно имени бога Туиск-фо». (16)

Свастика встречается уже в ранних работах Листа как символ «непобедимого», «посланца свыше», то есть, спасителя германцев. Вслед за Листом этот символ стали использовать и другие националисты, например, новые тамплиеры Ланца фон Либенфельса. В 1907

году Ланц впервые вывесил на башне их орденского замка Верфенштайн в Штруденгау знамя со свастикой «в знак борьбы и победы арийской расы». Правда, знамя было выполнено в орденских цветах — голубом и серебряном.

Гитлер еще ребенком, обучаясь в реальном училище Линца, вместе со сверстниками восхищался германскими героями и, благодаря урокам истории профессора Пётша, знал о древних германцах немало. Август Кубичек вспоминает, что в 1908 году в Вене он несколько недель держал у себя две библиотечные книги: в одной — северные мифы о богах и героях, а во второй — «изображения раскопок и археологических находок, позволявших сделать заключение о культурном уровне германских племен. Адольф часто показывал мне эти изображения и говорил об этих книгах». Другу запомнились два изображения: на одном — овен со знаком солнца, на втором — «настоящая свастика. Адольф тогда сказал, что немецкому народу нужен символ, боевое знамя, который стало бы для мира знаком всего немецкого». (17) Вероятно, это была вышедшая в 1908 году книга Листа «Тайны рун».

В речи Гитлера в мюнхенской пивной «Хофбройхаус» (1920) слышны отзвуки учения Листа: арийцы якобы привезли с севера, со своей покрытой льдами родины, «знак солнца»: *В основании всех их культов лежал свет, и они нашли для него символ, орудие для разжигания пламени, вихрь, крест... Свастика — это символ общности, созданной арийцами в древности.* (18)

В «Моей борьбе» Гитлер присягает, хоть и не напрямую, «арийской миссии» Листа, когда объясняет политическое значение свастики: *У нас, национальных*

социалистов, знамя означает программу. Красный цвет выражает социальную идею нашего движения, белый — националистическую, свастика — нашу миссию вести борьбу за победу арийского человека. (19)

Гитлер и Гвидо фон Лист

В частично сохранившейся личной библиотеке Гитлера есть книга Рабиндраната Тагора о национализме с рукописным поздравлением ко дню рождения в 1921 году: «Моему дорогому брату-арману господину Адольфу Гитлеру. Б. Штайнингер». (20). Бабетта Штайнингер — один из первых мюнхенских членов партии. (21) Дарственную надпись можно истолковать так: Гитлер в Мюнхене имел контакты с обществами, образованными последователями Листа. Но, возможно, слово «арман» использовано здесь в более общем значении, чтобы подчеркнуть высокое положение Гитлера в «германской» иерархии.

Прочие свидетельства следует трактовать с большей осторожностью хотя бы потому, что они дошли до нас в пересказе третьих лиц. Так, Гитлер будто бы рассказывал мюнхенской ученице Листа про рекомендательное письмо к крупному мюнхенскому промышленнику Оскару Ваньеку, почетному председателю и главному спонсору «Общества Листа». (22) Однако тот умер 6 июля 1912 года и, когда Гитлер в 1913 году приехал в Мюнхен, уже давно покоился под могильным холмом на кладбище Вальдфридхоф. (23) Не меньше сомнений вызывает приписанное Гитлеру утверждение, будто до 1914 году он некоторое время работал служителем клуба Зольнского кружка в Мюнхене по рекомендации некоей «венской организации», читай: «Общества Листа». Эту «лакейскую работу он

вскоре бросил, потому что чувствовал себя неуютно среди интеллектуалов, офицеров и светских людей». (24) Рудольф Хойслер, самый близкий из знакомых Гитлера в начальный период его жизни в Мюнхене, не упоминает ничего подобного.

Гитлер, несомненно, знаком с теориями Листа уже в Вене. Так, в мюнхенской речи 1920 года, не называя имени Листа, он развивает его основной постулат об арийцах, пришедших с севера и подаривших человечеству культуру: *посреди невероятных ледяных пустынь севера зародился и расцвел в расовой чистоте род здоровых и сильных великанов. Эти гиганты, которых мы теперь называем арийцами, стали создателями всех великих культур... Мы знаем, что Египет достиг расцвета культуры благодаря арийским переселенцам, равно как и Персия, и Греция. Сюда пришли светловолосые и голубоглазые арийцы, а мы знаем, что кроме перечисленных, государств с высокой культурой на Земле не было. Из темнокожих, темноволосых и темноглазых южан и пришлых северян возникали смешанные расы, но не появилось ни одного самостоятельного государства с великой культурой.* (25)

Именно эту теорию Лист излагает в книге «Названия германских племен», перечисляя все культуры, обязанные своим существованием арийцам, от китайцев до индусов и персов, и заявляя, что «под их влиянием возникла и древнеегипетская культура. Доказано, что Будда, Озирис и многие другие были арийцами». (26)

К Листу восходит и следующее высказывание Гитлера: *Человеческая культура и цивилизация на всей Земле напрямую зависят от существования*

арийцев. Их вымирание или упадок снова опустят над земным шаром завесу варварской эпохи. (27)

Требование Листа «очистить» и «освободить от примесей» арийскую расу и вновь создать народ героев, которому затем достанется мировое господство, звучит и в восторженно-экстатической речи Гитлера в 1935 году перед 54 тысячами членами «Гитлерюгенда»: *Мы должны воспитать нового человека, чтобы наш народ не погиб от распространенной в эту эпоху дегенерации.* (28) В мюнхенской речи Гитлера 1929 года слышны отзвуки пангерманских настроений, характерных для Вены рубежа веков: *Наипервейшая и наиглавнейшая задача — это сохранение чистоты крови. Народ, утративший чистоту крови, обречен... Мое мировоззрение говорит мне, что тело нашего народа нужно очистить от чуждой крови. И далее: Для нас существуют только немцы и только одна граница: мы не шевельнем и пальцем для блага тех, кто не принадлежит к нашему народу, пусть они сами заботятся о себе, пусть их народ сам прилагает усилия, на нас рассчитывать нечего.* (29)

Считая, что немецкий народ все больше загнивает, он предлагал следующее решение проблемы: *Мы знаем только один народ, ради которого сражаемся, — наш собственный. И пусть мы негуманны! Но если мы спасем Германию, мы совершим величайшее дело на Земле. И пусть мы несправедливы! Но если мы спасем Германию, мы уничтожим величайшую несправедливость. И пусть мы безнравственны! Но если мы спасем наш народ, мы снова проложим дорогу нравственности.* (30) И еще: *В борьбе за сохранение расы нет места компромиссам! Мы не можем допустить появления бастардов и ухудшения качества крови.*

Вопрос заключается только в одном: кто стоит во главе? В этих делах протесты недопустимы, только мечь и дело! Немецкий народ, если ты наконец решился себя защищать, будь беспощаден! (31)

Отдельные пункты партийной программы НСДАП 1920 года соответствуют требованию Гвидо фон Листа и тесно связанных с ним шёнерианцев исключить евреев из общества: пункт 4 — лишить евреев гражданских прав, пункт 5 — подчинить их законам об иностранцах, пункт 6 — лишить их права занимать государственные должности.

Существует устное свидетельство, подтверждающее, что Гитлер хорошо знал работы Листа. Эльза Шмидт-Фальк, последовательница Листа, занимавшаяся генеалогией, и владелица книжного магазина в Мюнхене, куда Гитлер не раз заходил, рассказывала Вильфриду Дайму: у Гитлера было ранее издание «Пейзажей немецкой мифологии», и он знал все ключевые работы Листа — «Арманы ариогерманцев», «Религиозные обряды ариогерманцев» и «Названия германских племен».

Шмидт-Фальк утверждает, что Гитлер даже хотел осуществить мечту Листа о восстановлении римской крепости Карнунтум к востоку от Вены. Лист написал об этом в 1900 году специальную брошюру, где предлагал построить рядом с восстановленным римским городом такой же по величине германский. Жители этих городов должны были, по мысли Листа, одеваться и вести себя как римляне и германцы соответственно, проводить праздники и спортивные состязания в римском либо германском духе. И даже отдыхающим на расположенном неподалеку курорте Бад

Дойч-Альтенбург следовало рядиться в исторические костюмы. В качестве увеселительных мероприятий Лист планировал грандиозные народные гуляния и праздники посвящения, которые превратили бы Карнунтум в «Байройт Восточной марки». (32)

А однажды Гитлер будто бы сказал Эльзе Шмидт-Фальк, явно в шутку, что когда Австрия присоединится к Германии, он прикажет откопать свастику, которую охмелевший Лист сотоварищи выложили в ночь летнего солнцестояния из пустых винных бутылок у «Языческих ворот» римского Карнунтума и прикрыли дерном. (33) Гитлер вообще любил поговорить с ней о Листе и о «нашей общей австрийской родине», а также обращался к ней за советами по вопросам генеалогии (не зря ее прозвали «прародительница»): «Адольф Гитлер не раз обращался ко мне за помощью для разъяснения щекотливых семейных обстоятельств». (34)

Эльза Шмидт-Фальк родилась в 1897 году в Будапеште, выросла в Вене, вступила в НСДАП в 1933 году, была замужем за командиром СА. Проверка подтвердила подлинность большинства сведений, которые она сообщила о себе. Так, в 1947 году мюнхенская Комиссия по денацификации установила, что в 1934–1937 годах она помимо основной профессиональной деятельности руководила Отделом генеалогии НСДАП в округе Северный Мюнхен и тогда же числилась специалистом по родословию в Национал-социалистической женской организации. И то, и другое — деятельность на общественных началах. (35) В суде упоминались проблемы с руководством гау — вероятно, оттого, что она не смогла предоставить свидетельство об арийском происхождении. (36) Так

или иначе, мюнхенская Комиссия по денацификации вынесла ей в 1947 году оправдательный приговор.

Непобедимый

На веру можно принять (хотя и осторожно, учитывая пересказ) слова Эльзы Шмидт-Фальк о том, что Гитлер высоко ценил книгу Листа «Непобедимый» и принимал пророчества Листа о «посланце свыше» на свой счет. «Непобедимым» Лист называл героического вождя, появление которого будто бы предсказывалось уже в древнегерманской «Эдде». Лист считал делом своей жизни подготовку героического века во главе с «посланцем свыше» и германского мирового господства.

Книга Листа «Непобедимый. Основы германского мировоззрения» вышла в Вене в 1898 году в виде краткого катехизиса, что явно указывало на ее религиозный характер. Лист писал о существовании десяти «божественных законов», «тех извечных, неизменных во веки веков законов, которые всеобщий Отец запечатлел в самой природе». Десятый закон гласит: «Будь верен своему народу и отечеству до самой смерти». (37)

Книга была призвана «коротко и понятно изложить подлинно германское мировоззрение» и объяснить, как «взрастить благородный немецкий народ, здоровый духовно и физически, способный выстоять во всех грядущих бурях и справиться со всеми, даже самыми сложными задачами, ожидающими его в будущем». (38)

В предисловии Лист пишет: «Власть имущие, руководившие воспитанием человечества, веками стремились стереть и размыть национальные различия между отдельными народами в погоне за недостижимой обманчивой целью единообразия всех племен. Ими двигало нечестивое стремление создания

единого человеческого вида. ... Ослепленные превратно понятной любовью к ближнему, они распространяли среди народов нелепое ошибочное учение о всеобщем мировом гражданстве (космополитизме), сделав чреватый порчей ложный вывод о едином стаде и едином пастухе». (39)

Но теперь, когда «народный дух» проснулся, ариогерманцы должны устремиться к «цели облагородить свой народ, насколько это возможно». Для этого в школах вместо закона божьего нужно ввести «национальное воспитание народа» и «учение о нравственности народа (о национальной морали)». «Светские национальные учителя» должны воспитывать в детях «религиозность, произрастающую из национального чувства». Это станет «лучшей защитой от упадка нации». (40)

Предпринятые усилия не останутся без награды, ведь «бог любит и защищает прилежные, мужественные, хранящие право и верность народы и вознаграждает их процветанием и свободой. Он посылает им в награду великих мужей, а те ведут их к власти, величию и благоденствию... От ленивых, трусливых, завистливых и корыстных народов бог отворачивается и карает их рабством и смешением с другими». «Жизнь — это борьба, а награда в борьбе — это жизнь». (41)

Страстно ожидаемый германский национальный вождь, «посланец свыше» будет править как богочеловек, не подчиняясь никаким законам. Узнать его можно так: в борьбе он всегда выходит победителем. Лист считает, что «посланец свыше» всегда поступает правильно, ведь он действует в гармонии с силами природы, и его появление в роли спасителя германцев предсказано уже в древних сказаниях. «Посланец

свыше» никогда не ошибается. Его «окончательная победа» неминуема.

Зная теорию Листа о «посланце свыше», которого узнают по его победам, можно понять следующее высказывание Гитлера, на первый взгляд абсурдное: *Если Чингисхан действительно был так велик, каким его изображает история, то он несомненно был арийцем, а не монголом!* (42) Даже одна эта фраза доказывает, что Гитлер был знаком с теорией Листа о непогрешимом и непобедимом «арийском» спасителе.

Может быть, и пресловутое упрямство Гитлера, не желавшего признавать свои ошибки, его уверенность в собственной непогрешимости происходили из этой веры. В «Моей борьбе» Гитлер пишет, что вождь, осознавший ложность своего мировоззрения, должен *отказаться от дальнейшей политической деятельности. Ведь если он однажды допустил ошибку в мировоззренческой системе, то может ошибиться и вторично.* (43) Согласно Листу, подобная ошибка докажет, что он не «посланец свыше».

Вероятно, теория Листа об издавна ожидаемом германском вожде — «непобедимом» — стала первой ступенью к созданному Гитлером позже культу фюрера. В «Моей борьбе» он сочиняет подходящую предысторию: ясное, органически созревшее, с юных лет неизменное и стройное «мировоззрение», каким оно и должно быть у «посланца свыше». Ради сохранения этой легенды надо заставить замолчать свидетелей его венской юности и стереть все следы. Например, факт его дружеских отношений с евреями в мужском общежитии мог разрушить миф о прямолинейности развития и помешать его притязаниям на позицию «посланца свыше».

После 1933 года, благодаря многочисленным успехам его правительства, каковые раньше казались невозможными, вера в собственное избранничество усилилась вплоть до полной самоидентификации с «посланцем свыше», чье появление было предсказано много веков назад. 1936 год: *Я с уверенностью лунатика иду по дороге, уготованной мне провидением.* (44) 1937 год: *Люди бессильны разрушить плоды трудов, если их благословил Всемогущий, так, как он благословил наши труды.* (45) И еще: *Оглядываясь назад, на все то, что мы совершили за последние пять лет, я имею право сказать: мы это сделали не одни. Если бы нас не направляло Провидение, нам не удалось бы пройти этим головокружительным путем.* (46)

Наверное, Гитлер обнаружил у Листа и еще одно, дополнительное доказательство своей избранности. Тот писал, что остатки чистой ариогерманской расы сохранились в отдаленных областях, а именно: «в старой Саксонии, низовьях Эльбы, Нижней Австрии, долинах Кремса, Кампа и Испера». (47) Река Камп протекает через Вальдфиртель, откуда родом все предки Гитлера. Однако самоидентификация со спасителем нации и собирателем земель — не только безумие или самовнушение, но еще и холодный политический расчет. Возможно, свою роль здесь сыграла и теория Гюстава Лебона, чью книгу «Психология народов и масс» Гитлер несомненно изучил в Вене. Лебон писал о «великих вожаках масс»: «Роль всех великих вожаков заключается в том, чтобы создать веру. Они подчиняют своему обаянию других, лишь когда сами подпали под обаяние известной идеи. Страстная вера придает их словам огромную суггестивную силу». (48) Итак, харизматический лидер, прежде чем обращать

массы, должен безусловно уверовать сам, — только так он заставит массы уверовать в него.

Гитлер погрузился в рискованные политические приключения 1930-х годов с необычайной уверенностью — возможно, это объяснялось как раз его верой в себя и собственную идею. Руководитель Имперской службы прессы Отто Дитрих вспоминал о довоенном времени: «Он напоминал игрока в рулетку, который выигрывает и не может остановиться, потому что думает — у него есть система, и с ее помощью он всегда сможет отыграться и сорвать банк». (49) Видимо, вера в собственную непобедимость и породила в апреле 1945 года его убежденность, что в последнюю минуту придет спасение, как к королю Пруссии Фридриху II во время Семилетней войны.

Гитлер хотел насильно осчастливить немецкий народ: *В этих исторических проявлениях германства мы видим безотчетное веление судьбы объединить этот упрямый немецкий народ, если будет нужно, даже силой. В прошлом это было столь же необходимо, сколь это необходимо и сейчас.* (50)

Самовнушение и вера в сомнительные теории одного из властителей дум времен его венской молодости способствовали у Гитлера фатальному искажению чувства реальности.

Ланц фон Либенфельс

Ближайшим соратником и последователем Гвидо фон Листа был Йозеф Адольф Ланц. Он родился в 1874 году в Вене в семье учителя Иоганна Ланца и его жены Катарины, урожденной Хоффенрайх. В девятнадцать лет Ланц под именем «брат Георг» стал послушником цистерцианского ордена в аббатстве Святого Креста

в Венском Лесу, изучал историю ордена и региона, астрологию и библеистику. И тут ему, как и Листу, явилось «видение», вызванное видом старинного надгробья с изображением рыцаря, который попирал обезьяну. Ланц истолковал это как указание, что «люди-господа» призваны уничтожить «обезьянолюдей», и отныне посвятил себя служению пригрезившейся идее.

В 1900 году, через год после посвящения в сан, 25-летний Ланц вышел из ордена по причине «растущей нервозности» (1) и основал «Орден новых тамплиеров», или «Орден Нового Храма», подняв на щит миф о Граале, идеалы мужского права и расовой чистоты (явно не без влияния Листа). Объединив вокруг себя «тамплиеров» — богатых, щедрых и «чистокровных» мужчин, он купил на их деньги собственный орденский замок — лежащую в развалинах крепость Верфенштайн на Дунае.

В 1902 году Ланц сочинил себе новую биографию. Он изменил дату и место рождения, объявив, что родился в 1872 году в Мессине на Сицилии. Он приписал себе докторскую степень и во всех документах изменил имена своих еще живых родителей. Учитель Иоганн Ланц превратился в «барона Иоганна Ланца фон Либенфельса» родом из древней швабской знати. Идентичность своей матери Катарины, дожившей до 1923 года, Ланц подменил полностью, присвоив ей имя Катарина Скала. Лист прикрыл своего ученика, напечатав его вымышленное генеалогическое древо и подробно описав якобы «подлинно арманский и феманский» герб «Ланцев фон Либенфельсов». (2)

Таким способом Ланц якобы хотел лишить недоброжелателей возможности составить его гороскоп.

Однако истинной причиной было еврейское происхождение семьи Хоффенрайх (3), из-за которого Ланц не удовлетворял расовым требованиям, установленным им самим и предъявляемым к «новым тамплиерам». Так или иначе, ему удалось протащить ложные данные даже в официальные свидетельства регистрации по месту жительства в Вене. (4) Адольф Ланц превратился в «арийца» барона д-ра Адольфа Георга (Йорга) Ланца фон Либенфельса.

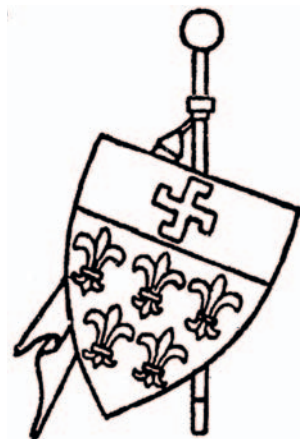
Ланц зарабатывал жизнь сочинением бесчисленных статей для пангерманских газет Георга Шёнерера, известного своей щедростью. Ланц восхвалял работодателя сверх всякой меры, ставя его даже выше кумира всех пангерманцев Отто фон Бисмарка. Бисмарк, правда, «посадил немцев в седло», «разбудив национальное самосознание», однако Шёнерер, используя «новую расологию», научит их ездить верхом. (5)

Бывший монах стал ярким борцом с католицизмом, в особенности, с иезуитами (6), и превозносил «арийское расовое» движение Шёнерера «Прочь от Рима!»: «На наших глазах начинается новый этап мировой истории. Становится все очевиднее, что религиозные войны прежних эпох, а также национальные конфликты и национальные войны недавнего времени лишь предваряли великую битву рас за господство на Земле. Повсюду видны признаки приближения этой величайшей битвы всех времен. ... Средиземноморцы, монголы и негры уже вооружаются для грядущей борьбы против германской расы». В предводителях у них — Рим, «злейший враг германцев». (7) А цель германцев — «единая, неделимая, свободная от Рима германская народная церковь». (8) Однако сам Ланц не следовал своим убеждениям и так и не перешел в протестантизм.

«Вещий сон» Ланца не отличался оригинальностью, представляя собой мешанину из популярных в то время теорий, в особенности позаимствованных у Листа. Теория Листа о прагерманцах, пришедших с севера, выглядит у Ланца следующим образом: «Прагерманцы не только принесли полулюдям нравственность, но и, смешавшись с ними, превратили их в людей, так и возникли современные низшие расы средиземноморцев (обитателей побережья Средиземного моря), негров и монголов». «Получеловек» — «не более чем домашнее животное и в буквальном смысле слова “тварь” — “творение” своего господина», что якобы и объясняет ненависть низших рас к арийцам. «Подобно тому, как арийцев при виде негритянской рожи или монгольской хари охватывает непреодолимое отвращение, так и в глазах представителей низших рас при виде бледнолицых вспыхивает предательская ненависть, унаследованная от праотцов. Но у первых это вызвано чувством собственного превосходства, сознанием божественности своего происхождения, а у вторых — чувствами еще не прирученной дикой человекообезьяны, пробуждающимся в такой момент наследием первобытных времен. ... Если бы наши мужественные предки не вступили с ними в борьбу, сегодня бы землю населяли гориллы и орангутанги». (9)

Ланц занимал ведущие позиции в «Обществе Листа», был принят в мистический союз Листа «Арманенштафт» и в свою очередь принял Листа в Орден новых тамплиеров. Пропагандируемую Листом свастику Ланц поместил на свой герб и на знамя Ордена новых тамплиеров. В 1909 году Лист посвятил книгу «Названия германских племен и их значение» «отважному и целеустремленному господину д-ру Й. Ланцу

фон Либенфельсу, будущему арманскому Ульфиле, с глубочайшим уважением от автора». (10) Здесь имеется в виду живший в IV веке арианский епископ Вульфила, прославившийся переводом Библии на готский язык. Ланц полагал, что перевод Вульфила — неполный, что в пропущенных кусках текста содержалось «подлинное послание» Священного Писания, а именно — тайный библейский призыв к борьбе против чандал, против представителей иных рас. (11)

Знамя ордена новых тамплиеров со свастики

В 1906 году вышла главная работа Ланца «Теозоология, или Учение об обезьянышах Содомы и божественном электроде». Здесь автор как истинный сын своей эпохи, преклонявшейся перед феноменом электричества, приписывает арийским богам способность управлять электричеством и излагает позаимствованные у Карла фон Рейхенбаха идеи о магнетизме и «одической силе»: человеческий мозг якобы выступает «аккумулятором» некой «одической» жизненной энергии. (12) Эти

сомнительные тезисы Ланц подкреплял ссылками на «библейские документы» и делал, например, следующие выводы: «Доказано, что Христос — электрический человек третьего периода». (13)

Представление Ланца о нравственности также напоминает тезисы Листа: «Нравственно и хорошо то, что идет на пользу высшей расе, безнравственно то, что ей вредит. ... Если представители высшей расы скрещиваются друг с другом, божественное начало остается в них, и они совершенствуются, становясь все более похожими на бога. Если же они смешиваются с низшими расами, божественное начало постепенно оставляет их». (14)

«Возможность путем сознательного выведения и отбора облагородить и возвысить свою расу — вот единственное истинное и действенное “покаяние” за грех смешения с другими расами». В качестве идеального средства для сохранения чистоты светловолосой расы Ланц пропагандировал «колонии по разведению чистой расы», расположенные в уединенной сельской местности, где «матки» будут надежно спрятаны от «негров», «монголов» и «средиземноморцев»: «Скот мы защищаем от заражения и порчи породы таможенными сборами, а людей оставляем беззащитными перед наглыми чандалами (метисами) с востока и с юга, которые заражают нас и портят нашу кровь». (15) Кроме того, он требовал ввести для отличившихся солдат полигамию и право на земельный надел после победоносных войн: «Каждому немецкому солдату — крестьянский надел, каждому офицеру — дворянское поместье во Франции! И не надо никаких миллиардных репараций, их все равно присваивают себе евреи, а солдатам достаются лишь бронзовые медали да железные кресты!» (16)

С 1906 года Ланц начал выпускать серию брошюр «Остара» — «первый и единственный журнал по изучению и сохранению героической расы и мужского права», где печатались подробные рецензии на новейшие работы по «расоведению». Эти периодически выходившие брошюры были прежде всего трибуной для пангерманских авторов. В первых двух выпусках критиковали всеобщее избирательное право и венгров. Печатались и труды пангерманцев из Германской империи, например, «Национальная мысль как аристократический принцип нашего времени» Адольфа Харпфа. С 1908 года Ланц писал большинство материалов для «Остары» сам: «Раса и женщина и ее тяга к мужчинам низшего происхождения» (1908), «Введение в учение о расах» с подзаголовком «Биохимические, физиоэлектрические, морфологические и антропометрические различия между расами», «Опасность женского права и необходимость мужской господской морали» (1909), «Оценка характера по форме черепа» (1910), «Половая и любовная жизнь светловолосых и темноволосых» (1910, в двух номерах), «Введение в физику секса» (1911), «Моисей как дарвинист, введение в антропологическую религию» (1911), «Каллипедия, или Искусство осознанного деторождения, советы по расовой гигиене для отцов и матерей» (1911), «Блондины — создатели языков» и так далее.

«Расоведение» стало для Ланца золотой жилой, которую он активно разрабатывал. Он составил «индекс расовой ценности» и в соответствии с ним выдавал свидетельства о присуждении «приза расовой красоты» — не бесплатно, конечно. Одно время к выпускам «Остары» в качестве рекламы прилагались «купоны на приз расовой красоты». Собрав и прислав

определенное число купонов, читатель — причем, без реальной проверки на «расовую чистоту» — мог получить «расовый сертификат».

Ланц списывал идеи у Листа, Вейнингера, Рейхенбаха, Дарвина, Чемберлена и прочих, добавлял к ним примеры из теории электромагнитных явлений, религиозной мистики и библейской критики и сдобривал все это от себя ярким женоненавистничеством и рассуждениями о мужском праве. Стиль изложения был грубым и резким.

Например, он предупреждал студентов: «Честные юноши порой попадают в беду и не достигают своих жизненных целей из-за женщин. Скажем прямо, сегодня наибольшие опасности грозят молодым людям со стороны невоспитанных или воспитанных дурно немецких женщин». (17) «Немецкие женщины» предпочитают в качестве сексуального партнера представителей низшей расы или «полуобезьян» из-за их большей «мужской силы». Этот тезис Ланц иллюстрировал рассказом о суках, которые предпочитают, чтобы их покрывали не породистые кобели, а помесные. Поскольку первый любовник «пропитывает» женщину своим семенем, превращая в собственность, ее дети даже от всех последующих партнеров наследуют черты этого первого мужчины. Для «расы» это означает гибель. Поэтому девственность «ценна не только для любовника, она имеет крайне важное значение для сохранения расы». (18)

Мужчина непременно должен отправить невесту к врачу для подтверждения девственности и строго следить за ней после свадьбы, так как трагедия сексуальности героического мужчины заключается в том, что он не стремится соблазнить женщину — ни своей расы,

ни тем более низшей. А похотливые мужчины низших рас, живущие среди нас, физически и психически развращают эротический вкус наших женщин». (19)

Женщина представляет для Ланца ценность только как «матка», он воспекает «мать-мученицу расового отбора» с почти религиозным благоговением: «Матки должны жить в строжайшем уединении, чтобы у них не возникало искушения изменить супругу. ... Женщина должна пройти по этому болезненному пути после того, как тысячелетиями брела по вакхической дороге похоти. Это расплата за ее сластолюбие». Награда за лишения будет щедрой: «Она удостоится любви прекраснейших, полных молодой силы мужчин, сможет радоваться прекраснейшим и благороднейшим детям, будущие поколения воздвигнут ей храмы и статуи как почитаемой и благословенной богине-матери и будут оказывать ей королевские почести». (20) Женщин следует передать в «собственность» мужчинам, «ибо сама природа назначила им быть нашими рабынями. ... Они принадлежат нам, как плодоносящее дерево принадлежит садоводу».

Однако даже пангерманцам тезисы Ланца представлялись чересчур радикальными. В газетах неоднократно появлялись отклики на его работы, где ему резко возражали. Например, разгневанная «немецкая мать» клеймила теорию Ланца о «матках», называя ее «оскорбительной», «женоненавистнической» и «унизительной». (21) Некий врач из Эгера критиковал утверждение, что истинными героями могут быть только блондины, указывая: «Настоящие герои немецкого народа не обладали названными признаками принадлежности героической расе... Д-р Мартин Лютер был брахицефалом, а Отто фон Бисмарк — темноволосым

брахицефалом». Особенно возмутило врача, что Ланц, классифицируя современных ему политиков согласно расовой теории, причислил к героической «светловолосой расе» д-ра Юлиуса Офнера из Немецкой народной партии, а ведь тот был еврей: «К героической расе Ланц фон Либенфельс причисляет уже и евреев!» (22)

Заметим, что труды Ланца, опубликованные до 1914 года, не отличались особым антисемитизмом. В тот период его главным врагом однозначно были «немецкие женщины», за ними шли «монголы», «негры» и «средиземноморцы», к которым он причислял и евреев. Главное зло он видел в смешении рас, и его не интересовали те группы, которые в свою очередь предпочитали строгую замкнутость — например, верующие евреи, и прежде всего, сионисты. «Наш путь ведет направо, путь евреев — налево, главное — полностью от них отделиться, и это случится тем быстрее и легче, чем раньше евреи начнут заботиться о своей расовой чистоте». Проблему он видел только в «полукровках», прежде всего, в ассимилированных евреях: «Но что нам делать с миллионами необрезанных и крещеных «немцев», которые населяют индустриальные районы и большие города и из-за которых весь мир нас ненавидит?» (23)

При этом Ланц открыто и весьма горячо восхищался одним из таких «немцев», крещеным евреем Карлом Краусом, приветствуя его борьбу против венской либеральной прессы. Один из его хвалебных гимнов Краус перепечатал в «Факеле», сопроводив публикацию коротким, нарочито «еврействующим» комментарием. (24)

Ланц без устали пытался сделать своего кумира «арийцем»: «Тот, кто видел Карла Крауса, признает,

что в его лице нет черт ни монгольского, ни средиземноморского типа. У него темно-русые волосы, которые в юности наверняка были светло-русыми, хорошей формы угловато-округлый лоб, вообще все черты героические, особенно в верхней части лица. Глаза у него серо-голубые. Я никогда не общался с Карлом Краусом лично и не знаю точных пропорций его черепа... Именно потому, что он верен своей расе, он стал врагом и гонителем чандал... Героический человек — это и гениальный человек тоже. Карл Краус — гений, истинный гений, поскольку он творец и новатор. Уже одно это указывает на его расовую принадлежность». (25)

На этот раз Краус, у которого вся эта возня вызвала отвращение, ответил длинной статьей под названием «А он таки еврей!» В злобно-ироническом тоне он писал: «Я не разбираюсь в расах. Глупые немецкие националистические писаки и политики выдают меня за своего, кошерные приятели тоже умудряются сделать меня одним из своих, — я не знаю, как им это удастся, и знать не хочу, меня это не касается, у меня их аргументы в одно ухо влетают, в другое вылетают... Полагаю, что здесь, как и всегда, когда создают человека или когда человек что-то создает, в игру вступают факторы высшего порядка, которые ученым специалистам по расовым теориям не понять». Что же до Генриха Гейне, которому Ланц приписал примесь монгольской крови, то Краус сомневался, «что монгольский элемент тому каким-либо образом мешал», сомнительно также, «что мировой порядок нацелен на сохранение немецкого типа». (26)

Начиная с 1920-х годов Ланц старался выставить себя предтечей Гитлера. В 1926 году его издатель отправил

фюреру новое сочинение «Книга немецких псалмов. Молитвослов ариософов, расовых мистиков и антисемитов» с дарственной надписью. (27) Друзья Ланца считали, «что все фашистские и иные движения под знаком свастики — лишь ответвления идей, излагавшихся в “Остаре”». (28) В 1932 году, в честь мнимого 60-летия, Ланца прославляли так: «Зачинателем национал-социализма стал простой монах Йорг Ланц фон Либенфельс». (29)

После окончания Второй мировой войны Ланц жил преимущественно в Вене и с удовольствием давал лживые интервью о своих отношениях с Гитлером, что его родственникам было крайне неприятно. Братья Генрих и Фриц говорили: «Оставьте уж бедного дурачка в покое». Родственники по материнской линии считали его «чокнутым». Племянник Луиджи Хоффенрайх вспоминает: «У нас его иначе как балаболом не называли». (30)

В 1951 году в разговоре с д-ром Вильфридом Даймом, специалистом по психологии подсознательного, 77-летний Ланц утверждал, что познакомился с 20-летним Гитлером в 1909 году в Вене. Тот пришел к нему в Родаун и попросил дать несколько недостающих ему выпусков «Остары». Ланц исполнил просьбу, а еще подарил молодому человеку, показавшемуся ему «очень бедным», две кроны на проезд. (31)

Подлинность этого эпизода проверить невозможно. Эльза Шмидт-Фальк, например, ничего не знала о знакомстве Гитлера и Ланца. Гитлер никогда не говорил с ней об этом, только однажды упомянул «Ланца и его шайку гомосексуалистов». (32) Последовательница Листа называла Ланца «ужасным человеком», «псевдодворянином» и «сбросившим рясу монахом». (33)

Теперь уже не столь важно, встречались Ланц и Гитлер в Вене, или нет. Но Гитлер, конечно, знал серию «Остара» и публикации Ланца в пангерманских газетах. Даже за три года до смерти Ланц старался изо всех сил, чтобы — невзирая на все беды, которые национал-социализм принес человечеству — его считали «человеком, подарившем Гитлеру идеи». (34) Впрочем, он полагал, что повлиял и на Ленина.

Из всех пангерманских авторов Ланц производит наиболее яркое впечатление, но переклички между его тезисами и «мировоззрением» Гитлера не так очевидны, как в случае с теориями Листа. Рассуждения о расовом отборе, чистоте крови, благородных арийцах и неполноценных смешанных расах на рубеже веков были настолько распространены, что вряд ли можно установить, из какого именно источника их почерпнул Гитлер. Наибольшее сходство с Ланцем наблюдается в стилистике. Вот цитата из «Моей борьбы»: *Черноволосый еврейский юноша с выражением сатанинской радости на лице часами поджидает ни о чем не подозревающую девушку, которую он испортит своей кровью и похитит таким образом у ее народа. Он всеми средствами пытается отравить расовые основы народа, который стремится поработить.* (35)

О Ланце напоминает и то, что Гитлер-политик часто упоминал евреев и «негров» рядом, через запятую, как растлителей «немецкой женщины» и «немецкой расы». Например, в связи со вступлением французских войск в Рейнскую провинцию в 1921 году он пишет о «Немецкой женщине и евреях»: *Евреи хотят осквернить и полностью загрязнить нашу расу. Поэтому в Рейнской области они бросают немецких женщин неграм.* (36)

Гитлер не спешил принимать наиболее экстремистские идеи Ланца, прежде всего его женоненавистничество, еще и по тактическим соображениям. Для рейхсканцлера националистические сектанты могли стать обузой, и он отрекся от них. В «Моей борьбе» он на удивление агрессивно высказался по поводу грызущихся между собой *националистических предтеч, этих бородатых Агасферов: ведь это они же — те же самые люди, что, надев шапку из медвежьего меха с бычьими рогами, размахивают жестяными мечами, сделав их со всей тщательностью по древнегерманским образцам, — они же бегут наутек от резиновых дубинок коммунистов.* Никто не принимал их всерьез: *Им не мешали болтать их ерунду и смеяться над ними. ... Они не только трусы, но и бездельники.* (37)

В марте 1936 года Ланца нелестно упомянули в официальной статье «Об искажении расовой мысли тайными учениями» (38). Однако документов, подтверждающих запрет на публикацию сочинений Ланца в период Третьего рейха, не обнаружено.

По свидетельству очевидца, знавшего Гитлера в 1930-е годы, фюрер не питал симпатии к «националистическим сектантам». Он, например, предпочитал готическому шрифту латиницу. А однажды, когда ему принесли вместо «либретто Шиканедера, предположительно порожденного еврейским духом», новый «арийский» текст для «Волшебной флейты», Гитлер отклонил его, заметив, что «не собирается становиться посмешищем». В узком кругу рейхсканцлер также не раз подшучивал над «пристрастием Гиммлера к германским народным обычаям, народной медицине и прочим премудростям». (39)

Ганс Гольдцир

Гитлер рассказывал Отто Вагенеру — в 1929–1933 годах высокопоставленному партийному функционеру из ближайшего окружения фюрера, — что в Вене он увлекался, в частности, работами венского инженера Ганса Гольдцира: *Судя по имени, он, скорее всего, еврей, вероятно, поэтому и писал сначала под псевдонимом Т. Ньюерт. Его идеи произвели на меня сильное впечатление, но потом я больше ничего о нем и его теориях не слышал. Знаю только, что он работал инженером на строительстве Симплонского тоннеля.* (1) Гольдцир писал под псевдонимом «Ньюэст» («Новейший»), искажение имени («Ньюерт») в приведенной цитате, скорее всего, просто описка.

Начиная с 1905 года Гольдцир опубликовал в Вене множество брошюр на тему устройства мироздания. Он излагал теории, объяснявшие строение мира, и нападал на своего злейшего врага — науку. «Господи ты боже мой! Чего только наука не подсчитала, не взвесила и не доказала! И тем не менее вся эта старательно состряпанная чушь разваливается, стоит только разумному человеку взглянуть на нее под правильным углом зрения, стоит только какому-нибудь новому открытию пролить свет на истинное положение вещей». (2) «Эта книга дойдет до читателя, невзирая на все старания враждебных сил скрыть от человечества новые идеи, если только их не произвели рабы на официальной фабрике мысли». (3)

Гольдцир атаковал ньютоновский закон всемирного тяготения (работа «Учение о гравитации — ошибка!»), решал астрономические проблемы («От лжи о кометах к правде последних вещей»), оспаривал представления о строении Земли («Против безумных

идей о горячей внутренности Земли») и – рассуждая о Млечном пути, всемирном потоке, ледниковых периодах, доисторических временах и будущем — выводил общие законы возникновения, существования и гибели вселенной. Он рассуждал о местоположении рая, размещая его, как и Гвидо фон Лист, на Северном полюсе. Луна, по его мнению, состояла из железа, а лунные кратеры — это пузырьки на поверхности железа, вроде пузырьков воздуха в дрожжевом тесте.

Он полагал, что электричество — первичная сила и двигатель всей жизни. Электричество управляет людьми, которые являются «по сути марионетками, ... дергающимися на невидимых нитях, как электрические скаты, ... которые под влиянием электрических потоков преследуют свою добычу или отказываются от погони». (4) От электричества зависит также и счастье каждого отдельного человека.

Гольдцир придумал специальные правила обращения с этой наиважнейшей силой. Например, он советовал родителям «не слишком бурно целовать своих детей, потому что таким образом они лишают тех жизненной силы». (5) А вот для сравнения высказывание Гитлера в разговоре с Вагенером: *Ребенок кричит и отбивается, когда бабушка все снова и снова пытается прижать его к себе: он не хочет отдавать свои силы умирающей. А бабушка берет ребенка на руки потому, что хочет забрать себе его излишки энергии — сама она этого, конечно, не понимает.* (6)

Теория «тока жизни» напоминает теорию магнетизма умершего в 1869 году натурфилософа Карла фон Рейхенбаха, который повлиял и на Ланца фон Либенфельса. Гольдцир использует эту теорию при описании целых народов и рас, неизменно в сочетании

с дарвинистскими тезисами о «сильных», которые одержат победу над «слабыми». «Изнеженные» люди с недостатком «одической» жизненной силы движутся к упадку и потому стремятся отнять жизненную силу у здоровых и тем самым погубить их. Эти слабаки не способны существовать самостоятельно и являются чем-то вроде паразитов.

Упрек Гольдцира в адрес «тех поэтов и писателей, которые своим псевдоискусством и псевдознаниями будят вредные для расы инстинкты», явно адресован представителям венского модерна. Мнимая угроза со стороны паразитов требует решительных действий: «Каждый народ имеет право энергично защищаться от злонамеренного причинения вреда его расе, объясняемого умозрительными причинами».

Главное требование Гольдцира — введение «основанной на законах природы морали» в качестве единственного «руководящего начала» для индивидуума, государства и человечества: «Благом для конкретного человека или общества в целом является только тот образ жизни, который направлен на сохранение или улучшение вида. Все, что приносит вред виду, есть зло». (7)

О самом Гольдцире известно немного. В Венском архиве отдела регистрации есть сведения о «владельце типографии» Гансе Гольдцире. Вероятно, это и есть автор брошюр. Он родился 23 февраля 1861 года в Вене, часто переезжал, в 1908 году поселился в Бадене под Веной. Дата смерти неизвестна. (8) Его брошюры печатались, очевидно, в собственной типографии и стоили достаточно дорого — 2,40 кроны. Но автор заявлял, что нуждающимся готов раздавать их бесплатно, пусть обращаются.

Теорию Гольдцира о противостоянии сильной расы слабой, существующей за счет паразитизма, Гитлер в разговоре с Вагенером переносит на политическую сферу. Излагая тезисы Гольдцира, фюрер после долгих рассуждений о животных, делающих запасы, рабочих пчелах, трутнях и владельцах заводов приходит к следующему выводу: *Таким образом, устранение не имеющих ценности жизней диктует сама природа, это действие проистекает из самой цели существования человека и вообще всего живого.* Далее он ссылается на Моисея, Конфуция, Христа и Мухаммеда и заключает, что бунт масс против эксплуататоров вполне понятен, так как вызван, скорее всего, *инстинктивным пониманием космических закономерностей.* Заканчивает Гитлер опять-таки рассуждениями о *паразитизме еврейской расы.* (9)

Гитлер весьма подробно рассказывает о воздействии электричества, как оно представлялось Гольдциру, добавив, что это *скрытое тепло* течет из недр Земли в космос и при этом нуждается в проводниках: *Так возникают растения, живые существа и наконец человек.*

Ганс Гольдцир, толкователь законов вселенной, по вполне понятным причинам не удостоился внимания ученых кругов, зато посмертно оказался благодаря рейхсканцлеру весьма почитаемой фигурой. Гитлер, правда, признавал в разговоре с Вагенером, что *Гольдцир писал совершенно ненаучно. Поэтому неудивительно — особенно если учесть его нападки на догматическую премудрость профессиональных ученых и недоказанность или даже недоказуемость его теорий, — что его идеи постигла та же судьба, что и воззрения Галилея и прочих.* Здесь рейхсканцлер

повторяет слова самого Гольдцира, охотно сравнивавшего себя с Галилеем. Гитлер продолжает: *Что из этого верно, а что нет, совершенно не заботило меня ни тогда, ни сейчас.*

Интерес Гитлера к Гольдциру засвидетельствован только в воспоминаниях Вагенера. На этом примере видно, какими длинными и сбивчивыми бывали монологи Гитлера. Вот почему лишь редкие слушатели брал на себя труд записывать эти рассуждения целыми страницами. Как правило, очевидцы фиксировали его высказывания на политические и другие значимые темы, но пропускали длинные рассказы о малоизвестных авторах вроде Гольдцира. У Гитлера, возможно, были и другие странные вдохновители. И, наверное, он подробно рассуждал и о них. Но подобные рассуждения никто, за исключением Вагенера, не потрудился записать.

Ганс Хёрбигер и теория мирового льда

С работами Листа, Ланца и Гольдцира Гитлер был знаком уже в Вене. А вот трудами прочих венских теоретиков расы — Хёрбигера, Требича и Вейнингера — он заинтересовался позже, в Мюнхене. В их сочинениях изложены те же идеи, что и у троих первых. Их нельзя обойти вниманием, перечисляя тех, кто повлиял на становление мировоззрения Гитлера.

Ганс Хёрбигер, инженер из Вены, 1860 года рождения, отец актеров Пауля и Аттилы Хёрбигеров, был известным конструктором паровых машин; он сделал состояние благодаря изобретенному им «клапану Хёрбигера». Разрабатывая теорию мирового льда, он не прибегал к обычным научным методам, она явилась

ему в озарении: «Ледниковая космогония — не конструкция, а благословенный дар. Двадцать лет назад, когда душа моя испытывала горчайшие страдания, мне явилось видение, и его неизмеримая космическая глубина заставила мое тело трястись как в лихорадке». Так он «почти случайно нашел ключ к лунным иероглифам и тайнам Млечного пути, земной атмосферы и угольных пластов». (1)

Сходство этой теории с тезисами Гвидо фон Листа очевидно. Тем более что Хёрбигер опирался не только на материалы по астрологии, но и на германские саги. Он писал, что о возникновении мира изо льда говорилось уже в «Старшей Эдде», просто эти слова пока еще никто правильно не истолковал. (2) У него, как и у Листа, сказочная «Атлантида», расположенная на покрытом льдом севере, оказывается прародиной германцев.

Теория мирового льда была призвана объяснить едва ли не все явления во вселенной и перекликалась со многими другими учениями. Согласно Хёрбигеру, мир возник в результате катастрофы: огромные глыбы льда упали на Солнце, произошел взрыв, и из осколков Солнца возникла вселенная. Млечный путь состоит из льда. Крупные потрясения в мировой истории случаются через определенные промежутки времени и сопровождаются глобальными природными катаклизмами.

Хёрбигер начал работать над своей теорией еще на рубеже веков, но общественности она стала известна лишь после публикации в 1913 году, а настоящая слава к Хёрбигеру пришла в 1920-е годы. Не исключено, но все же маловероятно, что Гитлер уже в Вене знал об этой концепции из газет или из какого-нибудь доклада. А вот в Мюнхене он, по всей видимости, серьезно

заинтересовался этой доктриной. Во всяком случае, он был приверженцем Хёрбигера и по вечерам любил поговорить о теории мирового льда. (3)

В период между войнами у Хёрбигера нашлось много последователей, среди них венский писатель Эгон Фридель. В «Истории культуры Нового времени» он пишет о теории мирового льда следующее: «В сфере биологии развитие заключалось в смене периодов подъема и упадка. ... Согласно учениям древних звездочетов, ... мировая история развивается эрами по 2100 лет каждая, которые определяются по месту Солнца в период весеннего равноденствия и расположению знаков Зодиака».

«Эра Овна», по Фриделю, охватывала период античности с 2250 по 150 год до Рождества Христова. «Эра Рыб», европейская эпоха, должна была закончиться примерно в 1950-м. На период перехода в следующую «эру Водолея», согласно предсказаниям астрологов, приходится владычество новых гиксов, подобно тому, как это было в Древнем Египте. Фридель толковал это предсказание в том же ключе, что и Гитлер, и многие другие современники: «Здесь однозначно имеется в виду большевизм». (4)

Официальная наука не признавала теорию Хёрбигера, что возмущало его приверженцев (еще одна параллель с Листом, Ланцем и Гольдциром) и давало Гитлеру лишний повод его защищать. Он полагал, что многие вопросы можно решить лишь в случае, *если человеку однажды будет дано интуитивно узреть взаимосвязи и указать потом путь науке. Иначе нам никогда не приподнять ту завесу, которую эта катастрофа* [падение ледяных глыб на Солнце — прим. автора] *опустила между нашим временем и прошлыми*

эпохами. (5) Он планировал по примеру Хёрбигера стать *меценатом художников и ученых*, полагая это *лучшим занятием в мире*. Он хотел помогать тем, *кто ищет новые пути*, в борьбе с официальной наукой, не приемлющей ничего нового. (6)

Учение о мировом льде должно было стать гвоздем программы в задуманном Гитлером планетарии на горе Пёстлингберг в Линце. На первом этаже предполагалось разместить изображение вселенной по Птолемею, на втором — по Копернику, а на третьем, последнем — по Хёрбигеру. Гитлер мечтал в 1942 году: *Я представляю себе здание в классическом стиле, редкой красоты... Языческий храм с горы я уберу* [имеется в виду паломническая барочная церковь — прим. автора] *и построю там планетарий. Каждое воскресенье сюда будут приходить тысячи людей, чтобы прикоснуться к величю универсума.* Гитлер полагал, что нужно *заменить религию более высоким учением, чтобы посетители планетариев своими глазами могли увидеть деяния всемогущего бога.* Девиз таких учреждений должен гласить: «Небеса славят Предвечного». (7)

Гауляйтер Август Айгрубер записал за Гитлером: «Фюрер со всей определенностью сказал, что события на востоке усилили его приверженность взглядам Хёрбигера, хотя ученые дураки этого мнения не разделяют». (8) Под «событиями на востоке» подразумевается зима 1941-го года в СССР, под «учеными дураками» — профессора, которые морщились при упоминании теории мирового льда. Работавший над линцским проектом архитектор Герман Гислер приводит такие слова Гитлера: *Вспомните о недавнем прошлом, о замерзшем четырехмиллионном фронте — может быть, я сужу предвзято, посмотрим. Уже хотя*

бы одна только эта фраза «Это не лед — замерзшая вода, это вода — растаявший лед» заслуживает того, чтобы ее изобразили. (9)

Обыкновение Гитлера, осмысляя историю, оперировать глобальными временными промежутками, брать меркой не человеческую жизнь, а космические законы, управляющие человеческой историей, его безумная идея создания «Тысячелетнего рейха» и строительства таких крепких зданий, которые выстоят при любых глобальных катаклизмах, — все это говорит о том, что Гитлер был прилежным учеником Листа и Хёрбигера: *Поверьте, весь национал-социализм ничего бы не стоил, если бы дело касалось только Германии, но речь здесь — об обеспечении господства высшей расы как минимум на одну-две тысячи лет... Управление миром мы должны осуществлять вместе с англосаксами. (10)*

Помимо прочего, Хёрбигер составлял прекрасную «германскую» альтернативу еврею Альберту Эйнштейну и его теории относительности, которая возникла примерно в то же время, но была сложнее для понимания, чем теория мирового льда. Стоит только добавить, что Хёрбигер умер в 1931 году, так и не познакомившись со своим горячим почитателем Гитлером. (11)

Отто Вейнингер

Философ Отто Вейнингер занимает среди представленных здесь шести венских теоретиков особое место, далеко превосходя остальных по интеллектуальной глубине и посмертному влиянию.

Вейнингер родился в 1880 году в еврейской семье, перешел в протестантизм. Это был искренний и глубоко

несчастный человек, которого погубила его собственная философия — он покончил с собой в возрасте двадцати трех лет. Известность принесла ему диссертация «Пол и характер», выдержавшая много переизданий.

Книга Вейнингера — это своего рода учение о типах: мужское («М») как творческое, духовное начало противопоставляется здесь женскому («Ж») как началу нетворческому, инстинктивному. С первой парой соотносится вторая: духовное, творческое, мужское «арийское» начало и инстинктивное, нетворческое, «порочное», женское еврейское. Вейнингер пишет: «У настоящего еврея, как и у женщины, нет собственного «Я», а потому нет и самооценки». (1)

Эта книга — свидетельство страха мужчины перед женщиной, которая якобы угрожает его существованию, поглощает его, заражает болезнями — оборотная сторона сексуальной раскрепощенности, столь прославляемой венским модерном. Одновременно здесь отразился кризис самоидентификации евреев, раздираемых метаниями между ассимиляцией и сионизмом.

Еврей Вейнингер, отчаянно борясь с собой и своим происхождением, демонстрирует страх перед лишенной веры, разрушительной силой еврейского начала. Едва ли не самая известная цитата из Вейнингера гласит: «Еврейством пропитан дух современности, с какой бы точки зрения его ни рассматривать. ... женщины и евреи сводничают; их цель сделать так, чтобы человек стал виновным. Наше время — не только самое еврейское, но и самое женственное время», «которое не дало ни одного великого художника, ни одного великого философа, время наименьшей оригинальности и наибольшей погони за оригинальностью». (2) Автор называет модернистское искусство, «всю эту современную

культуру совокупления» — «еврейской», так как она лишена корней. (3) При этом Вейнингер переписывает обвинения против якобы неспособных к творчеству евреев из статьи своего кумира Вагнера «Еврейство в музыке» Вагнера, но не указывает источник.

Отторжение вызывает и современная наука, прежде всего медицина, «в которую устремляются евреи огромными массами»: «Еврей не благоговеет перед тайнами, ибо он нигде не прозревает их». «Нецеломудренное хватание тех именно вещей, которые ариец в глубине души всегда ощущает как Провидение, появилось в естествознании лишь вместе с евреем». (4) Вейнингер протестует против «пансексуальности» венского модерна, в особенности Зигмунда Фрейда и психоанализа. (5)

Молодой человек, для которого и его сексуальность, и его происхождение стали проблемой, настаивает на необходимости воздержания, так как половые связи ведут в «царство свинства». «Есть только одна любовь: любовь к Беатриче, поклонение Мадонне. Для полового акта существует вавилонская блудница». «Тот факт, что влюбленные, воистину и навеки нашедшие друг друга, — Тристан и Изольда, — идут на смерть вместо брачного ложа, есть... абсолютное доказательство чего-то высшего... в человеке». (6)

Женщина — это «универсальная сексуальность», слепой инстинкт, грех, бесстыдство, она только и может посредством полового акта воровать творческую силу разумного творческого мужчины, губя его. Вейнингер, доводя свой тезис до логического конца, готов отказаться даже от брака и семьи и согласиться на вымирание человечества ради спасения «чистого мужчины», «подобия божия». «Страх перед женщиной» — это

страх «перед бессмысленным, перед манящей бездной пустоты». (7)

М(учжина) и Ж(енщина) должны исполнять обязанности, возложенные на них природой: «Итак, между тем как Ж совершенно заполнена и порабощена половой жизнью, М знает еще и много других вещей: борьбу и игру, дружескую беседу и кутёж, спорт и науку, практическое дело и политику, религию и искусство». (8)

Вейнингер (а вслед за ним и Ланц фон Либенфельс) сравнивает евреев с «неграми» и монголами: «Еврейство обнаруживает, по-видимому, известное антропологическое родство с расами, о которых шла речь выше: с неграми и с монголами. На негров указывают часто встречающиеся у евреев вьющиеся волосы, на примесь монгольской крови — чисто китайская или малайская форма лицевой части черепа, распространённая среди евреев, которой всегда соответствует желтоватый оттенок кожи». (9)

Ни негры, ни евреи, ни женщины, не должны получить равноправия: «С эмансипацией женщин дело обстоит совершенно так же, как с эмансипацией евреев и негров». Правда, не нужно никого и порабощать, «хотя бы порабощаемый и чувствовал себя очень хорошо под ярмом... Женщина и мужчина имеют равные права». Но это не значит, что женщины и евреи должны получить политическую власть: «Как детям, слабоумным и преступникам, по справедливости, не предоставляют свободно влиять на ведение общественных дел, хотя они внезапно достигли бы численного равенства и даже большинства, так и женщину пока, по всей справедливости, надо держать вдали от дел, которым женское влияние может только повредить». (10)

Но сколь ясными ни казались бы на первый взгляд антитезы Вейнингера — «мужское-женское» и «арийское-еврейское» — и сколь бы примитивными они ни были в пересказе иных его последователей, на самом деле эти понятия он и воспринимал, и задумывал как нечто более сложное. Вейнингер перенял у Фрейда положение о бисексуальности, согласно которому каждый человек сочетает в себе мужские и женские черты. Поэтому борьба мужчины с порочной женщиной превращается в борьбу мужчины с женским началом в себе, а для еврея Вейнингера — еще и в борьбу с евреем в себе. Соблазн сексуальности продолжает действовать, даже если «женщина» вызывает презрение. Переходом в другую религию еврейство в себе не уничтожить.

23-летний философ не нашел разрешения этой дилеммы и в 1903 году совершил тщательно подготовленное самоубийство в том самом доме, где умер Бетховен.

Его самоубийство расценили как акт отчаяния еврея, переживавшего кризис идентичности. Или, как написал его друг Артур Требич, как проявление «*morbus judaicus*», еврейской болезни, которая «убила в нем желание жить и погрузила его дух в непреходящий мрак и смятение... Он положил конец своей невыносимой жизни, убив в своем лице и “вечного жида” этого мира». (11)

Эта смерть способствовала укреплению мифа вокруг имени Вейнингера. На похоронах несчастного присутствовали Карл Краус, Стефан Цвейг, 14-летний Людвиг Витгенштейн. В «Факеле» опубликовали некролог «смелому мужественному мыслителю», написанный Августом Стриндбергом, женоненавистником и горячим почитателем Вейнингера. (12) Книга

«Пол и характер» стала культовой на рубеже эпох. Она оказала влияние на таких разных людей, как Краус и Стриндберг, Витгенштейн, Роберт Музиль, Георг Тракль, Арнольд Шёнберг, Франц Кафка, Элиас Канетти, Томас Бернхардт и других. В том числе и на тех, кто старался воспользоваться модными идеями — как, например, Ланц фон Либенфельс.

С другой стороны, полные отчаяния высказывания Вейнингера о евреях оказались на руку антисемитам, которые их охотно цитировали и нередко ими злоупотребляли. Среди почитателей Вейнингера оказались и Муссолини, и Гитлер. В 1941 году Гитлер повторяет за своим другом Дитрихом Эккартом, полностью с ним соглашаясь, что *он знал только одного приличного еврея — Отто Вейнингера, который покончил с собой, поняв, что евреи живут за счет расчленения других народов.* (13)

Ганс Франк, личный адвокат Гитлера, сообщает, что этот еврейский антисемитизм был тому очень на руку, его «несказанно радовал»: «Доводы еврейского философа из Вены Отто Вейнингера играли важную роль в его аргументации. Он часто пересказывал его книгу и другие книги на ту же тему, прочитанные в ночные часы». Франк сообщает, что однажды за обедом, в 1937 году, Гитлер сказал: *Я суций младенец по сравнению с этими евреями, пишущими о евреях. Эти откровения о тайных, скрытых от всего мира качествах, инстинктах и склонностях евреев очень важны. Не я это говорю, евреи сами говорят это о себе, о своей жадности до денег, о своем мошенничестве, безнравственности и сексуальной развращенности.* (14)

Гитлер тщательно изучал Вейнингера, о чем свидетельствует ссылка в одной из мюнхенских речей

1920 года: *Перед лицом еврейской опасности каждый должен начать убивать в себе еврея, и я подозреваю, что именно еврей придумал это прекрасное умозаключение.* Слушателей в пивной «Хофбройхаус» это замечание «развеселило». (15) Намек на Вейнингера никто не уловил.

Артур Требич

Венский писатель Артур Требич, еврей из богатой семьи, друг и соученик Отто Вейнингера, тоже родился в 1880 году. До Первой мировой он был известен лишь немногочисленным единомышленникам. В юности, как и Вейнингер, он входил в венский круг почитателей Хьюстона Стюарта Чемберлена, а как писатель-дилетант конкурировал со сводным старшим братом Зигфридом Требичем, которому сопутствовал успех.

Требич устраивал большие приемы и обижался, что гости ценят его как богатого человека, а не как поэта и философа. В марте 1910 года в Философском обществе его доклад о «влечении к единству» позорно провалился. Эта неудача усилила его ненависть к профессорам и философам, способствовала развитию у него болезненного убеждения, будто они его преследуют и хотят уничтожить.

Две его книги, роман и философские диалоги, опубликованные соответственно в 1909 и 1910 годах, успеха не имели. Не найдя издателя, Требич основал собственное издательство, назвав его в честь греческого великана Антея: сын Посейдона и Геи оставался непобедимым, прикасаясь в битве к матери-земле, дававшей ему силы. Антей упоминается и в статье Рихарда Вагнера «Произведение искусства будущего», где содержится призыв создавать искусство, не отрываясь

от народа и земли. (1) Рейхсканцлер Гитлер однажды вскользь упомянул античного великана Антея, *который всякий раз, когда падал на землю, становился сильнее* (2), продемонстрировав тем самым знание древнегреческой мифологии удивленным слушателям.

В январе 1909 года Требич официально вышел из венской еврейской общины, что подтверждается наличием его имени в «Списке выбывших», опубликованном в сионистской газете «Нойе Националь-Цайтунг». (3) Отныне он отрицал, что вообще был евреем: «Я не еврей, никогда им не был и никогда им не буду». Да, его прадедущка принадлежал к этой «рабской расе безрасовости», но он, «рожденный свободным и благородным, наследник трех поколений предков, крепко укорененных в благоприобретенной родной земле», не затронут «расовой безродностью» и является таким же «честным и верным австрийским немцем, как и все остальные». (4)

В начале века имя Требича не раз попадало на страницы венских газет в связи с многочисленными дуэлями и судебными процессами об оскорблении чести, затеянными им против всех тех, кто называл его евреем. В 1912–1913 годах он стал объектом насмешек, подав жалобу в районный суд на сводного брата Зигфрида и критика Фердинанда Грегори: Грегори назвал новеллу Артура Требича «халтурой и дрянью», Зигфрид с ним согласился и добавил, что лишь однажды читал что-то написанное братом и текст этот был «дилетантским», а Артур страдает «манией величия и манией преследования». (5)

Во время Первой мировой войны Требич стал «политиком от отчаяния» и целиком посвятил себя служению обожествляемому им «германству»,

которому якобы угрожали еврейские силы. В 1916 году вышел его памфлет «Фридрих Великий, открытое письмо Томасу Манну», где он, австриец, упрекал немца Манна в создании искаженного образа прусского короля, бывшего «воистину героическим и великим человеком». (6)

«Исповедальная книга» Требича «Дух и еврейство» (1919) представляет собой многословную вариацию на тему Вейнингера, едва ли добавляя к воззрениям последнего что-то новое. Требич уверен, что арийцам присущи «первичный» дух, оседлость, работа, искусство, творческое начало, а евреям — «вторичный» дух, захватничество и спекулирование тем, что создали арийцы. Как и Вейнингер, Требич выставляет евреев эротоманами. Нервозность, с его точки зрения, есть «преимущественно еврейское заболевание, проявляющееся как в вырожденческой сексуальности, так и в общем беспокойстве». Психоанализ Зигмунда Фрейда для Требича — типичное выражение еврейской «эротомании», «потому что здесь все духовное с большой легкостью и охотой сводится к сексуальному, в то время как более здоровый и уверенный в себе германский северянин, наоборот, одухотворяет плотское, превращая его в действие и работу». (7)

«Morbus judaicus», еврейская болезнь, отравила «весь мир народов-хозяев», и те «страдают теперь от неизлечимых последствий ужасной инфекции». (8)

По окончании Первой мировой войны Требич ездил по городам с докладами на тему «Германия или Сион» или «Немецкий человек и его избавление», предупреждая о «еврейской опасности». Еврейский философ Теодор Лессинг писал, что Требич считал свои доклады «воззванием к немецкому народу. Выступая

перед парой сотен безучастных слушателей, он ощущал себя Мартином Лютером, сжигающим папскую буллу». Требича считали «уникумом», «ни одна группа не воспринимала его всерьез». (9)

В 1919 году, во время одного из выступлений в Берлине, мания преследования Требича проявилась настолько сильно, что его едва не арестовали. Тем более агрессивной стала его следующая книга «Немецкий дух или еврейство», выпущенная издательством «Антей». Она была полна предостережений от «отравления» еврейским духом и надвигающегося мирового господства евреев. Требич писал, что евреи в союзе с социалистами, церковью, иезуитами и масонами хотят погубить арийцев и захватить власть. Если немецкий народ не будет защищаться, он погибнет: «Но у руля тонущего немецкого корабля сможет встать только тот, кто сумеет распознать врагов, спрятавшихся среди членов его команды, и безжалостно расправиться с ними». Необходим «прирожденный, посланный Богом вождь. Служить его воле — значит подчиняться и служить воле всего немецкого народа, которая до сих пор была скрыта и лишь с приходом вождя проявит себя громко и ясно». (10)

В 1920 году вышла брошюра Требича «Мы, немцы из Австрии», завершавшаяся фразой: «Объединившись, немецкий народ выстоит в мировом пожаре, он непобедим!». Автор был убежден, что его преследуют евреи, пытаясь отравить при помощи электрических лучей. В 1923 году он рассказал о замысленных преступлениях в книге «История моей „мании преследования“», которой предпослал посвящение: «Меня не проведешь, еврейский сброд! Ведь я и сам не так-то прост». В книге «Арийский экономический порядок» (1925) Требич,

как и Лист, поставил знак равенства между понятиями «справедливый миропорядок» и «германский миропорядок».

В осознании себя немцем высоким и светловолосый Требич зашел так далеко, что представлял себя арийским мессией и германским героем. Как и Вейнингер, он ссылался на Христа, сумевшего полностью преодолеть в себе еврейство. Не раз Требич даже претендовал на то, чтобы возглавить националистические группировки, но поддержки не получил.

В начале 1920-х годов Требич, познакомившись в Мюнхене с Гитлером и его ближайшим другом и наставником Дитрихом Эккартом, стал одним из первых спонсоров новой национал-социалистической партии (11). Эккарт упоминает Требича в книге «Диалог между Адольфом Гитлером и мной». Эккарт — Гитлеру: «Ты же помнишь, что говорил Требич. Если Германия станет большевистской, евреи играючи покончат с Римом. Он еврей, ему ли не знать». В комментариях — хамское пояснение: «Артур Требич — еврей, который борется против еврейства, или скорее думает, что борется. Он через слово повторяет: „Мы, арийцы“». (12)

В марте 1935 года Гитлер посоветовал одному знакомому изучить работы Требича: *Внимательно прочитайте каждое предложение. Он развенчал евреев, как никто.* Требич же видел у Гитлера *слепое пятно на глазу*, мешающее ему разглядеть *хитроумных сионистских змей, проникших в партию ... Еврейские вырожденки и предатели поставили движение под свой контроль. Партия отдана им на откуп.* Гитлер якобы сказал дальше: *Ему не нравились Штрайхер, Штрассер, Лей, Розенберг и многие другие — список*

был длинным. По словам одного знакомого, Гитлер почитал Требича настолько сильно, что даже подумывал отдать ему должность Альфреда Розенберга по контролю за мировоззренческим воспитанием, и сожалел, что Требич *отошел от движения: Я давно ничего о нем не слышал. Но я помню все, что он говорил и писал.* (13) Значит, в 1935 году Гитлер еще не знал, что Требич умер уже в 1927-м.

Венский вклад в мировоззрение Гитлера

Невозможно установить с абсолютной полнотой и достоверностью источники «мировоззрения» Гитлера, которые он сам усердно скрывал. Можно лишь приблизительно реконструировать мозаику прочитанных и усвоенных им сведений. Следует подчеркнуть, что молодой Гитлер обращался отнюдь не только к первоисточникам, то есть к трудам таких философов и теоретиков, как Дарвин, Чемберлен, Дюринг, Лебон, Ницше, Шопенгауэр или Шиллер. Много чаще он черпал информацию из газет, брошюр и популярных сочинений, в которых тиражировались главные тезисы тех или иных модных авторов, каждый раз под иным углом зрения, в зависимости от того, какой насущной задаче они призваны послужить. Установление каждого источника — безнадёжная задача, если только не сохранилось записи личного упоминания его Гитлером, как в случае с Гансом Гольдциром.

Однако ряд общих признаков очевиден. Почти все теории, привлёкшие внимание Гитлера, роднит то, что они не имели отношения к современной университетской науке. Они рождались в умах чудаковатых мыслителей-одиночек, которые ненавидели

«официальных» ученых, ибо те справедливо не принимали их всерьез.

Подобное отношение к науке в ту эпоху было характерно для определенных кругов, где дилетантизм почитался за достоинство. Чемберлен, например, уже в первой фразе своего двухтомного труда с гордостью заявляет, что он «человек неученый». Далее он подчеркивает, что «главная задача дилетантизма» — «бороться с рабством науки», ведь «в спертом воздухе этой тюрьмы выживают одни посредственности». «Вполне вероятно, что широко мыслящий неученый лучше сумеет охватить взглядом большой комплекс явлений, чем ученый, который во время интенсивного и долгого освоения предмета уже попал в плен ранее проложенных глубоких борозд». (1)

Остановимся на этом примере. Гитлер не раз делал весьма похожие заявления. Может быть, он опирался не на самого Чемберлена, а на его многочисленных почитателей и эпигонов из числа венских немецких националистов. Подобные утверждения вполне в духе распространенного в ту пору движения против просвещения и точной науки в защиту новой мистики, откровений и примата чувства и интуиции. Гольдцир тоже называл «ненаучность» добродетелью, постоянно ссылаясь на Шопенгауэра.

Антипатия Гитлера к профессорам проистекала не только из его неудач в школе и в Академии, но из самого духа времени. Ведь даже политики (например, почитаемый Гитлером д-р Карл Люэгер) добивались колоссального успеха у «народа», пренебрежительно отзываясь от «профессорах».

Мировоззрение Гитлера устроено довольно просто. Оно базируется на биполярных теориях: на учении

о расах господ и рабов, сильных и слабых, светло- и темноволосых. Тут наблюдается четкое разделение на добро и зло, как у Карла Мая (Ардистан и Джиннистан (см. Главу 10 «Накануне Великой войны», раздел «Карл Май в Вене»)), как в опере Эжена д'Альбера (горы и долина), как у Вейнингера (мужское и женское начала, соотношенные с христианским и еврейским). Правда, в последнем случае это противопоставление гораздо более высокого уровня, оно не так примитивно, как в понимании Гитлера. В основе прочих теорий лежит прямое противопоставление «друг — враг». Зло пытается уничтожить добро. Но не выходит на честный «геройский» бой, а борется, как это принято у «недолюдей», — «бациллами», «паразитами», порчей чистой крови.

Данная биполярная схема соответствовала способу мышления Гитлера. По словам Альберта Шпеера, у рейхсканцлера была любимая фраза: «Есть две возможности», и он употреблял ее так часто, что ближайшее окружение, включая секретарш, тоже в шутку так говорили. (2)

С другой стороны, примитивное деление на своих и чужих — тактический прием, которой использовал не только Гитлер, но и все политики, считающие себя «народными трибунами» и стремящиеся манипулировать массами. Гитлер и не скрывал, что использует этот метод. В «Моей борьбе» он пишет: *Широкие народные массы состоят не из профессоров и дипломатов. Им недостает абстрактных знаний, и они руководствуются скорее чувствами. Именно эмоции формируют их позитивные либо негативные установки. Они способны понять проявления силы только в одном из этих двух направлений и никогда не поймут расположенной между ними половинчатости.* (3)

Еще один из множества возможных примеров: *Народ в большинстве своем устроен до такой степени по-женски, что его мысли и действия определяются не столько разумными рассуждениями, сколько чувствами и эмоциями. Причем эти чувства не сложные, а простые и цельные, здесь нет нюансов, а есть только хорошее и плохое, любовь и ненависть, справедливость и несправедливость, правда и ложь, и нет никакого равновесия или сочетания полюсов.* (4)

Для Гитлера в центре исторических событий стоит не человек, а народ или раса, история которых развивается в соответствии с законами существования вселенной, пусть бы и с ледниковыми периодами. Внутри этих циклов индивидуум представляет ценность только как часть народа или расы, способствующая их выживанию в борьбе с другими народами или расами. Чтобы добиться мирового господства, «арийской расе», как пишет Лист, нужно сохранить чистоту, освободиться от всех «расово чуждых» элементов. Система строгой «расовой гигиены», включающая в себя жесткие законы о браке, «племенной отбор» и «устранение» больных и слабых, демонстрируемая чаще всего на примерах из растительного мира, представляет собой в данном случае псевдовселенский закон, который наиболее последовательно пропагандировался шёнереанцами.

Во всех перечисленных теориях отчетливо прослеживается влияние популярного на рубеже веков дарвинизма, где вымирание слабых и победа сильных представлены как неизбежность. Гитлер сказал в 1923 году: *Вся природа — это непрекращающаяся борьба между силой и слабостью, непрекращающаяся победа сильных над слабыми.* (5) Ту же точку зрения

Гитлером высказал Геббельсу в феврале 1943 года, после разгрома немецких войск под Сталинградом: *Если немецкий народ когда-либо окажется слабым, он не будет заслуживать ничего иного, как быть уничтоженным более сильным народом. Тогда и сожалеть о нем не нужно.* (6)

В Вене молодой Гитлер усвоил целый ряд подобных сектантских тезисов. В другом государстве, много позже и при иных обстоятельствах, это скомпилированное из разных кусков «мировоззрение» станет основой реальной политики. Новому окружению Гитлера его высказывания покажутся гораздо более оригинальными, чем они прозвучали бы в Вене.

8. Политические кумиры

Вождь Георг Шёнерер

Когда я приехал в Вену, мои симпатии целиком и полностью принадлежали пангерманцам, — пишет Гитлер в «Моей борьбе» (1), и оснований не верить его словам нет. Таковы были его политические предпочтения и в Линце; то же подтверждают свидетельства соседей по мужскому общежитию.

Личное знакомство Гитлера с Георгом Шёнерером, вождем пангерманцев и политическим кумиром будущего фюрера, маловероятно. Потеряв в 1907 году место в парламенте, тот почти не появлялся в Вене. А в октябре 1913 года, когда Шёнерер в последний раз выступал в Вене на торжествах в честь столетней годовщины Битвы народов под Лейпцигом, Гитлер уже находился в Мюнхене.

Но Гитлер не мог не видеть, как приверженцы Шёнерера создают культ своего вождя, в особенности в партийной газете «Альдойчес Тагблатт». Пангермацы клялись вождю в верности и распевали о нем песни — например, «Рыцарь Георг» на популярный мотив «Принц Евгений, славный рыцарь». В его честь сочиняли стихи, например: «Вот — герой Восточной марки, / Вся земля в его руках, / И над ним сияет ярко / Пангерманский славный флаг». (2) Каждый год в «Альдойчес Тагблатт» под заголовком «Да здравствует вождь!» печатались поздравления на несколько страниц и хвалебные статьи, исполненные пафоса: «Мы любим тебя, мы почитаем тебя, мы

восхищаемся тобой и славим тебя — ты лучший сын нашего народа после Бисмарка». (3)

Шёнерер благодарил, цитируя Бисмарка: «Все территории, населенные немцами, рано или поздно вернутся в Германию», и призывал: «Мы должны брать пример с Бисмарка и бороться с черными и красными врагами! Германское мировоззрение проложит себе дорогу! Поэтому — долой евреев! И прочь от Рима!» (4)

Гитлер был свидетелем агрессивных выступлений трех пангерманских депутатов в парламенте, а также слышал речь Карла Иро по цыганскому вопросу. На венских улицах он мог видеть, как пангерманцы терроризируют евреев и чехов. Но сведения о движении Шёнерера он черпал прежде всего из пангерманских изданий, таких как «Альдойчес Тагблатт», «Унферфельште Дойче Ворте», «Дер Хаммер» Франца Штайна, и из речей самого Шёнерера, который выпускались большими тиражами в форме брошюр. Вероятно, он читал и подробную биографию «вождя», первый том которой вышел в 1912 году к 70-летию политика. Эта книга, написанная Эдуардом Пихлем, приверженцем Шёнерера, стала для пангерманцев своего рода библией. Ее эпиграфом стали слова: «Через чистоту к единству!», а посвящение гласило: «Самому немецкому человеку Восточной марки». Главы книги перепечатывались в форме брошюр. Гитлер явно проштудировал эту биографию и узнал таким образом о политической деятельности Шёнерера в предшествующие годы. Впоследствии Гитлер не раз упоминал факты из жизни пангерманского вождя, относящиеся к началу его карьеры или к 1890-х годам, то есть до приезда молодого художника в Вену.

Георг фон Шёнерер родился в 1842 году в Вене, в семье богатого железнодорожного промышленника. В 1869

Георг Шёнерер, около 1910 года

году, завершив учебу в нескольких сельскохозяйственных высших школах, стал управляющим отцовского имени Розенау под Цветтлем в Вальдфиртеле. В этой роли он показал себя с самой лучшей стороны, активно занимался модернизацией хозяйства, следил, чтобы оно приносило доход. К работникам относился доброжелательно, по-отечески, в том числе и к самым бедным крестьянам и батракам, которых землевладельцы обычно притесняли и откровенно эксплуатировали. Шёнерер сочувствовал их положению, организовал в Цветтле Общество сельского и лесного хозяйства, которое насчитывало 2000 членов и 130 локальных отделений, обучал крестьян современным методам ведения хозяйства.

В Вальдфиртеле до сих пор вспоминают о щедрости Шёнерера. Он профинансировал организацию двухсот

пожарных частей, дал деньги на двадцать пять народных библиотек, покупал гимнастические снаряды, чтобы крестьянская молодежь занималась спортом, жертвовал на нужды больных и бедных. Он боролся за улучшение социального положения крестьянства, за сохранение народных традиций, обычаев и костюмов. Одним словом, в Вальдфиртеле он стал почитаемым «вождем крестьянства».

Политические воззрения Шёнерера сформировались под влиянием событий 1866 и 1870–1871 годов, он стал пламенным приверженцем немецких националистических идей и поклонником Бисмарка. Ему было двадцать четыре, когда произошла битва при Кёниггреце, в которой Габсбургская монархия потерпела сокрушительное поражение от Бисмарковской Пруссии. Как и многие австрийские немцы того поколения, он считал позором исключение Австрии из Германского союза. Но надеялся, что это лишь временное решение и населенные немцами территории Австрии вскоре присоединятся к Германской империи, которая таким образом обретет «завершенность». Девизом Шёнерера стали слова Бисмарка: «Цель нашей политики — не отдать врагу ни пяди немецкой земли и не пожертвовать ни йотой германского права». Шёнерер писал своему кумиру в Берлин восторженные письма, его пыл не охладил даже весьма холодный ответ Бисмарка, ясно давшего понять, что неистовый австрийский национализм для него обременителен. Государственный деятель Бисмарк занимался сплочением нового государства, которое он полагал «состоявшимся», его не интересовали утопические мечтания националистов. Он не собирался потворствовать шёнерианцам и таким образом вредить собственной политике укрепления Двойственного союза.

Но Шёнерер продолжал преклоняться перед Бисмарком и наводнил Вальдфиртель памятниками в его честь. В парке Розенау возвели из гранитных плит посвященную Бисмарку башню, на верхней платформе которой каждый год разжигали костер в праздник летнего солнцестояния. На нескольких типичных для Вальдфиртеля ледниковых валунах Шёнерер приказал выбить руническим письмом надпись «Хайль Бисмарк!» — «Да здравствует Бисмарк!». Он оплачивал деревенским трактирам вывески с «поучительными» названиями вроде: «У князя Бисмарка», «У железного креста», «У фельдмаршала Гинденбурга», «У немецкой стражи на Кампе». В честь Бисмарка сажали дубы, а подросткам в Цветтле сотнями раздавали островерхие прусские каски, сделанные из бумаги. (5)

В 1873 году, в период биржевого краха и последовавшего за ним экономического кризиса, Шёнерера (ему шел тридцать второй год), избрали депутатом Рейхсрата от Немецкой прогрессивной партии, то есть от либералов. Он приобрел известность как темпераментный и несговорчивый политик. В 1876 году, рассорившись с однопартийцами, он покинул либеральный лагерь, стал националистом и борцом с капитализмом, либерализмом, евреями и коррупцией. Роберт Хамерлинг, писатель из Вальдфиртеля, восхищавшийся Шёнерером, назвал его «дерзким глазком жира в постном супе политики». Эта фраза потом кочевала из одной хвалебной речи в другую.

В 1878 году, при оккупации Боснии и Герцеговины, Шёнерер как немецкий националист активно выступал против великодержавной политики Австрии. По его мнению, присоединение этих территорий вредило интересам немцев, так как смещало центр тяжести

австрийской политики дальше на юго-восток, увеличивало и так уже большую долю славян в составе населения и означало значительную финансовую нагрузку на австрийских немцев. Кульминацией его протеста стало высказывание: «Все чаще и все громче звучит в немецких коронных землях клич: “Когда же мы наконец присоединимся к Германской империи и избавимся от Боснии и прочая!”» (6)

Провозгласив, что «право народа выше права государства», Шёнерер объявил династию Габсбургов бесполезной для «немецкого народа». А вот Гогенцоллернов он считал настоящими правителями «всех немцев». Вследствие таких заявлений Шёнерер приобрел статус врага государства и оказался под полицейским надзором.

Правительственный осведомитель в 1879 году сообщил о весьма многолюдном собрании в местечке Оттеншлаг в Вальдфиртеле, где Шёнерер возмущался имперской политикой по вопросу национальностей, в особенности оккупацией Боснии: «Потратили десять миллионов на боснийских беженцев, забрав эти деньги у австрийского народа». (7) Осведомитель комментирует: «Население пребывает в состоянии крайнего волнения, противников у Шёнерера почти не осталось, здесь все за него, он для них настоящий народный предводитель — простой и непритязательный, народ таких любит». (8) И далее: «В высших классах у него противники наверняка есть, но здесь никто не решается с ним связываться, опасаются его грубости и бесцеремонности». (9) А вот сообщение того же осведомителя из Гмюнда: «Люди озлоблены, настроения антипатриотические, практически пруссофильские. Шёнерера здесь боготворят». (10)

Бисмарк в роли архитектора будущей «Пангерманской империи», Шёнерер в роли каменщика, обрабатывающего камень под названием «Восточная марка». Титульный лист специального номера газеты «Альдойчес Тагблатт» ко дню рождения Бисмарка в 1908 году.

Шёнерер в своих выступлениях постоянно ссылался на «волю немецкого народа», чьи интересы не защищает ни государство, ни Рейхсрат, ни пресса, и выставлял себя рупором нации. Слушателей у Шёнерера становилось все больше, он проявил себя как народный трибун, обладающий яркой харизмой и незаурядными ораторскими способностями, что признавали даже его противники: «Шёнерер — невысокий и тучный, лицо толстое, красное, видно, что любит выпить пива, глазки масляные; первое впечатление не из самых приятных. Но выступая, он преображается. Обычно тусклые глаза сияют, появляется активная жестикуляция, мимика становится выразительной, а голос — звучным, заполняя весь зал. Точно расставляя акценты, Шёнерер доносит до слушателей именно то, что хочет сказать... О характере будет достаточно заметить, что с противниками он груб и резок, с приверженцами нетерпелив, зато с угодниками и льстецами дружелюбен и предупредителен». (11)

Признали нового «вождя» и члены немецких студенческих корпораций, поклонявшиеся национальным идеалам 1848 года и мечтавшие о «Великогерманской» империи.

Несмотря на единодушное неприятие со стороны официальных кругов, Шёнерер оказался в те годы настолько притягательной фигурой, что вокруг него объединились способные молодые политики, стремящиеся к социальным реформам. В 1880-е годы у них родилось множество интересных идей. В 1880-м, например, был основан «Немецкий школьный союз» для финансирования немецких школ и детских садов в областях со смешанным населением. Ближайшими соратниками Шёнерера были молодые

интеллектуалы, придерживающиеся немецких националистических взглядов: д-р Виктор Адлер, Энгельберт Пернершторфер, историк и журналист д-р Генрих Фридьонг, а также д-р Карл Люэгер, который чуть позже изберет иной путь в политике.

В 1882 году приверженцы Шёнерера разработали т. н. «Линцскую программу» под девизом: «Не либералы, не клерикалы — националисты». В этом программном документе немецкие националисты требовали осуществить обширные социальные реформы: ввести страхование по старости и от несчастных случаев, ограничить рабочий день для женщин и детей, предоставить демократические права, в том числе свободу прессы и собраний. Устройство многонационального государства предлагалось полностью изменить таким образом, чтобы обеспечить немцам ведущую роль. Венгрии планировалось сделать фактически независимой, связанной с Цислейтанией только личной унией. Коронные земли Галиция и Буковина, где процент «ненемецкого» населения был самым высоким, а денежные вливания — самыми большими, исключались из состава государства. Так уменьшалась финансовая нагрузка на немцев — во-первых, и снижался процент поляков и евреев среди населения — во-вторых. Ведь в Галиции и Буковине проживало около миллиона евреев, что составляло больше двух третей от общего числа евреев Цислейтании (1,3 миллиона). Далмация, Босния и Герцеговина должны были отойти Венгрии и вместе с Хорватией образовать в будущем южнославянскую империю.

Связи между оставшимися коронными землями — а это наследные австрийские владения и Богемия, то есть области, ранее входившие в Священную Римскую империю, — следовало существенно укрепить,

государственным языком здесь стал бы немецкий, а одной из целей нового государства был бы таможенный союз с Германской империей. Введение всеобщего избирательного права авторы «Линцской программы» допускали только в случае наличия гарантированного немецкого большинства и немецкого языка в качестве государственного.

Все партии выразили готовность обсудить предложенную реструктуризацию, особенно стремящиеся к независимости венгры и многие поляки, которым бóльшая самостоятельность казалась первым шагом на пути к заветному собственному государству. Однако император никогда не пошел бы без крайней нужды на дальнейшее дробление государства, а чехи никогда не приняли бы немецкий язык в качестве государственного.

Расовый антисемитизм

В 1880-е годы борьба Шённерера «за немецкий народ» превратилась в ожесточенную борьбу против «жидов». Сначала — против российских евреев, после 1881 года бежавших из царской империи, спасаясь от погромов. Шённерер и в этом случае стал рупором «народа», выступив 11 мая 1882 года перед Рейхсратом с протестом против «массового притока непродуктивных чуждых элементов», число которых за двадцать лет в Австрии удвоилось, а «в Вене даже утроилось». Он требовал ввести ограничение на въезд по образцу американского антикитайского билля. (12) Рейхсрат отклонил это требование, тогда Шённерер начал сбор подписей, собрав в результате около пятисот, и проводил различные акции в защиту своего предложения, но все безрезультатно.

В 1883 году Шённерер начал использовать в пропагандистских целях имя недавно умершего Рихарда Вагнера. Собрание студенческих корпораций, посвященное памяти Вагнера, он превратил своим выступлением в политическую манифестацию. (13) «Новое венское общество Рихарда Вагнера», основанное несколькими годами позже и провозгласившее своей целью «освобождение немецкого искусства от искажения и обьевреивания», стало центром антисемитизма и возвращения культа германцев. (14)

Шённерер стал самым активным и популярным пропагандистом расового антисемитизма, Австрии до той поры неизвестного. Выступая в парламенте, он цитировал книгу берлинского философа Евгения Дюринга «Еврейский вопрос как вопрос о расовом характере и его вредоносном влиянии на существование народов, на нравы и культуру»: «Евреи — ... это внутренний Карфаген, с властью которого народы должны покончить, чтобы не пострадать от его разрушительного влияния на их нравственные и материальные основы». (15) Цитаты из Дюринга встречались во всех пангерманских сборниках афоризмов и в то время, когда Гитлер жил в Вене, например: «Выросший под холодным небом северный человек обязан уничтожать паразитические расы, как уничтожают ядовитых змей и диких хищников». (16)

Выдвинув лозунг «Иудей или крещеный — неважно, непотребна сама раса», Шённерер требовал принять особое законодательство, под которое попадали бы и выкресты, и евреи, давно проживающие в стране. В частности, он требовал ограничить для евреев свободу передвижения и выбора места проживания, запретить им осуществление торгового посредничества, ввести количественное ограничение приема

евреев в школы и университеты в соответствии с их процентной долей в населении, запретить им работу в государственных и образовательных учреждениях и прессе, ввести подушный налог, создать отдельные еврейские полки в армии и многое другое.

Шёнерер говорил: «Мы, немецкие националисты, считаем антисемитизм одним из столпов националистической мысли, главным средством продвижения в массы подлинно народного мировоззрения — а значит, величайшим национальным достижением века». (17) Он требовал от своих приверженцев и от «немецкого народа» неукоснительного отторжения всего «еврейского» под девизом: «Через чистоту к единству». 18 февраля 1884 года на одном из массовых собраний шёнерианцев впервые красовался плакат: «Евреям вход воспрещен». (18)

Антисемитизм оказался крайне действенным политическим инструментом в борьбе против либералов, влияние которых и так уменьшалось по мере постепенного расширения избирательного права. В 1884 году Шёнерер агитировал в парламенте против самого могущественного еврея империи — барона Ротшильда. Семейство Ротшильдов уже многие десятилетия было главным акционером Северной железной дороги императора Фердинанда, и речь как раз шла о продлении договора. Шёнерер требовал разорвать договор и национализировать эту в высшей степени прибыльную железную дорогу. В поддержку этого требования он представил подписной лист, где значилось около сорока тысяч имен — так сказать, «глас народа» перед лицом еврейской угрозы. Публика на галерее поддерживала его антисемитскими выкриками, направленными против «железнодорожных жидов».

Во время препирательств, длившихся много недель, Шёнерер обвинил семейство Ротшильдов в том, что те наживаются на бедняках за счет завышенных цен на уголь. Он заявил, что либеральная «еврейская пресса» подкуплена и потому защищает не интересы народа, а выгоду еврейских дельцов. Вследствие этой выстроенной по законам драматургии акции, пользовавшейся большой популярностью у населения, Ротшильд вынужден был заплатить Вене за продление договора гораздо больше, чем планировал изначально. А «убийца дракона» Шёнерер завоевал таким образом новых приверженцев как борец с «еврейской коррупцией».

В 1885 году Шёнерер, без согласования со своими соратниками, добавил в текст «Линцской программы» т.н. «арийский параграф», обосновав это следующим образом: «Для проведения реформ необходимо устранение еврейского влияния во всех сферах общественной жизни». Это означало разрыв с проверенными единомышленниками Виктором Адлером и Генрихом Фридьонгом — они оба были крещеные евреи. Девиз Шёнерера «Германия для немцев» был теперь направлен не только против «ненемецких» народностей Дунайской монархии, но и против тех евреев, которые при переписи указывали немецкий язык в качестве родного, ощущали себя немцами и работали на дело немецкого национализма. Евреи отныне не могли считаться немцами.

«Арийский параграф» получил широкое распространение: немецкие студенческие корпорации исключили из своих рядов пронемецки настроенных «евреев», в том числе Теодора Герцля, Виктора Адлера и Артура Шницлера. По «Вайдхофенской декларации»

евреи не имели права на сатисфакцию. Артур Шницлер с горечью цитировал текст этого решения в мемуарах: «Все сыновья еврейской матери, все, в чьих жилах течет еврейская кровь, с рождения лишены чести и благородных побуждений. Они не способны отличить грязное от чистого. С точки зрения этики они стоят на очень низкой ступени. Поэтому общение с евреями бесчестит. Контакт с евреями нужно избегать. Евреев невозможно оскорбить, поэтому евреи не могут требовать удовлетворения за нанесенное оскорбление». (19)

Прочие немецкие союзы — альпинисты, гимнасты, читатели, гребцы, хоровые и языковые общества — также последовали этому примеру и исключили, помимо евреев, еще и большинство славян. 11 апреля 1908 года (Гитлер уже жил в Вене) «Гимнастическое общество гау Нижняя Австрия» отмечало 20-летие «освобождения от евреев» праздничными показательными выступлениями. (20)

Шёнерер решительно разбивал все сомнения слушателей вот такими фразами: «А на утверждения некоторых господ, мол, есть же и среди евреев исключения, я отвечу: пока мне не покажут исключения среди жуков-короедов, я в эти утверждения не поверю!» (21) Он снова и снова внушал своим последователям: «Относительно евреев наша позиция неизменна: еврей остается евреем, крещеный он или нет!» (22)

Для обеспечения «чистоты крови» Шёнерер, как и Дюринг, Чемберлен, Лист и прочие, требовал строгого «разделения рас». Социальное давление на «арийцев», друживших с евреями, возрастало: тех, кто не хотел поддерживать антисемитизм, клеймили как «предателей немецкого народа» и «прислужников евреев». В полном соответствии с установкой Шёнерера: «Всех

тех, кто сознательно поддерживает евреев и их агентов и товарищей, мы считаем предателями своего народа». Обращаясь к приверженцам, Шёнерер призывал готовиться к великой борьбе: «Если не хочешь, чтобы тебя изгнали, изгоняй других. Если мы, немцы, не изгоним евреев, они изгонят нас!» (23)

Движение Шёнерера и религиозная община

«Германство» стало для шёнерианцев вопросом веры и своего рода религией. Уже в 1883 году журнал «Унферфельште Дойче Ворте» писал о «вере и новой религии германства»: «Принадлежность к своему народу для каждого истинного немца» — это «полноценная замена религии, разумеется, не в смысле набора правил, от соблюдения которых зависит спасение человека... Задача немецкого мировоззрения — быть оплотом нравственности». (24). А вот еще одно часто цитируемое высказывание: «Для нас, немцев, германская вера в героев, вне всяких сомнений, должна быть важнее мировоззрения еврейских праотцов». (25)

Шёнерианцы имели свои опознавательные знаки и символы: василек, руны, приветствие «Хайль» и немецкие боевые песни. Они праздновали солнцестояние, день Остары и Йоль. На заседаниях исторических кружков обсуждалось немецкое прошлое. У походных костров пели немецкие песни. Искусство было «народным» (фёлькиш), а «интернациональный» и «еврейский» венский модернизм не признавался.

Движение затрагивало и частную жизнь: в качестве супругов, друзей и коллег допустимы только немцы, контакты с евреями и славянами запрещаются. Перед заключением брака необходимо удостовериться

в арийском происхождении и «биологическом здоровье» партнера. Детям давали древнегерманские имена и воспитывали их «в согласии со старинными немецкими обычаям», девочек оберегали от опасной эмансипации, чтобы вырастить их «добрыми немецкими матерями». Женщины не использовали косметики и носили простые прически и платья. Молодежи полагалось учиться и соблюдать воздержание, чтобы сохранить здоровье «для немецкой нации». Шёнерианцы придерживались определенных правил питания и были большей частью вегетарианцами. Тело закаляли гимнастикой, по возможности на свежем воздухе.

Все эти правила жизни насаждались через бесчисленные кружки и объединения. В Венском университете существовал «Немецкий союз студентов за народное трудолюбие», требовавший от своих членов «воспитывать себя и вести добропорядочный образ жизни», чтобы «облагородить и углубить наш национализм». Сюда входило и «осознание вреда, который потребление алкоголя, парализующего волю, наносит и отдельному человеку, и всему народу»: «Тот, кто, строго выполняя долг и воспитывая себя, стремится к совершенству, чтобы поставить совершенного человека на службу народу, совершает поистине немецкий поступок». (26)

Девиз «Через чистоту к единству» предполагал и последовательное онемечивание иноязычных слов. «Календарь» превратился во «времяуказчика», а «редактор» — в «руководителя по текстам». Венские приветственные и задравные формулы «Сервус!» и «Прозит!» заменяли на древнегерманское «Хайль!» Продавались словари онемеченных слов.

По древнегерманскому обычаю, Шённерер требовал поклонения себе как единственному «вождю»

с неограниченной властью. Его слова — непреложный закон для последователей. Дискуссий по основополагающим политическим темам не проводили. Высказавший иное мнение, хотя бы и по частному вопросу, исключался из движения с обоснованием: «Без согласования с Шённерером, вождем и творцом нашей программы, ... ни один пангерманец не вправе публично отклоняться от программы или главных тезисов вождя. Никто, кроме Шённерера, не имеет права изменять программу или тезисы, и среди нас нет никого, кому завоеванный или признанный авторитет позволял бы вопреки воле вождя Шённерера выступать перед пангерманцами по вопросу изменения программы». (27) Вождя поддерживал лишь узкий круг избранных. Шённерер говорил: «Двенадцать преданных товарищей мне больше по душе, чем тысячеголовый обоз нерешительных и вялых трусов или гогочущих петухов». (28)

Германский культ Шённерера окончательно приобрел сектантскую окраску после 1887 года, когда он устроил праздник «двух тысяч лет германской истории» в память о битве под Нореей в 113 году до н.э., в которой германские племена кимвров и тевтонов впервые одержали победу над римлянами. В воззвании вождя об этом сражении говорилось следующее: «Грубые, но полные грозной первобытной силы боевые кличи кимвров и тевтонов потрясли основы Римской империи как глас судьбы: “Даешь место германцам!”» Юбилейные торжества начались «германским праздником» солнцестояния 24 июня 1888 года в Вахау: «По старой немецкой традиции в нашей марке пылают веселые костры на месте древнейших поселений на вершинах гор, у подножья которых течет Дунай — непреходящий символ не знающего усталости могучего немецкого духа». (29)

Юбилей стал для Шёнера поводом отменить христианский календарь и ввести новое летоисчисление. Шёнерианцы стали вести отсчет не от Рождества Христова, а от битвы под Нореей (от Н.), так что 1888 год стал 2001 годом. Римские названия месяцев заменили на древнегерманские: хартунг, хорнунг, ленцмонд, остермонд, майен, брахмонд, хойерт, эрнтинг, шайдинг, гильбхарт, небелунг, юльмонд. День рождения Шёнера теперь оказался не 17 июля 1842 года, а 17 хойерта 1955 года от Нореей. Но пересчет лет доставлял множество неудобств даже самым преданным шёнерианцам, к тому же названия месяцев существовали в нескольких вариантах. Чтобы упростить себе жизнь, многие использовали две системы летоисчисления параллельно.

Шёнерианцы изо дня в день повторяли как заклинание тезис о якобы данном самой природой превосходстве «немецкого народа» над другими. Из речи Шёнера в Рейхсрате 25 мая 1889 года: «Благополучие нашего народа всегда должно стоять на первом месте, и только если в отдельных случаях будет доказано, что равноправие не нанесет немецкому народу вреда, можно в виде исключения допустить равноправие

Из «Времяуказчика
союза немцев
Нижней Австрии»,
1909 год

Darum deutsche Arbeiter, Bürger und Bauern gründet zur Hebung der Gesundheit und Volkskraft allerorten Turnvereine und fördert das Schulturnen, auf daß das deutsche Turnen zu einem wallenden Meere werde, das die Grenzmark des deutschen Vaterlandes schirmend umbraust, auf daß wir Ostmarkdeutsche in der Stunde der höchsten Not auch die nötige körperliche Kraft und den Mut besitzen, um den Endkampf mit unseren völkischen Gegnern, wenn es sein muß, auch wieder durch Blut und Eisen zur Entscheidung zu bringen.
Heil in diesem Sinne der deutschen Turnerei!
Wien, am Gedanktage 1908.

Гитлер в Вене

470

в политической жизни. Но в национальном плане о равноправии речи не может быть *никогда*». (30)

Шёнерианцы и в быту окружали себя антисемитскими безделушками. Существовали прогулочные трости с набалдашниками в виде головы еврея, «горькие для евреев сигаретные мундштуки» с портретом Шёнера, они стоили обычно 20 крейцеров, а для «жидов, их прислужников и пачкунов» — 25 крейцеров. (31) Особым спросом пользовались дешевые наклейки с антисемитскими лозунгами. Однажды Шёнера купил 40 000 таких наклеек и велел расклеить их по городу (32): на почтовых ящиках, дверях еврейских магазинов, тумбах для афиш и даже на свежих газетах в кофейнях. Правда, полиция потом уничтожала их как противозаконные.

«Альдойчес Тагблатт» печатала новости различных союзов — таких, как «Пангерманский союз Восточной марки», «Союз защиты германства в Венгрии», «Союз молодых немцев», «Немецкий гимнастический союза» и прочих — и информировала о крупных пангерманских мероприятиях. Проводились гимнастические и песенные фестивали, пивные вечеринки и вечера с чтением докладов. «Союз германцев» собирался в пивной Йорнсдорфа, там же «заседали» и его дочерние организации с названиями вроде «Блюхер», «Бальдр», «Пангерманцы, вперед!» или «Немецкая верность».

«Союз германцев» организовал «Немецкую национальную биржу труда». «Немецкое певческое общество» искало «немецких соотечественников с вокальными данными». Отпускное жилье предлагалось «только для немецких арийцев». К услугам членов движения были общества взаимного кредита, выдававшие ссуды. Книжные магазины рекламировали книги, «которые

Политические кумиры

471

должен иметь каждый немец», среди прочих — «Мысли и воспоминания» Бисмарка и «Основания девятнадцатого века» Чемберлена.

В районе Мариахильф, где первое время жил Гитлер, таких объединений, группировавшихся вокруг редакции «Альдойчес Тагблатт», было множество. Карл Гайгер, глава пангерманского союза «Немецкий дуб», жил на Штумпергассе, 1. Члены союза собирались по понедельникам, пятницам и воскресеньям в трактире «Отцельт», расположенном неподалеку — на Бюргершпитальштрассе 15. Трактир «У прекрасной пастушки» на Гумпендорферштрассе 105 стал постоянным местом встреч районной группы «Пангерманского союза Восточной марки». Поблизости, по адресу Магдалененштрассе 6, находилась также штаб-квартира объединения «Зюдмарк».

Все эти группы рады были привлечь новых членов. Молодой Гитлер имел возможность познакомиться с целой сетью пангерманских организаций, услугами которых он пользовался, даже просто читая предлагаемые ими брошюры и слушая доклады. И хотя позднее он старательно скрывал эти источники своего политического образования, его против воли выдавала манера выражаться, однозначно восходящая к венским пангерманским образцам.

Борьба против «еврейской прессы»

Наиболее впечатляющих успехов Шёнерер добился в 1880 годы благодаря своей борьбе против венских либеральных газет. Сначала они весьма резко критиковали его и высмеивали его «прусскую болезнь». Затем они начали применять тактику полного замалчивания. Шёнерер обвинял их в том, что они

коррупционированы и продажны, состоят на службе у «еврейских капиталистов», оскорбляют, используют и обманывают «немецкий народ», защищают интересы «еврейства», чтобы ослабить немцев и усилить «власть жидов» в многонациональной монархии.

На массовых собраниях он метал громы и молнии в «этих жадных до сенсаций жидовских бестий», «семитских змей». Евреи, по его словам, «словно вампиры», существуют за счет «жизненных сил», которые они «высасывают из арийских народов». «Народ хотят заставить прописать себе смертельное лекарство, зачехнуть во сне, сойти в могилу и оставить землю отцов пришлым кочевникам, лишенным отечества». «Долг каждого немца по мере сил помогать истреблению евреев!» (33) Обращение Шёнерера к императору превратилось в лозунг: «Ваше величество, освободите народ от ярма еврейской прессы!».

В 1884 году Шёнерер затеял процесс об оскорблении чести против Морица Шепса, одного из влиятельнейших журналистов того времени. Шепс, приехавший в Вену из Галиции, основатель и главный редактор либеральной газеты «Нойес Винер Тагблатт», меценат венских модернистов, имел хорошие связи во французских политических кругах. Благодаря изданию газеты он за короткий срок стал очень богатым человеком. Кроме того, он был близким другом и наставником молодого кронпринца Рудольфа.

Шепс заявил на процессе: «Господин фон Шёнерер занял в нашем городе, в немецких землях Австрии такое положение, какого не занимает больше никто, и поколебать его ничто не может — ничто! Нам предстоит тяжелая, ожесточенная и, возможно, еще долго безуспешная борьба». (34)

Шепса приговорили к четырем неделям тюрьмы. Ликовала даже католическая газета «Дас Фатерланд»: «Еврейских террористов осудили, с царством ужаса покончено!» (35) Кронпринц с горечью писал другу Шепсу: «Меня огорчает не сам приговор... Стало совершенно очевидно, что большинство жителей Вены на стороне Шёнера». Он, Рудольф, будет и дальше бороться с человеком, «чьи действия угрожают существованию и государства, и династии». (36)

Союз либералов и евреев с правящим домом, то есть дружеские отношения Шепса и Рудольфа, — явление уникальное, а не типичное, и оно особенно раздражало Шёнера. Гитлер в «Моей борьбе» как будто цитирует Шёнера, когда пишет, что его отталкивали *недостойные приемы, при помощи которых пресса обхаживала двор: обо всем происходящем в Хофбурге читателям сообщали с восторженным восхищением либо с жалостливым сочувствием, вся эта возня напоминала, особенно если речь шла о «наимудрейшем монархе» всех времен, токование глухаря... Это сильно повредило либеральной демократии в моих глазах. Выпрашивать милости у двора, да еще таким недостойным способом, значило ронять честь нации.* (37)

В 1887 году Шёнера, воодушевленный выигранным процессом, выступил в Рейхсрате с предложением купить «участок земли», чтобы организовать там исправительную колонию для преступников и «общественно опасных» личностей. Всех тех журналистов, чья «сознательная ложь в прессе наносит ущерб чести либо имуществу отдельных лиц или объединений», следовало помещать туда «минимум на полгода». (38) Предложение отклонили, либеральные газеты не написали о нем ни слова.

Борьба с «еврейской прессой» достигла кульминации в марте 1888 года, когда Шёнера сотоварищи ворвались в редакцию «Нойес Винер Тагблатт» и избili сотрудников палками. Поводом послужило следующее: газета напечатала известие о кончине на девяносто втором году жизни императора Вильгельма I — на несколько часов опередив само печальное событие.

На этот раз Шёнера при деятельной поддержке кронпринца удалось привлечь к суду и приговорить за насильственные действия к четырем месяцам каторжной тюрьмы, а также лишить дворянского титула и политических прав на пять лет. Это привело и к потере депутатского кресла в Рейхсрате.

Суровый приговор превратил Шёнера в глазах его последователей в жертву правосудия и мученика. Вечером под окнами его венской квартиры устроили митинг в его поддержку. По всей Вене исполняли «Стражу на Рейне» — в том числе, и в назидание правящему дому Габсбургов, который в лице принца Рудольфа открыто поддерживает «еврейскую прессу» и врагов Шёнера. Наклейками с текстом «Да здравствует Шёнера!» и «Долой жидов!» за ночь оклеили весь город.

Когда Шёнера отправился отбывать заключение, вдоль всей дороги от вокзала до тюрьмы выстроились его приверженцы, выкрикивающие пангерманские приветствия. Среди кричащих «Хайль!» был даже христианский социалист, прелат д-р Йозеф Шайхер, который вспоминал: «Это был Зигфрид, вышедший на бой против дракона еврейской прессы. Он назвал их журналистскими бестиями, этот продажный род, для которого нет ничего святого, для которого права и имущество христианского народа-хозяина только

тогда неприкосновенны, когда их охраняет полицейский с саблей наголо». (39)

В плен одной из демонстраций в поддержку Шёнерера попал и кронпринц Рудольф на своем автомобиле. Зажатый со всех сторон толпой, он вынужден был остановить машину и взглянуть в лицо националистически и антисемитски настроенным массам. Это происшествие заметно усилило его пессимизм в отношении будущего Австро-Венгрии и послужило одной из множества причин самоубийства Рудольфа несколько недель спустя, в январе 1889 года, в Майерлинге. (40)

Триумф одновременно стал и поворотной точкой в карьере Шёнерера — в последующие годы его популярность пошла на убыль. Тюремное заключение, а еще больше — вынужденное прекращение на несколько лет активной политической деятельности, как и умеренное потребление алкоголя, ослабили его влияние и освободили дорогу для других партий. В 1888–1889 годах сформировались две массовые партии — христианско-социальная партия под предводительством Люэгера и социально-демократическая под руководством Адлера. Оба они — бывшие соратники Шёнерера.

Люэгер начал охоту за голосами избирателей с теми же лозунгами, что до него с успехом использовал Шёнерер. Прежде всего он поднял на щит анитисемитизм, призывая национализировать крупные предприятия, находящиеся «в руках евреев», и бороться с «капитализмом», «еврейской прессой» и искусством венского модерна.

Шёнерер вернулся в Рейхсрат в 1897 году, в самый разгар кризиса, вызванного немецко-чешским противостоянием. Немецкие партии устроили obstruction

правительству Бадени. 55-летний Шёнерер выступал с оскорбительными речами, громя чехов, и устраивал драки в парламенте. Газеты сообщали: «Депутат Шёнерер, ввиду притеснения немецких депутатов, схватил министерское кресло и размахивал им перед яростно наступавшими чехами. Те дважды отнимали у него тяжелый стул, но он поднял его в третий раз. Тогда немецкий клерикал Хагенхофер схватил его за горло, так что депутат Шёнерер отшатнулся; но он быстро оправился и ударил Хагенхофера кулаком. Председательствовавший граф Феттер схватил стакан воды и облил дерущихся». (41) И так далее.

Прочь от Рима!

К концу века влияние Шёнерера начало ослабевать, и тем отчаяннее он держался за свои навязчивые идеи. Теперь объектом его ненависти стала католическая церковь. Настоящий германец не должен служить ни дому Габсбургов, ни «папистам», он должен вернуться в лоно «немецкой» религии — в лютеранство: «Долой путы, навязанные враждебной немцам церковью. В немецких землях должен править не иезуитский, а германский дух!» (42)

Провозгласив девиз «Прочь от Рима!», он призвал австрийских немцев переходить в протестантизм, и сам сменил конфессию в 1900 году. Франц Штайн, ученик Шёнерера, так объяснял политическую цель антикатолического движения: «Это делается для того, чтобы в грядущие десятилетия облегчить присоединение к Германской империи». Если немецкие австрийцы будут принадлежать к той же религиозной общине, что и пруссаки, «со стороны Пруссии не возникнет никаких опасений». (43)

Поначалу эту кампанию поддерживали германские союзы, например, «Общество Густава Адольфа», участвовавшее в строительстве новых евангелических церквей. За десять лет в Цислейтании построили 65 евангелических церквей и 10 молитвенных домов, организовали 108 новых проповеднических кафедр. (44)

Шёнерер проводил одну кампанию за другой, нетерпимо и злобно нападая сначала на иезуитов, затем на исповедь: она-де оскорбляет стыдливость и женское достоинство, безнравственные вопросы тревожат и губят женщин и девушек. (45) «Унферфельште Дойче Ворте» печатал едва ли не порнографические статьи о похождениях священников и монахов. Это шло вразрез с католическим менталитетом венцев и отпугивало потенциальных сторонников. Особенно когда журнал заявлял: «Нельзя отрицать того факта, что еврейская Библия не годится для религиозно-нравственного воспитания германцев, а основатель христианства, будучи сыном еврейки и потомком Давида и прочих, никак не является арийцем». (46)

Подобные высказывания отталкивали тех, кто перешел в протестантизм по религиозным убеждениям. В 1900 году несколько венских лютеранских священников выступили против хулиганского движения. (47) Объявив переход в протестантизм обязательным условием для вступления в партию, Шёнерер подписал ей приговор.

Даже очень успешный и активно работающий «Немецкий школьный союз» перешел в оппозицию. Он отказался не только поддерживать движение «Прочь от Рима!», но и ввести «арийский параграф», продолжая принимать в свои ряды в качестве учителей и учеников как евреев, так и католиков наравне с протестантами.

Разгневанный Шёнерер отрекся от «Немецкого школьного союза» и организовал собственный «Школьный союз для немцев», куда принимали только протестантов, однако успеха не добился.

В ответ на это покровителем «Католического школьного союза» стал наследник престола Франц Фердинанд, близкий к Христианско-социальной партии. Он заявил: «Прочь от Рима — значит прочь от Австрии!» Союз принимал в качестве учителей и учеников только католиков и находился под особой защитой венского бургомистра Люэгера. Под громкие аплодисменты венцев Люэгер ловко отмежевался от своего бывшего единомышленника Шёнерера: «Это не немцы, а политические паяцы». Шёнерер не остался в долгу и обозвал Люэгера «предводителем политических шутов и карьеристов» под «властью церковников». (48) Но его уже никто не воспринимал всерьез.

Шёнерер все чаще выглядел комическим персонажем. Его новый лозунг «Возведем германский храм на страх папистам и жидам!» вызывал лишь насмешки, равно как и ежегодное паломничество к могиле Бисмарка во Фридрихсру в Саксонском лесу.

Гитлер-политик не раз повторял, что движение «Прочь от Рима!» было крупной политической ошибкой Шёнерера. Борьба с церковью лишила пангерманцев поддержки *многих мелких и средних групп. Практический результат этого австрийского варианта „культуркампф“ оказался равен нулю. Пангерманцы совершили эту ошибку, потому что не разбирались в психологии масс.* (49) *Их борьба против одной конкретной конфессии была тактическим промахом.* (50)

Однако во времена своей венской юности Гитлер, скорее всего, симпатизировал антиклерикальному движению куда сильнее, чем склонен был признавать впоследствии. Почти все свидетели упоминают его ненависть к католической церкви. В изложении Августа Кубичека его тогдашнее мнение звучало так: *В любом случае эти всемирные церкви чужды душе народа, церковный культ непонятен простому человеку, равно как и церковный язык, все там полно чуждой мистики. Князья могли удержать власть только при поддержке церкви, отсюда и выражение „божьей милостью“, хотя на самом деле следовало бы сказать „милостью церкви“.* Церковь стремится установить свое господство над миром. И еще: *Освободить немецкий народ от этого ярма — одна из наших грядущих задач.* (51) Утверждение вполне в стиле Шённера.

Райнхольд Ханиш рассказывает, что в 1909–1910 годах в мужском общезнании Гитлер критиковал католическую церковь за «враждебность немецкому духу». Он считал, что немцы могли бы стать единой нацией и достичь более высокого уровня культуры, если бы остались верны германской мифологии. Католицизм пролил больше крови, чем любая другая религия. Аноним из Брюнна вспоминает 1912 год: «Гитлер сказал, что больше всего вреда немецкому народу принесло принятие христианского смирения», поскольку оно вовсе не христианское, а «происходит от восточной лени». Карла Великого он вовсе не ценил, считая этого поборника христианской веры *палачом немцев*, который затормозил их развитие как минимум на полтора столетия. *Не вмешайся Карл, и франки, и лангобарды говорили бы по-немецки.* Все это — типичные утверждения пангерманцев начала XX века.

Однако, по свидетельству анонима, молодой Гитлер с уважением относился к Лютеру: «Заслуги Мартина Лютера перед немецким народом велики, не только потому, что он дал ему новый язык, но в первую очередь потому, что он повел его прочь от Рима к подлинному германскому духу». Ханиш утверждает, что Гитлер считал истинной религией немцев протестантизм и восхищался Лютером как величайшим немецким гением. А Карл Хониш вспоминает, что в 1913 году, Гитлер в общезнании больше всех ругал «красных и иезуитов».

Получается, Гитлер симпатизировал движению Шённера «Прочь от Рима!». Однако официально Гитлер так и не вышел из католицизма. В роли политика ему не выгодно было упоминать об этих увлечениях своей юности. На обвинения подобного рода он всегда отвечал, что ни он, ни его отец движение «Прочь от Рима!» никогда не поддерживали. (52)

Вскоре после того, как шённерианцы наконец-то дали название своей партии — с 1901 года они стали «Пангерманской ассоциацией», — недовольство капризами непредсказуемого вождя прорвалось наружу. Движение «Прочь от Рима!» стало последней каплей. Карл Герман Вольф, самый популярный и талантливый товарищ Шённера по партии, хотя и перешел в протестантизм, но категорически возражал против того, чтобы глубоко личное решение рассматривали в качестве условия членства в партии. Благодаря этой точке зрения, он сумел собрать вокруг себя внутрипартийную оппозицию.

На поверхность всплыли многие старые ссоры и разногласия в основополагающих вопросах.

Поздравительные адреса Шёнереру

В отличие от Шёнерера, предававшегося оторванным от реальности фантазиям о великогерманском будущем, Вольф считал главной задачей каждодневную активную борьбу за права немцев в Цислейтании. В 1902 году Вольф отошел от Шёнерера и основал Свободную пангерманскую, или Немецкую радикальную, партию. В Рейхсрате из двадцати одного депутата

от пангерманцев четверо перешли на сторону Вольфа. Все пангерманские союзы, включая самые мелкие фехтовальные и гимнастические объединения, велосипедные клубы и танцевальные кружки, раскололись на «шёнерианцев» и «вольфианцев».

В 1903 году газета «Остдойче Рундшау», издаваемая Вольфом, но при этом финансируемая в основном Шёнерером, приняла сторону немецких радикалов. Шёнерер вынужден был основать новую ежедневную газету — «Альдойчес Тагблатт» с редакцией и типографией на Штумпергассе. Этой газете не удалось сравняться по влиятельности с «Остдойче Рундшау», она влачила жалкое существование. В 1908 году Шёнереру пришлось собирать пожертвования, чтобы уплатить 8000 крон долга за типографские расходы. (53) Лишь то обстоятельство, что молодой Гитлер в Вене активно читал именно эту газетенку, придало ей задним числом неожиданное политическое значение.

Сильно сдавший позиции Шёнерер сконцентрировался теперь на борьбе против введения всеобщего равного избирательного права, то есть и против социал-демократов, собиравших массовые демонстрации в поддержку нового порядка выборов. Однако его невыносимо длинные речи и дикая брань свидетельствовали об умственной деградации. Ничего нового сказать он уже не мог.

Когда ввели ненавистное ему всеобщее избирательное право, Шёнерер не прошел в парламент. Его партия сохранила только три из двадцати двух мест и уже не могла оказывать влияние на парламент, в который входили 516 депутатов. Пангерманцы предпочли тем не менее остаться в парламенте и не образовали внепарламентскую оппозицию, заседая в пивных. Как

пишет Гитлер в «Моей борьбе», это и стало *одной из главных причин краха движения... Этот вопрос он тщательно обдумал еще в Вене.* (54)

Одинокий Шёнерер умер в 1921 году в Вальдфиртеле и был похоронен, как того и желал, во Фридрихсру под Гамбургом, недалеко от могилы Бисмарка.

Посмертные почести

После смерти Шёнерер снова удостоился поклонения — благодаря одному из своих венских почитателей, о существовании которого он, правда, не подозревал. На протяжении всей жизни Гитлер превозносил кумира своей юности и посвятил рассказу о нем немало страниц в «Моей борьбе», восхваляя прежде всего настойчивость Шёнерера, верность принципам и неизменную любовь к «немецкому народу».

Трудно не заметить, что Гитлер не просто усвоил основные идеи Шёнерера, но буквально копировал их. Его взгляды на антисемитизм, «еврейскую прессу», многонациональное государство Габсбургов, превосходство «благородного немецкого народа» над всеми остальными, германский культ вождя повторяют воззрения Шёнерера в той же мере, что и его ненависть к «объевреившейся социал-демократии», всеобщему избирательному праву, демократии, парламентаризму, иезуитам, правящему дому и так далее. Именно под влиянием Шёнерера Гитлер уже в юности пришел к убеждению, что Габсбургскую монархию следует разрушить ради «единства немецкого народа». Тезис Шёнерера — «право нации выше права государства» — превратился у Гитлера в лозунг *право человека выше права государства.* Но подразумевал он то же, что и Шёнерер: человек обязан исполнить долг прежде всего перед

своим народом, а не перед государством, гражданином которого он является. А границы государства не равны границам народа, ради своего единства народ должен их преодолеть. Заметим, однако, что подобной точки зрения придерживались все национальности Австро-Венгерской империи, эта идея лежала в основе каждой «ирреденты». А вот пониманию граждан национальных государств — например, Бисмарковской Германии, она была, по мнению Шёнерера и Гитлера, недоступна.

Гитлер изображает пангерманцев *патриотами и национально мыслящими людьми*, выступившими против *политики славянизации* и ущемления прав немцев в Австро-Венгрии: *Если правительство обрекает народ на гибель, то для каждого представителя этого народа бунт становится не только правом, но и долгом.* (55)

Значит, Шёнерер указал немецкому народу, который в Габсбургской монархии якобы находился под угрозой уничтожения, единственно верный путь — создание «Пангермании», то есть присоединение австрийских немцев к Германской империи. *Им хватало мужества провозглашать в парламенте «Да здравствуют Гогенцоллерны!» — это наполняло меня радостью и восторгом; они считали себя частью Германской империи, отделенной от нее лишь на время, и не упустили ни одного случая заявить об этом — это вызывало у меня светлые упования; они открыто заявляли о своей точке зрения на все касающиеся немецкого духа вопросы и не соглашались на компромиссы — это казалось мне единственно возможным путем спасения нашего народа.* (56)

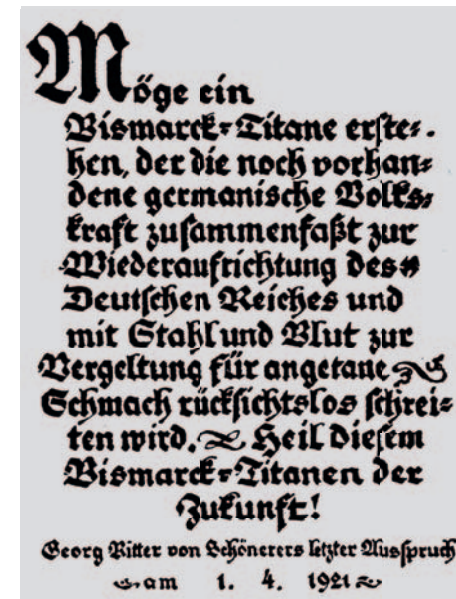
По примеру своего венского кумира Гитлер назвался «вождем» — «фюрером» и ввел в обиход

«немецкое приветствие» — «Хайль!» Как и Шёнерер, он не допускал принятия решений большинством голов, признавая лишь подлинно германскую демократию — свободный выбор вождя, который берет на себя полную ответственность за все, что делает. Здесь нет места выбору большинства по каждому вопросу, есть только распоряжение одного единственного человека, который отвечает за свои решения жизнью и имуществом. (57) Принимать решения вождю помогает лишь группа приближенных: Не количество имеет значение, а воля. Воля меньшинства при правильном руководстве всегда оказывается сильнее воли заискивающего большинства. (58)

Но Гитлер не просто копировал Шёнерера — он изучал его ошибки и старался их не повторять. Так, пангерманцы не поняли, что если хочешь добиться успеха, нельзя, хотя бы уже из чисто психологических соображений, указывать толпе сразу на двух или более противников, это ведет к распылению боевых сил. (59) Гитлер-политик не боролся, как Шёнерер, против евреев, масонов, капиталистов, иезуитов, католиков, парламентариев и других врагов, а сконцентрировался на одних евреях, назначив их виновными во всех грехах.

О том, что в «образовании» Гитлера остались заметные пробелы, говорит следующий факт: в «Моей борьбе» он упрекает Шёнерера в недостаточной социальной сознательности. Он явно забывает о начале политической карьеры Шёнерера, когда тот активно занимался именно преобразованием социальной сферы.

В 1938 году «фюрер Великогерманской империи» почтил кумира своей юности, поддержав издание

Стенд с венской выставки 1942 года, посвященной Шёнереру

двух еще не вышедших томов биографии Шёнерера, написанной Эдуардом Пихлем, и выкупил половину тиража — 500 из 1000 экземпляров. (60)

В 1939 году «Габсбургерплац» в Мюнхене — площадь, названная в честь Габсбургов, была переименована в «Фон-Шёнерерплатц» — площадь Шёнерера, главного врага австрийской династии накануне Первой мировой.

27 апреля 1941 года Гитлер велел открыть мемориальную доску в честь Шёнерера на здании, где раньше заседал Рейхсрат, а теперь находилось Управление НСДАП Венского гау. (61) Торжественную речь на открытии держал Франц Штайн, злейший враг Габсбургов и всеобщего избирательного права, последний ученик Шёнерера.

В 1942 году, к столетию Шёнерера, старые шёнерианцы Пихль и Штайн организовали в здании венского Дворца ярмарок большую выставку под названием «Георг фон Шёнерер, провозвестник и предтеча Великогерманской империи». Гвоздем выставки стала цитата из Шёнерера, написанная на большом стенде: «Пангермания была и остается моей мечтой, и я говорю “Хайль!” Бисмарку будущего, спасителю немцев и создателю Пангермании!».

Отдел печати специальной службы гау «Внутренний фронт» подобрал в богатом наследии Шёнерера и другую цитату, подходящую для военного времени: «Я первым признаюсь, что проповедую не только любовь, но и ненависть, и я первым готов драться за утверждение, что если любишь свой народ, то должен уметь и ненавидеть. Когда мой сын вырастет, я спрошу его, умеет ли он любить. И если он ответит да, я скажу: так люби же все доброе и хорошее в немецкой нации! И потом я спрошу его, умеет ли он ненавидеть. И если он ответит да, я скажу: так ненавидь все дурное и все, что вредит немецкому народу». (62)

В рекламном проспекте выставки 1942 года Штайн даже уподобил Шёнерера Иоанну Крестителю, назвав его «провозвестником, предшественником и провидцем, ... которому было отказано в исполнении мечты, чтобы пришедший за ним великий человек завершил то, что он начал». (63)

Франц Штайн и пангерманское рабочее движение

В те годы, когда Гитлер жил в Вене, Георг Шёнерер оставался культовой фигурой для своих приверженцев, но в политической жизни столицы активного

участия уже не принимал. Олицетворением крайне агрессивного пангерманства являлся в тот момент Франц Штайн, глава пангерманского рабочего движения и издатель венской газеты «Дер Хаммер».

Шёнерер больше не выступал в Вене, и Штайн взял эту обязанность на себя, в том числе и во время ежегодных «бисмарковских» торжеств. Железного канцлера чествовали каждый раз накануне его дня рождения в гостинице «Инглишер хоф», находившейся по адресу Мариахильферштрассе 81, недалеко от Штумпергассе. Там же Штайн выступал с речью и 31 марта 1908 года по случаю десятой годовщины со дня смерти Бисмарка. Входная плата составляла 40 геллеров, на вечере исполняли музыку, начиная с Вагнера — увертюра к «Риенци», марш прибытия гостей из «Тангейзера», арии из «Лоэнгина» — и заканчивая «Стражей на Рейне» в финале. Свидетельств о том, что Гитлер присутствовал на этом вечере, не сохранилось, но можно предположить, что в первый год своего пребывания в Вене он не пропустил бы столь крупного мероприятия пангерманцев, которое к тому же состоялось неподалеку от его квартиры, и мог там увидеть Штайна в роли оратора.

Гитлер, конечно, знал Штайна и как усердного и авторитетного корреспондента газеты «Альдойчес Тагблатт». Например, по выпуску от 1-го «остермонда» 1908 года, где штайновский панегирик Бисмарку заканчивался следующей фразой: «Кто знает, может быть, судьба будет благосклонна к немецкому народу и подарит ему в XX столетии человека действия, столь же большого и сильного, великолепного и блистательного, каким был Отто фон Бисмарк, чтобы завершить начатое им дело». (1)

Неизвестно, был ли молодой Гитлера лично знаком со Штайном. (2) Если встреча и состоялась, то вероятнее всего, на собрании одной из рабочих групп, которые Штайн создавал в Вене и перед которыми часто выступал с докладами, принимая участие и в дискуссиях. Наиболее активно он действовал в районе Фаворитен, где проживало больше всего чешских рабочих и, соответственно, проще было вести античешскую пропаганду среди немецких рабочих. Здесь же Штайн устраивал и праздники по случаю зимнего солнцестояния и в честь Шёнерера. (3) Кроме того, штайновская «Германия» имела два больших центра, а каждый из них имел собственную библиотеку и организовывал вечера с чтением докладов. Более крупный центр находился в 8-м районе, по адресу Бенноплац 2. Ежемесячный членский взнос составлял всего 40 геллеров. (4)

Франц Штайн родился в 1869 году в Вене в семье фабричного рабочего и выучился на специалиста по точной механике. В 1888 году в жизни 19-летнего подмастерья произошло ключевое событие, определившее его судьбу в политике: он оказался среди пяти тысяч слушателей, внимавших знаменитой речи Шёнерера о «еврейской прессе» в венском зале «Софиензеле». Последовавшее вскоре нападение на редакцию «Нойес Винер Тагблатт», судебный процесс и осуждение Шёнерера сделали молодого человека сторонником «жертвы юстиции».

Позже Штайн не раз с удовольствием живописал триумфальный проезд Шёнерера от здания суда до квартиры, расположенной недалеко от «Беллари», когда приверженцы пангерманского вождя выпрягли лошадей и сами тащили экипаж. Штайн вспоминал,

как Шёнерера приветствовали криками «Хайль!», как ругали правительство и распевали немецкие националистические песни. 19-летний Штайн получил возможность отправиться вместе с Люэгером на вечерние торжества в честь вождя и держать знаменитый букет васильков, который Люэгер передал госпоже Шёнерер. В букет были вставлены сотни карточек с похвалами ее мужу.

Штайн был и среди ликующей толпы, которая приветствовала Шёнерера, когда он в августе 1888 года отправился к месту заключения. Он вспоминает о страхе двора перед этими демонстрациями, о том, как закрыли дворцовые ворота, чтобы защитить императора, а нервные полицейские арестовывали уважаемых людей, «демонстративно махавших шляпами». (5)

Выйдя из тюрьмы, Шёнерер пригласил молодого почитателя в замок Розенау в Вальдфиртеле. Так началась политическая карьера Штайна. Шёнерер поручил ему создать пангерманское рабочее движение, чтобы голоса немецких избирателей не достались ненавистным «интернациональным» «еврейским» социал-демократам. Для начала он направил молодого человека агитатором в промышленно развитую, заселенную преимущественно немцами Судетскую область, где электорат был особенно восприимчив к пангерманским лозунгам из-за постоянного притока дешевой рабочей силы из чешских земель.

Штайн развернул здесь бурную деятельность. В 1893 году он основал «Немецкий национальный рабочий союз», он писал для газет Шёнерера, а в 1893 году издал свою первую брошюру «Шёнерер и рабочий вопрос». В 1895 году Шёнерер сделал его издателем газеты для рабочих «Дер Хаммер» («Молот»). Название

отсылало к Бисмарку, «кузнецу Германской империи», которого часто изображали у наковальни с молотом в руках, кующим единую Германию. Подзаголовок новой газеты гласил: «Газета о социальной реформе и пангерманской политике». Девизом взяли цитату из Бисмарка: «Дайте рабочему право на труд, пока он здоров, обеспечьте ему уход, если он заболел, и заботу, если он состарился». Штайн требовал социальных реформ по образцу тех, что провел Бисмарк. А предпосылкой реформ любого рода провозглашал национальное объединение рабочих в борьбе против чешской конкуренции — с одной стороны, и социал-демократии — с другой. Газета была полностью посвящена пропаганде идеологии Шёнераера, от движения «Прочь от Рима!» до антисемитизма.

С 1902 года Теодор Фрич выпускал в Лейпциге «Хаммер (Молот). Журнал германского образа мыслей». Два издания объединяли общая пангерманская направленность и ряд авторов, писавших и для Лейпцига, и для Вены. В германском союзе «Хаммербунд», где Штайн и Карл Иро время от времени выступали с докладами, австрийский пангерманизм особого понимания не встречал. Например, слушателя из Штутгарта удивило, что «выступающие из Австрии прилюдно клеймили враждебное немцам государство Габсбургов. Они считали развал Австро-Венгрии и присоединение Восточной марки к Германской империи, которое произошло только тридцатью годами позже, единственной возможностью спасти австрийских немцев от славян, евреев и клерикалов». (6)

Грезы австрийских немцев о присоединении интересовали Германскую империю гораздо меньше, чем

собственные великодержавные мечты о колониях в Африке и Китае и о создании флота. На такое отношение жаловался уже Шёнераер, а Гитлер пишет о том же в «Моей борьбе», хваля *величие немцев в старой Восточной марке, которые в одиночку, безо всякой поддержки веками защищали восточные границы империи, а затем в изнурительной ежедневной борьбе удерживали границу распространения немецкого языка. Германия же в это время интересовалась только новыми колониями, а не своей плотью и кровью, стоявшей у порога.* (7)

Вернувшись в политику в 1897 году, Шёнераер взял Штайна в свой новый избирательный округ Эгер в Западной Богемии и сделал его издателем газеты «Эгерер Нойсте Нахрихтен». Кроме того, Штайн выпускал дешевые брошюры с названиями вроде «Зверства социал-демократов», «Неслыханный красный террор», «Крик о помощи ремесленника, уничтоженного террором социал-демократии».

В 1899 году Шёнераер, Карл Герман Вольф, Штайн и молодые рабочие, среди которых были Фердинанд Буршофски и ткач Ганс Книрш, организовали в Эгере первый «немецкий национальный день рабочего». Одна из задач праздника — продемонстрировать свою силу перед лицом недавно созданной чешской рабочей партии, которая выступала под названием «Чешская национально-социальная партия» либо «Чешская радикальная партия» и вела борьбу против богемских немцев, сочетая социалистические и националистические лозунги.

Депутаты, прибывшие из 90 населенных пунктов Богемии, приняли «Эгерскую клятву», пообещав забыть обо всех социальных и экономических

противоречиях ради борьбы за национальное дело. Рабочим следовало объединиться с другими «честно трудящимся слоями немецкого народа — с крестьянами, ремесленниками, торговцами, работниками интеллектуального труда — для общей борьбы за политические и национальные права и улучшение социального положения». «Народ обязан обеспечить каждому своему представителю, который честно трудится, достойное существование, причитающуюся ему долю в доходе нации и приобщение к плодам национальной культуры». (8)

Программа, принятая в Эгере, имела «расово-национальную основу», исключала участие славян и евреев и требовала введения для немцев охраны труда, пособий по безработице и страхования по болезни. (9) Классовые различия между немцами признавались несущественными.

В том же году Штайн основал на базе «Эгерской программы» объединение под названием «Германия. Имперский союз немецких рабочих», деятельность которого осуществлялась сначала в Богемии, а потом распространилась и на другие коронные земли и на Вену. Кроме того, он создал ряд националистических объединений по оказанию различных услуг, например, в 1901-м — «Немецкую биржу труда», где рабочим оказывали услуги по трудоустройству и давали юридические консультации.

Будучи депутатом Рейхсрата в 1901–1906 годах, Штайн категорически возражал против введения всеобщего равного избирательного права: «Теперь хотят дать избирательное право неграмотным, которые не могут написать ни собственного имени, ни имени кандидата... Коррумпированные чиновники,

церковники и социал-демократы будут заполнять бюллетени для голосования, а потом это стадо избирателей погонят к урнам». (10)

Штайн не боялся идти на провокации и показал себя ярким хулителем династии Габсбургов. Например, он говорил, что «Австрия — всего лишь неудачное географическое образование. Галиция, Буковина и Далмация совершенно сюда не подходят, с этим нельзя не согласиться, стоит лишь взглянуть на карту, а Тироль и Форарльберг соседнему немецкому государству уже давно пора аннексировать. В географическом плане разделение империи не составит труда». И еще: «Это государство при смерти; каждый милосердный человек желает неизлечимому больному скорейшего избавления от страданий — вот и я с моими единомышленниками желаю этому государству скорейшего безболезненного конца». (11)

Франц Штайн

Пангерманцы, как утверждал Штайн в парламенте, «не собираются ничего делать для этой Австрии»: «Все, что мы делаем, делается ради немецкого народа в этой стране. Нам плевать на династию и на австрийское

государство. Более того, мы надеемся и страстно желаем, чтобы нас наконец-то избавили от этого государства, чтобы наконец-то произошло то, что и должно произойти по всем законам природы: чтобы это государство развалилось и немецкий народ из Австрии смог бы впредь счастливо жить без него, под защитой славных Гогенцоллернов». (12)

Главным врагом немецких рабочих Штайн считал «интернациональную» «еврейскую» социал-демократию. В своей речи (неоднократно издававшейся и бывшей в продаже и тогда, когда Гитлер уже приехал в Вену) Штайн разъяснял «различия между взглядами немецких националистических рабочих и социал-демократических трудящихся». Он призывал немецких рабочих активнее бороться против «неполноценных» народов Австро-Венгерской монархии и наконец-то добиться для немцев главенства. Право немцев на господствующее положение он обосновывал традицией, более развитой культурой и экономическим потенциалом австрийских немцев и указывал, что «культуру словаков, бродячих торговцев скобяным товаром», нельзя поставить на одну ступень с немецкой. «Железнодорожные вагоны, пароходы, машины, даже освещение в этом зале — все это продукты культуры немецкого народа, творения великого немецкого духа. Мы, немцы, причем не только в Австрии, веками ... выполняли свою миссию — помогали отсталым народам подняться на более высокую ступень развития». Именно благодаря немцам славяне «научились читать, писать и считать».

Что касается налогов, Штайн подсчитал, что «немецкий народ платит в три раза больше, чем

поляки, и на 7 гульденов с человека больше, чем хвастливые чехи, а потому мы требуем, чтобы, учитывая более высокую сумму собираемых с нас налогов, низшие народности не получали перевеса и возможности править немцами».

И далее: «Если немецкий крестьянин не может заплатить налог, является судебный исполнитель и отнимает у него последний скот, чтобы продать. А потом эти налоги отправляются в землю обетованную Галицию, откуда нам взамен присылают польскую водку, польских евреев и польских министров. Мы сыты этим по горло, мы больше не хотим быть дойной коровой и намерены наконец-то добиться чего-нибудь и для своего народа». «Низшие» народы в качестве «благодарности» «захотели стать господами в этом основанном немцами государстве... и утянуть нас вниз, на свой уровень. Мы не можем этого допустить, мы, немцы, всегда будем отстаивать свои законные привилегии». Кроме того, Штайн — как и социал-демократы — требовал изменения налоговой системы, отмены всех косвенных налогов и введения вместо этого налогов на роскошь и биржевые сделки.

«Дер Хаммер»

В борьбе против социал-демократов Штайн активно разыгрывал карту антисемитизма. Он снова и снова повторял, что те не могут действовать в интересах народа и рабочих, поскольку их лидеры — евреи, которые никогда рабочими не были. А евреи настраивают «рабочих против нашей партии и немецкого народа». «Если б социал-демократы стояли за народ, они были бы антисемитами. А они говорят: “Евреи тоже люди”. Ну, разумеется! Евреи такие же люди, как каннибалы на островах в Тихом океане. Но никто из этих товарищей почему-то не едет туда на съедение людоедам». Немцы в Австрии не «позволят сожрать себя чехам и славянам в национальном отношении и евреям — в экономическом».

Еще Штайн призывал рабочих и владельцев предприятий преодолеть классовые различия: «В то время, когда нас со всех сторон теснят чехи, поляки, словаки, итальянцы и прочие, ... каждый должен служить своему народу, неважно, фабрикант он или рабочий, ученый или крестьянин, торговец или ремесленник». И далее: «Немецкая сила и немецкое мужество со временем помогут нам разгромить интернациональную социал-демократическую партию под руководством евреев». (13)

Едва ли какой политик смог превзойти Штайна в том, что касается хлесткости выражений и агрессивности нападок на социал-демократов. Вот разве только Гитлеру это удалось.

В то время, когда молодой Гитлер познакомился со Штайном в Вене, тот утратил мандат депутата и выступал еще радикальнее прежнего. Он стал главным агитатором внепарламентской пангерманской оппозиции против демократии, социал-демократии,

многонационального государства, чехов и евреев. Его имя появлялось в газетах, как правило, в связи со скандалами. Особенно — с регулярными драками на народных собраниях между приверженцами Штайна и социал-демократами, чешскими националистами или христианскими социалистами. Когда истек срок его неприкосновенности, Штайну припомнили и старые грехи: в марте 1908 года, чтобы избежать грозящего ему процесса, Штайну пришлось принести официальные извинения чешским депутатам, которых он однажды прямо-таки забросал чернильницами. «Арбайтерцайтунг» не могла, конечно, не написать об этом «Каносском унижении». (14)

В 1907 году Штайн сделал «Дер Хаммер» еще радикальнее, превратив его в откровенно боевой листок, и выбрал девизом цитату из Бисмарка: «Не стоит обманываться, будто мы мирно дискутируем с социал-демократами, как с любой другой партией нашего отечества; социал-демократы находятся с нами в состоянии войны, они нападут, как только почувствуют себя достаточно сильными».

«Дер Хаммер» осуждал «безродность» немецких социал-демократов, «ужасающее классовое господство, тиранию массы, которые стали причиной гибели старого доброго мира... Они говорят о свободе, а сами бесстыднейшим образом терроризируют всех рабочих, которые не хотят им подчиняться». Социал-демократы — это анархисты, «они пропагандируют действие, они приветствуют теракты и славят казненных преступников как мучеников». (15) Статья Штайна об испанских анархистах вышла под заголовком «Истребите кровавых псов!» Он писал, что сочувствие здесь неуместно, потому что «гуманность

противоречит гордому и целеустремленному расовому сознанию». (16)

Штайн прилагал все усилия, чтобы при помощи антисемитских лозунгов натравить социал-демократических рабочих на «еврейскую» штаб-квартиру партии в Вене. Он глумился над социал-демократами, утверждая, что они никогда не станут выбирать своего председателя Виктора Адлера «и других товарищей жидов» прямым и равным голосованием. «Они точно знают — в широких рабочих массах... много тайных антисемитов, и как только этим массам позволят выбирать партийное руководство, они не выберут этих господ — ни д-ра Адлера, ни д-ра Элленбогена, ни д-ра Ингвера, ни д-ра Феркауфа». (17) Такая антисемитская пропаганда встречалась повсеместно, что неудивительно, учитывая культ диктатора-вождя у шёнерианцев.

Другие антисемитские партии, в том числе Христианско-социальная, также натравливали рабочих против их «ненемецких» вождей. Эту тактику любил использовать и Гитлер. Как-то за обедом в 1942 году он с похвалой отозвался о Юлиусе Штрайхере: «Постоянно понося жидов, Штрайхер добился того, что рабочие отвернулись от своих еврейских лидеров». (18) Однако агрессивность Штайна не смогла удержать пангерманское рабочее движение от упадка, начавшегося после раскола в партии в 1902 году. Из 4320 членов «Германии» ей сохранили верность лишь 2840. Отдельные группки начали действовать самостоятельно. Большинство перешло к Вольфу (19). Главный конкурент Штайна переманивал его приверженцев, обещая предоставить им больше самостоятельности, чем когда-либо было при Шёнере или при его вассале Штайне.

В 1903 году переметнувшиеся от Штайна к Вольфу лидеры рабочих (Книрш, Буршофски) организовали совместно с крупным профсоюзом немецких железнодорожников «Немецкую рабочую партию» (ДАП). Партийная программа, разработанная в 1904 году в избирательном округе Вольфа в Траутенау на Эльбе, напоминала «Эгерскую программу». Немецкая рабочая партия также выступала против социал-демократов и чехов: «Мы отвергаем интернациональные организации, потому что развитых рабочих там подавляют менее развитые, а в Австрии это означает, что тормозится развитие немецких рабочих». (20)

Многочисленные немецкие националистические объединения рабочих изнуряли себя бесконечной озлобленной борьбой друг против друга. Этому способствовало и постоянное личное соперничество местных лидеров. Даже историк партии Алоис Циллер писал: «Это весьма редкий случай в бурной истории немецких политических партий — чтобы такое жизнеспособное движение, увлекшее молодых и старых, богатых и бедных, крестьян, буржуазию и рабочих, нашло столь бесславный конец». (21)

Враждующим между собой немецким националистическим объединениям не хватало сил для борьбы против социал-демократов и против христианско-социальных рабочих союзов, которые в свою очередь становились все более националистическими. Однако все они — включая и большинство немецких социал-демократов — боролись против мощных союзов чешских рабочих, прежде всего против националистического «Сокольского движения» и «Чешских национальных социалистов». Рабочие объединения других народов, особенно поляков и итальянцев, тоже быстро набирали силу.

Отто Крой, глава профсоюза немецких железнодорожников, стал в 1907 году первым депутатом от Немецкой рабочей партии в Рейхсрате. В 1909 году Вольф предоставил партии самостоятельность, продолжая ее поддерживать. Молодое поколение членов партии быстро завоевывало позиции. В 1910 году, покинув социал-демократов, к ним перешел д-р Вальтер Риль; вместе с Рудольфом Юнгом и Гансом Книршем он взял курс на ужесточение политики партии по отношению к чехам в Богемии. По результатам первых самостоятельных выборов в 1911 году, ДАП получила от Северной Богемии три места в парламенте, два из них заняли Книрш и Риль. Именно эти представители поколения Гитлера активно участвовали в международной борьбе в Северной Богемии, а позже, создали первую НСДАП в Чехословакии и наладили контакты с партией Гитлера в Мюнхене. (22) Однако свидетельств, что Гитлер уже в Вене был знаком с молодыми судетскими активистами ДАП, нет.

Гитлер как лидер партии пытался избежать прежних ошибок пангерманцев, постаравшись интегрировать все немецкие националистические группировки бывшей Дунайской монархии в НСДАП и похоронить старое соперничество. Он выказывал уважение и Шённереру, и Штайну, и Вольфу, и Люэгеру, а также принял в свою партию младших националистов из соседних государств, прежде всего, из Северной Богемии, отошедшей Чехословакии. Книрш и Риль с гордостью подчеркивали, что являлись предшественниками НСДАП в Судетской области. В 1933 году Книрш подарил Гитлеру в честь «прихода к власти» книгу о раннем периоде ДАП со следующим посвящением: «Спасителю свастики,

рейхсканцлеру А. Гитлеру от его верного “Иоанна”. Конец июля 1933». (23)

Штайн до конца хранил верность Шённереру. Уже после смерти учителя Штайн организовал союз «Последние шённерианцы», который существовал до 1938 года, хотя под конец и превратился в нечто вроде клуба для пожилых людей с 35 участниками. (24) В 1930-е годы, в период корпоративного государства, Штайна арестовали за его неизменно антиклерикальные и антиавстрийские взгляды; позже он стал безработным и обнищал.

Спасение пришло в лице нового «вождя», объявившего себя почитателем Шённерера. Адольф Гитлер оказывал Штайну покровительство и уже в 1937 году назначил ему материальную помощь. (25) Накануне плебесцита 1938 года Штайн вновь работал партийным агитатором, его имя внесли в список кандидатов в Великогерманский рейхстаг. В 1938 году Гитлер пригласил Штайна на четыре недели отдохнуть в Германии. В 1939 году, к 70-летию, он подарил ему «портрет фюрера» в серебряной рамке с сердечным посвящением. С 1 июня 1939 года Штайн получал освобожденную от налогов ежемесячную пожизненную почетную пенсию, причем высокую — 300 марок. (26)

На торжествах в честь 100-летия со дня рождения Шённерера в 1942 году Штайн выступил с парадной речью и организовал в Вене выставку, посвященную учителю.

Похороны Штайна, который упокоился в почетной могиле города Вены в 1943 году, превратились в крупное партийное мероприятие. Здесь присутствовали высшие чины НСДАП во главе с рейхсляйтером Бальдуром фон Ширахом. Гроб был покрыт знаменем со свастикой,

венки от Гитлера состояли из «дубовой листвы, еловых веток и гладиолусов». Полицейский оркестр играл Бетховена, «на пилонках пылали жертвенные чаши». (27)

Немецкий радикал Карл Герман Вольф

Карл Герман Вольф, лидер Немецкой радикальной партии, был, видимо, единственным из кумиров венской юности, кому Гитлер-политик смог выразить свое восхищение лично. Их встреча состоялась в 1937 году на партийном съезде в Нюрнберге. 75-летний, тяжелобольной и почти глухой Вольф, передвигавшийся на костылях, был приглашен в качестве почетного гостя Гитлера, а до съезда он за счет НСДАП отдохнул на одном из баварских курортов. Газеты сообщали, что в завершение съезда Гитлер, как обычно, устроил прием для некоторых представителей «иностранный германства»: «Среди прочих там был старомодно одетый пожилой господин, уже достаточно немощный. Когда гауляйтер Ханс Кребс представил его фюреру, Адольф Гитлер подошел к нему, взял его руки в свои и долго не выпускал. Потом он с большим воодушевлением начал рассказывать о том, как в Вене ходил на собрания, проводившиеся Карлом Германом Вольфом — а это был именно он — в «Вимбергере» и в других местах; Гитлер воздал хвалу заслугам Вольфа и пообещал ему свое покровительство». (1)

Особая любовь Гитлера к этому политику известна уже его соседям по мужскому общежитию. Райнхольд Ханиш вспоминает, что «Карл Герман Вольф был его кумиром» наряду с Шённерером. (2)

После «аншлюса» имя Вольфа, как и его давнего врага Штайна, значилось в избирательных списках на

выборах в Великогерманский рейхстаг 10 апреля 1938 года. С июня 1938 года Вольф, не имевший средств к существованию, получал «почетную пенсию от фюрера». Ранее вторая жена с трудом содержала его на доходы от табачного ларька.

Умерший в 1941 году Вольф также удостоился почетной могилы на Центральном кладбище Вены и торжественных похорон с присутствием партийных чинов. Бальдур фон Ширах отдал должное покойному как «знаменосцу германства» в парламенте, «яростно сражавшемуся» против чехов. Он подчеркнул, что фюрер восхищенно внимал Вольфу в Вене. Именно благодаря Вольфу он «впервые осознал власть слова и силу его воздействия». (3)

Старого бойца проводили в последний путь видные партийные деятели, штурмовики СА, колонна политических руководителей и почетный эскорт «Гитлерюгенда». Хор государственной оперы исполнил «Литанию» Франца Шуберта, гроб опускали в могилу под звуки духового оркестра. Затем присутствующие бросали в открытую могилу васильки. Венки от Гитлера состояли из дубовых ветвей и лилий, на траурной ленте значилось: «Поборнику великогерманской идеи». (4) Заметим, что это определение соответствовало действительности лишь отчасти: не позднее 1902 года, возглавив Немецкую радикальную партию, Вольф прекратил поддерживать идею присоединения к Германии и стал лояльным подданным Австро-Венгерской империи, о крахе которой сожалел и после 1918 года.

В 1908 году, когда Гитлер приехал в Вену, Вольфу было 46 лет, он находился на пике своей политической карьеры как основатель и глава Немецкой радикальной

партии и широко известный депутат Рейхсрата. Его основная политическая деятельность разворачивалась в Судетской области, то есть — в Северной Богемии, но он часто приезжал в Вену на заседания Рейхсрата и выступал на собраниях националистов, в том числе, в ресторане гостиницы «Вимбергер», где его и слышал Гитлер.

Вольф считался самым энергичным борцом за права «немецкого народа» Австрии и был кумиром немецких студентов. Находчивость и остроумие принесли ему известность в широких слоях. Вольф — маленького роста, очень подвижный, несмотря на хромоту, и очень уверенный в себе — любил уснащать свои выступления цитатами из классических авторов, прекрасно чувствовал себя как в студенческой, так и в рабочей среде. Вольф являл собой полную противоположность Штайну, который обладал богатырским телосложением, разговаривал громко, двигался неуклюже, не умел шутить, вел себя грубо, топорно и агрессивно, в основном повторяя идеи Шённера, только в гораздо более примитивной форме.

Жизнь Вольфа протекала по большей части в регионах Дунайской монархии со смешанным населением или немецкими языковыми островками. Он родился в 1862 году в Эгере, Северная Богемия, в семье директора гимназии, учился в Райхенберге, изучал философию в Праге, активно участвуя в жизни немецкой студенческой корпорации. В те годы национальные конфликты вспыхивали в основном в студенческой среде, и старинный Пражский университет раскололся на две части. В 1884 году в полицию поступило заявление на Вольфа об оскорблении величества; спасаясь от суда, он сбежал в Лейпциг и бросил учебу.

В 1886 году он стал редактором газеты «Дойче Вахт» в Целе (немецкоязычный городок Нижней Штирии в преимущественно словенскоязычном окружении), затем работал редактором «Дойче Фолькс-Цайтунг» в Райхенберге.

Наблюдая с раннего возраста за противостоянием разноязычных групп населения, он пришел к выводу, что немецкому народу угрожают со всех сторон: «На севере немцы должны защищаться от наглости чехов, в столице империи национальная идея зачастую напрасно стучится в двери к равнодушным и политически бесцветным феакам, в альпийских долинах одержимые властью церковники удерживают народ в путах невежества, а на юге Штирии мы несем стражу, обороняясь против словенцев и фанатичных невежд». (5) Выходом из этого «бедственного положения немецкого народа» Вольфу казалась энергичная национальная самозащита.

В 1889 году, приехав в Вену работать редактором, Вольф познакомился с Шённером, который в тот период вынужденно держался вдали от политики. Шённер стал покровителем Вольфа, финансируя, в частности, издание его новой газеты «Остдойче Рундшау» («Восточно-немецкое обозрение»). Само название ее было провокацией, ведь прилагательное «восточно-немецкий» превращало Австрию в «Восточную марку», а вместо двуглавого орла в шапке газеты красовался одноглавый орел, и его следовало понимать как орла германского. Змея, в которую орел запустил когти, символизировала евреев. (6)

В 1890-е годы Вольф быстро приобрел известность в Вене как публицист и, прежде всего, как оратор. Современник, обычно настроенный весьма критически,

писал о шёнереанцах, не пользовавшихся уважением в ту эпоху: «Лишь один из них, Карл Герман Вольф, заметно выделялся на их фоне, причем иногда и в положительном ключе. Исключительно одаренный, прекрасный оратор с глубоким, звучным голосом, он умел найти слова, производившие впечатление искренней убежденности и настоящей сердечности и находившие отклик в сердцах слушателей... При всем том это был маленький, невзрачный человек, хромой задира редкой лихости». (7)

Кризис 1897 года

Политический кризис 1897 года, разразившийся вследствие политики кабинета Бадени, сделал Вольфа героем немецких националистов. Государственный кризис, самый серьезный со времен революции 1848 года, начался из-за законопроекта об официальных языках, предложенного главой правительства графом Казимиром Бадени, родом из Польши. Возмущались в первую очередь предписанием, воспринятым как прочешское: все чиновники в Богемии через четыре года обязывались представить документ об их двуязычности, даже в чисто немецких областях. В Северной Богемии это означало бы увольнение большинства немецких чиновников: из них лишь единицы говорили по-чешски, а чехи как раз были в основном двуязычными.

Принятие нового закона разрешило бы стародавний конфликт в пользу чехов. Ссылаясь на богемское право и принцип неделимости богемских земель, они отказывались предоставлять областям, населенным немцами, особый статус. В свою очередь богемские немцы предлагали разделить Богемию на немецкие,

чешские и смешанные области, чтобы добиться более индивидуальных, подходящих и немцам, и чехам решений.

Волнения в Цислейтании продолжались несколько месяцев. Настрой становился все более радикальным, причем даже у обычно умеренных христианских социалистов и немецких социал-демократов. Правительство не справлялось с беспорядками, которые вспыхнули в Северной Богемии, а затем, перекинувшись на Прагу и Вену, переросли в настоящую революцию немецких националистов против многонационального государства, «польского правительства» и правящего дома. В Богемии пришлось ввести чрезвычайное положение.

Судетская область была традиционным оплотом шёнерианцев; Шёнерер, Вольф и Штайн избирались именно от судетских округов. И вот настало их время! Устраивая демонстрации против «польского» правительства под лозунгом «Немецким областям — немецких чиновников», они пользовались широкой поддержкой у населения. Вольф проявлял в этой борьбе особое рвение — в радикальных популистских речах он представлял межнациональный конфликт как освободительную борьбу немцев. Вольф призывал к «Germania irredenta» и не раз обвинялся в оскорблении величества и государственной измене. (8)

Для государства Габсбургов ситуация стала угрожающей, когда немцы парализовали работу Рейхсрата во время столь непростого обсуждения законопроекта. Они не скрывали своей цели — свержение правительства Бадени. Вольф и здесь проводил неожиданные акции, устроив настоящий террор меньшинства против большинства и используя в речах крайне резкие выражения, до той поры в парламенте непринятые:

«Немецкий народ в Австрии пытаются польской плетью вытрясти из его шкуры и загнать в славянскую. Но остались еще парни, не утратившие разум. Мы не позволим отнять у нас самое святое, нашу национальность. Насилие над нами только еще больше разожжет пламя народного гнева. Наша сомкнутая фаланга готова на все, чтобы отстаивать честь немецкого народа». (9)

В этой напряженной обстановке к тесным чехам примкнули остальные «ненемецкие» депутаты, прежде всего поляки. В парламенте не прекращались ругань и драки. Немецкие студенческие корпорации устраивали демонстрации перед Рейхсратом, прославляя своих героев.

Очевидец свидетельствует, что Вольф метил лично в Бадени: «Он вышагивал прихрамывая вдоль скамьи, где сидели министры, и тарачился на него наглейшим образом, шипел в его сторону оскорбления и издевательски смеялся ему в лицо». (10) Граф Бадени попался в ловушку и вызвал Вольфа на дуэль. Тот немедленно принял вызов, поставив тем самым Бадени в дурацкое положение, чего собственно и добивался. Дуэль с точки зрения закона — это преступление, хотя ее и предписывал кодекс чести, а наказания за нее обычно не бывало никакого. Явившись на дуэль, премьер-министр подписал бы себе смертный приговор в политике. Бадени подал императору прошение об отставке, однако Франц Иосиф отказался ее принять и оставил его на посту.

В результате между премьер-министром и главным радикалом парламента состоялась дуэль на пистолетах, с каждой стороны по три выстрела. Победителем вышел, как и ожидалось, известный дуэлянт Вольф, ранивший Бадени в руку. Поединок

стал международной сенсацией, сильно навредив репутации монархии. А Вольф сделался знаменитостью.

Беспорядки и протесты против закона о языках продолжались как на улице, так и в Рейхсрате. В ноябре 1897 года председатель парламента, поляк Давид фон Абрахамович, которого поддержал Карел Крамарж, был вынужден вызвать в Рейхсрат полицию. Шённерера, Вольфа и нескольких немецких социал-демократов силой выволокли из зала заседаний на улицу, где демонстранты встретили их овациями. Вольфа как самого радикального арестовали за насильственные действия и препроводили в тюрьму окружного суда, что стало причиной новых митингов. Но теперь уже перед зданием суда и с непременным исполнением «Стражи на Рейне». Студенты братались с рабочими во имя общей борьбы с «польским» премьер-министром.

В этой крайне опасной ситуации новый бургомистр Вены д-р Карл Люэгер заявил, что более не в состоянии обеспечивать порядок в столице. Правительство Бадени сдалось и ушло в отставку. Несколько часов спустя Вольфа освободили и чествовали как национального героя, даже сочинили «Марш Карла Германа Вольфа»; именем Карл Герман стали называть новорожденных. На следующих выборах в 1901 году шённерианцы получили 21 место в Рейхсрате вместо прежних 8 — главным образом благодаря Вольфу.

Постановления о языках, вызвавшие такую волну возмущения, отменили. Но спокойствие так и не наступило. Теперь вместо немцев в оппозицию ушли обозленные чехи. Они парализовали работу Богемского ландтага и Рейхсрата в Вене. Конфликт между немцами и чехами в Богемии стал неразрешимым. Те немногие политики, которым удалось сохранить во

время этой смуты ясную голову, имели все основания для тревоги: удастся ли сохранить Дунайскую монархию в целостности и возможно ли ею вообще управлять?

Создание Немецкой радикальной партии

Триумф Вольфа осложнил его отношения с Шёнерером, чья популярность явно шла на убыль. В 1902 году Вольф отмежевался от «вождя» и основал вместе с единомышленниками «Свободную пангерманскую партию» или «Немецкую радикальную партию», которая с самого начала задумывалась не как элитарное, а как массовое объединение немецких националистов, отвечающее политической реальности нового времени. Он дистанцировался от «прусской заразы» Шёнерера и объявил о лояльности правящему дому Габсбургов и Австро-Венгрии. Благодаря этому его приверженцы, в отличие от шёнерианцев, не считались врагами государства и имели возможность занимать государственные и офицерские должности. Вольф шел на сотрудничество с правительством и принимал участие в работе над конкретными вопросами по своему избирательному округу Траутенау в Богемии. Его главной задачей оставалась защита прав немецкого меньшинства во всех регионах, в первую очередь в Богемии, но также в Галиции, Словении и других землях. Все немецкие студенческие корпорации переметнулись к нему.

Что же до партийной программы, то Вольф во многом придерживался положений Линцской программы 1882 года: «Прочь от Венгрии», особый статус для Галиции и Буковины, отмена 14 параграфа о чрезвычайном положении, разделение церкви

Ein Wahrzeichen.

«Пангерманский орел для пангерманских союзов»: Насмешка над разногласиями между Шёнерером (слева) и Вольфом

и государства, либеральная реформа семейного права и школьного образования. И, разумеется, Вольф тоже требовал признать немецкий государственным языком Цислейтании и ввести название «Австрия» для западной части империи.

Шёнерера и Штайна особенно возмущало то, что вольфианцы выступали за всеобщее равное избирательное право, якобы предавая тем самым «немецкий народ». Во время Боснийского кризиса 1908 года

немецкие радикалы также поддержали правительство, хотя большинство немецких партий выступили против действий Австро-Венгрии на Балканах. Таким образом, вольфианцы ставили верность династии выше верности немецкому народу, что возмутило не только пангерманцев, но и другие партии, включая социал-демократов. Фридрих Аустерлиц писал в «Арбайтерцайтунг»: «Называют себя немецкими радикалами, а на самом деле — черно-желтые ветераны, услужливые придворные лакеи!» (11) Пронемецки настроенный социал-демократ Энгельберт Пернерсторфер выразил сожаление, что Вольф не оправдал надежд пангерманцев: «Если бы ему достало серьезности и самодисциплины, он мог бы стать вождем». (12)

После смерти Люэгера в 1910 году вольфианцы подхватили его лозунг о «Великой Австрии», придав ему новое звучание: «Великая Австрия — это единое централистское государство, включающее в себя всю территорию Габсбургской монархии, где нет места самостоятельным королевствам [намек на Венгрию — прим. автора]; это Австрийская империя, не только единая и централистская, но и, разумеется, управляемая немцами, что исключает не только дуализм, триализм и федерализм, но и любые ненемецкие национальные центробежные течения. Такая Великая Австрия возможно только при главенстве немцев». Потому что немцы «самый многочисленный и самый сильный единый народ», славяне же принадлежат к разным нациям.

Присоединение к Германской империи нежелательно, поскольку оно невозможно без глобальных потрясений: «Да, нам однозначно нужна немецкая политика, но политика разумная, с достижимыми

целями; стремление к недостижимым целям принесет нам так же мало пользы, как и либеральные грезы космополитов». Пока еще «власть короны достаточно велика, пока еще немецкий народ достаточно силен, чтобы решиться на кардинальное изменение всей внутренней политики». (13)

Умеренная линия Вольфа принесла ему успех: на выборах 1907 года «немецкие радикалы» получили 12 мест в парламенте, а шёнерианцы только три. В 1911 году Вольфу достались 22 мандата, а Шённереру — четыре.

Именно в тот период, когда Вольф проводил немецкую политику в рамках Габсбургской империи, стремясь сделать ее централистским государством, с ним и познакомился молодой Гитлер. Возможно, он слышал знаменитого оратора и в парламенте, и во время его неоднократных выступлений в городе — например, в уже упомянутой гостинице «Вимбергер», где традиционно собирались немецкие националисты Вены. За несколько дней до отъезда Гитлера из Вены Вольф выступил с большой речью в ратуше на собрании Немецкого школьного союза. От имени судетских немцев он сетовал на то, что немцам в Австрии приходится защищать языковую границу на «нищенские гроши, собранные с большим трудом», а государство «настроено к ним враждебно»: «Не успеем мы где-нибудь спасти от славянизации пять детей, как туда тут же присылают десять чешских чиновников». (14)

За смену партии Вольф заплатил очень высокую цену. Шённерер мстил, затеяв кампанию по дискредитации своего бывшего соратника, что едва не довело Вольфа, наделенного обостренным чувством собственного

достоинства, до самоубийства. Распустили слухи, что он якобы подделывал векселя, брал взятки и изнасиловал двух девушек. Последовал ряд судебных процессов, включая один особенно неприятный — о нарушении супружеской верности. Грязное белье Вольфа стирали на глазах у публики, чтобы доказать его «нравственную деградацию».

В своей ненависти Шёнерер зашел так далеко, что подкупом переманил на свою сторону жену Вольфа. Она оставила мужа, забрав двух малолетних детей, и развелась с ним в 1903 году. Шёнерер оплатил ей расходы на адвоката и бегство с детьми в Англию. По решению суда, дети должны были остаться с Вольфом, но у него не было денег, чтобы начать новый процесс. Больше он своих детей не видел.

Вольфа доводили до белого каления обвинения в том, что его газету «Остдойче Рундшау», оказавшуюся в трудном финансовом положении, подкупил сахарный картель, а потому он перестал писать об эксплуатации крестьян, работающих на плантациях сахарной свеклы. Если хотелось позлить Вольфа, достаточно было только намекнуть на злополучный картель. Так, в 1902 году приверженцы Шёнерера сорвали доклад Вольфа, забросав его кусочками сахара; как и следовало ожидать, началась драка. (15)

Чехи тоже использовали мгновенно действующее средство при каждом удобном случае, если нужно уязвить «сахарного Вольфа». «Арбайтерцайтунг» писала: посреди общего гама «чешский депутат Карта хватает три кусочка сахара и бросает их в Вольфа. Тот вскакивает в крайнем возбуждении, бросается на Карту, бьет его по руке и замахивается для пощечины». В тот раз однопартийцам удалось его остановить. (16)

«Оборона против славян»

Вольф считал главными противниками немцев чехов, антисемитизм оставался у него на втором плане. Дело в том, что свою деятельность Вольф осуществлял в основном не в Вене, а в Богемии со смешанным населением, а там чересчур жесткий антисемитизм был политически невыгоден. Ведь богемские евреи, принадлежавшие скорее к буржуазии, в тот период тяготели к немцам и отдавали детей в немецкие школы. Они щедро жертвовали на национальные нужды и голосовали за немецкие националистические партии, в том числе и за вольфианцев. Вольф не мог и не хотел исключать их из числа немцев Богемии, исходя из своего основного положения: в случае угрозы все немцы должны держаться вместе, неважно, иудеи они или христиане.

Газеты немецких радикалов четко придерживались этой линии. Например, «Дойче Нордмерерблатт» писала в 1912 году: «Если еврейское влияние способствует тому, чтобы деревня, город или торговая палата оставались немецкими, будет большой глупостью бороться с этим “влиянием”... И вся немецкая общественность рада, что где-то там в Моравии мы удерживаем наши позиции благодаря совместной работе всех партий». (17)

Вольф неоднократно призывал товарищей по партии не увлекаться борьбой с евреями и не забывать о необходимости держать «усиленную оборону против чехов». (18) По его мнению, антисемитизм не годился в качестве «главного пункта» национальной программы. Вольф решительно поддерживал и весьма успешный «Немецкий школьный союз» (более 200 000 членов и 200 отделений на местах), который по-прежнему отказывался вводить «арийский параграф». Не

только шёнерианцы, но и христианские социалисты обвиняли союз в том, «что евреев обучают под видом немцев, а потом присылают их к нам, чтобы загнать наш народ в экономическое рабство». (19) Но позиция Вольфа была однозначной: главное — это защита и распространение немецкого языка и культуры, и поэтому пронемецки настроенных евреев отталкивать нельзя.

Столь же прагматично Вольф действовал и в отношении «Союза христианских немцев Галиции», основанного в 1907 году. Целью союза была поддержка немецкоязычного «нееврейского меньшинства», составлявшего около 100 000 человек. Издаваемая союзом газета «Дойче Фольскблатт фюр Галициен» обращалась по поручению Вольфа к немцам-христианам в Галиции: «Не стоит отвергать и помощь евреев. Мы, конечно, не желаем смешения немцев с евреями, однако у нас есть все основания стремиться к укреплению отношений с пронемецки настроенными евреями, чтобы укрепить наши позиции». Все немцы, христиане они или иудеи, должны держаться вместе: «Покажи-ка, на что ты способен, немецкий Михель! Работа, упорная работа! Самопожертвование во имя народа! Вот каков должен быть твой девиз. Иначе тебя обгонят другие, а ты останешься плестись в хвосте». (20)

В 1905 году Штайн занял в Рейхсрате противоположную позицию по аналогичному вопросу. Речь зашла о том, что произойдет с немецким меньшинством Галиции и Буковины, если эти коронные земли отделить, как того требовали пангерманцы: «подавляющее большинство из тех, кто в Буковине называет себя немцами, на самом деле евреи». А пангерманцы «никогда не возьмут под свое крыло тех, кто не нашей крови». (21)

Вольф не брезговал и антисемитскими высказываниями, особенно выступая в Вене, но его считали плохим антисемитом как приверженцы Шёненера, так и сторонники Люэгера. Депутат от христианских социалистов Герман Белоглавок крикнул, например, в парламенте, обращаясь к Вольфу: «Да перед любым евреем сегодня можно снять шляпу, только не перед Вольфом! Прислужник евреев! Мы десять лет против них боролись, а теперь Вольф помогает им вернуться к власти! Сколько вам за это платят, господин Вольф?». Вольф в ответ поклялся, что «не успокоится до тех пор, пока не выкурит этих христианско-социальных идиотов из Вены». (22)

Борьба в университетах

Вольф был политическим кумиром немецких студентов. Он призывал членов студенческих корпораций полностью посвятить себя «служению немецкому народу» и «обороне против славян». При этом он придавал образованию большое значение, ведь к «атаке» славян нужно подготовиться и в интеллектуальном плане. С самого начала карьеры он занимался организацией националистических читательских и образовательных обществ, ездил по стране с докладами с целью национального просвещения и воспитания, организовал плотную сеть немецких «застольных обществ», которые должны были послужить «точками кристаллизации великой и единой национальной общности».

Члены этих мельчайших групп, где пропагандировалось пангерманство, а с 1902 года — взгляды немецких радикалов, собирались раз в неделю у кого-нибудь дома, читали немецкую националистическую прессу, спорили, помогали друг другу в практических

вопросах и занимались «политическим и национальным самообразованием». Здесь пели национальные песни, читали доклады: «Таким образом крепилось чувство национальной общности, расширялся кругозор, просыпался интерес к политической жизни, каждый чувствовал себя частью целого, шестеренкой в механизме нации». (23) Важную роль в организации таких обществ играли студенты.

В 1908 году «Остдойче Рундшау» рекламировала ораторскую школу немецких радикалов в Вене. Там велись дискуссии об истории немецкой и австрийской социал-демократии, а также на тему «Социализм и национализм». Обсуждалась и недавно опубликованная работа социал-демократа Отто Бауэра «Национальный вопрос и социал-демократия», где речь шла о приоритете классового сознания перед национальным, и брошюра Карла Реннера «Национальные или интернациональные профсоюзы». Вход был свободным для членов любого немецкого националистического объединения. (24)

Когда Гитлер жил в Вене, в 6-м районе по адресу Зандвиртгассе 21 находился союз «Немецкая история», где Вольф состоял членом президиума. Союз ставил целью пробуждение общенемецкого национального чувства, которому следовало способствовать посредством популярных докладов и дешевых изданий: «Подрастающему поколению, которое в школе учит все о Пржемысловичах, Ягеллонах и прочих династиях, правивших в этом государственном образовании, но ничего не знает о национальной немецкой истории, следует с помощью брошюр, где рассказывается о делах и свершениях великих людей нашего народа, от Арминия до Бисмарка, о великих эпохах

нашей истории — о разрушении германцами дряхлой Римской империи, о славной эпохе Гогенштауфенов, о Реформации, принесшей нашему народу свободу, и, наконец, о новейшем времени, когда объединенный народ создал свое государство, — прививать убеждение, что немецкий народ значительно превосходит по силе и культуре все остальные народности этого многоязычного государства». (25)

Открытка от члена немецкой студенческой корпорации с портретом Вольфа: «Да здравствует избранник народа! Мы победим, если будем не только говорить по-немецки, но и мыслить национально»

Одновременно Вольф, главный политический дебошир империи, приложил руку к обострению университетских национальных конфликтов, достигших тогда небывалых масштабов. Он поощрял членов немецких корпораций вести ежедневную борьбу с их

«ненемецкими» однокашниками, особенно в Праге. Здесь студенческие волнения всегда оказывались верным средством спровоцировать межнациональные столкновения.

Богемские чехи считали Вольфа главным врагом, но признавали, что он все время бросается в самое пекло и проявляет чудеса отваги. Например, даже враждебно настроенные газеты в подробностях описали, как 1 декабря 1908 года, непосредственно перед введением в Праге военного положения, он спокойно и уверенно прошел от Немецкого казино до университетской столовой, невзирая на сотни беснующихся чехов, от которых полиция тщетно пыталась его защитить. Газета «Нойес Винер Журналь» писала: «Ситуация все более накалялась, из толпы доносились крики: «Повесить его!», «Убить!», «Скиньте его в канал!», «Сахар! Сахар!» Камень, брошенный в Вольфа, попал в плечо сопровождавшего его немецкого студента». (26)

Вольф был грозой Богемского ландтага, ведь именно обструкция немецких радикалов делала невозможной работу депутатов. Он раздувал ненависть между немцами и чехами, его партия изо всех сил старалась, чтобы конфликты из Богемского ландтага перекочевывали в Рейхсрат и он мог продолжать свою подрывную деятельность уже в Вене. Во время массовых собраний он дополнительно разжигал и без того масштабную националистическую истерию.

В Рейхсрате Вольф постоянно ставил на рассмотрение внеочередные вопросы, направленные против чехов. Например, 2 января 1909 года — «против непрекращающихся угроз немецким студентам и немецкому меньшинству в целом со стороны уличного сброда в Праге». Обозвав священника — одного из чешских

депутатов — «черным клерикалом» и «нахалом», он возмущался «наглостью» пражской толпы, этого «сброда», «такого испорченного и опустившегося, как ни в одном другом городе». «У наших немецких студентов есть неоспоримое, веками существовавшее право носить на земле старейшего немецкого университета свои цвета и вести себя по-немецки». Обязанность правительства — «при любых обстоятельствах охранять это право». «Мы не отдадим ни пяди, ни йоты, ни крупицы того, что нам принадлежит». Непосредственным следствием этого выступления стала обструкция со стороны чешского национального социалиста — многочасовая речь на чешском. Работа парламента снова оказалась парализована. (27)

В Вене Вольф подстрекал немецких студентов к борьбе с однокашниками других национальностей. У него это прекрасно получалось, причем при дружной поддержке остальных немецких партий: «Сама история обязывает нас при любых обстоятельствах отстаивать первородное право немецкого языка и немецких обычаев на этой земле, политой немецким потом и немецкой кровью». (28)

Когда в ноябре 1908 года двести итальянских студентов вышли на демонстрацию, требуя открыть в Венском университете итальянский факультет права, в актовом зале их встретили около тысячи немецких буршей. «Стража на Рейне» заглушила итальянские национальные песни, затем в дело пошли палки. Одна сторона свистела и вопила: «Долой итальяшек!», другая — «evviva» и «coraggio»*, драка бушевала вовсю. Потом раздались 18 выстрелов, стреляли итальянцы. Началась паника. Многие получили тяжелые ране-

* «Да здравствует / Ура!» и «мужество» (итал.)

ния. Полиция изъяла два револьвера, кинжал, нож, кастеты, кистени, обтянутые резиной свинцовые прутья и множество сломанных палок. Университет на несколько дней закрыли. (29)

Вследствие множества подобных стычек радикальные настроения распространились среди всех студентов, вне зависимости от происхождения. Студенты-евреи, которых исключили из корпораций, объединились в собственные организации. Первым и самым важным стал сионистский союз «Кадима» («Вперед»), основанный в 1882 году венскими студентами из Галиции; на рубеже веков политику его определяли уже западные евреи. Союз «Кадима» пропагандировал идеал мужественного, смелого, спортивного еврея, который не намерен терпеть, а готов бороться.

Когда евреи начали выступать не как «немцы», а именно как евреи, тоже начались столкновения на национальной почве. В конце февраля 1908 года (Гитлер как раз прибыл из Линца в Вену) в одной из таких драк в ход пошли не только палки, но и кнуты, раненые были с обеих сторон. В 1908 году подобные столкновения происходили неоднократно. Например, 10 ноября все началось с того, что член объединения «Алемания» оскорбил еврейских студентов. В ответ на это участник организации «Кадима» вызвал его на дуэль. Бурш отказался, заявив, как обычно, что с неарийцами не дерется. Началось массовое побоище. «Алеманы» загородили вход в университет, чтобы не дать членам «Кадимы» пройти, и кричали: «Долой евреев!» и «Убирайтесь в Сион!» Драка закончилась обрушением каменного пандуса при входе в университет и 60 пострадавшими. Подобные столкновения происходили и в других цислейтанских университетах

всякий раз, когда «ненемецкие» студенты пытались отстаивать свои права.

Конфликты в цислейтанских университетах случались не только на национальной почве, но и в связи с мировоззренческими и политическими разногласиями: между клерикалами и либералами, пангерманцами и немецкими сторонниками Габсбургов. И, конечно, дрались друг с другом итальянцы и словенцы, поляки и русины и так далее.

Чешский депутат Франтишек Удржал винил во всех этих беспорядках немецких студентов, а тем самым и Вольфа, который их подстрекал: «Немецкие студенты дерутся и в Вене, и в Праге, они дерутся в Брюнне, они дерутся в Граце, они дерутся в Инсбруке и в Триесте. Везде, куда ни приедешь, везде эти немецкие студенты с их страстью к побоищам». (30)

Феликс Сомари, учившийся в Венском университете, вспоминал: «Пока весь мир в сонном довольстве смотрел на беспорядки в Австрии как на курьез, мы, молодые люди, полагали, что находимся в политическом эпицентре. Наш мир казался нам гораздо более реальным, чем все остальное: здесь не дискутировали, а дрались, и не за стародавние проблемы, как ошибочно считали там, во внешнем мире, а за будущее. Новое варварство, поразившее Запад в следующие десятилетия, было знакомо нам с юных лет. Оно непрестанно и дико бушевало в центре нашей высокоразвитой, утонченной культуры. Когда я говорю “мы”, я имею в виду всю образованную венскую молодежь того времени. Мы оказались на переломе эпох и ощущали это всем своим существом». (31)

Стефан Цвейг вспоминал много лет спустя: «То, что для национал-социализма делали штурмовики,

разгоняя дубинками собрания, нападая по ночам на идейных противников и избивая их до полусмерти, немецким националистам в Австрии обеспечивали студенты, которые под защитой университетской неприкосновенности учиняли беспрецедентные боины и по первому свистку готовы были по-военному четко маршировать при всякой политической акции. Корпоранты, так называемые «бурши», с рассеченными лицами, упившиеся и бездушные, легко врывались в актовЫй зал, ... [вооруженные] тяжеленными дубинками; беспрестанно провоцируя, они избивали то славянских, то еврейских, то католических, итальянских студентов и изгоняли беззащитных из университета. Во время каждого такого «променада» ... текла кровь. Полиция... ограничивалась тем, что подбирала истекающих кровью потерпевших, которых хулиганы просто сбрасывали с лестницы». (32)

Народный трибун д-р Карл Люэгер

Молодой Гитлер был убежденным шёнерианцем, и ему потребовалось время, чтобы оценить личного врага Шёненера, венского бургомистра д-ра Карла Люэгера и его Христианско-социальную партию: *Когда я приехал в Вену, я относился к ним обоим враждебно. И лидер, и движение казались мне реакционными.* (1)

Люэгер был «хозяином Вены», его партия безраздельно властвовала в столице. А Георг Шённерер, которому Люэгер когда-то в знак уважения преподнес букет васильков, после 1907 года так и не попал в парламент. Политический труп, не более того.

Приверженцы обоих противников не уставали враждовать друг другом. Партийные газеты ежедневно поливали противоположный лагерь грязью. Люэгер

всегда выигрывал в этой борьбе. Он приказал не принимать шёнерианцев и социал-демократов на официальные должности, не разрешал им становиться поставщиками городских учреждений. Особо подлое наказание — запрет гимнастическим союзам этих партий тренироваться на принадлежавших городу школьных спортивных площадках — он обосновал так: «Мне в Австрии не нужны революционеры и почитатели Гогенцоллернов, мне в Австрии нужны честные, верные, преданные династии люди!» (2)

Восхищаясь Шённерером, Гитлер отдавал должное и Люэгеру, что свидетельствует о его определенной политической самостоятельности. Но в Христианско-социальную партию он не вступил, католическое мировоззрение ему было совершенно чуждо. Его привлекала и восхищала не партия, а выдающаяся личность Люэгера.

Если верить «Моей борьбе», к Люэгеру Гитлера привели антисемитизм и газета «Дойчес Фольксблатт». Рассуждая о венской «еврейской прессе» и ее мнимой враждебности по отношению к немцам, он пишет: *Я увидел, что одна антисемитская газета, «Дойчес Фольксблатт», ... вела себя пристойнее. ... Теперь я иной раз читал «Дойчес Фольксблатт», газета казалась мне не такой значительной, но в этом отношении более чистоплотной. Резкий антисемитский тон меня не совсем устраивал, однако я время от времени вчитывался в аргументы, и они заставляли меня задуматься.* (3)

«Дойчес Фольксблатт», выходявшая большим тиражом, когда-то перешла от Шёненера к Люэгеру. Газета представляла радикальное националистическое крыло христианских социалистов и исповедовала

агрессивный антисемитизм. *Как бы то ни было, чтение этой газеты дало мне возможность постепенно познакомиться с движением и его лидером, которые тогда царили в Вене, — с д-ром Карлом Люэгером и Христианско-социальной партией.* (4)

Люэгера-оратора Гитлер впервые услышал в 1908 году, на выступлении в «Народном зале» ратуши: *Во мне происходила внутренняя борьба, я хотел его ненавидеть, но вынужден был восхищаться, не мог иначе; он обладал выдающимся ораторским талантом.* (5)

В «Народном зале» венской ратуши устраивали крупные мероприятия — например, принесение присяги новыми гражданами города. Новоиспеченные венцы должны были в присутствии бургомистра торжественно произнести «Клятву венского гражданина» и пообещать сохранять «немецкий характер Вены». Таким образом, «ненемецкие» переселенцы отрекались от своей прежней национальной принадлежности.

Возможно, Гитлер присутствовал на такой церемонии именно 2 июля 1908 года, когда конфликт между немцами и чехами особенно обострился. Люэгер, как всегда на таких мероприятиях, воспользовался поводом высказать свою точку зрения по поводу национального вопроса в Вене в целом. «Дойчес Фольксблатт» писала, что бургомистр «отверг подозрения, будто он ненавидит чехов, но со всей определенностью подчеркнул, что тон в столице империи задают немцы, а прочие должны делать то, что им скажут; приехавшие в Вену чехи должны подлаживаться под свое окружение, то есть, германизироваться».

Переселенцы должны понимать, «что земля, на которой выросла старая императорская резиденция, — это

немецкая земля и таковой останется, что Вена не пойдет ни на какие уступки славянским элементам, стремящимся в центр империи, что обязанность чехов и им подобных, пользующихся гостеприимством Вены, — не выпячивать свою национальную принадлежность, а влиться в немецкую среду». (6)

Люэгер любил повторять: «Вена — немецкий город и таковым останется!», причем слово «немецкий» здесь означало лишь языковую принадлежность и не имело отношения к планам присоединиться к Германии. Поэтому в глазах молодого Гитлера Люэгер был «германизатором» Вены.

*Д-р Карл Люэгер, бургомистр Вены
с 1897 по 1910 год*

В 1908 году Люэгеру 64 года, он уже одиннадцать лет на посту бургомистра и пользуется такой любовью у населения, какой не удостоился никто из его предшественников или преемников. Он страдал тяжелым заболеванием почек и почти полностью ослеп, но каждое из его все более редких выступлений становилось для города большим событием. Его невероятную популярность признавали даже политические противники,

например Фридрих Аустерлиц в «Арбайтерцайтунг»: Люэгер был «некоронованным королем, ратуша — его Хофбургом... Он был популярнее любого актера, знаменитей любого ученого. Люэгер — это явление в политике, которым не может похвастаться ни одна столица. Такой любви человек может добиться только в Вене, и только такой человек, как Люэгер... Где еще в мире мыслимо такое поклонение?» (7)

Гитлера разделяет восторженное отношение венцев в бургомистру. Например, когда он пишет, что Люэгер — *крупнейшее явление в муниципальной политике, самый гениальный бургомистр всех времен.* (8) Или: *Под началом поистине гениального бургомистра почтенная резиденция императоров старой империи возродилась к новой чудесной жизни.* Люэгер был *последним великим немцем, которого породил народ колонистов Восточной марки.* (9) И еще: *Если бы д-р Карл Люэгер жил в Германии, его бы почитали как одного из самых значительных политиков нашего народа. То, что ему пришлось жить и работать в этом невозможном государстве, стало несчастьем и для его деятельности и для него самого.* (10) И еще: *Праздники, которые Люэгер устраивал в ратуше, были великолепы: он там царил. Когда он проезжал по улицам Вены, народ останавливался, чтобы приветствовать его.* (11) О важности этой фигуры для Гитлера свидетельствует тот факт, что уже тогда, когда началась *его борьба*, он все еще носил в портмоне в качестве талисмана медальку с портретом Люэгера. (12)

Люэгер был мастером самопрезентации. «Красавчик Карл» любил появляться на публике с золотой бургомистерской цепью на шее, в окружении

чиновников и муниципальных служащих, и особенно в сопровождении священников в ризах и служек, размахивавших кадилами на каждой церемонии, что бы там ни открывали — газовый завод или начальную школу № 85. Свита была одета в особую люэгеровскую «придворную форму» — зеленый фрак с черными бархатными обшлагами и желтыми пуговицами с гербом. (13) Военные оркестры исполняли специально созданный «Люэгеровский марш».

Люэгер оставил в наследство потомству сотни памятных досок с прославляющей его надписью, они и сегодня встречаются в Вене: «Построено при бургомистре д-ре Карле Люэгере». Гитлер знал об этой причуде и упомянул ее в 1929 году на партийном собрании НСДАП в Мюнхене: *И вот мы видим, как к власти в столице Австрии приходит бургомистр д-р Люэгер и как он пытается упрочить и увековечить господство своего движения с помощью грандиозных построек, полагая, что когда слова отзвучат, заговорят камни. На каменных плитах повсюду гравировано: «Построено при д-ре Карле Люэгере».* (14)

В Вене над люэгеровским тщеславием посмеивались, по большей части добродушно. Например, в юмористической газете опубликовали фотографию слоненка из Шённбрунского зоопарка с подписью: «Появился на свет при бургомистре д-ре Карле Люэгере». (15) Даже однопартиец Люэгера прелат Йозеф Шайхер отмечал у постаревшего бургомистра «некоторую манию величия и презрительное отношение к людям». (16) Он «радовался, словно ребенок, когда сильные мира сего обвешивали его всевозможными побрякушками и ленточками». (17) Хватало желающих «день и ночь ползать перед ним на брюхе,

колени преклоненно курить ему фимиам и бормотать: О, как ты велик!» (18)

А вот мнение его политического противника Аустерлица: «Не думаю, что венцам нужно годиться такой популярностью Люэгера. Его жизнь была подчинена одной идее — воле к власти», причем к его собственной власти. «Государство, народ, партия... — все вращалось вокруг его „Я“, это было «просто какое-то болезненное помешательство, низведшее целый город до функции пьедестала, на котором возвышалось тщеславие одного человека». (19)

Огромной любви народа Люэгер добился своими неоспоримыми достижениями. Годы его правления — с 1897 по 1910 — стали светлым пятном на фоне политического сумбура Австро-Венгрии. Было очевидно, что у руля стоит сильный и харизматичный лидер, политик, который всегда прислушивался к мнению народа, страстно и усердно трудится на благо «своих венцев» и ради процветания города. Неудивительно, что вплоть до сегодняшнего дня об этом «венском владыке» и «императоре-гражданине» вспоминают с восхищением.

Люэгер сиял столь ярко еще и потому, что окружающий политический фон был мрачен. Старый, склонный к депрессиям император и ранее не был выдающимся политиком, а тут полностью положился на советы посредственных министров и придворных. Не имея ни собственной концепции развития, ни энергии, чтобы ее осуществить, он просто «прозябал», как говорили в Вене. В Цислейтании то и дело сменялись кабинеты министров. Работа парламента была парализована национальными конфликтами. В стране царили нищета, безработица, инфляция, междоусобицы,

отсутствовали социальные гарантии, и лояльность населения короне все уменьшалась.

В распадающейся империи оставался лишь один бастион четкой, успешной политики: город Вена под руководством бургомистра Люэгера. Слова Гитлера из «Моей борьбы» отражают мнение большинства венцев: *Вена была сердцем монархии, последним источником энергии, который поддерживал жизнь в больном и дряхлом теле прогнившей империи.* (20)

Современная столица

В 1908 году в Вене проживало два миллиона человек, это был шестой по величине город мира после Лондона (4,8 миллионов), Нью-Йорка (4,3), Парижа (2,7), Чикаго (2,5) и Берлина (2,1). Число жителей в других крупных городах Дунайской монархии — Триесте, Праге и Лемберге — едва достигало 200 000. (21)

С 1880 по 1910 год население Вены увеличилось почти в два раза, с одной стороны, из-за огромного притока жителей из провинции в период быстрой индустриализации, с другой — благодаря присоединению пригородов в 1890 году и Флоридсдорфа в 1904-м. Предполагалось, что именно на этой внушительных размеров территории на другом берегу Дуная город будет продолжать расти — до запланированных четырех миллионов. Прирост населения за счет приезжих составлял минимум 30 000 человек в год.

Быстро растущему городу нужна была новая инфраструктура: транспорт, газо-, электро- и водоснабжение, больницы, купальни и школы. Под руководством Люэгера эти задачи решались с размахом и во многих областях образцово. Именно в этот период Вена стала современной метрополией.

Главным рецептом успеха Люэгера была энергичная муниципализация коммунальных служб, таких как газовые заводы и электростанции; ранее они находились в руках разных, преимущественно иностранных акционерных компаний. Муниципальными стали водопроводная станция, скотобойня и даже пивоварня. Люэгер создал городские сберегательные кассы в противовес «еврейским» банкам и городскую похоронную службу, чтобы снизить цены за погребение, до той поры непомерно высокие.

Конку сменила самая длинная в Европе сеть трамвайных линий общей протяженностью около 190 километров. Городская железная дорога, спроектированная Отто Вагнером, по сей день остается жемчужиной градостроительства, и ее очень ценил Гитлер. Вторая линия водопровода длиной в двести километров доставляла теперь в Вену родниковую воду с горного массива Хохшваб в Верхней Штирии; этот водопровод и по сей день продолжает снабжать город водой, знаменитой своим высоким качеством. Больница в районе Лайнц работает до сих пор, а тогда была самой современной в Европе: отдельные павильоны, расположенные посреди парка, задумывались изначально как дом престарелых, но по инициативе Люэгера превратились в лечебное учреждение. Из-за приверженности Люэгера религии выстроили много новых церквей.

Не желая превращать Вену в «нагромождение камней», бургомистр позаботился о создании в городе парков и зеленых зон. Запретив застройку в «зеленом» поясе, окружающем город, Люэгер сохранил идиллический ландшафт Венского леса; до сих пор это зона отдыха горожан. Пляж «Гензехойфель» посреди

живописных окрестностей дает венцам еще одну возможность провести досуг.

Деньги для этих гигантских проектов Люэгер добывал путем долгосрочных займов внутри страны и за рубежом. (Некоторые из этих долгов впоследствии уничтожила инфляция; оставшиеся зарубежные займы нужно было возвращать золотом, что после 1918 года превратилось в большую проблему для маленькой Австрийской республики). Люэгер финансировал свои строительные проекты на доходы, которые раньше доставались «иностранцам», и сделал сей факт козырем христианских социалистов. Первый биограф и партийный товарищ Люэгера, пастор Франц Штаурач, в 1907 году отметил в торжественной речи по случаю 10-летия пребывания Люэгера на посту бургомистра: «Предшественники-либералы тоже делали долги, но пользы от этого не было никакой. Нынешние займы и проценты по ним не будут стоить населению ни копейки, их вернут за счет выручки предприятий. Раньше доходы от газовых заводов, трамвайной сети и прочего год за годом текли в карманы английских евреев, сегодня они идут на благо общества». (22) То же самое говорил и Гитлер в 1941 году: *Сегодняшнее коммунальное самоуправление создано им [Люэгером — прим. автора]. Он муниципализировал частные предприятия и таким образом смог, ни на грош не повысив налоги, сделать Вену больше и красивее: он мог использовать доходы акционерных обществ, прежде находившихся в частных руках.* (23)

Газеты 1908 года изображают Люэгера веселым добродушным отцом города, который вникает во все, даже самые мелкие вопросы в соответствии со своим предвыборным лозунгом: «Нужно помочь маленькому

человеку». Очень популярна такая его фраза: мол, больше всего ему хотелось бы «предоставить фиакр каждому горожанину, прокутившему всю ночь». (24)

На заседании городского совета он возложил ответственность за повышение цен на молоко на алчных торговцев — все понимали, что речь о евреях — и пригрозил: «Если другие средства не помогут, я сам возьмусь за торговлю молоком. (Продолжительные демонстративные аплодисменты). Я и так уже поставляю много чего: электричество, газ, пиво, я поставляю все, что только можно, почему бы мне не поставлять еще и молоко? (Снова аплодисменты и смех)». (25)

Люэгер занимался и проблемой мусора, что понятно из следующего газетного интервью: «Бытовой мусор нужно сжигать и использовать для выработки электричества. Уличный мусор нужно пускать на удобрения. Это будет приносить городу новый доход, который частично покроет расходы на уборку мусора». (26)

Выборы в ландтаг Нижней Австрии 1908 года (первые выборы во время пребывания Гитлера в Вене, входившей тогда в состав Нижней Австрии) стали триумфом Люэгера. В районе Мариахильф три кандидата от Христианско-социальной партии получили больше голосов, чем все остальные вместе взятые. (27) Причина их успеха — старая система куриального избирательного права. Люэгер до конца жизни отказывался вводить в Нижней Австрии или в Вене всеобщее равное избирательное право, таким образом обеспечивая своей партии преимущество над социал-демократами.

Либеральная пресса, которую бургомистр тоже называл не иначе как «еврейской», боролась с народным трибуном Люэгером без особого успеха. Его приверженцы оставались недоступны влиянию газет, какими

бы жесткими ни были их нападки. Гитлер упомянул об этом феномене в 1942 году, рассуждая об английской прессе Второй мировой войны: *Может получиться и так, что пресса совершенно перестанет отражать мнение народа, например, как это было с венской прессой при обер-бургомистре (28) Люэгере. Хотя вся венская пресса была обьевреившейся и либеральной, обер-бургомистр Люэгер и его Христианско-социальная партия всегда получали подавляющее большинство на выборах в городской совет, то есть точка зрения народа абсолютно не совпадала с позицией прессы.* (29)

Биография Люэгера

Люэгер родился в 1844 году. Он был «настоящим венцев», «из низов», сыном школьного служителя, инвалида войны. Его рано овдовевшая мать воспитывала сына и двух дочерей в тяжелых условиях, однако обеспечила талантливому мальчику возможность изучать право в университете. Люэгер был благодарен ей до конца своих дней и демонстрировал свою горячую сыновью любовь в том числе и на публике. (См. Главу 11 «Юный Гитлер и женщины», раздел «Культ немецкой матери»).

В 1866 году, в год битвы при Кёниггреце, 22-летний Люэгер закончил обучение в университете, поступил на работу в адвокатскую контору и быстро прославился как защитник «маленьких людей», активно и бескорыстно помогая им в спорах с сильными мира сего. Решающее влияние на политические взгляды молодого человека оказал врач еврейского происхождения д-р Игнац Мандль, политик районного уровня, кумир «маленьких людей» района Ландштрассе, где жил и Люэгер. Именно Мандль повлиял на решение

молодого человека заняться политикой. По его примеру Люэгер начал ходить по пивным и трактирам, с одного народного собрания на другое, и выступать там с политическими речами. Он выслушивал жалобы маленьких людей и, подобно Шёнереру в Вальдфиртеле, стал адвокатом тех, до кого раньше никому не было дела.

С экономической точки зрения это было тяжелое время. После биржевого кризиса 1873 года народный гнев обратился против либералов у власти, против «капиталистов» и «жидов». Люэгер воспользовался этими настроениями и сконцентрировал усилия на создании двух образов врага: первый враг — крупные промышленники, фабриканты и владельцы универмагов, угрожавшие существованию мелких ремесленников, второй враг — «пролетариат», набирающая сила социал-демократия, которая, как утверждала партийная пропаганда, стремилась поднять революцию и отнять у добропорядочных бюргеров их хоть и скромное, но честно нажитое имущество. В качестве третьего врага добавлялись «чужаки» — приезжие.

Люэгер работал очень активно, просто одержимо, не чураясь и драк с политическими противниками. Граф Эрх Кильмансегг, штатгальтер Нижней Австрии, говорил о своем политическом антиподе Люэгеру следующее: «Сильная воля и врожденный инстинкт, позволявший ему прямо-таки чутать настроение народа и находить для него правильные лозунги, — вот источники его блестящих успехов». (30)

Обширный нижний слой среднего класса, который политики до той поры фактически не замечали, в 1875 году избрал либералов Люэгера и Мандля в городской совет. Здесь они перешли от «либералов» к «демократам» и, создав агрессивную оппозицию,

добились свержения либерального бургомистра. Люэгер поддерживал немецкое националистическое движение Шёнерера, разделял принципы «Линцской программы» 1882 года и боролся вместе с Шёнерером в 1884 году против семьи Ротшильдов за национализацию Северной железной дороги. В его карьере победы сменялись поражениями, а одна партия — другой.

Главной и единственной целью Люэгера являлось кресло венского бургомистра. Ради этого он стремился заручиться поддержкой не только важных районных и профессиональных организаций (союзы ремесленников, мясников, пекарей и извозчиков), но и венских домовладельцев, обладавших серьезным политическим влиянием. Вот что писал об этом Гитлер: *Сделав ставку на ремесленников и мелкую буржуазию, а также на нижний слой средней буржуазии, партия Люэгера получила верную, стойкую и готовую на жертвы дружину.* (31)

Расширение избирательного права в 1885 году принесло Люэгеру ожидаемый успех. Голосовать теперь могли «люди с пятью гульденами» — все, кто имел постоянное место жительства и ежегодно платил налоги на пять гульденов, крошечную сумму. Это дало сторонникам Люэгера право выбирать, а ему обеспечило место в Рейхсрате. «Народ Вены» любил и выбирал лично его, и неважно, от какой партии он выдвигался. В парламенте он быстро сделал себе имя, темпераментно выступая против «еврейских либералов», коррупции, иностранных акционерных компаний и — пока еще мирно соперничая с Шёнерером — против «еврейской прессы».

В 1887 году Люэгер примкнул к маленькой антилиберальной католической группе «Христианско-

социальный союз», которая разрабатывала современную социальную программу. Члены союза исповедовали крайний антисемитизм и стремились к «рекатолизации» страны.

Вступление в этот союз означало смену политической линии Люэгера: отныне он выступал перед общественностью как антисемит, что повлекло за собой и разрыв с его другом и наставником Игнацем Мандлем.

Вскоре Люэгер встал во главе союза и за несколько лет энергичной работы превратил его в современную массовую партию. Он свел воедино всех своих прежних приверженцев: от домовладельцев до мясников, от демократов до немецких националистов. Все эти разнородные группы объединяла ненависть к евреям. Они гордо называли себя «антисемитами», используя это лишь недавно появившееся понятие. В 1893 году объединение получило официальное название — «Христианско-социальная партия», но в своем кругу ее члены по-прежнему называли друг друга «антисемитами».

Люэгер был обязан стремительным взлетом не в последнюю очередь уходу Шённерера с политической арены в 1888 году. Люэгер сумел очень ловко воспользоваться ситуацией, публично восхваляя «мученика» Шённерера и при этом переманивая к себе его сторонников. Он присвоил самые успешные лозунги своего бывшего кумира, к большой ярости шённерианцев. Впоследствии Франц Штайн не без оснований упрекал его в том, что он «использовал разбуженный Шённерером расовый антисемитизм... как саморекламу», желая поскорее добраться до кресла бургомистра, и «охотился» за избирателями-шёнерианцами. (32)

В Рейхсрате Люэгер также занимался в основном проблемами Вены и своими врагами, евреями, под зажигательным лозунгом: «Не дадим превратить большую Вену в большой Иерусалим». В 1890 году он выступил со знаменитой речью против евреев, которую цитировали и десятилетия спустя: «Евреев в Вене — как песка в море, куда ни пойдешь — одни евреи: пойдешь в театр — евреи, пойдешь на Рингштрассе — евреи, пойдешь в Городской парк — евреи, пойдешь на концерт — евреи, пойдешь на бал — евреи, пойдешь в университет — и тут одни евреи». И далее: «Господа, я же не виноват, что большинство журналистов — евреи и в редакциях лишь изредка попадается христианин, которым в случае необходимости прикрываются, чтобы зря не пугать людей». А потому «направленное против журналистики движение неизбежно будет носить антисемитский характер». (33) Кроме того, «еврейская пресса» защищает интересы крупных капиталистов.

Антисемитизм принес Люэгеру гораздо больший успех, чем Шённереру. Один из видных пангерманцев удрученно заметил, что Люэгеру удалось «в глазах широкой общественности сделать собственную персону воплощением антисемитизма до такой степени, что некоторые господа, не способные мыслить самостоятельно, полагают, что если кто против Люэгера, то он и против антисемитизма». (34)

Перед лицом успехов Христианско-социальной партии враги Люэгера — либералы, придворные консерваторы и высшее духовенство — объединились. Они осуществили беспрецедентную акцию: кардинал граф Шёнборн от имени австрийских епископов доставил Папе Римскому официальную жалобу на христианских социалистов, обвиняя их в том, что партия эта по сути

«не католическая, а бунтарская и социалистическая», «невоздержанна на язык», потакает народу, разжигает «низменные страсти» и ставит знак равенства между собой и антисемитизмом. Однако Папа Лев XIII больше поверил письму христианских социалистов, которое те написали в свою защиту, а особенно — изложенной в нем социальной программе, и послал Люэгеру свое благословение. (35)

Ответ Папы окончательно закрепил успех Люэгера. На следующих выборах в городской совет в 1895 году его партия получила большинство. Кажется, Люэгер достиг своей цели — стал бургомистром Вены.

Однако против назначения Люэгера взбунтовались либералы. «Нойе Фрайе Прессе» писала, что при новом бургомистре «Вена станет единственной столицей мира с антисемитским клеймом», что это «позор для древней императорской резиденции», что при Люэгере «политическая тина поднимется на поверхность». (36)

Ко всеобщему удивлению, император Франц Иосиф отказался утвердить назначение. Он поступил так по совету премьер-министра графа Бадени, высшей аристократии и своей фаворитки Катарини Шратт. К тому же он считал, что при Люэгере вряд ли будет соблюдаться основной правовой принцип государства — равенство всех граждан перед законом.

Выборы провели повторно. Император снова отказался утвердить Люэгера, и так четыре раза подряд, на протяжении двух лет. С каждым отказом императора и с каждым новым переизбранием количество голосов, отданных за Люэгера, росло. Он стал мучеником и народным героем, а это — ни с чем не сравнимый триумф. Произошло то, о чем никто и помыслить не мог: из-за этой истории пошатнулся авторитет императора.

Очевидным это стало во время процессии в праздник Тела и Крови Христовых в 1896 году. Император, как обычный смиренный христианин, шел первым вслед за балдахином над дароносицей. А перед балдахином шли влиятельные лица, в том числе Люэгер. Очевидец Феликс Зальтен пишет: «Звонят колокола, развеваются церковные хоругви, толпа радостными криками приветствует своего любимца, тот благодарит, раскланивается, улыбается. Он счастлив. Потому что император, идущий за балдахином, слышит этот многоголосый гул. На протяжении всего пути ликующий народ приветствует человека, идущего впереди императора... Император движется вместе с процессией, кажется, будто он — из свиты этого человека. Впереди шумят овации, а вокруг него — тишина. Это был триумф Люэгера». (37)

Перелом случился лишь после выборов 1897 года, проходивших во время кризиса при правительстве Бадени, когда угроза революции стала реальностью. Католические христианские социалисты показались меньшим злом в сравнении с социал-демократическими «революционерами». При дворе верх взяла партия сторонников Люэгера, возглавляемая дочерью императора эрцгерцогиней Марией Валерией, а та находилась под абсолютным влиянием своего духовника, отца Генриха Абеля.

В 1897 году, после двух лет борьбы, Люэгер наконец-то стал бургомистром столицы, к вящему ликование народа. В миг триумфа он продемонстрировал свой политический талант. В отличие от Шённерера, он не встал в оппозицию монарху, а заверил того в своей лояльности. Значит, «мученик» великодушно простил своего государя, и это только усилило народную любовь.

Два самых популярных человека в Вене — император Франц Иосиф и «народный трибун» Люэгер — помирились. Зальтен писал язвительно: «Достигнув цели, он взял прогабсбургский образ мыслей под защиту муниципалитета, сделал верность императору основой городского управления и стал княжить в столице под звуки народного гимна». (38)

Народный трибун

Прямо пропорционально расширению избирательного права возрастало политическое значение тех социальных слоев, на которые политики раньше почти не обращали внимания, — т.н. «маленьких людей». Теперь именно их масса определяла исход голосования, значит — необходимо найти способ привлечь этих новых избирателей, на которых традиционные средства пропаганды не действовали.

На всех уровнях возник новый тип политика — «народный трибун». Он в корне отличался от привычного либерального политика, ценившего образование и приличный вид, смотревшего на народ свысока, ощущая себя его учителем и воспитателем. Новые политики, уловившие веяния времени, как Шённерер и Люэгер, шли на прямой контакт с народом: в пивных, на рынках, на заводах. Они узнавали «настроения» народа и предлагали ему свою помощь.

Выступая, народный трибун Люэгер часто переходил на диалект, подстраивался под уровень своих слушателей, объяснял сложное простыми словами, уснащал речь шутками. И делал то, что приносило больше всего голосов, — нападал на врагов своих избирателей, пробуждал в них неприязнь не только к другим политикам, но и к национальным или религиозным меньшинствам,

к «богачам там, наверху», к «черни там, внизу», к «неверующим» и к «чужакам, которые отнимают у нас женщин, жилье и работу». Он сознательно апеллировал не к разуму и сознанию, а к чувствам и инстинктам. Гуго фон Гофмансталь писал: «Политика — это магия. Кто умеет взывать к массам, тому они подчиняются». (39)

Речи Люэгера действовали на слушателей как массовый гипноз. Люэгер, по описанию его любовницы Марианны Бескиба, «обладал почти сверхъестественной способностью подчинять других своей воле»: «Глаза сверкают, руки воздеты, весь отдался жестикуляции, голос гремит, и хотя тембр у него был немного глуховатый, никто не мог превзойти его по силе и ясности речи. Не стесняясь в выражениях, он расписывал вред, причиненный стране либеральным режимом, рассказывал, как достичь всеобщего благополучия, и объявлял своим противникам борьбу “не на жизнь, а на смерть”. Бурные аплодисменты сопровождали каждую его фразу, ликование толпы порой просто не давало ему продолжать. На место он возвращался, весь мокрый от пота». (40)

Люэгер подарил «народу Вены» уверенность в себе. Зальтен пишет: «Только ему удастся избавиться венцев от уныния. Раньше их все бранили. Люэгер их хвалит. Другие требовали от них уважения к себе. Люэгер освобождает их от этой обязанности. Им говорили, что править могут только образованные. Люэгер показывает, как плохо эти образованные умеют управлять. Он, человек с университетским образованием, с ученой степенью, адвокат, костерит врачей, громит адвокатов, поносит профессоров, высмеивает науку. Он отбрасывает все, что пугает и стесняет толпу, топчет все это ногами, и кучера, портные, сапожники, зеленчики,

кабатчики ликуют, бесятся и верят, что пришло время, о котором им возвещали — “блаженны нищие духом”. Он приветствует все недостатки низших слоев — отсутствие духовных потребностей, их недоверие к образованию, их пьянство, пристрастие к уличным потасовкам, их косность, заносчивость и самодовольство, — и они бесятся, бесятся от удовольствия, когда он выступает перед ними». (41)

Перед образованной публикой или на международной арене такие речи, конечно, утрачивали свою магическую силу. Слова казались плоскими, излюбленные шутки — глупыми. Очевидец сообщает: «С каким же удовольствием он смаковал банальности и грязные шутки! Слово он все время говорил со своими избирателями из предместий! Президиум конгресса архитекторов он поздравил с удачным выбором места — ведь «жители Вены так прекрасно сложены». Выступая перед музыковедами и желая выразить мысль, что музыка — это язык, объединяющий мир, он не нашел ничего лучшего, нежели заметить, что под венский вальс ноги так и просятся в пляс, и чешскую польку в Вене тоже танцуют». Успех даже таких выступлений Люэгера приводит его критика к выводу, что «коренное и самобытное притягивает людей больше, чем эта интернациональная чопорность». (42)

Зальтен писал о речах Люэгера не без уважения: «Когда думающий человек читал их, то невольно усмехался... Но когда думающий человек слушал Люэгера, то умение думать ему не помогало, собственные мысли исчезали, его захватывала стихийная первобытная сила и утягивала за собой». (43)

Сила притяжения Люэгера, повлиявшая и на Гитлера, явно связана с его специфическим влиянием

на массы. Впоследствии Гитлер все время возвращался к Люэгеру, рассуждая о феномене массового внушения и распространения фанатизма или о ценности политической пропаганды. В «Моей борьбе» на примере Люэгера он показывает политический вес *силы речи*, пишет о *магическом действии звучащего слова* и — раскрывая свою методику — о *факеле слова, поджигающего толпу*. (44)

Он полагал, что Люэгер, в отличие от Шёнера, был *редким знатоком людей, который остерегался думать о людях лучше, чем они есть на самом деле*. (45) Любая пропаганда должна ориентироваться на *восприятие самого ограниченного из тех, на кого рассчитана. Чем меньше... ваш интеллектуальный балласт и чем больше вы затрагиваете чувства масс, тем более убедительный успех вас ждет*. Не нужно стремиться *удовлетворить ученых или юных эстетов*. (46)

Учитывая *слабые мыслительные способности широких масс* (47), хороший оратор должен уметь упрощать: *Речь государственного деятеля следует оценивать не по тому впечатлению, какое она произвела на университетских профессоров, а по ее воздействию на народ*. (48)

Между знакомством с выступлениями Люэгера в Вене и созданием «Моей борьбы» прошло пятнадцать лет, в течение которых Гитлер сформировался как политик, а усвоенные им идеи обрели ясные контуры. За это время он получил и другие уроки, в том числе и из книг, например, из «Психологии масс» Гюстава Лебона, которая вышла на немецком языке в 1908 году. (49) Именно в венский период жизни Гитлера эти «массы» с каждым днем приобретали все больший политический вес, многие мыслители и политики

разрабатывали методы влияния на них. И идея воздействия не на разум, а на чувства («фанатизация», как назовет это Гитлер в «Моей борьбе») высказывалась неоднократно. Иррациональное начало стало играть важную роль в политике, разумные доводы — ввиду простоты и необразованности новых избирателей, которых теперь называли «массой», — больше не действовали.

Об отказе от разума в пользу опьянения чувствами, как в музыке Рихарда Вагнера, писал и Макс Нордау в книге «Вырождение», называя модный тогда мистицизм «проявлением неспособности сосредоточиться, ясно мыслить, контролировать эмоции», вызванной, по его мнению, «ослаблением высших мозговых центров».

К такому способу привлечения масс прибегали многие народные трибуны того времени — от социал-демократа Франца Шумайера до Игнаца Мандля и Шёнерера в начале его карьеры. Теодор Герцль также обращался не к интеллекту, а к чувствам масс, увлекая их идеей создания еврейского государства, в ту пору совершенно утопической. Герцль писал еврейскому филантропу барону Морицу Хиршу: «Вы уж мне поверьте, политику целого народа — особенно если он рассеян по миру — можно строить только на эфемерностях, витающих в воздухе. Вы знаете, откуда взялась Германская империя? Из мечтаний, песен, фантазий и черно-красно-золотых повязок... Бисмарк всего лишь собрал урожай с дерева, которое взрастили мечтатели». (50)

Несомненно, именно личное впечатление от речей Люэгера послужило для Гитлера толчком к изучению политического типа народного трибуна и поиску наиболее эффективных средств «фанатизации» масс.

Антисемитизм Люэгера

Люэгер сумел объединить всех врагов своих избирателей в русле одного мощного течения: это антисемитизм. Любые противоречия сглаживала его любимая формулировка: «Жиды виноваты». «Мы боремся против того, чтобы христиане оказались в подчиненном положении и на месте христианской Австрии появилась новая Палестина!» (51)

Люэгер мог при этом опираться на давний, уходящий корнями в глубь веков католический антииудаизм, направленный против «народа-богоубийцы», на антилиберализм и антикапитализм, на ненависть к «евреям-финансистам и биржевикам», к «еврейской прессе», к интеллектуалам — «чернильным жидам», к социал-демократии как «колониальным войскам евреев», к еврейским «попрошайкам» из Восточной Европы, к якобы «еврейскому» искусству модерна и «еврейской» женской эмансипации. Одно только ругательное прозвище венгров — «жидомадьяры» — принесло ему, по мнению Кильмансегга, «тысячи приверженцев». (52)

Христианские социалисты видели свою задачу в том, чтобы ослабить быстро растущую «власть евреев» и повернуть вспять эмансипацию, начавшуюся в 1867 году. Они считали необходимым «привести все арийско-христианские нации к согласию, чтобы большинство в Рейхсрате проголосовало за законы об отмене равноправия для евреев, о конфискации еврейского имущества и изгнании евреев». (53)

Люэгер стал рупором своих избирателей: «Бедный венский ремесленник в субботу после обеда должен идти просить милостыню — клянчить заказы у еврейских мебельщиков. Все влияние на массы у нас в руках

евреев, большая часть газет в их руках и подавляющая часть капитала, особенно крупного капитала, — евреи терроризируют нас, как никому и не снилось. Мы должны освободить христианский народ Австрии из-под власти евреев. (Оживление, крики “Браво!”). Оратор продолжает, повысив голос). Мы хотим жить свободно на земле наших отцов. Там, где наши предки проливали кровь, должен править христианский народ. (Бурные аплодисменты)». И далее: «Мы призваны завоевать свободу для нашего христианского народа и удержать ее... И даже если все остальные опустят руки, доктор Люэгер и его партия продолжат мужественно идти вперед! (Бурные аплодисменты, крики “Да здравствует Люэгер!”)» (54)

Бургомистр не стеснялся в выражениях. Когда либеральный депутат-еврей выразил протест против разжигания антисемитских настроений, Люэгер ответил, что «антисемитизм исчезнет, только когда исчезнут жидаы». Оппонент напомнил Люэгеру его слова на одном из народных собраний, что ему, мол, «все равно, вешать евреев или стрелять». А тот поправил, ничуть не смутившись: «Я сказал “рубить головы”». (55) (См. также раздел «Призрак еврейского мирового господстве» в главе 10 «Евреи в Вене»).

Зальтен полагал, что причина беспрецедентного успеха Люэгера заключается в растерянности мелкого буржуа. Тот не знал, что ему делать с внезапно свалившейся на него политической властью и не видел союзников ни в крупной либеральной буржуазии, ни в «пролетарской» социал-демократии: «Мелкобуржуазные массы бредут, как стадо без пастуха, с собрания на собрание. Их вгоняет в уныние австрийская самокритичность, скепсис, самоирония. И тут появляется

этот человек и забивает — потому что больше ничего не умеет — на глазах у ревущей толпы еврея. Стоя на ораторской трибуне, он забивает его словами, закалывает его до смерти, разрывает на куски и бросает это жертвенное мясо народу. Это его первый монархическо-клерикальный поступок: направить всеобщее недовольство в Еврейский переулочек, пусть там выплескивается». (56)

Не только Люэгер, но и его товарищи по партии активно подталкивали избирателей к агрессии. Например, Йозеф Грегориц заявил в Рейхсрате, что в дороговизне хлеба и минеральных удобрений виноватее «мошенники-жиды»: «Я буду рад, если всех жидов перемелют на удобрения... (оживление среди однопартийцев), очень даже рад». А в другой раз он предложил еще одно средство снижения цен: «Если вы пойдете и прямо сейчас повесите триста еврейских биржевиков, завтра зерно подешевеет. Сделайте это, вот единственное решение хлебной проблемы. (Аплодисменты однопартийцев. Оживление)». (57)

Не раз цитировали слова Эрнеста Шнайдера: «Если ему дадут корабль, на который затолкают всех евреев, он направит его в открытое море и там затопит. Когда он будет знать наверняка, что все до одного евреи утонули, то с готовностью и сам пойдет ко дну, уверенный, что оказал миру величайшую услугу». (58)

Чтобы поддержать антисемитские настроения, на рубеже веков вновь стали распускать слухи о ритуальных убийствах, занимавших умы христиан начиная со Средних веков. Стоило где-нибудь пропасть ребенку, особенно в сельской местности Венгрии или Галиции, как тут же начинали говорить о ритуальном убийстве, что давало желанный повод терроризировать евреев.

(59) Ведущую роль в распространении страшных историй играли католические священники, авторы соответствующих текстов. Например, Август Ролинг со своей имевшей широкое хождение брошюрой «Еврей-талмудисты», или Йозеф Декерт с работой «Ритуальное убийство. Подтверждено документами» (1893).

Участие Люэгера в обсуждении этой горячей темы в Рейхсрате дает впечатляющий пример его умения лавировать между лагерями: «Бывало, что евреи вопреки собственным запретам использовали кровь или оскверняли ею свои руки. А если такое случалось раньше, то ведь может случиться и сегодня?». Нельзя не заметить «невероятной фанатичной ненависти, ненасытной жажды мести, с какой евреи преследуют своих настоящих или мнимых врагов». Далее Люэгер приводит в качестве свидетельств против евреев цитаты из пророков Исаии и Иеремии: «Ибо руки ваши осквернены кровью и персты ваши — беззаконием; уста ваши говорят ложь, язык ваш произносит неправду». И еще: «Высжидают змеиные яйца и ткнут паутину; кто поест яиц их, — умрет, а если раздавит, — выползет ехидна». Люэгер далее: «По-моему, это не евреи — мученики немцев, а немцы — мученики евреев... Волки, львы, пантеры, леопарды больше похожи на людей, чем эти хищные звери в человеческом обличии». (60)

Люэгер был убежден, что во время новой революции «стрелять будут не по бедным монахам, а совсем по другим личностям». По его мнению, христианский народ «бежит под защиту» католической церкви, спасаясь «от еврейского гнета», именно она освободит христиан от «постыдных пут рабства у жидов». (61)

Выбирая оскорбительные выражения и сравнивая евреев с животными, видные церковные деятели

Титульная страница газеты «Экстра-Цайтунг» со статьей «Евреи и женщины»

исключали их из рода человеческого. Например, прелат и депутат Рейхсрата от Христианско-социальной партии Йозеф Шайхер называл их «стаей саранчи» и пауками, которые «опутывают и высасывают арийский народ, как муху». (62) Он же: «Еврейское начало — вечный заклятый враг арийского, при этом евреи всегда пристраиваются к арийцам, как древоточец

в стволе дерева — он растет там, жиреет, отъедается, чтобы уже в роли новоиспеченного барона занять в обществе местечко повыше! И позаботиться, чтобы новым маленьким древоточцам не заказали доступ к христианской древесине». (63)

Церковники поддерживали антисемитизм, подчеркивая правильность и необходимость «оборонительной войны» против евреев. Их позиция убеждала христианских социалистов в том, что издевательства над «этими безбожниками» вполне справедливы. Родившийся в еврейской семье писатель Феликс Браун, на четыре года старше Гитлера, вспоминал о печальном детстве: «Политическая жизнь в Вене становилась все напряженнее, это приводило к грубым выходкам на собраниях и на улицах. Даже дети использовали лозунги новой партии, надо мной издевались и попрекали моей религией на игровых площадках и в школе. Во время выборов дети из еврейских семей порой не решались выйти на улицу». Ученик садовника дразнил его жидом и бил. (64)

Проводя кампанию рекатолизации, христианские социалисты пропагандировали антисемитизм и в коронных землях, где проживало много евреев (например, в Галиции и Буковине), финансировали с этой целью издание целого ряда новых «народных газет». В июле 1908 года «Буковинер Фольскблатт» предложила стратегию борьбы с евреями. Во-первых, христианину нужно тщательно изучить врага: «Если тебе угрожает волк, ты берешь ружье, зовешь друзей, устраиваешь веселую травлю и убиваешь столько волков, сколько сможешь». Упомянув далее медведя, лису и змею, газета переходит к более мелким

вредителям: «Клопов лучше всего выводить горячей водой, порошком от насекомых или различными настойками. От вшей помогает тщательное мытье, а в самых тяжелых случаях ртутные мази».

Однако «самый опасный враг христиан — это еврей, потому что мы не готовы к борьбе с ним и ведем ее в основном неподходящими средствами. Против клопов давно применяют специальные порошки, против хищников — нарезное оружие, а вот «цахерлин» от евреев еще только предстоит изобрести». «Цахерлин» — широко распространенное в ту эпоху средство от насекомых, которое производил венский фабрикант Й. Цахерль.

И снова евреев сравнивают с саранчой и пожаром, «хотя и это слишком мягко сказано об этих пиявках, потому что саранча и пожар уничтожают только плоды твоего труда, еврей же отнимают и оставшийся у тебя кусок земли вместе с малейшей надеждой на лучшее будущее. Таковы замыслы этих пиявок, к этому стремится пейсоносная саранча. Христиане, вам придется понять, что саранча, пожар и чума не столь опасны, ведь они оставляют вам надежду на лучшее будущее, если не здесь, то после смерти, а присосавшиеся жида постепенно отравляют не только ваше достоинство, но и тело и душу».

В июле 1908 года Бенно Штраухер, депутат-сионист из Буковины, представил в Рейхсрате запрос на имя премьер-министра по поводу этой газеты, протестуя против «бессовестной агитации» и указывая, что издание «открыто пропагандирует войну на уничтожение евреев, а молчаливое попустительство такой чудовищной травле ... производит впечатление, что еврей в этом государстве находится вне закона». (65)

Еще и сегодня в Вене можно услышать мнение, что Люэгер только притворялся антисемитом, а на самом деле таковым не был. Ведь у него были друзья среди евреев, да и вообще ни с одним евреем «ничего серьезного не случилось».

Действительно, Люэгер, вопреки демонстрируемому на публике антисемитизму, общался с евреями и сотрудничал с еврейской общиной. Объявив: «Я решаю, кто тут еврей!», он присвоил себе право делать любые исключения. Тех, кто поддерживал его политику, он охотно терпел. В отличие от Шённерера он определял принадлежность к еврейству, руководствуясь не расой, а вероисповеданием, и даже допускал (к неудовольствию иных соратников по партии) крещеных евреев в свой ближний круг — например, д-ра Альберта Гессмана или высокопоставленного чиновника Рудольфа Зигхарта. С годами Люэгер стал куда мягче, чем в период борьбы за власть.

В частных беседах с людьми других убеждений Люэгер охотно смягчал свой антисемитизм, утверждая, что просто использует его как политически действенное средство. Либеральному штатгальтеру Нижней Австрии, графу Кильмансеггу, он в 1897 году сказал, что антисемитизм «для него лишь лозунг, заманивающий массы, а сам он ценит и уважает многих евреев и сознательно ни одному из них вреда не причинит». (66) А еврейскому торговцу Зигфриду Майеру, который играл заметную роль в еврейской религиозной общине и потому интересовал Люэгера в политическом плане, бургомистр ничтоже сумняшеся заявил: «Я люблю венгерских евреев еще меньше, чем венгров, но нашим венским евреям я не враг; они не так уж плохи, мы

не можем без них обойтись. Ведь мои венцы хотят лишь отдыхать, и только евреи всегда готовы работать». (67)

Такие высказывания, однако, не успокаивали членов еврейской общины, на которых нападали со всех сторон. Майер считал особенно омерзительным, что Люэгер использует антисемитизм в политических целях вопреки личным убеждениям: «Ему не хватало самой элементарной вещи, той, что делает человека личностью, — честности. Его антисемитский настрой был чистым лицемерием». Ответ Майера Люэгеру: «Я упрекаю вас не в том, что вы антисемит, а в том, что вы таковым не являетесь». (68)

Если Люэгер, вопреки своим убеждениям, использовал антисемитизм только как средство для достижения цели, то он куда лживее собственных приверженцев. Те, по крайней мере, были убеждены в правоте своих слов и поступков. Артур Шницлер также не был готов согласиться с теми, кто оправдывал Люэгера показным характером его антисемитизма, напротив: «Именно это было для меня всегда главным доказательством его сомнительной нравственности». (69)

В политическом смысле совершенно неважно, дружил ли Люэгер с евреями и с кем именно. Значение имеют лишь последствия его подстрекательских речей, а они были разрушительными. Антисемитизм, который харизматический оратор Люэгер десятилетиями прививал влюбленным в него массам, вульгарные выходки его однопартийцев и друзей-церковников, на которые он закрывал глаза, отравляли атмосферу в обществе. Ни одного еврея в ту эпоху не убили, но люди черствели и грубели под руководством обожаемого кумира, поощрявшего их предрассудки.

Политическую целесообразность антисемитизма подчеркивал и Гитлер в одном из своих монологов, восхищаясь невероятными успехами бургомистра, который стал христианским социалистом, *потому что видел путь к спасению государства в антисемитизме, а в Вене тот мог опираться только на религиозную основу*. Так ему удалось добиться, что *из 148 депутатов городского совета 136 были антисемитами*. (70)

Но Гитлер критиковал католический антисемитизм Люэгера за недостаточную последовательность: *В крайнем случае крестильная купель спасала и евреев, и их предприятия*. Антисемитизм был для Люэгера *попыткой нового обращения евреев*, он не понимал, что речь здесь идет о *жизненно важном вопросе для всего человечества, от решения которого зависит судьба всех нееврейских народов*. Эту *половинчатость и мнимый антисемитизм* Гитлер, будучи учеником Шёнерера, порицал, потому что *так убавкиваешь себя уверенностью, что справился с врагом, а на самом деле это он водит тебя за нос*. (71)

Церковь как соратник в борьбе

Провозгласив лозунг о «католической, австрийской и немецкой» партии, Люэгер привлек на свою сторону священнослужителей. Сначала его поддержал младший клир, а потом и все духовенство. С церковных кафедр проповедовали содействие христианским социалистам и борьбу против «еврейского либерализма». Люэгер в свою очередь призывал чаще ходить в церковь и появлялся на публичных мероприятиях в окружении священников и монахинь.

В канун нового 1889 года, в преддверии столетнего юбилея Великой французской революции, Люэгер

вызвал восторг, заявив, что «этот год станет пробным камнем для нашей партии... Мы будем трудиться без усталости, пока не восстановим христианский миропорядок. В 1789 году произошла революция, в 1889 году следует провести ревизию революции. Настало время католических священников, они снова должны выйти вперед и показать, что именно они — вожди народа, что весь народ поддерживает католическое движение». (72)

Наградой за труды на благо церкви для Люэгера стало полное и весьма желанное для него содействие со стороны всех организаций, находившихся в ведении церкви: объединений священников, союзов матерей, церковных хоров, монастырей и приходских школ. Его друзья-священники вели весьма действенную политическую агитацию. Гитлер в «Моей борьбе» отмечал важность такой тактики и подчеркивал, что Люэгер ловко *задействовал все наличествующие источники власти, использовал все существующие властные учреждения, извлекая из этих древних институтов максимально возможную пользу для собственного движения*. (73) Христианско-социальная партия *избегала противостояния с религиозными организациями и гарантировала себе таким образом поддержку такого мощного института власти, как церковь*. Поэтому у нее был только *один-единственный действительно крупный противник*. Партия понимала *значимость широко раскинутых сетей пропаганды и виртуозно воздействовала на духовные инстинкты преданных ей широких масс*. (74)

Огромное политическое значение имел для Люэгера «Венский христианский женский союз», который еще называли «полком люэгеровских амазонок» и его «гаремом». Поклоняясь своему кумиру, эти женщины проявляли политическую активность и немало

способствовали успехам Люэгера. Граф Кильмансегг говорил о женских союзах: «У них была политическая цель, а именно — поддерживать и продвигать партию Люэгера, ведя агитацию в семьях и в обществе». (75)

Заметим, что Люэгер и не думал предоставлять «своим» женщинам политические права, например, избирательное право. Глава женского союза Эмилия Платтер, обладавшая большим весом в обществе, верно служа своему господину, даже выступала против «всей этой современной болтовни о женских правах». (См. раздел «Движение за права женщин» в главе 11 «Юный Гитлер и женщины»).

Люэгер умел польстить женщинам и, используя свое знаменитое обаяние, заставить их работать на себя. На примере «красавчика Карла» Гитлер мог наблюдать, как харизматичный политик подавлял в женщинах способность критически мыслить, побуждая их служить себе по доброй воле, жертвенно и самозабвенно. Правда, многие из этих женщин привыкли подчиняться за годы работы в приходах.

Самым рьяным помощником Люэгера был священник-иезуит Генрих Абель, который громил с кафедры евреев, либерализм, социал-демократию и, самое главное, развращающее влияние «сатанинского племени» масонов. Им он приписал ответственность за распространение всех демократических и национальных идей и многочисленные политические убийства. Считая «жидомасонов» источником всего зла в мире, он не скупился на выражения: «масонский мировой заговор», «растлители народа», «тайные силы», «тайное мировое правительство», и призывал к бескомпромиссной борьбе против «врагов-безбожников» в защиту церкви и Христианско-социальной партии. (76)

В частной жизни Абель также не скрывал своего антисемитизма. Он хвастался, что у него есть палка, которой его отец однажды поколотил еврея. Он даже подарил эту палку одному из единомышленников в знак приязни. (77)

Каждый год Абель устраивал мужские паломничества в Мариацелль и Клостернойбург, к которым обычно присоединялся и бургомистр Люэгер. Выступая с праздничными проповедями, Абель обрушивался на «ужасающий террор, которому социал-демократы подвергают маленьких людей», на «абсолютизм либеральной демократии» и «еврейскую прессу». В 1906 году священник-иезуит Виктор Кольб, его коллега из Мариацелля, также вмешался в предвыборную борьбу: «Выборы в парламент — не столько политический, сколько религиозный акт. Так люди признают себя сторонниками либо противниками Бога и веры». (78)

*Освящение Венского городского газового завода.
Позади архиепископа — бургомистр*

Такого рода воинствующий католицизм имел в Австрии — в частности, благодаря Габсбургам — многовековые традиции и дополнительно увеличивал пропасть между «клерикалами» и «жидолибералами». На рубеже веков церковь превратилась в Вене в неконтролируемый политический фактор и боролась за власть в союзе с христианскими социалистами.

Борьба с либерализмом была направлена главным образом на законы 1867 года, давшие не только равные права евреям, но и большую свободу школам. Ссылаясь на «католический характер Австрии», церковь и Христианско-социальная партия призывали к «рекатолизации» и усилению «христианского духа». Это означало исключение евреев и «еврейских прислужников» из сферы государственной деятельности, и в первую очередь, увольнение учителей и профессоров еврейского происхождения. Католический школьный союз был всегда готов вступить в бой, тем более что его возглавлял наследник престола. Остальные школьные союзы поливались грязью с церковной кафедры. Так, Абель назвал Немецкий школьный союз «еврейским союзом» и «детищем масонов», так как тот отказался исключать евреев. (79)

Воспитание в детских домах столицы велось в строго католическом и немецком духе, чтобы привлечь в церковь новые души и сохранить их для «германства». Одаренных сыновей христианских социалистов принимали в знаменитые дневные группы для школьников, которые открылись практически в каждом районе Вены и финансировались из городского бюджета с неслыханной щедростью. В этих заведениях детей воспитывали в милитаристском, католическом и немецком духе,

готовя их занять место среди будущей католической элиты. (80) Ежегодный парад одетых в белую форму детей-сирот каждый раз становился в Вене большим событием. В 1908 году марширующие школьники завершали юбилейную процессию в честь 60-летия правления Франца Иосифа. 25-го мая 1908 года на ипподроме в Пратере состоялось публичное выступление, «парад в честь юбилея императора»: 2611 мальчиков в составе 16 батальонов прошли парадным шагом перед императором. Гитлер, конечно, присутствовал на одном из таких парадов. Из воспоминаний Райнхольда Ханиша мы знаем, что он проявлял особый интерес к раннему военному и партийному воспитанию мальчиков.

Христианско-социальное движение создавало в университетах агрессивную антинаучную атмосферу. Еще в 1888 году из-за антисемитской кампании «Объединенных христиан» с поста пришлось уйти ректору Венского университета, всемирно известному геологу профессору Эдуарду Зюссу: он был наполовину еврей и политик-либерал. Христианская газета «Дас Фатерланд» неистовствовала: «Раньше мы жаловались на засилье жидов в нашем университете, теперь приходится мириться с тем, что это католическое учреждение поставлено на службу Антихристу». (81)

В 1908–1909 годы, когда Гитлер жил в Вене, во всех немецкоязычных университетах Цислейтании происходили беспорядки из-за впавшего в немилость профессора теологии Адольфа Вармунда. В Инсбруке в университет привели даже крестьян с вилами — помогать в христианской борьбе против дьявольской науки.

Борьба с евреями и их друзьями препятствовала в ту эпоху многим венским начинаниям. Например, «Венскому союзу народного образования», где

безвозмездно выступали с докладами видные ученые, всячески вставляли палки в колеса за то, что он упорно отказывался отменить доклады «евреев и их прислужников» вопреки пожеланию бургомистра. (82) Союзу отказывали в помещениях, блокировали его счета, почетных членов клеймили как «жидомасонских» растлителей народа. Президентом союза был Альфред фон Арнет, католик и «ариец», выдающийся историк, президент Императорской академии наук — но это никого не интересовало. Слово «профессор» стало при Люэгере ругательством.

В католических союзах и приходах продавали брошюры с антисемитскими памфлетами и проповедями священников Абеля, Декерта, Штаурача, а также сочинение люэгеровского однопартийца Шайхера «1920 год». Прелат описывал здесь свою «грезу» о том, что станет в 1920 году с землями распавшейся к тому времени Дунайской монархии. Ему мечталось, что все «восточные государства», обменявшись меньшинствами, станут национально однородными и самостоятельными. Старые австрийские земли с Веной во главе станут «Восточной маркой», Каринтия и Крайна — «Южной маркой», Судеты — «Северной маркой», а еще появятся чешская Богемия, польская Польша, русинская Рутения и так далее.

В мечтаниях прелата Шайхера Люэгер уже «глава Восточной марки» на пенсии. Леопольдштадт переименован в его честь в Люэгерштадт. Вена «освободилась от евреев», потому что христиане путем тотального экономического бойкота выгнали этих «кривоносиков», «плоскостопиков» и «мошенников» в Будапешт.

Ведь евреи «во время оно хуже чумы бесчинствовали в австрийских землях», — пишет Шайхер. «И

молодые и старые предавались самому настоящему разврату, систематически уничтожая чувство чистоты и нравственности. Сифилис и золотуха — вот результаты их трудов», и так далее. (83) «Университеты, школы, больницы, площади и улицы — все, абсолютно все построено на христианские деньги! И ко всем этим христианским учреждениям подпускали этих полуцивилизованных пришельцев с востока, семитов из Галиции и Венгрии!» (84) Но наконец-то Вена от них очищена. «Нравственное возрождение было необходимо!» (85) Остается только решить проблему «криптоевреев», то есть крещеных, «тайных евреев», и тут прелат призывал обратиться к опыту инквизиции. (86)

В мечтах Шайхера «ведьминские шабаши» парламентаризма после отъезда евреев также остались в прошлом. Среди христиан воцарилась братская любовь. Тех немногих, кто возражал в парламенте против упразднения демократии, Люэгер передал санитарам и посадил под замок. Отыне действует система сословных палат. Всенародное голосование проходит с помощью белых и черных шаров, посредством которых дается положительный или отрицательный ответ на конкретные вопросы: «Это стало избавлением от невыносимого засилья демагогии и бескультурья», то есть — от парламента. (87)

Все крупные предприятия в мечтах Шайхера национализированы. Миллионеров больше нет. Трудолюбивые люди живут в мире и согласии. Демонстрации вроде тех, что когда-то устраивали в Вене «жидосоциалисты», запрещены. «Злоумышленников» в Восточной марке больше нет: «Мы навели порядок. Кто выступает против государства, тех незамедлительно вешают...

Однажды в Вене разом повесили 300 евреев и 20 арийцев... В Польше и Рутении пришлось повесить тысячи, пока все грешники не поняли, что с ними не шутят». Торговцев женщинами тоже перевешали. (88)

Не только прелат Шайхер грезил о насильственном решении проблем Дунайской монархии. Просто он оказался единственным, кто записал и издал свои фантазии. Мечты о «господстве священников» в якобы высокоморальном тоталитарном государстве, очищенном от евреев, пользовались популярностью в Вене начала XX века.

Либерал Томаш Г. Масарик был одним из тех, кто решительно протестовал против слияния политики и церкви. Например, выступая в Рейхсрате 4 июня 1908 года, он сказал: «Христианско-социальная партия — это партия политическая, и самое ужасное, что она все время говорит от имени Бога и религии. Однако все действия этой партии компрометируют и религию, и церковь. Эта партия просто хочет превратить Австрию, и так уже отстающую в развитии от других стран, в оплот аристократическо-иерархической теократии». (89)

Правильный партбилет

Важной составляющей успеха Люэгера была его неусыпная забота об избирателях: оказывая многочисленные благодеяния, он ставил их таким образом в зависимость от партии. Он ясно давал понять, что считает своим долгом заботиться именно о них, а не обо всех венцах. Не уставал повторять (например, в Рейхсрате в 1905 году): «Я несу ответственность только перед моими избирателями, только перед теми

членами городского совета, которые отдали мне свой голоса». (90)

А уж в Вене той поры нашлось бы, что поделить или подарить! В начале XX века город представлял собой гигантскую строительную площадку с большой потребностью в рабочей силе и огромным количеством заказов для ремесленников и фирм любого рода. Город платил за работу больше, чем государство. Но желательно иметь «правильный» партийный билет, то есть принадлежать к Христианско-социальной партии, вот тогда и получишь от города заказ, квартиру, стипендию и т.п.; эта бесславная практика и в дальнейшем будет применяться в Австрии. Мало того, все городские служащие, (в первую очередь, учителя), обязаны были, вступая в должность, принести клятву, что не являются и не станут ни социал-демократами, ни шёнерианцами. Приверженцы Люэгера, карьера которых шла как по маслу, ощущали себя избранной кастой и поклонялись своему всемогущему, трогательно пекущемуся о них хозяину, как божеству.

В администрации города процветали коррупция и спекулянтство, о чем Люэгер не мог не знать. Однако даже злейшие враги бургомистра признавали, что сам он замешан в этом не был. Газета «Винер Зоннунд-Монтагсцайтунг», не слишком жалующая христианских социалистов, писала: «Все вокруг него блещут золотом и орденами, титулами и бенефициями, а он хочет оставаться просто популярным человеком, дергающим за ниточки, создателем королей, который не забывает напоминать их величествам, чьей милостью они созданы». (91) Гитлер тоже писал в «Моей борьбе» о честности Люэгера и Шёнерера: *Посреди*

политического болота повсеместной коррупции они оставались чистыми и незапятнанными. (92)

Люэгер яро ненавидел политическую оппозицию, особенно «жидовских либералов», а после их ухода с политической арены — «жидосоциалистов», которых он не допускал во власть, сохраняя старое куриальное избирательное право, и постоянно высмеивал.

Социал-демократ не любит работать, заявлял Люэгер, «ему все равно, посадят его в тюрьму или нет. В тюрьме ли, на свободе ли, он все равно не работает, разве только споет “Гимн труду”: “Да здравствует труд!”». Конечно, если при этом за него работает кто-то другой. (Бурное веселье)». (93) Требования оказывать помощь бездомным и безработным он тоже отклонял, не упуская случая поиздеваться над «людьми, которые знают, как сесть на шею мягкосердечному народу, чтобы вести привольную жизнь, ничего не делая». (94)

Городской совет уполномочил бургомистра единолично принимать решения по всем финансовым вопросам на протяжении всего 1909 года. Люэгер тут же, издеваясь, предложил социал-демократу Якобу Ройману выступить с обсуждением бюджета (так, как это было положено по регламенту): «Ройман теперь ужасно горд — он ведь может болтать до 31 декабря 1909 года. До того дня городской совет наделил меня полномочиями тратить деньги, не обращая внимания на бюджет, а потом его голова слетит с плеч. Ему отрубят голову. Весь мир смеется над этой комедией. Я ведь не собираюсь уходить с поста. Я останусь здесь хозяином. И чем они упрямее, тем я сильнее». (95)

Из-за противостояния христианских социалистов и социал-демократов в Вене враждовали друг с другом два очень близких социальных слоя, несмотря на

сходные политические цели и общий антикапиталистический настрой: ремесленники, крестьяне и мелкая буржуазия выступали против заводских рабочих, а те — против них. Между этими группами постоянно случались стычки — например, когда ремесленники, прикрываемые Люэгером, завышали цены, а рабочие протестовали.

Так, Люэгер оказывал поддержку венским мясникам и гордился врученным ему дипломом «Почетный мясник». Из-за предоставленных им привилегий цены на мясо в Вене были постоянно завышены. То же самое — с извозчиками.

Граф Кильмансегг, штатгальтер Нижней Австрии, пытался ради развития туризма избавиться от злоупотреблений в этой сфере, но ничего не добился. Политические интересы оказались важнее реформ, «вследствие чего Вена приобрела репутацию самого дорогого города в Европе, и иностранцы предпочитали объезжать ее стороной». (96) Особо печальные последствия имела политическая зависимость Люэгера от союзов домовладельцев.

Чтобы противодействовать росту цен на хлеб и защититься от произвола венских пекарей, социал-демократы основали хлебозавод «Хаммер», который они рекламировали как «завод венских рабочих» и «самый современный хлебозавод империи». (97) Предприятие распространяло продукцию при помощи социал-демократических партийных организаций и групп взаимопомощи. Хлеб развозили на места в фургонах красного цвета, всегда бросающихся в глаза, демонстрируя таким образом готовность к конфронтации.

Христианские социалисты, действуя в интересах пекарей, выступили с протестами против «красного»

хлебозавода. Эта тема затрагивалась практически на каждом предвыборном собрании, в том числе в Бригиттенау в 1911 году. (98) Газета «Бригиттенауер Бециркс-Нахрихтен» гневно писала, что «предприятие жидокапиталистов» стремится уничтожить городские пекарни и обеспечить победу «жидовским спекулянтам и еврейским вождям социалистов». (99)

Ханиш подтверждает, что хлебозаводы группы «Хаммер» обсуждались и в мужском общежитии. А Гитлер, по словам приятеля, высоко оценивал качество хлеба обоих заводов («Хаммер» и «Анкер»), что несколько удивляло того в виду постоянных нападков Гитлера на социал-демократов.

Германизация Вены

Национальные проблемы Дунайской монархии проявлялись в Вене особенно явно, ведь все народы империи с полным правом считали ее «своей» столицей и резиденцией своего монарха. Вене следовало быть многонациональным городом, она таковым и была, о чем свидетельствуют данные о числе приезжих. Больше половины проживающих в столице родились за ее пределами. Особенно впечатляющим было соотношение коренных жителей Вены и приезжих в Бригиттенау, где обитал Гитлер: в 1908 году из 71500 обитателей этого района только 17200 имели свидетельство венского уроженца. (100) Гитлер отмечал в 1941 году: *Разнообразие кровей внутри городских стен усложняло жизнь в Вене. Там жили потомки всех рас, подчинявшихся старой Австрии, так что каждый был настроен на собственную волну и ловил ее своей антенной!* (101)

Вследствие мощной миграции процентное соотношение жителей разных национальностей быстро

менялось; в богатых немецкоязычных землях, и прежде всего в Вене, постоянно снижалась доля немцев. Призрак засилья чужаков навевал ужас. Толпы бедных мигрантов, говорящих на непонятных языках, внушали страх. Местные уроженцы чувствовали, что теряют власть в «собственной» стране, и считали, что государство их недостаточно защищает, тем более что цены и безработица росли. Оттого люди стали восприимчивы к националистическим лозунгам.

Из-за этих сдвигов изменился и «дух времени», причем очень быстро, за одно поколение: отцы были либералами и космополитами, они гордились национальным многообразием империи, а их сыновья стали националистами. Оскар Кокошка, на три года старше Гитлера, описывает этот перелом: «Представители почти сорока разных народов дружили друг с другом, заключали браки, вели общие дела. Казалось, за свое почти тысячелетнее правление Габсбурги научили эти многочисленные народы жить в мире друг с другом» и быть «примером добрых нравов». Но тут «вдруг империя стала слишком тесной, казалось, что все вот-вот отдавят друг другу ноги... Культурные элиты разных народов начали бить окна. Интернационально настроенные рабочие принялись строить баррикады из брусчатки. Политики-националисты требовали разрабатывать природные запасы своих земель только для себя, не заботясь об общем благе. Все забыли слова римлянина о том, что части тела не могут существовать отдельно друг от друга». (102)

Бургомистр Люэгер сразу энергично взялся за самую горячую проблему Вены — неконтролируемый приток приезжих. В отличие от представителей других национальностей, которые старались сохранить

хотя бы видимость того, что Вена — наднациональная столица, он настаивал на немецком характере города, действуя в соответствии со своим девизом: «Вена — немецкий город и таковым и останется!».

В этом он следовал примеру второй столицы империи, Будапешта: город был чисто венгерским и проводил жесткую политику мадьяризации. Люэгер ориентировался и на столицы коронных земель Цислейтании. Все как одна они держались своих национальных корней и «национализировали» население: Прага за эти десятилетия стала чешским городом, Лемберг — польским, Триест — итальянским, Лайбах — словенским и так далее. И везде шла борьба между национальным большинством и меньшинствами.

Люэгер проводил германизацию Вены по признаку, который определял национальность в Дунайской монархии, а именно — по языку общения, и энергично требовал от приезжих говорить только по-немецки.

Он позаботился о внесении изменений в закон 1890 года о присвоении статуса гражданина Вены. Закон гласил, что венским гражданином может стать дееспособный, не имеющий судимости человек, постоянно проживающий в Вене в течение десяти лет и платящий столько же лет налоги, экономически независимый и принесший бургомистру клятву «добросовестно выполнять все обязанности гражданина согласно городским законам и работать на благо города». Люэгер добавил к этому еще и клятву «по мере сил сохранять немецкий характер города». (103) Церемонию принесения присяги в ратуше он обставлял таким образом, чтобы непременно выступить и в очередной раз указать на то, что Вена — немецкий город.

Эта присяга означала неизбежную вынужденную ассимиляцию и германизацию всех приезжих, а еще стала инструментом борьбы с «ненемецкими» союзами и школами в Вене. Ведь новые граждане, принеся эту присягу, оказывались под угрозой обвинения: они изменяли присяге, если публично говорили по-польски или по-чешски или участвовали в деятельности любого национального союза. Государственные законы такого не запрещали, но это противоречило присяге гражданина. Так были созданы идеальные условия для доноительства.

Бургомистр совершенно определенно выражал свое отношение к приезжим, в первую очередь, к чехам. Так, на одном из собраний в 1909 году он заявил: «Чей хлеб ешь, того и песенку поешь, на том языке и говоришь. Я знаю, есть чехи, которые никак не хотят гнуть спину... Так вот, кто не согнется, того сломаем. Здесь, в Вене и в Нижней Австрии, все будут говорить по-немецки». (104)

Однако и тут Люэгер умел проявить политический здравый смысл. Если приезжие ассимилировались и становились правильными «немецкими» гражданами, бургомистр предоставлял им помощь и защиту под знаменитым девизом: «Не троньте мне моих богемцев». Он очень умело пристраивал онемеченных чехов на высокие посты, создав себе таким образом безоговорочно преданную личную гвардию. Многие ремесленники чешского происхождения становились горячими почитателями Люэгера, к большому неудовольствию националистически настроенных пражских чехов, которые «сожалели о том, ... что именно среднее сословие венских чехов прислуживает люэгеровскому клерикализму». (105)

Своей славой Люэгер не в последнюю очередь обязан этой жесткой политике германизации, она вызывала и *нескрываемое восхищение* молодого Гитлера *самым могущественным бургомистром Вены всех времен*. (106)

В 1908 году, в связи с предложением открыть в Вене итальянский факультет права, а возможно, и словенский университет, на повестке дня вновь оказался принципиальный вопрос, является ли Вена многонациональным городом. Министр финансов Леон фон Билинский, родом из Галиции, с сожалением ответил на это немецкому послу: «Нелепо пытаться искусственно пересадить сюда итальянский, а потом еще и словенский университет», потому что «в национальном смысле Вена больше не является столицей Австро-Венгрии, это немецкий город, и тут уже ничего не поделаешь». (107)

Смерть Люэгера

Весной 1910 года умы венцев занимал умирающий бургомистр. Заслуги и ошибки «венского владыки» стали главной темой разговоров. Ханиш вспоминает, что активные дискуссии велись и в читальне общегития на Мельдемаштрассе. Социал-демократы надеялись, что теперь, когда христианские социалисты остались без лидера, их собственные дела в Вене пойдут в гору, и не скупилась на критику. Это вызывало возмущение сторонников Люэгера, среди которых, по словам Ханиша, был и Гитлер; ему шел тогда двадцать первый год. Он в подробностях пересказывал окружающим биографию Люэгера, которую, очевидно, хорошо изучил. Материала хватало: газеты постоянно публиковали статьи о бургомистре, а в 1907 году большим

тиражом вышла и первая биография Люэгера, написанная Францем Штаурачем. Книга была доступна в каждой венской школе и библиотеке, и в читальне общегития тоже. (108)

Люэгер умер 10 марта 1910 года. Его похороны запомнились как «самые прекрасные» из всех пышных венских похорон. Немецкий посол сообщал в Берлин: «Ни один монарх не удостоивался таких почестей». (109)

Похоронная процессия прошла от ратуши до собора Святого Стефана, где состоялось богослужение в присутствии императора, эрцгерцогов, министров и прочих высоких чинов. Затем процессия прошла по Ротентурмштрассе и далее по набережной. На площади Аспернплатц ждали более тысячи повозок, чтобы отвезти провожающих на Центральное кладбище. Доступ на кладбище закрыли для общественности, движение всех ведущих туда трамвайных линий остановили. Люэгера захоронили в могилу родителей, поскольку крипта в недавно построенной «Поминальной церкви д-ра Карла Люэгера» была еще не готова.

Большинство магазинов в тот день не работали, на домах висели траурные флаги. Как всегда во время крупных мероприятий, на улицах появились лотки с сосисками. По ходу процессии выстроились 40 000 человек в форме: венский гарнизон, ветераны, члены городских союзов, общества стрелков, члены Женского христианско-социального союза с пестрыми флагами. Коротко говоря, в Вене проходил большой праздник. *Когда гигантская похоронная процессия направилась от ратуши к Рингштрассе, среди сотен тысяч зрителей стоял и я и провожал ее взглядом*. (110)

Можно предположить, что Гитлер прочел какие-то из многочисленных некрологов в прессе. Особо его мог

заинтересовать текст в «Арбайтерцайтунг», написанный Фридрихом Аустерлицем, главным политическим противником Люэгера. Автор представил столь блестящий анализ восхождения Люэгера к вершинам власти, что статью можно рассматривать и как руководство для амбициозного политика. Люэгер обладал «мощной силой и страстной волей», «воля ставила цель, сила ее добивалась... Он не вступил ни в одну партию, он создал свою собственную; он пробивался наверх, не поднимаясь по ступеням, он был вождем уже тогда, когда еще не существовало партии. Он завоевал город одними лишь дерзкими речами и сформировал его руководство по своему образу и подобию. Как такое возможно? Люэгер — первый буржуазный политик, который считался с массами, опирался на них, запустил корни своей власти глубоко в почву». Люэгер понял, «что в наше время политическое влияние осуществляют лишь крупные силы и что ядром политической работы является организация».

Однако, по мнению Аустерлица, Люэгер не только разбудил мощные силы, «но и исказил идеи», «заменял плодотворную идею демократии бессовестной демагогией». «Виртуозно владея грубым просторечьем, он не стеснялся злобно клеветать на оппонентов и превращал политическое соперничество в агрессивную войну на уничтожение». Он «беззастенчиво использовал чиновничью власть в партийных целях». И далее: «Искусство давать пустые обещания, умение мнимо объединять противоположности, быть то аграрием, то промышленником, действовать в интересах работодателей и льстить рабочим, кланяться правительству и заискивать с оппозицией, — все это открытия Люэгера». (111)

Смерть Люэгера означала закат Христианско-социальной партии. Оставшись без вождя, она погрязла во внутренних распрях и соперничестве, к тому же вскрылись случаи коррупции в особо крупных размерах. В 1911 году партия скатилась с 95 до 76 мест в рейхстрате. Однако тем пышнее расцвел культ Люэгера.

В мужском общежитии тоже понимали, что лучшее время для партии позади. По свидетельству Ханиша, Гитлер в связи со смертью Люэгера заметил, что необходимо создать новую партию: она должна иметь благозвучное название и присвоить наиболее успешные лозунги других партий, чтобы привлечь как можно больше сторонников. По мнению Ханиша, ни одна из существовавших тогда партий Гитлера полностью не устраивала.

Гитлер по-прежнему оставался сторонним наблюдателем: *Поскольку ни в одной из партий я не видел воплощения моих убеждений, я не мог... решиться вступить в какую-либо из существовавших организаций и участвовать в ее борьбе. Уже тогда я считал все эти политические движения ошибочными и неспособными привести немецкий народ к настоящему, а не только формальному национальному возрождению.* (112)

Однако оба венских политика — и Шённерер, и Люэгер — со всеми их достоинствами и недостатками, стали для Гитлера кумирами; им он посвятил немало страниц: *Для нас будет бесконечно поучительно понять причины краха обеих партий. Особенно это необходимо моим друзьям, поскольку положение сегодня во многом похоже на тогдашнее, и можно попробовать избежать ошибок.* (113) Или вот еще: *История становления и развала пангерманского движения, с одной*

стороны, и небывалый успех Христианско-социальной партии, с другой, должны стать для меня важнейшим объектом изучения. (114) И еще: Шённерер был более последовательным, он был решительно настроен раздробить государство. Люэгер полагал, что можно сохранить австрийское государство германским. Оба они были абсолютными немцами. (115)

Если верить «Моей борьбе», Гитлер в Вене все меньше симпатизировал пангерманцам и все больше — христианским социалистам, но это отнюдь не означает смены политического направления, несмотря на всю вражду между этими партиями. И те, и другие были немецкими националистами и антисемитами, врагами либералов и социал-демократии. И прессу их равно отличал агрессивный стиль.

Глубоко почитая Люэгера, Гитлер вовсе не был его последователем, из политики Люэгера он взял для себя только то, что соответствовало его «мировоззрению». Так, любовь к католицизму Гитлер несомненно не разделял. Уже в школе он не был религиозен, и ни один свидетель не упоминает, что он ходил в церковь. Август Кубичек пишет: «За все время нашего знакомства, Адольф ни разу не был на богослужении». (116) При всем восхищении Люэгером, Гитлер не вступил в Христианско-социальную партию, ему не нравились ее «тесные связи с церковью, которая постоянно лезла в политику». (117)

Нападки Гитлера на иезуитов также несовместимы с духом Христианско-социальной партии. Не слишком дружелюбно звучит и замечание во «Второй книге»: *Еще на рубеже веков все съезды клерикального христианско-социального движения завершались призывом вернуть Рим святейшему Папе.* (118)

Тем не менее, Ханиш счел необходимым упомянуть, что молодой Гитлер однажды все-таки примкнул к «клерикалам» — когда речь зашла о борьбе против социал-демократов. «Арбайтерцайтунг» высмеяла процессию в праздник Тела и Крови Христовых, что и подтолкнуло Гитлера выступить в «защиту религии».

Гитлер критиковал Люэгера за то, что тот не использовал расовый принцип в борьбе против славян и евреев. Он считал Шённерера в этом отношении более последовательным. Однако Люэгер как народный трибун и как «немец» вызывал у него восхищение, равно как и его тактика предлагать «народу» не множество врагов (так делал Шённерер), а одного единственного — евреев: *Искусство всех великих вождей во все времена состояло в том, чтобы не распылять внимание народа, а сосредоточить его на одном противнике.* (119)

После «аншлюса» культ Люэгера расцвел с новой силой. НСДАП организовала торжественные похороны его сестры Хильдегард в почетной могиле. В 1943 году на экраны вышел фильм «Вена, 1910 год» с участием множества звезд, посвященный Люэгеру. Шённерера показали там с отрицательной стороны как антипода Люэгера, что возмутило «последнего шённерианца». Геббельс в ответ на протесты Штайна записал в своем дневнике: «В Вене есть радикальная группа, которая хочет провалить фильм. Я этого не позволю. ... Конечно, Люэгер там несколько идеализирован», но ведь все эти события «никому не известны, за исключением небольшого круга посвященных». (120)

9. Чехи в Вене

Иммиграция на рубеже веков

После 1867 года соотношение сил на политической арене Дунайской монархии начало меняться, причем не в пользу немцев. Сначала — в связи с разделением на Транс- и Цислейтанию, затем — из-за либеральной конституции 1867 года, действующей в западной части империи и гарантирующей каждому гражданину защиту его национальных прав. Введенное в 1906 году всеобщее равное избирательное право окончательно ограничило политическое влияние немцев, так как их доля в общем составе населения невелика: в Цислейтании немцев — всего 35,6%, а во всей Австро-Венгрии — и того меньше. При новой демократической системе немцы распространились со своим привилегированным положением, по традиции и сначала делили власть с другими национальностями, а в итоге смирились с доминированием «ненемецкого» большинства. Процесс протекал крайне болезненно, на фоне ожесточенной межнациональной борьбы.

До 1867 года в школах и университетах преобладал немецкий язык, теперь его все больше вытесняли местные языки коронных земель. В 1867 году занятия на немецком велись в большинстве, а в 1905 году — только в половине гимназий, в 1912/1913 учебном году — лишь в 43% гимназий. Тенденция сохранялась. (1)

В Галиции, например, число жителей, называющих родным языком польский, выросло на 17%, а доля немецкоязычных упала на 57%. (2) В Буковине число польскоязычного населения выросло почти на 40%, румыноязычного — почти на 20%, а немецким языком

пользоваться фактически перестали. Перемены были обусловлены не только выездом немцев с этих территорий, но и тем, что многие двуязычные граждане, к тому же зачастую смешанного происхождения, теперь стали называть себя поляками, а не как прежде — немцами.

Немецкий язык особенно заметно сдал позиции в чешских землях, в индустриально наиболее развитом регионе монархии. Чехи были второй после немцев нацией Цислейтании по политическому весу, отличались высоким уровнем образования и эффективной экономикой. Чехи составляли жесткую конкуренцию богемским немцам, тем более что их рабочая сила стоила дешевле. Не выдержав давления, многие рабочие из богемских немцев уезжали в Саксонию или Нижнюю Австрию. Чехи, напротив, приезжали. Таким образом регионы, прежде немецкоязычные, становились двуязычными. Еще и потому, что у чехов рождаемость была выше, чем у немцев. С 1900 по 1910 год доля чешского языка в богемских землях выросла более чем на 40%.

Например, город Будвайс (сегодня — Ческе-Будеёвице) в Южной Богемии в середине XIX века был чисто немецким, в 1880 году численность немцев и чехов сравнялась, в 1910 году немцы составляли уже только 38,2% населения, и тенденция сохранялась. (3) В Праге, включая предместья, проживали в 1880 году 228 019 чехов и 41 975 немцев — соотношение составляло примерно 82% к 18%. А в 1900 году — 92,3% к 7,5%. (4) В 1910 году в городском совете Праги не осталось ни одного немца.

В 1909 году из немецкого посольства озабоченно писали в Берлин: «Немцы в Судетской области вынуждены держать оборону против чехов, причем уже давно.

Чехи систематически добиваются того, чтобы создать государство в государстве, включающее Богемию, Моравию и Нижнюю Силезию, с единым ландтагом всех «Земель Богемской короны» в Праге. Они хотят превратить это государство в некое подобие Венгрии, с чешским верховенством, чешским государственным языком и проч.» Богемские немцы проформа будут иметь равные права с чехами, «но на практике подвергнутся славянизации и притеснениям... Чехи работают на то, чтобы не осталось ни одной чисто немецкой части Богемии». (5)

С Моравией, правда, в 1905 году удалось прийти к компромиссу («Моравское соглашение»). Однако переговоры об аналогичном соглашении с Богемией затянулись на годы, погубили несколько кабинетов министров, но результата так и не дали. Камнем преткновения стала столица региона — Прага. Чехи настаивали на исключительно чешском характере города. Немецкое меньшинство требовало сохранения двуязычия.

На «славянизацию» жаловались не только члены радикальных националистических партий. Всем немецким партиям, включая социал-демократов, либеральные объединения и христианских социалистов, было присуще национальное самосознание, пусть и в разной степени. Убеждению немцев в своей элитарности противостояло мощно растущее национальное и экономическое самосознание чехов.

Количество чехов в Вене увеличилось с 1851 по 1910 год примерно в десять раз. (6) В 1910 году каждый пятый житель города был чешского происхождения, и приток чехов продолжался. Перспектива превращения Нижней Австрии и Вены в двуязычный регион

казалась весьма реальной, но только в том случае, если бы приезжие не ассимилировались, сохраняя свою чешскую идентичность. Об этой проблеме во времена юности Гитлера обсуждавшейся весьма горячо, он упоминает и в «Моей борьбе»: *Немецкие населенные пункты принимали на работу ненемецких чиновников и превращались медленно, но верно в опасные смешанные зоны. Процесс набирал обороты даже в Нижней Австрии, и многие чехи уже считали Вену своей столицей.* (7)

Немцы, демонстрируя данные по налогам, пытались доказать, что лишь они имеют право на господствующее положение в Габсбургской монархии. Именно они обеспечивают существование «двора, армии и правительства, а также выживание балластных „ненемецких“ наций». В то время как правительство якобы рассматривает их «лишь как губку, из которой можно бесконечно выжимать кровь и золото». (8)

Статистик Антон Шуберт, придерживавшийся националистических взглядов, решил провести «сортировку по национальному признаку» каждой деревни и каждого министерства, чтобы доказать засилье чужаков. За основу своей классификации он взял не разговорный язык, а происхождение, о котором судил по фамилиям — крайне сомнительный метод, ведь население смешивалось здесь веками. Если так, то «славянином» окажется сегодня каждый четвертый венец.

И все равно «засилье чужаков» не казалось устрашающим. Тогда Шуберт обозначил некоторые социальные группы как «ненемецкие»: аристократию, даже немецкоговорящую, а заодно — «национально равнодушную немецкую буржуазию», прежде всего либералов. В результате подсчетов получилось, что

немцы занимали в государственных учреждениях лишь 0,8% всех руководящих позиций: «Сегодня нами управляют чехи, поляки, южные славяне и феодалы; настоящих немцев уничтожили и истребили». (9) Эти «статистические данные», опубликованные в 1905–1907 годах в трех томах, позже активно использовались националистами как оружие в политической борьбе.

Запугивание населения ужасающими картинами «славянизации» было широко распространено. Например, журнал «Унферфельште Дойче Ворте» в 1908 году писал о «попытках славянизации», предпринимаемых чешскими железнодорожниками, следующее: в городе Амштеттене, Нижняя Австрия, в мастерской одной из станций работают «уже 50 сынов Святого Вацлава», что составляет одну шестую часть от общего числа сотрудников. От газеты потребовали опровержения. Ответ: пойти на это невозможно, «потому что тот, кто будет пересчитывать, обнаружит в мастерской лишь шесть чехов, а словенцев и чехов, которые уже давно здесь живут, посчитает как немцев». (10)

В 1942 году Гитлер обнаружил знакомство с подсчетами подобного рода, беседуя за ужином с Рейнхардом Гейдрихом: *Чехи просачиваются везде, стоит только посмотреть на Вену. Накануне мировой войны среди 1800 высокопоставленных императорских и королевских чиновников (11) немцев набралось бы едва ли 120 человек, а все остальные, включая высших сановников, были чехами.* (12) В соответствии с традиционно используемым принципом определения национальности по разговорному языку, по официальным данным на 1 января 1914 года из 6293 министерских чиновников — 4772 (75,8%) были немцы и только 653 (10,8%) — чехи. (13)

Однако не приходится сомневаться, что жители Вены, где ситуация из-за безработицы, дороговизны, нехватки жилья и нестабильного политического положения и так была непроста, испытывали настоящий страх перед увеличением числа приезжих, и прежде всего — чехов. На это указывает и венская присказка тех лет: «В имперской Вене всякий венец по морде — чех, по справке — немец».

Точно определить количество чехов, проживавших в Вене около 1910 года, невозможно. Но можно с уверенностью утверждать, что данные переписи 1910 года не соответствуют действительности, чехов в столице было гораздо больше, чем 100 000. Стоило только указать в анкете, куда мог любой заглянуть, что немецкий язык для них родной, как они автоматически

Nach der Volkszählung.

После переписи населения. Подпись: Гномоподобный немецкий Михель и превосходящие его по численности чехи и евреи (1910): «Надо быть начеку, а то эти двое все заполняют». («Кикерики»).

становились «немцами» — так чехи спасались от дискриминации. Немцами считались и все обладатели свидетельства уроженца Вены.

Однако с учетом происхождения картина вырисовывается совсем другая. В 1910 году около 500 тысяч из 2 миллионов жителей Вены были родом из богемских земель. Если учесть поколение родителей, то наберется еще почти столько же. Значит, от четверти до половины жителей Вены (зависит от точки зрения) имели богемские корни. Число чехов среди них было куда больше числа немцев. (14) И все-таки данные о количестве иммигрантов не позволяют точно определить долю чехов в общем составе населения. Во-первых, не все они проживали на одном месте. Во-вторых, что еще важнее, ассимиляция осуществлялась порой так быстро, что новоприбывший «онемечивался» буквально за несколько лет.

Чехи и чешки работали в Вене горничными, кухарками, нянями, портными, сапожниками, музыкантами, а также рабочими на заводах. Многие из них (ученики, служанки) проживали у своих работодателей, и это тоже способствовало ассимиляции. Чехов можно было встретить во всех районах города, в отличие от евреев, населявших в основном район Леопольдштадт.

Профессиональные поставщики рабочей силы привозили в Вену и совсем юных чехов, часто едва достигших десяти лет. Венские ремесленники разбирали их прямо на Вокзале Франца Иосифа, как на невольничьем рынке. (15) Заплатив поставщику за труды и возместив дорожные расходы, они вводили детей, обычно не знавших ни слова по-немецки. В 1910 году в учениках у венских портных, столяров

и сапожников ходило уже в два раза больше чешских мальчишек, чем немецких. Да и многие мастера были чехами по происхождению.

Помимо тех чехов, что постоянно проживали в Вене, были здесь еще и чешские сезонные рабочие, т.н. «кирпичные чехи» и «мешальщицы раствора». С весны до осени они трудились на стройках и кирпичных заводах, а зимой возвращались в Богемию к семьям. Еще в Вену на заработки приезжали молодые мужчины. Оставались здесь на несколько лет, копили деньги, набирались опыта и возвращались в Богемию. Там они вкладывали свои сбережения в предприятие или в строительство дома, стимулируя тем самым экономический подъем. Что ж, в Вене всегда было много чехов, но состав их постоянно менялся. Не случайно историк Моника Глеттер сравнивает столицу с «гостиницей, где свободных номеров нет, но постояльцы всегда разные». (16)

Гнев на «славянизацию» дополнительно подпитывался чешскими террористическими акциями против пражских немцев и парламентской обструкцией чешских национальных социалистов. Немецкие националисты вымещали свой гнев на самом слабом звене в этой цепи — на венских чехах. Как правило, те не интересовались политикой, они просто хотели спокойно жить и работать. Однако они невольно попадали в жернова национальной борьбы в Богемии, становясь объектом агитации для чешских радикалов в Вене. Особенно после происшествий юбилейного года, когда в Праге ввели военное положение. Немецкие радикалы со своей стороны использовали венских чехов как заложников в борьбе с чехами в Богемии.

Таким образом, и в Праге, и в Вене, пострадавшими оказывались самые слабые. Если в Праге совершалось нападение на немцев, то на следующий день в Вене нападали на чехов, и наоборот. Если в Праге бойкотировали немецкие магазины («Не покупай у немцев!»), то в Вене начинался бойкот чешских магазинов («Не покупай у чехов!»), и наоборот.

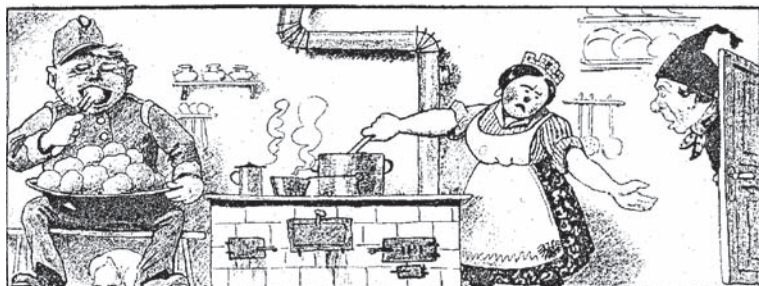
Любое чешское собрание в Вене грозило обернуться беспорядками. Радикальные немецкие националисты нагнетали страх перед «засильем славян» и заявляли, что «крупные города Австрии, созданные потом и кровью немцев, захватывают славяне. Прага уже пала, Брюнн схватился с противником в жестокой битве, а Вену — какой позор для немцев! — уже называют самым большим славянским городом на континенте». (17)

Недовольство вызывало прежде всего растущее экономическое самосознание чехов. К 1912 году в Вене открылись четыре крупных чешских банка. Газета «Бригиттенауер Бециркс-Нахрихтен» сокрушалась по поводу их успехов и ретивости: чешские банки работали с восьми утра до семи вечера, тогда как немецкие — только с девяти до четырех. Кроме того, чехи предлагали более высокие проценты. Многочисленные чешские сберегательные и ссудные кассы, как утверждала газета христианских социалистов, «своими чешскими вывесками на венских улицах пытались превратить Вену в двуязычный город». (18)

Пангерманцы требовали ограничить хождение чешских газет и угрожали предать огласке имена деловых людей, занимающихся их распространением. Однако большинство чешских изданий, выходивших тогда в Вене (общим числом 31, список опубликовал

в 1909 году «Дер Хаммер» для доказательства мощи чешской прессы (19)) — это мелкие газеты различных союзов и профессиональных объединений. Две самые крупные чешские ежедневные газеты — беспартийная газета для буржуазии «Виденски Денник» и социал-демократический листок «Дельнице Листы» — имели в общей сложности всего 20 000 подписчиков. Типографию социал-демократического издания громили трижды в течение одного года. (20) В октябре 1909-го редакция, администрация и типографии обеих газет переехали в здание по адресу Штупергассе 5, поблизости от типографии «Альдойчес Тагблатт». С 1910 года в Вене крошечным тиражом выходила также немецкоязычная славянская газета, «Славишес Тагблатт» с подзаголовком «Беспартийный орган для соблюдения и защиты интересов славян».

Ein Soldatenliebchen.

«Солдатская милка». Подпись: «Обычные античешские стереотипы: честный немецкий Михель платит, а кормят только чеха. «Повариха Австрия: Господин хороший, платите за стол, будьте любезны, но на кухню я вас не пушу!»» (карикатура в сатирическом журнале «Кикерики», 25 февраля 1912 года)

Немецкие фирмы, нанимавшие работников других национальностей, подвергались общественному и экономическому бойкоту. Газеты писали, что представитель союза «Зюдмарк» высказался так: «Вышвырнуть на улицу двести чехов — куда более патриотичный поступок, чем провести триста митингов или тысячу раз крикнуть „Хайль!“» (21)

Скандалы возникали по любому, даже самому незначительному, поводу. Однажды кассир императорского и королевского благотворительного Общества помощи музыкантам, чех по национальности, растратил 8000 крон. Газета «Альдойчес Тагблатт» дала комментарий: «Музыкант он негодный, ему нельзя доверить даже ноты переворачивать, а внешность его — торчащие уши, землистый цвет лица, низкий лоб, нетесаная круглая голова и коварный взгляд — заставляет вспомнить одного из тех «типов» и «воров», которых можно увидеть в Пратере, в паноптикуме Пройшера за 20 геллеров». (22) Так читателям внушали мысль, что чехи — «люди низшей расы». Той же цели служили и карикатуры в каждом номере венского сатирического журнала «Кикерики». Пангерманцы считали, что «чехизация города» несет с собой упадок культуры, а «наводняющий улицы Вены чешский сброд» отпугивает туристов. (23)

Бойкотировали даже популярное пиво «Будвайзер». Витрины фирменной пивной разбивали не один раз. Владельцы трактиров, обслуживавшие чешские союзы, были вынуждены им отказать. Иначе грозил террор! Так, в одном из трактиров разорвали в клочки чешские газеты и обклеили бюст, установленный там чехами, пропагандистскими националистическими наклейками. (24)

В национальную борьбу оказались втянуты даже сироты и найденныши. Сиротские приюты в то трудное время были переполнены, детей нередко отдавали на воспитание в бедные семьи — например, крестьянам из предместий. Те получали деньги на содержание детей, они же — подрастающие работники. Но многие эти семьи были чешскими, а немецкие националисты протестовали против «превращения детей в чехов» и их «воспитания в антинемецком духе».

Бургомистр Люэгер поспешил утихомирить страсти, построив большой городской сиротский приют. Детей забрали из чешских семей и воспитывали отныне в христианско-социальном духе: немцами и католиками. Герман Белоглавец, христианский социалист чешского происхождения, с гордостью отмечал национальное значение этого заведения: благодаря реформе сиротских домов, «сотни немецких детей, подвергавшихся при либералах славянизации в чешских приемных семьях, теперь останутся в лоне своего народа». (25)

Немецкие партии активно противостояли протестам чехов в парламенте. Пангерманец Винценц Малик заявил под шум и выкрики: «Мы вовсе не против, чтобы чехи и другие народности жили в Вене, только пусть ведут себя тихо. Они здесь всего лишь гости, и наглеть не надо. Иначе мы объявим им борьбу, даже если придется бороться со всем миром». (26)

Венским чехам становилось все опаснее собираться в общественных местах. Число членов чешских гимнастических и сберегательных союзов, кружков книголюбов, объединений путешественников и велосипедистов, клубов любителей пения уменьшалось. Призыв к чехам делать покупки только в чешских магазинах закончился плачевно: из тысяч владельцев чешских

магазинов лишь несколько не побоялись войти в этот список, остальные утрастились террора и не захотели потерять клиентов-немцев. Деловые люди, уставшие от этого противостояния, по совету полиции прибегали к самозащите, снимали чешские вывески и вешали на их место немецкие. (27)

В те годы многие венцы отрекались от своих чешских корней и, переименовывали фамилии на немецкий лад, чтобы раз и навсегда избавиться от неприятностей. А были и такие, кто пытались спрятать свое «позорное» чешское происхождение за преувеличенной приверженностью всему немецкому. Как, например, христианский социалист Белоглавец, заявивший в ландтаге Нижней Австрии: «На меня нападают за то, что я якобы недостаточно немец и имя у меня соответствующее. Но мое произношение показывает, что я не чех. А среди тех, кто придирается ко мне по всякому поводу, есть и такой человек, которого раньше звали Врпудофатель, а теперь он называет себя Эмануэлем Вайденхоффером». (28) Речь шла о депутате от немецких националистов.

Борьба за гау Нибелунгов

Летом 1909 года террор немецких националистов достиг кульминации. Поводом послужило совершенно безобидное событие: туристический союз венских чехов запланировал воскресную прогулку по Дунаю в долине Вахау, не приняв в расчет, что немецкие националисты объявили эти места «прагерманскими», ведь именно по этой идиллической местности в стародавние времена проходил путь Нибелунгов. В 1888 году, в день летнего солнцестояния, шёнерианцы отпраздновали там 2000-летний юбилей битвы при Норее и ввели

отныне особое германское летоисчисление. Неподалеку находился и Верфенштайн, орденский замок немецких тамплиеров Йорга Ланца фон Либенфельса.

Пангерманцы не могли позволить славянам «осквернить немецкую долину Вахау» и призвали все союзы немецких националистов отправиться в Мельк «встречать» чехов. «Альдойчес Тагблатт» писала: «Чехи собираются прибыть в Мельк не как туристы, а именно как чехи. Этого достаточно, чтобы немцы сочли эту «прогулку» вызывающей и ответили подобающим образом». Немцы хотели показать чехам и «забывшим о чести и о своем народе социал-демократам», «что им нечего делать в Мельке, этом прагерманском городе на Дунае, почитаемой нами резиденции Бабенбергов». «Надо устроить массовую демонстрацию, какой Нижняя Австрия еще не видела, чтобы навсегда отбить у этих славянских захватчиков и у господ социал-демократов охоту к подобным “невинным прогулкам”». Как сказал представитель «Союза немцев Нижней Австрии»: «Мельк в это воскресенье будет похож на военный лагерь — на сегодня обещали прибыть уже пять тысяч человек!» (29)

Многие члены Чешского туристического союза были рабочими и социал-демократами, поэтому партия предложила им свою поддержку, но туристы отказались, чтобы не придавать конфликту политическую окраску.

Тем не менее «Арбайтерцайтунг» четко обозначила свою позицию и напечатала передовицу, автор которой потешался над «ландштурмом в Вахау»: «Шесть сотен туристов с женщинами и детьми угрожают немецкому Мельку! И мы взываем к Нибелунгам! Ничего более смехотворного не смог бы придумать и самый

заклятый враг австрийских немцев». Туристы — это рабочие, «долго копившие гроши, чтобы позволить своим семьям скромную и безобидную прогулку по Дунаю. Даже не будь всего остального, возмутительно уже то, с какой жестокостью, лишь ради того, чтобы устроить нелепый скандал, лишают возможности насладиться заслуженным отдыхом людей, которым и так выпадает на долю не слишком много радостей и удовольствий». Все это — «безмозглая политическая шумиха»: «Нелепый скандал разожжет национальный гнев пострадавших и толкнет их к шовинизму. Это создаст ситуацию, недопустимую в мировой столице!» (30)

Глава туристического союза, обсуждая положение вещей с главой венской полиции, согласился не высказываться в Мельке, чтобы не подвергать опасности участвующих в прогулке женщин и детей. Ведь монастырь в Мельке под давлением немецких националистов решил «не открывать ворот», а трактирщики собирались «отказать туристам в еде и питье». Союз намеревался «в любом случае сохранять свой неполитический, туристический и развлекательный характер» и отказаться от использования национальных флагов и эмблем. (31)

Компромиссное решение устроило власти, и те решили поездку. Это означало, что полиция будет охранять туристов на протяжении всего пути, а войска приведут в боевую готовность. Конная полиция следила за порядком при посадке на корабль у моста Райхсбрюке, мосты через Дунай также были оцеплены. Государство сделало все, чтобы защитить права своих граждан.

Немецкие националисты протестовали: «Если правительство не хочет защищать немцев, они будут защищать себя сами». В подтверждение своих слов

дебоширы прошли маршем по городу, покричали перед домом депутата от социал-демократической партии Франца Шумайера и пошумели около пивных, где обычно собирались чехи. (32)

Накануне вечером первые демонстранты собрались в Мельке в трактире «У золотого быка», украшенного черно-красно-золотыми флагами. Снова раздавались призывы остановить «чехизацию» и воспрепятствовать попыткам властей превратить Австрию в «славянское государство».

Прогулка, вызвавшая эту бурю, протекала относительно спокойно: корабль «Франц Иосиф» проплыл около шести часов утра мимо пристани Мелька на достаточно большом расстоянии. Утренний поезд из Вены еще не прибыл, так что демонстрантов собралось не слишком много. Но они спешили к берегу, размахивая германскими флагами. Газета «Альдойчес Тагблатт» писала: «Поднялся оглушительный шум, люди угрожающе махали палками, раздавались резкий свист и неистовые ругательства».

В течение первой половины дня прибывали поезда с демонстрантами, под воздействием жары и алкоголя они вошли в раж. Кульминацией митинга на свежем воздухе стала провокационная речь пангерманца Малика, который провозгласил: «Австрийские немцы могут спастись, только присоединившись к Германской империи, нравится это записным патриотам, или нет». (33)

Вечером, когда корабль шел обратно, повторилась утренняя сцена. По данным «Альдойчес Тагблатт» на пустой пристани против чехов выступили около девяти тысяч немцев: «Тысячи немцев выстроились длинными рядами. Развевались черно-красно-золотые флаги,

оглушительные крики возмущенных немцев летели над рекой в сторону ослепительно белого корабля, перевозящего чешский груз, который не получилось спустить на берег. Финалом великолепного митинга в Мельке стало исполнение „Стражи на Рейне“. Затем демонстранты разошлись по трактирам, где выступления продолжились: «Мы добились того, чего хотели — Чешскому союзу не удалось ступить на землю немецкой долины Вахау под своими чешскими лозунгами ... Так возрадуемся же нашему успеху, немцы!» (34)

В Третьем рейхе традиции немецкого национализма в Вахау сознательно поддерживали. 10 апреля 1938 года, в день референдума о создании «Великогерманской империи», в газете «Фёлькишер Беобахтер» появилась статья на двух полосах: «Вахау — немецкий бастион». Германцы, оказывается, поселились тут еще в каменном веке: «Гордые германцы родом с чудесной земли». «Германские герои» победили здесь всех врагов, даже римлян: «Львов, которых натравливали на них в битвах, они поражали дубинами из немецкого дуба». Дунай «вел Нибелунгов» на войну с гуннами. А об эпохе Габсбургов и мировой войны говорилось следующее: «Вырожденцы и чужаки наводняли Восточную марку, и на устах у них были ложный бог и ложная родина. Они извращали немецкий героизм, уничтожали немецкий дух, смеялись над ними... Немцы были чужими в собственной стране».

Финал статьи: «И вот пришел день, когда из немецких глоток вознесся к небу радостный крик: „Адольф Гитлер освободил Восточную марку!“ ... Только теперь страна Нибелунгов и Вахау вернули свое истинное предназначение: быть бастионом Великогерманской империи». (35)

Борьба за чешские школы

В своих попытках превратить Вену в двуязычный город чешские националисты опирались на статью 19 Конституции 1867 года. Пункт второй гласит: «Государство признает равноправие всех используемых в стране языков в сферах образования, управления и общественной жизни». И пункт третий: «В землях, где проживают различные народности, государственные образовательные учреждения обязаны предоставлять возможность представителям каждой из этих народностей получать образование на родном языке без принудительного обучения второму языку».

Кроме того, согласно законодательству, язык любого меньшинства, составляющего больше 25% населения, официально признавался «используемым в стране». Такое меньшинство получало целый ряд прав: например, на создание политической партии, на представительство в местных органах самоуправления и на собственные школы. (36) Однако вследствие политики германизации, проводимой Карлом Люэгером, во время официальной переписи 1910 года «чехами» записались всего 6,5% населения.

Школьное образование постоянно служило источником серьезных конфликтов. С 1893 года в венском районе Фаворитен при поддержке Чешского школьного союза им. Я. А. Коменского работала частная чешская школа. Немецкие националисты, на которых эта школа действовала, как красная тряпка на быка, вступили с ней в нешуточный бой. В 1908 году министерство просвещения облегчило условия экзаменов для 925 учеников этой школы. Прежде тем приходилось сдавать экзамены в Люнденбурге, в ближайшей чешской начальной школе, а теперь учителя

из Люнденбурга приезжали в Вену. Такое решение вызвало протесты в городском совете Вены, и школа вынуждена была пообещать, что экзамены будут проходить «скромно, без лишней публичности». (37)

Преподаватели школы постоянно подвергались придиркам, всестороннему контролю и слежке. Так, вышедшего на пенсию учителя лишили свидетельства уроженца Вены, потому что он преподавал в школе Коменского. Он якобы «не только подло предал взрастивший его родной город, давший ему положение и почет, но и нарушил присягу». Газета «Дойчес Фольксблатт» опубликовала статью под заголовком «Немецким детям — немецких учителей», где речь шла об учителе средней районной школы, который при переписи населения в качестве родного языка указал чешский. Газета требовала его уволить: «Жители не потерпят, чтобы... город Вена давал работу славянам, этим врагам немецкого народа... Нужно создать прецедент. Терпение немецкого Михеля не безгранично». (38)

В августе 1909 года, когда разразился скандал из-за туристической поездки по Дунаю, в рабочем районе Зиммеринг состоялся праздник, организованный Союзом им. Коменского. Тут же организовали и «протестное празднество» в пивной, где пангерманец Малик громил социал-демократов, «которые не ощущают себя немцами», и призывал к борьбе против чехов: «Опасность, угрожающая нашей нации, заставит немцев выбраться из болота долгого сна». Началась драка. Полетели пивные кружки. Буяны атаковали вагоны трамвая, выкрикивая ругательства в адрес пассажиров-чехов. Движение транспорта было парализовано.

Конной полиции пришлось приложить немало усилий, чтобы не подпустить две тысячи «участников

протестного празднества» к чехам, в страхе спасавшихся бегством. За их отсутствием толпа набросилась на полицейских, размахивая палками, забрасывая и людей, и коней камнями и пивными кружками. Затем дебоширы, выстроившись рядами по восемь человек и «распевая национальные песни», маршировали по городу. На площади Шварценбергплац, ровно напротив французского посольства, они обнажили головы и исполнили «Стражу на Рейне», а также песню, прославляющую Бисмарка. В заключение «прогермански настроенных венцев» призвали «оказывать решительное сопротивление воинственным чешским праздникам. Столица империи Вена всегда была немецкой и таковой останется». (39)

Энергичное вмешательство полиции вызывало недовольство всей немецкоязычной венской прессы, включая либеральную «Нойе Фрайе Прессе». (40) Враждебностью к чехам отличались отнюдь не только немецкие радикалы.

Напряжение усиливалось и в связи со сбором средств для национальных школьных союзов. В кризисном 1909 году Чешскому школьному союзу удалось собрать 1,4 миллиона крон — больше, чем союзам

Немецкий Михель сражается против богемского льва, за принятие «закона Колиско»

поляков и немцев. Чешский школьный союз содержал на эти деньги 50 школ в Богемии, 11 в Моравии и 7 в Силезии, а кроме того 36 детских садов в Богемии, 17 в Моравии и 4 в Силезии, в тех районах, где преобладало немецкоязычное население. Денег хватало и на чешские школы в Нижней Австрии и Вене. (41) И чехи, и немцы оперировали одинаковыми официальными данными, согласно которым в Вене проживало 22513 чешских детей школьного возраста (42), но при этом одни говорили о практически полном отсутствии мест в чешских школах, а другие пугали «славянизацией Вены».

У немецкого меньшинства в Праге школ тоже было немало, но этот аргумент не принимали во внимание. Как «средство защиты» от появления новых чешских школ христианские социалисты и немецкие националистические партии все активнее продвигали в ландтаге Нижней Австрии так называемый «закон Колиско». Согласно этому законопроекту, немецкий должен был стать официальным языком обучения во всех школах Нижней Австрии и Вены, независимо от доли национальных меньшинств. Это прямо противоречило 19 статье Конституции.

Социал-демократы не участвовали в этой кампании. Карл Зайц, который в период Первой республики станет бургомистром Вены, выступая в ландтаге Нижней Австрии, указал на то, что подобный подход несет в себе опасность для всех национальных меньшинств во всех коронных землях: «Господа, вы развязываете национальную борьбу во всех землях, подавая пример Штирии, где тут же примут аналогичный указ против словенцев, и немцам в Тироле, которые таким же образом обойдутся с итальянцами. Голосуя за этот

закон, вы отнюдь не способствуете миру, напротив, вы подносите факел к фитилю во всех землях и во всех ландтагах, вы подстрекаете партии драться за каждую школу». (43)

И действительно эта дискуссия ухудшила и положение немецкоязычных меньшинств в славянских землях. Например, в Галиции, где немцы выдвигали те же требования, что и чехи в Вене, им ответили отказом, ссылаясь на венскую политику в школьном вопросе. В 1909 году польская газета «Нова Реформа» писала: «Во всей Галиции немцев меньше, чем чехов в Вене. Если чехов в Вене не признают народом, не считают их язык „используемым в стране“, то о немцах в Галиции это можно сказать с еще большим основанием. В любом случае, выступая за принятие „закона Колиско“, немцы лишают себя права на какие бы то ни было притязания в Галиции». Так вражда между народами неуклонно набирала обороты. (44)

Газета «Арбатерцайтунг» взывала к разуму: «Чехов можно приучить к немецкому духу только в мирном общении с немецкими коллегами и соседями. Те, кто возводит стену между чехами и немцами, лишают нас возможности расположить чехов к немецкому языку и культуре. Те, кто преследует или унижает чехов из-за их национальности, пробуждают в них желание бороться, обостряют их национальное самосознание, воспитывают в них ненависть к немецкой нации. Ребяческая травля чехов из-за их праздников и туристических поездок нанесли ассимиляции этого меньшинства гораздо больший вред, способствовали росту его самосознания куда сильнее, чем вся агитация чешских националистов». «Националистическая кутерьма — это преступление, даже если смотреть

на нее с национальной точки зрения». (45) Статьи, подобные этой, служили немецким рабочим союзам желанным оружием в борьбе за голоса избирателей, позволяя им обвинять социал-демократов в неадекватной «немецкости» и симпатии к чехам.

В 1909 году император попытался успокоить конфликтующие стороны, приняв компромиссное решение. Он одобрил «закон Колиско», но лишь частично: немецкий язык становился обязательным языком преподавания только в педагогических и реальных училищах Нижней Австрии, но не в средних и начальных школах, о которых речь шла в первую очередь. Такое решение только усилило недовольство обеих сторон.

А вот выступление Люэгера в октябре 1909 года, когда новые граждане Вены принимали присягу, вызвало бурное ликование: «Сегодня, когда наш город пытаются сделать двуязычным, эта присяга приобретает особую значимость. Если Вена станет двуязычной, она потеряет то значение, какое имела до сих пор. Только одноязычная Вена может быть столицей империи и резиденцией императора. Ведь следуя этой логике, мы должны сделать Вену не дву-, а девяти- или многоязычной, а этого допустить нельзя». Затем он добавил, намекая на школы Союза им. Коменского: «Я прослежу за тем, чтобы в моем родном городе Вене существовали только немецкие школы». (46)

Люэгер, проповедовавший всеобщую германизацию, в очередной раз противопоставил себя государству, которое считало своей обязанностью защищать основные права граждан, в том числе и представителей национальных меньшинств. Не вызывает никаких сомнений, что «народ Вены» был на стороне Люэгера и против императора и правительства.

В 1911 году разгорелся конфликт вокруг строительства в 3-м районе Вены второй чешской школы. Ситуация усугублялась тем, что по этому вопросу даже государственные органы не могли прийти к единому мнению: министерство просвещения разрешило работу школы вплоть до особого распоряжения, земельный школьный совет приказал ее закрыть. Кроме того, в конфликт вмешались чешские национальные социалисты, что только ухудшило положение: теперь против чехов были настроены даже умеренные венцы.

Пострадавшими в этой непрекращающейся борьбе оказались ученики. Городские власти распорядились на время закрыть школу якобы из-за нарушения санитарных норм (а именно — слишком низко прикрепленных крючков для одежды). Государство приказало открыть школу. Последовали и новые придирки, и повторное закрытие. Якобы улица, где построили школу, слишком узка, а кроме того занятиям будет мешать собачий лай, доносящийся из расположенного неподалеку ветеринарного института, и так далее. (47) Конфликтам не было видно конца, что способствовало все большему распространению радикальных настроений среди чехов.

Теперь и венский центральный комитет социал-демократов не хотел иметь дела с чехами. Виктор Адлер так объяснил это Августу Бабелю, критически наблюдавшему за происходящим: «Чешские товарищи совершенно сошли с ума... Националистические инстинкты проявляются у них все ярче, а классовый инстинкт все слабее». Под «равноправием» они понимают «создание бесчисленных чешских школ, в первую очередь в Вене. Учитывая сложившуюся в Австрии ситуацию, совершенно очевидно, что при нынешних обстоятельствах мы никак не можем им в этом содействовать. Пока нет

«Бургомистр выгоняет чешских детей, а штатгальтер впускает их через заднюю дверь».
Карикатура на сложившуюся ситуацию: противостояние христианских социалистов из городского совета и либерального штатгальтера Нижней Австрии графа Эриха фон Кильмансегга (сатирический журнал «Кикерики», 12 октября 1911 года)

всеобщего соглашения, которое положит конец всем национальным конфликтам, мы только разожжем огонь, который будет на руку националистам всех мастей, а нас уничтожит». (48)

В конце сентября 1911 года полиция забаррикадировала двери чешской школы и не пустила учеников в классы. Ситуация, усугублявшаяся недовольством по поводу роста цен, еще больше ухудшилась. Чешские национальные социалисты не упустили шанса вступить за своих венских земляков: 5 октября 1911 года они привели учеников чешской школы вместе с родителями в парламент, который в этот день начинал работу в новом составе. Посол Германии с явным неудовольствием сообщал в Берлин о «театрализованной демонстрации»: «Немецкий охранник, отвечающий за соблюдение порядка, не хотел пускать в зал странную «депутацию», уже прорвавшуюся в вестибюль, что привело к эксцессам, которые, вполне вероятно, повлияют на настроения в Богемии». (49) «Эксцессы» заключались в драке между немецкими и чешскими депутатами в колонном зале парламента.

13 мая 1912 года, в праздник Немецкого школьного союза, ученики четвертого класса начальной венской школы побили окна забаррикадированной чешской школы, но не понесли за это никакого наказания. 3 ноября 1912 году 4000 венцев вышли на демонстрацию под лозунгом: «Чешские школы — вон!». До 1918 года проблема так и осталась нерешенной.

Поиски компромисса

За взаимопонимание народов активнее всего выступали социал-демократы, которые и во внутрипартийных вопросах исповедовали наднациональный принцип:

в 1908 году в Рейхсрате было 87 социал-демократических депутатов, среди них — 50 немцев, 24 чеха, 6 поляков, 5 итальянцев и 2 русина. (50) Партия неоднократно защищала интересы тех или иных меньшинств, например, поддерживала создание русинского университета в Лемберге и чешского университета в Брюнне.

За это социал-демократов прозвали «жидосоциалистами» и «друзьями чехов и славян», которые поддерживают «славянскую экспансию». Газета христианских социалистов «Бригиттенауер Бециркс-Нахрихтен» во время предвыборной борьбы писала: «Каждый депутат от социал-демократов — все равно что чех», а значит, голос, отданный за социал-демократов, отдан за чехов. И далее: «Социал-демократия — главная опасность, угрожающая немецкому характеру Вены». И еще: «Д-ру Адлеру и товарищам это безразлично, они ведь евреи и им наплевать на наши национальные чувства, поэтому им все равно, кем править в Вене — немцами или чехами». (51)

Адлер взывал к здравому смыслу и прикладывал колоссальные усилия, чтобы уладить разногласия между немецкими и чешскими товарищами по партии, и в результате вновь оказался между двумя стульями. Чехи отказывались подчиняться центральному комитету партии в Вене, считая, что их «онемечивают» и не дают действовать самостоятельно. Немцы упрекали партийное руководство в чрезмерной симпатии к славянам. Историк Ганс Моммзен полагает, что такой национализм, проникший даже внутрь социал-демократической партии, был «феноменом массовой психологии», «коллективным гипнозом, влияние которого испытали на себе даже наиболее благоразумные чешские партийные лидеры». (52)

Началось брожение в профсоюзах. Немецкие профсоюзные деятели упрекали чешских в штрейкбрехерстве и в том, что из-за дешевизны чешской рабочей силы работодатели снижают заработную плату. Чехи отказывались отправлять профсоюзные взносы в Вену. Конфликты продолжались даже после того, как чехи добились реформирования профсоюзной системы на основе федеративного принципа.

Еще в 1901 году Адлер жаловался в письме Карлу Каутскому: «В Вене и в Австрии в целом „национальную автономию“ понимают как необходимость организовывать на местах чешские подразделения всех профсоюзов и чешские политические организации, разумеется, тоже, и каждое предприятие, таким образом, оказывается поделено по национальному признаку. Поскольку они более слабые, с ними ничего поделывать нельзя, и они превращают свою неполноценность в оружие. А мы должны проявлять благоразумие и все время уступать! То же самое с финансами: мы платим за весь этот интернационал и не получаем никакой благодарности, и нас же еще обвиняют в хвастовстве. Знаешь, честно говоря, порой хочется все бросить. Столько приходится прилагать усилий и столько дерьма глотать, чтобы хоть фасад выглядел прилично». (53)

В юбилейном 1908 году — с введением военного положения, беспорядками вокруг чешских школ Союза им. Коменского, практически ежедневными столкновениями на национальной почве — нежелание чешских товарищей сотрудничать с Веной только усилилось.

На удивленный вопрос Каутского, почему бы партийному руководству не приложить больше усилий

в борьбе с сепаратистами, сын Адлера Фридрих дал беспомощный ответ: «Наши немецкие товарищи в любой момент готовы ринуться в бой, их нужно не столько подстегивать, сколько удерживать, ведь борьба за интернационализм очень скоро превратится в борьбу с чехами. В Вене эта угроза как нельзя более реальна, в ближайшем будущем можно ожидать очень острых конфликтов, особенно среди рабочих металлургических заводов, где чешских рабочих могут просто силой выкинуть из цехов. Как бы ужасно все это ни звучало, мы тут бессильны». (54)

В 1910 году большинство чешских социал-демократов, выйдя из партии, организовало собственную Чешскую рабочую партию (т.н. «автономисты»). Меньшинство осталось верным венскому центральному комитету и образовало Чешскую социал-демократическую рабочую партию (т.н. «централисты»). В предвыборной борьбе 1911 года обе партии впервые боролись друг с другом, при этом сепаратисты набрали 357 000 голосов и получили 26 мандатов, а централисты — только 19 000 голосов и один мандат. (55)

Идеал солидарности народов под знаменем социализма, к радости остальных партий, оказался недостижим в условиях Дунайской монархии. «Дер Хаммер» Франца Штайна издевательски писал, что «попытка умиротворить» чехов «оказались чистым безумием»: чехи «въехали со всей поклажей в дом, построенный для них добродушными, поверившими в мнимые идеалы немцами, и теперь плюют оттуда на своих воспитателей и благодетелей, избивают их детей и лишают, когда только могут, средств к существованию. Немцы Восточной марки продали свое право первородства за чечевичную похлебку всеобщего равного

избирательного права, вот пусть теперь и полюбуются, как чехи устраиваются здесь хозяевами, забираясь все выше и выше!» (56)

Попытки пацифистов выступить в роли посредников также не имели успеха. В 1909 году несколько либерально настроенных интеллектуалов, сплотившись вокруг писателя Германа Бара и лауреата Нобелевской премии мира Берты фон Зутнер, образовали чешско-немецкий комитет культуры. Целью его было «открытое выступление против агрессивных выпадов со стороны любого народа и публичная демонстрация того, что мы составляем единое целое, а потому должны не драться, а стремиться к пониманию и считать подавление другой нации угрозой для своей собственной». (57) Но и это начинание ни к чему не привело.

С чешской стороны к толерантности и сотрудничеству призывал Томаш Г. Масарик. Он пытался, приводя разумные аргументы, помочь венцам понять особенность ситуации, в которой находятся венские чехи. В Рейхсрате он апеллировал к гуманистическим идеалам немецкой классики: «Мы почитаем вашего Гердера как славянина, чуть ли не как чеха, который научил нашего Палацкого, нашего Юнгмана, а также поляков, русских, вообще всех славян, что гуманизм означает не только стремление к человечности, но и осознание своей национальной принадлежности... Я чех, вы немцы, он русин; мы как политики должны воплощать в жизнь гуманистические идеалы». Очень жаль, что «в Вене, при обсуждении проблем отдельных народов не имеют ни малейшего представления, что для этих народов на самом деле жизненно важно». (58)

Он убежден, «что развитие национализма пока еще не завершено. Мы станем еще большими

националистами». Значит, необходимо как можно быстрее реформировать это государство, причем в самых его основах. Разделение страны на две части должно уступить место более широкому распределению власти в пользу «ненемецких» народов, и прежде всего в пользу богемцев, за основу этого нового распределения следует взять «элементарную идею равноправия», которая предполагает, «что все народы — большие и малые, с более высоким и с менее высоким уровнем культуры — равноценны друг другу. Вы увидите, как эта идея наберет силу, иначе и быть не может». (59)

Однако призывы Масарика к равноправию не оценили ни в парламенте, ни вне его стен. На политика нападали все партии — и немецкие, и чешские; в глазах всех он стал воплощением либерала, интеллектуала и «прислужника евреев».

Однако интеграцию поддерживали аристократы, имевшие владения в Богемии. Они не принимали немецкой националистической политики; придерживаясь наднациональной, и даже подчеркнуто «богемской» линии, они обучали своих детей обоим языкам. Поэтому немецкие националисты обвиняли аристократов в том, что они — с их чешскими слугами, служащими и священниками — создают в Немецкой Богемии «чешские колонии». (60)

Главным объектом нападок был самый влиятельный аристократ Богемии, князь Шварценберг. В 1910 году он отказался выполнять требование «нанимать на работу в немецких областях только немцев», ответив критикам коротко и резко: «Я не собираюсь интересоваться национальностью служащих, которых нанимаю на работу». Он продал землю под строительство

чешской школы, не обращая внимания на протесты немцев: «Не понимаю, почему чешским детям ... нельзя ходить в чешскую школу!» (61) Однако на него нападали и из противоположного лагеря: чешские радикалы критиковали его за то, что он нанимает на работу в своих поместьях слишком много немцев. (62)

Гитлер-политик будет осуждать аристократию Австро-Венгерской империи за то, что она, как и социал-демократы, *приняла сторону чехов.* (63) Семья Шварценбергов и после 1939 года занимала независимую позицию, это дало Гитлеру повод заметить, *что Шварценберги с давних пор питают вражду к немцам.* В 1941 году он приказал экспроприировать их имущество. (64) В сходной ситуации оказались и другие аристократические фамилии Богемии.

Немецкие националисты считали врагом также и католическую церковь (так было, например, и в реальном училище Линца, где учился Гитлер). В «Моей борьбе» он пишет, что церковь нарочно посылала чешских священников в немецкие приходы, чтобы *добиться окончательной славянизации Австрии. Дело происходило примерно следующим образом: в чисто немецкие общины присылали священников-чехов, которые медленно, но верно начинали ставить интересы чешского народа выше интересов церкви и запускали процесс разнемечивания. А священники-немцы, по мнению Гитлера, показали себя совершенно неспособными к национальной борьбе. Так, из-за злоупотреблений одной стороны и недостаточного сопротивления другой немецкий дух и утрачивал свои позиции — медленно, но неуклонно. И далее: Стало очевидно, что церковь не считает себя связанной с немецким народом, бесчестно встав на сторону его врагов.* (65)

В Цислейтании на рубеже веков действительно было больше священников славянского происхождения в немецких областях, чем немецких священников — в славянских общинах. Однако, что бы там ни утверждала немецкая националистическая пропаганда, такая картина сложилась лишь потому, что священниками чаще становились славяне. (66) Общая политика церкви оставалась наднациональной, имея целью примирение католиков всех национальностей.

Университеты, стремившиеся к установлению наднациональных контактов, также подвергались нападкам общественности. Например, пангерманцы выступили с протестом, когда в 1909 году Венский университет призвал Макса Дворжака на должность профессора истории искусств. Националисты сочли, что «чех» не имеет права читать историю «немецкого» искусства в «немецком» университете. Профессоров-немцев, которые выдвинули кандидатуру Дворжака, они обвинили в «предательстве нации» и «посрамлении немецкого духа». Например, профессора права доктора Йозефа Редлиха, уроженца Моравии еврейского происхождения, депутата Рейхсрата от немецких либералов. (67)

Гитлер о чехах

Август Кубичек вспоминал о Гитлере: «Когда мы оказывались в районах Рудольфсхайм, Фюнфхаус или Оттакринг и встречали возвращающихся домой рабочих, бывало, что Адольф вцеплялся мне в руку: “Ты слышал, Густль? — Чехи!”. Однажды мы пошли к “Пряхе у креста”, Адольфу захотелось увидеть этот символ Вены. Там нам встретились рабочие с кирпичного завода, которые бурно жестикулировали и громко

разговаривали по-итальянски. “Вот она, немецкая Вена!” — возмущенно вскричал он». (68) (Площадь с готической колонной в «чешском» районе Фаворитен, на бывшей городской окраине, вплоть до XIX века была местом казней. Гвидо фон Лист считал «Пряху у креста» древнегерманским символом границы с эзотерическим значением. (69))

Это единственное подтвержденное античешское высказывание Гитлера венского периода, свидетельств о других подобных замечаниях нет. Нет упоминаний ни о стычках, ни о дружбе Гитлера с чехами — в отличие от многочисленных контактов с евреями. Доказано только одно личное знакомство — с чешкой по имени Мария Закрейс, его первой квартирной хозяйкой в Вене, уроженкой Моравии, которая говорила по-немецки с сильным чешским акцентом и писала с ошибками. С ней молодой Гитлер прекрасно ладил. В 1908 году эта чешка была, по словам Кубичека, «единственным человеком в миллионном городе, с которым мы общались». (70)

Гитлер едва ли отдавал себе отчет в том, что чешский язык оставил след и в его речи: он называл Еву Браун «чапперль» («Tschapperl»), а это слово происходит от чешского «šarek» — «неуклюжий» и означает что-то вроде «неуклюжий ребенок» с оттенком «ах, ты мой дурачок».

Мнение Гитлера-политика об «этих чехах» никак не связано с личным опытом, очевидно, что он просто воспроизводит старые венские лозунги, например, в 1942 году: *Все чехи — прирожденные националисты, они все подчиняют своим интересам. Не нужно питать иллюзий — чем ниже они кланяются, тем они опасней... Чехи — самые опасные из всех славян,*

потому что самые трудолюбивые. У них есть дисциплина, есть порядок, в них больше монголоидного, чем славянского. Они умеют скрывать свои намерения, демонстрируя определенную лояльность... Я не испытываю к ним презрения, но судьба назначила нам быть врагами. В нашу нацию вонзился чуждый расовый элемент, кто-то должен уйти, либо они, либо мы... Габсбурги тоже на этом погорели. Они верили, что смогут решить проблему по-хорошему. (71)

Гитлер воспроизводит и еще одну популярную в Вене присказку о чехе-подхалиме, который *перед верхами гнется, а низы давит*. Поляки и чехи знают по тысячелетнему опыту, как лучше всего притворяться верноподданными, не вызывая недоверия. В годы его юности в Вене было полно чехов, они быстро обучались венскому диалекту и ловко пробирались на ключевые посты в управлении, экономике и так далее. (72)

Старое венское пренебрежение к «трудолюбивым», но годящимся только в слуги чехам звучит и в разговоре Гитлера с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером в 1942 году: *Чехи были лучше венгров, румын или поляков. У них сложилась мелкая буржуазия, работающая и знающая свое место. Они и сегодня будут смотреть на нас снизу вверх с гневом и безграничным восхищением: “Мы, богемцы, не созданы для того, чтобы править!”* (73)

Гитлер считал методику Люэгера, «онемечивавшего» чехов при помощи языка, недостаточно последовательной. В «Моей борьбе» он писал, что *национальный дух, или точнее, раса заключаются не в языке, а в крови* и что во времена его юности германизация рождала совершенно ложные надежды. *Даже среди пангерманцев были такие, кто полагал,*

что при поддержке правительства австрийские немцы смогут германизировать австрийских славян, и никому было невдомек, что германизировать можно землю, но никак не людей. Ведь под этим словом тогда понимали обычно всего лишь принудительный переход на немецкий язык. Но это ужасная логическая ошибка, думать, что, скажем, негр или китаец станут германцами, если выучат немецкий и будут готовы говорить на немецком и голосовать за немецкую партию. Наоборот, это дегерманизация и начало бастардизации, уничтожение германского элемента. Веками практиковавшееся в Габсбургских землях кровосмешение влекло за собой снижение качества высшей расы. (74)

Гитлер планировал после войны «выселить с богемских территорий все расово неполноценные элементы и отправить их на восток. Чехи трудолюбивы, и если распределить их по занятым восточным территориям, из них, возможно, получатся хорошие надсмотрщики. Фюрер неоднократно подчеркивал, что он прекрасно знает чехов». (75)

С другой стороны, ему казалось, что выселение чехов и желанная «германизация» Богемии и Моравии путем заселения этих земель немецкими колонистами, идут слишком медленно, поэтому он допускал и «традиционное» онемечивание, но только в сочетании с предельно жестким подавлением любого рода протестов. (76)

Его войска оккупировали не только Судетскую область, но и «остальную Чехию», которая отнюдь не была немецкой, — и это никак не сочеталось с его лозунгом: «Один народ, одно государство, один фюрер». Гитлер прибегал к неубедительным

отговоркам и ссылкам на традиции Габсбургов, например, в 1942 году: *О Чехословакии нельзя сказать, что она смогла стать самостоятельным государством; она так сильно подражала немецким образцам в области культуры, что и по сути своей осталась старым австрийским многонациональным государством.*

Даже чешский президент Эмиль Гаха якобы говорил ему, Гитлеру, что чехи *не являются народом господ*. А Томаш Г. Масарик, первый президент Чехословакии, «отец отечества», которого он помнит по венским временам, *где-то написал, что в его семье не уважали тех, кто говорил по-чешски. Если проявить необходимую жесткость*, — высказался Гитлер в 1942 году, — *то за двадцать лет чешский язык снова можно низвести до уровня диалекта.* (77)

Чехи, как и евреи, были для рейхсканцлера Гитлера носителями венского самосознания, которое сопротивлялось принудительному подчинению единому немецкому государству. В 1941 году Гитлер сказал, что *вечное нытье венцев — это следствие сильной примеси чешско-еврейской крови.* (78) А 25 июня 1943 года, когда праздновалось «освобождение Вены от евреев», Гитлер в узком кругу заявил: *Евреев из Вены я вымел, теперь очередь за чехами.* (79)

10. Евреи в Вене

Немного истории

Еще в 1150 году, когда Бабенберги сделали Вену своей резиденцией, они разрешили селиться здесь евреям, которые обосновались в районе сегодняшней площади Юденплац, давали деньги в рост и занимались торговлей, пользуясь особым покровительством суверенов, само собой, взамен уплаты немалых налогов. Уже около 1200 года в Вене построили первую синагогу.

Далее на протяжении столетий фазы изгнания, «сожжения евреев» и повторного заселения сменяли одна другую. Особо опасным положение стало в эпоху османо-габсбургских войн в XVII столетии, когда мишенью для религиозных фанатиков оказались не только турки, но и местные евреи. В 1623 году 130 еврейских семей изгнали из внутреннего города Вены и принудительно переселили в новое гетто, расположенное между рукавами Дуная. В 1670 император Леопольд I по желанию своей супруги Маргариты Терезы Испанской изгнал из Вены всех евреев. Они лишились имущества и всех ценных вещей (с собой разрешили взять только то, что можно унести), и должны были еще благодарить бога, что остались в живых. Охваченные религиозным рвением венцы сожгли синагогу и на ее месте воздвигли церковь, освященную в честь Святого Леопольда, покровителя императора. Таким образом на месте гетто возникло новое католическое предместье «Леопольдштадт».

Несколько лет спустя теперь уже овдовевший и нуждающийся в деньгах император вернул евреев в Вену. Они поселились в прежнем районе, который теперь

назывался Леопольдштадт и вскоре получил насмешливое прозвище «остров мацы». В начале XX века треть всех венских евреев все еще проживала здесь.

Христианские социалисты сравнивали борьбу христианской Европы против языческих турок с «оборонительной войной» против евреев. Так, во время предвыборной кампании за пост бургомистра в 1895 году Люэгер заявлял: «Сегодня знаменательный день освобождения Вены от турок и мы надеемся, что вскоре отделаемся и от более страшного зла — от засилья евреев». Как сообщает газета, опубликовавшая эту речь, слушатели наградили оратора «оглушительными аплодисментами и несмолкающими восторженными криками». (1)

Современный антисемитизм настиг евреев Австро-Венгрии, возможно, в самый счастливый период их истории. После многовекового угнетения они получили, благодаря либеральной Конституции 1867 года, полное и неограниченное равноправие. Теперь они могли пользоваться всеми теми свободами, в которых им отказывали на протяжении столетий. Им разрешалось иметь недвижимое имущество в столице, свободно выбирать место жительства, становиться чиновниками, посещать университеты без ограничений, и многое другое.

Прямым следствием эмансипации стала иммиграция евреев в столичную метрополию. Первыми прибыли торговцы и ремесленники из ближайших окрестностей, а также из Моравии и Богемии; затем, благодаря развитию современного транспорта, евреи из восточных коронных земель, прежде всего из Венгрии, Галиции и Буковины. До эмансипации, в 1860 году, в Вене проживало 6 200 евреев, что составляло 2,2%

населения; в 1870 году их было уже 40 200 (6,6%); в 1880 году — 72 600 (10,1%).

К 1890 году в Вене насчитывалось 118 500 евреев, а это (с учетом присоединения предместий с преимущественно христианским населением) всего лишь 8,7% населения. И этот процент оставался неизменным в быстро растущем городе. В 1900 году в Вене проживало 147 000, а в 1910 — 175 300 евреев (имеются в виду только иудеи). Если же подсчет вели по критериям набиравшего все большую популярность расового антисемитизма и учитывались также ассимилированные и крещеные евреи, число возрастало.

В статистических отчетах большинство из этих 175 300 евреев, а именно 122 930, относили к немецкой народности, включая восточноевропейских евреев (идиш входил в одну группу с немецким языком). Остальных, в зависимости от их разговорного языка, относили к полякам, чехам, румынам и другим народам. 51 509 зарегистрированных в Вене «негосударственных» евреев были по большей части венграми. Какова была доля русских евреев, понять из этих статистических данных невозможно: беженцы, люди без постоянного места жительства, статистикой не учитывались. (2)

Доля еврейского населения в Вене была по сравнению с другими городами Австро-Венгерской монархии не самой высокой. В Кракове она составляла 50%, в Лемберге и Будапеште — 25%, в Праге — 10%. Однако она весьма высока по сравнению с другими крупными европейскими городами. В Германии самыми «богатými на евреев» городами были Берлин (4–5%) и Гамбург (2–3%). (3)

Долгожданная свобода вызывала эйфорию и подталкивала иммигрантов к активным действиям.

Казалось, тому, кто усердно трудится, открыты все двери. Эмансипация окрыляла, порождала желание учебной и рабочей деятельностью добиться положения в обществе.

Консервативная католическая Вена продолжала жить в неторопливом ритме бидермайера и не слишком разбиралась в современных новшествах. У евреев, стремящихся к образованию и жаждущих успеха, практически не оказалось конкурентов, как с удивлением отметил приехавший из Берлина писатель Якоб Вассерман. Аристократы, прежде задававшие тон, теперь «совершенно ни в чем не принимали участия». Они «не просто испуганно держались в стороне от интеллектуалов и людей искусства, но даже боялись и презирали их. Немногие патрицианские буржуазные семьи подражали аристократии; коренной буржуазии не осталось, пробел заполнили чиновники, офицеры, профессора; затем следовал сплоченный блок мелкой буржуазии». Одним словом, «лицо города определяли придворные, мелкая буржуазия и евреи. Неудивительно, что евреи как самая динамичная группа и всех остальных приводили в непрерывное движение». (4)

Разница проявлялась прежде всего в рвении евреев к учебе, к образованию. Число христианских гимназий выросло с 1851 по 1903–1904 год с 21 213 до 99 690, число еврейских гимназий за тот же отрезок времени — с 1251 до 15 880. По статистике, в 1912 году каждый третий венский гимназист — иудей; это в три раза превышало долю евреев в общем составе населения. В высших школах всех типов в том же 1912 году доля еврейских учеников составляла 47,4%, то есть почти половину. (5) В 1898 — 1902 годах в университете (без учета факультета теологии)

учились лишь 5,3% из 10 000 христиан и 24,5% от общего числа евреев. Еврейские студенты составляли почти треть от всех учащихся как в Вене, так и в Праге (где они предпочитали немецкий, а не чешский университет). (6)

Излюбленные специальности евреев — медицина и право. В 1913 году евреи составляют 40% студентов-медиков в Вене; студенты-правоведы — более четверти от общего числа. (7) Евреи предпочитали свободные профессии адвокатов и врачей. В 1889 году из 681 венских адвокатов более половины — евреи (394), а двадцатью годами раньше — всего 33. (8)

В Цислейтании евреи, как правило, старались примкнуть к тому народу, который здесь все еще доминировал хотя бы в культуре и экономике, — к немцам. Венские и пражские евреи любили и знали немецкий язык и культуру, восхищались Рихардом Вагнером в постановке Густава Малера и Фридрихом Шиллером. Еврейские писатели привели австрийскую литературу к новому расцвету, стоит только вспомнить Франца Кафку, Франца Верфеля, Артура Шницлера, Стефана Цвейга. Венская медицинская школа завоевала мировую славу не в последнюю очередь благодаря врачам-евреям. В Вене Зигмунд Фрейд создал теорию психоанализа. В 1867 — 1914 годах Вена стала столицей современного искусства и науки именно благодаря продуктивному симбиозу венской и еврейской культур.

В торговле и экономике здесь складывались сенсационные карьеры. Так, в 1908 году, после смерти короля универмагов Альфреда Гернгросса, его история успеха была у всех на устах. Вместе с братом он в 1881 году переехал из Франкфурта-на-Майне в Вену и открыл

магазин тканей. Затем начал скупать на самой главной торговой улице Вены — Мариахильферштрассе — один дом за другим и построил огромный универмаг. Восьмерым детям он оставил в наследство более 4 миллионов крон. (9) Успешны были и те ремесленники, изготовители рам, которые покупали у Гитлера картины: Якоб Альтенберг из Галиции и Самуэль Моргенштерн из Венгрии.

На рубеже веков в Вене о еврейском интеллекте говорили все. Писатель Герман Бар шутил, что «любого, кто обладает хоть каплей ума или таланта, считают евреем; иного они себе и представить не могут». (10)

Альфред Роллер полагал, что его друга Густава Малера отличает именно «еврейское» усердие в работе, хотя композитор давно уже был крещен: «Малер никогда не скрывал своего еврейского происхождения. Но радости оно ему не доставляло. Являлось лишь стимулом для еще более упорной работы. “Представь, что у человека от рождения одна рука скрючена и ему приходится упражнять здоровую руку больше, чем всем остальным. В конце концов он добивается такого, чего не удалось бы сделать с двумя здоровыми руками”. Так однажды он объяснил мне связь между его происхождением и его творчеством». (11)

Казалось, тысячелетний еврейский вопрос близок к разрешению — путем полной ассимиляции, в том числе и с помощью смены веры и смешанных браков. Однако не все так просто. Смешанные браки между иудеями и христианами не допускались. Чтобы вступить в брак, следовало перейти в другую веру или объявить себя не принадлежащим ни к какой вере. И то и другое обычно делала еврейская сторона. В 1911 — 1914 годах подобные браки заключались

почти в десять раз чаще, чем браки между католиками и протестантами. (12)

Рост общественного влияния разбогатевших еврейских предпринимателей и банкиров демонстрируют их дворцы на Рингштрассе, составлявшие конкуренцию дворцам старой аристократии. И еще ордена и дворянское достоинство, которыми их жаловал император в благодарность за заслуги и щедрую благотворительность. И еще сенсационные браки богатых евреек с обедневшими аристократами.

В политике евреи чаще всего придерживались либеральных или социал-демократических взглядов. В 1908 году депутат Рейхсрата Бенно Штраухер сказал: «Мы, евреи, были, есть и будем свободомыслящими людьми, мы можем процветать лишь в атмосфере свободы, в реакционной атмосфере мы задыхаемся; мы преклоняемся перед свободным демократическим мировоззрением и поэтому можем придерживаться только политики свободы». (13)

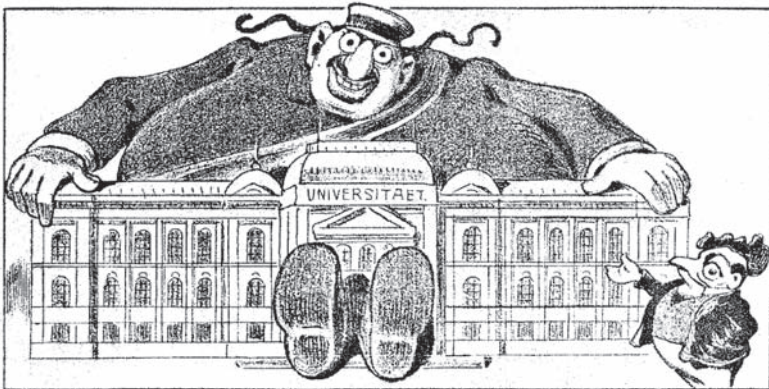
Однако поддерживали они не одну партию. В 1908 году сионистская газета «Нойе Националь-Цайтунг» сетовала: «Четырнадцать евреев в парламенте принадлежат к пяти разным партиям». (14) Еврейскую политику демонстративно проводили лишь четверо сионистов и один «еврейский демократ», остальные принадлежали к социал-демократам или либеральному лагерю. Так, из шести еврейских депутатов от Галиции трое были сионистами, то есть еврейскими националистами, а еще трое — социал-демократами.

Антисемитизм

Успехи еврейских иммигрантов вызывали ненависть и зависть у тех местных жителей, которые не сумели

справиться с внезапно возникшей конкуренцией и не смогли приспособиться к современности и техническому прогрессу. Это ремесленники, потерявшие средства к существованию из-за открытия фабрик, и торговцы, которых все больше теснили универмаги. Через шесть лет после начала эмансипации, во время биржевого краха 1873 года, современные антисемиты начали срывать злость на «капиталистах», «либералах» и «жидах-биржевиках».

Platzmangel an der Wiener Universität —

aber nur für Heier.

«В Венском университете не хватает мест — для арийцев» (карикатура в сатирическом журнале «Кикерики», 13 ноября 1910 года)

В 1876 году начались беспорядки в университетах. Толчком послужило высказывание известного профессора медицины Теодора Бильрота: слишком много евреев из Венгрии и Галиции обучаются медицине. Бильрот сомневался в успехе ассимиляции и считал, что «евреи — нация с ярко выраженными

признаками, и им, как и персам, французам, новозеландцам или африканцам, никогда не стать немцами; те, кого принято называть еврейскими немцами — это всего лишь евреи, волей случая выросшие в Германии и говорящие по-немецки, и даже если среди них есть гораздо более талантливые поэты и философы, чем среди настоящих германцев, они все равно остаются евреями». Не следует «ожидать, да это и не нужно, чтобы евреи стали немецкими националистами, чтобы в национальной борьбе они ощущали то же самое, что и немцы».

Он полагал, что иммигрировавшим восточно-европейским евреям недостает «немецких чувств», основанных на «средневековой романтике». Бильрот признавался: «В глубине души он чувствует, несмотря на всю рефлексию и личную симпатию, что чисто немецкую и чисто еврейскую кровь разделяет пропасть, возможно, именно так ощущали себя тевтонцы в сравнении с финикийцами». (15)

Немецкие студенческие корпорации увидели в этом выступлении легитимный повод избавиться от своих еврейских сокурсников, которые, согласно Бильроту, оказались «недостаточно немецкими». Уже в 1887 году студенческая корпорация «Тевтония» ввела «арийский параграф», прочие взяли с нее пример. Члены студенческих корпораций ссылались на берлинского философа Евгения Дюринга и на его часто цитируемое утверждение: «Немецкие студенты должны хранить честь своего вида и не допускать, чтобы науки им преподавали или — что вернее — по-еврейски мерзко продавали представители чужой, более низкой и совершенно неспособной к серьезным занятиям расы». (16)

Массовый приток евреев из Восточной Европы

В 1881 году в России в результате террористического акта погиб царь Александр II. Ответственность за это убийство возложили на «жидов-революционеров», начались погромы и расправы. Российские евреи спасались бегством через границу — в Галицию, и без того страдавшую от безработицы, голода и перенаселения (процентная доля евреев здесь самая высокая в империи). По стране и так уже рассеялись 200 000 бродяжничающих евреев; их называли «луфтменшен» — «люди воздуха» — никто не понимал, чем они живут и что с ними делать. (17) Теперь эту армию нищих пополнили еще и беженцы из России. Многие стремились попасть в крупные европейские порты, чтобы эмигрировать в трансатлантические страны, и в большие города — Вену, Берлин, Прагу, Будапешт. До 1914 года в путь отправились в общей сложности около двух миллионов восточноевропейских евреев. В своих скитаниях они столкнулись с невиданной прежде ксенофобией и антисемитизмом.

Уже в 1882 году в Дрездене состоялся «Первый международный антиеврейский конгресс». Манифест призвал к борьбе против приезжих евреев и тщетно требовал от европейских правительств ввести запрет на въезд из России, обеспечить безопасность границ с привлечением армии. Антисемиты всех колеров, представлявшие почти все западноевропейские государства, сошлись во мнении о необходимости отменить эмансипацию евреев. Всех евреев (даже оседлых местных) следовало подчинить законодательству для иностранцев: якобы они неспособны ассимилироваться и представляют угрозу для христиан.

Однако австрийские евреи знали, что находятся под правовой защитой государства. При необходимости они рассчитывали на помощь полиции. Антисемитские памфлеты изымались. В городах это было сделать легче, чем в сельской провинции (например, в Галиции или Венгрии), где антисемитские выступления происходили все снова и снова. Из-за этого восточноевропейские евреи все чаще переселялись в столицу, хотя с 1897 года там заправляли антисемиты во главе с Люэгером. Но был в Вене и император, особую любовь к которому питали именно беднейшие слои еврейского населения. В 1908 году д-р Мориц Гюдеман, главный раввин Вены, писал: «Наш император неоднократно повторял, что его отеческому сердцу одинаково дороги все подданные его великой империи — всех наций и вероисповеданий... Именно за это отсутствие различий и равноправие, которое император ввел и чтит, евреи ему вечно признательны». (18)

Однако и сам император был порой бессилён перед лицом бушующего антисемитизма. Это подтверждает высказывание в семейном кругу, записанное в дневник его дочерью Марией Валерией: «Говорили о ненависти к евреям, и папа сказал: “Да-да, конечно, мы делаем все возможное, чтобы защищать евреев, но ведь вокруг сплошные антисемиты”». (19)

В Вене на рубеже веков антисемитизм помогал делать карьеру. Так, в 1880-х Георг Шёнерер как лидер пангерманцев таким образом обеспечил себе голоса крестьян и студентов. В 1890-х победу праздновал Люэгер, собрав еще больше голосов мелкой буржуазии и ремесленников.

Газета христианских социалистов «Бригиттенауер Бециркс-Нахрихтен» сравнивала «борьбу» против

восточноевропейских евреев с национальным подъемом во время освободительных войн против Наполеона: на этот раз «на нас с востока надвигается уже не конное войско, а мрачная, грозная, грязная масса господ в длинных кафтанах — они ... стремятся подавить и задушить нашу свободу. Кто осмелится, кто решится отрицать, что мы уже изнываем под игом еврейства, и уже происходит такое, что вгоняет в краску каждого немца». (20)

В районе Леопольдштадт

В школах, театрах, на фабриках и в парламенте собирали статистические данные, чтобы доказать «объевреивание» Вены. В евреи записывали иудеев, крещеных евреев, породнившихся или вступивших с ними в брак, людей с фамилиями, похожими на еврейские, а также либералов, социал-демократов и прочих «прислужников евреев» независимо от происхождения и вероисповедания. И это все ради того, чтобы нарисовать столь желанную картину ужасающего «объевреивания».

Приезжий из Берлина с изумлением описывал размах венского антисемитизма: «Антисемитизм в Вене сильно отличается от своего собрата в Германской империи, у нас он просто националистический, а здесь он клерикальный, немецко-националистический, чешско-ультрамонтинский. В нем сплелись национальные и политические интересы самых разных партий, и каждая из них считает, что именно в антисемитизме кроется ключ к счастью народа». (21)

На рубеже веков стереотипный образ врага для антисемитов — это бродячий лоточник и торговец женщинами. «Торговцы с рук» пробивались на запад, предлагая галантерейные товары и создавая конкуренцию оседлым коммерсантам, которые больше не могли диктовать цены. Первые демонстрации против лоточников прошли уже в 1870-х годах. В 1910 году, после многолетней борьбы министр торговли от христианских социалистов добился введения запрета на торговлю вразнос в Вене, «в целях защиты честно работающих оседлых венцев, занимающихся торговлей». Газета христианских социалистов «Остеррайхише Фолькс-Прессе» высмеивала «вопли» «еврейской прессы», протестовавшей против этого постановления: «Мы, выходит, должны безучастно наблюдать, как честным коммерсантам наносится ущерб? А может, мы еще должны предоставить еврейским лоточникам монополию и помочь им уничтожить нашу торговлю?». (22) В «Моей борьбе» встречается и это клише: Гитлер объясняет свой поворот к антисемитизму встречей с венским уличным торговцем. (23)

Лозунг «Не покупай у евреев!», который взяли на вооружение антисемиты всех политических направлений, определил судьбу и лоточников, и универмагов.

В 1904 году в пангерманском «Ежегоднике для немецких женщин и девушек» опубликовали статью под заголовком «Немецкие женщины! Совершая покупки, избегайте еврейских магазинов!»: «Какой стыд для немецкой семьи, если под сверкающей огнями прагерманской рождественской елью лежат подарки, купленные в еврейских магазинах! Немец, покупающий подарки к Рождеству у евреев, позорит себя и оскверняет свою нацию. Сколько честных немецких ремесленников и торговцев отчаянно борются за существование, сражаясь с бесчестными еврейскими конкурентами! А немецкий собрат зачастую идет мимо, не обращая на них внимания, напрямик в еврейский магазин, где у него под лицемерное шушуканье хитростью выманяют все денежки». (24)

Ради контроля над соблюдением бойкота депутаты ландтага Нижней Австрии даже потребовали размещать на рынках прилавки еврейских торговцев в стороне от прилавков продавцов-христиан. Однако из-за протестов еврейской общины торговой палате удалось этому воспрепятствовать. (25)

Другой враг, на рубеже столетий ежедневно упоминаемый в газетах, — торговец женщинами; здесь вновь всплывал старый стереотип еврея-обольстителя. Да, криминальные истории подобного рода с участием восточноевропейских евреев действительно имели место. Но, вопреки утверждениям антисемитов, речь шла не о соблазнении «белокурых» христианских девушек, а о торговле бедными еврейками из восточноевропейских местечек, в том числе из Галиции.

Торговцы женщинами работали по одной схеме: хорошо одетый, с виду состоятельный торговец знакомился с бедной многодетной семьей и вступал в брак

с совсем еще юной девушкой по иудейскому обряду. На радость родителям, он отказывался от приданого и увозил «жену» к лучшей жизни. Такое можно было проделывать сколь угодно часто, ведь такой свадебный обряд не имел юридической силы.

Другая схема: обольщение юных женщин, чьи мужья ушли попрошайничать и пропали. Женщины находились в безвыходном положении: оставшись без средств к существованию, они не могли снова выйти замуж, так как не были разведены. Не сумев противостоять соблазнению, «утратив честь», они становились добычей сутенеров. В некоторых многодетных семьях, находившихся в бедственном положении, доходило даже до продажи детей. (26)

Девушки и женщины — как правило, неграмотные, говорившие только по-польски или на идиш — не оказывали сопротивления преступникам, они ведь считали себя связанными узами брака. Так и не поняв, что произошло, они оказывались (чаще всего транзитом через Сербию), в каком-нибудь гамбургском борделе («склад для девушек на экспорт»), или на корабле, направляющемся за океан. В Одессе цена составляла 500–2 000 рублей за девушку, в Гамбурге около 1500 марок. (27) В Буэнос-Айресе девушек продавали с аукциона прямо на пристани владельцам публичных домов за 3 000–6 000 франков или 150 фунтов. Девушки из Галиции среди проституток были третьей по величине группой (после местных и русских), здесь их называли «аустриакас» — «австрийками». (28)

По статистике, из Галиции, Венгрии и Богемии ежегодно вывозили около 1500 девушек. Бывало, продажа осуществлялась прямо в Вене, где торговцы выдавали себя за «экспортеров в страны Востока».

Д-р Йозеф Шранк, президент Австрийской лиги по борьбе с торговлей женщинами писал: «В Вене торговля девушками совершается без всякого стеснения, здесь уже настоящий рынок: венгерские, румынские, русские и турецкие торговцы останавливаются в отелях, куда им просто доставляют “товар”, а некачественный они возвращают». (29) Торговцы (среди которых бывали и женщины) постоянно меняли имена и пользовались фальшивыми документами, часто — английскими или турецкими. А чиновники обогащались за счет взяток.

Еврейские общины Цислейтании всеми силами поддерживали борьбу с преступностью по многим причинам: чтобы помочь девушкам, чтобы наказать преступников, но и ради того, чтобы не давать повода для дальнейшего распространения антисемитизма. Они никогда не скрывали существующих фактов, настаивая на прозрачности и открытости. Так, в 1913 году венская сионистская газета «Нойе Националь-Цайтунг» сообщила, что 38 из 39 галицийских торговцев женщинами — евреи. (30) В другой раз здесь же написали, что 90% проституток в Аргентине — еврейки. (31) Подобные публикации всегда сопровождались призывом делать все возможное против этого вида преступности. В работе международных конференций по борьбе с торговлей женщинами принимали участие и раввины. (32) В октябре 1909 года, когда Гитлер как раз жил в Вене, одна из таких конференций нашла громкий, хотя и противоречивый отклик в прессе.

Сельские учителя и социальные работники отправлялись в Галицию, чтобы просвещать и предупреждать девушек и женщин о грозящей опасности и оказывать помощь им и их семьям. Одной из еврейских активисток

была Берта Паппенгейм, чью историю («случай Анны О.») Зигмунд Фрейд представил в «Очерках по истерии», заложив таким образом основы психоанализа. Состоятельная и незамужняя Паппенгейм посвятила себя защите женщин. Она организовывала приюты для девушек, изучала социальную ситуацию в поездках по России, Румынии и Галиции (33), поддерживала в Галиции создание мелкой промышленности, чтобы задействовать женскую рабочую силу, — например, производство кружев или швейную промышленность, где женщины после окончания курсов могли рассчитывать на «приличное» жалование. (34)

Частный фонд барона Морица Хирша также оказывал финансовую поддержку, на его деньги в Галиции строили школы как для иудейских, так и для христианских детей, как для мальчиков, так и для девочек. Ведь девочки из Восточной Европы были неграмотны потому, что их не принимали в хедорим — начальные религиозные школы.

Но эти процессы протекали медленно. Приток евреев с востока в европейские города продолжался, а вместе с ним рос и антисемитизм. «Еврейский торговец женщинами» — любимый стереотип антисемитов, он упоминается и в «Моей борьбе» Гитлера: *Связь еврейства с проституцией, а еще больше с торговлей женщинами, в Вене можно было изучить гораздо лучше, чем в любом другом западноевропейском городе, за исключением разве что портов на юге Франции.* (35)

Парламентские дебаты

Немногочисленные еврейские парламентарии боролись за то, чтобы добиться и для евреев «естественного, неотъемлемого права каждого народа на подлинное

равноправие, на полное равенство перед законом». Но шансов у них было немного. Чего стоит один только Эдуард фон Странски, депутат от Немецкой радикальной партии, в июне 1908 года издавший радостное восклицание: «Слава богу, большинство в палате — антисемиты». (36)

Парламентарий-сионист д-р Бенно Штраухер из Буковины, адвокат и председатель еврейской общины Черновцов, сокрушался: «В этом парламенте все разглагольствуют о свободе, свободомыслии, прогрессе, равноправии и справедливости, но только для себя, и нет ни одной партии, которая встала бы на защиту евреев; когда речь заходит о евреях, все теряют дар речи. Явные и тайные антисемиты хорошо справились со своей задачей, разработали отличную тактику. Никто не заступает за нас из любви к свободе и стремления к справедливости, никому не хочется прослыть прислужником евреев, их оплачиваемым наемником». Устав от выкриков христианских социалистов, постоянно прерывавших его речь, он добавил: «Вы не утруждаете себя ни приведением доказательств, ни приобретением знаний; вам достаточно просто крикнуть «жид» — вот и все ваши доказательства». (37)

В 1908 году, когда юный Гитлер постоянно посещал заседания парламента, члены Христианско-социальной партии внесли на рассмотрение законопроект о сокращении числа еврейских студентов и гимназистов, то есть предложили ввести т.н. *numerus clausus*. Долю еврейских студентов следовало сократить таким образом, чтобы она соответствовала процентному числу евреев в общем составе населения.

В ходе жарких дебатов Штраухер предупреждал, что принятие подобного закона в конечном итоге

навредит австрийским немцам. Процентное число немецких студентов оказалось таким высоким лишь благодаря тому, что «до сих пор значительная часть еврейских студентов заявляла о своей принадлежности к немецкой национальности и записывалась немцами». Без учета евреев процент немцев, к примеру, в австрийских высших технических школах снизится с 47,10 до 31,05, а в реальных училищах с 48,61 до 37,07%. Немцы таким образом окажутся в еще более слабой позиции по отношению к славянам, чем сейчас. «Если такая значительная доля учащейся молодежи отвернется от немецкой нации из-за все более невыносимого антисемитизма и все усиливающихся преследований..., то ощутимые политические последствия для самих немцев не заставят себя ждать».

Выступление прерывает реплика Странски: «Если без жидов нам суждено погибнуть, то лучше уж погибнуть, чем жить с жидами!»

Штраухер далее: «Другие немцы говорят, что область распространения немецкого языка следует увеличить, вы же хотите ее уменьшить». Кроме того он напомнил, что еврейские налоги постоянно причисляются к налогам немцев, и из этого выводятся требования к славянам. Согласно статистике немецкого националиста Антона Шуберта, в Цислейтании каждый немец в среднем платил 123 кроны налогов и пошлин, а чех — всего лишь 39 крон, поляк — 35, украинец — 20, словенец — 25, хорват — 17. Славяне, даже все вместе, не набирали таким образом и 50% австрийских налогов. (38) «Немцы уплачивают половину всех налогов в Праге и Богемии только с учетом еврейских налогов. Но разве евреи хоть раз получили за это от немцев мандат?» (39)

И далее: «Я напоминаю немецким партиям, в особенности их антисемитским фракциям, что мы, евреи, много десятилетий верно служим немецкому народу; за это мы навлекли на себя ненависть и вражду других народов... Враждебность немцев и их непрекращающиеся попытки лишить нас прав принесли нам самое болезненное и самое горькое разочарование. Такой награды от немцев мы не ожидали».

Die wahre Wiener Spitalschaude.

«Истинный позор венских больниц». Подпись: «Больные христиане остаются в больнице с носом, потому что все койки уже заняты кривоносами из Галиции» (карикатура в сатирическом журнале «Кикерики», 11 августа, 1910 года)

Член Христианско-социальной партии Юлиус Прохазка: «Христиан не берут в школы, все места заняли евреи!». Еще: «Евреи не должны иметь преимуществ!» (Для сравнения, Гитлер в 1929 году: *Тысячи, десятки тысяч сынов нашего народа, одаренные талантом, не имеют возможности учиться... В наших университетах вы растите детей чужого народа, постоянно обделяя наших христианских сограждан.*(40))

Штраухер: «В чем, по-вашему, заключаются эти преимущества? Разве мы кому-нибудь запрещаем учиться? Агитируйте вашу молодежь, чтобы она стремилась в школу!»

Прохазка: «Открывайте собственные школы!»

Штраухер: «Ах, вот как? Тогда за что мы платим налоги и выполняем прочие обязательства, как и все граждане государства?»

И снова раздается крик: «Жид!». Штраухер: «Вы, тот, кто крикнул «жид», я горжусь, что я иудей, как и Вы гордитесь тем, что христианин. Потому что в основе иудаизма и христианства — одни и те же истины».

Реплика польского священника Лео Пастора: «Нет, нет, это не так!». Еще один выкрик: «Мы платим налоги, а жида их пожирают. Стройте свои жидовский школы!»

Законопроект, предложенный Христианско-социальной партией, не прошел. Но все-таки 162 депутата проголосовали «за»: христианские социалисты, немецкие националисты, немецкие радикалы, пангерманцы и прочие мелкие группировки.

Сионистский еженедельник «Нойе Националь-Цайтунг» отреагировал на эти дебаты острой передовицей «Прочь от немцев!» Ее написал издатель Саул Рафаэль Ландау родом из Кракова: «Такова благодарность за то, что евреи сражаются в славянских землях за немецкий народ, что лидеры евреев, например, господин д-р Офнер [член Немецкой народной партии — прим. автора], “не позволит лишить его немецкости”. Благодарность за то, что мы связываем свою судьбу с немецкой культурой и признаем ее в верности. А эта немецкая культура образует духовную базу для тех, кто хочет лишить евреев возможности получать образование и таким образом прикоснуться

к духовным достижениям нашей эпохи. Это печальная культура». Отсюда вывод: «Для большей части нашего народа самое время отказаться от немецкой нации и ее культуры». (41)

Евреи запада и востока

Перед лицом антисемитизма, который все более отчетливо становился расовым, стали опасаться за свое положение и оседлые, ассимилированные венские евреи. Они приложили немало усилий, чтобы их еврейское происхождение не бросалось в глаза, чтобы уподобиться окружению и раствориться в нем. Многие давно перешли в христианство и думали, что могут забыть о своих корнях. Но теперь, когда под знаком расового антисемитизма их поставили на одну ступень с одетыми в лохмотья единоверцами с востока, они почувствовали угрозу своему уютному существованию, завоеванному с таким трудом.

Восточноевропейские евреи бросались в глаза на улицах: они разговаривали на идиш и, придерживаясь ортодоксальной веры, носили пейсы — длинные пряди волос на висках, одевались в традиционный наряд — кафтан, цилиндр, сапоги. Из-за своего необычного вида они казались группой заговорщиков.

Еврейская община прилагала все усилия, чтобы как можно быстрее адаптировать приезжих «евреев в кафтанах» к новой среде. Им выдавали неброскую одежду. Их детей обучали в собственных школах немецкому языку. Община по возможности брала на себя их обеспечение, не обращаясь в попечительские организации. Богатые евреи жертвовали на «теплые комнаты», бесплатное питание и больницы. Венские евреи особенно заботились о бродячих торговцах,

вызывавших недовольство в городе Люэгера. Много говорилось о вреде «попрошайничества» и «уличной торговли», обсуждались стратегии ускорения ассимиляции. (42) Но чем щедрее становились венские евреи, тем больше появлялось нуждающихся. А чем больше евреев прибывало с востока, тем сильнее становился страх перед растущим антисемитизмом.

Оказалось, многие бедняки с востока не ценили благодеяния своих богатых западных братьев. Они хотели сохранить старые обычаи и нравы, традиционную одежду и язык. Они были преисполнены гордости и чувства собственного достоинства и даже демонстрировали превосходство над западными евреями, потому что «истинными иудеями» считали себя. Они хранили верность своей древней религии и обрядам, соблюдали обычаи отцов, стали живым упреком для охладевших к религии, ассимилированных или даже крещеных евреев на западе.

При всех стараниях понять друг друга, между восточноевропейскими и западноевропейскими евреями сохранялась отчужденность. Писатель Вассерман вспоминал: «Когда я встречал польского или галицийского еврея, я разговаривал с ним, стараясь проникнуть в его внутренний мир, исследовать его мировоззрение и образ жизни. Порой я был растроган, или удивлен, или сочувствовал ему и грустил вместе с ним, но никакого братства, а тем более родства я не ощущал. Он был для меня совершенно чужим во всем, что он говорил, в каждом вздохе, а иногда — если не возникало личного человеческого притяжения — даже отталкивающим».

Вассерман (подобные высказывания можно найти не только у него, но и, например, у Элиаса Канетти) чувствовал, что между «еврейскими евреями»

и «немецкими евреями» лежит пропасть. «Разве это не два разных вида, даже две расы или, по крайней мере, два разных образа жизни?» Он, немецкий еврей, находится «на передовом посту, хочет выразить себя и свой мир, навести мосты». Разве такой, как он, «не приносит больше пользы, чем тот, кто цепляется за predeterminedный путь?» (43) Он скорбел о том «щемящем сердце положении», известном ему не понаслышке, в котором находятся ассимилированные евреи: «Немецкий еврей — вслушайтесь внимательно в оба этих слова. Это сочетание возникло в результате длительного процесса. Из-за своей двойной любви и борьбы на два фронта немецкий еврей оказался на краю бездны отчаяния». (44)

А вот восточноевропейский еврей Йозеф Рот рассуждал об ассимилированных единоверцах критически: «Давайте признаем факт, на который обычно смотрят сквозь пальцы: антисемитских инстинктов не лишены и сами евреи. Не всякому приятно при виде какого-нибудь чужака, вчерашнего жителя Лодзи, вспомнить своего деда, рожденного в Познани или Катовице. Такова подлая, но объяснимая логика мелкого обывателя, который только решил было подняться по высокой и крутой лестнице на открытую всем сторонам света террасу, где восседает крупная буржуазия. Завидев кузена из Лодзи, трудно не потерять равновесие и не сорваться вниз». Западный еврей «зазнался. Он позабыл Бога своих отцов и поклонился идолам: патриотизму и вере в цивилизацию». (45)

Однако расовый антисемитизм не делал различий между восточными и западными евреями, ортодоксальными и крещеными, несмотря на все их несходство. Макс Нордау писал: «Мы можем делать, что угодно,

но для наших врагов еврейство всего мира — едино... Они оплели нас железной цепью солидарности, которую нам не разорвать». И далее: «Судить о нас всегда будут по тем евреям, которые стоят на самых низших ступенях социальной лестницы. Нам не стряхнуть одетого в кафтан собрата с фалд элегантного фрака! ... Антисемит, который, путешествуя, спокойно и безнаказанно оплевывает нашего несчастного, отверженного, одетого в лохмотья восточного собрата, думает при этом о еврейском бароне, тайном советнике и профессоре, проживающих с ним по соседству». (46)

Ни переход в другую веру, ни крещение, ни даже страстная убежденность в своей принадлежности к немцам не спасали ассимилированных евреев от оскорбительного прозвища «жиды». Одним махом были уничтожены все их интеграционные усилия, и они вновь оказались частью еврейского сообщества, связанного единством исторической судьбы. Некоторых это привело к кризису и даже к отчаянной, на грани суицида, ненависти к себе. Антисемитам были прекрасно знакомы такие примеры, об этом свидетельствуют и «Моя борьба», где Гитлер с удовольствием распространяется об известных случаях (Отто Вейнингер и Артур Требич).

Якоб Вассерман, который в Вене убедился, как тяжело приходится ассимилированным евреям, которые отвергают свое происхождение, ощущают себя немцами, но при всей их любви к немецкому языку и культуре, не приняты обществом, сочувственно писал: «Я знаю и знал многих, томившихся по светло-волосому и голубоглазому человеку. Они боготворили его, они курили ему фимиам, они верили всему, что он говорил, каждый его взгляд был для них выражением

его героизма, а когда он рассуждал о своей земле, когда стучал себя в грудь и называл себя арийцем, они бились в истерике и восторженно вопили. Они не хотели быть собой; они хотели быть им; думали, что если они провозгласили его избранником, то и сами станут избранными, или, по крайней мере, все забудут, что они недостойные, неполноценные». (47)

Но среди ассимилированных евреев были и такие, кто не стеснялся своего происхождения. Например, Артур Шницлер боролся в это крайне непростое время против антисемитизма, изобразив его проявления в романе «Путь на волю» и в драме «Профессор Бернхарди» (постановка в Вене была запрещена цензурой до 1918 года). В романе Шницлер представляет разные типы венских евреев на рубеже веков — от убежденного сиониста до австрийского кавалера, приверженного немецкому духу, и юной дамы, стоящей на социал-демократических позициях.

Корреспондент газеты «Нойе Фрайе Прессе» Теодор Герцль, бывший бурш и страстный ассимилянт, из-за сочувствия к несчастьям восточноевропейских евреев вернулся к своим корням. В сочинении «Еврейское государство», опубликованном в 1896 году, он предложил выход из этого бедственного положения — переселение в Землю обетованную, Палестину. Он надеялся, что бедные евреи из Восточной Европы найдут там прибежище и приток иммигрантов в Западную Европу, а вместе с ним и антисемитизм сократятся. Расходы на покупку земли в тогда еще османской Палестине и на переселение следовало взять на себя богатым западным евреям.

Сионизм, еврейское национальное движение, возник как акт самозащиты. Рот писал о сионистах:

«За неимением “почвы” в Европе они устремили взоры к своей палестинской родине. Изгнанниками они были испокон веку. Теперь они стали изгнанной нацией». И не случайно, что «современный сионизм возник в Австрии, в Вене. Его изобрел австрийский журналист. Вряд ли кому-то еще такое могло прийти в голову». (48)

Нордау, друг и соратник Герцля, тоже бывший ассимилянт, так объяснял свою озабоченность судьбой восточноевропейских евреев: «Наши братья страдают и взывают о помощи. И мы спешим на помощь. Они — хаотичная масса. И мы их организуем. Они бормочут свои жалобы на непонятном культурному человеку языке. Мы одолжим им цивилизованные языки. Они двинутся неведомо куда. Мы укажем им путь, по которому следует идти. Они не знают, к чему стремятся. Мы определим им цель». (49)

Нордау был агрессивнее Герцля: «Мы не собираемся обезоруживать антисемитов покорностью и раболепием. Евреи не могут ждать, пока антисемитизм иссякнет и на его месте взойдут роскошные ростки любви к ближнему и справедливости». «Единственное спасение для евреев» — сионизм, «без него они погибнут». (50)

Сочтя евреев нацией, сионисты захотели получить и правовое признание. Но этим планам препятствовало то, что в Австро-Венгрии критерием нации служило наличие единого языка. А евреи говорили на разных языках и, соответственно, относились к разным народам. В 1909 году адвокат Макс Диамант из Черновцов подал в Имперский верховный суд ходатайство о признании евреев Буковины отдельной народностью, «используемым» языком которой является идиш. Президент Имперского верховного суда, 81-летний

крещеный еврей Йозеф Унгер, либерал, отклонил ходатайство с обоснованием: согласно устоявшемуся мнению, евреи — это религиозная община, а не народность. О собственном языке речь может идти лишь тогда, когда вся нация говорит на этом языке. Идиш — лишь «диалект» немецкого, но не язык. (51)

В 1910 году студенты-сионисты при зачислении в университет указали в качестве родного языка «еврейский», которого не было в официальном списке языков Австро-Венгрии. А сионисты на международных конгрессах уже обсуждали вопрос, не отдать ли предпочтение ивриту перед идишем в качестве национального языка.

Языковой вопрос стал еще одним камнем преткновения для западных и восточных евреев. Недовольные ассимилянты полагали, что сионисты преследуют те же цели, что и антисемиты: отказавшись признавать себя немцами, чехами или венграми иудейского вероисповедания, провозгласив себя особой еврейской нацией и призывая к эмиграции, они сами себя изолировали, они льют воду на мельницу антисемитов, желающих «освободить Европу» от евреев.

Нордау, не стесняясь в выражениях, назвал позицию западных евреев «наивно бесстыдным эгоизмом». Получается так, «что сытые и довольные евреи, составляющие всего одну пятую от общего числа, говорят отчаявшимся и готовым сделать все для своего спасения четверем пятым: “Как вы смеете своими дикими воззваниями к Сиону мешать нам наслаждаться пищей? Почему вы не можете скрыть свои страдания? Почему вы не умираете с голоду молча?”» (52)

Но суть в том, что ассимилированные евреи Австро-Венгрии не ощущали себя представителями

чужой нации. И что же им было делать? Учить идиш, который не давал в Вене возможности подняться по социальной лестнице и в «хороших домах» считался примитивной мешаниной из устарелого немецкого и польского? Или отказаться от своей немецкой идентичности и положения, доставшихся с таким трудом? Отправиться еврейскими крестьянами в Палестину? Получается, теперь не только антисемиты, но и сионисты лишают их родины? А, может, они сами решат, кем им быть — иудеями, протестантами или людьми без религии — не важно, евреями, немцами, поляками или венграми, а может — при их-то наднациональном образе мыслей — и австрийцами?

Карл Краус, отказавшийся от иудаизма, стал рупором противников Герцля. Он заявлял, что не даст «на Сион ни кроны». (53) Пропасть между восточными и западными евреями грозила расколоть еврейскую общину в Вене.

Даже Нордау посочувствовал западным евреям, войдя в их положение: «Для немецкого еврея Германия — обожаемая мать. Знает, что для нее он «золушка», но все равно он ее ребенок, он член семьи... Ее сердце будет разбито, и его тайная рана будет кровоточить». Даже если евреи решатся отправиться в Палестину, «они и все их потомки до самого далекого колена будут вспоминать о Германии как о навсегда утраченной первой любви». (54)

Гитлер-политик, однако, не был склонен делать различий между разными группами евреев, считал противоречия между ними лицемерием: *Эта показательная борьба между евреями сионистского толка и евреями-либералами опротивела мне довольно скоро.* (55) Для него имела значение только «раса».

Призрак еврейского мирового господства

В 1903 году в русском Кишиневе начались погромы, евреи вновь подверглись истязаниям и убийствам. И вновь сотни тысяч беженцев в ужасе устремились через границу. В Западной Европе проходил сбор средств, чтобы обеспечить голодных и бездомных хотя бы самым необходимым, а также оказать помощь Галиции, которая приняла на себя основную волну беглецов. Антисемиты называли участников благотворительных акций прислужниками и простаками. Ведь собранные деньги якобы все равно «пойдут на нужды русской революции». (56) А потому все, кто делает пожертвования, — «покровители еврейских убийц и революционеры». (57)

По всей Западной Европе целенаправленно разжигался страх перед дальнейшими потоками иммигрантов из России. Как-никак в царской империи проживало более 5 миллионов евреев, то есть больше, чем во всех остальных странах, вместе взятых. Для сравнения: в Австро-Венгрии — более 2 миллионов евреев: около 850 000 — в Венгрии, еще 850 000 — в Галиции, более 100 000 — в Буковине, около 200 000 — в Вене. На Германскую империю приходилось в общей сложности 600 000, из них 400 000 — на Пруссию. Во всей Франции — 100 000 евреев, в Италии — 35 000, в Испании — 2 500. (58)

Антисемиты использовали русскую революцию 1905 года как жупел. Евреев обвиняли в том, что те были закулисными руководителями мятежа, а теперь планируют при поддержке социал-демократов свергнуть правительства Западной Европы и захватить «мировое господство».

В Австро-Венгерской империи подобные теории подпитывались случайными совпадениями: новость об Октябрьском манифесте Николая II пришла в Вену во время съезда Социал-демократической партии. Д-р Вильгельм Элленбоген как раз выступал с речью, когда его однопартийцы разразились радостными криками: «Да здравствует русская революция! Да здравствует всеобщее избирательное право!» Элленбоген прервал свое выступление и торжественным тоном зачитал Высочайший манифест, даровавший свободу печати и собраний и гарантировавший созыв Государственной думы. Оратор воспользовался поводом, чтобы обратиться к цислейтанскому правительству: «Русский царь, дрожа от страха, дошел до того, что провозгласил всеобщее избирательное право, так неужели наша трусливая императорская династия отстанет от России?... Мы не хотим жить в стране церковников, контроля, регресса и придворной клики. Избирательное право для нас — вопрос жизни и смерти». Он напомнил об оружии пролетариата — «полной остановке производства и массовых забастовках» — и заключил: «Если будет нужно, то добродушный и благоразумный пролетариат Австрии заговорит по-русски». (59) Этими словами, согласно протоколу, он сорвал «бурные овации».

В конце ноября 1905 года социал-демократы организовали в Вене массовый митинг за всеобщее равное избирательное право, а члены Христианско-социальной партии с Люэгером во главе провели в ратуше ответную демонстрацию под лозунгом: «Долой еврейский терроризм!» Газета «Дойчес Фольксблатт» писала: «Кто возглавляет социал-демократов? Евреи Адлер и Элленбоген! Кто их поддерживает? Вся еврейская пресса! А кто дает деньги? Еврейские магнаты!

Евреи — это зачинщики и подстрекатели, и в России, и у нас». (60)

На встрече с избирателями Люэгер намекнул на недавние погромы в южной России, повлекшие за собой тысячи смертей: «Я предостерегаю евреев, особенно в Вене, не заходить так далеко, как их русские собратья по вере, и не особо-то водить компанию с социал-демократическими революционерами. Я предостерегаю их самым серьезным образом; у нас тоже может случиться нечто подобное тому, что произошло в России. Мы, венцы, — антисемиты, но мы не убийцы. Однако если евреи будут угрожать нашей стране, то и мы не будем знать пощады. Я предостерегаю от этих печальных последствий». Последовали «долгие, нарочито бурные аплодисменты». (61)

Это выступление возмутило либералов и стало поводом для парламентского протеста против «провокационной и подстрекательской речи» Люэгера, содержащей «прямой, неприкрытый и жестокий призыв к эксцессам, насилию, грабежу, разбоем и убийству граждан, чье равноправие гарантировано конституцией». Этот призыв тем более опасен, что исходил от «главы города с миллионным населением», и тот обязан обеспечить мирное сосуществование граждан, а не натравливать их друг на друга. (62)

Во время дебатов Люэгер продолжал настаивать на своей точке зрения: «Если взглянуть на лидеров Социал-демократической партии, то каждый человек, разбирающийся в расах, скажет, что все они евреи. (Аплодисменты). Может, кто из них и крещен, но совершенно точно есть и настоящие. И даже д-ра Адлера — тот, вероятно, крещен, ни с кем не спутаешь». Затем Люэгер разыграл карту миролюбия. Он

якобы «не раз защищал евреев вопреки воле» своей партии: «Я вам скажу, немного найдется партий, у которых такой кроткий лидер». (63) В марте 1906 года христианские социалисты вновь предложили ограничить иммиграцию русских евреев, чтобы «защитить местных христиан от этого нашествия». (64)

В 1907 году, когда Гитлер приехал в Вену, проблема русских евреев по-прежнему оставалась темой ожесточенных дискуссий, особенно после выхода книги «Революция в России» Рудольфа Врбы, на редкость антисемитской; ее горячо рекламировали и цитировали христианские социалисты. Там говорилось, что погромы и резня русских евреев — не что иное, как оборонительная борьба против еврейской угрозы: «Русские, остро чувствующие свою национальную сущность, судорожно пытаются высвободиться из плена еврейских щупалец». (65) «Мандельштамы и Зильберфарбы разожгли огонь мятежа в огромной империи царя: кровь, пролитая революцией, падет на головы евреев». (66)

В книге, которая благодаря многочисленным статистическим данным и цитатам производила впечатление научного исследования, ставился знак равенства между евреями и социал-демократами, вырисовывалась картина всемирного еврейского заговора. Если бы в России евреи получили еще и гражданские права, то там случилось бы то же самое, что «в конституционных государствах, которые здесь нет нужды называть». Евреи «распотрошили бы и высосали народ, как низшие, так и высшие его слои, ... а конституционные правительства попали бы к ним в тотальную моральную и финансовую зависимость». (67) «Евреи, получившие свободу, за считанные десятилетия превратят фермеров и крестьян в попрошайек, которые будут наниматься

на поденную работу и станут просто рабами». (68)
«Потому что евреям не нужно “равенство”, они стремятся к абсолютному господству». (69)

Врба пишет, что никаких преследований евреев нет, а есть только гонения на христиан, от которых те вынуждены спасаться. «И не надо нам тыкать в нос ту толику антисемитизма, который встречается в нашем мире. Это не может служить опровержением нашего тезиса. Нет ничего более кроткого, чем современный антисемитизм. Это платонизм из платонизмов. Если в Кишиневе и получилось, что вместе с христианами погибли евреи, то вину уже давно искупили долгими тюремными заключениями». (70)

Гитлер приводит сходные аргументы, отрицая преследования евреев, например, в следующем высказывании 1923 года: *Евреи стремились к неограниченному господству в стране, где их ограничивали в правах, именно ограничивали, а не преследовали, в последние двести лет не было никаких преследований евреев, было только одно непрекращающееся преследование христиан!* (71)

Особо усердствовала в разжигании страха перед нашествием русских евреев газета «Дойчс Фольксблатт», которую читал и Гитлер. В 1908 году она опубликовала передовицу румынского профессора из Ясс. В статье говорилось, что в этом городе «вторжение» евреев из России, «губящее народ и разрушающее государство», привело к тому, что в их руки «попали все источники национального достояния». В 1849 году в Яссах якобы проживало 72% румын, 20% евреев и 8% представителей иных национальностей, а теперь всего лишь 45,5% румын, 4,5% иных народностей и 50% евреев. Профессор делает вывод:

Гитлер в Вене

652

Und ein Turmkraxler.

«Христианские социалисты — об угрозе еврейского господства в Вене: восточноевропейский еврей устраивается на крыше ратуши, сбрасывая оттуда один из символов Вены — украшающую центральную башню фигуру рыцаря» (карикатура в сатирическом журнале «Кикерики»)

Евреи в Вене

653

«Если мы позволим евреям уничтожить средний класс, если мы сдадим наши города этим незванным гостям, то мы погибли. Решение еврейской проблемы имеет первостепенное значение для выживания нации. Здесь речь идет о жизни и смерти, о нашем спасении, о самом важном — о национальной безопасности и будущем нации. Горе той нации, у которой нет сил, чтобы отразить чужеземное вторжение и которая вынуждена безучастно наблюдать, как коварные евреи вторгаются во все сферы жизни, лишают народ куска хлеба и экономически поработают его». (72)

Утверждая, что русские евреи и революционеры захватят власть сначала в Румынии, а затем и в Австро-Венгрии, антисемиты всех мастей требовали принять решительные меры для защиты страны.

С другой стороны, социал-демократы продолжали заявлять о своей солидарности с целями русской революции и протестовали против отмены демократических прав, дарованных в 1905 году, против роспуска Думы, политических преследований и еврейских погромов. В 1911 году на партийном съезде выступал сбежавший из Сибири русский революционер Лев Троцкий. Вместе с женой и детьми он жил с 1907 по 1914 год в Вене, писал для газет, издавал русскую газету для рабочих «Правда» и дружил с венскими социал-демократами. В своей речи он славит цислейтанских социал-демократов, поддерживающих русскую революцию: «Русские рабочие с особым восторгом встретили два выступления: во-первых, впечатляющую обвинительную речь товарища Адлера в первом австрийском парламенте после введения всеобщих выборов, где он осуждает преследование нашей второй фракции в Думе, и, во-вторых, пламенную речь товарища Элленбогена, который

протестует против пыток политических заключенных. Я с благодарностью вспоминаю обе речи». (73)

Так как Адлер, Элленбоген и Троцкий были евреи, у антисемитов появилось новое «доказательство» стремления евреев к «мировому господству» при поддержке международной социал-демократии и «еврейской прессы».

Третьим помощником в подготовке грядущей мировой революции считались «еврейские денежные мешки». Газета «Бригиттенауер Бециркс-Нахрихтен» писала о трехстах международных экономистах, которые якобы встречались друг с другом (74), что «все они — колена Иудова и передают по наследству свое право на господство. Это триста королей нашей эпохи, именно они правят сегодня, а старые монархи — лишь марионетки». Монархи и не подозревают, что «их окружают подручные этих трехсот и что их держат в неведении относительно действительно важных вещей». Немецкую нацию уничтожат и денационализируют, чтобы «на ее могиле расцвели буйным цветом торговый индустриализм и все это сверкающее богатство».

Кроме того, денежная аристократия «задумалась о создании Интернационального банковского альянса со штаб-квартирой в Вашингтоне» и скоро «начнет диктовать оттуда свои законы миру»: «Денежная аристократия станет преемницей империй и королевств и будет обладать гораздо большей властью, потому что ее влияние охватит не одну страну, а весь земной шар». Районная газета, к постоянным читателям которой принадлежал и Гитлер, приходит к выводу: «Мы все суетимся и горячимся, и даже ссоримся, а жида, тихонько посмеиваясь, вращают колесо истории». (75)

Таких примеров можно привести сколько угодно, причем не только из пангерманских и немецких радикальных газет, но и из чешских, польских, украинских. Вот, например, слова радикала Вольфа из «Остдойче Рундшау»: «Социал-демократия — это новый яд, который в нас вливают евреи». (76) А профсоюзная газета немецких националистов писала, что «жиды» уже перетасили на свою сторону буржуазию и ученых, поставив их в зависимость от себя, а теперь хотят еще «и рабочих возглавить». (77)

Гитлер-политик сделал легенду о еврейской революции краеугольным камнем своей пропаганды, ссылаясь преимущественно на русскую революцию 1917 года. Например, в 1942 году: *Нам знакомы теоретические послышки и страшная правда об этой мировой заразе. Они называют это господством пролетариата, а на самом деле это диктатура еврейства! Международные еврейские преступники уничтожают национальных вождей и интеллигенцию и поработают пролетариат, оставшейся без вождя, а потому и по собственной вине беззащитный. То, что приняло в России ужасающие масштабы, а именно: уничтожение миллионов вождей нации, должно было продолжиться в Германии.* (78)

Во всяком случае, когда молодой политик после 1918/1919 гг. вспомнил старые венские лозунги и объявил против «евреев», мнимых виновников всех несчастий, борьбу «не на жизнь, а на смерть, он попал в самое яблочко: *Если еврей при помощи своей марксистской веры одержит победу над народами этого мира, его наградой станет пляска смерти человечества, и тогда эта планета снова, как и миллионы лет назад, будет кружиться по эфиру без людей.*

Мудрая природа безжалостно мстит за нарушение ее заповедей. Поэтому я думаю, что действую сегодня согласно воле всемогущего творца. Борюсь с евреями, я борюсь за творение Господне. (79) Немцы должны научиться бороться *против ядовитого газа ядовитым газом. А слабакам нужно просто сказать, что речь здесь идет о жизни и смерти.* (80)

Был ли Гитлер в юности антисемитом?

Нет сомнений: Гитлер в Вене интересовался антисемитизмом. Те четыре политика, которых можно считать его политическими кумирами, — Шённерер, Люэгер, Вольф, Штайн — радикальные антисемиты. Антисемитскими были и многие из газет, которые Гитлер читал в Вене, и брошюры, из которых он черпал знания. Когда Гитлер-рейхсканцлер рассуждал о «жидах», его речь пестрела венскими оборотами. Он демонстрировал хорошее знание словарного запаса и популярных клише венских антисемитов. Поэтому некоторые из тех, кто познакомился с ним позже (например, Альберт Шпеер) поначалу считали антисемитизм Гитлера «вульгарным наростом, пережитком венских дней...», от которого он, бог весть почему, не избавился». (81)

Складывается впечатление, что антисемитизм Гитлера развивался по прямой линии, начиная с венских лет. Вот как он описывает это в «Моей борьбе»: *Для меня наступила пора величайших перемен, какие когда-либо происходили с моей душой. Слабохарактерный «гражданин мира» превратился в фанатичного антисемита.* (82) И в этом преображении решающую роль сыграла Вена: *В ту пору тяжелой внутренней борьбы между привитым чувством и холодным рассудком*

неоценимую услугу оказали мне наглядные уроки, которые я получал на улицах Вены. (83)

Ключевым моментом решительного поворота в сторону антисемитизма Гитлер называет в 1924 году в «Моей борьбе» встречу с восточноевропейским евреем. Но не потому, что тот его, к примеру, обманул. Нет, ничего подобного. Просто *существо в длинном кафтане с черными локонами* сбило молодого человека с толку. *Первое, что пришло мне в голову: это что, тоже еврей? В Линце они выглядели по-другому. И еще: Это что, тоже немец?* Встреча побудила Гитлера в очередной раз приняться за чтение: *Тогда я впервые в жизни купил себе за несколько геллеров антисемитские брошюры. (84)* А потом его охватила одержимость, присущая радикальным антисемитам: *С тех пор как я стал заниматься этим вопросом и начал интересоваться евреями, Вена предстала мне в совершенно ином свете. Теперь, куда бы я ни отправился, я видел евреев. И чем больше я их видел, тем больше они бросались в глаза. (85)* Итогом этого драматического развития стало осознание еврейского характера социал-демократии: *Когда я увидел, что вожди социал-демократов — евреи, с глаз моих упала пелена. Долгая внутренняя борьба завершилась. (86)*

Как известно, «Мою борьбу» нельзя считать автобиографией в традиционном смысле слова, которое подразумевает критический разбор собственного прошлого, рассказ о событиях и переживаниях. Совершенно очевидно, что эта книга — пропагандистское произведение, где рвущийся к власти начинающий политик излагает свои политические убеждения, выдавая их за «мировоззрение», и иллюстрирует все это подходящими картинками из собственной жизни.

В «Моей борьбе» Гитлер создает иллюзию, что его антисемитизм рос, так сказать, «органически»; это позволяет автору использовать выгодные для него образы врага при описании ключевых моментов жизни. «Мою борьбу» можно читать и как историю становления германского фюрера, который идет по верному пути и нашел этот путь уже в юности.

Чтобы защитить этот миф, Гитлер-политик должен был уничтожить следы в Вене. Прежде всего те, что вели в мужское общежитие. Ведь реальность, какой она предстает нам сегодня в рассказах очевидцев, имела мало общего с легендами из «Моей борьбы». Нет ни одного свидетельства об антисемитизме Гитлера в юности, за исключением рассказов Кубичека, но это особый случай. (См. «Экскурс: Кубичек и Етцингер как источники» в Главе 1 «Из провинции в столицу»).

Райнхольд Ханиш, приятель Гитлера и явный антисемит, был крайне удивлен, когда в 1930-е годы узнал, что тот ведет антисемитскую политику. Ведь Ханиш поссорился с Гитлером в 1910 году, когда последний предпочел ему Йозефа Ноймана и Зигфрида Лёффнера, еврейских друзей по общежитию. Желая подорвать доверие к бывшему товарищу, разгневанный Ханиш рассказывает в 1930-х годах свою версию юности Гитлера, которая была какой угодно, но только не антисемитской. (См. раздел «Дискуссии в читальне» в главе 6 «В мужском общежитии»).

И Ханиш в этом мнении не одинок. Аноним из Брюнна вспоминает 1912 год: «Гитлер ладил с евреями очень хорошо, однажды он сказал, что они народ умный и более сплоченный, чем немцы». Рудольф Хойслер, еще один товарищ по общежитию, тоже растерялся, когда его дочь начала расспрашивать об антисемитизме

Адольфа, которому в период их общения было 23–24 года: в Вене Хойслер ничего подобного за приятелем не замечал. Но, зная, что в Мюнхене Гитлера обчитал еврейский старьевщик, он увидел здесь возможную причину антисемитизма Гитлера — версия поистине неубедительная. (87)

Отметим, что Гитлер, подробно рассказывая о своих венских страданиях, не упоминает ни одного неприятного происшествия, связанного с евреями. Перечислим еще раз контакты молодого Гитлера с евреями в Линце и Вене.

К еврею Эдуарду Блоху, семейному врачу в Линце, который не оставлял вниманием его мать вплоть до самой ее смерти, Гитлер испытывал благодарность даже на посту рейхсканцлера. Эмигрировавший в Америку д-р Блох подчеркивает, что юный Гитлер в Линце точно не был антисемитом: «Он еще не начал ненавидеть евреев». (88) Гипотеза, что антисемитизм Гитлера возник в связи с тем, что профессор-еврей «завалил» его на приемных экзаменах в Академию изобразительных искусств, не имеет под собой оснований. Равно как и сенсационная история о том, что Гитлер заразился сифилисом от еврейской проститутки в венском районе Леопольдштадт. Когда в 1908 году антисемиты травили Густава Малера, бывшего директора Придворной оперы Гитлер продолжал его уважать, ценя малеровские постановки Вагнера. Посещая вместе с Кубичеком музыкальные вечера в доме семейства Яхода, 19-летний Гитлер знакомится укладом еврейской семьи, принадлежащей к слою образованной буржуазии, восхищается им и не делает ни одного антисемитского замечания. Кроме того, у него были все основания для благодарности еврейским благотворителям. Оставшись в 1909 году

без крыши над головой (а возможно, и в другие венские годы), он пользуется многим из того, что предоставляли беднякам еврейские организации социального обеспечения, начиная с «теплых комнат» и бесплатного супа и до пожертвований еврейских граждан на содержание приюта для бездомных в Майдлинге и мужского общежития в Бригиттенау.

В мужском общежитии Гитлер дружит, прежде всего, с евреями, что приводит в ярость Ханиша. Лучший друг будущего фюрера, иудей Нойман, чистильщик меди, одалживает Гитлеру пиджак, когда тому нечего надеть, и дает займы деньги. Они вдвоем исчезают на неделю из общежития. Ханиш вспоминал: «Нойман был добродушным человеком и любил Гитлера, а тот его очень ценил». Гитлер часто дискутировал с Нойманом об антисемитизме и сионизме, причем по-дружески, без той ненависти, что проявлялась в его спорах с проживавшими в общежитии социал-демократами. Есть свидетельства, что Гитлер даже защищал Гейне от нападок антисемитов, цитировал притчу о трех перстнях Лессинга и ценил достижения еврейских композиторов Мендельсона и Оффенбаха.

Еврейский товарищ по общежитию Зигфрид Лёффнер из Моравии приводит Ханиша, заклятого врага Гитлера, в полицию, чтобы заявить о его клевете на молодого художника. Одноглазый еврейский слесарь Симон Робинзон из Галиции, получавший маленькую пенсию по инвалидности, выручает Гитлера деньгами. Карл Ханиш упоминает и еще одного еврейского знакомого Гитлера по общежитию в 1913 году — Рудольфа Редлиха из Моравии. Не следует думать, что в общежитии проживало особо много евреев. По статистике, их было 8–10%

процентов, что соответствовало среднему показателю по Вене. Ханиш был там не единственным антисемитом, это можно заключить из сделанного позже замечания Гитлера: «Многие рабочие, с которыми он общался, были радикально настроенными антисемитами». (89)

Все свои картины и рисунки Гитлер продавал еврейским торговцам: Моргенштерну, Ландсбергеру и Альтенбергу. Ханиш пишет: «Христианские торговцы... платили не больше евреям. Кроме того, они покупали что-то новое, только если уже продали старое, а евреи просто покупали, неважно, удалось им что-то продать или нет». Когда в 1938 году архив НСДАП разыскивал картины Гитлера, то и в магазине Моргенштерна, и у Альтенберга обнаружили непроданные экземпляры, хотя прошло уже более четверти века. Ханиш вспоминает: «Гитлер часто говорил, что дела можно делать только с евреями, потому что только они готовы рисковать». Якоб Альтенберг, производитель рам родом из Галиции, не припоминает ни одного антисемитского высказывания юного Гитлера. (90)

С Самуэлем Моргенштерном у будущего фюрера также сложились прекрасные отношения; тот рекомендует молодого человека частным клиентам, например, адвокату д-ру Йозефу Файнгольду, тоже еврею, и тот опять-таки помогает Гитлеру.

Тесные контакты Гитлера с евреями, возможно, свидетельствуют о том, что он осознавал их превосходство. Как вспоминает Кубичек, на стоячих местах в опере у него была возможность наблюдать интерес евреям к культуре и отсутствие такового у типичных «венцев». Гитлер был в курсе, насколько различается число христианских и еврейских студентов в университетах, и не раз слышал популярные шутки про

«умных» и «хитрых» евреям, которые с легкостью берут верх над «добропорядочными» христианами.

В мужском общении он с уважением говорил о том, что евреям удалось в течение столетий сохранять чистоту «еврейской расы». Ведь и фон Лист, и Ланц фон Либенфельс считают опасной и губительной не чужую расу, а смешение рас, снижающее ценность арийского «благородного народа»; именно такого смешения следует избегать. В 1930 году Гитлер в разговоре с Отто Вагнером рассуждает об умении евреям сохранять расу в чистоте при помощи религии и строгих заповедей, среди которых и запрет брака с «неевреями». Гитлер развивает мысль фон Листа: *Благодаря Моисею евреи получили ... возведенные в статус религии правила жизни, которые идеально соответствовали сущности их расы и в простой и ясной форме, без догм и сомнительных религиозных заповедей, на разумной и реалистичной основе предписывали те действия, которые могли служить будущему благополучию и сохранению детей Израиля. Все нацелено на благоденствие собственного народа, без оглядки на других.* После всех рассуждений Гитлер приходит к выводу, что *мы должны, вне всякого сомнения, признать, что евреи проявляют невероятную мощь в сохранении своей расы, и это достойно восхищения.* (91)

Еврейскую «чистоту расы» Гитлер взял за образец для своего тезиса о необходимости сохранения чистоты арийской расы.

Лишь став политиком, Гитлер начал называть евреям «паразитами», которые лишают арийцев силы посредством интеллектуального влияния, демократии, социал-демократии, прессы, капитала, парламентаризма,

современного искусства, порнографии, пацифизма и т.д., и т.п. В 1930 году он говорил Вагенеру: *Это инстинкт паразитов, у непаразитирующих растений его нет. Особый талант! Шестое чувство! Деловое чутье, правда, садистского происхождения, зато оно дает паразитам преимущество!* (92) Если «народы-хозяева» не будут оказывать достаточного сопротивления, выживут только евреи как более сильные: *И если когда-нибудь человечеству придет конец, последними, кто еще продолжит размножаться несмотря ни на что, будут евреи. И далее: Неужели следует оставить Землю... этому народу в награду?* (93) Все эти невесты где вычитанные легенды о смертельном поединке рас в борьбе за существование, которые Гитлер принимал за истину, вылились у него, считавшего себя спасителем немецкого народа, в антисемитский синдром.

Шпеер утверждает в дневниковых записях, сделанных в Шпандау, что «ненависть к евреям была движущей силой и сущностью Гитлера», «мне даже порой кажется, что все остальное было лишь дополнением к этому самому важному его элементу, побуждающему его действовать». Эту версию подтверждает и то, что в конце войны Гитлер «был готов пожертвовать ради своей мании истребления всеми захватническими планами». (94)

Насколько все мысли Гитлера вращались вокруг «евреев», демонстрирует его «Политическое завещание», продиктованное в четыре часа утра 29 апреля 1945 года, непосредственно перед самоубийством. Оно завершается наказом *педантично соблюдать расовые законы и упорно сопротивляться главному губителю всех народов — международному еврейству.* (95)

Однако исследование его детства и юности в Линце и Вене не может дать ответа на главный вопрос, а именно:

когда антисемитизм стал ключевым пунктом мировоззрения Гитлера? Видимо, поворот произошел позже. Во всяком случае, в 1919 году в Мюнхене Гитлер в роли политика уже оперировал агрессивными антисемитскими лозунгами. Отсюда можно сделать вывод, что внутреннее перерождение произошло в период мировой войны, скорее всего, в переломном для него 1918/1919 году. Именно тогда, когда Гитлер решил стать политиком.

В этот период те тезисы, которые Гитлер усвоил в Вене, воспринимались особо. Широкое распространение вновь получил миф о «всемирной еврейской революции» как о начале грядущего «еврейского мирового господства», зародившегося в России. Но на сей раз, в отличие от 1905 года, русская революция победила: в 1917 году большевики свергли царя и захватили власть. Годом позже вспыхнули революции в Германии и Австро-Венгрии. И Гогенцоллерны, и Габсбурги лишились тронов. У руля встали социал-демократы, «ноябрьские преступники». За этим последовало заключение Версальского мирного договора, который воспринимался как «позор» Германии, навязанный «интернациональными силами», в терминологии антисемитской пропаганды — «жидами». Царили голод, отчаяние, растерянность при отсутствии ясных целей. К тому же страну наводнили потоки эмигрантов и беженцев, среди них — много восточноевропейских евреев.

Как всегда бывает в тяжелые времена, антисемитизм оказался удобным оружием. Почва для него была уже прекрасно подготовлена, и радикальные политики, пришедшие «снизу», «из народа», увидели свой шанс. Этим шансом, дарованным смутным временем, воспользовался и 30-летний Гитлер: ему нечего терять, потому что у него ничего и нет, даже

профессии. Теперь ему пригодится все, что ему дала Вена, под общим девизом: «Во всем виноваты жида».

Гитлера поддерживал и продвигал главным образом его «старший друг», писатель Дитрих Эккарт, которого «младший друг» прославляет в финале «Моей борьбы». (96) Эккарт был членом Общества Туле, связанного с Обществом Листа и тайным орденом «Высокое откровение арманов», что стало дополнительной ниточкой, соединяющей его с Веной. Скорее всего, именно под влиянием Эккарта Гитлер выставляет себя будущим вождем германцев, современным мессией, который придет к людям в возрасте 30 лет. В «Моей борьбе» Гитлер изображает это решение весьма драматически. Он, почти ослепший после отравления газом, лежал в лазарете в городе Пазевальк в Померании, когда пришла весть о Ноябрьской революции и отречении кайзера Вильгельма II от престола. Гитлер тут же обвинил во всем «жидов»: *С евреями нельзя ни о чем договариваться, им нужно ставить жесткие условия: или-или. Я решил стать политиком.* (97)

Скорее всего, решение созревало гораздо медленнее, и все происходило не так героически, как описано. Кстати, этот рассказ весьма напоминает историю озарения, пережитого Гвидо фон Листом (что неудивительно, ведь Гитлер в зрелые годы занимался сочинением своей новой биографии и нового прошлого, систематически уничтожая следы, оставленные в юности). Фон Лист тоже, временно ослепнув, якобы «прозрел», и в этом состоянии ему «открылись» тайны рун. А Гитлер сигнализировал «посвященным», что снизошедшее на него в состоянии слепоты откровение о судьбе политика делает его «избранником», «провидцем», «посланцем сверху».

Экскурс: Два примера

Семья Яхода

В Вене молодой Гитлер сталкивался не только с евреями из низших социальных слоев, но и, благодаря Кубичеку, с представителями состоятельной еврейской буржуазии. Кубичек, подрабатывавший на домашних концертах игрой на альте, в 1908 году иногда берет его с собой. В частности, и «в дом д-ра Яхода, зажиточного фабриканта, проживавшего на Хайлигенштедтерштрассе». Кто же был этот Яхода? (1)

В адресной книге Вены за 1910 год Яхода, проживающий на Хайлигенштедтерштрассе, не упоминается. Зато есть другой Яхода — по адресу Гринцингерштрассе 86. Согласно старой нумерации, этот дом находился как раз на пересечении с Хайлигенштедтерштрассе. (2) Это тот самый упомянутый Кубичеком дом и тот самый д-р Рудольф Яхода, как подтверждает его племянница, проживающая в Англии, — социолог, проф. д-р Мария Яхода, 1907 года рождения. (3) У дяди на Хайлигенштедтерштрассе она часто бывала с родителями, братьями и сестрами. Мария Яхода дала следующее описание сегодня уже не существующего дома.

Это была красивая старая вилла на лужайке в окружении деревьев, расположенная на холме, на краю парка Ротшильдпарк в районе Хайлигенштадт. Химик д-р Рудольф Яхода жил здесь с семьей и умственно отсталым братом Эдмундом. (4)

В 1908 году, когда Гитлер бывал в этом доме, директору химической фабрики Яходе, родившемуся в 1862 году в Вене, иудейского вероисповедания, было 46 лет (данные согласно свидетельству о регистрации по месту жительства). Мария Яхода описывает его так:

худой, среднего роста, чувствительный, тихий человек, выражение лица меланхоличное, седая бородка. Его жена Пина — итальянка, католичка, небольшого роста и чуть сторбленная, очень приветливая, с красивыми глазами. Их дочери Клара (1901 года рождения) и Адель (1903 года рождения) были крещены в католичество.

Семейство Яхода можно считать образцом венского состоятельного, увлеченного искусством, ассимилированного еврейства рубежа веков. Отец Рудольфа Яходы приехал в Вену из Богемии, работал здесь печатником, особо не разбогател, но сумел отдать двоих сыновей из пяти — Рудольфа и старшего Эмиля — в университет. Д-р Эмиль Яхода, заведующий хирургическим отделением Больницы им. Франца Иосифа, был, по рассказам племянницы Марии Яхода, звездой семьи: эlegantный, утонченный, кумир пациенток.

Младшие братья Георг и Карл (отец Марии) занимались печатным делом, добившись солидного достатка и большого почета. В типографии Георга Яходы, который был близким другом Карла Крауса, печатался «Факел». Семейство Яхода относилось к кругу почитателей Крауса.

Все пятеро братьев отошли от иудаизма, став, по свидетельству Марии Яхода, агностиками. Рудольф Яхода вышел из иудаизма перед женитьбой на католичке и в последующие годы в свидетельствах о регистрации указывал, что не принадлежит ни к одной конфессии.

Источником богатства Рудольфа Яходы стал один из его многочисленных патентов на химические изобретения — светящаяся краска, пользующаяся

большой популярностью. Правда, из-за ее радиоактивного состава и других химических опытов у д-р Яходы остались рубцы от ожогов на правой руке. Но он блестяще играл на фортепиано. Яхода гордился тем, что когда-то брал уроки у Иоганнеса Брамса, любил, наряду с Брамсом, Шопена, Шуберта, Бетховена и Моцарта. Его жена Пина играла на скрипке и предпочитала итальянскую музыку XVIII века.

Раз в неделю в доме Яходы проходили музыкальные вечера, на которых присутствовали все братья с женами и старшими детьми, а также двоюродные братья и сестры и другие родственники. В большом, отделанном деревянными панелями салоне, служившем еще и библиотекой, стоял рояль. Сначала Рудольф и Пина Яхода исполняли одну-две сонаты для скрипки и фортепиано. Затем все отправлялись ужинать в расположенную рядом столовую, где хозяйка угощала традиционными итальянскими блюдами. После ужина и оживленной беседы исполнялось еще одно музыкальное произведение.

Время от времени студентов консерватории приглашали исполнить трио или квартет ради разнообразия репертуара. Так в этот дом попал и альтист Кубичек. Он с восторгом рассказывал об этих вечерах другу Адольфу: «Это были люди с изысканным вкусом, тонко чувствующие искусство, поистине одухотворенное общество, возможное только в особой атмосфере Вены». (5) Кубичек попросил позволения привести друга. Так 19-летний Гитлер попал в дом Яходы.

Кубичек вспоминает: «Ему очень понравилось. Особенно его впечатлила библиотека д-ра Яходы, она стала для Адольфа важным критерием для суждения

о собравшихся здесь людях. Гораздо меньше ему понравилось то, что он весь вечер оставался лишь слушателем, хотя сам выбрал эту роль. По дороге домой он объяснил мне, что чувствовал себя в этом доме хорошо, но не мог принять участия в разговоре, потому что не музыкант». Кроме того, он испытывал неловкость из-за своего скромного наряда. (6)

В присутствии этих образованных людей юный Гитлер робеет, стесняется и не произносит ни слова. Даже учитывая все его знания о Рихарде Вагнере, этих ценителей музыки ему нечем поразить. Он не произвел впечатления, что и неудивительно: он тогда всего лишь 19-летний юноша. Однако, здесь он, видимо, впервые познакомился с жизнью еврейской семьи, принадлежащей к крупной буржуазии. И ничего не критиковал.

В заключение следует сказать несколько слов о дальнейшей судьбе членов семьи. Пина Яхода умерла рано, Рудольф Яхода потерял состояние во время Первой мировой войны и послевоенной инфляции и даже вынужден был продать дом. Он умер в 1924 году в бедности от рака (вероятно, вызванного радиоактивной светящейся краской). (7) Дочь Клара работала в 1930-е годы врачом в одном берлинском детском доме, потом через Австрию эмигрировала в Англию. Там она нашла приют у своей кузины Марии Яхода, которая поддерживала социал-демократов и потому вынуждена была покинуть Вену уже в период корпоративного государства. Венскую академическую степень Клары в Англии не признали, и она долгое время работала экономкой, потом повторно прошла курс и получила место школьного врача в Бристоле.

Адель Яхода окончила Школу художественных искусств и ремесел, возглавляемую Альфредом

Роллером, и вышла замуж за композитора и дирижера Карла Ранкля, ученика Шёнберга, с которым познакомилась на музыкальном вечере в родительском доме: его приглашали, как и Кубичека, в качестве дополнительного скрипача. Они тоже эмигрировали в Англию и первое время держались на плаву на те скромные деньги, которые она выручала художественным промыслом. Ранкль сначала был безработным, зато потом стал музыкальным директором Королевского театра в Ковент-Гардене, в Лондоне. Обе дочери Рудольфа Яходы умерли в Англии, не оставив потомства.

После трех братьев Рудольфа Яходы остались многочисленные потомки, добившиеся больших успехов в жизни (правда, не в Австрии, а в вынужденной эмиграции). Среди них — несколько музыкантов, а также немало ученых, и на удивление много университетских профессоров-женщин.

Супруги Моргенштерны

Еврейский продавец рам и изделий из стекла Самуэль Моргенштерн был самым надежным покупателем картин Гитлера. Тот не прибегал к помощи посредника, сдавал картины лично. Петер Ян, торговец произведениями искусства, который в 1937–1939 гг. по поручению НСДАП занимался розыском картин Гитлера и виделся по этому поводу с Моргенштерном, подтверждает, что отношения у них были хорошие и Моргенштерн не обманывал бедного художника с оплатой. В протоколе записано: «Моргенштерн был первым человеком, который предложил ему хорошую цену за картины, так начались их деловые отношения». (8)

Самуэль Моргенштерн, 1875 года рождения, приехал в Вену из Будапешта и в 1903 году открыл

магазин товаров из стекла и мастерскую по адресу Лихтенштайнштрассе 4, недалеко от центра города и поблизости от дома, где жил и работал Зигмунд Фрейд. В 1904 году он женился на венской еврейке Эмме Праган, младше его на четыре года. В 1911 году родился их единственный сын. В том же году Моргенштерн купил за 5 000 крон участок земли в венском районе Штреберсдорф, а в мае 1914 года — еще один, в районе Гроседлерсдорф, который стоил в десять раз дороже. (9) Начав с нуля, он за короткое время выбился в люди.

В 1937 году в протоколе, записанном по памяти, Моргенштерн сообщает, что Гитлер впервые появился в его магазине в 1911 или 1912 году, предложив ему три картины, исторические виды в стиле Рудольфа фон Альта: площадь Михаэлерплатц с «Домом трех скороходов», ворота Фишертор, которые снесли вместе со старой городской стеной, и Хофбург со старым, также не существующим уже проходным двором. Он, Моргенштерн, торговал стеклами и рамами, а заодно продавал картины, потому что «по опыту знал, что рамы легче пристроить, если в них вставлены картины». (10)

Благодаря картотеке покупателей, которую вел Моргенштерн, многих обладателей картин Гитлера позже удалось найти. При этом выяснилось, что большинство из них были евреи, проживавшие в новых элегантных доходных домах в районе Лихтенштейнштрассе и составлявшие основную клиентуру Моргенштерна. (11) Главным клиентом Моргенштерна был адвокат д-р Йозеф Файнгольд, о котором интервьюер пишет в мае 1938 года следующее: «По всей видимости, не совсем

ариец, но производит солидное впечатление, участник войны». (12) Его контора располагалась в центре города неподалеку от площади Штефансплац, и он иногда помогал молодым художникам, которых присылал к нему Моргенштерн. У Гитлера он купил для своей конторы серию видов старой Вены, обрамленных Моргенштерном в стиле бидермайер. (13)

Когда бывший художник, а теперь фюрер Великогерманской империи в марте 1938 года оккупировал Австрию, в жизни супругов Моргенштернов произошли значительные изменения. Осенью 1938 года магазин вместе со складом и мастерской «аризировали», новым владельцем стал национал-социалист. Обещанную за продажу магазина сумму в 620 марок Моргенштерны так никогда и не увидели. (14) Моргенштерна также лишили свидетельства на право заниматься ремеслом, теперь он не мог работать. Так супруги (63 и 59 лет) остались без средств к существованию, но главное — они не могли бежать за границу, поскольку у них не было ни виз, ни средств на дорогу и на уплату т. н. «налога на эмиграцию из империи».

Оказавшись в столь критическом положении, Самуэль Моргенштерн решил, что помочь им сможет лишь личное обращение к «фюреру» (так поступил и д-р Блох в Линце). Если вспомнить, как быстро Гитлер отреагировал на просьбу Блоха, то идея Моргенштерна не кажется такой уж абсурдной, при условии, что письмо дошло бы до Гитлера.

Моргенштерн напечатал свой крик о помощи на печатной машинке и адресовал его «Его превосходительству господину рейхсканцлеру и фюреру Германской империи Адольфу Гитлеру» в Берхтесгаден:

«Вена, 10 августа 1939 года

Ваше превосходительство!

Нижайше прошу простить, что осмелился написать Вам, господин рейхсканцлер, и обратиться с просьбой.

Тридцать пять лет у меня было собственное предприятие по изготовлению стекольных изделий и рам для картин в 9-м районе Вены, по адресу Лихтенштайнштрассе 4, и господин рейхсканцлер в довоенное время бывали в моем магазине и имели возможность оценить меня как честного и порядочного человека.

У меня незапятнанная репутация, восемь лет я отслужил унтер-офицером в австрийской армии, сражался на румынском фронте, мое предприятие дважды было отмечено дипломом товарищества как образцовое.

10 ноября в ходе законных мероприятий мой магазин закрыли [последнее слово подчеркнуто дважды, на полях пометка чужой рукой: «Жид!» — прим. автора], а меня лишили свидетельства на право заниматься ремеслом. За мой магазин, аризированный еще 24 ноября 1938 года, я до сих пор не получил от Отдела управления имуществом компенсации, которую определили в размере 7000 рейхсмарок. Таким образом я остался без средств к существованию.

Мне 64 года, моей жене 60 лет, мы уже много месяцев живем на средства благотворительных организаций и хотим уехать за границу и искать там работу.

Обращаюсь к вашему превосходительству с нижайшей просьбой распорядиться, чтобы Отдел управления имуществом выдал мне небольшую компенсацию в валюте за мой не обремененный долгами участок земли в 21-м районе, который, согласно государственной оценке, стоит 4 000 рейхсмарок и который я готов

уступить государству, чтобы я мог предъявить въездной капитал и мы с женой могли скромно жить до того, как найдем работу.

Прошу проверить мое прошение и надеюсь на благополучное решение моего вопроса.

С глубочайшим уважением

Самуэль Моргенштерн, стекольник

Вена, 9-й район, Лихтенштейнштрассе 4» (15)

Однако большинство писем до Гитлера не доходили, в особенности в августе 1939 года, непосредственно перед началом войны. Кубичек, чье письмо попало в руки к старому другу лишь через несколько месяцев, вспоминает: «Он сказал, что писать прямо ему не имеет смысла, потому что приходящая почта в большинстве своем до него не доходит, с ней предварительно работают, чтобы его не загружать». (16)

Согласно почтовым штемпелям, письмо Моргенштерна прошло следующий путь, о чем ожидающий ответа отправитель и не подозревал. 11 августа письмо отправили из Вены, 12 августа доставили в секретариат Гитлера в Оберзальцберг в Берхтесгадене, оттуда переслали 14 августа в «Канцелярию фюрера» в Берлин и распечатали там 15 августа. Должно быть, именно здесь появилась пометка «Жид!» на полях письма. В любом случае, секретариат Гитлеру письмо не представил, а 19 августа отправил его обратно в Вену, но не Самуэлю Моргенштерну, а в министерство финансов, которое в свою очередь 21 августа переслало письмо в Отдел управления имуществом. 22 августа его вложили в дело об аризации имущества Моргенштерна, там оно и сохранилось, было обнаружено 56 лет спустя и приводится здесь впервые.

1 сентября 1939 года с нападения на Польшу началась Вторая мировая война. Супруги Моргенштерны напрасно надеялись на спасение. Через некоторое время у них отобрали квартиру и переселили их в еврейский лагерь, своего рода гетто, в районе Леопольдштадт. Оттуда их депортировали 28 октября 1941 года вместе с другими венскими евреями в гетто Литцманштадт в рейхсгау Вартеланд. (17) На деле обаризации в Отделе управления имуществом поставили обычный для той эпохи штамп: «В Польшу». (18)

Литцманштадт, переименованный в честь немецкого генерала, участника Первой мировой войны, — это город Лодзь в бывшей русской части Польши, где некогда проживала одна из самых больших еврейских общин мира — 233 000 человек. Часть из них переселили, оставшиеся 160 000 согнали в охраняемое гетто в нищенском квартале города. Там они жили в ужасающих санитарных условиях, производя для вермахта и немецких универмагов одежду, обувь, мебель и многое другое. На содержание каждого расходовалось ежедневно 30 пфеннигов, а спустя некоторое время лишь 19 пфеннигов в день. (19)

Чету Моргенштернов депортировали в Лодзь вместе с 20 000 других евреев из Берлина, Вены, Праги, Франкфурта, Кельна, Гамбурга, Дюссельдорфа и Люксембурга и 5 000 цыган из Бургенланда. Цыган вскоре отправили в Освенцим. Западные евреи, не говорившие ни на польском, ни на идиш, остались запертыми в гетто, вместе с местными восточноевропейскими евреями. Они с трудом приспосабливались к здешней жизни, между двумя группами вспыхивали конфликты.

Читали ли Моргенштерны книгу бывшего бедного художника? О «жидах» и о том, как лишить их

достоинства, там сказано следующее (задолго до того, как эти планы начали претворяться в жизнь): *Если запереть еврея вместе с ему подобными, его искусная лож окажется бездейственной, и тогда все его т.н. «трудолюбие» исчезнет, и он утонет в грязи и нищете. Арийцу идет только на пользу, если он живет среди своих соплеменников, а вот для еврея это губительно, это превращает его в животное.* (20)

Самуэль Моргенштерн умер от истощения в августе 1943 года в возрасте 68 лет в гетто Литцманштадта и был похоронен на кладбище гетто. (21) Его жена находилась с ним до последнего дня, как сообщил позже очевидец Вильгельм Абелес, зять Эммы, бывший венский стекольщик. (22)

В августе 1944 года гетто очистили ввиду приближения Красной армии. Находившихся там 65 000 евреев, ослабленных голодом и болезнями, депортировали в лагерь смерти Освенцим, в том числе и Абелеса, которому, однако, удалось выжить. В последний раз он видел Эмму Моргенштерн перед депортацией из Литцманштадта. Других выживших свидетелей нет.

Скорее всего, Эмму Моргенштерн отправили в Освенцим в августе 1944 года, так как 30 августа в гетто оставались лишь 600 человек «команды зачистки» и единичные спрятавшиеся евреи. (23) В Освенциме большинство прибывших сразу же отправили в газовые камеры — нетрудоспособных женщин в первую очередь.

Позже венский суд постановил, что Эмма Моргенштерн не дожила до конца войны в 1945 году. В декабре 1946 года ее признали умершей по заявлению ее брата, майора в отставке Макса Прагана. (24)

11. Юный Гитлер и женщины

Подавленные желания и бегство от женщин

Немногочисленные свидетели линцкого и венского периодов жизни Гитлера сходятся в одном: молодой человек мечтал о женщинах, но при этом боялся их и избегал. Настоящих связей у него не было. Очень странно, что в венские годы, то есть с 18 до 24 лет, в жизни Гитлера так и не произошло ничего существенного в этой сфере, он не приобрел опыта отношений и даже ни разу не влюбился. Прямое доказательство того, что в жизни странного обитателя мужского общежития не было места человеческому общению, приобретению реального опыта: чужие, вычитанные в книгах слова определяли его представления об окружающей действительности и помогали в ней ориентироваться.

К концу венского периода Гитлер представляет свое будущее точно таким же, каким описывал его Августу Кубичеку еще в Линце. Он видит себя успешным художником, проживающим на вилле, которую выстроит сам: «Заправлять всем в доме и вести хозяйство будет образованная дама. Это будет женщина в годах, чтобы не возникало никаких желаний или намерений, способных помешать нашему призванию художника». (1)

Кубичек, ближайший друг Гитлера, несколько месяцев деливший с ним комнату в Вене, считал своего приятеля «уникальным человеком в этом гнезде разврата, где даже искусство воспекает шлюх!» (2) «Добровольно наложив на себя аскезу»,

он рассматривал женщин «с живым и критическим интересом, исключив при этом любое личное участие; опыт, уже приобретенный другими мужчинами его возраста», превратился для него в проблему, «о которой по ночам он рассуждал таким деловым и холодным тоном, как будто его все это не касается». (3)

В юности, в Вене я знал немало красивых женщин (4) — это признание, сделанное Гитлером в 1942-м, не следует понимать как горделивый намек на бурные венские годы, скорее, здесь стоит прислушаться к словам Кубичека. Тот вспоминает, что Гитлер в возрасте 18–19 лет обращал внимание на красивых женщин, «однако смотрел на них, как на прекрасные картины, то есть совершенно не думая при этом о сексе». (5) Надо отметить, что Кубичек пишет об этом уже после 1945 года и без всякого морализаторства.

Кубичек утверждает, что соблазнить Гитлера не удалось, и иллюстрирует этот тезис следующим эпизодом. В 1908 году они в поисках жилья оказались в одной элегантной квартире. «Опрятно одетая горничная» проводила их в «изысканно обставленную комнату», где стояла «роскошная двуспальная кровать». Кубичек продолжает: «Мы оба тут же поняли, что для нас здесь слишком шикарно. Но тут в дверях появилась “госпожа”, самая настоящая дама, уже не первой молодости, но очень элегантная. На ней был шелковый пеньюар и домашние туфли, эдакие изящные тапочки, отделанные мехом. Она с улыбкой поздоровалась, оглядела Адольфа, затем меня и пригласила сесть».

Бесстыдница предложила поселиться у нее не Кубичеку, а Гитлеру. «Оживленно пыталась она уговорить Адольфа, как вдруг из-за порывистого ее движения пояс шелкового пеньюара развязался. “Прошу

прощения, господа!”», — воскликнула дама, тут же запахнув пеньюар. Но и мгновения было достаточно, чтобы мы увидели: под пеньюаром ничего не было кроме трусиков. Адольф покраснел как рак, вскочил, схватил меня за руку и сказал: “Идем, Густль!” Не помню, как мы выбрались из квартиры. Помню только, что возмущенный Адольф выкрикнул, когда мы оказались на улице: “Вот она, жена Потифара!”». (6)

Гитлер чувствовал себя скованно в присутствии женщин, боялся даже случайных прикосновений. Так, в опере он старался избегать столь популярных у студентов стоячих мест на четвертом ярусе, так называемом «Олимпе». Билеты туда стоили намного дешевле, но, в отличие от стоячих мест в партере, туда допускали и женщин. (7)

Кубичек вспоминает, что в период их совместной жизни в Вене Гитлер не получал писем, и в гости к нему тоже никто не приходил. Другу он также настоятельно советовал не связываться с женщинами и, по словам Кубичека, «ни в коем случае не потерпел бы ничего подобного. Любой шаг в этом направлении неизбежно положил бы конец нашей дружбе». (8) Даже ученицы, которым Кубичек преподавал игру на фортепиано, не могли заниматься в комнате на Штумпергассе. Однажды к Кубичеку все-таки пришла ученица, чтобы посоветоваться перед экзаменом, и Гитлер яростно на него набросился. «Он злобно кричал: неужто надо превращать нашу каморку, где и так не повернуться из-за огромного рояля, в место встреч с музицирующим бабьим отродьем? Мне стоило большого труда убедить его, что бедняжка в меня ничуть не влюблена, просто переживает из-за экзамена. В результате мне пришлось выслушать развернутую отповедь о бессмысленности

женского образования... Молча съездившись, я сидел на пианинном стуле, а он гневно мерял шагами комнату, изливал свой гнев то у двери, то у рояля, причем в крайне резких выражениях». (9)

Кубичек пишет, что не может вспомнить «ни единого эпизода, когда Гитлер позволил бы себе зайти слишком далеко в отношениях с противоположным полом». Однако он «совершенно уверен, что Адольф был абсолютно нормален как в физическом, так и в сексуальном отношении». (10)

По мнению Кубичека, гомосексуальных наклонностей у его друга точно не было. Кубичек даже рассказал, как за Адольфом пытался ухаживать один старый богатый гомосексуалист, но 19-летний Гитлер с возмущением отверг его со словами, что «гомосексуализм — это противоестественно и с ним нужно вести борьбу всеми возможными средствами». Он «прямо-таки с боязливой добросовестностью» старался держаться «от таких людей подальше», «относился к этому и к прочим сексуальным извращениям, характерным для большого города, с глубочайшим отвращением», воздерживаясь даже «от мастурбации, обычного дела у молодых людей». (11) О периоде проживания в мужском общежитии также нет никаких свидетельств, подтвердивших бы гомосексуальные наклонности Гитлера. Было бы хоть что-то, Райнхольд Ханиш не преминул бы об этом упомянуть.

Рудольф Хойслер, который был младше Гитлера на четыре года и в 1913–1914 годах несколько месяцев делил с ним комнату в Мюнхене, также упоминает лишь о дружеских отношениях. По словам дочери Хойслера, ее отца никак не назовешь женоненавистником, а вот такого «она даже себе представить не может». С другой

стороны, она уверена, что «о таком» отец никогда бы ей не рассказал. (12)

Ханиш вспоминает, как однажды обитатели мужского общежития стали похвастаться успехами у женщин. Гитлер также внес свою лепту в разговор, рассказав (хотя на дворе уже 1910 год!) о Штефани из Линца. Почему он не пытался завязать с ней отношений? Гитлер объяснил: Штефани — дочь высокопоставленного правительственного чиновника, а он — всего лишь сын мелкого служащего. (13) Сам факт, что Гитлер в возрасте двадцати одного года все еще считал достойной пересказа эту старую, выдуманную им любовную историю подростковых лет, подтверждает, что за прошедшие годы он вряд ли приобрел какой-либо опыт на любовном поприще.

Ханиш сообщает, что Гитлер в мужском общежитии рассказывал очень важную для него историю о проявленной им стойкости. Будто бы он летом, в деревне (читай: в Вальдфиртеле), познакомился с девушкой. Та ему понравилась, он ей — тоже. Однажды, когда она доила корову, молодые люди остались наедине. И девушка повела себя «очень безрассудно!» Он, Гитлер, оценил возможные последствия ее поведения и убежал («как целомудренный Иосиф», замечает Ханиш), опрокинув при этом ведро парного молока.

По мнению прожженного авантюриста Ханиша, «Гитлер мало ценил женскую сексуальность. Он придерживался весьма возвышенных взглядов на отношения между мужчиной и женщиной. Часто говорил, что мужчины, если б захотели, могли бы вести высокоморальный образ жизни», то есть — жить без секса. Контактам Гитлера с женщинами препятствовали к тому же и бедность, и плохая одежда, «не говоря уже

о том, что его диковинный идеализм в этом отношении и без того хранил его от любых приключений».

Совсем недавно стало известным еще одно свидетельство о том времени. Адель Альтенберг, дочь владельца магазина картинных рам, рассказала: в ту пору ей было 14 лет, она иногда помогала отцу в магазине и познакомилась там с Гитлером, тот приносил свои рисунки на продажу. Адель вспоминает, что молодой человек так робел, что ни разу даже не взглянул на нее, «смотрел всегда только в пол». (14) (См. Главу 6 «В мужском общежитии», раздел «Сора в Ханишем»).

Наконец, существуют свидетельства Хойслера, товарища по общежитию, с которым Гитлер познакомился в 1913 году. Гитлер и ему рассказывал про «подружку» в Линце. Хойслеру показалось странным, что на Рождество 1913 года, то есть, уже в Мюнхене, его приятель заказал для так называемой «подружки» анонимное поздравление в линцской газете. (15) А ведь Штефани уже была замужем за офицером, о чем Гитлер явно не знал.

Благодаря воспоминаниям Хойслера можно с большой долей уверенности определить личность загадочной Эмилии, которую принято считать первой любовницей Гитлера в Вене. И вот почему.

Криста Шрёдер, секретарша Гитлера, пишет, что ее шеф отказался от половой жизни с тех пор, как «решил стать политиком», то есть с 1918 года. Отныне он получал «удовлетворение только в мыслях». «Все отношения оставались платоническими!» — утверждает Криста Шрёдер. Даже с Евой Браун «у него ничего не было». Однако в Вене, до начала политической карьеры, у Гитлера, по мнению секретарши, были возлюбленные. Вот доказательство: однажды она

сказала, что Эмилия — отвратительное имя, а Гитлер возразил: «Не говорите так, Эмилия — прекрасное имя, так звали мою первую возлюбленную!» (16)

Личность этой Эмилии до сих пор не установлена. Возможно, имеется в виду младшая сестра Рудольфа Хойслера, друга Гитлера. Эмилия Хойслер, или «Милли», как ее все называли, родилась 4 мая 1895 года. (17) В феврале 1913 года, когда ее брат познакомился в мужском общежитии с 23-летним Гитлером, которого часто приглашал к себе домой, девушке исполнилось семнадцать лет. Милли, по свидетельству ее племянницы Марианны Копплер, была девушка в высшей степени застенчивая, чувствительная и болезненная, к тому же страдала от тирании отца, державшего ее в ежовых рукавицах. Особой красотой она не отличалась, немного играла на фортепиано, как было принято в буржуазных семьях, занималась рукоделием, помогала матери по хозяйству. Самая тихая и незаметная среди пятерых Хойслеров-младших, она производила впечатление боязливой, нуждающейся в защите девушки. (18)

Милли восхищалась другом своего брата. Попросила сделать рисунок в ее поэтическом альбоме. Гитлер не стал рисовать тут же, но пообещал принести в следующий раз и обещание сдержал. На рисунке размером с почтовую открытку, выполненном цветными карандашами, изображен — по описанию дочери Хойслера, видевшей его в детстве, — германец в шлеме, со щитом и копьем, стоящий у дуба. В центре, на стволе дерева, нарисовано нечто вроде герба с бросающимися в глаза инициалами «А. Г.». Милли с гордостью вложила эту открытку в альбом.

Когда Эмилия вышла замуж, рисунок хранился в специальной шкатулке у Иды Хойслер, ее матери,

вместе с обоими письмами Гитлера и семейными бумагами. После смерти матери в 1930 году бумаги достались старшему сыну, венскому учителю средней школы. В 1930-е годы оба письма Гитлера и рисунок забрали «в Берлин». Куда точно — выяснить сегодня невозможно. Видимо, оригиналы снова оказались у Гитлера. Можно предположить, что они также прошли через руки его личной секретарши и что Гитлер говорил с ней об Эмилии. Называл ли он Эмилию своей «возлюбленной» или госпожа Шрёдер сделала неверные выводы, мы никогда не узнаем.

Основательного изучив отношения в семье Хойслеров, мы можем с уверенностью заключить: Милли едва ли могла быть «возлюбленной» Гитлера. По словам ее племянницы, Эмилия никогда не выходила из дома без сопровождения. Кроме того, отношения молодого человека и матери Милли строились на доверии (см. Главу 12 «Накануне Великой войны», раздел «Рудольф Хойслер»). Гитлер вряд ли мог быть заинтересован в том, чтобы рассориться с единственным человеком в Вене, который ему помогал. Следовательно и отношения с венской «возлюбленной» Эмилией проходили по разряду «платонических».

Двойная мораль

В начала XX века Вена была жизнерадостным и сексуально раскрепощенным, даже порочным городом (в отличие от провинции, например, от Линца). Степень сексуальной свободы зависела от социального положения: вольности позволяли себе, прежде всего, аристократы и люди искусства. От них не отставал низший общественный слой, к которому принадлежал и Гитлер в период проживания в мужском общежитии.

Будь то батраки и батрачки в деревне, будь то холостые рабочие и служанки в городе — нравы были вольными.

Сексуальная свобода оставалась запретным плодом лишь для одного сословия — буржуазии. Как и для всех тех, кто стремился к нему принадлежать. Еще точнее — для женщин этого сословия. В соответствии с моральным кодексом буржуазии, весьма близким католическим заповедям, девушкам и женщинам не разрешалось иметь сексуальных контактов вне брака. Общественное мнение было в этом отношении настолько строгим, что девушка могла сделать хорошую партию, только будучи девственницей, а «падшие женщины» и, тем более, незамужние матери шансов не имели. Поэтому девушек этого сословия всеми способами уберегали от половой жизни.

А вот молодым мужчинам приобретать опыт не просто разрешалось, от них этого даже ожидали. «Пусть обточит себе рога» — так тогда говорили. Предполагалось, что молодой человек избавится от якобы расшатывающего нервную систему порока онанизма и подготовится к браку. У мужчин не было возможности вступить в любовные отношения и иметь сексуальную близость с девушкой, равной им по социальному положению, поэтому общество, несмотря на демонстрируемую на публике чопорность, закрывало глаза на их тайные визиты к проституткам. Это считалось полезным для здоровья, так сказать, «гигиенической» необходимостью. В 1912 году один из научных журналов Вены провел опрос молодых врачей с целью выяснить, кем была их «партнерша при первом половом акте». Лишь 4% опрошенных ответили, что это была девушка, которая могла бы рассматриваться в качестве потенциальной жены, 17% имели связь со

служанкой или официанткой, а 75% — с проституткой. (19) И так, проституция была явлением весьма распространенным.

Стефан Цвейг, современник Гитлера, писал, что тротуары предвоенной Вены «были до такой степени забиты продажными женщинами, что труднее было от них скрыться, чем найти их... Женский товар в ту пору открыто предлагался по любой цене и в любой час, и, чтобы купить себе женщину на четверть часа, на час или на ночь, мужчина тратил не больше времени и труда, чем на пачку сигарет или газету». (20)

*Семья аристократов
на летном поле
в Асперне*

Цвейг убедительно описывает царившую в то время двойную мораль: «Как города под чисто прибранными улицами с их красивыми роскошными магазинами и элегантными бульварами скрывают подземную канализацию, куда отводится грязь клоак, так вся сексуальная жизнь молодежи должна была проходить незаметно под моральной поверхностью «общества». Проститутки нужны были для того, чтобы смыть в канализацию «эротическую жизнь вне брака», проституция «представляла собой как бы фундамент, на котором высилось, сверкая безупречным фасадом, пышное здание буржуазного общества». (21)

Количество больных сифилисом было огромным, страх заражения — всеобщим. Болезнь не щадила ни один социальный слой — ни солдат, ни людей искусства, ни аристократов. Почитаемый Гитлером «король художников» Ганс Макарт умер от сифилиса, равно как и отец последнего императора, эрцгерцог Отто Габсбург-Лотарингский. По статистике, сифилисом были инфицированы от десяти до двадцати процентов мужчин. Цвейг писал: «К страху перед заражением добавлялся еще ужас от мерзкой и унижительной формы тогдашнего лечения, о которой нынешний мир тоже ничего не знает. Месяцами тело зараженного сифилисом натирали ртутью, что в свою очередь вело к выпадению зубов и к общему резкому ухудшению здоровья; несчастная жертва случая чувствовала себя, следовательно, существом падшим, не только духовно, но и физически». (22)

Итак, на рубеже веков большинство мужчин из буржуазной среды приобретали первый сексуальный опыт с проституткой, испытывая страх перед заражением. Так у них складывался негативный образ

женщины, и женоненавистничество получало все большее распространение.

Достоверных данных о количестве венских проституток на тот период нет. Сведения есть лишь о весьма незначительном и все уменьшавшемся числе «подконтрольных» полиции нравов девушек, которые достигли восемнадцати лет и дважды в неделю являлись на осмотр к врачу. В 1908 году в Вене таких насчитывалось 1516, и число их оставалось неизменным. Это в два раза больше, чем сегодня. Согласно данным статистики, в 1912 году среди проституток зарегистрированы 29 случаев беременности и 249 случаев заражений сифилисом. (23) Значит, за год примерно каждая шестая заболела и больше не могла заниматься своим ремеслом. Как правило, такие проститутки пополняли огромную армию «нелегалок».

Число «нелегалок» во много раз превышало число «подконтрольных». На учете в полиции не стояли ни дорогие дамы полусвета, которых знал весь город и которые появлялись со своими кавалерами в театре и на бегах, ни девушки, занимавшиеся этим ремеслом время от времени в дешевых гостиницах. Проституток, не достигших восемнадцати лет, а также инфицированных или больных полицейские задерживали во время периодических облав, однако после освобождения те снова возвращались к своей «работе».

Целомудрие для немецкого народа

Гитлер демонстрирует неплохую осведомленность по части проституции и сифилиса. Майским вечером 1908 года, когда они посмотрели в театре постановку скандальной пьесы Франка Ведекинда «Пробуждение весны», он повел друга Кубичека в старый неухоженный

квартал красных фонарей в районе Шпиттельберг: «Пойдем, Густль. Надо хотя бы раз взглянуть на эту “обитель порока”».

Кубичек описывает низкие домишки, девушек у освещенных окон: «В знак того, что сделка с клиентом состоялась, свет выключали». Кубичек продолжает: «Я помню, как одна из этих девушек — мы как раз проходили мимо — решила снять сорочку или, может, переодеться, а еще одна занялась чулками, и мы увидели ее голые ноги. Честно говоря, я вздохнул с облегчением, когда эта пытка закончилась, и, мы, наконец, выбрались на Вестбанштрассе. Я молчал, а Адольф гневно возмущался уличными девками и их искусством оболъщения».

Дома Гитлер принялся рассуждать на эту тему «таким деловым и холодным тоном, как будто высказывал свою точку зрения по вопросу борьбы с туберкулезом или кремации». Гитлер утверждал: «рынок продажной любви» существует потому, что «мужчина нуждается в сексуальном удовлетворении, а соответствующая девушка думает только о зарплате... На самом деле “жизненный огонь” в этих бедных созданиях уже давно угас». (24)

Гитлер говорил также об истории публичных домов, уверяя, что нужно запретить проституцию. В качестве метода борьбы против этого «позора нации» он предлагал ранний брак, поддерживаемый государством: небогатым девушкам следует безвозмездно выдавать приданое, а супружеским парам — ссуды и повышенное жалование. «Жалование необходимо увеличивать с рождением каждого последующего ребенка и снова сокращать, когда дети встанут на ноги». (25) Подобные планы вынашивали все пангерманцы, мечтавшие таким

образом обеспечить здоровье молодым немецким мужчинам, а благодаря им — и всей «расе».

Кубичек пишет, что представления его друга о морали «основывались не на собственном опыте, а на рассудочных выводах» (26). Следует уточнить, что молодой Гитлер черпал эти «выводы» прежде всего из трудов пангерманцев. Именно в их работах пропагандировалось воздержание. Журнал «Унферфельште Дойче Ворте»: «Молодым людям полезно оставаться целомудренными как можно дольше. Тогда мускулы крепнут, глаза горят, дух остается проворным, память — незамутненной, фантазия — живой, воля — стремительной и сильной, и человек, ощущая свою мощь, воспринимает весь мир, словно сквозь разноцветную призму». Придется, правда, смириться с «легкими расстройствами нервного характера», к которым приводит воздержание. Но в любом случае здоровью не грозит никакой ущерб, если оставаться целомудренным примерно до 25 лет, даже напротив: «Сколько здравого смысла, сколько чистых помыслов, сколько настоящих чувств погибает в этой обители похоти и примитивных желаний! Сколько юношеской гибкости и неиспорченного идеализма уничтожается и превращается в заурядную пошлость!»

«Вожделение» следовало подавлять «силой воли, воздержанием от возбуждающей еды и напитков (алкоголя), а также правильным питанием и здоровым образом жизни». Тогда организм получит «дополнительную энергию, что, как известно, идет на пользу и духовным качествам, прежде всего, воле. Таким образом, половое воздержание — и доказательства мы видим повсеместно — является неременным условием максимально эффективного функционирования

человека как в физическом, так и в умственном плане».

От продуктов питания, «оказывающих возбуждающее воздействие на гениталии», следовало воздерживаться: «В первую очередь, от мяса... Вера в то, что лишь мясо придает человеку силы — глупое и роковое заблуждение, оказывающее губительное воздействие на все сферы жизни народа, как на экономику, так и на здоровье». Вегетарианское питание — «мощный тормоз вырождения нации». (27)

Женоненавистник Йорг Ланц фон Либенфельс также предостерегал юношей от гибельных связей с женщинами, прежде всего, с проститутками. Однако не из нравственных, а единственно из «расовых» побуждений. Он считал, что молодые люди обязаны сохранить чистоту германской расы и потому не могут подвергать себя опасности заражения. Ведь большинство проституток — «расово неполноценные женщины», и «немецкий мужчина» должен отказаться от них в пользу таких же «расово неполноценных» клиентов, чтобы приблизить гибель и тех, и других. «Высшая раса не собирается устранять миллиарды неполноценных, безвозвратно дегенерирующих полукровок, ведь их могут стереть с лица земли проституция и сифилис. Все те, кто не имеет чести принадлежать к высшей расе, должны погибнуть в этом адском огне, с плачем и скрежетом зубным». Сифилис — это «бессмертный червь, прогрызающий человека до мозга костей, наказывающий до третьего и четвертого рода, и подтачивающий до тех пор, покуда засохшая ветвь не отпадет с дерева человечества... Это железный грифель, вычеркивающий из книги жизни недостойные и нечистые роды и народы». (28)

Кубичек считает, что главной причиной воздержания Гитлера был страх: «Он часто говорил мне, что боится заразиться». (29) Судя по всему, Гитлер и позже не избавился от этого страха. Подтверждение — поразительно длинный, на тринадцать страниц, пассаж о сифилисе в «Моей борьбе».

По мнению венских пангерманцев, такие болезни как сифилис, опасны прежде всего тем, что от них могут пострадать и следующие поколения «немецкого народа». А ведь «немецкий мужчина» обязан обеспечить немцам лидирующее положение среди других народов и для своего потомства. Во-первых, заботясь о «чистоте крови и расы», т.е. не вступая в связь с евреями, славянами и «полукровками». Во-вторых, сохраняя свое здоровье, хорошую физическую форму и высокий репродуктивный потенциал («раса» и «масса»). Таким образом, проституция, связанная с высоким риском инфицирования, губительна не только для отдельного мужчины, но и для всей «расы» и «народа», она угрожает наивысшей ценности — «благополучию немецкого народа». Гитлер-политик поднял на щит этот основной принцип пангерманцев: *Если я и верю в какую-нибудь божественную заповедь, то только в эту: сохраняй свой род!*

Неудивительно, что рейхканцлер Гитлер позволял «расово неполноценным» открывать бордели, сколько захочется: надеялся, что скоро они сами себя истребят.

Движение за права женщин

В католической Австрии борцам за права женщин было особенно трудно изменить традиционные представления о роли женщины. В обществе им упорно противостояли многочисленные защитники старого порядка, якобы установленного самой природой.

Церковь, поддерживаемая правящей в Вене христианско-социальной партией, диктовала, какой должна быть идеальная женщина: это молчаливая, работающая супруга и мать, которая служит церкви, государству, а в первую очередь — мужу, и изводит себя самопожертвованием. Как в церкви, так и в политической и общественной сферах тон задавали мужчины. Отец Генрих Абель, именитый иезуит и сторонник Люэгера, например, читал проповеди только мужчинам, так как стремился к «исконному мужскому христианству». Однажды католички в знак протеста заняли церковь до прибытия «группы паломников-мужчин», и отец Абель сыграл с ними одну из своих популярных шовинистских шуток. Он послал за ключами, запер женщин в церкви и прочитал проповедь мужчинам на площади перед церковью при «бурном ликовании» тысяч паломников. Католички были вынуждены терпеливо дожидаться в церкви, пока мужчины не завершат богослужение. (30)

Католички, как правило, слушались священников и христианских социалистов, выступая против «безнравственной феминистской отравы». Эмилия Платтер, влиятельный председатель Христианского женского союза, метала громы и молнии: «Разве не ясно, что нужно создать преграду на пути распространения феминистской отравы либерального толка? Мы, христианки, должны с ней бороться, мы должны стать для нее преградой в современном море духовной гибели. Христианки, вперед! Пусть этот призыв тысячекратным эхом пронесется по всей стране. Мы знаем, чего хотим: мы хотим быть опорой для наших мужей, братьев и сыновей в жизненной схватке, в борьбе за Бога, императора и отчизну!» (31)

Пангерманцы, взгляды которых были наиболее близки Гитлеру, также выступали против «эмансипационной истерии выродившихся женщин». «Дух, исходящий от этого больного стада, может отравить и молодые здоровые души», — писали они. «Отказ от материнства грозит нации вымиранием». (32) В другой статье: «Женское движение — признак надвигающегося упадка. Гибель государств или народов во все времена начиналась с господства мужеподобных женщин и женоподобных мужчин». Эмансипированная женщина — это «гермафродит, в ней нет ничего немецкого, только еврейский дух». (33)

«Дер Хаммер», газета Франца Штайна, писала: эмансипация женщин — это «начало расового хаоса... смешения рас, которое ведет к вырождению и грозит уничтожением всему здоровому человечеству». (34) Равноправие полов — это «безграничное оскорбление женщины». Женщине следует полностью посвятить себя служению немецкому народу: «Вы — истинные жрицы любви к отчизне. Так выполняйте же свое высокое предназначение!... От вас в значительной мере зависят внутреннее величие и единство отечества, а также его внешняя мощь». (35)

В 1906 году автор-пангерманец, противник эмансипации, опубликовал в серийной пропагандистской брошюре «Остара» «народные директивы для нашего будущего». Чтобы напомнить женщинам об их долге, нужно организовать «курсы, где их научат считаться с другими, молчать и слушаться». «А мужчинам не следует рассматривать женщину исключительно как животное противоположного пола и поддерживать двойную мораль... Недопустимо придавать слишком большое значение половой жизни». (36)

Гитлер в Вене

696

Лейтмотивом звучало требование обязательного сохранения традиционного распределения ролей: мужчина — сильный и разумный, женщина — слабая, беззаветно преданная и чувствительная. А вот что сказал Гитлер в 1935 году, выступая перед Национал-социалистической женской организацией: *Было время, когда либералы боролись за «равноправие» женщин, но немецкие женщины и девушки так и оставались хмурыми, печальными и безрадостными. А сегодня? Сегодня мы видим сплошь сияющих и смеющихся женщин.* Национал-социализм подарил женщине настоящего мужчину, смелого, отважного и решительного... Ни одно поколение немцев не будет так счастливо, как наше. (37)

Пангерманцы и феминистки сходились в одном, отличаясь этим от «клерикалов» и консерваторов: они

Плакат Первого венского гимнастического союза

Юный Гитлер и женщины

697

пропагандировали здоровый, близкий природе образ жизни, они приветствовали занятия женщин спортом, которые церковь отвергала как непристойные (в особенности гимнастику), и боролись с тогдашней модой, вредной для здоровья, прежде всего — с корсетами. Пангерманский «Ежегодник для немецких женщин и девушек» писал: «Долой корсеты, вязаные чулки и пяльцы, вперед на воздух, тренировками закалять организм... Ходить в сдавливающей тело одежде и в тесной, калечащей ступни обуви — это для кукол». (38)

Ланц фон Либенфельс рекомендовал «блондинкам» делать «более свободные» прически, чтобы волосы спадали на лоб волной, а на затылке собирались в узел, так можно будет «показать длинные вьющиеся золотистые волосы, удлиненную форму головы и овальное лицо в наилучшем свете... Женщина не должна стесняться. Если она вынуждена находиться в сомнительном обществе, то следует подбирать такой покрой и цвет одежды, которые подчеркнут статную фигуру, пышную грудь и полные бедра». (39)

Гитлер тоже считал, что все «немецкое» и «красивое» должно быть еще и «полезным для здоровья» и поносил в «Моей борьбе» *дурацкую моду*. Однако при этом требовал, чтобы *о красоте тела* заботились не только девушки, но и юноши: *Нация заинтересована в том, чтобы в брак вступали люди с красивым телом, чтобы они дарили нашему народу красивое потомство*. (40)

Женское образование

и женское избирательное право

«Образовательные бредни», «хлам знаний» «бесплезная псевдообразованность» — такие выражения

пользовались популярностью у противников женского образования. Журнал «Унферфельште Дойче Ворте» писал, что «помешанные на образовании» женщины приносят ему в жертву все, даже «семейное счастье и народное благо». Женщине следует вспомнить о своих обязанностях на кухне: «Заботу о здоровье нашего народа, которое зависит от содержимого кастрюль гораздо больше, чем принято думать, мы доверили рукам и разуму наших женщин». (41)

На рубеже веков намеренно закрывали глаза на то, что 40% женщин трудились по найму, большинство из них выполняли черную работу на фабриках или в домашнем хозяйстве. Они не могли себе позволить быть только матерями. Трудились и женщины из буржуазного сословия, если их заставляла нужда. Они занимались рукоделием, крайне плохо оплачиваемым: это вязание, вышивание, шитье. И отсутствие образования, и всевозможные общественные и моральные ограничения не позволяли женщинам выбрать работу, сообразную их талантам.

В вопросе допуска женщин к учебе в университете Габсбургская монархия отставала от соседних государств. Цюрихский университет начал принимать женщин (правда, поначалу только иностранок) уже в 1863 году, а в восьми цислейтанских университетах (Вена, Грац, Инсбрук, немецкий и чешский университеты Праги, Краков, Лемберг, Черновцы) женщинам разрешили учиться лишь в 1897 году, и только на философском факультете. В 1900 году для женщин открыли двери факультеты медицины и фармацевтики. Юридический — только в 1919 году, а о теологическом и речи быть не могло. Но ведь и первую гимназию для девочек создали лишь в 1903-м, потому число студенток

даже после официального допуска женщин в университеты оставалось невелико. А до того для девочек существовали только специальные женские лицеи, и к экзамену на аттестат зрелости и для получения допуска в университет нужно было готовиться самостоятельно, прибегая к услугам дорогих частных заведений.

В период становления женского образования в Цислейтании сразу обнаружился неожиданный феномен: во всех образовательных учреждениях процент евреек был выше, чем в общем составе населения. В 1909/10 учебном году в Нижней Австрии и Вене лицеи посещали 2510 девочек, из них 44,4% были католичками, хотя в ту пору католики составляли 80% населения. 11,6% учениц были протестантками, что в два раза превышает процент в общем составе населения (около 6%), а 40,7% всех учениц были «иудейками» (42). Получается, что число учащихся девушек-евреек было в 4–5 раз больше числа евреев в общем составе населения. В гимназиях и университетах эта особенность становится еще более очевидной, поскольку еще меньше католичек поступали в высшие учебные заведения.

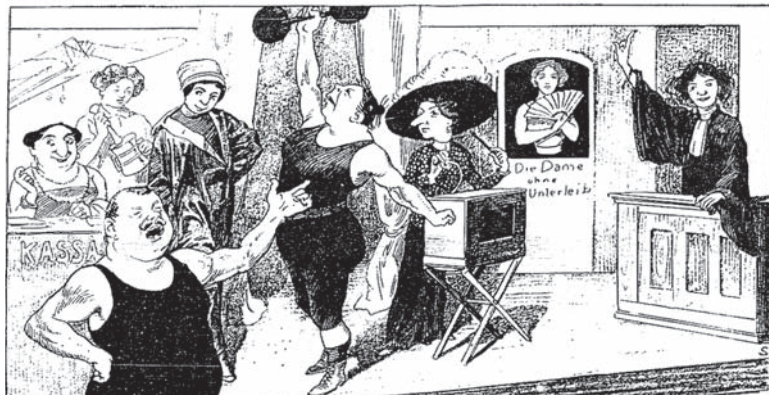
Данные по Цислейтании в целом даже красноречивее: в 1912/13 учебном году существовало в общей сложности 32 женские гимназии, три из них — в Нижней Австрии и Вене, четыре — в Богемии. А в нищей Галиции — 21, правда, с меньшим количеством учениц в каждой. (43) Обучались в них чаще не польки, а еврейки, чьим родным языком был идиш, немецкий или польский. Многие затем отправлялись в Вену, чтобы продолжить учебу в университете. Там они увеличивали и без того высокую долю еврейских студенток на всех факультетах, куда допускали женщин. В 1906/07 учебном году иудейки составляют 51,2% всех

студенток медицинского факультета Венского университета, в 1908/1909 учебном году они же — 68,3%. (44)

Определенную роль здесь сыграла традиционная для католической церкви враждебность по отношению к образованию в целом, а в особенности — к обучению медицине, подозрительному с моральной точки зрения. Считалась, что такое образование подрывает нравственность девушек, развращает их и отдаляет от церкви. Студентка медицинского факультета могла видеть обнаженных мужчин, разве это не отпугнет потенциальных женихов? Девушкам из католической среды приходилось в то время непросто, в семье чаще всего возражали против их учебы.

В еврейских семьях образование и ученость, напротив, высоко ценили. Даже бедные не только не препятствовали детям в получении образования, но поддерживали их и поощряли. В ту пору в еврейских семьях повсеместно признавали равное право девочек и мальчиков на достойное образование. А женщины, получившие достойное образование, начинали бороться за женскую эмансипацию, которая в глазах антисемитов становилась все более «еврейской». Политически активные женщины чаще всего вставали на сторону социал-демократов, ведь те больше других боролись за права женщин, не были антисемитами, не были врагами образования. Тем самым борьба за права женщин считалась еврейской, социал-демократической, аморальной и дегенеративной.

В пангерманском «Ежегоднике для немецких женщин и девушек» постоянно звучат призывы к сохранению исконных женских добродетелей. «Неженственная женщина» — это «ужас для людей, не подверженных вырождению». «Ну и пусть наглые евреи и им

«Клуб женских профессий». Подпись: «Добро пожаловать! Здесь вы увидите первую женщину-аптекаря, первую женщину-летчика, первую женщину-атлета, первую женщину-дирижера, первую женщину-адвоката и даму без ног!» Нельзя не заметить жирного намека — на кассе сидит еврейка (карикатура в сатирическом журнале «Кикерики», 16 марта 1913 года)

подобные посягают на святыню брака — до тех пор, пока в народе жив здоровый смысл, семья выдержит любые испытания. Немецкий домашний очаг — это оплот, спасающий от разрушительного, тлетворного влияния чужаков, немецкая женщина — это защитница, вместе с которой он или выстоит, или падет». И далее: «Пока еще немецкая семья является надежной крепостью для немецкой женщины. Но семья подвергается нападениям враждебных сил: дерзким евреям вход туда заказан, однако отравка еврейских слов проникает через прессу, капля за каплей вливая в наши сердца яд антинемецких воззрений». (45)

Ланц фон Либенфельс полагает, что феминистки ненавидят детей и хотят «взвалить бремя ухода за детьми на мужчин. Только представьте себе эту гротескную картину!» По его мнению, «помешательство на учебе» и «одержимость образованием» может не только расшатать нервную систему женщины, но и привести к утрате «способности рожать и кормить грудью». (46) Ланц фон Либенфельс советует немецким юношам избегать «девушек с университетским образованием; женщин, работающих на государственной службе; девушек, с удовольствием появляющихся в обществе или на улице; девушек, которые ничего не смыслят в домашнем хозяйстве и в кулинарии, занятых театралок, спортивных дамочек; девушек родом из мест, где расквартированы военные гарнизоны. Предпочтение следует отдавать девушкам домашним, исключительно чисто плотным, скромным, непритязательным, верным и покорным мужчине, уже по внешнему виду которых можно распознать, что они принадлежат к типу “матка героической немецкой расы“». (47)

Газета «Дер Хаммер», ведя борьбу против социал-демократии, считала женское движение частью «еврейского модернизма»: «Социал-демократы эффективно используют женское движение в борьбе против национального государства и буржуазной культуры», «они хотят отшвырнуть нас назад, на уровень недочеловеков, когда еще не осознавались и не почитались такие духовные ценности, как вера и любовь к отчизне». (48)

Для сравнения приведем цитату из речи рейхсканцлера Гитлера в 1934 году на съезде Национал-социалистического женского общества в Нюрнберге: *Выражение «женская эмансипация» придумали евреи, и его суть пропитана тем же духом. Немецкой*

женщине во времена истинного расцвета Германии эмансипация не нужна. (49) Необходимы женщины-борцы, которые не интересуются теми правами, что навязывают нам евреи, а сосредоточены на долге, возложенном на нас природой. (50)

В июне 1911 года в Стокгольме состоялся Шестой интернациональный конгресс движения за женское избирательное право, в нем приняли участие более тысячи делегатов. Венская пресса писала об этом событии немного, да и то критически и издевательски. Журнал Георга Шённера «Унферфельште Дойче Ворте» яростно протестовал против совместной борьбы женщин разных стран: «У нас — немецких мужчин — нет братьев не из нашего народа. Разве у немецкой женщины есть сестры в Англии, в России или у готтентотов? Противоестественно, если эти мнимые “сестры” ближе нашим женщинам, чем их немецкие братья». Так же противоестественно, «как если бы немец захотел растить детей в браке с готтентоткой». (51)

Одна из газет христианских социалистов потешалась: «После введения женского избирательного права эмансипированные женщины будут задавать тон в парламенте, а мужчины останутся дома с детьми, — видимо, тогда и наступит золотой век». (52)

В 1912 году социал-демократы организовали в Вене «женский день», выступив, в частности, с требованием ввести избирательное право для женщин. В связи с этим газета христианских социалистов «Бригиттенауер Бециркс-Нахрихтен» издевательски сообщила, что добрая половина митинговавших «трудящихся женщин» — это «старые и молодые еврейки, совершенно не похожие на трудящихся».

До обвинений в «свободной любви» и «безнравственности» оставался всего один шаг. Для доказательства бессмысленности женских прав газета не придумала ничего лучше, чем вспомнить об «измученных существах, которых мы встречаем в рабочих кварталах на каждом шагу. В восьмидесяти случаях из ста это жертвы предсказанных Марксом “высоких отношений полов”, когда женщине отводится роль рабыни при рабочем скоте». Вот заключительная фраза статьи: «И старшие товарищи еще ждут, что наши женщины и девушки отдадут свои деньги на это дурное дело». (53)

В 1912 году «Дер Хаммер» Штайна призывает вступать в «Немецкий союз по борьбе с женской эмансипацией» и требует «сохранения существующего порядка и проверенных временем устоев, согласно которым активное и пассивное избирательное право на выборах в государственные, местные и любые другие органы управления имеют только мужчины. Мы считаем, что женщины самой природой не предназначены для борьбы, которой сегодня неизбежно сопровождается любая предвыборная компания». (54)

Право голоса для женщин, по мнению «Дер Хаммер», не даст ничего, кроме «увеличения числа партий, числа кандидатов и числа нарушений во время выборов». И еще: женщины все равно будут голосовать так, как прикажут им мужья, даже если придется голосовать за священнослужителей. Социал-демократы «немало удивятся, когда многие женщин из их собственных рядов захотят способствовать торжеству клерикализма».

Пангерманская газета расписывала страшный сценарий будущего: «Только представьте себе, что станется, если женщинам разрешат участвовать в выборах? Если

Ein Erfolg des roten „Frauentages“.

«Успех “женского дня” красных». Подпись: «Виктор Адлер как борец за женское избирательное право» (карикатура в сатирическом журнале «Кикерики», 23 марта 1913 года)

“товарищи” в красных блузах и с красными гвоздиками вступят в борьбу с “амазонками Люэгера”, размахивающими флагами под предводительством молодых священников. Какие парламентские выражения мы услышим? И как скоро политическое противостояние перерастет в личное — из-за больших шляп, из-за модных платьев? Разве захочет образованная, добропорядочная немецкая женщина встать с этими на один уровень?» И вновь звучит обвинение: большинство защитниц женских прав — это представительницы богоизбранного народа, «который стремится не столько к равноправию, сколько к господству». Следует вывод: «Немецкая женщина для такого слишком хороша». (55)

Журнал «Унферфельште Дойче Ворте» потешается над женским избирательным правом и социал-демокра-

Гитлер в Вене

706

тами, поборниками такового: «Политические партии, стремящиеся прийти к власти, воспользовавшись головами духовно несовершеннолетних, ...прекрасно осознают, сколь удобным инструментом для достижения их целей будет одуроченная лозунгами и взнервленная толпа баб». (56)

Шутки про феминисток пользовались успехом на политических собраниях, об этом знали и Люэгер, и Вольф, и Штайн, и Шёнерер. Знал и Гитлер, уж он умел вернуть такую шутку в свою речь на радость ликующей толпе.

В одной частной беседе Гитлер упомянул, что сознательно использовал подобные издевательские шуточки против самоуверенных представительниц социал-демократов: «Ему не раз удавалось выставить в смешном свете женщин из марксистского лагеря, участвовавших в дискуссии, стоило только сказать, что чулки у них рваные, а дети у них завшивели. Убедить этих женщин разумными аргументами — невозможно, удалить их из зала — значит, настроить присутствующих против себя, потому данная метода представлялась ему оптимальной». (57)

Культ немецкой матери

Женское воспитание преследует единственную цель, и цель эта — подготовка к материнству. (58) В этих словах из «Моей борьбы» выражена точка зрения, распространенная на рубеже веков не только в Вене, но и повсеместно. В регионах со смешанным населением роли матери придавали еще большее значение. Женщина приобретала здесь священный статус «хранительницы народной чистоты», она обязана была подарить своему «народу» как можно больше детей.

Юный Гитлер и женщины

707

Установка на максимально высокую рождаемость — важный пункт национальной политики для всех народов Габсбургской империи. Славяне, указывая на высокую рождаемость, требовали особых политических прав. А низкая рождаемость среди немцев становилась для них поводом, чтобы обратиться к «немецкой женщине» с призывом самоотверженно исполнять свой долг перед народом и рожать больше немецких детей.

Герман Белоглавок, христианский социалист, сокрушался в парламенте: «Немецкая женщина теперь больше не рождает! Наша культурная нация ограничивается одним-двумя детьми на семью. А господа славяне — да простят мне это выражение — штампуют детей в промышленных масштабах. *(Смех в зале)*. Понятно, почему чехов больше, чем немцев. Но мы не можем требовать от правительства того, что оно не в состоянии обеспечить». (59)

Журнал «Унферфельште Дойче Ворте» писал: «Совершенно правы те представители национальных кругов, которые говорят о значении женщин для воспитания наших детей в национальном духе». И далее: «Для достижения нашей высшей цели — телесного и духовного расцвета нашего народа и его повсеместного распространения, — нам нужна помощь женщин». И, наконец: «Повлиять на молодых людей легче всего через их матерей. Нам предстоит большая работа в союзах для юношей и девушек, начиная с детских садов и заканчивая спортплощадками и учебно-производственными мастерскими. А женщины обеспечат нам большой приток национальной рабочей силы». (60)

Не забыли и о воспитании солдат. В пангерманском «Ежегоднике для немецких женщин и девушек» статья под заголовком «Настоящая немецкая женщина и мать» воспевала героиню-мать, вдохновляющую сыновей

на бой: «Вознаградите меня за любовь к вам, когда в атаке окажетесь первыми, при отступлении — последними!» Комментарий автора статьи: «Так пусть же все матери — даже в спокойные, мирные времена — воспитывают своих сыновей в истинном немецком духе, чтобы в минуту народных бедствий они вдохновенно встали на защиту немецкой страны и немецкого народа». (61)

В «Моей борьбе» Гитлер осветил эту тему так: *Мужчина служит своей стране, мужественно сражаясь на поле боя, а женщина — проявляя неизменную самоотверженность и терпение, неизменную готовность страдать и переносить страдания. Каждый раз, когда женщина дарит миру ребенка, она вносит вклад в борьбу за существование своего народа.* (62) И еще: *Брак не должен быть самоцелью, он призван служить более высокой идее — преумножению рода и расы. Только в этом его смысл и его назначение.* (63)

Многодетных «немецких матерей» за службу немецкому народу «фюрер» награждал особым «материнским крестом»: четверо детей — бронзовый, шестеро — серебряный, восемь детей и более — золотой.

Публичная демонстрация любви к матери может стать действенным политическим инструментом — в этом Гитлер убедился на примере своего кумира, венского бургомистра Карла Люэгера. «Красавчика Карла» окружали многочисленные поклонницы, однако он, предпочтя холостячество, создал в обществе настоящий культ собственной матери. Любому жителю Вены было ведомо, что мать Люэгера («моя покойная мамочка»), овдовев, зарабатывала на пропитание семьи содержанием табачного ларька. Ведь она боготворила единственного сына и таким способом дала ему возможность получить образование.

Франц Штаурач, священник и автор опубликованной в 1907 году биографии Люэгера (молодой Гитлер несомненно ее прочитал), превозносил мать Люэгера сверх всякой меры: «Любила она его по-матерински нежно; вся жизнь ее была связана лишь с ним, единственным сыном, коим она гордилась и на коего возлагала надежды; он же, в свою очередь, жил ради матери и вплоть до нынешнего дня хранит о ней память с трогательным почтением». Люэгер даже настоял, чтобы на официальном портрете в ратуше мать изобразили рядом с ним, бургомистром. «Чтобы она продолжала жить в памяти народной. Произнося его имя, каждый должен помнить, что лишь благодаря своей матери д-р Люэгер стал тем, кем он стал: это великий человек, живущий в трудные времена, это человек, посланный нам Провидением». (64)

Дважды в году бургомистр в сопровождении свиты, включая журналистов, навещал родительскую могилу. Всячески демонстрируя, что женщины ему не нужны, он показывался на людях только с родными сестрами, с Розой и Хильдегард, которые вели хозяйство у него в доме. Когда Люэгер заболел и слег, к ним добавились сиделки-монахини.

Однако это не значит, что в жизни Люэгера женщин не было. Возлюбленные бургомистра просто не появлялись с ним в обществе, всегда оставались в тени. Возможность женитьбы он отвергал, а особо настойчивой своей любовнице, художнице по имени Марианна Бескиба, объяснял это так: «Я много чего еще хочу добиться, для этого мне нужны бабы, но ты-то знаешь, что ревность — это жуть». (65)

«Баб» поставлял ему, прежде всего, Христианский женский союз, так сказать, его отряд амазонок.

Марианна Бескиба вспоминает: «Он льстил женщинам, утверждая, что они имеют над своими мужьями невероятную власть: “Смышленной женщине все подвластно, она способна добиться чего угодно; главное — влияние на мужчин, и тогда все будет прекрасно”. Женщины, очарованные льстивыми словами “красавчика Карла” об их власти и достоинстве, впадали в настоящую эйфорию. На бесчисленных собраниях “Он” появлялся в роли *pièce de résistance* — основного блюда, и всегда под бурные овации». (66)

Люэгера на публике не раз спрашивали о его безбрачии, а он всегда отвечал своей знаменитой фразой, вызывавшей восторг у женщин: у него, мол, нет времени на личную жизнь, тем более — на семью, потому что он живет на свете только ради «дорогих венцев».

Безбрачие Люэгера — хорошо просчитанный политический ход, однако изумленная общественность узнала об этом лишь через год после его смерти. Марианна Бескиба, разочарованная и уязвленная тем, что ей пришлось жить в бедности, на собственные средства опубликовала воспоминания. В том числе и факсимиле недвусмысленно эротических писем Люэгера. Характер их отношений оказался предельно ясен, разразился крупный скандал. Гитлер не мог об этом не слышать.

Так или иначе, в Вене ему довелось наблюдать, как самозабвенно, прямо-таки до истерики, женщины готовы поклоняться харизматическому политику. Именно в такой роли Гитлер впоследствии мастерски использовал женщин для достижения своих политических целей. Он льстил «своим» женщинам, чтобы привлечь их на свою сторону, но, заручившись поддержкой, никогда не признавал их равными себе.

Политический стиль Люэгера и рейхканцлера Гитлера — параллели здесь очевидны. Люэгер говорил, что принадлежит только венцам, а Гитлер утверждал: *Моя единственная возлюбленная — это Германия.* (67) И он так же — *шутя* — рассуждал о своем «отряде амазонок»: *Даже не знаешь, чего ждать от наших национал-социалистических девушек и женщин, если женишься. Ты ведь тогда сразу лишишься своей популярности. А если говорить серьезно, то о женитьбе не может быть и речи, если ты принадлежишь всему народу и посвящаешь себя труду во благо этого народа. Ты родился не для того, чтобы наслаждаться жизнью, а для того, чтобы изменить эту жизнь.* Д-р Элизабет Фёрстер-Ницше, престарелая сестра Фридриха Ницше, беседуя с Гитлером, поддерживала его в этом мнении: «Мой брат всегда говорил — герой должен быть свободным!» (68) О том, что в жизни фюрера была Ева Браун, немцы при его жизни не знали, как и жители Вены не подозревали о существовании Марианны Бескибы и прочих женщин Люэгера.

Для Гитлера, как и для Люэгера, только одна женщина была достойна уважения — собственная мать. Она играла очень важную, практически доминирующую роль в его жизни, причем не ради популярности у публики, как и у Люэгера. Во время Первой мировой войны Гитлер носил в нагрудном кармане маленькое, помятое фото матери. Позже он приказал по этому фотоснимку написать портреты маслом. Все свидетели сообщают, что портрет матери был единственной личной картиной, которая висела во всех спальнях Гитлера на самом почетном месте до конца его дней. (69)

Клара Гитлер умерла накануне Рождества, ее сын превратил этот праздник в день поминовения. Карл

Вильгельм Краузе, камердинер Гитлера, сообщает, что в 1934–1936 годах Гитлер не разрешал устанавливать у себя в доме рождественскую елку. Он запирался в одиночестве с сочельника и до второго дня праздника, приказывая оставлять еду и газеты под дверь и объясняя свое поведение тем, что «в сочельник у рождественской елки скончалась его мать» (70) Утверждение не совсем верное и, возможно, несколько приукрашенное Краузе.

Примечательно, что Гитлер уединялся для скорби именно в той комнате своей мюнхенской квартиры, где в 1931 году после ссоры с ним в возрасте 23 лет застрелилась Гели Раубаль, его племянница. Гели (Ангелика) — тот самый ребенок, которого Ангелика Раубаль-Гитлер, сводная сестра Гитлера, носила под сердцем, когда умирала его мать. Гели родилась в Линце 4 января 1908 года — вскоре после похорон Клары Гитлер и незадолго до того, как 18-летний Гитлер покинул родной город. Гитлер-политик взял к себе в дом 19-летнюю девушку. Примерно так же его отец Алоис когда-то привел в свой дом 16-летнюю племянницу Клару Пельцль из Вальдфиртеля. Мать сыграла и в этих крайне сложных отношениях большую, не поддающуюся рациональному измерению роль.

На публике Гитлер любил подчеркнуть: истинное значение его матери в том, что она воспитала такого сына. *В сравнении с образованными, интеллектуальными женщинами моя мать была, конечно, самой обычной женщиной, ... но она подарила немецкому народу великого сына.* (71) Гитлер превратил 12 августа, день рождения Клары Гитлер, в «День почитания немецкой матери». Публичный культ его матери являлся прежде всего составной частью культа фюрера.

12. Накануне Великой войны

Последний год в мужском общежитии

Сведения о последнем годе жизни Гитлера в Вене можно почерпнуть из трех независимых друг от друга источников: это рассказы анонима из Брюнна, а также свидетельства Карла Хониша и Рудольфа Хойслера, его соседей по общежитию. Вот как описывает 23-летнего Гитлера неизвестный современник, познакомившийся с ним весной 1912 года: «Он был закутан в доходившую почти до колен накидку непонятного цвета, то ли серого, то ли желтого. На голове — старая серая мягкая шляпа, без ленты». Портрет дополняли волосы до плеч и неухоженная борода. «На вопрос, почему он никогда не снимает пальто, даже сидя в теплой комнате, он стыдливо признался: нет рубашки. На рукавах пальто, там, где локти, и на брюках сзади — огромные прорехи». Дыры на подошвах ботинок заклеены бумагой, зимой в такой обуви на улицу не выйдешь. Гитлер как мог экономил на еде, аноним не раз делился с ним хлебом, маслом или обрезками жира с ветчины.

Далее аноним сообщает, что Гитлер в тот период целыми днями сидел в читальне общежития и рисовал, «перерисовывал со старой книжечки, какие когда-то раздавали венским школьникам». Речь здесь идет, вне всякого сомнения, о богато иллюстрированной книге «60 лет Вены», которую городская администрация в 1908 году разослала в качестве подарка во все венские школы и приюты в связи с юбилеем правления

Франца Иосифа. Книга содержит изображения самых известных зданий и видов Вены. Сходство рисунков Гитлера и иллюстраций в этом издании очевидно.

За рисунки Гитлер мог выручить 2 кроны, если повезет — 3,60. Но не больше, то есть — намного меньше, чем во времена совместной работы с Ханишем. За неделю удавалось пристроить два-три рисунка. (1) Следовательно, ежемесячный доход Гитлера составлял от 20 до 40 крон. Жить на это было фактически невозможно, если учитывать, что молодой человек уже не получал пенсию как сирота.

В это время у Гитлера возникли большие проблемы: один из соседей по общежитию написал заявление в полицию, обвиняя его в самовольном присвоении звания выпускника Академии. (См. Главу 6 «В мужском общежитии», раздел «Ссора с Ханишем»). Гитлер признается анониму, что «и правда, проучился в Академии всего лишь несколько семестров, а потом сбежал отсюда». Во-первых, потому что «слишком активно занимался политической работой в студенческих союзах». Во-вторых, потому что у него «не было денег на дальнейшую учебу». Эта история о преследовании за политические убеждения вполне в духе Гитлера. Аналогичным образом он объяснял, почему не закончил школу: якобы не из-за плохой успеваемости, а по политическим причинам, он ведь объявил себя приверженцем движения Шённерера «Прочь от Рима!».

Итак, Гитлер уже тогда начинает переписывать собственную биографию, изображая себя политическим борцом и подчеркивая, на какие жертвы ему приходилось идти ради убеждений. Те же аргументы он приводит и в легенде о работе на стройке.

Так или иначе, атмосферу вокруг Гитлера на тот период благодной не назовешь. К тому же вновь объявился бывший друг, а ныне заклятый враг Ханиш. У него здесь давние приятели, под именем Фридриха Вальтера он остается в общежитии на всю зиму, с 28 ноября 1912 по 29 марта 1913 года. (2) Работа на Альтенберга, владельца багетной мастерской, приносит ему постоянный доход. Гитлер также поставляет Альтенбургу рисунки, а потому конфликты неизбежны. К тому же, оба «художника», скорее всего, постоянно сталкивались друг с другом за работой в читальне общежития. С деньгами у Ханиша куда лучше, чем у Гитлера.

А ведь в Вене опять обострились социальные проблемы. Из-за инфляции даже мужские общежития заняты не полностью, только на 95,41%, и «текучка сильна как никогда». Число обращений за медицинской помощью в общежитиях выросло по сравнению с 1912 годом почти вдвое. Это значит, что многие могли позволить себе поселиться здесь, только если заболели, а места в больнице не нашлось. Из-за роста цен плата за недельное проживание в обоих венских образцовых общежитиях в 1914 году увеличилась на три кроны. (3)

Хониш, с которым Гитлер познакомился в начале 1913 года, рассказывает, что в отличие от большинства других обитателей общежития, Гитлер вел «размеренный, степенный образ жизни» и очень старался экономить. Прилежно работал, рисуя каждый день одну акварель размером 35 см на 45 см. Популярные мотивы он, бывало, повторял «раз десять подряд» и получал за картину от трех до пяти крон. Данное свидетельство подтверждает и аноним из Брюнна.

Хониш записывал свои воспоминания в 1930-е годы для архива НСДАП. Он старался охарактеризовать

Гитлера с самой положительной стороны, так что читальня превратилась у него в место встреч «интеллектуалов» общежития: «Это был сравнительно небольшой круг, состоявший из 15–20 человек, чужих сюда не допускали, здесь все были люди образованные, которым по разным причинам не повезло в жизни, торговые служащие, вышедшие на пенсию офицеры, чиновники, получающие маленькую пенсию и др. Сам я клерк по профессии, меня тянуло в этот круг, где я быстро почувствовал себя среди своих. Там были люди, обладавшие глубокими профессиональными знаниями и, конечно, множество оригиналов».

Гитлер предстает у него «в общем и целом дружелюбным и любезным человеком». Тот любил участвовать в политических дебатах, «продолжавшихся зачастую часами», причем делал это «с большим жаром», проявляя «невероятный темперамент». Обычно Гитлер тихо сидел за работой, слушая, что говорят другие. «Но если чье-то высказывание приходилось ему не по нутру, в нем пробуждался протест. Бывало, он вскакивал, отбрасывал кисть или карандаш и излагал свою точку зрения, крайне темпераментно, не боясь крепких выражений, сверкая глазами и резко откидывая прядь волос, постоянно падавшую ему на лоб». Особенно его воспаляли две темы: «красные и иезуиты».

Хониш пишет: «Часто он обрывал свою речь на середине и, разочарованно махнув рукой, снова усаживался за работу, словно говоря: жалко тратить на вас слова, все равно вы ничего не поймете». (4)

Карл Май в Вене

Как пишет аноним из Брюнна, весной 1912 года Гитлер в город почти не ходил. Тем более неожиданной

оказалась просьба «на несколько часов одолжить ему мою вторую пару ботинок. Я очень удивился и спросил, куда он собрался, а он радостно ответил, что в Вене с докладом выступает Карл Май и он непременно хочет его послушать». По всему городу висели афиши, где значилась тема выступления: «Ввысь — к царству благородного человека».

22 марта 1912 года Гитлер в одолженных ботинках отправляется в неблизкий путь: из района Бригиттенау ему надо добраться до 3-го района и комплекса «Софиензеле», предназначенного для различных мероприятий. Зал, рассчитанный на три тысячи человек, забит до отказа. Выступление 70-летнего Мая не случайно вызвало такой ажиотаж, автор был скандально известной фигурой. Совсем недавно журналисты выяснили, что в молодости он не раз сидел в тюрьме за мошенничество и воровство, что он никогда не бывал в тех дальних странах, которые так впечатляюще описал. И в мужском общежитии тоже происходили баталии между приверженцами Мая и его критиками. По сообщению Ханиша, молодой Гитлер уже в 1910 году защищал своего кумира и считал, что это подло — копаться в прошлом великого писателя. Так, мол, поступают только гиены и негодяи.

В своем выступлении Карл Май прославлял движение в защиту мира, которому посвятил книгу «И мир на Земле!», и восхищался пацифисткой Бертой фон Зутнер. 68-летняя дама, почетной гостьей сидевшая в первом ряду, признала Мая «товарищем в борьбе за мир», защищала его от всех нападков и заявляла о солидарности с ним: «Мы, работники духа, держим ту лестницу, поднимаясь по которой человечество станет „благородным человечеством“». (5)

Тема лекции явно восходит к Зутнер. Убежденная дарвинистка верила в естественный прогресс человечества, в его развитие по направлению к благородству и добру, к миру и упразднению войн. Значит, «благородные люди», вступившие в ряды сторонников мира, встали на верный путь, они должны повести за собой других и ускорить продвижение к царству справедливости и мира. (6)

Объявление о докладе Карла Мая

Май предрекал наступление царства мира в сказке о звезде Ситара: «Не будет там ни трех, ни даже пяти человеческих рас, ни пяти континентов, там будут только два континента и одна раса, разделенная на людей добрых и злых, с высокими или низкими помыслами,

стремящихся ввысь или вниз. Цвет кожи, строение тела и прочее здесь совершенно не важны и ничуть не влияют на ценность конкретного человека. В Ардистане живут низшие, неблагородные люди, в Джиннистане — высшие, благородные. Две страны соединяет узкая, ведущая ввысь полоска Мердистана, где в лесу Кулуб расположены Озеро боли и Кузница душ».

Человечество должно стремиться покинуть мрачный Ардистан, пробиться в Джиннистан и стать «благородным». В качестве примера Май приводит самого себя: и он тоже «родился в глубинах Ардистана», у бедных родителей. «Несмотря на все тяготы, я бесконечно счастлив. Я своими усилиями пробился наверх с самого дна. Сотни, тысячи людей пинали меня, а я все равно люблю их, люблю их всех». (7) В завершение вечера Май выразил свое восхищение Бертой фон Зутнер, зачитал отрывок из ее последнего романа «Высокие мысли человечества» и заявил о своем желании участвовать вместе с ней в борьбе за мир во всем мире.

Тема оказалась неожиданной, ведь слушатели готовились к историям про Виннету, но все равно они так воодушевились, что приветствовали Мая и по окончании мероприятия, уже на улице. Зутнер называет это «демонстрацией уважения, протестом против злобной, клеветнической кампании, которая ведется против него». (8)

А вот венская пресса отозвалась о докладчике и его публике скорее пренебрежительно. Например, «Нойе Фрайе Прессе», издание для интеллектуалов: «Интереса сегодня вечером заслуживали главным образом слушатели. Мужчины и женщины из мещанской среды и предместий, мелкие служащие, подростки обоих полов, даже дети. Все они, конечно, записаны

в частные или народные библиотеки и прочли все шестьдесят томов сочинений Мая, фантастические рассказы о путешествиях и романы, правдивость которых так часто ставилась под сомнение и даже становилась предметом долгих и упорных судебных разбирательств... По-настоящему великий поэт вряд ли бы дождался от публики большего энтузиазма. Май — пожилой господин семидесяти лет, худой, старомодного вида, голова — не то как у бюрократа, не то как у учителя, короткие седые волосы. Веселые голубые глаза скрываются то за очками, за роговым пенсне».

«Для всех, кроме горячих поклонников Мая», доклад стал «суровым испытанием»: «Май излагает свое мировоззрение весьма произвольно и непоследовательно. Он, мол, всегда стремился ввысь, в свободное духовное царство благородного человека. Май называет себя попеременно душой, каплей воды и — особенно охотно — духовным и душевным авиатором. Он то и дело достает из-под стола один из многочисленных томов своих сочинений, чтобы зачитать более или менее философские рассуждения, сказки, басни или стихи. Самое примечательное в его выступлении — это серьезность, истинный пафос, напоминающий религиозный восторг». (9)

Газета «Фремденблатт» тоже насмеялась: «Эта поза освободителя человечества у господина, который сочиняет не только рассказы о путешествиях, но и бульварные романы, это вечное цитирование собственных произведений (причем не увлекательных отрывков, а всяческих банальностей), это чтение собственных стихов, отвечающих вкусам сентиментальных кухарок, этот вновь и вновь повторяющийся намек на то, что сам докладчик идет единственно верным

путем, чтобы стать благородным человеком, — все это не просто вызывало чувство неловкости, но вскоре показалось и убийственно скучным». (10)

Впрочем, молодой Гитлер, по свидетельству анонима, был «невероятно воодушевлен и самим Карлом Маем, и его лекцией». В спорах, происходящих в общезжитии, он всегда вставал на сторону Мая-романиста, называл его «великолепным, совершенным человеком, потому что тот изобразил далекие страны и населяющих эти страны людей так правдоподобно, как никому еще не удавалось. Еще ему нравилось, что книги этого писателя столь близки и понятны молодежи». На возражения, что Май никогда не видел мест действия своих романов, Гитлер отвечал: «именно это и свидетельствует о гениальности, ведь эти картины правдивы и куда более реалистичны, чем описания всех остальных исследователей и путешественников».

Споры вокруг личности создателя Виннету разгорелись с еще большей силой после его смерти, наступившей всего через десять дней после выступления в Вене. Лекция «Ввысь — к царству благородного человека» оказалась, таким образом, его завещанием. Молодой Гитлер, по словам анонима, «был очень огорчен смертью Мая и искренне оплакивал его». Гитлер продолжал восхищаться этим автором до конца своих дней. Есть свидетельства, что даже будучи рейхсканцлером, он изыскивал время, чтобы перечитать полное (!) собрание сочинений Мая. (11) В 1943 году, несмотря на нехватку бумаги, Гитлер приказал напечатать 300 000 экземпляров книг о Виннету для солдат (12) — и это несмотря на неоспоримый факт, что герои Мая были «расово чуждыми» «краснокожими» индейцами.

Альберт Шпеер писал, что книги Мая «давали Гитлеру силы жить», они имели для него такое же значение, как «для других людей — философские тексты, или для старшего поколения — Библия». По словам Шпеера, Гитлер «для доказательства чего угодно» обращался именно к Маю «Например, не обязательно знать пустыню, чтобы управлять войсками на африканском фронте. Например, человек с фантазией, способный „вжиться“ в другого, может понять душу, обычаи и обстоятельства жизни другого народа, столь же чуждого ему, сколь бедуины или индейцы чужды Карлу Маю, куда лучше, чем какой-нибудь географ, изучавший их на месте. Карл Май служил для него доказательством того, что ради познания мира путешествия вовсе не обязательны».

Шпеер советовал историкам учитывать влияние Мая, а особенно — образа Виннету, на Гитлера, когда они рассматривают его в качестве военачальника. Гитлер считал Виннету «образцовым командиром роты» и «примером благородного человека». По мнению Гитлера, этот «героический персонаж» мог научить молодежь «правильно понимать благородство». (13)

Пацифизм и гонка вооружений

Однако идеями пацифизма даже Май не смог увлечь ни молодого Гитлера, ни прочих венцев в канун 1914 года. В пору лихорадочного наращивания вооружений и непрекращающегося кризиса на Балканах пацифистов считали дураками, предателями родины и «прислужниками евреев». Комической фигурой и постоянной мишенью для карикатуристов стала прежде всего Берта фон Зутнер, одна из первых участниц антивоенного движения в Австро-Венгрии, автор популярной

книги «Долой оружие!», лауреат Нобелевской премии мира 1905 года и неустанный борец за мирное разрешение конфликтов. Когда Альфред Герман Фрид, ее соратник, в декабре 1911 года также получил Нобелевскую премию мира, венская пресса об этом умолчала. Если Фрида и упоминали, то исключительно в связи с тем, что он еврей. Исключительно ради подтверждения тезиса о том, что все евреи — пацифисты, лишённые чувства отечества и состоящие на службе у «интернационального еврейства». (14)

Баронессу Зутнер, урожденную графиню Кински, основательницу Австрийского, Немецкого и Венгерского обществ защиты мира, назвать еврейкой никак не получалось. Но ее причисляли к «прислужникам евреев»: помимо прочего она много лет активно участвовала в работе Общества по борьбе с антисемитизмом.

Газета «Бригиттенауер Бециркс-Нахрихтен» утверждала, что пацифистов финансирует международная финансовая аристократия, т.н. «мамонократия», стремясь столь изощренным способом получить «власть над войной и миром». «Она грозит отказаться в кредите на любую войну и таким образом принуждает народы к вечному миру. Вроде бы весьма миролюбивый проект, однако такой мир может легко превратиться в мир кладбищенский, где обессиленные народы, отданные в вечное рабство, вынуждены будут батрачить на новых тиранов. Честь и свобода народов будут утрачены». (15)

Адольф Харпф, хорошо знакомый Гитлеру писатель из Германии, опубликовал в брошюре из серии «Остара» работу под названием «Эпоха вечного мира. Апология войны как обновителя культуры и расы», где выступил против «современных интернациональных мечтателей

о мире», против «отталкивающего лепета о мире современных международных путаников» и «бескровных идеалов всеобщего упадка народов при интернационализме». Вечный мир, о котором мечтают пацифисты, представлялся ему «самым печальным золотым веком разложения по причине всеобщей лениности, ... эпохой всеобщей пресыщенности жизнью, добровольного умирания от переизбытка жизни и культуры». На смену «этической движущей силе, присущей культурным людям нашей расы», придет «общемировое единое нечто». И в этой работе также цитируется Мольтке: «Война — часть установленного богом миропорядка. На войне человек демонстрирует свои благороднейшие добродетели: мужество и самоотверженность, честное выполнение долга и дух самопожертвования. Солдаты жертвуют своей жизнью. Без войны мир обречен на загнивание и погружение в материализм». (16)

По всей Европе готовились к «грядущей войне», казавшейся неизбежной. Всемерно поощряли патриотизм населения и готовность служить в армии. Вышивали боевые знамена, собирали деньги для флота, боготворили солдат и поносили врагов и пацифистов. Ряды последних таяли на глазах. Теперь немногие отваживались выступить в роли «фурии мира». Лекции борцов за мир проходили в пустующих залах, газеты не принимали к публикации статьи Зутнер и Фрида. Австрийскому обществу защиты мира удалось собрать на печать листовок в общей сложности лишь 60 крон. Насмешки по поводу такого ничтожного результата не заставили себя ждать.

В «Моей борьбе» Гитлер противопоставляет свое понимание мира пацифистскому, явно намекая на «мирную Берту»: *Мир достигается не при помощи*

пальмовых ветвей в руках плаксивых жалобщиц-пацифисток, мир создается победоносным мечом народа господ, способного к завоеванию и готового поставить его на службу высшей культуре. (17) Выступая в Мюнхене в 1929 году, он заявил, что *войны во все времена способствовали разрядке. Идея всемирного разоружения служит не миру, а подготовке к войне. Раньше к войне готовились, наращивая вооружения, сегодня — убеждая противника разоружиться.* (18) О графе Рихарде Куденхове-Калерги, поддерживающем антивоенное движение, Гитлер высказался так: *Его устами к нам обращается лишенный корней дух старой имперской Вены, города, где смешались Восток и Запад.* (19)

Антивоенные выступления социал-демократов в Вене накануне Первой мировой удостоились более резкого отпора, чем бессильный буржуазный пацифизм. Только одна эта партия пыталась противодействовать нарастающему милитаристскому воодушевлению. В октябре 1912 года, вскоре после начала Первой Балканской войны, Международное социалистическое бюро в Брюсселе по предложению Виктора Адлера опубликовало антивоенный манифест, где рабочих всех стран призывали «всеми силами противостоять» милитаристским планам. (20) 10 ноября 1912 года в Вене социал-демократы организовали демонстрацию против развития конфликта на Балканах. Вильгельм Элленбоген заявил: «Нам совершенно не важно, кто будет править в Санджаке, в Косово, в Албании, в Македонии. Не в интересах Австрии вмешиваться в вооруженные конфликты на Балканах, наша выгода заключается в успешной торговле с балканскими государствами». (21)

В ответ христианско-социальная газета «Бригиттенауер Бециркс-Нахрихтен» обвинила социал-демократов в том, что после демонстраций против роста цен они «принялись спекулировать на тему мира, высчитав, что минимум девяносто процентов населения выступают за мир и против войны... Однако они действуют лишь в интересах своей партии, пытаясь поднять массы против ненавистной им Австро-Венгрии... Если общество поверит социал-демократической клевете и восстанет против якобы угрожающей миру Австро-Венгрии, которая на самом деле всегда была вполне безобидной, мы действительнождемся нападения на нашу империю». (22)

Выступив наряду с французским борцом за мир Жаном Жоресом на внеочередном конгрессе социалистов в Базеле, Адлер заявил: народам Австро-Венгерской империи требуются «культура, образование, больницы и школы. Всего этого у нас пока недостаточно. Нам нужны образование, немного свободы и хотя бы чуть-чуть понимания со стороны власть имущих. Смелость на поле боя, честолюбивая политика не дадут нам ничего». Даже победоносная война всегда означает бедствия для населения, а «для такого государственного образования как Австро-Венгрия» война станет «началом конца»: «Любые завоевания Австрии, любые победы угрожают ей распадом, и сегодня эта опасность близка как никогда». (23)

Однако социал-демократов, как и пацифистов, обвиняли в том, что они работают на евреев, что они, уклоняясь от войны, приближают крах империи и тем самым играют на руку «всемирному еврейскому заговору». Страна продолжала лихорадочно вооружаться, невзирая на рост цен и обострение социальных проблем.

В 1899–1909 годах расходная часть государственного бюджета Австро-Венгрии выросла с 1500 до 2300 миллионов крон в год. Аннексия Боснии обошлась империи в 167 миллионов, репарации Турции составили 54 миллиона. В 1909 году на строительство dreadnoughtов потратили 235 миллионов крон, крупные суммы пошли на торпедоносцы и броненосные крейсера. (24) В апреле 1910 года пришлось выпустить облигации государственного займа на 220 миллионов крон. (25)

Новое оружие — самолеты

В начале XX века увлечение новыми «летательными аппаратами» охватило всю Европу, включая, конечно, и Вену. В газетах появились специальные колонки, где по свежим следам сообщалось обо всех новейших достижениях и происшествиях. Открытка с изображением цеппелина, отправленная летом 1908 года Августу Кубичеку, свидетельствует о том, что и юный Гитлер интересовался воздухоплаванием. (26) 1 июля 1908 года пионер авиации граф Фердинанд фон Цеппелин совершил свой знаменитый двенадцатичасовой полет над Швейцарией. Европейские газеты славили его как героя. Однако всего несколько недель спустя, 4 августа, аппарат цеппелин LZ-4 взорвался, находясь на земле.

В Вене много спорили о причинах этой наделавшей шума аварии, даже в ежедневных газетах разбирались плюсы и минусы конструкции летательного аппарата. Столь же активно в 1937 году будут обсуждать сенсационный пожар на цеппелине при посадке в Лейкхерсте. Даже в 1942 году в словах Гитлера о неудачах Цеппелина можно услышать отголосок тех дискуссий: *Правильно лишь то, что соответствует законам природы, — этот принцип верен*

и в отношении воздухоплавания. Поэтому цеппелины — совершенно безумное изобретение. Их конструкция основывается на неправильном принципе «легче воздуха», его ошибочность доказывает хотя бы тот факт, что в природе не существует птиц с газовым пузырем, как у рыб. Гитлер всегда отказывался летать на дирижабле, а вот летать на самолете не боялся даже при плохой погоде. (27) Он стал одним из первых политиков, активно пользовавшихся самолетами, особенно — во время предвыборной кампании. Ему нравилось создавать впечатление своей вседуальности, в один день появляться в разных и весьма удаленных друг от друга местах.

Существует множество свидетельств об особом интересе Гитлера к авиации. Он увлекся летательными аппаратами еще в Вене, как и широкие массы населения. В марте 1909 года венцы валом валили на «выставку аэропланов» на Рингштрассе. В октябре 1909 года 300 000 зрителей с императором во главе наблюдали за показательным полетом французского авиатора Луи Блерио в районе Зиммерингер Хайде на краю города. В марте 1910 был осуществлен пробный полет аппарата «Этрих-Таубе» из Вены в расположенный неподалеку городок Винер-Нойштадт. В июне 1912 сенсационный по дальности перелет из Берлина через Бреслау в Вену, в котором принимали участие, соревнуясь друг с другом, одиннадцать летчиков из Германии и Австрии, вызвал ажиотаж. Несколько участников сбились с пути, другие совершили экстренную посадку, кто-то попал в грозу, кто-то разбился. Выиграл гонку немецкий пилот с результатом 5 часов 39 минут.

Военные были заинтересованы в развитии авиации, она как дополнение к сухопутной армии и флоту

открывала третье измерение военных действий. На новом военном аэродроме Вены отрабатывали бомбометание, используя мешки с песком. Отчаянные требования пацифистов представить новое вооружение на рассмотрение Гаагского суда не дали результатов. Правда, в 1899 году Первая мирная конференция в Гааге запретила сбрасывать снаряды с воздушных шаров. Однако пять лет спустя запрет не продлили — при всеобщем молчаливом одобрении. В 1907 году на Второй мирной конференции в Гааге эту щекотливую тему даже не включили в повестку дня.

Все европейские государства с большей или меньшей степенью секретности разрабатывали и испытывали военно-воздушную технику. Бомбардировку с воздуха впервые осуществили в 1911 году, во время Итало-турецкой войны. Военные добивались выделения все более крупных сумм на развитие авиации, ссылаясь на то, что потенциальный противник уже имеет секретный воздушный флот и планирует нападение.

Сочинители расписывали в жутких красках значение новой воздушной техники для ведения войны. В 1908 году «Пэлл Мэлл Мэгэзин» опубликовал статью «Фантазия о войне», где рассказывалось о нападении немцев на беззащитный американский флот. Для немецких читателей статью перепечатала в переводе газета «Дойчес Фольксблатт»: «От воздушных кораблей отделяется множество дельтапланов, управляемых людьми, маленьких и быстрых, с широкими плоскими крыльями и большой четырехугольной передней частью. Подобно птичьей стае, они устремляются вниз и сбрасывают на суда бомбы невероятной взрывной силы». Затем следует атака «воздушных кораблей», и «все тонет в море огня, дыма, ядовитых

газов и разлетающихся кусков металла. Американский флот уничтожен, воздушная армада берет курс на Нью-Йорк». (28)

В 1912 году «Нойес Винер Журналь» перепечатывает из крупной парижской газеты похожую статью, где пугают налетом немцев: «В момент объявления войны все эти самолеты по сигналу поднимутся в воздух и, поймав попутный ветер, возьмут курс на Париж со скоростью 160 километров в час. Им потребуется лишь несколько часов, чтобы долететь до Эйфелевой башни. И меньше, чем за полчаса они сбросят на нашу столицу 10 000 килограмм взрывчатых веществ». (29) Подобные статьи почти всегда завершались настоятельным требованием перед лицом такой угрозы создать собственный военно-воздушный флот как можно скорее.

Венские пацифисты также описывали сценарии грядущей воздушной войны, но с иной целью — чтобы предостеречь. Они уверяли, что ни одна из прошлых войн не сравнится по ужасу с этими «войнами будущего», и призывали политиков, военных, прессу и общественность приложить все усилия, дабы избежать смертельной катастрофы. Потому что воздушная война отменит все существующие правила ведения военных действий, при нападении пострадают теперь не только армии, но и гражданское население, в такой войне не будет победителей, только побежденные.

В 1912 году Берта фон Зутнер в брошюре под названием «Варваризация воздушного пространства» сравнила воздушную войну с игрой в шахматы, участники которой заявляют: «Мы намерены сохранить все старые правила: пешки ходят на одну клетку, кони прыгают, как и прежде... Но одно новое правило мы введем: каждый сможет уронить сверху что-нибудь на

доску и опрокинуть все фигуры». (30) Зутнер полагает, что следствием такой войны станет не просто утрата благосостояния, но социальный коллапс с безработицей, голодом и эпидемиями: «Не будет ни великих наций, ни стран, все превратится в пустой звук. Повсюду руины, непогребенные мертвецы, на огрубевших и бледных лицах тех, кто выжил, читается смертельная апатия... Все прекрасное мироустройство, все процветание на Земле съежилось, как лопнувший воздушный шар». (31)

Балканский узел

Но подстрекателей не останавливали предупреждения. Вслед за Австро-Венгрией, которая аннексировала Боснию и Герцеговину, в сентябре 1911-го кусочек распадающейся Османской империи отщипнула себе и Италия, оккупировав турецкую провинцию Ливию без согласования с другими членами Тройственного союза. Возмущение венских политиков в связи с этим событием не знало предела, непопулярную Италию очередной раз заподозрили в предательстве и лицемерии, усомнились в ее верности союзническим обязательствам.

Итало-турецкая война, продолжавшаяся более года, разожгла аппетиты балканских правителей. 8 октября 1912 года Черногория, Сербия, Болгария и Греция, объединившись в Балканский союз под девизом «Балканы — балканским народам!», объявили войну Турции, чтобы поделить между собой ее европейские территории. Так началась Первая Балканская война.

Австро-Венгрия и Россия, у которых были свои интересы на Балканах, находились в состоянии боевой

готовности. Уже через три дня после начала войны императорская и королевская армия потребовала дополнительно 82 миллиона крон на вооружение, и парламент одобрил эти расходы вопреки протестам социал-демократов.

Турок быстро разбили, но победители вскоре рассорились, не сумев поделить добычи, не сойдясь во мнении по поводу территории для вновь образованного государства — Албании. Черногорский князь Никита претендовал на владение городом Скутари, который был обещан Албании, ввел туда войска и не собирался уходить, даже когда у берегов Черногории показалась международная флотилия под командованием англичан. Заголовки венских газет кричали: «Невероятное событие! Черногория бросает перчатку всей Европе» (32), «Преступник на троне Черногории». (33)

Однако именно этот балканский правитель сумел подстраховаться с исключительной ловкостью, выдав дочерей замуж в Россию и Италию. Елена даже стала королевой Италии. Через несколько десятилетий, в 1943 году, Гитлер все еще развлекал слушателей венскими историями о «бараньем воре» Никите: *Обычному человеку, если он крадет баранов и уже не раз сидел в тюрьме, выдать дочку замуж непросто. Но в аристократической среде это не позор, а большое достижение, и правители готовы передрасться за такую принцессу. А ведь Никита этот — всего лишь бродяга, которого вытурили из Австрии, всю жизнь он только и занимался вымогательством и настраивал Италию и Австрию друг против друга.* (34)

Сопrotивление мелкого балканского князя международным силам со всей очевидностью продемонстрировало бессилие великих держав в решении

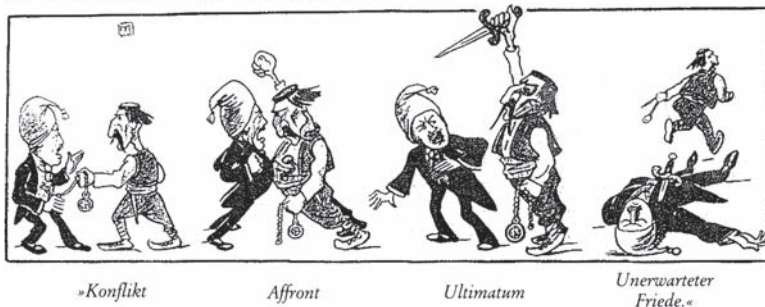
балканского вопроса. В Вене все громче звучали призывы «навести порядок» и ввести войска на Балканы: Австро-Венгрия, мол, и так слишком долго проявляла терпение, особенно в отношении Сербии, и больше не может мириться с тем, что из нее делают дурочку.

Наследник престола Франц Фердинанд, непримиримый враг сербов, венгров и итальянцев, обдумывал наиболее выгодные для Австро-Венгрии политические способы для «наведения порядка» на Балканах. Он хотел преобразовать двуединую монархию в триединую: в состав Габсбургской империи должно войти относительно самостоятельное южнославянское государство. Это государство станет центром притяжения для всех южных славян на Балканах и таким образом составит конкуренцию Сербии, которая стремится объединить их под своей властью. Главным предметом спора между Сербией и Австро-Венгрией являлись Босния и Герцеговина с их смешанным населением.

Этот план вызвал неудовольствие не только у Венгрии, не собиравшейся мириться с утратой влияния на Балканах, но и у многих других народов империи. Пангерманцы считали Франца Фердинанда врагом немцев и «другом славян», который намерен славянизировать Австрию в ущерб немцам. Чехи — на протяжении нескольких веков наряду с немцами и венграми влиятельнейшая группа в Дунайской монархии — уже с 1867 года были очевидно ущемлены в правах и имели все основания потребовать самостоятельности и для себя. И уж никак не после южных славян. Томаш Г. Масарик напомнил парламенту об «исторически сложившемся триединстве», имея в виду союз с Богемией. Он полагал, что нет смысла создавать отдельное государство для южных славян, что

следует заняться поисками новой концепции для всей многонациональной империи. Из «унаследованного конгломерата» земель нужно наконец создать нечто принципиально новое, «отвечающее интересам отдельных национальностей и государства в целом». (35)

Die Geschichte von der österreichischen Geduld.

«История об австрийском терпении». Подписи под отдельными сценами: «Конфликт. Оскорбление. Ультиматум. Неожиданное примирение» (карикатура в сатирическом журнале «Кикерики», 1 декабря 1912 года)

Поляков тоже вряд ли бы устроило привилегированное положение южных славян. Для себя они тоже потребовали бы аналогичного статуса. Итальянцы не преминули бы воспользоваться случаем и присоединиться к Италии. И так далее. В очередной раз стало очевидно, что любое, даже малейшее изменение в составе Дунайской монархии угрожает существованию этого сложного организма. Введение триединства неизбежно привело бы к распаду империи на отдельные национальные государства и тем самым — к краху.

С другой стороны, общественная дискуссия о проекте создания триединого государства, который

однозначно было направлено против Сербии, разжигала ненависть сербов к Габсбургской монархии в целом и к наследнику престола в особенности.

В «Моей борьбе» Гитлер повторяет господствовавшее на тот период мнение: *Австрия напоминала тогда старое мозаичное полотно, где клей, скреплявший отдельные камешки, высох и раскрошился. Эта поделка умело притворяется единым целым, пока ее не трогают, но она разлетится на тысячу кусочков от любого толчка.* (36)

Планы превентивной войны

После Боснийского кризиса 1908 года в Вене ходили слухи о необходимости превентивной войны, и прежде всего, с Сербией. Франц Конрад фон Хётцендорф, начальник императорского и королевского Генерального штаба, активно разрабатывал план такой войны. У него появлялось все больше сторонников, в том числе и вне армии. Главный аргумент Хётцендорфа — стремительное наращивание вооружений в России. Он полагал, что нанесением внезапного удара можно избежать опасности «большой» войны, то есть обойтись войной «быстрой». А сторонники превентивного удара надеялись таким образом хотя бы на время стабилизировать ситуацию внутри страны, смягчить межнациональные конфликты.

Армия, по крайней мере ее немецкоязычная часть, поддерживала Хётцендорфа. Наращивание вооружений щедро финансировалось и шло быстрыми темпами. В Вене повсеместно звучал призыв: «Сербия должна умереть!» Венская пресса неустанно подстрекала население к войне против сербов.

В 1909 году одна популярная армейская газета разместила на первой полосе статью под заголовком «Канун войны»: «Время пришло. Война неизбежна. Никогда еще мы не вели столь справедливой войны. Никогда еще мы не были столь уверены в победе. Нас вынуждают воевать: вынуждает Россия, вынуждает Италия, вынуждают Сербия и Черногория, вынуждает Турция». И далее: «С радостью вступит наша армия в борьбу... Мы отправляемся на бой, зная, что от нас зависит будущее империи... Наша кровь кипит, нас не удержать. Призови нас к оружию, император!» (37) Но старый император медлил. В 1909 году ему еще удалось сохранить мир.

Хётцендорф считал, что Австро-Венгрия окружена врагами. Сначала в 1907 году, затем еще раз в 1909-м, а особенно часто — во время Итало-турецкой войны он выступал за нанесение превентивного удара по нелюбимому союзнику — Италии. Внутри Дунайской монархии национальная рознь между итальянцами и немцами только усиливалась: в связи с юбилейными торжествами, во время беспорядков в Венском университете, при постоянных столкновениях в Триесте.

Венцы совершенно не доверяли «итальяшкам» и сомневались в верности Италии союзническими обязательствам. Считали, что Рим только и ждет, чтобы после развала империи прибрать к рукам Триест, Трентино и Южный Тироль. Тройственный союз представлялся альянсом весьма ненадежным и скорее осложняющим ситуацию. Это мнение разделял и Гитлер, в «Моей борьбе» он писал: *Каждому, кто не страдал дипломатической слепотой, было совершенно непонятно, как можно хоть на минуту представить себе подобное чудо, поверить в то, что Италия и Австрия будут*

сражаться вместе. В Австрии тоже придерживались этой точки зрения. (38)

Если Италию нельзя рассматривать в качестве надежного союзника, то следует воспользоваться моментом и избавиться от этого опасного врага, — так считал Хётцендорф, начальник императорского и королевского Генерального штаба.

Надпись: «Сербия должна умереть!»

Старый император категорически возражал против любой превентивной войны. Предательское нападение на союзника, которому он неоднократно клялся в верности, не соответствовало представлениям Франца Иосифа о чести и праве. В 1911 году после крупной ссоры он отстранил Хётцендорфа от должности, но в 1912 году, по желанию наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда, тот снова стал начальником Генштаба, оставшись при своем мнении по поводу Сербии, Италии и превентивной войны.

Гитлер-политик, заинтересованный в хороших отношениях с Италией, отлично знал историю сложных взаимоотношений Австро-Венгрии и Италии.

Он вполне понимал нелюбовь итальянцев к империи Габсбургов: *Италия взорвалась бы, если б правительство решилось отправить на поле битвы к ненавистным Габсбургам хоть одного итальянца в качестве союзника... То, как Габсбурги веками попирали свободу и независимость итальянцев, забыть невозможно, даже если очень захочешь. Но этого никто и не хотел — ни народ, ни правительство. У Италии было два варианта — или союзнический договор, или война. Выбрав первый, можно было спокойно готовиться ко второму.* (39) И так, Гитлер, как и Хётцендорф, полагал, что Италия только и ждет подходящей минуты, чтобы нарушить союзнические соглашения и начать войну против Австро-Венгрии.

Личные письма и дневники той эпохи свидетельствуют, что все слои населения готовились к войне и все больше ее одобряли. Даже Мария Валерия, 40-летняя дочь императора, записала в дневнике: «Слухи о войне не прекращаются... Но ведь вполне можно предположить, что такое крупное потрясение, каким станет эта война, принесет не только зло, но и благо... что снова появятся люди с твердым характером, которых так не хватает нашей эпохе». (40)

На скорое начало военных действий уповали и пангерманцы, пусть и по другим причинам. Пангерманцы надеялись, что в итоге войны многонациональное государство очень скоро распадется на части и Германская Австрия сможет присоединиться к Германской империи. С их точки зрения, Двойственный союз Германии и Австро-Венгрии был ошибкой, ведь Берлин якобы не подозревал об истинном положении дел в Дунайской монархии и позволил той тянуть себя на дно. Газета «Альдойчес Тагблатт» постоянно призывала Берлин

предоставить государство Габсбургов его неизбежной печальной участи и не допустить того, «чтобы прямо у границ Германской империи 10 миллионов немцев уничтожили как нацию, создав сильное и враждебное немцам государство». (41)

Гитлер до конца своих дней отстаивал данную точку зрения, приводя те же аргументы. Германское правительство, якобы не имея представления о реальной внутривнутриполитической ситуации своего союзника (42), должно было расторгнуть союз с Австро-Венгрией: *Я торжественно заявляю, что если бы Германия была в то время национал-социалистическим государством, то я как государственный деятель предоставил бы Австрию ее судьбе. Я не стал бы отправлять миллионы людей на поле боя только ради того, чтобы спасти этот политический труп.* (43) Войну следовало начать гораздо раньше: *Проклятием как немецкой, так и австрийской дипломатии было то, что они все время пытались отодвинуть неизбежный час расплаты, пока наконец им не пришлось действовать в самый неподходящий момент.* (44)

Постоянно критикуя Габсбургскую монархию, императорскую и королевскую армию, Гитлер всегда делал исключение для Франца Конрада фон Хётцендорфа. Он выказывал этому генералу всяческое уважение за то, что тот стремился начать превентивную войну и нарушить союзнические обязательства ради жесткой политики с позиции силы и мнимой военной необходимости. В 1941 году Гитлер говорил о полководцах Первой мировой войны так: *Самым толковым из военачальников был, видимо, все-таки Конрад фон Хётцендорф. Он четко осознавал, что именно следует делать с политической и с военной*

точки зрения, просто у него не было подходящего инструмента. (45) Под «инструментом» Гитлер подразумевал австро-венгерскую армию.

12 марта 1939 года, в День памяти героев, фюрер Великогерманской империи приказал возложить в знак уважения венки на три могилы — графа Гинденбурга в Танненберге, Людендорфа в Тутцинге, Конрада фон Хётцендорфа в Вене. (46)

Гитлер обладал весьма основательными познаниями в военной истории, вполне можно доверять следующему его утверждению в письме от 1921 года: *В двадцать два года я с особым пылом бросился изучать военно-политические труды и с тех пор постоянно и интенсивно занимаюсь мировой историей.* (47)

Источником знаний стали для него в первую очередь работы пангерманцев. Особенно его интересовала история германских и австрийских немцев, причем в том ключе, как ее преподавал профессор Пётш в Линце и как ее излагали венские пангерманцы. Это войны и военное искусство, начиная с херусков, потом освободительные войны, 1848 год, сражение при Кениггреце и наконец кульминация военной истории немецкой нации — победа над французами во Франко-прусской войне 1870–1871 годов, которая и стала предпосылкой создания Германской империи.

По свидетельству анонима из Брюнна, в 1912 году у Гитлера была всего одна книга — двухтомная «Иллюстрированная история Франко-прусской войны 1870–71 годов» — «сокровище, которое он тщательно оберегал». Возможно, оберегал еще и потому, что это была любимая книга его отца. Напоминая Гитлеру об отце, она служила символом объединявшего их

преклонения перед немецким национальным государством, которое создал Бисмарк.

Аноним сообщает: «Гитлер очень любил поговорить об этой войне и о ее героях, он демонстрировал при этом солидные познания. Столь же хорошо он знал войну 1866 года, которой тоже восхищался. Он знал всех полководцев, принимавших участие в этой войне. Глубочайшее восхищение и почтение вызывал у него Мольтке и, конечно же, Бисмарк. Последний был его главным кумиром». По словам анонима, Гитлер отказывал в уважении только Вильгельму II Гогенцоллерну, что тоже полностью соответствовало точке зрения шёнерианцев: *Этот политический молокосос посмел убрать Бисмарка! А ведь он обязан Бисмарку властью.* Ханиш пишет, что Гитлер презрительно называл Вильгельма II *надутым хвостуном, который позирует скульпторам.*

В дальнейшем Гитлер любил черпать из кладовой своих знаний примеры и подробности для подтверждения своей правоты. После Сталинградской битвы, когда для немцев сложилась катастрофическая ситуация, он вспомнил в разговоре с Миклошем Хорти, регентом Венгрии, сражение при Кениггреце: *На войне точно можно знать лишь то, насколько плохи твои дела, но ты никогда не знаешь, насколько плохи они у противника... Если бы проувающий знал, в каком тяжелом положении находится другая сторона, он бы перетерпел и благодаря этому одержал бы победу.* В сражении при Кениггреце прусская армия около четырех часов пополудни находилась в критической ситуации. *Но австрийцы этого не заметили, и поэтому победа в конце концов осталась за более стойкими пруссаками. В шесть часов вечера Мольтке уже*

мог закурить свою знаменитую сигару, потому что самое страшное было позади. Точно так же обстоят дела и сегодня. (48)

Гитлер занимался изучением не только отдельных сражений, но и стратегическими вопросами. Например, он был хорошо осведомлен о сути и спорных пунктах договоров Двойственного союза и Тройственного союза, что подтверждают длинные пассажи на эту тему в «Моей борьбе» и во «Второй книге». Превентивная война, пусть даже и против союзника, всегда являлась для него не этическим, а лишь стратегическим и политическим вопросом.

Уклонение от военной службы

В 1912 году правительство боролось за принятие нового закона о воинской обязанности, чтобы перед лицом скорой войны улучшить боеспособность императорской и королевской армии. Новый закон должен был принести населению некоторое облегчение: срочная служба сокращалась до двух лет с последующей десятилетней службой в запасе. Зато значительно увеличивалось количество новобранцев. До 1912 года в армию ежегодно рекрутировали 103 100 человек, в 1912 году — 136 000 человек, в 1913-м — 154 000, в 1914-м — 159 500, из них — 91 482 рекрутов из западной части империи. (49) Принятию закона предшествовали растянувшиеся на много месяцев дискуссии, в частности, в мужском общежитии, как сообщает аноним из Брюнна.

После длительной борьбы правительству удалось убедить почти все немецкие партии поддержать законопроект. Пангерманцы, правда, проголосовали против, невзирая на то, что офицеры из Германии заклинали

их поспособствовать усилению армии в интересах Двойственного союза. (50) Газета «Альдойчес Тагблатт» возмущалась новым законом: «Разве государство, где правители не учитывают наших интересов, все еще наше государство? Разве армия не является нашей армией только в том случае, когда она служит нашим национальным интересам?» (51)

Немцы с давних пор действительно занимали в австро-венгерской армии привилегированное положение. По данным на 1900 год из 17 552 офицеров Цислейтании 14 581, то есть, 83,1%, были немцами, а среди рядового состава немцев было только 35,7%. В 1915 году, уже после начала войны, на 1000 офицеров приходилось 761 немцев, среди офицеров запаса — 568 на 1000, среди рядового состава — всего лишь 248 немцев на 1000 солдат. (52)

Однако теперь пангерманцы называли это привилегированное положение повышенным «кровавым налогом», который взимает государство, не защищая, по их мнению, интересы немцев. Пангерманские газеты непрерывно печатали сообщения о плохом состоянии императорской и королевской армии и страданиях немецких рекрутов в этих многонациональных «войсках Молоха». Любой отец «исполнится ужаса, когда его сыну выпадет на долю уплачивать этот кровавый налог». (53) Грядет война, «которую будут вести не только на деньги австрийских немцев, но и их кровью, потому что чехов использовать не решатся, а поляков оставят дома, желая пощадить». (54)

Пангерманцы призывали своих сторонников отказывать «ненемецкому» государству в уплате «кровавой дани», «этого горчайшего, тягчайшего налога», который требует от «всех здоровых членов нации принести

в жертву армии лучшие годы жизни» на службе «у осколков разных народов, которые не имеют между собой ничего общего и удерживаются вместе внешними цепями». Эту бессмысленную жертву не освящает благородный огонь веры в истинно любимое и любящее „отечество“». (55)

Гитлер, вероятно, сочувствовал нападкам пангерманцев на многонациональные вооруженные силы. В «Моей борьбе» он пишет о положении немецкого солдата в императорской и королевской армии: *На время службы он оказывался вдали от родины. Рекрут из австрийских немцев попадал обычно в немецкий полк, вот только полк этот могли расквартировать где угодно — в Герцеговине, в Вене или в Галиции.* (56) Юный Гитлер явно не хотел служить в Галиции, в Боснии или в любой другой «ненемецкой» коронной земле.

Так или иначе он всеми силами старался уклониться от армейской службы. Осенью 1909 года в газетах и на плакатах печатали обращения к молодым людям его года рождения (1889), призывая их записаться на службу весной 1910-го. Списки составлялись по основному месту жительства, значит, Гитлеру следовало явиться в Линц. Но до 1913 года в списках Линца трижды появилась запись: «Отсутствует без оснований, место пребывания установить не удалось». (57)

Впоследствии Гитлер утверждал, что он все-таки исполнил свой долг и – пусть и не осенью 1909 года, но в феврале 1910-го — явился на призывной пункт в венскую ратушу. Однако городской чиновник отправил его становиться на учет по месту регистрации, в район Бригиттенау. *Там я попросил дозволения стать новобранцем в Вене, подписал какой-то*

протокол или ходатайство, заплатил одну крону и больше никогда об этом не слышал. (58)

Проверить подлинность этого утверждения невозможно, упомянутый протокол так никогда и не всплыл, Гитлера из Вены в армию не призывали. По собственной инициативе он ни в 1911-м, ни в 1912 году не явился на обязательное переосвидетельствование. Однако все это время, более трех лет, он был официально зарегистрирован в мужском общежитии, и государственными органам при желании не составило бы труда его найти.

Гитлер не собирался нести военную службу в Австро-Венгрии, это подтверждают и его планы отъезда за границу. Пока его останавливало лишь отсутствие средств: свою долю отцовского наследства, в которой он крайне нуждался, он мог получить только по достижении двадцати четырех лет, после 20 апреля 1913 года.

Гитлер пребывал в предотъездном настроении задолго до этой даты. Активно изучал историю мюнхенской архитектуры, восторженно рассуждал о Германии (уже в 1910 году — в разговорах с Ханишем и Нойманом, в 1912 году — с анонимом из Брюнна), особенно о Мюнхене, который позже назовет *самым немецким из немецких городов*. Именно туда он и хотел отправиться. (59)

Аноним пишет: «Об этом городе он всегда говорил восторженно, не забывая упомянуть прекрасные галереи, пивные, редьку и так далее». А об Австрии отзывался весьма пренебрежительно: «Здесь только и знают, что душить таланты из зависти и бюрократизма. Стоит появиться новому таланту, как австрийская административная плесень тут же его задушит. Одаренному человеку в Австрии чинят препятствия,

вгоняют в нужду. Все австрийские гении, все изобретатели удостаивались признания лишь за рубежом, там их уважали и ценили. А в Австрии — Гитлер — Гитлер именовал ее не иначе как монашеской империей — всех интересуют только связи и благородство происхождения». «Монашеской империей» называли страну антиклерикалы, шёнерианцы также часто использовали это выражение. (60) А в Австрии — Гитлер именовал ее не иначе как империей монашеской — всех интересуют только связи и благородство происхождения». «Империей монашеской» называли страну антиклерикалы, шёнерианцы также часто использовали это выражение.

Зато Гитлер хвалил, по словам анонима, «американскую свободу конкуренции» и «северогерманскую аккуратность». И постоянно сетовал: *Как бы мне побыстрее раздобыть одежду получше. Не могу дождаться, когда, наконец, отряхну с ног моих пыль этой страны, тем более, что мне скоро придется идти на освидетельствование. А я ни в коем случае не хочу служить в австрийской армии.*

Рудольф Хойслер

Гитлер живет в ожидании отъезда. В это самое время в общежитие вселяется (по данным отдела регистрации — 4 февраля 1913 года) Рудольф Хойслер, 19-летний ученик аптекаря, выходец из буржуазной среды, уроженец Вены. Отец его — главный комиссар таможни в Зиверинге, старший брат учится в университете, а Рудольф в семье — заблудшая овца. Из школы его исключили за хулиганство, а в день восемнадцатилетия деспот-отец выгнал его из дома. С тех пор Рудольф скитался по разным венским приютам. (61)

В читальне общежития на Мельдеманштрассе он знакомится с Гитлером, тот старше на четыре года. Нового знакомого Хойслер позже опишет так: спокойный, прилежный и старомодно одетый. Гитлер, как всегда, сидел над своими рисунками. Хойслер тоже любил рисовать, они разговорились. Вскоре старший берет младшего под опеку, ведь тот ко всему прочему близорук и носит пенсне с толстыми стеклами. Гитлер, которого подопечный вскоре стал звать «Ади», сочувствует «Руди», чья история кажется ему похожей на его собственную. Ведь Хойслеру довелось испытать на себе власть строгого авторитарного отца, служившего таможенным чиновником, как и Алоис Гитлер.

Хойслер тоже очень привязан к матери. Поскольку отец отказал ему от дома, он навещает мать тайком, в отсутствие отца. Ида Хойслер зажигает для сына свет в одном из окошек: это сигнал, что путь свободен. Она следит, чтобы у сына было все необходимое, в первую очередь — еда и белье.

Вскоре Хойслер приводит друга Ади в родительский дом на улице Зоммергассе в районе Деблинг, знакомит с матерью и с младшими братьями и сестрами. Ида Хойслер, пятидесяти лет, образованная, уверенная в себе женщина из хорошей семьи, рада, что у ее непутового сына появился хорошо воспитанный старший товарищ. Она доверяет Гитлеру, поощряет их дружбу. Она щедро угощает Гитлера, столь явно испытывающего нужду, обеспечивает необходимым также и его. Милли, 17-летняя сестра Хойслера, вскоре влюбилась в Ади. А тому нравились уют и чистота, буржуазная атмосфера у Хойслеров, которая напоминала ему родительский дом на Блютенгассе в Линце. Главу семейства он никогда не видел.

Позднее (но до того, как узнал, что его приятель сделал политическую карьеру в Германии) Хойслер неоднократно говорил родным, что у Ади он многому научился. Тот рассказывал ему о прочитанных только что книгах, познакомил его с творчеством Рихарда Вагнера. Хойслер оставил единственное письменное свидетельство об отношениях с Гитлером (1939 год), где отметил, что тот заботился о нем, «просвещал, заложил основы политического и общего образования». (62) 19-летний юноша явно нашел в 23-летнем Гитлере замену отцу. А Гитлер вновь приобрел слушателя для своих упражнений в риторике.

Хойслер любил рассказывать о своем первом посещении оперы. Друг Ади пригласил его на «Тристана и Изольду» Вагнера, все ту же постановку Роллера и Малера (правда, с небольшими изменениями и сокращениями), которую Гитлер видел 8 мая 1908 года, впервые попав в оперу. И состав остался прежним: Эрик Шмедес в роли Тристана, Анна Бар-Мильденбург в роли Изольды. (63)

Хойслер вспоминает, что уже в два часа пополудни они встали в очередь за билетами, а все представление топтались на стоячих местах. Гитлер был очень взволнован и по ходу спектакля разъяснял ему отдельные музыкальные мотивы. А Хойслер — по воспоминаниям родственников, человек весьма нетерпеливый — с трудом выдержал до конца, он не только очень устал, но и проголодался. Спектакль продолжался с 19.00 до 23:30, так что в общежитие они вернулись далеко за полночь. Тем не менее, просветительская деятельность Гитлера не пропала даром: Хойслер на всю жизнь полюбил Вагнера и с радостью подарил дочери, учившейся музыке, клавиры вагнеровских опер.

Гитлер рассказывал о Германии и Хойслеру. Дата отъезда приближалась, и Гитлер уговорил друга отправиться вместе с ним в Мюнхен; так в 1907 году он уговорил Кубичека приехать вслед за ним в Вену. Родителей Кубичека ему удалось тогда убедить, а теперь он также склонил к согласию Иду Хойслер. Руди, как раз завершив учебу у аптекаря, теперь тоже стремился уехать из Вены в Германию, которую так красиво расписывал его товарищ.

16 мая 1913 года императорско-королевский окружной суд Линца постановил выплатить «художнику» Адольфу Гитлеру, проживающему в Вене, Мельдеманштрассе, его долю отцовского наследства, с пометкой: «Перевод по почте». (64) Сумма довольно существенная: с 652 крон в 1903 году доля Гитлера выросла благодаря начислению процентов до 819 крон 98 геллеров.

Гитлер отправляется с Рудольфом на прощальный ужин к его матери, щедро снабдившей сына одеждой и бельем. Гитлер обещает ей приглядывать за Руди. Ида Хойслер полностью доверяет старшему товарищу сына.

В субботу 24 мая 1913 года Гитлер и Хойслер, как и положено, заявили в отдел регистрации о своем отъезде, но не указали, куда направляются. В свидетельстве о снятии Гитлера с регистрационного учета в графе «новое место жительства» указано: «неизвестно». В воскресенье 25 мая 1913 года в сопровождении Хониша и других соседей по общежитию они отправились на Западный вокзал. *Я прибыл в этот город еще совсем мальчишкой, и вот я покидал его серьезным и спокойным мужчиной,* — напишет Гитлер в «Моей борьбе». (65) При отъезде из Вены багажа у него было куда меньше, чем при прибытии. Тогда,

по словам Кубичека, — четыре тяжелых чемодана, набитых книгами, а теперь, по словам Хониша, лишь «маленький чемоданчик». Там, видимо, лежали и особенно тщательно выполненные акварели с видами Вены, которые Гитлер не продал, а сохранил у себя на всю жизнь. (66)

Перед отъездом Гитлер полностью сменил гардероб. Еще недавно Хониш в общежитии познакомился с юношей в выдавшем виды костюме, а перед хозяевами квартиры в Мюнхене предстал превосходно одетый молодой человек, которому они без особых раздумий сдали жилье. По словам портного Поппа и его жены, у Гитлера тогда не было ни одного поношенного предмета одежды: фрак, костюмы, пальто, белье — все прилично и аккуратно. (67)

Итак, Гитлер прибыл семь лет назад и покинул теперь Вену все в том же статусе: как порядочный отпрыск буржуазной семьи, получивший деньги в наследство от отца и планирующий стать архитектором в Мюнхене, городе своей мечты. *С радостным сердцем отправился я в Мюнхен. Там я собирался три года учиться, а в 28 лет пойти чертежником в строительную фирму «Хайльманн & Литтманн». Я намеревался принять участие в первом же конкурсе, я говорил себе: теперь они поймут, чего я стою. Я участвовал тогда во всех конкурсах как частное лицо, а когда опубликовали проект оперного театра в Берлине, сердце у меня забилось, я увидел, что он гораздо хуже моего! Я специализировался на зданиях театров.* (68) А вот слова Гитлера о Мюнхене из «Моей борьбы: *Немецкий город! Совершенно не похож на Вену! Мне делалось дурно при одном только воспоминании об этом расовом Вавилоне.* (69)

Гитлер и Хойслер снимают комнату на двоих у портного Поппа по адресу Шляйсхаймерштрассе 34. При регистрации по месту жительства в полиции Хойслер предъявил свое венское свидетельство о гражданстве (70), а Гитлер заявил, что у него гражданства нет. Он явно не хотел, чтобы в Австрию сообщили о его пребывании в Мюнхене и ему пришлось бы отвечать за уклонение от военной службы. В графе «профессия» он указал: «художник», но позже изменил данные так: «писатель согласно паспорту». (71)

По воспоминаниям Хойслера, в Мюнхене им пришлось нелегко. Гитлер быстро истратил все свои деньги. Работы они не нашли. Гитлеру снова пришлось рисовать видовые открытки. Активный и находчивый Хойслер попытался ими торговать, но прибыль оказалась мизерной. Они нередко голодали и брались за любые заказы. Например, изготовили для расположенной поблизости молочной лавки таблички и ценники: «Простокваша», «Закррито», «Скоро буду» и т. п. Хойслер, обладавший ремесленными навыками, пытался делать рамы для картин.

Контакты с Веной и товарищами по общежитию быстро сошли на нет. Хониш вспоминает: «Почта из Мюнхена пришла два или, может быть, три раза. Потом он долго не давал о себе знать».

Ида Хойслер, напрасно ожидавшая хоть какой-нибудь весточки от сына, в конце концов обратилась к Гитлеру с просьбой написать ей, как дела у Рудольфа. Он ответил письмом на двух страницах, стараясь ее успокоить. Сохранилась фотография фрагмента этого письма — нижней половины первой страницы. Вот что можно прочитать: ... *всех возможных усилиях найти более или менее приличное место здесь для него будет*

не так трудно, даже проще. В Германской империи, с ее пятьюдесятью городами по сто тысяч жителей в каждом и активной торговлей по всему миру, гораздо больше возможностей устроиться, чем в Австрии. Я уверен, ему не стоит жалеть, что он оказался здесь, даже если он не сможет пробиться, ведь в Австрии ему пришлось бы еще хуже. Но я не думаю, что так случится. В государстве... (72)

По этому фрагменту видно, как изменилась манера письма Гитлера за годы, проведенные в Вене. Орфографических ошибок больше нет — видимо, в результате усердного чтения.

Молодые люди вместе открывали для себя Мюнхен. Позже Хойслер со смехом рассказывал, как однажды в пивном зале «Бюргерброй» они услышали, что люди за соседним столом ругают Австрию. Гитлер в гневе вскочил, вмешался в разговор и стал ее защищать. Хойслер, который достаточно наслушался гитлеровских тирад против Австрии, удивленно спросил, с чего тот вдруг изменил свое мнение. На что Гитлер ответил: он, мол, австриец и имеет право критиковать свою страну, но чужакам, ничего о ней не знающим, такое непозволительно.

Сходной оказывалась его реакция и в последующие годы, если слушатели демонстрировали неосведомленность в том, что касалось сложной организации многонационального государства Австро-Венгрии. Так, в 1942 году он заметил: *Люди родом из старой империи нисколько не разбираются в национальном вопросе. Они выросли, окруженные облаком глупости. Совершенно не представляют себе, какая проблема эта Австрия! Не осознают, что речь здесь идет не о едином государстве в нашем понимании,*

а об ужасной мешанине! У Австрии не было дивизий, у нее были чехи, хорваты, сербы! Святая простота, бестолку им объяснять! (73)

Хойслер был человеком куда более энергичным и уверенным в себе, чем Кубичек. Со временем он все больше сопротивлялся старшему товарищу, не желая терпеть его страсть доминировать, его приступы вспыльчивости и претензии на правоту. Выслушивать ночные монологи Гитлера он тоже устал. Позже Хойслер рассказывал родным, как сложно было прервать поток речи Гитлера, брызжущего слюной. Он пытался остановить друга такой присказкой: «Ади, ну, хватит плевать, а то зонтик принесу!»

В 1952 году мюнхенские соседи двух приятелей рассказали об их частых ссорах журналисту Томасу Орру, и тот в «Нойе Ревю» впервые упомянул имя Хойслера, неизвестного до той поры друга Гитлера. Написал, как Хойслеру хотелось спать, «а Гитлер сидел до трех-четырёх утра при свете керосиновой лампы над толстыми книжками». Еще они, мол, ругались из-за политики, ведь Хойслер якобы был социалистом. (74) Дочь Хойслера рассказывала, что ее 60-летний отец впал в ярость, прочитав эту статью, поклялся и впредь не рассказывать ничего о своих отношениях с Гитлером, особенно журналистам. Потому что социалистом он не был, совсем наоборот, он придерживался немецких националистических взглядов, как и его политический наставник Ади.

В январе 1914 года Гитлер оказался в крайне затруднительном положении. Австрийские власти наконец вышли на след уклониста. 12 января 1914 года его официальным письмом затребовали в Линц для незамедлительного освидетельствования. В противном

случае ему грозил тюремный срок от четырех недель до года и денежный штраф в размере 2000 крон.

Гитлер пишет в ответ длинное письмо, оправдывается, заверяет в своей невиновности и порядочности, повествует о своих венских страданиях: *Невзирая на отчаянную нужду и в высшей степени сомнительное окружение, я сохранил свое доброе имя, остался совершенно чист перед законом и собственной совестью, за исключением этого случая неявики на военную службу, о необходимости которой я ничего не знал.* Гитлер просит, чтобы из соображений экономии ему позволили явиться не в Линц, а в Зальцбург, расположенный ближе к Мюнхену. (75)

Ему разрешили, и в середине февраля Гитлер отправился в Зальцбург. 15 февраля 1914 года он прошел там освидетельствование и был признан негодным к службе из-за физической слабости. Таким образом он избежал призыва в австрийскую армию и уголовного преследования за «преступное уклонение от военной службы».

Хойслер воспользовался отсутствием друга и в тот самый день, когда Гитлер проходил комиссию освидетельствование в Зальцбурге, съехал с общей квартиры после девяти месяцев совместного проживания. Он снял комнату для себя одного и мог теперь спокойно спать: больше никто не читал ему по ночам лекций о политике. Гитлеру оставалось только принять случившееся как данность. Хойслер однако поселился неподалеку, какое-то время он даже жил в том же доме и на том же этаже. (76) Он продолжал продавать рисунки Гитлера и перебивался случайными заработками.

Убийство Франца Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, в Сараево (конец июня 1914 года) несколько не прибавило Гитлеру любви

к родине, совсем наоборот — он почувствовал удовлетворение. Это был *удар богини вечной справедливости и неизбежного воздаяния, присудившей смертельному врагу австрийских немцев, эрцгерцогу Францу Фердинанду, гибель от пуль, которые он сам помогал отливать. Ведь именно под его патронатом осуществлялась и навязывалась сверху славянизация Австрии.* (77) По словам Ханиша, Гитлер, как и шёнерианцы, ненавидел этого Габсбурга, а его возможное восхождение на престол означало бы «гибель для австрийских немцев». (78)

Гитлер уповал на большую войну и на распад Австро-Венгерской империи, полагая, что это станет *началом избавления немецкой нации.* (79) Или: *Я считаю, что это не Австрия защищала какие-то сербские интересы, а Германия боролась за свое существование, немецкая нация — за свое выживание, за свою свободу и будущее.* (80)

3 августа 1914 года Гитлер записался добровольцем в немецкую армию, в «Моей борьбе» он объясняет свой поступок так: *Я покинул Австрию в первую очередь по политическим причинам; само собой разумеется, что теперь, когда началась борьба, я тем более должен был действовать соответственно своим убеждениям! Я не хотел воевать за государство Габсбургов, был готов умереть за свой народ и за олицетворяющую его империю.* (81)

Гитлер уже служит в армии союзного государства, он не обязан являться по призыву в императорское и королевское ополчение. В 1932 году все связанные с этим периодом документы были тщательно проверены австрийским военным архивом и другими государственными учреждениями. Проверка подтвердила,

что за отсутствием соответствующего судебного решения уклонистом Гитлера считать нельзя. (82)

Когда в 1924 году обсуждался вопрос о его гражданстве, Гитлер опубликовал открытое заявление с указанием даты и места: Ландсберг, 16 октября 1924 года. Он писал: *Я не печалюсь по поводу утраты австрийского гражданства, потому что никогда не ощущал себя гражданином Австрии, я всегда был только немцем... В соответствии с моими убеждениями я сделал последний решительный шаг и записался на службу в немецкую армию.* (83)

7 апреля 1925 года, в возрасте тридцати шести лет, Гитлер подает ходатайство об отказе от австрийского гражданства, которое 30 апреля 1925 года было удовлетворено при уплате пошлины в размере 7,50 шиллингов. (84) Так он стал лицом без гражданства. Гражданство Германии Гитлер получил только в 1932-м, за год до прихода к власти. Свидетельство уроженца Линца, выданное в Линце 21 февраля 1906 года, и старый австрийский паспорт он бережно хранил. (85)

Невероятная политическая карьера

Свидетелей юности Гитлера — Хойслера, Ханиша, доктора Блоха, Кубичека и Самюэля Моргенштерна, бывших соседей по общежитию и линцских однокашников — весьма удивила политическая карьера, которую он сделал в Германии после 1919 года. Никто из них подобного не ожидал. Никто из знавших Гитлера не мог даже представить, что лидером немецких антисемитов станет человек, прекрасно ладивший с евреями.

Тот Адольф Гитлер, с которым они общались, ничем не выделялся на общем сером фоне венских

поденщиков и безработных — ни особыми талантами, ни особой беспринципностью, ни криминальными наклонностями. И уж тем более не было в нем ничего «демонического». Гитлер в юности — хилый чудака, чуравшийся работы, увлекавшийся странными теориями о возникновении мира и боготворивший «немецкий народ», вспыльчивый спорщик, который хотел, чтобы последнее слово всегда оставалось за ним, и не давал собеседнику шанса доказать свою правоту.

Наиболее приметные его свойства — косность мышления, неумение приспособливаться к изменяющимся условиям, зажатость, страх перед женщинами, неспособность к веселью и общению. Кубичек, восхищавшийся Гитлером, писал: «Он никогда не был беззаботен, никогда не расслаблялся, не жил одним днем, не думал беспечно „Будь что будет!“ И уж тем более никогда не позволял себе необузданности и вульгарной распущенности!» И далее: «Венцы как тип были ему отвратительны. Он не переносил даже их мягкий, мелодичный выговор. Но главное — он ненавидел эту их уступчивость, их равнодушную вялость, их вечное прозябание, это их бездумное существование, жизнь одним днем. Сам он был полной противоположностью венцам». (86)

В Вене Гитлер и не заговаривал о том, что намерен заниматься политикой, хотя его страстный интерес к политическим вопросам не заметить было нельзя. Однако целью он ставил карьеру архитектора.

В творческих и интеллектуальных кругах Вены на рубеже веков такой человек, как Гитлер, тоже никого не мог заинтересовать. Ни толики таланта. Типичный обыватель. Представитель «маленьких людей», гордый тем, что отец у него — чиновник. Оригинальных

идей не предлагает, творческой жилкой и остроумием не отличается, а если начнет говорить, то всегда заученными фразами из газет, сектантских брошюр и книжек. Известно замечание Карла Крауса: о Гитлере ему сказать нечего. Невозможно выразить точнее всеобщее недоумение по поводу того, что именно этот австриец сумел сделать карьеру в Германии. Недалекий человек с заскоружными идеями — Краус прав, где тут повод для шуток? Пропасть отделяла Вену эпохи модерна от «художника» Адольфа Гитлера.

В венский период никому не бросилась в глаза вошедшая позже в присловье «повелительная сила» голубых глаз Гитлера, да и другие его суггестивные способности. Очень может быть, что Гитлер — он брал уроки риторики у одного актера, заучивал жесты перед зеркалом и фотографировал себя, чтобы их доработать, — натренировал и эту якобы неотразимую, магнетическую силу своего взгляда. Хотел, чтобы визави ощущал его прямой взгляд как луч энергии, и осознанно использовал это оружие. Трудно сказать, иронически или всерьез обронил он перед встречей с главой норвежского правительства 27 января 1945 года такое замечание: *Мне сегодня предстоит неприятная работа. Мне еще нужно „загипнотизировать“ Квислинга.* (87)

44444Годы, проведенные Гитлером в Вене, не дают возможности понять и не объясняют его карьерный взлет в Германии времен Веймарской республики. В Австрию он вернулся в марте 1938 года как рейхсканцлер, в ту пору — на гребне успеха.

«Фюрер» с удовольствием и с большим пафосом рассказывал, как было трудно ему, *одинокому путнику, подняться от низов до вершины немецкой нации.*

Так он говорил, например, 12 сентября 1936 года на празднике «Гитлерюгенда». А на следующий день, держа речь перед боевым порядком НСДАП, произнес: *Это просто чудо нашей эпохи, что вы нашли меня, нашли среди стольких миллионов! А то, что я нашел вас, — это счастье для Германии!* (88)

Гитлер обычно описывал свой венский опыт так: *Вена стала для меня самой тяжелой школой жизни, там я многому научился... Там я обрел мировоззрение в целом и политические взгляды в частности, позже я их дополнял, но в основе своей они оставались неизменны.*

Следующую фразу, часто цитируемую, Гитлер написал о своих венских «страданиях»: *Лишь тот, кто на собственной шкуре испытал, что значит быть немцем и не иметь права принадлежать к любимому отечеству, сможет понять всю глубину тоски, которая во все времена глодала сердца детей, оторванных от своей отчизны.* (89)

Его безмерная, преувеличенная любовь ко всему немецкому и презрение к остальным, «ненемецким», народам стали причиной его ненависти к парламентаризму, демократии, равенству всех перед законом и международным организациям: все это не сочеталось с идеей превосходства немцев. Он усвоил все вычитанные из книг странные теории, которые никто кроме него не воспринимал всерьез. Это, например, опасность смешения рас и необходимость восстановления чистоты крови как предпосылка германского мирового господства, какого можно добиться лишь в борьбе с евреями, стремящимися к той же цели.

В Вене Гитлер приобрел опыт, который позже положит в основу своей политики. У Карла Льюгера

он перенял тактику народного трибуна, который апеллирует к эмоциям масс и жертвует собой ради своих приверженцев — «маленьких людей», который поднимает их самооценку, выделяя из массы некое меньшинство, чтобы превратить его в объект глумления. В частной жизни народный трибун непритязателен, скромен, не имеет семьи. Подобно пастырю он посвящает себя исключительно служению своему «народу».

У Шённера Гитлер заимствовал идею пангерманства, стремление объединить в одно государство всех немцев, включая австрийских; в конечном итоге это означало «аншлюс» немецких частей Австрии и Судетской области.

На примере Франца Штайна он сумел изучить агрессивную тактику внепарламентской оппозиции: «интернациональных» социал-демократов можно лишить поддержки немецких рабочих, чтобы вернуть их в ряды «единого немецкого народа».

Карл Герман Вольф стал для него образцом борца, неутомимо и яростно защищающего интересы немцев. На его примере Гитлер мог убедиться в бессилии властных структур перед лицом фанатичного меньшинства. Националистические немецкие партии в Габсбургской империи, которые грызутся между собой — это отталкивающее зрелище доказало ему необходимость преодолеть социальные и политические границы внутри «благородного народа» ради достижения успеха.

Гитлер приобрел в Вене обширные знания, голова его теперь полна конкретными фактами, цифрами: это длина и ширина Дуная, это даты жизни архитекторов Рингштрассе, детальные планы исторических построек, произведения Вагнера, тонкости театральной машинерии, план сражения при Кениггреце

и героическая история немцев. Здесь же он узнал о приветствии шённерианцев — «Хайль!», о свастике приверженцев фон Листа, о германских культах, об идее выведения чистой расы и о предложении Карла Иро взять под контроль цыган, нанеся им на предплечье татуировку с номером.

В 1913 году, когда Гитлер покинул Вену, в его голове была странная мешанина из неведомо откуда вычитанных сведений, сохранившихся в его превосходной памяти. Позже, в Германии, эти обрывки сложились в мозаику «мировоззрения», основанного на расовом антисемитизме.

Гитлер-политик не имел конкретной партийной программы, он хотел стать лидером некоего всеобщего «движения», провозвестником новой идеологии. *В сердцах* своих приверженцев он стремился пробудить *святую веру* в то, что *победа на очередных выборах* для него не главное, главное — *создать новое, чрезвычайно важное мировоззрение.* (90)

Гитлер объединил национал-социалистов в боевую религиозную общину и намеревался достичь «германского мирового господства», создав «арийскую расу», очистив ее путем сознательного расового отбора от «негерманских элементов». В Вене на рубеже веков безумные идеи немецких националистов не воспринимались всерьез, однако в 1930-е годы, пользуясь поддержкой политической власти в сотрясаемой кризисами Германии, они превратились в опасное оружие, свергнувшее мир в пучину страшных бед.

Приложения

Примечания

1. Из провинции в столицу
- 1 Hermann Giesler, Ein anderer Hitler, Leoni 1977, 480 u. 96ff.
- 2 Adolf Hitler, Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944, hg. v. Werner Jochmann, Hamburg 1980, 405, 25.06.1943.
- 3 Giesler (см. примеч. 1), 216.
- 4 Monologe, 74, 01.10.1941; Albert Speer, Spandauer Tagebücher, Berlin 1975, 258.
- 5 Linz OÖLA, политические акты, папка 49. Запись по памяти гауляйтера Айгрубера о заседаниях у Гитлера в 1941–1943 гг.; из этого источника взяты и остальные подробности о запланированной перестройке Линца.
- 6 Там же, 27.04.1942.
- 7 Подробнее об этом см.: Evan Burr Bukey, Hitler's Hometown: Linz, Austria, 1908–1945, Bloomington 1986. Бывший государственный концерн «VÖEST» (Vereinigte Österreichische Eisen- und Stahlwerke — Объединенные австрийские сталелитейные заводы) сегодня уже не существует, после приватизации его наследником стало акционерное общество «Voestalpine» — *Примеч. переводчика*.
- 8 Goebbels, Tagebücher, Teil I, Bd. 4, 537, 13.03.1941.
- 9 Adolf Hitlers drei Testamente, hg. v. Gert Sudholt, Leoni o.J.
- 10 Klaus Backes, Hitler und die bildenden Künste, Köln 1988, 103.
- 11 Goebbels, Tagebücher, Teil I, Bd. 4, 652, 17.05.1941.
- 12 Воспоминания гауляйтера Айгрубера (см. примеч. 5).
- 13 Henry Picker, Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier, Frankfurt a.M. 1951, 244f., 26.04.1942.
- 14 Giesler (см. примеч. 1), 99.
- 15 Albert Speer, Erinnerungen, Frankfurt a.M. 1969, 113.
- 16 Цитаты из протокола заседания городского совета Линца от 20.11.1943. Цит. по: Ingo Sarley, Hitlers Linz. Die Stadtplanung von Linz an der Donau 1938–1945, masch. Diss. TU Graz 1985, 38.
- 17 Picker, 339, 29.05.1942.
- 18 Speer, Tagebücher, 142.
- 19 Goebbels, Tagebücher, Teil I, Bd. 4, 537, 13.03.1941.
- 20 Календарь NRW за 1908 год, 38.
- 21 МК, 1.
- 22 Franz Jetzinger, Hitlers Jugend, Wien 1956, 81. В книге приводится высказывание свидетельницы о том, что Иоганна была «сумасшедшая горбунья».
- 23 Washington NA. Hitlers Source Book. Интервью с Вильямом Патриком Гитлером 10.09.1943 г. в Нью-Йорке.
- 24 МК, 135.
- 25 Monologe, 324, 03.08.1942.
- 26 Hitler aus nächster Nähe. Aufzeichnungen eines Vertrauten 1929–1932, hg. v. H. A. Turner, Berlin 1978. Цит. по: Wagener, 425. В 1939 году Гитлер купил полуразвалившееся здание школы, отремонтировал и передал организации «Гитлерюгенд».
- 27 МК, 4.
- 28 Albert Zoller, Hitler privat, Düsseldorf 1949, 190.
- 29 Гитлер — адъютанту Энгелю 20.05.1938. См.: Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943. Aufzeichnungen des Majors Engel, hg. v. Hildegard von Kotze, Stuttgart 1974, 22.
- 30 Jetzinger, 69.
- 31 Goebbels, Tagebücher, Teil I, Bd. 3, 488, 22.07.1938.
- 32 Eberhard Jäckel / Axel Kuhn, Hitler. Sämtliche Aufzeichnungen 1905–1924, Stuttgart 1980, 1038. Письмо к Фрицу Зайдлю от 16.10.1923 г.
- 33 МК, 173.
- 34 Jetzinger, 92.
- 35 Christa Schroeder, Er war mein Chef, München 1985, 64.
- 36 Erwin A. Schmidl, Österreicher im Burenkrieg, masch. Diss. Wien 1980, 117ff.
- 37 МК, 172f.
- 38 Jäckel / Kuhn, 885. Речь 13.04.1923 г. в Мюнхене.
- 39 Eleonore Kandl, Hitlers Österreichbild, masch. Diss. Wien 1963, XXXIX, свидетельство Комменда.
- 40 WSMZ, 18.09.1933.
- 41 МК, 4.
- 42 Jetzinger, 72.
- 43 Alfred Zerlik, Adolf Hitler in den Schulprotokollen der Realschule, Jahresbericht des Bundesrealgymnasiums Linz 1975/76, 36ff.
- 44 Jetzinger, 105.
- 45 Monologe, 281.
- 46 Speer, Tagebücher, 259.
- 47 Kandl, XXXIX, свидетельство Комменда.
- 48 Picker, 277, 10.05.1942.
- 49 München, IfZ. ED 100, 42.
- 50 МК, 6.
- 51 Goebbels, Tagebücher, Teil I, Bd. 2, 681, 09.08.1932.
- 52 Hans Frank, Im Angesicht des Galgens, München 1953, 332.
- 53 Свидетельство Йозефа Майрхофера младшего в фильме Георга Штефана Троллера и Акселя Корти: «Молодой человек с берегов Инна» (Ein junger Mann aus dem Innviertel).
- 54 WSMZ, 18.09.1933.
- 55 МК, 54.
- 56 МК, 10.
- 57 Kandl, XXVIII, свидетельство Антона Эстерманна.
- 58 МК, 13.
- 59 Kandl, XXIIIff., свидетельство инженера Йозефа Кеплингера.
- 60 Там же, 25 ff.
- 61 Ernst Koref, Die Gezeiten meines Lebens, Wien 1980, 226.
- 62 Kandl, 33, цитирует Пётша, цикл докладов о «Песне о Нибелунгах».
- 63 Max Domarus, Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945, München 1965, 836. Речь 25.03.1938 в Кёнигсберге, а также речь в Мюнхене 02.04.1938; упоминается также в связи с Первой мировой войной, например: Hitler, Reden, III Teil, 1, 213.
- 64 Monologe, 185, 08./09.01.1942. О других школьных шалостях см.: Schroeder, 61ff.
- 65 Kandl, 17. Оба приветствия, и «Хох!» (Hoch!), и «Хайль!» (Heil!), означают одно и то же — «Да здравствует!» или «Слава!» — *Прим. переводчика*.

- 66 МК, 10f.
67 МК, 13.
68 Jetzinger, 108. На запрос, направленный в библиотеку аббатства Вильхеринг, не пришло ни подтверждения, ни опровержения.
69 Там же.
70 Brian McGuinness, Wittgensteins frühe Jahre, Frankfurt a. M. 1988, 97f.
71 Kandl, XXXI, свидетельство Эстерманна.
72 Linz StA, отчет городского совета за 1903 г.
73 МК, 55.
74 Michael John, Die jüdische Bevölkerung in Linz, in: HJStL 1991, Linz 1992, 115.
75 Harry Slapnicka, Oberösterreich unter Kaiser Franz Joseph, Linz 1982, 296. Согласно списку религиозной общины.
76 Linz StA, рукописный дневник архивариуса Фердинанда Краковицера.
77 Linz StA, отчет городского совета за 1905 г. В 1905 году на 25-летний юбилей союза город пожертвовал ни много ни мало 1 000 крон. Кроме того, финансовую поддержку получили общество «Зюдмарк» (100 крон) и общество «Свободная школа» (400 крон).
78 Linzer Fliegende, 24.11.1907.
79 Kandl, XXIXff., свидетельство Эстерманна.
80 Там же, XXIV, свидетельство Кеплингера.
81 Speer, 112.
82 Hitler, Reden, III. Teil, 2, 248. В суде низшей инстанции в Мюнхене 07.05.1929.
83 Linz StA, отчет городского совета за 1903 г.
84 Harry Slapnicka, Linz, Oberösterreich und die «Tschechische Frage» // HJStL 1977, 209ff.
85 Wien AVA Mdl Präsidium 2026, Kt. 22 P. Nr. 13814/1909 декабрь 1908 г.
86 Kandl, 57, свидетельство Кеплингера. А также интервью в фильме Троллера / Корти (см. примеч. 53).
87 Koblenz BANS 26/65/84, копия книги регистрации смертей Леондинга.
88 Jetzinger, 73.
89 Jetzinger, 70.
90 Schroeder, 63.
91 Goebbels, Tagebücher, Teil I, Bd. 3, 447, 03.06.1938.
92 Monologe, 64, 21.09.1941. Об этом же говорится в записях присутствовавшего при этом разговоре штандартенфюрера СА Вернера Кёппена. IfZ München Fa 514, 23, и МК, 173.
93 Jetzinger, 116.
94 Monologe, 288, 20./21.02.1942.
95 Monologe, 377, 29.8.1942.
96 МК, 16.
97 Bradley F. Smith, Adolf Hitler, His Family, Childhood and Youth, Stanford 1967, 97f.
98 Здесь и далее: Eduard Bloch, My Patient Hitler, Collier's, 15.03.1941.
99 Koref (см. примеч. 61), 225.
100 Bloch (см. примеч. 98).
101 Jetzinger, 125ff.
102 МК, 16 u. 20.
103 Monologe, 190, 08./09.01.1942.
104 Helga Embacher, Von liberal zu national. Das Linzer Vereinswesen 1848–1938 // HJStL 1991, Linz 1992, 83f.
105 Linzer Fliegende, 22. Julmond 1907.
106 Krackowizer, 16.10.1907.
107 Koblenz BA. NS 26/17a, „Notizen für die Kartei“, 08.12.1938.
108 Krackowizer, 04.04.1905.
109 Krackowizer
110 Все данные по: Krackowizer.
111 Hitler, Reden, III, 2, 249. Показания в суде низшей инстанции в Мюнхене 07.05.1929.
112 Gerhart Marckhgott, „... Von der Hohlheit des gemächlichen Lebens“. Neues Material über die Familie Hitler in Linz // Jahrbuch des Oberösterreichischen Musealvereins, Bd. 138/ I, Linz 1993, 273f.
113 Krackowizer, 03.01.1905.
114 Jetzinger, 131f.
115 Koblenz BA. NS 26/17a, отчет Ренато Бляйбтроя от 01.11.1938.
116 Согласно сообщению Маргариты Кубичек, невестки Августа Кубичека, сентябрь 1994 г.
117 Kubizek, 133–142. Воспоминания Кубичека существуют и на русском языке: Кубичек А. Фюрер, каким его не знал никто. Воспоминания лучшего друга Гитлера. / Пер. Л. А. Карповой. — М.: Центрполиграф, 2009. Однако данный перевод выполнен с английского варианта книги, содержит некоторые неточности и здесь не цитируется. — *Прим. переводчика.*
118 Friedrich Engels, Cola di Rienzi, Wuppertal 1974.
119 Martin Gregor-Dellin, Richard Wagner. Sein Leben — Sein Werk — Sein Jahrhundert, München 1991, 130.
120 Здесь и далее перевод либретто «Риенци» — Г. Лишина.
В оригинале вместо слов «честь» и «слава» дважды звучит приветствие «хайль». — *Прим. переводчика.*
121 Согласно свидетельству Паулы Кубичек, вдовы Августа Кубичека в фильме Троллера / Корти (см. примеч. 53).
122 Kubizek, 36.
123 Linz OÖLA, материалы по Етцингеру, письмо Кубичека от 28.06.1949.
124 Kubizek, 23.
125 Kubizek, 35.
126 Linz OÖLA, материалы по Етцингеру, письмо Кубичека от 28.06.1949.
127 Jetzinger, 143ff. Етцингер пишет, что любовная история началась в ноябре 1906 года, чтобы подорвать доверие к данным Кубичека; учебный год в то время заканчивался на Пасху.
128 Linz OÖLA, материалы по Етцингеру, письма Кубичека от 28. и 19.06.1949; Kubizek, 76–89.
129 SJSW für 1907, Wien 1909.
130 SJSW für 1908, Wien 1910, 206.
131 Krackowizer, 29.03.1905.
132 Koblenz BA. NS 26/17a. Данные о профессии согласно свидетельству о крещении Густава Гитлера 1885 г. и информации архива отдела регистрации по месту жительства в Вене (Wien StLA).
133 Kubizek, 175.
134 МК, 18.
135 Kubizek, 146–149, репродукции и оригинальная орфография в: Jetzinger, 152.
136 Wien ThM, программы императорско-королевского придворного театра.
137 Kubizek, 146ff.

- 138 Согласно сообщению проф. д-ра Франца Вильнаэра, автора академического издания: Gustav Mahler und die Wiener Oper, Wien 1979.
- 139 МК, 18.
- 140 Kubizek, 145.
- 141 Все данные по: Krackowizer, май — октябрь 1906 г.
- 142 Об этом рассказала в 1993 году Марлен Экснер, бывшая кухаркой Гитлера в «Волчьем логове» в 1943–1944 гг.
- 143 Koblenz BA, NS 26/65, свидетельство Йозефа Вендта / Певратски 17.11.1938. Согласно книге регистрации учеников, занятия продолжались с 02.10.1906 по 31.01.1907.
- 144 Koblenz BA, NS 26/65/38.
- 145 Linz OÖLA, книга расходов семьи Гитлер за 1908 год: «Тетушка Хани заплатила квартирную плату за май и август 175 крон 60 гульденов», среди прочего «49,21» и «48,71» крон; см. об этом: MarekHgott (см. примеч. 112), 272.
- 146 Linz StA, «Адресная книга Линца и Урфара за 1909 г.»
- 147 Koblenz BA, NS 26/65. Первым данные из счетной книги обработал Рудольф Бинион в книге: Rudolf Binion, „... daß ihr mich gefunden habt“. Hitler und die Deutschen, Stuttgart 1978, 14f.
- 148 МК, 20f.
- 149 Jetzinger, 144. Интервью со Штефани Рабатш в фильме Троллера / Корти (см. примеч. 53). Авторство исключительно примитивно нарисованного портрета вместе с письмом к некой фройляйн Агнес от 04.03.1908 принадлежит Куяю. (Billy Price, Adolf Hitler als Maler und Zeichner, Zug 1983, 63; Jäckel / Kuhn, 1255).
- 150 Jetzinger, 143.
- 151 Wien StLA, архив отдела регистрации по месту жительства. Мария Закрейс проживала на Штумпергассе с 1893 г. Она умерла в 1928 г. в муниципальном доме престарелых в Лайнце (в 13-м районе Вены).
- 152 Адрес Штумпергассе 29 ошибочно указывает в своей книге Кубичек.
- 153 Kubizek, 310 и 187. Здесь автор допускает небольшую неточность. Повелительная форма от глагола «zakrýtse» будет «zakryjse», а не «zakreys», то есть не полностью совпадает с фамилией. — *Прим. переводчика.*
- 154 Kubizek, 187.
- 155 SJSW für 1908, Wien 1910, 34. Арендная плата в муниципальных доходных домах была ниже, чем в частных доходных домах.
- 156 Там же, 502.
- 157 Oskar Kokoschka, Mein Leben, München 1971, 49.
- 158 SJSW für 1908, Wien 1910, 380.
- 159 МК, 18. Экзаменационные работы, приведенные в книге Прайса (Price) за № 40–43, скорее всего, фальшивки (см.: Günther Picker, Der Fall Kujau, Frankfurt a. M. 1992, 18), как и комментарий, перепечатанный в книгах Прайса (Price, 105) и Екеля и Куна (Jäckel / Kuhn, 1254).
- 160 Согласно адресной книге Вены за 1910 год, школа располагалась по адресу Гуркгассе 11. Квалификационные списки Академии изобразительных искусств, число преподавателей и учеников приводятся согласно: SJSW für das Jahr 1908, Wien 1910.
- 161 Полный текст заданий в книге: Werner Maser, Adolf Hitler, München 1971, 76.
- 162 Wien АНБК. Автор благодарит архивариуса Фердинанда Гутши.
- 163 Ludwig Walther Regele, Akademieaspirant Hitler und Alois Delug // Katalog Alois Delug, hg. v. Museumsverein Bozen 1990, 41.
- 164 Джей Сидни Джонс ошибочно утверждает, что четверо из семейных профессоров Академии были евреи. (J. Sydney Jones, Hitlers Weg begann in Wien, Wiesbaden 1980, 317).
- 165 Heinz Schöny, Wiener Künstlerahnen, Bd. 2, Wien 1975, 147ff.
- 166 МК, 19.
- 167 Не следует путать упоминаемого в дневнике Геббельса (записи от 7 и 8 октября 1928 г.) Андерсена, умершего в 1928 г., с Робинотом Кристианом Андерсеном, умершим лишь в 1969 г. Указатель, составленный Элькой Фрелих (издание дневников 1987 г.), нуждается в данном случае в коррективе. Рассказ в книге Чарльза де Егера (Charles de Jaeger, Das Führermuseum. Sonderauftrag Linz, München 1988, 20), где очевидно используются эти ошибочные данные, представляется неправдоподобным, кроме того, он практически полностью совпадает с рассказом Кубичека (Kubizek, 195).
- 168 Picker, 276, 10.05.1942.
- 169 Picker, 149, 27.03.1942. Также: Kubizek, 199.
- 170 München IfZ ED 100, S. 43.
- 171 Koblenz BANS 26/ 65, копия расчетной книги д-ра Блоха.
- 172 Kubizek, 166f.
- 173 Koblenz BANS 26/ 65, расчетная книга д-ра Блоха.
- 174 Bloch, Collier's, 15. и 22.03.1941. В дальнейшем цитаты из воспоминаний Блоха приводятся по данному изданию. Эти опубликованные в эмиграции воспоминания полностью совпадают с текстом, который Блох записал 07.11.1938 г. для партийного архива НСДАП. (Koblenz, BA, NS 26/65).
- 175 Kubizek, 152.
- 176 Архив замка Зенфтенэрг, бумаги Карла Фридриха фон Франка.
- 177 Согласно линцским газетам, свидетельствам Краковицера и Кубичека (Kubizek, 170). Утверждение Марлис Штайнен (Marlis Steinen, Hitler, München 1994, 37) о том, что в этот день была сильная метель и поэтому Гитлер в зрелые годы «не любил снег», — прекрасный пример того, как на основании неверных фактов формулируются неверные гипотезы.
- 178 Kubizek, 169f.
- 179 Приведенные в книге Прайса (Price, 50–52) рисунки «Могила отца» и «Церковь Леондинга» взяты у Куяю, равно как и напечатанное в книге Екеля и Куна (Jäckel / Kuhn, 1253) письмо к матери и сестре от 04.08.1907 г.
- 180 МК, 223.
- 181 Koblenz BANS 26/65/39.
- 182 Koblenz BANS 26/65/39.
- 183 Это предположение высказал Рудольф Бинион.
- 184 В письме, адресованном журналу «Шпигель» (Spiegel, № 7,

- 1978) госпожа Крен решительно выступила против утверждений Рудольфа Биниона, что д-р Блох подверг мать Гитлера мучительному, слишком дорогому и бесполезному лечению. Госпожа Крен подчеркивала, что после 1938 года Гитлер предоставил ее отцу «все возможные привилегии». За упоминание на это письмо автор благодарит проф. д-ра Гюнтера Кале.
- 185** Koblenz BANS 26/17a, «Notizen für die Kartei», 08.12.1938.
- 186** Блох. Оба автографа Гитлера, которые принадлежали Блоху, отобрали в 1938 году без всякого возмещения. (Koblenz BANS 26/17a).
- 187** Koblenz BANS 26/65, 07.11.1938, аналогичные высказывания в письме к Ренато Бляйбтрой от 16.11.1938 и в воспоминаниях (см.: Collier's).
- 188** Там же. Письмо адресовано Ренато Бляйбтрой, сотруднику венского отделения партийного архива НСДАП. В воспоминаниях Блох сожалеет, что этот человек, которого он очень уважал, позже попал в концентрационный лагерь.
- 189** Jetzinger, 182f.
- 190** Krackowizer.
- 191** Jäckel/Kuhn, 525, письмо, Мюнхен, 29.11.1921.
- 192** Maser, 81.
- 193** Koblenz BA. NS 26/174, копия статьи «А. Г. в Урфаре» в: Mitteilungen des deutschvölkischen Turnvereins Urfahr, Folge 67, März, 12. Jg.
- 194** Копии писем в архиве IfZ München (F 19/19), экспертиза д-ра Вольфганга Бенца 1968 года. Переписка была обнаружена в наследии Иоганна Мотлох и конфискована гестапо (письмо управления полиции Вены в Главное управление имперской безопасности (РСХА) в Берлине от 30.12.1941). Представив Гитлеру копии писем, Борман писал Гиммлеру 14.10.1942: «Фюрер был очень растроган, вспоминая об этих ему, конечно, хорошо известных событиях» (Koblenz BA, NS 19/1261).
- 195** Неверную дату — 1909 — следует, очевидно, объяснить волнением молодого человека. Согласно почтовому штемпелю, письмо было отправлено 11.02.1908 и доставлено в Вену 12.02.1908.
- 196** Jetzinger, 187.
- 197** Jetzinger, 190.
- 198** Linz OÖLA, материалы по Етцингеру, письмо Кубичека от 24.06.1949.
- 199** Kubizek, 182f.
- 200** Linz StA, книга записей семьи Гитлер с 12.02.1908. Согласно адресным книгам городов Линц и Урфар за 1909 год, Иоганна Пёльцль была зарегистрирована на жительство в Линце. Не позднее лета 1910 года она вернулась, уже больная, в Вальдфиртель, Паула переехала к Ангеле Раубаль, к тому времени овдовевшей.
- 201** München, IfZ ED 100, 44. Допрос Паулы Гитлер американцами в Берхтесгадене 26.05.1945.
- Экскурс: Предки Гитлера в Вальдфиртеле*
- 1** Например: Oscar Robert Achenbach, Aus Adolf Hitlers Heimat, München 1933, 6 ff.; фундаментальный труд «Die alte Heimat,
- Beschreibung des Waldviertels um Döllersheim», hg. v. d. Deutschen Ansiedlungsgesellschaft, Berlin 1942.
- В существующих русских переводах книг о Гитлере встречается различное написание фамилий его предков: Хидлер / Гидлер, Хиттлер / Гиддлер и т. п. Здесь мы последовательно придерживаемся написания всех фамилий с начальной «Г». — *Прим. переводчика.*
- 2** См.: Frank, Ahnentafeln; Werner Maser, Frühgeschichte der NSDAP, unveränderte Neuauflage, Düsseldorf 1994, 51.
- 3** Jetzinger, 20.
- 4** Jetzinger, 45ff.
- 5** Оригинал в архиве нотариата окружного суда Кремса, копии и первые разъяснения по поводу запутанной истории в книге: Karl Merinsky, Das Ende des Zweiten Weltkrieges und die Besatzungszeit im Raum von Zwettl in Niederösterreich, masch. Diss. Wien 1966.
- 6** Там же, приложение № 21.
- 7** Запрос в епископство Санкт-Пёльтена в 1876 году и переписка между епископством и приходом: там же, приложение № 22 A-D. Там же (приложение № 23) юридическая экспертиза проф. д-ра Винфрид Кралик (Венский университет).
- 8** Kubizek, 59.
- 9** Smith, 31.
- 10** München IfZ ED 100, 42; допрос Паулы Гитлер в Берхтесгадене 26.05.1945.
- 11** Архив замка Зенфтенэгг, Нижняя Австрия.
- 12** WSMB, 8.4.1932.
- 13** Monatsblatt der Heraldisch-Genealogischen Gesellschaft »ADLER«, XI. Bd., Nr. 16/17, Mai 1932, 146–148.
- 14** Архив замка Зенфтенэгг, Нижняя Австрия.
- 15** Там же.
- 16** Там же, машинописная рукопись Франка.
- 17** München BHStA, собрание Пезе, вырезки из газет.
- 18** Karl Friedrich von Frank, Adolf Hitler // Ahnentafeln berühmter Deutscher. Neue Folge, Leipzig 1933.
- 19** Konrad Heiden, Hitler. Das Leben eines Diktators, Zürich 1936, 14, и более поздние издания вплоть до 1944 г., выпущенные в Бостоне, а также: Konrad Heiden, Der Fuehrer. Hitler's Rise to Power, 40ff.
- 20** Rudolf Koppensteiner, Die Ahnentafel des Führers, // Ahnentafeln berühmter Deutscher, Leipzig 1937.
- 21** Приход Растенфельд, машинописная работа: Pfarrer Johannes Müllner, Die entweihte Heimat. Die Sakralbauten auf dem Gebiet des Truppenübungsplatzes Döllersheim einst und jetzt, 1982, 12. Автор благодарит за помощь графа Филиппа Турн-Валсассина, Растенберг.
- 22** Beatrice u. Helmut Heiber, Die Rückseite des Hakenkreuzes, München 1993, 63.
- 23** Там же, 61, BA R43 II 266.
- 24** Müllner (см. примеч. 21), 7.
- 25** Старые метрические книги из Дёллershайма, в том числе и за 1837 год, хранятся сегодня в Епархиальном архиве в Санкт-Пёльтене.

- 26 Monologe, 357. 21.08.1942.
 27 Hans Frank, Im Angesicht des Galgens, München 1953, 330f. Мы не будем здесь останавливаться на очевидных ошибках в книге Франка.
 28 Nikolaus von Preradovich, Adolf Hitler — Mischling zweiten Grades? // Deutsche Monatshefte, April 1989, 6ff.
 29 Paris-Soir, 5.8.1939, 4f.: Patrick Hitler, Mon oncle Adolf; ранее цитировалось у Мазера (Maser, 19).
 30 Washington NA, Hitler Source Book, интервью с Вильямом Патриком Гитлером 10.09.1943 г. в Нью-Йорке.
 31 Look Magazine, Jan. 1939.
 32 Например, New York Herald Tribune, 25.06.1941, «Irish Wife of Der Führer's Half-Brother Glad to Do Her Bit to Defeat Nazis».
 33 См. примеч. 30.
 34 The Memoirs of Bridget Hitler, hg. v. Michael Unger, London 1979.
 35 Jetzinger, 32.
 36 Благодарю за помощь Национальную библиотеку (Bibliothèque Nationale) в Париже.
 37 Прерадович (см. примеч. 28); недостаточно доказательств в: Anton Adalbert Klein, Hitlers dunkler Punkt in Graz // HJStG, Graz 1970, 7–30.
 38 Maser, 24ff. и 44f.

Экскурс: Кубичек и Етцингер как источники

- 1 Kubizek, 319ff.
 2 Kubizek, 322.
 3 Kubizek, 325.
 4 Kubizek, 328ff. Сыновья Кубичека стали учителями и музыкантами. Августин Кубичек (1918–2009)

- был известным хоровым дирижером и композитором.
 5 Kubizek, 338.
 6 Kubizek, 343.
 7 Kubizek, 345ff.
 8 Koblenz BA, Neue Reichskanzlei R 43 II, письмо Айгрубера рейхсштатгальтеру гау Верхний Дунай, Линц, от 03.05.1943 г. Согласно имперского министра финансов, Берлин, 28.06.1943: «Перевод на оплату по более высокому тарифу муниципального чиновника». Запись воспоминаний гауляйтера Айгрубера (см. примеч. 5 к Главе 1), 577, 03.05.1943.
 9 Linz OÖLA, материалы по Етцингеру, письмо Кубичека от 19.06.1949.
 10 Linz OÖLA, материалы по Етцингеру; Kubizek, Erinnerungungen, Bd. 2, Wien, 22.
 11 Там же, 43.
 12 Там же, 47.
 13 Утверждение Етцингера (Jetzinger, 134) о том, что первый вариант составлял две тоненьких тетрадки, «которых хватило бы максимум на 15 печатных страниц», не соответствует действительности. В Верхнеавстрийском земельном архиве в Линце (Linz OÖLA) хранится «венская» часть первого варианта воспоминаний Кубичека — 50 машинописных страниц убористого текста. Если предположить, что «линцкая» часть была столь же подробной, то общий объем текста составлял примерно 150 печатных страниц.
 15 A. Joachimsthaller, Korrektur einer Biographie. Adolf Hitler 1908–1920, München 1989, 260.

- 16 Linz OÖLA, материалы по Етцингеру, письмо Кубичека от 19.06.1949.
 17 Там же, письмо Кубичека от 24.06.1949.
 18 Там же.
 19 Kubizek, 298ff.
 20 Kubizek, 349.
 21 Kubizek, 301.
 22 Jetzinger, 137f.
 23 Jetzinger, 136.
 24 Kubizek, 75.
 25 Jetzinger, 141.
 26 Jetzinger, 176 u. 179.
 27 Smith, 112.
 28 Erich Fromm, Anatomie der menschlichen Destruktivität, Stuttgart 1974.
 29 Joachim C. Fest, Hitler, Frankfurt a. M. 1973, 50.
 30 Jetzinger, 129.
 31 Jetzinger, 126. Факсимиле документа 1913 года «Выдача на руки хранящегося в общественной сиротской кассе сиротского имущества» приводится без комментариев в книге: Werner Maser, Frühgeschichte der NSDAP, Düsseldorf 1994, 80f.
 32 Jetzinger, 231f.
 33 Maser, 81.
 34 Книга Хуго Рабича (Hugo Rabitsch, Jugend-Erinnerungen eines zeitgenössischen Linzer Realschülers, München 1938) не имеет никакой информационной ценности: автор не был знаком с Гитлером и не приводит каких-либо новых данных о его биографии.

2. Вена эпохи модерна

- 1 Alfred E. Frauenfeld, Der Weg zur Bühne, Berlin 1940, 273f.

- 2 Monologe, 200, 15./16.01.1942.
 3 Pöcker, 276, 10.05.1942.
 4 Berlin BA. Отчет Альфреда Роллера о поездке в Байройт и Берлин в феврале 1934 года.
 5 Достоверность сообщения Фрауенфельда подтвердил автору старший сын Роллера, проф. д-р Дитрих Роллер в марте 1994 года. Напечатанные в книге Прайса рисунки (Price Nr. 115–121), которые Гитлер якобы показывал Роллеру и Панхольцеру, — это фальшивки Куяу.
 6 Kubizek, 187 u. 191.
 7 Kubizek, 188.
 8 Из-за любви к Лео Слезаку Гитлер позже тепло относился и к его дочери Гретель, несмотря на ее не совсем «арийское» происхождение. Напечатанные в книге Прайса портреты Гретель 1932 г. и текст к ним (Price Nr. 11) — фальшивки Куяу.
 9 Wien ThM, программы придворных театров. Очень примитивно выполненный портрет Вагнера, якобы нарисованный для Кубичека, и переписанный текст «Хвалебной песни немецкому искусству» Ганса Сакса, напечатанные в книге Прайса и у Екеля и Куна (Price Nr. 56, Jäckel/Kuhn, 1254) — фальшивки Куяу.
 10 Kubizek, 234. Другие свидетели также подтверждают, что Гитлер очень хорошо знал творчество Вагнера. См., например: Ernst Hanfstaengl, Zwischen Weißem und Braunem Haus. Memoiren eines politischen Außenseiters, München 1970, 55.
 11 Goebbels, Tagebücher Teil I. Bd. 2, 731. 19.11.1935.
 12 Kubizek, 233.

- 13 Kubizek, 233.
14 Kubizek, 101.
15 Monologe, 294. 22./23.02.1942.
16 Kubizek, 230f.
17 Кубичек пишет, что «на улицах Вены каждый вечер можно было наблюдать одну и ту же картину: прохожие пускались бежать, чтобы успеть попасть в дом до десяти вечера»; Linz OÖLA, материалы по Етцингеру, Kubizek, 1. Fassung, 19.
18 Kubizek, 232.
19 München HZ, F 19/19.
20 IWEB, 26.02.1908.
21 Picker, 251, Berghof 30.04.1942, об этом же рассказывал автору проф. Отто Страссер в 1994 г.
22 AdT, 12.02.1908.
23 AdT, 20.06.1908.
24 Kubizek, 1. Fassung, 31.
25 Kubizek, 229.
26 Kubizek, 1. Fassung, 24.
27 München HZ, ZS 2242. Проф. Марсель Прави, беседовавший с невесткой Вагнера, подтвердил это автору. (Имеется в виду ария Лоэнгина, акт 3, явление 3. — *Прим. переводчика*).
28 AdT, 05.12.1909.
29 Der Kampf, 01.07.1908, 466–470.
30 Рихард Вагнер. Произведение искусства будущего / Пер. С. Гиждеу // Рихард Вагнер. Избранные работы. М.: Искусство, 1978, С. 261.
31 Kubizek, 239.
32 Kubizek, 1. Fassung, 43ff.
33 Kubizek, 246.
34 По сообщению Шираха, в разговоре со Шпеером. Speer, Tagebücher, 154f. Изображение набросков к «Турандот», «Юлию Цезарю» и «Лоэнгину» см. в: Albert Zoller, Hitler privat, Düsseldorf 1949, Nr. 5–7.
35 Kubizek, 1. Fassung, 32f.
36 Monologe, 198, 13./14.01.1942.
37 Kubizek, 1. Fassung, 32.
38 Kubizek, 1. Fassung, 38.
39 Giesler, 242.
40 Hitler, Reden III, Teil 2, 146, 03.04.1929.
41 Speer, 54, а также: Monologe, 198f.
42 МК, 83.
43 Speer, 54; также: Hanisch.
44 Linz OÖLA, материалы по Етцингеру, воспоминания Вильгельма Хагмюллера.
45 Goebbels Tagebücher, 31.08.1940.
46 Kubizek, 1. Fassung, 5.
47 Kubizek, 206f.
48 Kubizek, 221.
49 Kubizek, 195f.
50 Kubizek, 1. Fassung, 4.
51 Koblenz BA, NS 26/36; копия записи разговора от 12.03.1944 в Оберзальцберге.
52 Speer, 89.
53 Giesler, 242; Speer, 89.
54 Giesler, 242.
55 Picker, 283, 13.05.1942.
56 Kubizek, 222.
57 Kubizek, 228.
58 Kubizek, 1. Fassung, 12.
59 Heinrich Hoffmann, Hitler, wie ich ihn sah, München 1974, 29.
60 Oskar Kokoschka, Mein Leben, München 1971, 60.
61 Monologe, 386f.
62 Kokoschka, 55.
63 Katalog der Ausstellung «Alfred Roller und seine Zeit» im Österreichischen Theatermuseum Wien 1991, 14.
64 Wiener Allgemeine Zeitung 07.07.1908.
65 Kokoschka, 65ff.
66 Peter Altenberg, Ashantee, Wien 1897. Фотографию, к которой Альтенберг дал комментарий, см. в: Hans Bisanz, Peter Altenberg. Mein äußerstes Ideal, Wien 1987, 70f.
67 Рихард Вагнер. Произведение искусства будущего / Пер. С. Гиждеу // Рихард Вагнер. Избранные работы. М.: Искусство, 1978, С. 158.
68 Picker, 146, 27.03.1942.
69 Цитата из речи на партийном съезде 1935 г.: Klaus Backes, Hitler und die bildenden Künste, Köln 1988, 52.
70 Kubizek, 227.
71 Цитаты в порядке очередности: Фридрих Шиллер «Орлеанская дева» (действие первое, явление пятое), пер. В. Жуковского; Фридрих Шиллер «Вильгельм Телль» (действие второе, сцена вторая), пер. Н. Славятинского. — *Прим. переводчика*.
72 AdT 07.11.1909.
73 Kubizek, 227.
74 ÖNB ThM, программа придворных театров.
75 Kubizek 227ff.
76 Willi Reich, Alban Berg. Leben und Werk, München 1985, 21.
77 Katalog der Richard-Strauss-Ausstellung, Österreichische Nationalbibliothek Wien 1964, 149.
78 Nike Wagner, Geist und Geschlecht. Karl Kraus und die Erotik der Wiener Moderne, Frankfurt a. M. 1982, 165.
79 UDW Ostermond 1908, 27.
80 P. Heinrich Abel SJ, Zurück zum praktischen Christentum! Broschüre der Reichspost, Wien 1895, 97.
81 Rudolf Vrba, Die Revolution in Rußland, Bd. I, Prag 1906, 329.
82 Richard von Krafft-Ebing, Psychopathia sexualis. Neuaufgabe. München 1984.
83 AdT, 24.06.1908, »Das Tschechentum in Wien«.
84 Kubizek, 115.
85 Kubizek, 293.
86 Wagner, Gesammelte Werke, Bd. 8, 111. В русском переводе (Рихард Вагнер. Произведение искусства будущего / Пер. С. Гиждеу // Рихард Вагнер. Избранные работы. М.: Искусство, 1978) соответствующего пассажа обнаружить не удалось. — *Прим. переводчика*.
87 Hans Tietze, Die Juden Wiens, Wien 1933, 206.
88 AdT 18.04.1908.
89 AdT 18.04.1908.
90 AdT 28.03.1909.
91 StP HdA, 13.02.1890.
92 Kubizek, 1. Fassung, 23. u. 34f. Пратер — большой парк на юго-востоке Вены, на территории которого располагается так называемый «Фолькспратер» («Народный пратер»), где находятся многочисленные развлекательные заведения и кафешки. Австрийский хойригер — небольшой ресторанчик в сельской местности или в окраинных районах города, хозяин которого, как правило, винодел, предлагающий гостям по весьма умеренным ценам вино собственного производства и простые закуски. — *Прим. переводчика*.
93 Kubizek, 1. Fassung, 24.
94 Kubizek, 1. Fassung, 37ff.
95 Picker, 146f., 27.03.1942.
96 Hitler Reden Bd.III, Teil 2, München 1994, 177f. Речь 09.04.1929 на собрании НСДАП в Мюнхене.
97 Статья Гитлера в еженедельнике «Иллюстриртер Беобахтер» от

- 13.04.1929, цит. по: Hitler Reden III, 2. Teil, 200.
- 98 Hitler Reden III, 2. Teil, 152 u. 155 München 03.04.1929.
- 99 Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943. Aufzeichnungen des Majors Engel, hg. v. Hildegard von Kotze, Stuttgart 1974, 46, Juni 1939.
- 100 Domarus 442, речь в Гамбурге 17.08.1934.
- 101 Otto Dietrich, 12 Jahre mit Hitler, München 1955, 157.
- 102 Die Fackel, Nr. 372/ 373, 01.04.1913, 11.
- 103 Там же, Nr. 305/306, 20.07.1910, 52f.
- 104 Там же, Nr. 311/312, 23.11.1910, 36.
- 105 Wien ThM, N. Roller, 23.01.1930; Директор Эдуард Ляйшинг — Роллеру об этой истории, январь или февраль 1914 г.
- 106 МК, 279.
- Экскурс: Понятие «вырождение»*
- 1 Действие 5, явление 4. В русском переводе либретто эти строки пропущены.
- 2 Meyers Konversations-Lexikon, Leipzig 1888.
- 3 Max Nordau, Entartung, Bd. II, Berlin 1893, 498.
- 4 Там же, 469, 471, 493.
- 5 Там же, 502.
- 6 Там же, 500.
- 7 Там же, 504.
- 8 Там же, 505.
- 9 Там же, Bd. I, 267, 281 u. 282.
- 10 Там же, Bd. II, 501.
- 11 Guido List, Der Unbesiegbare, Wien 1898, 29.
- 12 Deutsches Wiener Tagblatt, 07.09.1907, Anthropologische Politik.
- 13 Fr. Sieben, Alld deutsches zur Frauenbewegung, UDW Ostermond 1911, Titel.
- 14 Deutsche Hochschul-Stimmen aus der Ostmark, 18.12.1909, «Zur Rassenästhetik», также: ODR, 18.04.1909, «Kleidung und Rasse». Обе статьи ссылаются на соответствующие работы Адольфа Харпфа.
- 15 Der deutsche Eisenbahner, 10. u. 20.11.1908, «Zur Judenfrage».
- 16 UDW, Ostermond 1908, 25, Theodor Fritsch, Frauen-Frage II.
- 17 Monologe, 128f., 05.11.1941.
- 18 Domarus, 709; речь по случаю открытия «Дома немецкого искусства» в Мюнхене 13.07.1937.
- 19 Цит. по: Klaus Backes, Hitler und die bildenden Künste, Köln 1988, 53, на партийном съезде 1937 г. (В отечественной традиции за этой открывшейся в июле 1937 года выставкой, на которой были представлены конфискованные из музеев произведения модернистов, закрепилось название «Дегенеративное искусство». — *Прим. переводчика*).
3. Столица империи
- 1 Picker, 339f., 29.05.1942.
- 2 Monologe, 74f., 01.10.1941.
- 3 Monologe, 264f., 04.02.1942.
- 4 Picker, 339, 29.05.1942.
- 5 Monologe, 404f., 25.06.1943.
- 6 Goebbels, Tagebücher, Teil II, Bd. 7, 608, 21.03.1943.
- 7 Goebbels, Tagebücher, Teil II, Bd. 8, 540, 25.06.1943.
- 8 Goebbels, Tagebücher, Teil II, Bd. 15, 692.
- 9 Monologe, 74f., 01.10.1941.
- 10 Цит. по: Hans Mommsen, Die Sozialdemokratie und die Nationalitätenfrage im habsburgischen Vielvölkerstaat, Wien 1963, 123.
- 11 Goebbels, Tagebücher, Teil I, Bd. 3, 612, 17.10.1939. В цитируемом оригинале — опечатка: »schlecht« (плохой) вместо »schlicht« (простой), ее мы здесь исправляем. Простота считалась традиционной характеристикой императора, которого называли «мужем простым и справедливым» («vir simplex et justus»). — Прим. автора.
- 12 Joseph M. Baernreither, Fragmente eines politischen Tagebuches, Berlin 1928, 210.
- 13 Felix Somary, Erinnerungen aus meinem Leben, Zürich o. J., 28f. u. 25.
- 14 Стефан Цвейг. Вчерашний мир / Пер. Г. Кагана. М.: Радуга, 1991, С. 59.
- 15 МК, 174f.
- 16 Monologe, 27.02.1942, 304.
- 17 Kubizek, 201.
- 18 Kubizek, 1. Fassung, 14.
- 19 Albert Freiherr von Margutti, Kaiser Franz Joseph, Wien 1924, 190ff.
- 20 Там же, 174.
- 21 Monologe, 390f., 05.09.1942.
- 22 Heinrich Hoffmann, Hitler, wie ich ihn sah, München 1974, 162.
- 23 Monologe, 380, 01.09.1942.
- 24 Koeppen-Protokoll, 05.10.1941, S. 39f.
- 25 Сестра великого герцога Эрнста Людвиг Гессенской (1868–1937) Алиса Гессен-Дармштадская, в замужестве Александра Федоровна (1872–1918), была супругой российского императора Николая II (1868–1918). — *Прим. переводчика*.
- 26 Bonn PA, Österreich 86, Nr. 1.
- 27 Margutti (см. примеч. 19), 228f.
- 28 Bonn PA, Österreich 86, Nr. 1, секретно; доклад немецкого посла в Санкт-Петербурге рейхсканцлеру Булову.
- 29 Там же.
- 30 Franz Brandl, Kaiser, Politiker und Menschen. Erinnerungen eines Wiener Polizeipräsidenten, Wien 1936, 170.
- 31 Elisabeth Grossegger, Der Kaiserhuldigungsfestzug, Wien 1992, 30.
- 32 Анонимное письмо бюрогистру Люэгеру. Цит. по: Grossegger, 25.
- 33 NWB, 07.06.1908.
- 34 Die Fackel, Nr. 248, 24.03.1908, 17, Der Festzug.
- 35 Bonn PA, R 8722, Посольство Германии в Вене — министерству иностранных дел в Берлине, телеграмма, 07.06.1907.
- 36 Budapesti Hirlap, 31.05.1908, передовая статья «Оппозиция и патриотизм» (на венгерском яз.)
- 37 DVB, 07.04.1908, 10.
- 38 StP HdA, 10.04.1908; Grossegger (см. примеч. 34), 163.
- 39 DVB, 08.04.1908, 9.
- 40 Grossegger (см. примеч. 34), 164.
- 41 Zweites Buch, 96, и МК, 142.
- 42 В газетах за 11.06.1908, например, в ODR.
- 43 AdT, 06.06.1908.
- 44 NWB, 14.06.1908.
- 45 NIK, 13.10.1909, свидетельское показание графа Вильчека во время судебного процесса.
- 46 ODR, 14.06.1908.
- 47 Grossegger (см. примеч. 34), 160.

- 48 NFP, 13.06.1908; Grossegger, там же, 176f.
- 49 NWB, 14.06.1908.
- 50 ODR, 14.06.1908. Опечатка в газете, правильно: «Má úcta!» — *Прим. переводчика.*
- 51 Die Fackel, 19.06.1908.
- 52 Grossegger (см. примеч. 34), 167.
- 53 Peter Urbanitsch, Die Deutschen in Österreich // Die Habsburgermonarchie 1848–1918, Bd. III, Wien 1980, 77.
- 54 Die Fackel, 19.06.1908.
- 55 Paul Stefan, Das Grab in Wien. Eine Chronik 1903–1911, Berlin 1913, 105.
- 56 Adolf Loos, Sämtliche Schriften, 1. Bd.: ornament und verbrechen, Wien 1963.
- 57 Simplicissimus, 15.06.1908, художник Эдуард Тёни.
- 58 StP HdA, 20.06.1908.
- 59 Brigitte Hamann, Bertha von Suttner. Ein Leben für den Frieden, München 1986, 466.
- 60 VB, 28.05.1938, 13.
- 61 IWE, 12.06.1908. См. по теме: Wolfgang Hartmann, Der historische Festzug, München 1976.
- 62 Bonn PA, Österreich 101, Чиршки — Бюлову, 09.12.1908, конфиденциально.
- 63 NIK, 11.12.1908.
- 64 AdT, 18.01.1909, «Der deutsche Standpunkt in der bosnischen Frage».
- 65 AdT, 06.01.1909, аналогичных примеров множество.
- 66 StP HdA, 17.12.1908, 8129ff.
- 67 Julius Sylvester, Vom toten Parlament und seinen letzten Trägern, Wien 1928, 31.
- 68 Bonn PA, Österreich 101, Ратибор — Бюлову, 10.12.1908.
- 69 Bonn PA, Österreich 101, приложение к докладу № 128, Badische Presse, Karlsruhe, 11.12.1908.
- 70 NWT, 02.12.1908.
- 71 StP HdA, 17.12.1908, 8162.
- 72 Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, 26. Bd., 2. Teil, Berlin 1925, 722.
- 73 Washington NA, American Embassy Nr. 853, Wien, 15.05.1909.
- 74 Jäckel / Kuhn, 330, 06.03.1921.
- 75 МК, 155.
- 76 МК, 14.
- 77 МК, 140.
- 78 Picker, 392, 29.06.1942.
- 79 Picker, 319, 20.05.1942.
- 80 Goebbels, Tagebücher, Teil II, Bd. 7, 515, 09.03.1943.
- 81 Frank, 422.
- 82 Monologe, 335, 09.08.1942.
- 83 Monologe, 374, 29.08.1942.
- 84 Domarus, 524f., выступление в Нюрнберге 10.09.1935.
- 85 Pichl, VI, 532.
- 86 Harald Arjuna Grävell von Jostenode, Die Reichskleinodien zurück nach dem Reich! // Ostara, Juli 1906, 3–6.
- 87 МК, 11.
- 88 Церковь Св. Екатерины в Нюрнберге — место действия первого акта оперы Рихарда Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры» (1868). — *Прим. переводчика.*
- 89 Domarus, 732, выступление в Нюрнберге 13.09.1937.
- Экскурс: Мартовские дни и Площадь героев*
- 1 AdT, 20.03.1908.
- 2 Например: AZ, 09.03.1910, «Die Märztage der Arbeiter».
- 3 Hanisch.
- 4 Domarus, 841, выступление во Франкфурте 30.03.1938; и VB, 01.04.1938.
- 5 Так же: МК, 77f.
- 6 AdT, 10.01.1909.
- 7 Zeitgenössischer Zeitweiser für 1909.
- 8 Moriz Schlesinger, Das verlorene Paradies. Ein improvisiertes Leben in Wien um 1900, Wien 1993, 79f.
- 9 NWT, 25.02.1908.
- 10 Kronprinz Rudolf. Majestät ich warne Sie... Geheime und private Schriften, hg. v. Brigitte Hamann, Wien 1979, дискуссия об императоре Иосифе II — С. 235–255, особенно С. 245. О значении Иосифа II для дальнейшей истории Австрии см.: Brigitte Hamann, Rudolf. Kronprinz und Rebell, Wien 1978, 60ff.
- 11 Picker, 203, 07.04.1942.
- 12 Monologe, 123, 02.11.1941.
- 13 МК, 79.
- 14 Goebbels, Tagebücher, Teil I, Bd. 4, 42, 06.02.1940.
- 15 Kubizek, 307f.
- 16 Kubizek, 207.
- 17 VB, 16.03.1938.
4. Парламент
- 1 Fritz Freund, Das Österreichische Abgeordnetenhaus, Wien 1907.
- 2 Walter Kleindel, Österreich. Daten zur Geschichte und Kultur, Wien 1979, 295.
- 3 AdT, 19.02.1909.
- 4 StP HdA, 16.12.1907, 3511ff.
- 5 Сообщение д-ра Гюнтера Шефбека, директора парламентского архива в Вене.
- 6 (Anonym), Wien und die Wiener. Schilderungen eines fahrenden Gesellen, Berlin 1893, 137.
- 7 МК, 81.
- 8 Kubizek, 289.
- 9 МК, 81f.
- 10 МК, 83f.
- 11 Kubizek, 223.
- 12 Kubizek, 291.
- 13 Kubizek, 290.
- 14 IKZ, 05.12.1908.
- 15 Выступление пангерманского депутата Малика 26.11.1908, StP HdA, 7656.
- 16 Albert Freiherr von Margutti, Kaiser Franz Joseph, Wien 1924, 218.
- 17 Richard Charvatz, Österreichs äußere und innere Politik von 1895 bis 1914, Leipzig 1918, 81f.
- 18 Prager Tagblatt, 03.02.1909.
- 19 Там же, вечерний выпуск, 03.02.1909.
- 20 Prager Tagblatt, 05.02.1909.
- 21 IKZ, 06.02.1909.
- 22 Prager Tagblatt, 05.02.1909.
- 23 Die Friedens-Warte, Februar 1909, 30f.
- 24 W. Ellenbogen, Volksparlament und Geschäftsordnung // Der Kampf, 01.02.1909, 196–202.
- 25 StP HdA, 113, 03.12.1908, 7690 f.
- 26 Freund (см. примеч. 1).
- 27 Joseph Scheicher, Erlebnisse und Erinnerungen, Wien o. J., VI, 55.
- 28 Там же, 93.
- 29 Там же, IV, 19.
- 30 Bonn PA, Österreich 91, Чиршки — Бюлову, 18.03.1909.
- 31 Bonn PA, Österreich 70, Брокдорф-Ранцау — Бетман-Гольвегу, 17.08.1909.
- 32 IKZ, 15.11.1909.
- 33 Reichspost, 16.12.1909.
- 34 Washington NA, Wien, 17.12.1909.
- 35 Bonn PA, Österreich 70, Wien, 20.12.1909.
- 36 Reichspost, 19.12.1909.

- 37 Bonn PA, Österreich 70,
20.12.1909.
- 38 Der Hammer, 15. Heuerts 1907,
«Unsere nationale Zukunft».
- 39 Например: Der Hammer,
15.02.1909.
- 40 AdT, 11.02.1908.
- 41 StP HdA, 26.11.1909, 486.
- 42 МК, 80.
- 43 МК, 101.
- 44 МК, 160.
- 45 Monologe, 374, 29.08.1942.
- 46 Речь депутата Карла Иро
в Рейхсрате 02.06.1908, напеча-
тана на первой странице в: AdT,
04.06.1908.
- 47 МК, 114.
- 48 МК, 111f.
- 49 МК, 39.
- 50 Коерпен, 34, ужин с Гейдрихом
02.10.1941.
- 51 StP HdA, 05.06.1908, 9833ff.
- 52 МК, 84 и 100.
- 53 МК, 84f.
- 54 МК, 92.
- 55 МК, 95.
- 56 МК, 86.
- 57 МК, 99 и 97.
- 58 Hitler, Reden Schriften, Bd.
III, Teil 1, München 1994, 197.
Выступление на собрании НСДАП
в Мюнхене 29.10.1928.
5. Социальный вопрос
- 1 Jetzinger, 203. Кубичек, правда,
впервые упоминает письма, но при-
веденные им тексты содержат
ошибки. Даты не указываются ни
у Кубичека, ни у Етцингера созна-
тельно — из-за отсутствия ориги-
налов их нельзя точно установить.
- 2 Jetzinger, 204ff.
- 3 Jetzinger, 205.
- 4 Jetzinger, 202.
- 5 Linz OÖLA, книга записей домаш-
них расходов семьи Гитлеров;
см. об этом также: Gerhart
Marckhgott, „...Von der Hohlheit
des gemächlichen Lebens“. Новые
материалы о жизни семьи
Гитлеров в Линце также в:
Jahrbuch des Oberösterreichischen
Musealverein, Bd.138/1, Linz 1993,
112.
- 6 Jetzinger, 206.
- 7 Jetzinger, 275.
- 8 Monologe, 115, 29.10.1941.
- 9 Kubizek, 314f.
- 10 Jetzinger, 165.
- 11 Linz OÖLA, архив Музейного об-
щества, запись в счётной кни-
ге. Автор благодарит д-ра Георга
Хайлингзетцера за указание на эту
информацию.
- 12 МК, 20.
- 13 Monologe, 72, 27./28.09.1941.
- 14 Wien, АНВК, списки студентов,
получающих стипендию, за 1907
и 1908 годы.
- 15 Wiener Adreßbuch, Lehman, 1908.
- 16 IKZ, 14.07.19019, 10.
- 17 IKZ, 31.10.1910.
- 18 IKZ, 16.11.1909.
- 19 Jetzinger, 210. Етцингер неспра-
ведливо обвиняет Кубичека во
лжи, утверждая, что в указанное
время в Вене вообще не было де-
монстраций. Однако между фев-
ралем и июлем 1908 года в Вене
прошел целый ряд самых раз-
ных демонстраций, среди про-
чих — выступление безработных
26.0.1908, полностью соответству-
ющее описанию Кубичека.
- 20 Neues Wiener Abendblatt,
27.02.1908.
- 21 Kubizek, 294f.
- 22 Kubizek, 295f.
- 23 AdT, 20.09.1910.
- 24 NWT, 29.12.1910.
- 25 Kikireki 1910, Nr.51.
- 26 AZ 03.06.1910, 5.
- 27 Michael John, Wohnverhältnisse
sozialer Unterschichten im Wien
Kaiser Franz Josephs, Wien 1984, 15.
- 28 Kubizek, 210
- 29 Kubizek, 205.
- 30 Kubizek, 210.
- 31 Kubizek, 216.
- 32 15. Jahresbericht der Kaiser Franz
Joseph Jubiläumstiftung für...
1910, Wien 1911, 149.
- 33 Julius Deutsch, Ein weiter Weg,
Wien 1960, 37f.
- 34 Monologe, 379, 01.09.1942.
- 35 Picker, 343, 30.05.1942.
- 36 G. M. Gilbert, Nürnberger Tagebuch,
Frankfurt a. M. 1962, 279.
- 37 Koblenz BA, NS 26/17a.
- 38 Например, NWB, 20.03.1938.
- 39 Wie die Ostmark ihre Befreiung
erlebte, hg. v. Heinrich Hoffmann,
o. O. o. J. (1940), 15.
- 40 В ответ на запрос в музей района
Альзергрунд пришло сообщение:
«В период Третьего рейха утвер-
ждали, что Гитлер жил на этой
квартире „инкогнито“».
- 41 МК, 40.
- 42 МК, 25.
- 43 Jäckel / Kuhn, 525f., 29.11.1921.
- 44 Domarus, 267, 10.05.1933.
- 45 Max Winter, Höhlenbewohner in
Wien. Brigittenuer Wohn- und
Sittenbilder aus der Luegerzeit,
Wien 1927, 16f. Это 2-е издание
книги, первое вышло в 1904 году
под названием «Темная сторона
Вены» («Im dunkelsten Wien»).
- 46 Smith, 93.
- 47 МК, 392.
- 48 МК, 42.
- 49 МК, 42.
- 50 BBN, 11.04.1912, 7.
- 51 BBN, 04.04.1912, 1, «Die Sünden
der Sozialdemokratie».
- 52 Было напечатано во всех вен-
ских газетах, здесь: NWT, 19. и.
20.05.1913.
- 53 Сведения любезно предоставил
хофрат д-р Куглер, руководитель
отдела живописи Музея истории
искусств, в сентябре 1995 года.
- 54 Otto Thomae, Die Propaganda-
Maschinerie, Berlin 1978, 161.
- 55 Jetzinger, 263.
- 56 IKZ, 17.02.1906.
- 57 BBN, 11.04.1912, 6,
«Sozialdemokratie und
Großkapital», см. также: BBN,
21.7.1912, 4, «Die Sozialdemokratie
als Judenschutztruppe», где назы-
ваются десятки имён.
- 58 Jetzinger, 220.
- 59 Wiener Bilder, 21.11.1906.
- 60 SJSW für 1908, Wien 1910, 840.
- 61 Emil Kläger, Durch die Quartiere
der Not und des Verbrechens, Wien
1908, 98ff.
- 62 IWE, 25.12.1910, «Im Asyl für
Obdachlose».
- 63 Kläger, 10ff.
- 64 МК, 23f.
- 65 МК, 30.
- 66 МК, 24.
- 67 Winter (см. примеч. 45), 47, 49,
70.
- 68 Kläger (см. примеч. 61), 140ff.
- 69 Kubizek, 203.
- 70 Kubizek, 210.
- 71 Kubizek, 310.
- 72 МК, 33.
- 73 IWE, 18.01.1908.
- 74 SJSW für 1908, Wien 1910, 855.

- 75 МК, 22f.
76 Monologe, 126, главная ставка фюрера, 05.11.1941.
77 Max Winter, Im interirdischen Wien. Großstadt-Dokumente, Bd. 13, Berlin o. J., 58.
78 Otruba, 236.
79 AZ, 09.04.1910, 4.
80 NNZ, 26.02.1909.
81 Ostara Nr. 18, Dezember 1907, 6f., 9 u. 15.
82 Blätter für das Armenwesen der Stadt Wien, Wien 1912, 5f.
83 IKZ, 14.7.1910.
84 StP HdA, 15.12.1908, 8012.
85 AZ, 07.04.1910, «Revolution vor dem Asyl».
86 Wien StLA, архив отдела регистрации по месту жительства.
87 Smith, 163.
88 Свидетельства Ханиша цитируются, если не указано иного, по: The New Republic, 05., 12. u. 19.04.1939.
89 AZ, 05.04.1910, 5.
90 IWE, 21.09.1910.
- 6. В мужском общежитии**
- 1 SJSW für 1911, Wien 1913, 45
2 10. Jahresbericht der Kaiser Franz Joseph I. Jubiläumstiftung ... über das Jahr 1905, Wien 1906, 8.
3 SJSW für 1908, Wien 1910, 206.
4 10. Jahresbericht (см. примеч. 2), 13.
5 В ответ на запрос автора сегодняшнее руководство мужского общежития сообщило, что не сохранились ни каталоги, ни экземпляры книг этой первой библиотеки. За прошедшие девяносто лет общежитие неоднократно перестраивали. Новая библиотека только создается.
- 6 9. Jahresbericht ... über das Jahr 1904, Wien 1905, 1–10.
7 15. Jahresbericht ... über das Jahr 1910, Wien 1911, 1–16.
8 16. Jahresbericht ... über das Jahr 1911, Wien 1912, 10. Сохранились лишь статистические данные об общежитии на Вурлицергассе, об общежитии на Мальдеманштрассе информации нет. Однако учреждения были очень похожи, поэтому здесь приводятся данные об общежитии на Вурлицергассе.
9 AZ, 16.08.1909.
10 Wien StLA, архив отдела регистрации по месту жительства.
11 15. Jahresbericht (см. примеч. 7), 16.
12 16. Jahresbericht (см. примеч. 8), 6.
13 Wagener, 462.
14 Hanisch // The New Republic.
15 Billy Price, Adolf Hitler als Maler und Zeichner, Zug 1983, Nr. 128 u. 129. Этой книгой следует пользоваться с осторожностью, здесь перемежку приводятся подлинники и подделки. Все рисунки провенанса «США 2» (USA 2) — подделки Конрада Куяу. Научную работу с более ранними подделками, прежде всего, авторства Райнхольда Ханиша, еще предстоит провести. В книге Прайса они представлены в большом количестве.
16 Об Адели Хеллер-Биндер, урожд. Альтенберг, эмигрировавшей в Лондон, см.: Maurice Samuelson, Post von Hitler // Die Presse, Wien, 14.05.1994, Spectrum IV.
17 Koblenz BA, NS 26/36, копия протокола разговора от 12.03.1944 в Оберзальцберге.
18 Koblenz BA, NS 26/24.
19 Wien StLA, отдел регистрации по месту жительства. Эти данные
- приводятся уже в: Joachimsthaler, 67ff.
20 Согласно информации, предоставленной Австрийским киноархивом, к съемкам фильма приступили в Берлине в 1914 году, но с началом войны работу приостановили и завершили в 1915 году уже по другому плану. Положенный в основу сценария одноименный бестселлер Бернхарда Келлермана вышел в 1913 году. Утверждение Альберта Шпеера о том, что «Гитлер часто с восхищением называл „Туннель” Келлерманна, этот рассказ о демагоге, одним из самых ярких литературных впечатлений своей юности», относится, видимо, уже к жизни Гитлера в Мюнхене. Speer, Tagebücher, 460.
21 Jäckel / Kuhn, 889; VB, 15./16.04.1923.
22 Подробнее см.: Brigitte Hamann, Elisabeth. Kaiserin wider Willen, Wien 1981, 492f.
23 Monologe, 317, 11./12.03.1942.
24 Otto Dietrich, 12 Jahre mit Hitler, München 1955, 164: «Гитлер много читал, обычно по ночам, когда уединялся и не мог заснуть».
25 МК, 35.
26 Felix Saiten, Wurstelprater, Wien 1973, 72, 76 u. 81.
27 Kubizek, 203f.
28 Price Nr. 92, 111 u. 123. Вопрос о подлинности можно решить однозначно только при наличии оригиналов.
29 Samuelson (см. примеч. 16).
30 Речь идет о картине, репродукция которой дана в книге Прайса под № 248 с пометкой: «Собственность Франца Файлера, Иннсбрук»; эта картина перешла в 1946 году в собственность министра Родольфо Сивьеро и выставилась во Флоренции в 1984 году под № 4 на выставке «Акварели Гитлера». См.: Hermann Weiß, Die Hitler zugeschriebenen Aquarelle im Nachlaß Siviero / Florenz, Florenz 1984, 73ff.
31 Joachimsthaler, 72.
32 Jetzinger, 224.
33 Koblenz BA, NS 26/64, разъяснение, сделанное в мае 1933 года.
34 Brünnner Anonymus // Moravský ilustrovany zpravodaj, 1935, Nr. 40, 10f. (на чешском языке).
35 Зента Альтенберг, невестка Якоба Альтенберга, сказала автору книги в 1994 году, что, по рассказам ее мужа, Гитлер всегда лично приносил картины.
36 По свидетельству Зенты Альтенберг, после «аншлюса» на складе магазина находились две работы Гитлера, их пришлось продать за скромную цену Главному архиву НСДАП. Благодаря наличию «арийской» жены, Якоб Альтенберг избежал депортации. Все его магазины, кроме одного, «аризировали», имущество экспроприировали, оставили только минимальную пенсию. Он умер в 1944 году в Вене. Его сын Якоб (Жак) продолжил его дело в гораздо более скромном объеме.
37 Samuelson (см. примеч. 16).
38 Сообщение отца Бертранда Бауманна из аббатства Цветтль.
39 Jetzinger, 226ff.
40 München IfZ, Paula Hitler ED 100.
41 Bonn BA PA, Österreich 91, 22.06.1911.

- 42 Washington NA, дипломатический отчет из Вены, 22.07.1911.
- 43 Например, его восторженная статья «Рихард Вагнер» в: Österreichischer Arbeiter-Kalender, 1908, 53–58.
- 44 Robert Ehrhart, Im Dienste des alten Österreich, Wien 1958, 227.
- 45 Die Zeit, 14.06.1911, 3.
- 46 Там же, С. 3 и 7, а также: AZ, 14.06.1911, 6.
- 47 Washington NA, дипломатический отчет из Вены, 22.07.1911.
- 48 Wien ААК, папка «Антон Давид»; AZ, 23.04.1914.
- 49 МК, 42f.
- 50 NIK, 19.09.1911.
- 51 DVB, 18.09.1911.
- 52 Wiener Bilder, 20.09.1911.
- 53 МК, 43.
- 54 МК, 65f.
- 55 BBN, 10.11.1912, 3.
- 56 BBN, 04.04.1912, 2, «Die Sünden der Sozialdemokratie».
- 57 BBN, 11.04.1912, 6, «Sozialdemokratie und Großkapital».
- 58 BBN, 14.03.1912, 4, «Der Kampf um die Macht!»
- 59 BBN, 4f.
- 60 Jäckel / Kuhn, 404ff., München, 22.05.1920.
- 61 Otto Strasser, Aufbau des Deutschen Sozialismus, Prag 1936, 122.
- 62 МК, 30.
- 63 МК, 66.
- 64 МК, 73.
- 65 Kubizek, 296.
- 66 Kubizek, 203.
- 67 Kubizek, 296f.
- 68 Wagener, 348.
- 69 Jäckel / Kuhn, 165, München, 27.07.1920.
- Экскурс: Источники о жизни Гитлере в мужском общежитии*
- 1 The New Republic, 5., 12. u. 19.4.1939. Автор благодарит за помощь Библиотеку конгресса в Вашингтоне. Архив Хайдена, умершего в 1966 году в Нью-Йорке, хранится в Мюнхене: IfZ, ED 209, Bd. 1–56. К сожалению, там отсутствуют документы о периоде до 1945 года, а также письма и иные документы, связанные с Ханишем. Небольшая часть архива Хайдена, прежде всего, касающаяся его юности, хранится в Центральной библиотеке в Цюрихе.
- 2 Konrad Heiden, Adolf Hitler, 2 Bde., Zürich 1936/37.
- 3 Koblenz BA, NS 26/64. Ценность двухстраничной рукописи Ханиша «Моя встреча с Гитлером!», датированной «маем 1933 года», как источника примерно соответствует ценности его более подробных рассказов в журнале «Нью Рипаблик». Отметим, что эта рукопись, вопреки распространенному убеждению, была написана не по заказу архива НСДАП.
- 4 Файлер родился в 1914 году, умер в 1992 году в Альдрансе (Тироль), (данные отдела ЗАГС г. Зистранса). Вдова Файлера, которая была младше его на много лет, сообщила автору по телефону в 1994 году, что ничего не знает об этом деле.
- 5 Koblenz BA, NS 26/64.
- 6 Все приведенные у Прайса изображения цветов, скорее всего, выполнены Ханишем.

- 7 Koblenz BA, NS 26/64, Ханиш — Файлеру.
- 8 Maurice Samuelson, Post von Hitler // Die Presse, 14.05.1994.
- 9 Эта брошюра упоминается в книге: Smith, 163.
- 10 Koblenz BA, NS 26/64.
- 11 Показания Файлера на процессе согласно газете «Райхспост»: Reichspost, 06.07.1933.
- 12 Например: Reichspost, 06.07.1933.
- 13 Rudolf Olden, Hitler, New York 1936.
- 14 Koblenz BA, NS 26/ 64, письмо Ханиша Файлеру.
- 15 Koblenz BA, NS 26.
- 16 Smith, 163f.
- 17 Wien StLA, архив отдела регистрации по месту жительства.
- 18 Wien StLA, протокол установления смерти Ханиша. В свидетельстве о регистрации по месту жительства в качестве даты смерти указано 2 февраля 1937 года. Не зная об этом, Мартин Борман записывает в деле 22.04.1944, что Ханиш повесился «после присоединения Австрии». Koblenz BA, NS 19/51/11.
- 19 Maser, 89. Мазер ошибочно полагает, что Ханиш умер в 1938 году, и делает из этого неверные выводы, которые теперь кочуют по научной литературе.
- 20 Koblenz BA, NS 26/ 64.
- 21 Koblenz BA, NS 19 neu, Nr. 2411; а также: Berlin BA, Ordner 4874 — 4941.
- 22 Nr. 40, 10f.
- 23 Koblenz BA, NS 26/17a, Honisch-Protokoll, 12.05.1939.
- 24 Wien StLA, архив отдела регистрации по месту жительства. Запросы в архив отдела регистрации по месту жительства в Брюнне / Брно остались без ответа.
- 25 Wien StLA, архив отдела регистрации по месту жительства.
- 26 Факсимиле обоих мюнхенских свидетельств о регистрации по месту жительства впервые были напечатаны в: Joachimsthaler, 17f.; данные, приведенные в книге Йоахимсталера, дополнены здесь свидетельствами дочери Хойслера — Марианны Копплер.
- 27 Данные впервые приводятся в: Joachimsthaler, 258 u. 80f.
- 28 Berlin BA, личные дела; а также свидетельства Марианны Копплер.
- 29 Wien AdR, Gauakten Nr. 345. Согласно данным документам, Хойслеру на его заявление о вступлении в НСДАП неоднократно отвечали отказом, в последний раз в 1944 году, ссылаясь на случай, произошедший в 1937 году: якобы Хойслер тогда, будучи арендатором трактира на Бишофскоппе в Чехословакии, заставил двух официантов заманить в трактир гражданина Германии, где тот был арестован чешскими полицейскими и позже приговорен к длительному заключению.
- 30 Josef Greiner, Das Ende des Hitler-Mythos, Wien 1947, 135.
- 31 Там же, 72ff.
- 32 Там же, 75.
- 33 Там же, 76f.
- 34 Там же, 54–67.
- 35 Там же, 66 u. 130; Симон Визенталь также считает, что заражение сифилисом стало причиной антисемитизма Гитлера: Alan Levy, Die Akte Wiesenthal, Wien 1995, 15ff.
- 36 Maser, 377.

- 37 Greiner (см. примеч. 30), 342.
 38 Там же, 283–298.
 39 Wien AdR, BMdi Nr. 52. 043–2/56; партийные документы, аналогичные тем, что хранятся в архиве: BA Berlin.
 40 München IfZ, Ms. 82, Franz Jetzinger, Das Hitler-Buch Greiners.
 41 Брошюра хранится в архиве издательства «Амальтеа» в Вене. За возможность ознакомиться с ней автор благодарит д-ра Герберта Фляйссера и Хельгу Эрмакору.
 42 Josef Greiner, Sein Kampf und Sieg, Wien 1938, 29.
 43 München IfZ, Ms. 82, Jetzinger, 30 u. 68.
 44 Berlin BA. Заявление о приеме в НСДАП от 01.03.1940, ответ от 26.5.1940, публиковалось в: Joachimsthaler, 76.
 45 Joseph Wulf, Literatur und Dichtung im Dritten Reich, Gütersloh 1963, 354 passim.
 46 Heinrich Hoffmann, Hitler, wie ich ihn sah, München 1974, 29f.
 47 Henriette von Schirach, Der Preis der Herrlichkeit, Wiesbaden 1956, 220.
 48 Marco Pozzetto, Max Fabiani. Ein Architekt der Moderne, Wien 1983, 16.
 49 La Nazione, Florenz, 02.06.1966, цит. по: Pozzetto, Указ. соч., 30.
 50 The Memoirs of Bridget Hitler, hg. v. Michael Unger, London 1979, 22ff.
 51 Rosa Albach-Retty, So kurz sind hundert Jahre, München 1979, 171f.

7. Расовые теоретики и толкователи мироздания

Самоучка

- 1 МК, 20f.
 2 Kubizek, 226.
 3 МК, 93.
 4 Wagener, 149.
 5 МК, 36.
 6 Kubizek, 225.
 7 Albert Zoller, Hitler privat, Düsseldorf 1949, 40.
 8 Там же, 40f.
 9 Houston Stewart Chamberlain, Die Grundlagen des 19. Jahrhunderts. München, 1899, Bd. I, 278 f. Недавно появился русский перевод: Чемберлен Х.С. Основания девятнадцатого столетия / Пер. Е.Б. Колесниковой. В 2 т. — СПб.: «Русский миръ», 2012. — *Прим. переводчика.*
 10 Wiener Deutsches Tagblatt, 10.09.1907.
 11 UDW, Ostermond, 1908, 25, «Frauen-Frage».
 12 Eduard Pichl, Georg Schönerer, Bd. IV, Oldenburg o. J. (1938), 533.
 13 Florian Albrecht, Der Kampf gegen das Deutschtum in der Ostmark. Flugschrift des AdT, Wien, 1908, 4f., 7, 12f., 15 u. 16.
 14 Wien AVA, N, Pichl. Kt. 74, листовка «Der Verein Südmark und sein Gegner».
 15 Aurelius Polzer // Jahrbuch für Deutsche Frauen und Mädchen, hg. v. Karl Iro, Wien 1904, 72.
 16 AdT, Ostermond (April) 1908, «Bismarck und Schönerer».
 17 Harald Arjuna Grävell van Jostenoode, Das Ariertum und seine Feinde // Ostara, Wien 1908.

- 18 Harald Arjuna Grävell van Jostenoode, Germanisches Zwölftafelgesetz // Ostara, Wien 1906, 7.

Гвидо фон Лист

- 1 Pichl, VI, 534.
 2 Guido von List, Die Namen der Völkerstämme Germaniens und deren Deutung, Wien, 1909, 17.
 3 Johannes Balzli, Guido v. List. Der Wiederentdecker Uralter Arischer Weisheit, Leipzig 1917, 53f.
 4 Linzer Fliegende, 14. Heuert (Juli) 1907.
 5 См.: List (см. примеч. 2), 112f.
 6 UDW, Hornung 1909/2022 n.N., H. Chr. Heinrich Meyer, Die Rita der Ariogermanen von Guido List, 201–208.
 7 Guido List, Die Armanenschaft der Ario-Germanen, Bd. II, Wien, 1911, 86.
 8 AA, II, 71.
 9 Guido List, Die Rita der Ario-Germanen, Wien 1908, 175f.
 10 См. примеч. 6.
 11 List, Armanenschaft (см. примеч. 7), 107.
 12 Guido List, Übergang von Wuotanstum zum Christentum, 106.
 13 Guido List und die Bodenrechtsfrage // UDW, Lenzmond 1911, 234–237.
 14 Guido List, Die Bilderschrift der Ario-Germanen, Wien 1910, 7f.
 15 В источниках о Листе аббревиатура «НАО», обозначающая этот союз, расшифровывается двойко — как «Hohen-Armanen-Orden» (Высокий орден арманов) и «Hohen Armanen Offenbarung» (Высокое откровение арманов). — *Прим. переводчика.*

- 16 Там же, 361.
 17 Linz OÖLA, материалы по Еппингеру, письмо Кубичека, 06.05.1949.
 18 Jäckel / Kuhn, 186.
 19 МК, 557.
 20 Reginald H. Phels, Die Hitler-Bibliothek // Deutsche Rundschau 80, 1954, 925. Книги находятся в Библиотеке конгресса в Вашингтоне.
 21 Nicholas Goodrick-Clarke, The Occult Roots of Nazism, London 1992, 199.
 22 Эльза Шмидт-Фальк — проф. д-ру Вильфриду Дайму; сообщение проф. Дайма.
 23 Ваньек упоминается в материалах Общества Листа.
 24 Вена, личный архив Дайма. Сообщение свидетельницы, оставшейся неизвестной, д-ру Гансу Бруншлику, согласно письму к проф. Дайму от 12.02.1995.
 25 Jäckel / Kuhn, 187 и 186, «Хофбройхаус» в Мюнхене, 13.08.1920. О том же Гитлер говорил и Отто Штрассеру: «Что у китайцев, что у египтян и прочих о единстве народа не может быть и речи — на туловище низшей расы там сидела нордическая голова; именно она создала все те шедевры, которыми мы сегодня восхищаемся как китайскими или египетскими. Когда этот тонкий нордический слой исчезал с поверхности, как это произошло, например, с приходом маньчжуров, искусство прекращало существовать». Otto Strasser, Aufbau des Deutschen Sozialismus, Prag 1936, 118.
 26 List, (см. примеч. 2), 5.
 27 МК, 421.

- 28 Domarus, 533, речь в Нюрнберге, 14.09.1935.
- 29 Hitler, Reden, III. Teil 2, 487 u. 480. Речь на собрании НСДАП в Мюнхене 29.11.1929.
- 30 Jäckel / Kuhn, 908f., Мюнхен, 20.04.1923.
- 31 Gerhard Bredel, Der Führer über die Juden, München 1943, 64.
- 32 Guido von List, Der Wiederaufbau von Carnuntum, Wien 1900.
- 33 Всевысказывания Эльзы Шмидт-Фальк цитируются по записи разговора 22.02.1959 в Розенхайме, сделанной проф. д-ром Вильфридом Даймом по памяти; личный архив Дайма, Вена.
- 34 Wilfried Daim, Der Mann, der Hitler die Idee gab, Wien 19914, 288. Мюнхен, участковый суд, протоколы Комиссии по денацификации, дело Эльзы Шмидт-Фальк, 25.03.1947. Изыскания провел д-р Ганс Бруншлик из Отобрунна в Баварии для проф. В. Дайма. Автор выражает благодарность проф. Дайму за информацию и за любезное разрешение ознакомиться с имеющимися у него материалами.
- 36 Berlin VA, личные дела Имперской палаты печати.
- 37 Guido von List, Der Unbesiegbare, Wien 1898, 23.
- 38 Там же, 12.
- 39 Там же, 7.
- 40 Там же, 9f.
- 41 Там же, 19f.
- 42 Friezt Wiedemann, Der Mann, der Feldherr werden wollte, Velbert 1964, 205.
- 43 МК, 73.
- 44 Domarus, 606, речь в Мюнхене, 14.03.1936.
- 45 Domarus, 700, речь в Регенсбурге, 06.06.1937.
- 46 Domarus, 606, речь в Вюрцбурге, 27.06.1937.
- 47 List, (см. примеч. 7), 179.
- 48 Gustave Le Bon, Psychologie der Massen, Leipzig, 1908, 58.
- 49 Otto Dietrich, 12 Jahre mit Hitler, München 1955, 58.
- 50 Domarus, 568f., речь в Берлине, 25.01.2936.
- Ланц фон Либенфельс*
- 1 Ekkerhard Hieronimus, Lanz von Liebenfels. Eine Bibliographie, Toppenstedt 1991, 12.
- 2 Guido List, Die Bilderschrift der Ario-Germanen, Wien 1910, 285 u. Abb. 376.
- 3 Согласно данным архива отдела регистрации по месту жительства, Хоффенрайхи были католиками. Однако, по свидетельству их родственника Георга Фишера, в соответствии с расовыми законами Третьего рейха «арийцами» не считались.
- 4 Wien StLA, архив отдела регистрации по месту жительства.
- 5 AdT, 01.04.1908, «Bismarck und Schönerer».
- 6 Например: Katholizismus wider Jesuitismus, Frankfurt a. M. 1903, 84 S.
- 7 AdT, 17.01.1909.
- 8 AdT, 30.01.1909.
- 9 AdT, 17.01.1909.
- 10 Guido von List, Die Namen der Völkerstämme Germaniens und deren Deutung, Wien, 1909.
- 11 Hieronimus, (см. примеч. 1), 14.
- 12 J. Lanz-Liebenfels, Charakterbeurteilung nach der Schädelform // Ostara, 1910, 7.
- 13 Hieronimus, (см. примеч. 1), 36f.
- 14 Lanz von Liebenfels, Die geheime Prostitution der „Anständigen“ ... // Deutsche Hochschul-Stimmen aus der Ostmark, 23.04.1910, 4ff.
- 15 J. Lanz-Liebenfels, Über das Wesen des Rasse // Deutsche Hochschul-Stimmen aus der Ostmark, 15.01.1910, 3f.
- 16 J. Lanz-Liebenfels, Der Gefangene von Potsdam // AdT, 17.08.1911, 1f.
- 17 J. Lanz-Liebenfels, Die deutsche Studentenschaft und das deutsche Weib // Deutsche Hochschul-Stimmen aus der Ostmark, 11.12.1909, 3f.
- 18 J. Lanz-Liebenfels, Die rassenwirtschaftliche Lösung des sexuellen Problems // Ostara, 1909, 1.
- 19 J. Lanz-Liebenfels, Die Komik der Frauenrechtlerei, eine heitere Chronik der Weiberwirtschaft // Ostara Nr. 44, Rodaun, 1911, 2.
- 20 J. Lanz-Liebenfels, Rasse und Weib und seine Vorliebe für den Mann der minderen Artung // Ostara Nr.21, März 1908, 15.
- 21 Deutsche Hochschul-Stimmen aus der Ostmark, 05.02.1910, 3f.
- 22 UDW, Hartung 1912, 187ff.
- 23 J. Lanz-Liebenfels, Die Blondinen als Schöpfer der Sprachen // Ostara, 1911.
- 24 Die Fackel, Sept. 1913, 44–46.
- 25 Daim, 151.
- 26 Die Fackel, 29.10.1913, 6f.
- 27 Вашингтон, Библиотека Конгресса, библиотека Гитлера, по микрофильму описи фондов в архиве: München IfZ.
- 28 Peter Emil Becker, Zur Geschichte der Rassenhygiene. Wege ins Dritte Reich, Stuttgart 1988, 384.
- 29 F. Dietrich, Jörg Lanz v. Liebenfels — 60 Jahre, Wien 1932, 143.
- 30 Вена, личный архив Фишера. Записи Луджи Хоффенрайха о его отце Людвиге Хоффенрайхе и Георге Ланце от 03.08.1966.
- 31 Daim, 27f.
- 32 Daim, 279.
- 33 Личный архив Дайма, письмо д-ра Бруншлика от 12.01.1995, Вена.
- 34 Так называется книга Дайма.
- 35 МК, 357.
- 36 Jäckel / Kuhn, 531, 16.12.1921.
- 37 МК, 396ff.
- 38 München IfZ, MA 744, пилотный номер газеты «Ляйб-унд-Лебен»
- 39 Reinard Spitzzy, So haben wir das Reich verspielt, München 1986, 131.
- Ганс Гольдцир*
- 1 Wagener, 466.
- 2 Th. Newest (Hans Goldzier), Einige Weltprobleme, 7. Teil: Abgründe der Wissenschaft, Wien 1911, 9.
- 3 Th. Newest, Einige Weltprobleme, 4. Teil: Vom Kometentzug zur Wirklichkeit der letzten Dinge, Wien 1906, 12.
- 4 Th. Newest, Weltprobleme, 6. Teil: Vom Zweck zum Ursprung des organischen Lebens, Wien 1908, 136f.
- 5 Там же, 138.
- 6 München IfZ, ED 60/2, Otto Wagener, Heft 9, 528.
- 7 Th. Newest, (см. примеч. 4), 141ff. u. 192.
- 8 Wien StLA, архив отдела регистрации по месту жительства. В архиве отдела регистрации Бадена сведения о Гольдцире обнаружить не удалось.
- 9 Wagener, 468.

- 1 Hörbigers Glacial-Kosmogonie. Eine neue Entwicklungsgeschichte des Weltalls und des Sonnensystems, hg. v. Philipp Fauth, Kaiserslautern 1913, VII u. XI.
- 2 Rudolf John Corsleben, Welteislehre und Edda. Der Schlüssel zu Weltgeschehen // Zeitschrift für Freunde des Welteislehre, 1926, 209f.
- 3 Monologe, 233, 25./26.01.1942.
- 4 Egon Friedell, Kulturgeschichte der Neuzeit, Erstauflage ab 1927, Neuauflage München 1974, 1500f.
- 5 Monologe, 233, 25./26.01.1942.
- 6 Monologe, 285ff., 20./21.2.1942.
- 7 Первая строка стихотворения Христиана Геллерта из сборника «Духовные оды и песни» (1757). Первые две строфы стихотворения отсылают к Псалму 19 (2–6) в переводе Мартина Лютера: «Die Himmel erzählen die Ehre Gottes, und die Feste verkündigt seiner Hände Werk» и далее. — «Небеса рассказывают (о) славе Бога, и (о) деянии рук Его повествует свод (небесный)» и далее. (Теилим, Псалом 19.) Стихотворение получило известность благодаря Бетховену, положившему его на музыку в 1803 г. (Opus 48, 4); одна из самых известных духовных песен. — *Прим. переводчика.*
- 8 Linz OÖLA, политические документы, коробка 49. Протоколы гаулейтера Айгрубера о докладах Гитлеру 1941–1943 гг., 27.04.1942, Мюнхен.
- 9 Brigitte Nagel, Die Welteislehre. Ihre Geschichte und ihre Bedeutung im Dritten Reich // Medizin,

- Naturwissenschaft, Technik und Nationalsozialismus, hg. v. Christoph Meinel u. Peter Voswinckel, Stuttgart 1994, 166–172.
- 10 Otto Strasser, Der Aufbau des deutschen Sozialismus, Prag 1936, 132.
 - 11 По свидетельству Элизабет Орт, внучки Хёрбигера.

Отто Вейнингер

- 1 Вейнингер О. Пол и характер / Пер. В. Лихтенштадта. — Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс». 1998. С. 445.
- 2 Там же, С. 478–479.
- 3 Там же, С. 454–455.
- 4 Там же, С. 456.
- 5 Jacques Le Rider, Otto Weininger als Anti-Freud // Katalog Traum und Wirklichkeit, Wien 1985, 248ff.
- 6 Вейнингер О. Указ. соч., С. 346.
- 7 Там же, С. 430.
- 8 Там же, С. 132.
- 9 Там же, С. 437.
- 10 Там же, С. 488–489.
- 11 Arthur Trebitsch, Geist und Judentum, Wien 1919, 209.
- 12 Die Fackel, 17.10.1903.
- 13 Monologe, 148, 01./02.12.1941.
- 14 Frank, 313.
- 15 Jäckel / Kuhn, 199, 13.08.1920.

Артур Требич

- 1 Richard Wagner, Das Kunstwerk der Zukunft // ders., Ges. Werke, 157.
- 2 Walter Warlimont, Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939 bis 1945, Frankfurt a. Main 1964, 401.
- 3 NNZ, 1909, Nr. 4, 9.

- 4 Arthur Trebitsch, Geist und Judentum, Wien 1919, 174.
- 5 Die Fackel, 08.05.1913, 44f.
- 6 Roderich Müller-Guttenbrunn, Der brennende Mensch. Das geistige Vermächtnis von Arthur Trebitsch, Leipzig 1930, 132.
- 7 Там же, 189.
- 8 Trebitsch, (см. примеч. 4), 238f.
- 9 Theodor Lessing, Der jüdische Selbsthass, Berlin 1930, 119f.; из новых исследований на ту же тему см.: Sander L. Gilman, Jüdischer Selbsthass. Antisemitismus und die verborgene Sprache der Juden, Frankfurt a. Main 1993.
- 10 Müller-Guttenbrunn, (см. примеч. 6), 322f.
- 11 München IfZ, ED 209/34, N. Heiden, Manuskript S. 17.
- 12 Dietrich Eckart, Der Bolschewismus von Moses bis Lenin, München 1925, 31 u. 54.
- 13 Friedrich Heer, Der Glaube des Adolf Hitler, München 1968, 167f., согласно письму барона Фалька фон Гагерна Хееру от 10.01.1968 г.. Родившийся в 1912 году барон утверждал в 1995 г. в разговоре с автором книги, что его отец Фридрих дружил с Требичем. По его словам, в 1926 г. Требич еще находился в Мюнхене и позже весьма нелицеприятно отзывался об окружении Гитлера, в первую очередь о Георге Штрассере, называя подозрительных ему людей опасными и «объевреившимися».

Венский вклад в мировоззрение Гитлера

- 1 Chamberlain, I. Bd., VIIIff.
- 2 Speer, Tagebücher, 95.
- 3 МК, 371.

- 4 МК, 201.
- 5 Jäckel / Kuhn, 887, речь в Мюнхене 15.04.1923.
- 6 Goebbels, Tagebücher, Teil II, Bd. 7, München 1993, 295f., 08.02.1943.

8. Политические кумиры

Вождь Георг Шённерер

- 1 МК, 106.
- 2 Приверженцы Шённерера назвали его «вождь» — «der Führer», а заголовок статьи «Да здравствует вождь!» звучит в оригинале как «Heil dem Führer!». Однако слова «фюрер» и «хайль» закрепились в русском языке исключительно за Гитлером и национал-социалистами. — *Прим. переводчика.*
- 3 AdT, 17.07.1909
- 4 AdT, 21.07.1909.
- 5 Wien AK, Sondernummer 100. Geburtstag 1942.
- 6 Pichl, I; (Herwig), Georg Schönerer, Wien 1912, 70, речь 18.12.1878.
- 7 Wien NöLA, N. Mescerny von Tsoor / Schönerer Kt. 20, Zwettl, 07.01.1879.
- 8 Там же, Ottenschlag, 06.01.1879.
- 9 Там же, Wien, 08.01.1879.
- 10 Там же, Wien, 14.01.1879.
- 11 (Anonym), Wien und die Wiener. Schilderung eines fahrenden Gesellen, Berlin 1893, 135.
- 12 Pichl, I, 162.
- 13 Pichl, II, 240ff.
- 14 Pichl, IV, 586ff.
- 15 StP HdA, 12.02.1884.
- 16 Архив Штайна (см. примеч. 2 в разделе «Франц Штайн»), листовка с антисемитскими высказываниями знаменитых людей.
- 17 Pichl, II, 2, 28.04.1887.

- 18 Эдуард Фрауенфельд о Шёнерере в: Wiener Neueste Nachrichten, 26.09.1942, 2.
- 19 Arthur Schnitzler, Jugend in Wien, München 1971, 138.
- 20 AdT, 11.04.1908, 1, «Ein bedeutsames Gedenkfest».
- 21 В 1898 г. в Боденбахе; Pichl, VI, 198.
- 22 Pichl, VI, 196.
- 23 Georg Schönerer, Die deutsche Selbstentmannung. Rede im Reichsrat am 05.11.1906, Sonderdruck.
- 24 Цит. по: A. Ciller, Deutscher Sozialismus in den Sudetenländern und der Ostmark, Hamburg 1943, 53.
- 25 Pichl, V, 153.
- 26 Deutsche Hochschulstimmen aus der Ostmark, 01.01.1910, 8.
- 27 Виктор Лишка в газете «Альдойчес Тагблатт» по поводу исключения Карла Иро в 1913 г.; Pichl, V, 332.
- 28 UDW, 16.01.1893, Briefkasten.
- 29 Pichl, II, 429.
- 30 Цитата, часто использовавшаяся в антисемитских листовках и пангерманских календарях.
- 31 Pichl, II, 31.
- 32 Wien ААК, документы по Шёнерере, копия работы Э. Пихля (Eduard Pichl, Schönerer und Wien, 1942).
- 33 Georg Schönerer, Rede über die Presse, 24.02.1888, Sonderdruck Wien 1888.
- 34 NWT, 19.11.1884; Brigitte Hamann, Rudolf. Kronprinz und Rebell, Wien 1978, 405.
- 35 Там же, 191.
- 36 Там же.
- 37 МК, 56f.
- 38 Pichl, I, 145, выступление в Рейхсрате 18.03.1887.
- 39 Scheicher, Bd. IV, 371.
- 40 Hamann (см. примеч. 33), 408ff.
- 41 NWT, 24.22.1897.
- 42 Призыв Шёнерера в ноябре 1989 г., напечатан в: UDW, 16. Nebelungs 1898, обширные цитаты также в: AdT, 17. Hartungs 1909.
- 43 Pichl, IV, 93.
- 44 Walter Ferber, Die Vorgeschichte der NSDAP in Österreich, Konstanz 1954, 22.
- 45 AdT, 17. Hartungs 1909.
- 46 Pichl, V, 385.
- 47 Ferber (см. примеч. 43), 22f.
- 48 Pichl, VI, 195.
- 49 МК, 127f.
- 50 МК, 133.
- 51 Kubizek, 1. Fassung, 42f.
- 52 Гитлер — Фрицу Шефферу 07.12.1929 в: Hitler Reden, Bd. III, Teil 2, 510.
- 53 AdT, 08.01.1909, 2.
- 54 МК, 116ff.
- 55 МК, 103f.
- 56 МК, 106 f.
- 57 МК, 99.
- 58 Jäckel / Kuhn, 999, выступление 05.09.1923 в Мюнхене.
- 59 МК, 128.
- 60 Helmut Heiber, Walter Frank und sein Reichsinstitut für Geschichte des neuen Deutschlands, Stuttgart 1966, 356. Первые четыре тома вышли до 1923 г. под псевдонимом Хервиг (Herwig).
- 61 Harald Tichy, Franz Stein ein großdeutscher Kämpfer, Krems 1942, 13f.
- 62 Архив Штайна, частная собственность.
- 63 Архив Штайна, флайер выставки.

Франц Штайн и пангерманское рабочее движение

- 1 AdT, 01.04.1888.
- 2 Источников и литературы о Штайне крайне мало. Его архив затерялся в 1980-е годы. Автору с большим трудом удалось обнаружить небольшую часть архива — личные документы, письма и фотографии — у одного венского старьевщика. Далее цитируется как: Архив Штайна.
- 3 Hammer-Jahrbuch für 1911, hg. v. Franz Stein, 178.
- 4 Pichl, VI, 230.
- 5 Архив Штайна, машинописная рукопись воспоминаний, без даты, с. 11 и далее.
- 6 München IfZ, Fa 88/Fsz. 166, воспоминания Евгения Хауга.
- 7 МК, 9.
- 8 Программа неоднократно цитировалась в изданиях «Дер Хаммер» и «Хаммер-Ярбух» («Молот. Ежегодник»).
- 9 См.: Alois Ciller, Deutscher Sozialismus in den Sudetenländern und der Ostmark, Hamburg 1943, 62.
- 10 Выступление 07.12.1905, напечатано в: AdT, 10.12.1905, Sonderdruck.
- 11 Там же.
- 12 Pichl, V, 192, выступление 27.04.1906.
- 13 WienAVA, N. Pichl, Kt. 75; Franz Stein, Die Unterschiede zwischen Anschauungen der deutschvölkischen und sozialdemokratischen Arbeiterschaft. Nachdruck der Rede im sudetendeutschen Gablonz 1899.
- 14 AZ, 18.03.1908.

- 15 Hammer-Jahrbuch 1913, 13.
- 16 Der Hammer, 15. Nebelungs (November) 1909.
- 17 StP HdA, 07.12.1905, напечатано в: AdT, 10.12.1905 и во многих более поздних специальных номерах.
- 18 Picker, 206, 08.04.1942.
- 19 Ciller (см. примеч. 9), 30.
- 20 Программа Немецкой рабочей партии 1904 года, см.: Ciller, 135.
- 21 Ciller (см. примеч. 9), 28.
- 22 Andrew G. Whiteside, Nationaler Sozialismus in Österreich vor 1918, in: VjZg 1961, 340ff.
- 23 Reginald H. Phelps, Die Hitler-Bibliothek // Deutsche Rundschau, Baden-Baden 1954, 928.
- 24 Wien AdR, переписка Бюркеля 99/183.
- 25 Koblenz BA, NS 10, 14.04.1937.
- 26 Berlin BA, личное дело Штайна; также в Архиве Штайна.
- 27 NTW, 24.07.1943.

Немецкий радикал Карл Герман Вольф

- 1 NTW, 18.06.1941, цит. по: Clemens Weber, Karl Hermann Wolf, masch. Diss. Wien 1975, 357.
- 2 Koblenz BA, NS 26/64, «Meine Begegnung mit Hitler».
- 3 VB, 18.06.1941.
- 4 Domarus, 1724.
- 5 Deutsche Wacht, 08.08.1886, цит. по: Weber (см. примеч. 1), 23.
- 6 Max von Millenkovich-Morold, Vom Abend zum Morgen. Aus dem alten Österreich ins neue Deutschland. Leipzig, 1940, 145.
- 7 Robert Einhart, Im Dienste des alten Österreich, Wien, 1958, 85.
- 8 Weber (см. примеч. 1), 133.
- 9 ODR, 13.07.1897; Weber (см. примеч. 1), 132.

- 10 Einhart (см. примеч. 7), 85.
 11 Friedrich Austerlitz, Von Schwarzrotgold bis Schwarzgelb, Wien 1911, 10.
 12 Engelbert Pernerstorfer, Von Schönerer bis Wolf // Der Kampf, 01.6.1911.
 13 DVB für Galizien, 02.12.1910, 1f.
 14 NWT, 13.05.1913.
 15 Weber (см. примеч. 1), 233f.
 16 AZ, 16.10.1908, 3.
 17 Цит. по: Pulzer, 174.
 18 Deutsche Volks-Zeitung (Reichenberg), 29.10.1886; Weber (см. примеч. 1), 34.
 19 Прелат Шайхер в NöL от 28.04.1893; StP NöL, 444.
 20 DVB für Galizien, 24.09.1909, 1f.
 21 StP HdA, 363 заседание 11.12.1905, 32869–32873.
 22 Заседание палаты депутатов 04.11.1897; Weber (см. примеч. 1), 105.
 23 ODR, 28.01.1894, «Gründet deutschnationale Tischgesellschaften!»
 24 ODR, 31.05.1908.
 25 Призыв союза «Немецкие соотечественники», из частной коллекции.
 26 NWJ, 02.12.1908.
 27 StP HdA, 22.01.1909, 8446ff.
 28 AdT, 23.02.1908.
 29 NIK, 24.11.1908.
 30 StP HdA, 03.12.1908, 7688.
 31 Somary, 24.
 32 Стефан Цвейг. Вчерашний мир / Пер. Г. Кагана. М.: Радуга, 1991, С. 90.
- Народный трибун д-р Карл Люэгер*
 1 МК, 58.
 2 Franz Stauracz, Dr. Karl Lueger. 10 Jahre Bürgermeister, Wien 1907, 189.
- 3 МК, 58.
 4 МК, 58.
 5 Monologe, 153, 17.12.1941.
 6 DVB, 04.07.1908, 1, «Wien und die Tschechen».
 7 AZ, 11.03.1910, Аустерлиц «Некролог Люэгера».
 8 Monologe, 153, 17.12.1941.
 9 МК, 74.
 10 МК, 133.
 11 Monologe, 153, 17.12.1941.
 12 Picker, 300.
 13 Erich Graf Kielmansegg, Kaiserhaus, Staatsmänner und Politiker, Wien 1966, 390.
 14 Hitler, Reden, III, Teil 2, 146, речь 03.04.1929.
 15 Kielmansegg (см. примеч. 13), 391.
 16 Scheicher, IV, 410.
 17 Scheicher, IV, 414.
 18 Scheicher, IV, 417.
 19 Аустерлиц в: AZ, 11.03.1910.
 20 МК, 109.
 21 Данные согласно: IWE, 04.01.1908.
 22 Stauracz (см. примеч. 2), 77.
 23 Monologe, 153, 17.12.1941.
 24 WSMZ, 6.4.1908.
 25 NIK, 12.9.1908.
 26 NIK, 29.11.1908.
 27 NWT, 27.10.1908.
 28 В Вене никогда не было «обер-бургомистра», только «бургомистр», эта ошибка явно допущена составителем протокола, а не Гитлером.
 29 Picker, 300, 15.04.1942.
 30 Kielmansegg (см. примеч. 13), 365.
 31 МК, 130.
 32 Koblenz BA, R 18/5018, Франц Штайн «Шёнерер и Люэгер».
 33 StP HdA, 13.02.1890, 13385 u. 13388.
 34 Пауль фон Пахер 15.10.1896, цит. по: Clemens Weber, Karl Hermann

- Wolf, masch. Diss. Wien, 1975, 103.
 35 Friedrich Funder, Von Gestern ins Heute, Wien 1952, 145.
 36 NFP, 02.04.1895.
 37 Felix Salten, Das österreichische Antlitz, Berlin o. J. (1909), 135 f.
 38 Там же, 137.
 39 Hugo von Hofmannsthal, Buch der Freunde, Leipzig 1922, 74.
 40 Marianne Beskiba, Aus meiner Erinnerungen an Dr. Karl Lueger, Wien o. J., 6f.
 41 Salten (см. примеч. 37), 132f.
 42 Max von Millenkovich-Morold, Vom Abend zum Morgen. Leipzig, 1940, 227f..
 43 Феликс Зальтен «Открытие памятника в Вене», в: NFP, 19.09.1926.,
 44 МК, 116.
 45 МК, 107.
 46 МК, 197f.
 47 МК, 52.
 48 МК, 534.
 49 Alfred Stein, Adolf Hitler und Gustave le Bon // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, Stuttgart 1955, 362–368.
 50 Theodor Herzl, Zionistisches Tagebuch, Berlin 1983, 65. О «венском трио» (Шёнерер, Люэгер, Герцль) см.: Шорске К. Э. Вена на рубеже веков: политика и культура / Пер. с англ. под ред. М.В. Рейзина. — СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2001. — 512 с.
 51 StP HdA, 13.02.1890, 13391.
 52 Kielmansegg (см. примеч. 13), 401.
 53 StP NöL, 28.04.1893, 447, депутат Эрнст Шнайдер.
 54 Dr. Karl Lueger, Rede, gehalten in Wien am 20.07.1899, St. Pölten 1899, 25f.
 55 StP HdA, 26.05.1894, 14622f.
- 56 Salten (см. примеч. 37), 132.
 57 StP HdA, 06.05.1898.
 58 Rudolf Kuppe, Karl Lueger und seine Zeit, Wien 1933, 215f.
 59 Например, в г. Колин. См.: WSMZ, 21.04.1913, 4.
 60 StP HdA, 13.02.1890, 13386–13393.
 61 Там же.
 62 Scheicher, Bd. V, 141f.
 63 Scheicher, Bd. IV, 153.
 64 Felix Braun, Das Licht der Welt, Wien 1949, 135.
 65 Bukowinaer Volksblatt, 12.07.1908, цитируется Штраухером:
 Dr. Stracher, StP HdA, 15.07.1908, 11788f.
 66 Kielmansegg (см. примеч. 13), 382.
 67 Sigmund Mayer, Die Wiener Juden, Wien 1917, 475.
 68 Sigmund Mayer, Ein jüdischer Kaufmann, Leipzig 1911, 296 u. 298f.
 69 Arthur Schnitzler, Jugend in Wien, München 1971, 129. Показательно, что на немецком языке до сих пор не существует научной биографии Люэгера. Работа Ричарда Гира, созданная на основе источников, на немецкий не переведена. См.: Richard S. Geehr, Mayor of fin de siècle Vienna, Detroit, 1990.
 70 Monologe, 152f., 17.12.1941.
 71 МК, 131f.
 72 Gemeindezeitung, 08.01.1889, цит. по: Brigitte Hamann, Rudolf. Kronprinz und Rebell, Wien 1978, 413.
 73 МК, 108ff.
 74 МК, 130.
 75 Kielmansegg (см. примеч. 13), 386.
 76 P. Heinrich Abel, SJ, «Wetterleuchten. Meteorologische Schwankungen in der

- religiös-politischen Atmosphäre Österreichs», Wien 1909.
- 77 Peter G. J. Pulzer, Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich 1867–1814, Gütersloh 1966, 58.
- 78 P. Abel, SJ, Männerwallfahrten nach Mariazell, Wien 1907, 219, праздничная проповедь, июль 1906 г.
- 79 P. Abel, SJ, Zurück zum praktischen Christentum!, Broschüre der Reichspost, Wien 1895, 87.
- 80 Geehr (см. примеч. 69), 219f.
- 81 Brigitte Hamann, Eduard Sueß als liberaler Politiker // Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse, 422 Bd., Wien 1983, 79–100, hier 94.
- 82 Ein Leben für Kunst und Volksbildung, Erinnerungen Eduard Leischings, hg. v. Robert Kann u. Peter Leisching, Wien 1978, 66f. u. 138.
- 83 Joseph Scheicher, Aus dem Jahre 1920. Ein Traum, St. Pölten 1900, 63.
- 84 Там же, 76.
- 85 Там же, 88.
- 86 Там же.
- 87 Там же, 41.
- 88 Там же, 61f.
- 89 AZ, 05.06.1908, 3.
- 90 DVB, 08.12.1905, 8.
- 91 WSMZ, 06.04.1908.
- 92 МК, 107.
- 93 Reden, St. Pölten 1899, 32.
- 94 DVB, 19.01.1908, 5.
- 95 IKZ, 31.1.1909.
- 96 Kielmansegg (см. примеч. 13), 308, 403.
- 97 Например, AZ, 18.06.1911, 21.
- 98 DVB, 01.06.1911, 4.
- 99 BBN, 21.07.1912, 5.
- 100 SJSW für 1908, Wien 1910, 832.
- 101 Monologe, 73f., 01.10.1941.
- 102 Kokoschka, 59.
- 103 Monika Gletter, Die Wiener Tschechen um 1900, Wien 1972, 293ff.
- 104 Reichspost, 19.19.1909, 2.
- 105 Цит. по: Gletter, 31.
- 106 МК, 59.
- 107 Bonn PA, Österreich 70, Чиршки — Бюлову, 11.02.1909.
- 108 Franz Stauracz, Dr. Karl Lueger. 10 Jahre Bürgermeister, Wien 1907.
- 109 Bonn PA, Österreich 86, Nr. 2, 15.03.1910.
- 110 МК, 132f.
- 111 AZ, 11.03.1910.
- 112 МК, 133 f.
- 113 МК, 110.
- 114 МК, 106.
- 115 Monologe, 153, 17.12.1941.
- 116 Kubizek, 113.
- 117 Kubizek, 297.
- 118 Hitler, Zweites Buch, 95f.
- 119 МК, 129.
- 120 Goebbels, Tagebücher, Teil II, Bd. 3, München 1994, 473, 15.03.1941.

9. Чехи в Вене

- 1 Urbanitsch, 90.
- 2 NWB-Kalender 1913, 64.
- 3 Urbanitsch, 54.
- 4 Friedrich Prinz, Geschichte Böhmens 1848–1948, Frankfurt a. M. 1991, 221.
- 5 Bonn AA PA, Österreich 70, совершенно секретно, Брокдорф-Ранцау, 26.08.1909.
- 6 Urbanitsch, Tabelle 1.
- 7 МК, 101.

- 8 Anton Schubert, Das Deutschtum im Wirtschaftshaushalte Österreichs, Teil II, Reichenberg 1906, 220.
- 9 Там же, 235.
- 10 UDW, 19.03. u. 01.03.1908.
- 11 Коерпен, 34. Правильно: «императорско-королевских чиновников», так как Гитлер очевидно имеет в виду западную часть империи, Цислейтанию.
- 12 Пикер пишет, что «из 1880 императорских и королевских чиновников... 1630 были чехами и всего лишь 170 — немцами». Picker, 198, 05.04.1941.
- 13 См.: Michale John, Albert Lichtblau, Schmelztiegel Wien eins und jetzt, Wien 1990, 19.
- 14 Otruba, 237.
- 15 Eduard Sueß, Erinnerungen, Leipzig 1916, 38.
- 16 Monika Gletter, Die Wiener Tschechen um 1900, Wien 1972, 41ff.
- 17 AdT, 17.08.1909.
- 18 BBN, 28.07.1912, 2, «Der deutsche Charakter Wiens bedroht».
- 19 Der Hammer, 15.10.1909.
- 20 Gletter, 341.
- 21 IKZ, 22.08.1909.
- 22 AdT, 17.06.1908.
- 23 AdT, 16.01.1909, «Der deutsche Charakter Wiens».
- 24 Wien AVA, MdI Präs. N. Öst. 1909–1910, Karton 22, Nr. 2824/7, 13.08.1909.
- 25 StP NÖL, 09.10.1909.
- 26 StP HdA, 26.11.1909, 493.
- 27 Prager Tagblatt, 25.09.1909.
- 28 Reichspost, 09.10.1909.
- 29 IKZ, 12.08.1909.
- 30 AZ, 13.08.1909.
- 31 IKZ, 14.08.1909.
- 32 IKZ, 13.08.1909.
- 33 AdT, 17.08.1909.
- 34 AdT, 17.08.1909.
- 35 VB, 10.04.1938, Beilage, 10f.
- 36 Gletter, 298.
- 37 Gletter, 306. Люнденбург, ныне Бржецлав в Чехии, расположен примерно в 80 км от Вены. — *Прим. переводчика.*
- 38 DVB, 19.01.1911, 1.
- 39 NFP, 09.08.1909; AdT, 10.08.1909.
- 40 NFP, 09.08.1909.
- 41 DVB für Galizien, 01.07.1910, 4.
- 42 Gletter, 302.
- 43 StP NÖL, 16.09.1909, 306; Карл Зайц был с 1923 по 1934 г. бургомистром Вены.
- 44 Nowa Reforma, 09.10.1909, Цит. по: DVB für Galizien, 05.11.1909, 1.
- 45 AZ, 15.08.1909.
- 46 IKZ, 08.10.1909.
- 47 Этот запутанный случай подробно рассмотрен в: Gletter, 338ff.
- 48 Viktor Adler, Briefwechsel mit August Bebel und Karl Kautsky, Wien 1954, 508.
- 49 Bonn AA PA, Österreich 91, A 17109, Wien, 10,10,1911.
- 50 Ludwig Brügel, Geschichte der österreichischer Sozialdemokratie, 5. Bd., Wien 1925, 41.
- 51 BBN, 07.03.1913, 1–3.
- 52 Hans Mommsen, Die Sozialdemokratie und die Nationalitätenfrage im habsburgischen Vielvölkerstaat, Wien 1963, 413.
- 53 Adler (см. примеч. 48), 352, Вена, 01.06.1901.
- 54 Из архива Каутского, цит. по: Mommsen, 110, 15.08.1911.
- 55 Geschichte des Sozialismus hd. v. Jacques Droz, Bd. IV, Frankfurt a. M. 1975, 124.

- 56 Der Hammer, 16.02.1909. 4 Jakob Wassermann, Mein Weg als
57 Письмо Германа Бара, цит. по: Brigitte Deutscher und Jude, Berlin 1921,
Hamann, Bertha von Suttner. Ein 102f.
Leben für den Frieden. München 5 Leo Goldhammer, Die Juden Wiens.
1986, 473f. Eine statistische Studie, Wien 1927,
37f.
58 StP HdA, 04.02.1909, 8583ff. 6 Jakob Thon, Die Juden in Österreich,
59 StP HdA, 17.12.1908, 8183f. hg. v. Bureau für Statistik der
60 Deutsche Hochschul-Stimmen aus Juden, Berlin 1908, 102.
der Ostmark, 27.11.1909, 4.
61 AdT, 10.08.1910, 3. 7 Goldhammer (см. примеч. 5), 40.
62 Автор благодарит за это сообщение 8 Hans Tietze, Die Juden Wiens,
князя Карла Шварценберга. Wien 1933, 212.
63 Monologe, 216, 22.01.1942. 9 R. Granichstaedten-Cerva /
64 Heiber, 228f., Борман — J. Mentschl / G. Otruba,
Ламмерсу, 28.01.1941. Altösterreichische Unternehmer,
65 МК, 119. Wien 1969, 40f.
66 Urbanitsch, 67. 10 Hermann Bahr, Austriaca, Wien
67 Deutsche Hochschul-Stimmen aus 1911, 123.
der Ostmark, 20.11.1909. 11 Alfred Roller, Die Bildnisse Gustav
68 Kubizek, 297f. Mahlers, Leipzig 1922, 25.
69 Guido List, Die Bilderschrift der 12 Goldhammer (см. примеч. 5), 17f.
Ario-Germanen, Wien 1910, 49. 13 StP HdA, 20.06.1908.
70 Kubizek, 188. 14 NNZ, 15.01.1909.
71 Monologe, 227f., 25.01.1942. 15 Theodor Billroth, Über das Lehren
72 Koeppen, 43, 06.10.1941. und Lernen der medizinischen
73 Monologe, 216, «Волчьё логово», Wissenschaften an den
22.01.1942. Universitäten der deutschen
74 МК, 428. Nation, Wien 1876, 153f. Бильрот
75 Коеппен, 06.10.1941. был неприятно удивлен мощью
76 Heiber, 219; согласно докладу поднятой им волны антисемитиз-
Министерству иностранных дел, ма, пытался, хотя и безуспешно,
05.10.1940. дистанцироваться от этого движе-
77 Picker, 321f., 20.05.1942. ния и вступил позже в Союз борь-
78 Коеппен, 31, 01.10.1941. бы с антисемитизмом.
79 Monologe, 405, 25.06.1943. 16 N. Stein, Zitatsammlung zur
Vorbereitung der Schönerer-
Ausstellung 1942.
17 Klaus Hödl, Als Bettler in die
Leopoldstadt, Wien 1994, 39.
18 NWJ, 02.12.1908, 3.
19 Запись в дневнике эрцгерцогини
от 28.07.1887, цит. по: Brigitte
Hamann, Rudolf. Kronprinz und
Rebell, Wien 1978, 404f.
- 20 BBN, 22.12.1912, 1.
21 (Anonym), Wien und die Wiener.
Schilderungen eines fahrenden
Gesellen, Berlin 1893, 128. 39
22 ÖVP, 07.08.1910, 1, «Das Hausier- 40
verbot und die Judenpresse».
23 МК, 59.
24 Jahrbuch für deutsche Frauen und 41
Mädchen, hg. v. Karl Iro, Wien 42
1904, 78. Hödl (см. примеч. 17), 121.
25 Sigmund Mayer, Ein jüdischer 43
Kaufmann, Leipzig 1911, 343. Wassermann, 107f.
26 Hödl (см. примеч. 17), 68. 44
27 Anna Staudacher, Die Aktion Wassermann, 119.
>Girondo<. Zur Geschichte der 45
internationalen Mädchenhandels in Йозеф Рот, Дороги еврейских ски-
Österreich-Ungarn um 1885 // Das таний / Пер. А. Шибаровой. М.:
Weib existiert nicht für sich, hg. v. Текст 2011, С. 139–140.
Heide Dienst u. Edith Saurer, Wien 46
1990, 97ff. Max Nordau, Der Zionismus und
seine Gegner // Die Welt, Wien, 20.05.1898, 1.
28 Josef Schrank, Der Mädchenhandel 47
und seine Bekämpfung, Wien 1904, Wassermann, 110.
71. Рот (см. примеч. 45), С. 35–36.
29 Там же, 37f. 48
30 Цит. по: Hödl (см. примеч. 17), 68. 49
31 NNZ, 01.01.1909. Max Nordau, Zionismus und
32 Hödl (см. примеч. 17), 91. Antisemitismus // Die Welt, Juli
33 Bertha Pappenheim / Sara 1899, Nr. 30, 4.
Rabinowitsch, Zur Lage der 50
jüdischen Bevölkerung in Galizien. Nordau (см. примеч. 46), 1f.
Reise-Eindrücke und Vorschläge 51
zur Besserung der Verhältnisse, Gerald Stourzh, Die
Frankfurt a.M. 1904. Gleichberechtigung
34 Mayer (см. примеч. 25), 326ff. der Volksstämme als
35 МК, 63. Verfassungsprinzip 1848–1918,
36 StP HdA, 20.06.1908, 6119. цит. по: Urbanitsch, 1037.
37 StP HdA, 20.06.1908, цит. по: 52
Brigitte Hamann, Der Verein zur Nordau (см. примеч. 50).
Abwehr des Antisemitismus // Die 53
Macht der Bilder. Katalog, hg. v. Karl Kraus, Eine Krone für Zion,
Jüdischen Museum der Stadt Wien, Wien 1898.
Wien 1995, 253ff. 54
38 Anton Schubert, Das Deutschtum im Nordau (см. примеч. 50).
Wirtschaftshaushalte Österreichs, 55
МК, 60f.
56
57 Vrba, 338.
58 Vrba, 344.
59 Helga Riesinger, Leben und Werk 56
des Österreichischen Politikers 57
Wilhelm Ellenbogen, masch. Diss. Vrba, 314f.
Wien 1969, 32f. 58
60 DVB, 06.12.1905, 1. Helga Riesinger, Leben und Werk
61 DVB, 06.12.1905, 6. des Österreichischen Politikers
62 DVB, 08.12.1905, 2. Wilhelm Ellenbogen, masch. Diss.
63 DVB, 08.12.1905, 3. Wien 1969, 32f.

10. Евреи в Вене

- 1 DVB, 17.09.1895, 7.
2 Urbanitsch, 57.
3 Rudolf Vrba, Die Revolution in
Rußland, Prag 1906, Bd. I, 316.

64 StP HdA, 27.03.1906, 35688f.
 65 Vrba, 216.
 66 Vrba, 238.
 67 Vrba, 210.
 68 Vrba, 211.
 69 Vrba, 222.
 70 Vrba, 330.
 71 Согласно VB, 15./16.04.1923, Jäckel 888.
 72 DVB, 09.01.1908, 1.
 73 Ludwig Brügel, Geschichte der Österreichischen Sozialdemokratie, 5. Bd., Wien 1925, 97.
 74 Вальтер Ратенау в газете «Нойе фрайе прессе» от 25.12.1909.
 75 BBN, 10.05.1912, 4f.
 76 ODR, 04.07.1908.
 77 Der deutsche Eisenbahner, 10.11.1908, 4f., «Zur Judenfrage».
 78 Domarus, 1868, 26.04.1942, на последнем заседании Великогерманского рейхстага.
 79 МК, 70.
 80 МК, 46.
 81 Speer, Tagebücher, 530.
 82 МК, 69.
 83 МК, 59.
 84 МК, 59f.
 85 МК, 60.
 86 МК, 64.
 87 Свидетельство Марианны Копплер.
 88 Dr. Eduard Bloch, as told to J. D. Ratcliff, My Patient, Hitler. II, Colliers, 22.03.1941, 69.
 89 Speer, 112.
 90 Smith, 150.
 91 Wagener, 343.
 92 Wagener, 144.
 93 МК, 69.
 94 Speer, Tagebücher, 531.
 95 Adolf Hitlers drei Testamente, hg. v. Gert Sudholt, Leoni o. J., 10.
 96 МК, 781.
 97 МК, 225.

Экскурс: Два примера

1 Kubizek, 285f. Кубичек также упоминает некоего Графа и некоего Гризера, однако их установить не удалось — слишком распространенные имена, и дополнительные данные отсутствуют.
 2 Wien StLA, планы района Хайлигенштадт и главный земельный кадастр.
 3 Свидетельство проф. д-ра Марии Яходы в разговоре с автором в 1994 году в Суссексе. Мария Яхода умерла в 2001 г. — *Прим. переводчика.*
 4 Wien StLA, архив отдела регистрации по месту жительства.
 5 Kubizek, 285.
 6 Kubizek, 286.
 7 Wien StLA; Согласно материалам судебного дела по установлению имущества и наследников, он умер, не оставив имущества.
 8 München BHStA, Slg. Personen 12.659.
 9 Wien AdR, архив министерства финансов, Отдел управления имуществом, дело об аризации Моргенштерна. Отдел управления имуществом (Vermögensverkehrsstelle, VVSt) — подразделение, созданное в австрийском Министерстве труда и хозяйства после «аншлюса» в 1938 году. Занималось «аризацией» предприятий, принадлежащих евреям, и конфискацией иного имущества евреев. — *Прим. переводчика.*
 10 München BHStA, Slg. Personen 12.659, протокол, записанный по памяти, от 24.03.1937 у адвоката д-ра Артура Кульки.

11 Супруга обойщика Пихлер также знала, что Гитлер поставлял рисунки в основном евреям. В 1938 году, когда Центральный архив НСДАП попросил ее помочь в дальнейшем розыске картин Гитлера, она заметила: «Весьма неприятно, что сегодня ими, скорее всего, владеют евреи». (Koblenz BA, NS 26/20). «Дом трех скороходов» на первом из трех упоминаемых рисунков получил свое название по расположенному в нем магазину деликатесов «У трех скороходов»; в 1911 г. он уже тоже не существовал. На его месте в 1909–1911 гг. был построен знаменитый дом Лооса. — *Прим. переводчика.*
 12 Согласно данным архива регистрации по месту жительства, д-р Файнгольд родился в 1878 году в Вене, иудей, женат. Согласно адресной книге Лемана за 1910 год, он проживал тогда в районе Леопольдштадт по адресу: Кляйне Шиффгассе 5, его контора находилась по адресу: Рауенштайнгассе 5. Непосредственно перед эмиграцией во Францию в 1938 году он проживал в 3-м районе по адресу: Беатриксгассе 6/1/9.
 13 В 1930-е годы, когда начались поиски картин Гитлера, у Файнгольда их уже не было. Работы в конторе стало мало, ненужные теперь картины он раздарил, например, четыре из них отдал дочери своего парикмахера, восхищавшейся национал-социалистами. По свидетельству парикмахера Мока в 1936 году для Архива НСДАП, на них были изображены венские виды: старые ворота Шёнбруннского

парка, район «Ратценштадль», дворец Ауэрсперга и старое здание Бургтеатра на площади Михаэлерплатц; все рисунки были подписаны «А. Гитлер». (Koblenz BA, NS 26/28). Файнгольд ничего не рассказал о Гитлере любопытному интервьюеру. Согласно данным архива отдела регистрации, он покинул Вену 4 августа 1938 года в направлении Франции.
 14 Wien AdR, архив министерства финансов, Отдел управления имуществом, Gew. 2.755, Kr. 216, дело об аризации Самуэля Моргенштерна.
 15 Там же.
 16 Kubizek, 329.
 17 Wien AStW, архив отдела регистрации по месту жительства.
 18 Wien AdR, архив министерства финансов, Отдел управления имуществом.
 19 Oskar Rosenfeld, Wozu noch Welt. Aufzeichnungen aus dem Getto Lodz, Frankfurt a. M. 1994, 19f.
 20 МК, 59f.
 21 Wien StLA, протокол решения суда о признании Самуэля Моргенштерна умершим, от 29.11.1945.
 22 Wien StLA, протокол решения суда о признании Эммы Моргенштерн умершей.
 23 Lucjan Dobroszycki, Die Juden von Wien im Getto von Lodz 1941–1944 // Jüdisches Echo, Wien 1984, 133ff.
 24 Wien StLA, протокол решения суда о признании Эммы Моргенштерн умершей.

11. Юный Гитлер и женщины

- 1 Kubizek, 130.
2 Kubizek, 278.
3 Kubizek, 275.
4 Monologe, 231, 25./26.01.1942.
5 Свидетельство Кубичека в: Jetzinger, 239.
6 Kubizek, 189f. В первом варианте воспоминаний Кубичека об этом периоде говорится гораздо меньше и сдержаннее.
7 Kubizek, 230.
8 Kubizek, 285.
9 Kubizek, 194f.
10 Kubizek, 276.
11 Kubizek, 284.
12 Свидетельство Марианны Копплер.
13 Reinhold Hanisch, I was Hitler's Buddy // The New Republic, 19.04.1939, 297.
14 Maurice Samuelson, Post von Hitler // Die Presse, 14.05.1994.
15 Свидетельство Марианны Копплер.
16 Schroeder, 152–156.
17 Wien StLA, архив отдела регистрации по месту жительства.
18 Свидетельство Марианны Копплер.
19 Maser, 310.
20 Стефан Цвейг. Вчерашний мир / Пер. Г. Кагана. М.: Радуга, 1991, С. 103.
21 Там же.
22 Там же, С. 108.
23 Н. Montane, Die Prostitution in Wien, Wien 1925, 170ff.
24 Kubizek, 282f.
25 Linz OÖLA, материалы по Этцингеру, письмо Кубичека от 06.05.1949.
26 Kubizek, 278.
- 27 E. Peters, Ist die Prostitution eine gesundheitliche Notwendigkeit? // UDW, Brachmond 1911, Heft 3, 47ff.
28 Lanz-Liebenfels, Die geheime Prostitution der >Anständigen<, 2. Teil // Deutsche Hochschul-Stimmen aus der Ostmark, 30. Ostermond (April) 1910, 3ff.
29 Kubizek, 286.
30 Friedrich Funder, Vom Gestern ins Heute, Wien 1952, 111.
31 Harriet Anderson, »Mir wird immer unmöglicher, die Männer als Feinde der Frauensache zu betrachten« // Das Weib existiert nicht für sich, hg. v. Heide Dienst u. Edith Saurer, Wien 1990 (Österreichische Texte zur Gesellschaftskritik, Bd. 48), 197.
32 UDW, Ostermond 1908, Nr. 25 u. 24, Theodor Fritsch, Frauen-Frage II. u. I. Teil.
33 UDW, Ostermond 1909, Heft 1, 15.
34 Der Hammer, 1. Herbstmond 1908, «Frauenarbeit! — Männerarbeit!»
35 Die Frauen und die Politik // Der Hammer, 1. Heuerts (Juli) 1912, 97ff.
36 Harald Arjuna Grävell van Jostenood, Völkische Richtlinien für unsere Zukunft // Ostara, Juli 1906, 11.
37 Domarus, 531f., речь в Нюрнберге 13.09.1935.
38 Jahrbuch für deutsche Frauen und Mädchen, hg. v. Karl Iro, Wien 1904, 76: «Über Mädchen-Turnen»; 94: «Fort mit dem Korsett!»
39 Jörg Lanz von Liebenfels, Rassenbewußtlose und rassenbewußte Lebens- und Liebeskunst, ein Brevier für die reife blonde Jugend // Ostara, Rodaun 1912.
- 40 MK, 458.
41 Ein Wörtlein zur deutschen Mädchenerziehung // UDW, Hartung 1911, Heft 10, 190f.
42 Die Zeit, 15.06.1911, 3.
43 Waltraud Heindl, Zur Entwicklung des Frauenstudiums in Österreich // Durch Erkenntnis zu Freiheit und Glück, hg. v. Waltraud Heindl u. Marina Tichy, Wien 1990 (Schriftenreihe des Universitätsarchivs Universität Wien, 5. Bd.), 17–26.
44 Waltraud Heindl, Die konfessionellen Verhältnisse. Jüdische und katholische Studentinnen // Там же, 140.
45 Uto von Melzer, Deutsches Frauenleben // Jahrbuch (см. примеч. 38), 74f.
46 Jörg Lanz von Liebenfels, Die Komik der Frauenrechtlerei // Ostara 44, Rodaun 1911, 2.
47 Lanz von Liebenfels, Die deutsche Studentenschaft und das deutsche Weib // Deutsche Hochschul-Stimmen aus der Ostmark, 11.12.1909, 3.
48 Die Frauen und die Politik // Der Hammer, 1. Heuerts (Juli) 1912, 99f.
49 Domarus, 450, речь от 05.09.1934.
50 Domarus, 451, 08.09.1934.
51 Fr. Siebert, Alld deutsches zur Frauenbewegung // UDW; Ostermond 1911, 2.
52 ÖVP, 12.03.1911, 2.
53 BBN, 01.06.1912, 3.
54 Der Hammer, 15. Brachmond (Juni) 1912, 93.
55 A. Lichtenstettiner, Ein Beitrag zur Frauenwahlrechtsfrage // Der Hammer, 15.6.1912, Titel 1ff.
56 UDW, Ostermond 1908, 24.
57 Picker, 205f., 08.04.1942.
- 58 MK, 460.
59 AZ, 04.06.1908, 4.
60 Siebert (см. примеч. 51), 1ff.
61 Jahrbuch für deutsche Frauen und Mädchen, hg. v. Karl Iro, Wien 1904, 82.
62 Domarus, 451, выступление перед членами Национал-социалистической женской организации, 08.09.1934.
63 MK, 275.
64 Franz Stauracz, Dr. Karl Lueger, Wien 1907, 51.
65 Marianne Beskiba, Aus meinen Erinnerungen an Dr. Karl Lueger, Selbstverlag, Wien o.J. (1911), 77.
66 Там же, 24f.
67 Schroeder, 152.
68 Hans Severus Ziegler, Adolf Hitler aus dem Erleben dargestellt, Göttingen 1965, 10.
69 Например, камердинер Гитлера: Karl-Wilhelm Krause, Zehn Jahre Tag und Nacht, Hamburg o.J. (1949), 35; Friedelind Wagner, Nacht über Bayreuth, Köln 1946, 195; и другие.
70 Krause, там же, 52f.
71 Monologe, 316, 10./11.03.1942.

12. Накануне Великой войны

- 1 (Anonymus), Mein Freund Hitler // Moravsky ilustrovany zpravodaj, 1935, Nr. 40 (на чешском).
2 Wien StLA, архив отдела регистрации по месту жительства.
3 8. Jahresbericht... für 1913, Wien 1914, 2 u. 6.
4 Karl Honisch, Protokoll; Koblenz BA NS26/17a.

- 5 Hansotto Hatzig, Bertha von Suttner und Karl May // Jahrbuch der Karl-May-Gesellschaft 1971, 252.
- 6 Brigitte Hamann, Bertha von Suttner. Ein Leben für Frieden, München 1986, 485f.
- 7 Ekkehard Bartsch. Karl Mays Wiener Rede // Jahrbuch der Karl-May-Gesellschaft 1970, 50f. u. 55f.
- 8 Bertha von Suttner, Einige Worte über Karl May // Die Zeit, 05.04.1912.
- 9 NFP, 23.03.1912.
- 10 Fremdenblatt, 23.03.1912.
- 11 Otto Dietrich, Zwölf Jahre mit Hitler, München 1955, 164.
- 12 Hans Severus Ziegler, Adolf Hitler aus dem Erleben dargestellt, Göttingen 1965, 77.
- 13 Speer, 523f.
- 14 Brigitte Hamann, Bertha von Suttner und Alfred Hermann Fried // The Nobel Prize and the Laureates. The Meaning and Acceptance of the Nobel Peace Prize in the Prize Winner's Countries, hg. v. Karl Hoff u. Anne C. Kjelling, Frankfurt 1994, 83–93.
- 15 BBN, 10.05.1012.
- 16 Adolf Harpf, Die Zeit des ewigen Friedens... // Ostara, Wien 1908, 4ff., 7. u. 11.
- 17 MK, 438.
- 18 Hitler, Reden Schriften Anordnungen Februar 1925 bis Januar 1933, Bd. III, Teil 2, 195, 29.10.1929.
- 19 Zweites Buch, 132.
- 20 Ludwig Brügel, Geschichte der österreichischer Sozialdemokratie, 5. Bd., Wien 1925, 119.
- 21 Helga Riesinger, Leben und Werk des österreichischen Politikers Wilhelm Ellenbogen, masch. Diss. Wien 1969, 74.
- 22 BBN, 10.11.1912, 2f.
- 23 Brügel (см. примеч. 20), 121.
- 24 DVB für Galizien, 08.10.1909, 4.
- 25 Charmatz, 107f.
- 26 Kubizek, 307, 19.07.1909, Jetzinger, 205, 19.08.1908.
- 27 Picker, 347, 02.06.1942.
- 28 DVB, 02.07.1908, «Kriegsphantasien».
- 29 NWJ, 3.3.1912, статья «Авиабезумие» из газеты «Эксельсьор» в переводе и с комментарием Берты фон Зутнер.
- 30 Bertha von Suttner, Die Barbarisierung der Luft, Berlin 1912, 7.
- 31 Там же, 12.
- 32 WSMZ, 07.04.1913.
- 33 AZ, 20.01.1910, подробнее см.: Kandl, 119.
- 34 Lagebesprechungen im Führerhauptquartier, hg. v. Helmut Heiber, München 1963, 235f., 20.05.1943.
- 35 StP HdA, 17.12.1908, 8183f.
- 36 MK, 135.
- 37 Danzer's Armee-Zeitung, 07.01.1909.
- 38 MK, 141.
- 39 MK, 142f.
- 40 München BHStA, Hss. N. Sexau, копия 21.03.1909.
- 41 AdT, 03.05.1912.
- 42 Zweites Buch, 91.
- 43 Hitler, Reden, Bd. III, 2. Teil, 254, в суде низшей инстанции в Мюнхене 07.05.1929.
- 44 MK, 175.
- 45 Monologe, 77, 10./11.10.1941.
- 46 Domarus, 1090.
- 47 Jäckel / Kuhn, 526, письмо от 29.11.1921.
- 48 Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler, hg. v. Andreas Hillgruber, 2. Teil, Frankfurt a. M. 1970, 260, разговор с Хорти 17.04.1943 в замке Клессхайм под Зальцбургом.
- 49 Hammer-Jahrbuch 1913, 134ff.
- 50 Paul Molisch, Geschichte der deutschnationalen Bewegung in Österreich, Jena 1926, 230.
- 51 Pichl, V, 357, Виктор Лиска в газете «Альдойчес Тагблатт».
- 52 Urbanitsch, 109f.
- 53 AdT, 10. Hornungs 1909, «Leiden eines k.u.k. Soldaten».
- 54 AdT, 28.03.1910.
- 55 (Anton Schubert), Das Deutschtum im Wirtschaftshaushalte Österreichs, 2. Teil: Die Abgabenleistungen der Deutschen im Österreich an den Staat, Reichenberg 1906, 209.
- 56 МК, 75.
- 57 Эта история впервые изложена и подтверждена документами в: Jetzinger, 254ff.
- 58 Jäckel / Kuhn, 54, письмо из Мюнхена от 21.01.1914 в линцский магистрат. Данные подтверждены в ходе проверки, проведенной Венским федеральным управлением полиции по запросу Федерального ведомства канцлера от 13.03.1932; KoblenzBA, NS 26/18.
- 59 Hitler, Reden, Bd. III, Teil 2, 150. Мюнхен, 03.04.1929.
- 60 Например, AdT, 227, март 1908 г., «Aus dem Schuldbuche des Zölibats». В оригинале — «Klösterreich», что выражает негативное отношение к засилью католицизма; здесь можно увидеть соединение слов «Klöster» (монастыри) и «Reich» (империя),
- либо слияние слова «Klöster» (монастыри) с немецким названием Австрии (Österreich).
- 61 Wien StLA, свидетельства о регистрации по месту жительства Хойслера. Рассказы Хойслера цитируются в изложении его дочери Марианны Копплер при разговоре с автором книги 21.01.1996. Автор выражает благодарность проф. д-ру Петеру Чендесу за помощь в розыске дочери Хойслера.
- 62 Из заполненного Хойслером опросника Германского трудового фронта от 09.10.1919, цит. по: Joachimsthaler, 81.
- 63 Wien ThM Hofoper, репертуар мая 1913 г. Речь, видимо, идет о спектакле в понедельник, 05.05.1913.
- 64 Факсимиле напечатано в: Werner Maser, Sturm auf die Republik, Düsseldorf 1994. Документ из проданного с аукциона архива Анни Винтер, домоправительницы Гитлера, которая в 1945 году забрала с собой содержимое письменного стола Гитлера. (Maser 546, Anm. 12).
- 65 МК, 137.
- 66 В 1945 году эти картины находились в Бергхофе среди личных ценных вещей, затем их отправили в Боцен на шести грузовиках в сопровождении госпожи Борман и ее двенадцати детей. В 1946 году госпожа Борман умерла в Боцене, и след картин затерялся (München IfZ, ZS 2238). 18 картин всплыли в 1984 году во Флоренции на выставке из наследия итальянского министра Сивiero.
- 67 Maser, 92.
- 68 Monologe, 115, 29.10.1941.
- 69 МК, 138.

- 70 Joachimsthaler, 18.
 71 Koblenz BA, NS 26/17a.
 72 Личный архив Марианны Кошpler.
 73 Monologe, 25.01.1942, 227.
 74 Joachimsthaler, 80. Лишь в 1966 году Йозеф Попп упомянул в разговоре с Мазером (Maser, 118) своего второго квартиросъемщика, правда, не называя имени Хойслера. Попп сказал, что Гитлер и второй жилец каждый вечер вели политические дискуссии, и последний съехал, потому что не смог этого вынести.
 75 Jetzinger, 258, приводится факсимиле прошения от 19.01.1914.
 76 Joachimsthaler, 81.
 77 МК, 13.
 78 Hanisch.
 79 МК, 135f.
 80 МК, 178.
 81 МК, 179.
 82 Wien AdR, BMfI Zl. 204.787–33/68. Копия дела из Австрийского военного архива, MS Allg. 483. Поводом для проверки стал начатый по инициативе Гитлера процесс об оскорблении чести и достоинства против двух редакторов, назвавших его уклонистом.
 83 München BHStA, Slg. Rehse Nr. 1124.
 84 Копия прошения в: Jetzinger, 273.
 85 München BHStA, N. Hitler.
 86 Kubizek, 43 u. 203.
 87 Lagebesprechungen (см. примеч. 34), 862.
 88 Domarus, 641 u. 643.
 89 МК, 136f.
 90 МК, 409.

Список сокращений

AdT	газета «Альдойчес Тагблатт» (пангерманская)	NIK	газета «Нойе Иллюстрирте Кроненцайтунг» (независимая, бульварная)
AHVK	Архив Академии изобразительных искусств	NNZ	газета «Нойе Националь-Цайтунг» (сионистская)
AVA	Всеобщий административный архив, Вена	NÖL	ландтаг Нижней Австрии
AZ	газета «Арбайтерцайтунг» (социал-демократическая)	NWB	газета «Нойгкайтсвельтблатт»
BA	Федеральный архив	NWJ	газета «Нойес Винер Журналь» (либеральная)
BBN	газета «Бригиттенауер Бециркс-Нахрихтен» (христианско-социальная)	NWT	газета «Нойес Винер Тагблатт» (либеральная)
DVB	газета «Дойчес Фольксблатт» (христианско-социальная, немецко-националистическая)	ODR	газета «Остдойче Рундschau» (с 1902 г. немецко-радикальная)
HdA	Палата депутатов	OÖLA	архив земли Верхняя Австрия
HJStG	Исторический ежегодник, г. Грац	ÖVP	газета «Остеррайхише Фолькс-Прессе»
HJStL	Исторический ежегодник, г. Линц	SJSW	Статистический ежегодник, г. Вена
hss.	рукопись	StA	Городской архив
IKZ	газета «Иллюстрирте Кронен-Цайтунг»	StLA	Городской и земельный архив
IWE	газета «Иллюстриртес Винер Экстраблатт»	StP	стенограммы протоколов
masch. Diss.	машинописная диссертация	UDW	журнал «Унферфельште Дойче Ворте» (пангерманский)
МК	Adolf Hitler, Mein Kampf, одностомное издание	VB	газета «Фёлькишер Beobachter»
N.	наследие	VjZg	«Ежеквартальный журнал современной истории» (Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte)
NA	Национальный архив	WSMZ	газета «Винер Зонн-унд-Монтагсцайтунг» (либеральная)
NFP	газета «Нойе Фрайе Прессе» (либеральная)		

Список архивов

Berlin BA Федеральный архив, бывший Берлинский документационный центр, различные личные дела

Bonn BA PA Федеральный архив, архив министерства иностранных дел, политический архив, доклады немецкого посольства в Вене и проч.

Koblenz BA Федеральный архив, партийный архив НСДАП и проч.

Linz OÖLA Архив земли Нижняя Австрия, материалы по Етцингеру, протоколы Айгрубера и проч.

Linz StA Городской архив Линца, дневник архивариуса Фердинанда Краковицера, отчеты городского совета и проч.

München BHStA Баварский государственный архив, наследие Гитлера, части собрания Резе и проч.

München IfZ Архив Института современной истории, различные свидетельства очевидцев, записи Кёппена и проч.

Senftenegg Архив замка Зенфтенэгг, Нижняя Австрия, архив Карла Фридриха фон Франка

Washington NA Национальный архив, доклады американского посланника в Вене, материалы по Гитлеру и проч.

Wien AAK Архив Рабочей палаты г. Вена, личные дела

Wien AdR Республиканский архив, архив министерства финансов, дела об аризации, корреспонденция Бюркеля

Wien ANBK Архив Академии изобразительных искусств

Wien AVA Общий архив городской администрации, архив министерства внутренних дел, архив Пихля (Шёнерер) и проч.

Wien StLA Городской и земельный архив Вены, архив отдела регистрации по месту жительства, протоколы решения суда о признании умершими и проч.

Wien ThM Театральный музей, программы театров, архив Роллера и проч.

Список часто цитируемых источников и научной литературы

Anonymus Mein Freund Hitler // Moravsky ilustrovany zpravodaj, 1935, Nr. 40, S. 10f.

Binion Rudolph Binion, »... daß ihr mich gefunden habt«. Hitler und die Deutschen, Stuttgart 1978.

Bloch Dr. Eduard Bloch, as told to J. D. Ratcliff, My Patient Hitler // Collier's 15. u. 22.03.1941.

Daim Wilfried Daim, Der Mann, der Hitler die Ideen gab. Jörg Lanz von Liebenfels, geänderte Neuauflage. Wien 1994.

Domarus Max Domarus, Hitler, Reden und Proklamationen 1932–1945, München 1962.

Frank Hans Frank, Im Angesicht des Galgens, München 1953.

Giesler Hermann Giesler, Ein anderer Hitler, Leoni² 1977.

Glettler Monika Glettler, Die Wiener Tschechen um 1900. Strukturanalyse einer nationalen Minderheit in der Großstadt, Wien 1972.

Goebbels Tagebücher Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Im Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte und in Verbindung mit dem Bundesarchiv hg. v. Elke Fröhlich. Teil I: Sämtliche Fragmente. 4 Bände, München 1987ff.

Goebbels Tagebücher Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Im Auftrag

des Instituts für Zeitgeschichte und mit Unterstützung des Staatliches Archivdienstes Rußlands hg. v. Elke Fröhlich. Teil II: Diktate 1941–1945, München 1993ff.

Häusler Свидетельства дочери Хойслера Марианны Копплер в разговорах с автором книги

Hamann, Rudolf Brigitte Hamann, Rudolf. Kronprinz und Rebell, Wien 1978.

Hamann, Suttner Brigitte Hamann, Bertha von Suttner. Ein Leben für den Frieden, München 1986.

Hanisch Reinhold Hanisch, I was Hitler's Buddy // The New Republic, 05., 12. u. 19.04.1939.

Heiber Beatrice u. Helmut Heiber, Die Rückseite des Hakenkreuzes, München 1993.

Heiden Konrad Heiden, Adolf Hitler, 2 Bde., Zürich 1936/37.

Hitler, Reden Adolf Hitler, Reden Schriften, Anordnungen, hg. v. Institut für Zeitgeschichte, München 1993ff.

Honisch Karl Honisch, протокол от 12.05.1939, Koblenz BA, NS 26/17a

Jäckel / Kuhn Hitler. Sämtliche Aufzeichnungen 1905–1924, hg. v. Eberhard Jäckel u. Axel Kuhn, Stuttgart 1980 (Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte, Bd. 21)

Jetzinger Franz Jetzinger, Hitlers Jugend, Wien 1956.
Joachimsthaler A. Joachimsthaler, Korrektur einer Biographie. Adolf Hitler 1908–1920, München 1989.
Kandl Eleonore Kandl, Hitlers Österreichbild, masch. Diss. Wien 1963.
Kielmansegg Erich Graf Kielmansegg, Kaiserhaus, Staatsmänner und Politiker, Wien 1966.
Koeppe Записи штандартенфюрера СА Фр. Вернера Кёппена, München HZ, Fa 514
Kokoschka Oskar Kokoschka, Mein Leben, München 1971.
Krackowizer Ferdinand Krackowizer, hss. Tagebuch, Linz StA.
Kubizek August Kubizek, Adolf Hitler, Mein Jugendfreund, Graz² 1953.
Kubizek 1. Fassung Linz OÖLA, материалы по Етцингеру, первый, машинописный вариант воспоминаний Кубичека.
Maser Werner Maser, Adolf Hitler, München 1971.
Mommsen Hans Mommsen, Die Sozialdemokratie und die Nationalitätenfrage im habsburgischen Vielvölkerstaat 1867–1907, Wien 1963 (Veröffentlichungen der Arbeitsgemeinschaft für Geschichte der Arbeiterbewegung in Österreich 1).
Monologe Adolf Hitler. Monologe im Führerhauptquartier 1941–1944. Die Aufzeichnungen Heinrich Heims, hg. v. Werner Jochmann, Hamburg 1980.
Otruba Gustav Otruba / Ludwig Rutschka / Sigfrid Ludwig, Die Herkunft der Wiener Bevölkerung // Jahrbuch des Vereins der Geschichte der Stadt Wien, Bd. 13, Wien 1957.
Pichl Eduard Pichl, Georg Schönerer, 6 Bde; Тома 1–4 изданы под псевдонимом »Herwig« в 1912, 1913, 1914 и 1923 гг.

в Вене, тома 5 и 6 под настоящим именем автора — Эдуард Пихль (Eduard Pichl) в Ольденбурге в 1938 г.
Picker Henry Picker, Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier, Frankfurt/Berlin 1951, переиздание — 1993 г.
Price Billy Price, Adolf Hitler als Maler und Zeichner, Zug 1983.
Pulzer Peter G. J. Pulzer, Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich 1867–1914, Gütersloh 1966.
Saiten Felix Saiten, Das österreichische Antlitz, Berlin o. J. (1909)
Scheicher Josef Scheicher, Erlebnisse und Erinnerungen, 6 Bde., Wien o. J.
Schroeder Christa Schroeder, Er war mein Chef, München 1985.
Smith Bradley F. Smith, Adolf Hitler. His Family, Childhood and Youth, Stanford 1967.
Somary Felix Somary, Erinnerungen aus meinem Leben, Zürich o.J. (1955)
Speer Albert Speer, Erinnerungen, Frankfurt a. M. 1969.
Speer, Tagebücher Albert Speer, Spandauer Tagebücher, Berlin 1975.
Urbanitsch Peter Urbanitsch, Die Deutschen in Österreich // Die Habsburgermonarchie 1948–1918, hg. v. Adam Wandruszka u. Peter Urbanitsch. Bd. III: Die Völker des Reiches, Wien 1980, 33–153.
Vrba Rudolf Vrba, Die Revolution in Rußland, Prag 1906.
Wagener Hitler aus nächster Nähe. Aufzeichnungen eines Vertrauten 1929–1932, hg. v. H. A. Turner, Berlin 1978.
Wassermann Jakob Wassermann, Mein Weg als Deutscher und Jude, Berlin 1921.
Zweites Buch Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928, Stuttgart 1961.

Указатель имен

- А** «Аноним» («Аноним из Брюнна») Абелес, Вильгельм
 Абель, Генрих
 Абрахамович, Давид фон
 Августа Виктория, германская императрица
 Адлер, Виктор
 Адлер, Фридрих
 Айгрубер, Август
 Александр II, российский император
 Альбах-Ретти, Роза
 Альбрехт, Флориан
 Альт, Рудольф фон
 Альтенберг, Адель
 Альтенберг, Зента
 Альтенберг, Моисей
 Альтенберг, Петер
 Альтенберг, Сара
 Альтенберг, Якоб
 Альтенберг, Якоб (Жак) мл.
 Андерсен, Робин Кристиан
 Анценгрубер, Людвиг
 Арендт, Бенно фон
 Арминий (Герман)
 Арнет, Альфред фон
 Аустерлиц, Фридрих
 Ауэрсберг, Карл фон
- Б** Бадени, Казимир фон
 Бар, Герман
 Бар-Мильденбург, Анна
 Бауэр, Отто
 Бахер, Рудольф
 Бебель, Август
 Бек, Макс Владимир фон
 Бекеша, Янош (псевдоним Ганс Хабе)
 Беллегард, Франц фон
 Белоглавец, Герман
 Берг, Альбан
- Бернрайтер, Йозеф
 Бернхард, Томас
 Бескиба, Марианна
 Бетховен, Людвиг ван
 Билинский, Леон фон
 Бильрот, Теодор
 Бинерт-Шмерлинг, Рихард фон
 Бисмарк, Отто фон
 Блерио, Луи
 Блох, Гертруда (в замужестве Крен)
 Блох, Эдуард
 Блох, Эмилия (урожд. Кафка)
 Бляйбтрой, Ренато
 Бодлер, Шарль
 Борман, Мартин
 Брамс, Иоганнес
 Браун, Ева
 Браун, Феликс
 Брукнер, Анто
 Бульвер-Литтон, Эдвард Джордж
 Буривал, Франтишек
 Буршофски, Фердинанд
 Бюлов, Бернхард фон
- В** Вагенер, Отто
 Вагнер, Виланд
 Вагнер, Винифред
 Вагнер, Ева (в замужестве Чемберлен)
 Вагнер, Отто
 Вагнер, Рихард
 Вайденхофер, Эмануэль (собственно Е. Врпутофатель)
 Вайнингер, Отто
 Вайс, Герман
 Вальтер, Бруно (собственно В. Шлезингер)
 Вальтер, Фридрих / Фриц – см.: Ханиш, Райнхольд
 ван Дейк, Антонис

Список иллюстраций

Приложения

814

Примечания

815

Бригитта Хаманн Гитлер в Вене. Портрет диктатора в юности

Издатели:

Александр Иванов

Михаил Котомин

Выпускающий редактор:

Лайма Андерсон

Оформление:

ABCdesign

Компьютерная верстка:

Марина Гришина

Корректор:

??????

Все новости издательства

Ad Marginem на сайте:

www.admarginem.ru

По вопросам оптовой закупки книг издательства

Ad Marginem обращайтесь по телефону:

+7 (499) 763-35-95

или пишите на:

sales@admarginem.ru

ООО «Ад Маргинем Пресс», Резидент ЦТИ «Фабрика»

105082, Москва,

Переведеновский пер., д. 18

тел./факс: +7 (499) 763-35-95

info@admarginem.ru

Отпечатано в

